

ORIENTAL STUDIES. 2020. Vol. 13. Iss. 4

ISSN 2619-0990 (print version)

ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2020. T. 13. № 4

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 27 сентября 2017 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство СМИ ПИ № ФС77-71236

Выходит 6 раз в год

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2020
- © Коллектив авторов, 2020

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk, and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on September 27, 2017.

Certificate of Registration ПИ No. ФC77-71236

Published six times a year.

Founding Institution, Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);

проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);

д-р филол. наук *А. Бирталан*, Университет имени Лоранда Этвёша (Венгрия, г. Будапешт);

акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук, д-р филол. наук *А. А. Бурыкин*, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);

проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);

чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);

д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);

д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);

канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);

д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртыпова*, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);

проф. антропологии *К. Хэмфри*, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж);

д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт восточных культур и античности РГГУ,

Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,

Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);

акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,

Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);

д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);

акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);

д-р ист. наук *Н. Хишигт*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
- Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Dr. Prof. (Philol.) *A. Birtalan*, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol. and Hist.) *A. Burykin*, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation);
- Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
- Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
- Cand. Sc. (Philol.) *D. Muzraeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *G. Pyurbееv*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *S.-Kh. Syrtypova*, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation);
- Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
- Prof. Emeritus (Anthrop.) *C. Humphrey*, University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. Tsendina*, Russian State University for the Humanities, National Research University
Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
- Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Khishigt*, Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translator: *Sanal V. Dzhangrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

Археология	<i>Очир-Горяева М. А.</i> Городища <i>Башанта-I</i> и <i>Башанта-II</i> эпохи Хазарского каганата	830
	<i>Савельев Н. С., Савельева А. Г., Николаев С. Ю.</i> Комплекс находок Нового времени со стоянки Первомайский-1 (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника	843
Всеобщая история	<i>Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.</i> Дальневосточная республика как «колыбель» Монгольской революции (К 100-летию ДВР и Монгольской революции 1921 г.)	866
Отечественная история	<i>Ряжнев А. С.</i> ИскуПЛенный дважды: толмач Ставропольского войска Афанасий Шорин (опыт реконструкции нетипичной биографии крещёного калмыка второй трети XVIII в.)	876
	<i>Псянчин А. В., Хизбуллина Р. З., Зарипова Л. А.</i> История становления метеорологических наблюдений на востоке России и в ряде восточных странах	890
	<i>Манджиев А. К.</i> Развитие рыбной отрасли Калмыкии с 1926 по 1932 год, в годы взятия курса на индустриализацию страны и первой пятилетки	902
	<i>Ахмадиева Н. В.</i> Роль добровольных народных дружин Башкирии в противодействии росту правонарушений в 1960 – первой половине 1980-х гг.	916
	<i>Грайворонский В. В.</i> Монголоведение в Институте востоковедения РАН: современное состояние и перспективы	927
	<i>Дашиева Н. Б.</i> Образ оленя-солнца и этноним бурятского племени Хори	941
	<i>Илимбетова А. Ф.</i> Лиса в фольклоре и религиозно-магической практике башкир	951
Этнология и антропология	<i>Мигранова Э. В., Шангареева Л. Х.</i> К вопросу о традиционных путешествиях и дорожной культуре башкир	961
	<i>Гучинова Э.-Б. М.</i> У каждого своя Сибирь. Годы войны и депортации в монологах Л. Т. Дорджиева и Е. С. Басановой	976
	<i>Хедвиг А. У.</i> «Делая для жизни»: о моральной оценке китайской торговли в Восточной Монголии	1012
	<i>Митруев Б. Л.</i> Гадание посредством Авалокитешвары	1018
Источниковедение	<i>Сыртыпова С.-Х. Б.</i> Автопортрет и Будда Ваджрасаттвы у Дзанабазара	1045
	<i>Яхонтова Н. С.</i> Особенности почерка и орфографии текста «Сутры Белого старца» (шифр В 228(1)) из собрания Института восточных рукописей РАН	1078
Языкознание	<i>Ярмаркина Г. М.</i> Бытовая лексика в деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов)	1092
	<i>Мулаева Н. М.</i> Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар»	1103
	<i>Норманская Ю. В., Гаджиева А. А.</i> Как изменилась форма показателя множественного числа в тюркских языках за последние 150 лет	1121
	<i>Сатанар М. Т.</i> К семиотической интерпретации мифологического образа древа Аал Луук мас в эпосе олонхо	1135
Фольклористика	<i>Саввинова Г. Е.</i> О поэтике олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов	1155
	<i>Дампилова Л. С., Сундуева Е. В.</i> Функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов	1167

CONTENTS

Archaeology	<i>Ochir-Goryaeva M. A.</i> Hillforts of the Khazar Era: Bashanta-I and Bashanta-II	830
	<i>Savelev N. S., Saveleva A. G., Nikolaev S. Yu.</i> Artifacts of the Modern Era from Pervomaisky-1 Site (Southern Trans-Urals): Typology, Chronology and Ethnocultural Affiliation of the Archaeological Monument Revisited	843
General History	<i>Kuras L. V., Tsybenov B. D.</i> Far Eastern Republic as a ‘Cradle’ of the Mongolian Revolution: Celebrating the 100th Anniversaries of the Far Eastern Republic and the Mongolian Revolution of 1921	866
National History	<i>Ryazhev A. S.</i> He Who Was Redeemed Twice: Afanasy Shorin, a Stavropol Host Interpreter. Reconstructing a Non-Typical Biography of the Kalmyk Christian, Second Third of the 18th century	876
	<i>Psyanchin A. V., Hizbullina R. Z., Zaripova L. A.</i> History of meteorological observations in the East of Russia and in a number of Eastern countries	890
	<i>Mandzhiev A. K.</i> Fishing Industry of Kalmykia: 1926–1932	902
	<i>Akhmadieva N. V.</i> Resisting the Increase of Crime, 1960s – Mid-1980s: Impact of Bashkiria-Based Voluntary People’s Guards	916
	<i>Grayvoronskiy V. V.</i> Mongolian Studies at the Institute of Oriental Studies of the RAS: Current State and Prospects	927
	<i>Dashieva N. B.</i> Image of the Deer-Sun and Ethnonym of the Khori Buryats	941
Ethnology & Anthropology	<i>Ilimbetova A. F.</i> Fox in Bashkir Folklore and Religious-Magical Practices	951
	<i>Migranova E. V., Shangaraeva L. Kh.</i> Revisiting Traditional Travel and Road Culture of the Bashkirs	961
	<i>Guchinova E.-B. M.</i> ‘Everyone Has One’s Own Siberia’: Years of War and Deportation in Monologues of Lidzhi T. Dordzhiev and Elizaveta S. Basanova	976
	<i>Hedwig W.</i> ‘Doing it for life’ — on the moral evaluation of Chinese trade in eastern Mongolia	1012
Sources Studies	<i>Mitruev B. L.</i> Avalokiteshvara Dice Divination	1018
	<i>Syrtyanova S.-Kh. D.</i> Zanabazar: Self-Portrait and Buddha Vajrasattva	1045
Linguistics	<i>Yakhontova N. S.</i> <i>The Sutra of the White Old Man</i> (Manuscript Call No. B 228(1), Institute of Oriental Studies of the RAS): Some Features of Handwriting and Orthography Revisited	1078
	<i>Yarmarkina G. M.</i> Kalmyk Household Vocabulary in 18th-Century Official Texts: A Case Study of Khan Ayuka’s Letters and Their Russian Translations	1092
	<i>Mulaeva N. M.</i> Kalmyk Heroic Epic of Jangar: Emotive Verbs	1103
	<i>Normanskaya Yu. V., Gadzhieva A. A.</i> How the plural affix was changed in the Turkic languages over the last 150 years	1121
Folklore Studies	<i>Satanar M. T.</i> The Tree of Aal Luuk Mas: Semiotic Interpretation of the Mythological Image in Olonkho Epic Revisited	1135
	<i>Savvinova G. E.</i> Platon Oyunsky’s Olonkho Nurgun Bootur the Swift and Tuvan Heroic Epics: Poetics Revisited.	1155
	<i>Dampilova L. S., Sundueva E. V.</i> Ceremonial Folklore of Mongolic Peoples: Functions of the Snake Revisited	1167

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 830–842, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-830-842
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-830-842

Городища *Башанта-I* и *Башанта-II* эпохи Хазарского каганата

Мария Александровна Очир-Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очир-Горяева М. А., 2020

Аннотация. *Введение.* В 2008 и в 2015 гг. были открыты два поселенческих памятника эпохи Хазарского каганата, обозначенные *Башанта-I* и *Башанта-II* по названию местности. Совместная археологическая экспедиция Калмыцкого научного центра РАН и Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан под руководством автора статьи ведет планомерные раскопки новых памятников. Работы носят комплексный характер и ведутся с применением методов ГИС. По образцам костей животных получены пять радиоуглеродных дат, дающих основание полагать, что *Башанта-I* и *Башанта-II* являются наиболее ранними на территории домена хазарского кагана. Анализ массового материала — амфор причерноморского типа — подтверждает результаты радиоуглеродного анализа. *Цель* статьи — в краткой обзорной форме рассмотреть новые памятники в сравнении друг с другом и на фоне других городищ эпохи Хазарского каганата. Раскопки городищ ведутся всего несколько сезонов, поэтому все наблюдения носят предварительный характер. *Результаты.* На обоих памятниках вскрыт большими площадями культурный слой. Это позволило выявить на *Башанте-I* остатки каменного здания и цоколь стены, сложенный из крупных блоков ракушечного камня, на протяжении 189 м. Стена ограничивала внешние границы обжитой части памятника. На восточном холме *Башанты-II* обнаружен фрагмент такой же каменной кладки стены, отделявшей центральную часть городища от остальных. С внутренней стороны стены были расположены круглые полуземляные турлучные постройки и многочисленные хозяйственные ямы. Культурный слой на *Башанте-II* содержит, наряду с амфорами, многочисленные фрагменты круговой керамики салтовомаяцкого типа, в то время как фрагменты черепицы не обнаружены. На *Башанте-I* керамика представлена исключительно амфорным боем, фрагменты круговой или лепной керамики пока не обнаружены. На *Башанте-I* вдоль цоколя стены и на месте каменного здания зафиксированы в массовом количестве фрагменты черепицы. Примечательным является то, что черепица была полностью привозной и отличается высоким качеством изготовления,

в то время как на других хазарских городищах черепица была местного производства и найдена в ограниченных количествах. *Выводы.* На основании полученных данных появилась возможность, используя предложенную Г. Е. Афанасьевым типологию памятников Хазарского каганата, определить *Башанту-I* как укрепленную крепость, а *Башанту-II* — как укрепленное городище.

Ключевые слова: Хазарский каганат, эпоха раннего средневековья, крепости, городища, черепица, амфоры причерноморского типа, Башанта, волго-манычские степи

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5) и в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа 2014–2021 годы». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития-II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Очир-Горяева М. А. Городища *Башанта-I* и *Башанта-II* эпохи Хазарского каганата // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 830–842. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-830-842

UDC 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-830-842

Hillforts of the Khazar Era: Bashanta-I and Bashanta-II

Maria A. Ochir-Goryaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Ochir-Goryaeva M. A., 2020

Abstract. Introduction. In 2008 and 2015, two settlements of the Khazar era — referred to as Bashanta-I and Bashanta-II by the name of the locality respectively — were discovered. The joint archaeological expedition of Kalmyk Scientific Center (Russian Academy of Sciences) and Khalikov Institute of Archaeology (Tatarstan Academy of Sciences) headed by Dr. M. Ochir-Goryaeva is systematically exploring the monuments. The comprehensive research efforts involve the use of GIS methods. Analysis of animal bones resulted in five radiocarbon dates that may attest to that Bashanta-I and Bashanta-II are the earliest available sites of the Khazar domain. Further analysis of archaeological materials — Black Sea amphorae — confirms the mentioned radiocarbon-based conclusion. *Goals.* The paper seeks to review the newly discovered monuments comparing them to each other and other hillforts of the Khazar Khaganate. There have been a few excavation seasons only, and the observations are essentially preliminary. *Results.* In both the sites, large areas of cultural layers were opened. In Bashanta-I, this revealed remains of a stone building and a 189 meter long wall base composed of massive shell limestone blocks. The wall delineates the outer border of the once inhabited area. The eastern hill of Bashanta-II contains a similar fragmented wall base that served to separate the central part from the rest of the settlement. The wall encircled a number of round half dugout clay-and-wattle buildings and multiple middens. In Bashanta-II, the cultural layer contains (along with amphorae) numerous Saltovo-Mayaki pottery fragments and no traces of roof tiles. While ceramics of Bashanta-I is represented exclusively by amphorae fragments, and no samples of pottery or molded ceramics have been discovered. However, many fragments of roof tiles are observed along

the wall base and the building area of Bashanta-I. It is noteworthy that all the roof tiles were brought in from offsite, and are distinguished by high quality, while other Khazar hillforts contain only scarce samples of locally-made tiles. *Conclusion.* According to G. Afanasiev's typology, the obtained data make it possible to classify Bashanta-I as a fortress, and Bashanta-II as a fortified settlement.

Keywords: Khazar Khaganate, Early Middle Ages, fortress, hillfort, roof tiles, Black Sea amphorae, Bashanta, Volga-Manych steppe

Acknowledgements. The reported study was funded by federal government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies in Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5) — and State Program of Tatarstan 'Preservation of Tatar National Identity: 2014–2021'. The article was presented at the International scientific online conference 'Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II' funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Ochir-Goryaeva M. A. Hillforts of the Khazar Era: Bashanta-I and Bashanta-II. 2020. Vol. 13(4): 830–842. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-830-842

Введение

Значимым событием в работе калмыцких археологов в последние десятилетия стало открытие двух городищ эпохи Хазарского каганата, названных *Башанта-I* и *Башанта-II*. Они расположены на восточном склоне Ставропольской возвышенности, в Манычско-Егорлыкском междуречье, в Городовиковском районе Республики Калмыкия. Памятники были открыты один за другим: в 2008 г. (*Башанта-I*) и в 2015 г. (*Башанта-II*).

В разные периоды своей истории Хазарский каганат контролировал степные просторы от Черного моря на западе до Аральского моря на востоке, пространства от гор Кавказа на юге до лесов среднего течения рр. Волга и Днепр на севере. Степи нижнего течения рр. Волга и Дон были территорией домена хазарского кагана, то есть в этих землях располагалась его зимняя ставка [Артамонов 1962; Плетнева 1976; Новосельцев 1990].

В лесостепи и степи между реками Волга и Дон, по данным Г. Е. Афанасьева, насчитывается 48 городищ, датирующихся эпохой Хазарского каганата. С помощью ГИС-методов он выделил 6 агломераций крепостей. Первые две (под номерами 1 и 2) расположены на рр. Тихая Сосна и Оскол, они окружены могильниками с захоронениями в катакомбах. Погребенные в них по антропологическому типу связываются с аланами, переселившимися с Северного Кавказа, что подтвердили данные генети-

ческих анализов [Афанасьев 2015: 98–114; Афанасьев 2016: 41–72].

Третья и четвертая агломерации расположены на р. Северский Донец и его притоках, они окружены могильниками с трупосожжениями и ямными труположениями. Среди населения третьей и четвертой агломерации выделяются, по крайней мере, три–четыре этнических компонента, по определению которых высказаны различные предположения: славянский, тюркский, иранский и фино-угорский. Пятая и шестая агломерации расположены в нижнем течении р. Дон, в степной зоне. Эти агломерации, названные Семикаракорской и Цимлянкой, окружены подкурганскими ямными погребениями, образующими плотное скопление из нескольких сотен погребений [Афанасьев 2015: 98–114; Афанасьев 2016: 41–72]. У погребенных под курганами выделяется значительный монголоидный компонент [Батиева 2002: 71–101].

По расположению в доменных владениях кагана степные погребальные памятники идентифицируются всеми исследователями с этническими хазарами. В непосредственной близости к городищам Цимлянской агломерации находятся такие памятники-гиганты, которые остаются нераскопанными, но датируются по подъемному материалу и считаются хазарскими святилищами, как: Цимлянский квадрат, Синий курган и курган Большая Орловка [Флеров 2015: 4–40].

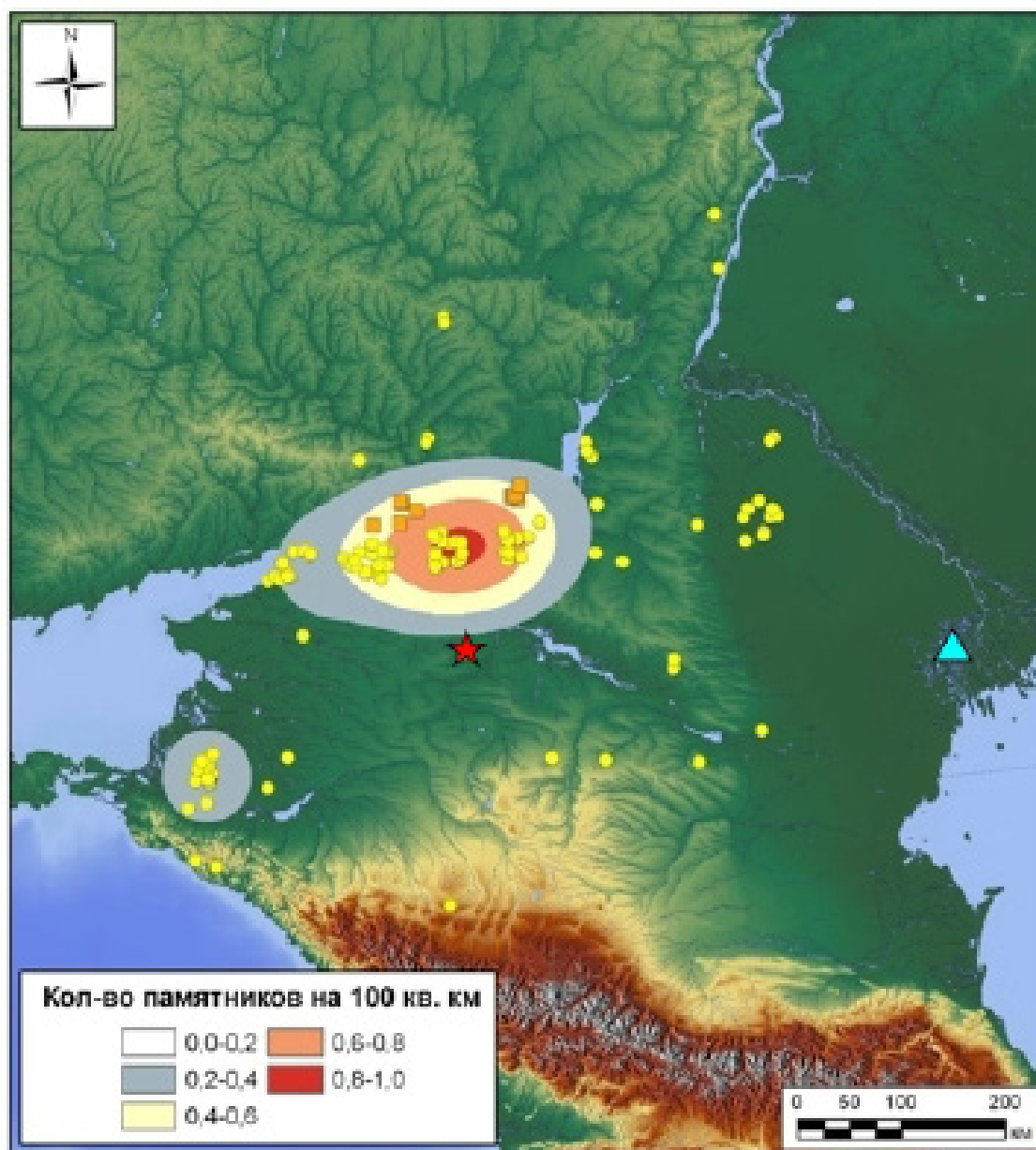

Рис. 1. Городища и подкурганные погребения салтово-маяцкой культуры в Волго-Донском междуречье. А — оборонительные агломерации, Б — плотность ареала подкурганных погребений [Афанасьев 2015: рис. 1]

Дополнение. Звездочка — городища *Башанта-I* и *Башанта-II*,
треугольник — городище *Самосделка*.

[Fig. 1. Saltovo-Mayaki hillforts and tumulus burials in the Volga-Don Region.
A — defense agglomerations, Б — areal density of tumulus burials]

В агломерации на р. Дон входят знаменитые городища: Саркел-Белая Вежа [Артамонов 1962], Правобережное Цимлянское городище [Ляпушкин 1958: 85–150; Плетнева 1995: 271–369; Флеров 1995: 441–516], Семикаракорское городище [Флеров 2001: 56–70].

В конце 1990-х гг. было открыто городище у Камышовой балки в 1 км от Правобережного Цимлянского городища с остатками крепостных стен из белого известнякового камня. Новая крепость была названа авторами первой публикации *Саркел-3* — как часть единого комплекса с городищами Сар-

кел (Левобережное) и Правобережное Цимлянское [Семенов, Ларенок 1999: 25–33]. В последующие годы за этим памятником закрепилось название Камышовское [Афанасьев 2015: 102; Афанасьев 2016: 59] или Камышино [Флеров 2017: 283, илл. 1, 3].

Далее на восток в засушливых степях Республики Калмыкия, Астраханской и Волгоградской областей, несмотря на масштабные раскопки, найдены всего лишь десятки подкурганых погребений, уверенно датируемых хазарским временем [Круглов 1990: 157–170].

В дельте р. Волга изучается городище у с. Самосделка, нижние слои которого датируются IX–X вв., то есть концом хазарского времени [Васильев, Зиливинская 2008: 224–226].

Как видно, материальные следы Хазарского каганата в волго-донских степях на территории, составляющей около сотни тысяч квадратных километров, представлены крайне неравномерно. Наиболее значимые памятники расположены в виде плотного скопления в нижнем течении р. Дон, на территории современной Ростовской области.

Открытие в 2008 и 2015 гг. сразу двух новых поселенческих памятников *Башанта-I* и *Башанта-II* эпохи Хазарского каганата в глубине степей заметно изменили ситуацию. Как резюмировал видный исследователь-хазаровед В. С. Флеров: «Раскопки Башанты приоткрыли новую страницу в хазарской археологии» [Флеров 2017: 295].

Цель статьи — подвести некоторые предварительные итоги и наметить место и роль новых памятников в системе степных городищ Хазарского каганата на основе анализа результатов проведенных с 2015 г. планомерных раскопок.

Общие сведения

Городища *Башанта-I* и *Башанта-II* находятся в 160 км от Цимлянской агломерации городищ. Примерно такое же расстояние разделяет новые Башантинские поселения и городище Семикаракорское, находящееся в дельте р. Дон (рис. 1).

Территориально и в природно-географическом отношении Башантинские городища тяготеют к донским агломерациям городищ, но по культурно-хронологическим признакам отличаются своеобразием.

Согласно наблюдениям, носящим пока еще предварительный характер, различия намечаются по нескольким параметрам.

Хронологически городища на р. Дон определяются радиоуглеродными датами, полученными для памятников лесостепной зоны: Алексеевского и Маяцкого городищ. Одна абсолютная дата получена по монете из клада на Правобережном городище (813 г.). По данным В. С. Флерова, *Правобережное* и *Семикаракоры* оказываются более ранними среди них и датируются концом VIII – 40-ми гг. IX в. [Флеров 1995: 480–487], в то время как *Саркел* относится к более позднему: начало его строительства — 841 г. [Флеров 2014: 235].

Наиболее массовой категорией находок на Башантинских городищах являются амфоры причерноморского типа. Как на *Башанте-I*, так и на *Башанте-II* практически единственным типом «причерноморских» амфор являются сосуды с мелким зональным рифлением (зональный линейный орнамент) на плечиках. Это один из двух основных типов «причерноморских» амфор, достоверно выделяющихся даже по сильно фрагментированным материалам. Полное преобладание амфор с мелким зональным рифлением характерно для материалов северо-причерноморского региона, датирующихся до середины IX в., когда амфоры с бороздчатым туловом еще не получили своего широкого распространения [Суханов 2018: 115–122].

Установленный на амфорном материале вывод подтверждается двумя радиоуглеродными датами по образцам из *Башанты-I* и тремя датами по образцам из *Башанты-II* (Лейбниц-лаборатория, г. Киль). Получается, это наиболее ранние памятники среди известных городищ Хазарского каганата. Башантинские городища могут оказаться звеньями другого культурно-хронологического явления, так как были построены до византийской градостроительной миссии Петроны Каматире [834–840 гг.] и, скорее всего, в иных строительных традициях.

На *Башанте-I* впервые в степной зоне обнаружены в виде массовых находок привозная крымская черепица и византийская черепица с валиками. Все донские городища имели черепицу низкого качества местного изготовления, представленную в

более ограниченных количествах [Флеров 2017: 286]. Стены обоих городищ имели цоколь из нескольких рядов каменных блоков из белого ракушечника. На *Башанте-I* выявлена кладка цоколя протяженностью 189 м, в виде изогнутого гофра, что принципиально отличается от поздних хазарских крепостей строгих геометрических форм на Дону, построенных в византийском стиле.

Дальнейшие раскопки, несомненно, дополнят и конкретизируют информацию о Башантинских городищах.

Башанта-I и Башанта-II в свете дискуссии о терминологии поселенческих памятников Хазарского каганата

В хазароведческой археологической литературе существует дискуссия о правильном использовании терминов по отношению к поселенческим памятникам Хазарского каганата. В. С. Флеров в своей книге «Города и „замки“ Хазарского каганата: археологическая реальность» подробно рассмотрел эту тему и пришел к заключению, что в раннесредневековую эпоху для поселенческих памятников неприемлем термин «город» [Флеров 2011].

Судя по исследованиям поселенческих памятников Хазарского каганата лесостепных территорий, принципиальным различием является разница между **неукрепленными** и **укрепленными** (земляными валами или каменными стенами) поселенческими памятниками. Первые определяются как селища, а вторые — как городища и крепости. Городища и крепости соотносятся логически с известным словом *гардар* (*garðar*) — скандинавское обозначение укрепленного, огороженного поселения (*Burg*) [Krause 1997: 435–440]. Этим словом (гардары) средневековые скандинавы называли цепь крепостей вдоль р. Волхов [Джаксон 1984: 133–143].

По классификации Г. Е. Афанасьева, укрепленные поселенческие памятники делятся на два типа: 1 — **городища** с укреплениями в виде эскарпов, рвов и грунтовых валов — простейших способов обеспечения безопасности. Этот тип является традиционным для юго-восточной Европы. Такие городища обеспечивали безопасность родоплеменных групп или территориальных общин; 2 — **крепости** геометрической формы, построенные из сырцового, обожжен-

ного кирпича или обработанных каменных блоков. Этот тип связан с позднеантичной — ранневизантийской традициями, эти крепости были построены при содействии византийских архитекторов и строителей. Такие городища обеспечивали безопасность Хазарского каганата на государственном уровне [Афанасьев 2015: 101].

Данное разделение на укрепленные городища (тип 1) и укрепленные крепости (тип 2) дефинирует поселенческие памятники вполне логично и не противоречит археологической реальности [Ochir-Goryaeva, Sitdikov, Kiyashko 2016: 76].

Если рассматривать новые памятники под таким углом зрения, то можно предположить, что *Башанта-II* относилась к типу 1, а *Башанта-I* — к типу 2. Уже на данном уровне изученности видно, что оба памятника различались по функциональному назначению.

Поселение *Башанта-II* расположено на высоком крутом берегу р. Егорлык, в то время как памятник *Башанта-I* занимает узкую прибрежную полосу северного берега озера-лимана Чапаевское (калм. *Цаһан нур*). Основная часть памятника находится на дне лимана под водой. Оба поселения разделяет расстояние по прямой — 8 км (рис. 2).

Археологические исследования на поселениях Башанта-I и Башанта-II

Первые исследования на поселении *Башанта-I* были проведены в 2010 г. совместной экспедицией Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Россия, г. Элиста; ныне — Калмыцкий научный центр РАН) и Археологического Ландесамта (Германия, г. Шлезвиг-Гольштайн) [Очир-Горяева и др. 2011: 63–70; Очир-Горяева, Карнап-Борнхейм, Кекеев 2011: 172–173].

С 2015 г. ведутся регулярные раскопки совместной экспедицией Калмыцкого научного центра РАН и Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан [Очир-Горяева и др. 2016: 23–36; Очир-Горяева и др. 2017: 12–55].

Работы ведутся на обоих памятниках попеременно, в зависимости от природных особенностей года и уровня воды в лимане. На памятниках с момента начала изучения проведены археологические раскопки, осуществлены работы по определению границ

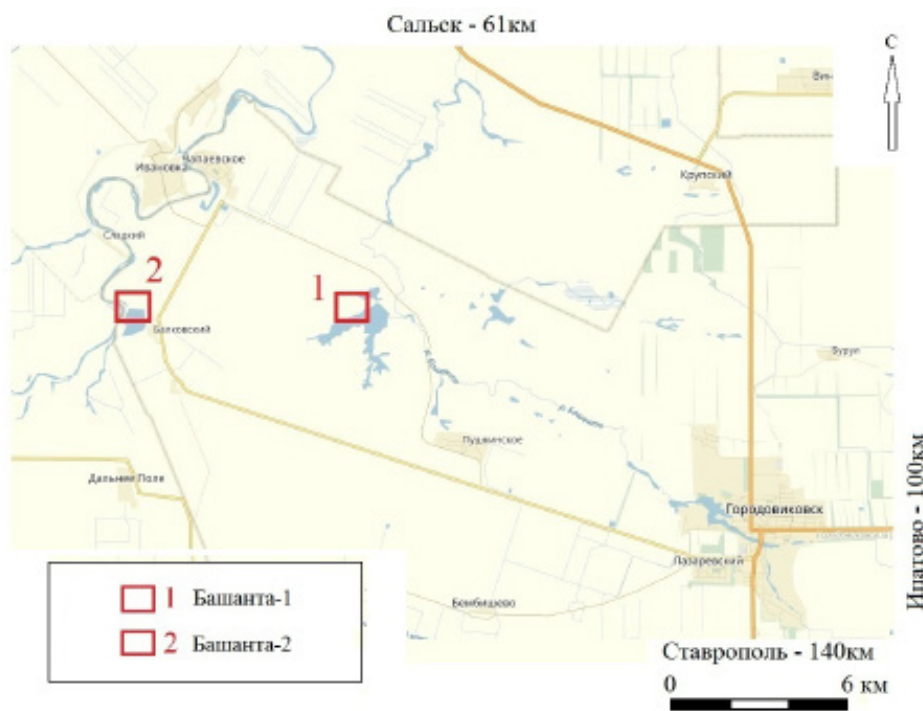

Рис. 2. Расположение городищ *Башанта-I* и *Башанта-II*. Карта
[Fig. 2. Locations of Bashanta-I and Bashanta-II. Map]

памятника, сделан с использованием тахеометра топографический план объектов, создана и ведется ГИС памятников и прилегающих территорий, проведены геофизические исследования, осуществлены почвоведческие изыскания напластований культурного слоя, выполнены технологические и типологические исследования амфорной керамики [Очир-Горяева, Экмайер, Пузанова 2018: 101–115; Суханов 2017: 56–75]. Кости животных обрабатываются специалистами-археозоологами. В Лейбниц-лаборатории Кильского университета (Германия) получены пять радиоуглеродных дат.

Башанта-I

Начнем описание согласно нумерации, присвоенной памятникам по очередности открытия. Поселение *Башанта-I* расположено вдоль северного берега озера-лимана, который представляет собой изогнутую линию, напоминающую форму натянутого лука. Выступающий мыс в центре северного берега с востока и запада переходит в две симметрично расположенные, восточную и западную, бухты правильной полукруглой формы. Территория памятника маркируется поверхностными находками в виде амфорного боя, фрагментов черепицы

(керамидов и калиптеров), а также крупными строительными блоками из белого камня-ракушечника. Вдоль линии побережья были зарегистрированы 42 тесаных каменных блока, вывернутых из земли в процессе строительства с помощью тяжелой техники дамбы вокруг северного побережья озера. Длина камней варьируются от 25 до 70 см, ширина — от 20 до 45 см, высота — от 10 до 30 см. По расположению поверхностных находок и заложенным шурфам определены границы наземной части памятника. Она занимает прибрежную полосу шириной в 50–100 м вдоль северного берега лимана протяженностью в 600 м.

На мысу в центральной части побережья в раскопе 2 (252 м²) были обнаружены следы каменного строения. Расположение крупных тесаных камней ракушечника в виде блоков со следами обработки теслом намечает контуры здания размерами примерно 14x16 м, ориентированного по линии СВ–ЮЗ. В южной части раскопа была обнаружена упавшая кладка стены здания, сложенная из крупных блоков тесаного ракушечника. На одном камне сохранился фрагмент слоя штукатурки, на остальных камнях кладки прослежены насечки для лучшего скрепления штукатурки. В северо-восточном углу

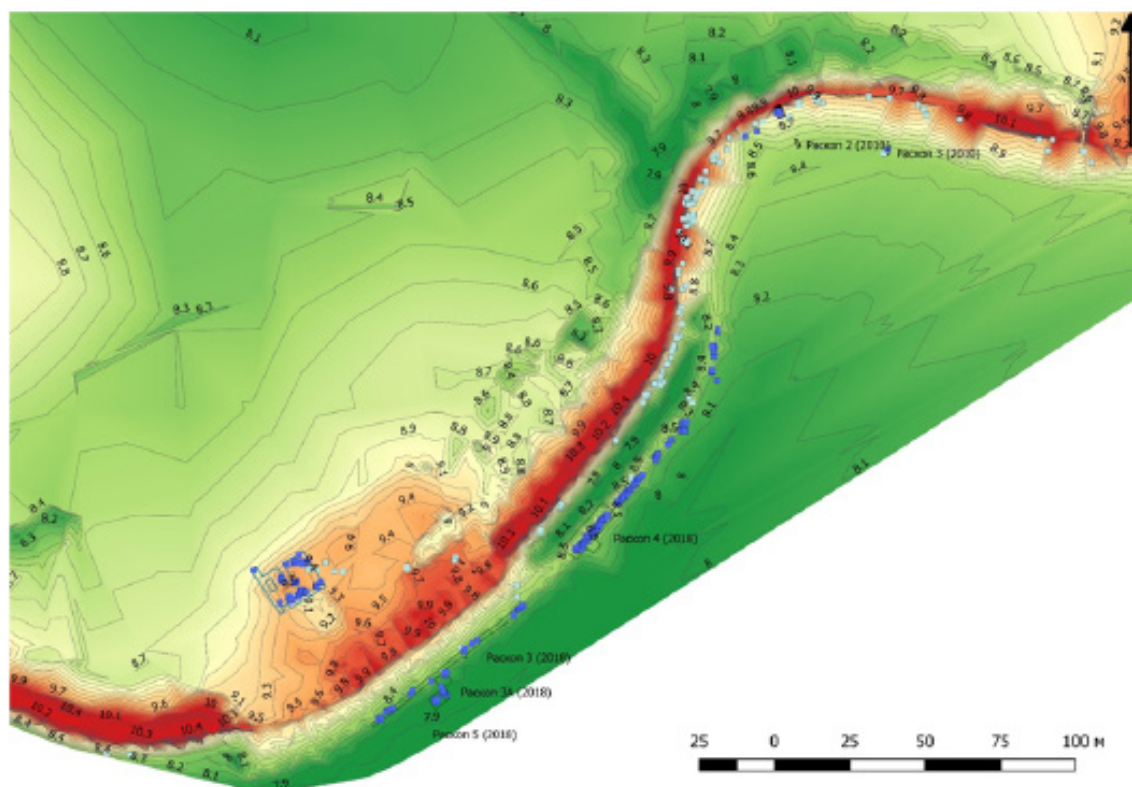

Рис. 3. Городище *Башанта-I*. Расположение раскопов. Тахеометрический план
[Fig. 3. Bashanta-I hillfort. Layout of excavations. Tacheometric plan]

здания обнаружен камень с тамгой. Многочисленные находки из раскопа состоят из обтесанных строительных камней, амфорного боя, черепицы, фрагментов штукатурки и костей животных.

В 2018 г. ввиду чрезвычайной засухи вода в лимане отступила, впервые появилась возможность провести раскопки на дне лимана. В раскопах 3 и 4, а также в 12 разведочных шурфах на дне озера был обнаружен цоколь стены, сложенный из трех (иногда четырех) рядов крупных ракушечных блоков, общей протяженностью 189 м. Прослеженная часть цоколя составляет примерно две трети предполагаемой протяженности северной крепостной стены. Расположение стены необычно, так как она совпадает с прямо оформленным краем мыса и полукруглым абрисом восточной бухты. Из этого сделан вывод, что край северного берега лимана образовался по абрису некогда стоявшей стены городища, руины которой послужили препятствием для дальнейшего растекания лимана. Все находки расположены с южной сторо-

ны стены, указывая, что крепость целиком располагалась на месте, занятом ныне озером-лиманом. С северной стороны стены в раскопе 4 почва была плотнее и смешанной с красноватой глиной, это вызвало предположение, что стена выше каменного цоколя была глинобитной. Вполне возможно, что за время существования лимана разрушенная глинобитная часть была размыва и растворена солеными водами лимана. Каменное строение из раскопа 2 на мысу оказывается за пределами выявленной стены, являясь ее выступающей на север частью, усиленной привратной конструкцией по типу ворот-barbican или некоего сооружения типа out-post. Судя по выявленной части цоколя северной крепостной стены, *Башанта-I* пополняет собой число укрепленных крепостей (тип 2) Хазарского каганата в степной зоне, хотя изогнутая в виде гофра-дуги стена на каменном цоколе является уникальной и отличает ее всех городищ Донской агломерации Хазарского каганата, имеющих геометрические формы (рис. 3).

Рис. 4. Городище Башанта-II. Общий вид. Космоснимок. 1 — верхняя часть городища, 2 — нижняя его часть, 3 — ров

[Fig. 4. Bashanta-II hillfort. General view. Satellite image. 1 — upper part of the hillfort, 2 — lower part, 3 — moat]

Башанта-II

Поселение *Башанта-II* явно относится к типу 1 — укрепленных городищ. Оно занимает территорию, ограниченную с южной и юго-западной сторон течением р. Егорлык, с восточной и северной сторон — рвом, соединяющим в наиболее узком месте меандр р. Егорлык так, что городище оказалось со всех сторон окружено водной преградой. Территория поселения по предварительным результатам изучения рельефа, распределения подъемного материала, а также разведочным шурфам 2015 г. разделяется нами на две части: высокую и низменную. Общая площадь поселения по данным изготовленного с помощью электронного тахеометра топографического плана составляет 40 га (рис. 4).

Высокая часть — это участок вдоль берега сухого русла р. Егорлык, ограничивающего поселение с южной стороны (примерно 10 га), а низменный участок — это участок степи, ограниченный балкой-рвом в виде полудуги, ограничивающей поселение с северо-восточной, напольной стороны. С востока на запад на низменной части поселения наблюдается понижение в западном направлении, в сторону сухого русла р. Егорлык. Таким образом, кроме перепада

высот с юга на север, наблюдается такой же существенный перепад высот с востока на запад.

Высокая часть городища на плане имеет трапециевидную форму с несколько асимметричными боковыми сторонами. Узкая сторона трапеции направлена к реке, а широкая обращена на север и смыкается на всем своем протяжении с низменной частью поселения. Западная, более пологая, боковая сторона трапеции была образована течением реки, а восточная, более прямая и короткая сторона — балкой, скорее всего, эскарпированной в древности. Глубокая часть рва-балки заканчивается при переходе на низменный участок поселения и далее на север, на поле абрис балки прослеживается по рельефу и по пробивающемуся сквозь пашню камышу. Балка имеет форму полудуги, направленной с юго-востока на северо-запад, и заканчивается в понижении, образованном сухим руслом р. Егорлык, закрученном на этом участке в мягкий меандр. Таким образом, сухое русло р. Егорлык и балка образуют замкнутую территорию в виде острова.

На поселении *Башанта-II* осуществлены археологические исследования двумя раскопами. В раскопе 1 размерами 16x10 м,

Рис. 5. Городище Башанта-II. Раскоп 2, яма 5. Амфора причерноморского типа. Фото
[Fig. 5. Bashanta-II hillfort. Excavation site 2, pit 5. Black Sea amphora. Photo]

заложенном в центральной части восточного холма, была найдена кладка стены длиной 5,6 м, сложенная из крупных блоков тесаного ракушечника, положенных по три в ряд. Ранее мы полагали, что это остатки стены или фундамента здания, но после выявления такой же кладки, сложенной из трех рядов таких же каменных блоков, протяженностью 189 м на городище *Башанта-I*, стало понятно, что данная кладка также является сохранившимся участком цоколя стены. Учитывая ее расположение на восточном холме высокой части поселения, надо полагать, что стена ограничивала центральную часть поселения от остальных ее частей, расположенных на склонах обоих холмов и на низменной части.

На участке данного раскопа, с предполагаемой внутренней стороны стены, изучены три котлована полуземляных круглых турлучных построек и четырех хозяйственных ям. Во всех трех полуземляных круглых турлучных постройках следы очага не обнаружены. Возможно, турлучные постройки использовались только в теплое время года или же имели хозяйственное назначение. У одной из построек с южной стороны по

столбовым ямкам прослеживается абрис навеса с открытой длинной стороной.

На раскопе 2 площадью 80 м², расположенном на самом краю восточного склона, возможно, эскарпированного восточного холма, были обнаружены траншеи, хозяйственные ямы и наземное круглое строение со столбовыми ямками, неглубоким ровиком по периметру и оформленным входом с южной стороны. В этом раскопе обнаружено намного больше керамики салтово-маяцкого типа, чем в раскопе 1, расположенном на вершине того же холма с внутренней стороны стены. Керамика салтово-маяцкого типа в основном круговая и представлена фрагментами горшков крупных размеров. Фрагменты амфор причерноморского типа составляют преобладающий вид находок на памятнике (рис. 5).

Выводы

Башанта-II была обжита намного более интенсивнее, о чем свидетельствует солидный регулярный культурный слой с наличием хозяйственных ям и хозяйственных полуземляных округлых построек [Очир-Горяева и др. 2017: 12–55]. На *Башанте-II*, кроме

амфор причерноморского типа, представлены типичные для салтово-маяцкой культуры горшки с волнистым орнаментом, со следами заглаживания, а также найдена внутренняя ручка котла, типичная для этого круга древностей [Очир-Горяева и др. 2016: 26].

Пока на второй Башанте не обнаружена черепица (керамиды и калиптеры), в то время как на первой Башанте она встречается повсюду и в большом количестве (эти наблюдения показательны в том плане, что выявляют особенности обоих укрепленных поселений).

На поселении *Башанта-I* стена на каменном цоколе является границей обжитой территории. Получается, что на данный момент путем раскопок получено представление о стене на каменном цоколе и территории за ее пределами, то есть за пределами обжитой части крепости. Территория с внутренней стороны стены остается под водой и илом лимана. Массовыми находками на изученной части первой Башанты, в отличие от второй Башанты, являются фрагменты черепицы. Вся керамика представлена фрагментами амфор причерноморского типа. Среди них встречены в виде единич-

ных экземпляров фрагменты ойнохойи балыклейской и несколько фрагментов керамики высокого качества неопределенных центров. При этом во всех раскопах и разведочных шурфах, а также среди обильного подъемного материала отсутствует круговая и лепная керамика салтово-маяцкого типа. Кости животных были найдены только в пределах помещения на мысу. Вокруг цоколя стены найдены единичные находки костей животных. Возможно, это связано с тем, что соленая вода лимана привела к полному растворению костей.

Археологические исследования этих чрезвычайно интересных памятников находятся в начальной стадии. Актуальным является исследование географической среды округа башантинских городищ для выявления хозяйственной деятельности, получения данных о природной среде и состоянии почв, путем изучения цифровой модели рельефа, путем бурения, закладки шурфов, изучения профилей. Естественно-научные исследования необходимы для полного понимания хозяйственного, культурного и военно-стратегического значения изучаемых памятников.

Литература

- Артамонов 1962 — *Артамонов М. А.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- Афанасьев 2015 — *Афанасьев Г. Е.* О самоидентификации Хазарского каганата в IX в. (по данным системы обороны) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 238. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 98–114.
- Афанасьев 2016 — *Афанасьев Г. Е.* О территории Хазарского каганата и хазарского «домана» в IX веке // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. С. 41–72.
- Батиева 2002 — *Батиева Е. Ф.* Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. 2002. № 3–4. С. 71–101.
- Васильев, Зиливинская 2008 — *Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д.* О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всерос. археолог. съезда (г. Суздаль, 20–25 октября 2008 г.). Т. II. М.: Наука, 2008. С. 224–226.
- Джаксон 1984 — *Джаксон Т. Н.* О названии Руси Gardar // Scano-Slavica. 1984. Т. 30. С. 133–143.
- Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I (Материалы и исследования по археологии СССР. № 62). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 85–150.
- Плетнева 1976 — *Плетнева С. А.* Хазары. М.: Наука, 1976. 89 с.
- Плетнева 1995 — *Плетнёва С. А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь: Таврия, 1995. С. 271–369.
- Новосельцев 1990 — *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
- Круглов 1990 — *Круглов Е. В.* О подкурганных захоронениях калмычко-астраханских степей хазарского времени // Вопросы археологии Юга Восточной Европы. Сб. науч. ст. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 1990. С. 159–170.

- Очир-Горяева и др. 2011 — Очир-Горяева М. А., Карнап-Борнхейм К., Кекеев Э. А., Манжикова Л. Д. Поселение Башанта с каменными постройками эпохи средневековья // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 63–70.
- Очир-Горяева, Карнап-Борнхейм, Кекеев 2011 — Очир-Горяева М. А., Карнап-Борнхейм К., Кекеев Э. А. Открытие первого на территории Калмыкии памятника городского типа эпохи средневековья // Труды III [XIX] Всерос. археолог. съезда. Т. II. СПб.; М.; Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 172–173.
- Очир-Горяева и др. 2016 — Очир-Горяева М. А., Ситдииков А. Г., Кияшко Я. А., Нага Т. К изучению памятника эпохи раннего средневековья *Башанта-II* // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 23–36.
- Очир-Горяева и др. 2017 — Очир-Горяева М. А., Ситдииков А. Г., Кекеев Э. А., Нага Т., Буратаев Е. Г. Первые результаты археологических раскопок на поселении эпохи раннего средневековья *Башанта-II* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3 (3). С. 12–55. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-12-55
- Очир-Горяева, Экмайер, Пузанова 2018 — Очир-Горяева М. А., Экмайер А., Пузанова Т. А. Исследования палеопочв на поселении Башанта-II и его окрестностях (первые результаты исследования) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4 (4). 2018. С. 101–114. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-4-8-101-114
- Семенов, Ларенок 1999 — Семенов А. И., Ларенок П. А. Саркел, Саркел, еще Саркел // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 25–33.
- Суханов 2017 — Суханов Е. В. Амфоры городища *Башанта-II* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 56–75. DOI 10.22162/2587-6503-2017-3-3-56-76
- Суханов 2018 — Суханов Е. В. Амфоры нижнедонских поселений *Башанта-I* и *Башанта-II* (предварительные результаты изучения) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4. С. 115–122. DOI: 10.22162/2581-6503-2018-4-8-115-122
- Флеров 1995 — Флёров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь: Таврия, 1995. С. 441–516.
- Флеров 2001 — Флёров В. С. «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // Российская археология. 2001. № 2. С. 56–70.
- Флеров 2011 — Флеров В. С. Города и «замки» Хазарского каганата: Археологическая реальность. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2011. 264 с.
- Флеров 2014 — Флеров В. С. К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 236. С. 235–239.
- Флеров 2015 — Флеров В. С. Цимлянский комплекс хазарского времени на Нижнем Дону // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 4–40.
- Флеров 2017 — Флеров В. С. О первых публикациях местонахождения *Башанта*. Известная византийская миссия в Хазарию // Хазарский альманах. 2017. Т. 15. С. 281–295.
- Krause 1997 — Krause A. Garðariki // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde [RGA]. 2. Auflage. Bd. 10. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997. S. 435–440.
- Ochir-Goryaeva, Sitdikov, Kiyashko 2016 — Ochir-Goryaeva M., Sitdikov A., Kiyashko Ya. The early urban development in the steppes of the Chasarian Kaganat // 22nd Annual Meeting of the EAA. Abstracts. Vilnius: Saulius Jokuzys Publishing-PrintingHouse, 2016. P. 76.

References

- Afanasiev G. E. 9th-century territory of the Khazar Khaganate and Khazar 'domain' revisited. In: Vinnikov A. Z. (ed.) Collected Papers of Divnogorye Nature Reserve Museum. Vol. 6. Voronezh: Nauchnaya Kniga, 2016. Pp. 41–72. (In Russ.)
- Afanasiev G. E. On the self-identification of the Khazar Khaganate in the 9th century (based on data of the defense system). *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2015. No. 238. Pp. 98–114. (In Russ.)
- Artamonov M. A. Khazar History. Leningrad: State Hermitage Museum, 1962. 523 p. (In Russ.)
- Batieva E. F. Anthropology of the Lower Don population in the Khazar era. *Donskaya arkheologiya*. 2002. No. 3–4. Pp. 71–101. (In Russ.)
- Dzhakson T. N. Gardar as a name of the Rus'. *Scano-Slavica*. 1984. Vol. 30. Pp. 133–143. (In Russ.)
- Flerov V. S. 'Towns' and 'Castles' of the Khazar Khaganate: Archaeological Reality. Moscow; Jerusalem: Mosty Kul'tury / Gesharim, 2011. 264 p. (In Russ.)

- Flerov V. S. About the first publications of locations of Bashanta. Unknown Byzantine mission to Khazaria? In: Bubenok A. B., Petrukhin V. Ya. et al. (eds.) *Khazar Almanac*. 2017. Vol. 15. Pp. 281–295. (In Russ.)
- Flerov V. S. On periodization of the Lower Don fortresses of Khazarian khaganate. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2014. No. 236. Pp. 235–239. (In Russ.)
- Flerov V. S. Right-bank Tsimlyansk hillfort: excavations of 1987–1988 and 1990 revisited. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 1995. No. IV. Pp. 441–516. (In Russ.)
- Flerov V. S. Semikarakory — the fortress of Khazarian kaganate on the Lower Don. *Russian Archaeology*. 2001. No. 2. Pp. 56–70. (In Russ.)
- Flerov V. S. The Tsimlyansk complex of Khazar time on the Lower Don. *The Volga River Region Archaeology*. 2015. No. 1 (11). Pp. 4–40. (In Russ.)
- Krause A. Garðariki. In: *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde [RGA]*. 2nd ed. Vol. 10. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997. Pp. 435–440. (In Germ.)
- Kruglov E. V. Revisiting kurgan burials of the Khazar era in Kalmyk-Astrakhan steppes. In: *Southeast Europe. Issues of Archaeology. Collected Scholarly Papers*. Elista: Kalmyk State University, 1990. Pp. 159–170. (In Russ.)
- Lyapushkin I. I. Saltovo-Mayaki monuments of the Don River Valley. In: Artamonov M. I. (ed.) *Transactions of the Volga-Don Archaeological Expedition*. Vol. I (Soviet Archaeology. Materials and Studies. No. 62). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. Pp. 85–150. (In Russ.)
- Novoseltsev A. P. Khazar State and Its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus. Moscow: Nauka, 1990. 264 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Carnap-Bornheim K., Kekeev E. A. Discovering the first medieval urban-type monument (settlement) in the territory of Kalmykia. In: Makarov N. A., Nosov E. N. (eds.) *Third (Nineteenth) National Congress of Archaeologists. Transactions*. Vol. II. St. Petersburg; Moscow; Novgorod: Institute for the History of Material Culture (RAS), 2011. Pp. 172–173. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Carnap-Bornheim K., Kekeev E. A., Manzhikova L. D. Settlement Bashanta with stone buildings of the Middle Ages. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2011. No. 1. Pp. 63–70. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Sitdikov A. G., Kekeev E. A., Naga T., Burataev E. G. Early medieval settlement of Bashanta-II: first results of archaeological excavations. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2017. No. 3 (3). Pp. 12–55. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-12-55
- Ochir-Goryaeva M. A., Sitdikov A. G., Kiyashko Ya. A., Naga T. Towards the study of the early medieval site Bashanta-II. *The Volga River Region Archaeology*. 2016. No. 4 (18). Pp. 23–36. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Eckmeier E., Puzanova T. A. Investigating paleosoils from Bashanta-II hillfort and its outskirts: first results. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2018. No. 4 (4). 2018. Pp. 101–114. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2018-4-8-101-114
- Ochir-Goryaeva M., Sitdikov A., Kiyashko Ya. The early urban development in the steppes of the Chasarian Kaganat. In: 22nd Annual Meeting of the EAA. Abstracts. Vilnius: Saulius Jokuzys Publishing-Printing House, 2016. P. 76. (In Eng.)
- Pletneva S. A. Right-bank Tsimlyansk hillfort: excavations of 1958–1959. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 1995. No. IV. Pp. 271–369. (In Russ.)
- Pletneva S. A. The Khazars. Moscow: Nauka, 1976. 89 p. (In Russ.)
- Semenov A. I., Larenok P. A. Sarkel, Sarkel, and Sarkel. *Donskaya arkheologiya*. 1999. No. 3–4. Pp. 25–33. (In Russ.)
- Sukhanov E. V. Amphorae from Bashanta-II hillfort. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2017. No. 3. Pp. 56–75. (In Russ.) DOI 10.22162/2587-6503-2017-3-3-56-76
- Sukhanov E. V. Amphorae from the Lower Don settlements of Bashanta-I and Bashanta-II: preliminary results of investigation. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2018. No. 4. Pp. 115–122. (In Russ.) DOI: 10.22162/2581-6503-2018-4-8-115-122
- Vasiliev D. V., Zilivinskaya E. D. Localizing Atil: Samosdelka hillfort in the Volga Delta. In: Derevyanko A. P., Makarov N. A. (ed.) *Second (Eighteenth) National Congress of Archaeologists. Transactions (Suzdal; October 20–25, 2008)*. Moscow: Nauka, 2008. Vol. II. Pp. 224–226. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 843–865, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865

Комплекс находок Нового времени со стоянки *Первомайский-1* (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника

Никита Сергеевич Савельев¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-3643-2388. E-mail: sns_1971@mail.ru

Анна Геннадиевна Савельева²

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 научный сотрудник
 0000-0001-9472-2810. E-mail: sasmay1972@mail.ru

Сергей Юрьевич Николаев³

³ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0000-0003-3350-9148. E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Савельев Н. С., Савельева А. Г., Николаев С. Ю., 2020

Аннотация. Цель статьи — публикация и анализ археологических материалов Нового времени, полученных на выявленной в 2019 г. стоянке *Первомайский-1* в Южном Зауралье (Россия, Республика Башкортостан, Абзелиловский район, высокое плато в 14 км к западу от правого берега р. Урал). В состав коллекции входят три группы гончарной керамики, посуда из фарфора и фаянса, различные железные изделия, куски железной руды, кости животных и т. д. Источниковедческий анализ комплекса находок и аналогии с территории Урала, Поволжья и Западной Сибири позволили датировать памятник серединой – второй половиной XIX в. и отнести его к типу кратковременных стоянок оседлого земледельческого населения. Привлечение для углубления анализа исторических сведений и картографических материалов позволило установить, что данная стоянка является полевым станом казаков станицы Магнитная (Оренбургское казачье войско) и возникла после создания Новолинейного района и переноса

границы России на этом участке на 200 км к востоку. В результате этого бывшая крепость превращается в богатое село, в котором развивается торговля и резко увеличивается количество жителей. Картографические данные показывают, что данный объект в период своего существования был расположен в центре узкой (5–6 км), использовавшейся под пахотные угодья, полосы, ограниченной с востока основной транспортной артерией региона — Оренбургским почтовым трактом, а с запада — границей казачьих и башкирских земель. Проведенные комплексные исследования позволили обосновать датировку выявленного археологического комплекса, что имеет высокое значение для дальнейшего развития археологии Нового времени всего Уральско-Западносибирского региона, а также показать вероятную многочисленность у земледельческого населения полевых станов, которые могут рассматриваться как отдельный тип археологических памятников.

Ключевые слова: Южный Урал, Новое время, Оренбургская пограничная линия, казачество, станица Магнитная, материальная культура, археология, система расселения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Савельев Н. С., Савельева А. Г., Николаев С. Ю. Комплекс находок Нового времени со стоянки *Первомайский-1* (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 843–865. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865

UDC 902

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865

Artifacts of the Modern Era from *Pervomaisky-1* Site (Southern Trans-Urals): Typology, Chronology and Ethnocultural Affiliation of the Archaeological Monument Revisited

*Nikita S. Savelev*¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-3643-2388. E-mail: sns_1971@mail.ru

*Anna G. Saveleva*²

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-9472-2810. E-mail: sasmay1972@mail.ru

*Sergey Yu. Nikolaev*³

³ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-3350-9148. E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Savelev N. S., Saveleva A. G., Nikolaev S. Yu., 2020

Abstract. Goals. The article publishes and analyzes archaeological materials of the modern period found at Pervomaisky-1 site discovered in foothill-steppe areas of the Southern Trans-Urals (a high plateau 14 km west of the right bank of the Ural River, Abzelilovsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2019. **Materials.** The collection includes three groups of pottery (coarse,

gray-clay and red-clay), porcelain and earthenware dishes, various iron products (knives, harrow teeth, fragments of a cast-iron pot, horseshoes, etc., and no weapons traced), pieces of iron ore, animal bones, etc. *Results.* The source analysis of the finds and analogies from the rest of the Urals, Volga Region and Western Siberia made it possible to date the site to the mid — late 19th century and typologically classify it a short-term sedentary agricultural settlement. The paper establishes a relative synchronicity of all types of pottery (including impurities to clay dough), porcelain and earthenware, showing a high proportion of tableware and ‘tea’ utensils, which may be associated with the type of the site. The absence of large cast-iron cauldrons is defined as a marker of some agricultural (not nomadic) population. The involvement of historical data and cartographic materials deepened the analysis and made it possible to determine the site is a field camp of Cossacks from Magnitnaya stanitsa (Orenburg Cossack Host) that emerged after the establishment of Novolineiny District and the 200 km eastward transfer of Russia’s national frontier. This resulted in the territory turned into a deep rear area. So, the former fortress became a rich village where trade was developing and the population was rapidly increasing. Cartographic data show the object was located in the center of a narrow (5–6 km) arable land strip bounded by the main transport artery of the region — Orenburg Post Road — in the east, and by the border of Cossack and Bashkir lands in the west. The conducted comprehensive studies substantiate dating parameters of the archaeological complex which is of great importance for further development of modern history-related archeology in the entire Ural–West Siberian Region, and show the likely abundance of agricultural field camps across the territory that can be viewed as a separate type of archaeological objects.

Keywords: Southern Urals, modern history, Orenburg border line, Cossacks, Magnitnaya stanitsa, material culture, archeology, settlement system

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Savelev N. S., Saveleva A. G., Nikolaev S. Yu. Artifacts of the Modern Era from *Pervomaisky-1* Site (Southern Trans-Urals): Typology, Chronology and Ethnocultural Affiliation of the Archaeological Monument Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 843–865. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865

Введение

В 2019 г. при проведении разведочно-го обследования в Абзелиловском районе Башкортостана был выявлен новый археологический памятник, получивший наименование «Стоянка *Первомайский-1*». Он находится на пологом мысу северного берега небольшого, в настоящее время полностью распаханного озера на вершине степного водораздельного сырта, в 2,8 км к северу от с. Первомайского, в 10 км к юго-западу от края современной застройки города Магнитогорск и в 2,5 км к северо-западу от железнодорожной станции Пещерная (Челябинская область). Диаметр котловины озера — 100 м, глубина — 1,5 м, высота плато над долиной р. Янгелька (левый приток р. Урал), протекающей через Первомайский, — около 45 м.

На поверхности действующей пашни найдено большое количество разновременных находок. Заложенные 5 шурфов (все — размером по 1×1 м) позволили установить

максимальные размеры памятника — около 120×100 м, однако пятно подъемного материала с наибольшим количеством находок имеет размеры не более 70×50 м. Заложенный в центре этого скопления один из разведочных шурфов показал, что культурный слой приурочен исключительно к распаханной части отложений (верхние 30 см).

Всего со стоянки происходит 76 находок, из них 4 — кремневые изделия неолита — энеолита, 4 фрагмента лепных сосудов раннесарматского времени (конец V — IV вв. до н. э.), а 68 относятся к так называемому «позднему» комплексу (середина — вторая половина XIX в.), рассмотрению которого и посвящена настоящая статья. К нему относятся 37 фрагментов гончарных сосудов, 14 фрагментов сосудов из фарфора и фаянса, 14 различных изделий из железа (в том числе 2 — из шурфа в центре пятна подъемного материала). Также на всей поверхности площадки обнаружены единичные фрагменты изделий из стек-

ла, обожжённой глины и куски железной руды разного размера. Несомненной значимостью этой коллекции является разнообразие находок, отсутствие вещей заведомо «фабричного» производства (исключая

фарфоровую и фаянсовую посуду) и возможность привлечения для анализа исторических и картографических источников, в достаточной степени известных для этой территории в Новое время.

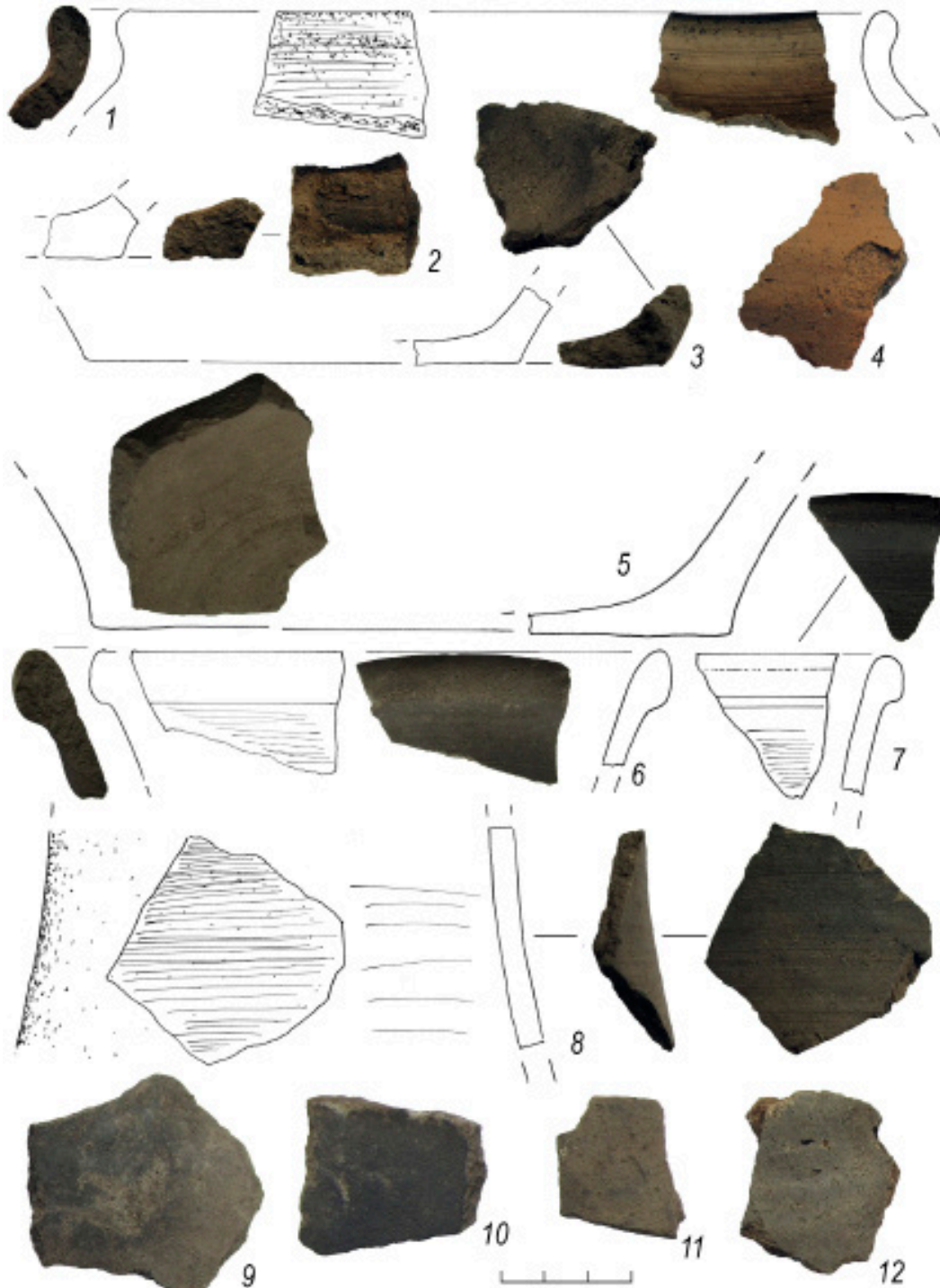

Рис. 1. Стоянка Первомайский-1. Гончарная посуда. 1-4 — группа 1 («грубая»); 5-12 — группа 2 (сероглиняная), в том числе: 5-8 — подгруппа 1; 9-12 — подгруппа 2

[Fig. 1. Pervomaisky-1 site. Pottery. 1-4 – group 1 ('coarse'); 5-12 – group 2 (gray clay), including: 5-8 – subgroup 1; 9-12 – subgroup 2]

Коллекция

Фрагменты гончарной керамики — 37 экз. — обнаружены на всей поверхности площадки, концентрируясь небольшими (3–5 м в диаметре) скоплениями по несколько находок. По технологии изготовления выделяются 4 группы: грубая гончарная, 2 группы сероглиняной и краснойглиняная.

Группа 1. Грубая гончарная посуда — 7 экз. (18,9 %). Орнамент отсутствует (рис. 1, 1–4). Тесто плотное, основной примесью является песок (иногда — достаточно крупный), в 4 случаях — с дробленным мягким белым камнем, по 1 случаю зафиксирована дополнительная примесь дресвы, небольшого количества талька и обугленной органики. В двух случаях песок является единственной примесью в глиняном тесте. Частично данные по форме могут быть описаны по трем фрагментам.

1. Верхняя часть тулова горшковидного сосуда с низкой дуговидно отогнутой шейкой, округлым венчиком, оформленным снаружи мягким валиком и сильно раздутым туловом. Тесто плотное, крупнодисперсное, с примесью песка, дресвы, малого количества талька, дробленого мягкого белого камня. Поверхности серо-коричневого цвета, наружная поверхность покрыта горизонтальными расчесами, на срезе венчика — небольшие вдавнившиеся «звездочки» нагара, что свидетельствует об использовании данного горшка в печи. Толщина стенок — 7 мм, реконструируемый диаметр сосуда по венчику — 18 см (рис. 1, 1).

2. Фрагмент дна плоскодонного сосуда с примесью песка и обугленной органики. Поверхность серого цвета, с нагаром на внутренней поверхности и следами срезания с гончарного круга. Толщина дна — 12 мм, толщина стенок — 12 мм (рис. 1, 2).

3. Фрагмент дна плоскодонного сосуда из хорошо промешанного теста с примесью песка. Поверхности темно-серого цвета. Реконструируемый диаметр дна — 12 см, толщина дна — 6 мм, толщина стенок — 9 мм (рис. 1, 3).

Группа 2. Сероглиняная гончарная керамика — 18 экз. (48,6 %)

Подгруппа 1 — 14 экз. (37,8 %), все они без орнамента (рис. 1, 5–8). По примесям, фактуре теста и обработке поверхностей условно выделяется 6 сосудов. Тесто очень плотное, основная примесь — песок. Един-

ственной примесью песок являлся только в одном случае, при этом тесто было сильно запесоченным. В пяти выделяемых сосудах дополнительной примесью являлись мелкие галечки, в четырех из них присутствовали и иные примеси, которые фактически являлись дополнительными к рецепту «песок + мелкая галька». В двух случаях такой дополнительной примесью была мелкая обугленная органика (рис. 1, 5; 8), по одному случаю — мелкая органика (рис. 1, 6) и мелкая органика с дробленным мягким белым камнем (рис. 1, 7).

Частично форма сосудов реконструируется по четырем фрагментам.

1. Верхняя часть тулова сосуда типа кринки. Устье оформлено дуговидным расширяющимся книзу валиком, срез венчика округло-приостренный. Реконструируемый диаметр по устью — 13 см, шейка прямая раструбообразная, сохранилась на высоту 2,5 см, ее толщина — 5 мм. Диаметр шейки на высоте 2,5 см от устья составляет 10,5 см. Наружная поверхность шейки ниже валика покрыта мелкими горизонтальными расчесами. Тесто отмученное, однородное, с нагаром на наружной поверхности, с примесью песка, галечек и мелкой органики (рис. 1, 6).

2. Фрагмент венчика сосуда типа кринки. Устье оформлено валиком с выраженным ребром в нижней его части. Шейка прямая раструбообразная, сохранилась на высоту 3 см, ее толщина — 5 мм. Наружная поверхность шейки ниже валика покрыта мелкими горизонтальными расчесами. Тесто отмученное, однородное, с примесью песка, галечек, мелкой органики и мелкой белой крошки. Обе поверхности покрыты прозрачным черным обваром (рис. 1, 7).

3. Нижняя часть плоскодонного сосуда. Диаметр дна — 12 см, толщина дна — 5 мм, толщина стенок — 10 мм. По соотношению диаметра дна и отгиба нижней части стенок сосуд может быть реконструирован как кринка. Тесто плотное, с примесью очень мелкого песка, в том числе кварцитового, мелкой обугленной органики (рис. 1, 5).

4. Верхняя часть тулова сосуда типа кринки (рис. 1, 8). Устье не сохранилось. Реконструируемый диаметр по шейке — 9,7–11 см, увеличивается к низу. Шейка прямая раструбообразная, сохранилась на высоту 5 см, ее толщина — 5,5 мм. Наруж-

ная поверхность покрыта мелкими горизонтальными расчесами, внутренняя — крупными и более глубокими горизонтальными бороздами. Тесто отмученное, однородное, с примесью песка, галечек и обугленной органики.

На фрагментах от двух сосудов, в том числе на одной из кринок (рис. 1, 7) фиксируется прозрачный черный обвар. На одном из сосудов подгруппы — также на кринке (рис. 1, 6) — наружная поверхность покрыта нагаром.

Подгруппа 2 — 4 экз. (10,8 %). Представляет собой группу фрагментов неорнаментированных стенок сосудов, с массивными (толщиной 0,7–1,2 см) стенками, форма ни одного из сосудов не реконструируется (рис. 1, 9–12). Судя по общей массивности и слабому изгибу стенок, все они относятся к типу крупных горшков. Тесто более грубое, менее промешанное, чем у подгруппы 1, с примесью большого количества песка. Фиксируется 3 близких рецепта: «песок (мелкий) + дробленый мягкий белый камень» (рис. 1, 11), «песок + мелкая галька + шамот + дробленый мягкий белый камень» (рис. 1, 12) и «песок (очень много)

+ мелкая галька» (рис. 1, 9, 10). На двух последних, относящихся, вероятно, к одному сосуду, присутствует нагар.

Различия между подгруппами — в качестве обработки поверхностей, выделки формовочной массы и толщине стенок. Вероятно, можно говорить об одновременности обеих подгрупп, о чем наглядно свидетельствует близость формовочных масс, а различия являются следствием разного функционального назначения сосудов: подгруппа 1 — столовые, подгруппа 2 — кухонные.

Группа 3. Красноглиняная гончарная керамика — 12 экз. (32,4 %)

Найденные фрагменты по фактуре теста и обработке поверхностей относятся к 11 сосудам (рис. 2), из них глазурованные зеленой поливой — 6, коричневой — 2 и прозрачной — 2. На одном небольшом фрагменте — плоском дне сосуда — полива отсутствует (рис. 2, 9). У фрагментов двух сосудов слой глазури с обеих сторон толстый, цвет темно-зеленый, насыщенный, поверхность бугристая (рис. 2, 2, 8). У двух сосудов полива на внешней поверхности дымчато-зеленая, на внутренней поверхно-

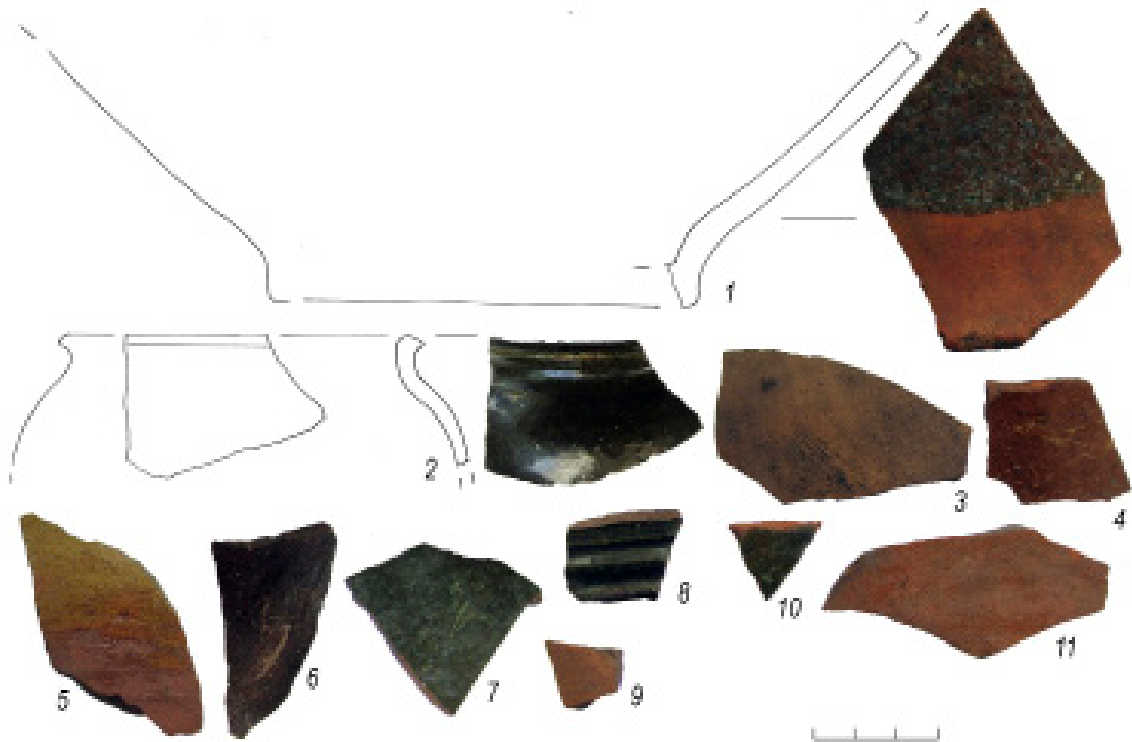

Рис. 2. Стоянка Первомайский-1. Гончарная посуда. Группа 3 (красноглиняная)

[Fig. 2. Pervomaisky-1 site. Pottery. Group 3 (red clay)]

сти — прозрачная (рис. 2, 7, 10). Вся керамика группы 3 изготовлена при окислительном режиме обжига, в одном случае — при неполном окислительном обжиге, о чем свидетельствует серая полоса в центре трехслойного излома (рис. 2, 11).

Форма частично восстанавливается у двух сосудов (рис. 2, 1, 2), два фрагмента относятся к плоским днищам (рис. 2, 9, 11), одна стенка имеет рельефный орнамент (рис. 2, 8).

1. Нижняя часть большого плоскодонного сосуда (рис. 1, 1). Реконструируемый диаметр дна — 10,5 см, толщина дна — 10 мм, толщина стенок — 6–7 мм. В глиняном тесте примесь песка и мелких галечек. Поверхности красно-коричневого цвета, верхняя часть наружной поверхности глазурована зеленой полупрозрачной поливой со светлыми пятнами, нанесенной методом муравления. Максимальная сохранившаяся высота сосуда — 6,5 см, максимальный диаметр — 20,5 см, стенки сильно наклонные наружу. Может быть реконструирован как глубокое блюдо или большая миска.

2. Верхняя часть тулова небольшого горшковидного сосуда. Диаметр по венчику — 9 см, диаметр по шейке — 8,5 см, высота шейки — 1 см, дуговидно отогнута, максимальный диаметр по тулову — 11,5 см. Толщина стенок — 0,3–0,4 см. Обе поверхности покрыты толстым слоем глазури зеленого цвета, тесто плотное, с примесью песка и мелкого шамота. На поверхностях и в сломе тесто однородное, серо-коричневого цвета (рис. 2, 2).

3. Один фрагмент стенки сосуда орнаментирован глубокими горизонтальными каннелюрами с четко выраженными краями (рис. 2, 8). Тесто коричневого цвета, плотное, хорошо отмученное, однородное, с примесью мелкого песка. Обе поверхности фрагмента покрыты толстым слоем глазури зеленого цвета, чем он сближается с описанным выше небольшим горшочком.

4. Крупный фрагмент плоского дна сосуда (рис. 2, 11). Тесто плотное, светло-коричневого цвета с серой прослойкой внутри, с примесью мелкого песка. С внутренней стороны покрыт прозрачной поливой коричневого цвета.

Примеси к глиняному тесту: «песок» — 3, «песок + мелкая галька» — 2, «песок + шамот» — 4 (в одном случае — с дробле-

ным мягким белым камнем), «песок + мелкая органика» и «песок + обугленная органика» — по 1 случаю.

Фрагменты сосудов из фарфора и фаянса — 14 экз. от 13 сосудов

Распространены по всей поверхности площадки, концентрируясь небольшими (3–5 м в диаметре) скоплениями по несколько находок. На части фрагментов имеются следы росписи, в том числе в технике надглазурной росписи (рис. 3, 1, 6, 13) и подглазурной росписи (рис. 3, 2, 5, 10, 11), один фрагмент крышки имеет рельефный орнамент (рис. 3, 9). Все найденные фрагменты белого цвета. Клейма отсутствуют. Сосудов из фаянса — 5, из фарфора — 8, форма некоторых из них может быть частично реконструирована.

Изделия из фаянса

1. Два фрагмента являются носиком и донцем фаянсового заварочного чайника (рис. 3, 1). Сохранившаяся длина носика — 6 см, диаметр — 2 см, толщина стенок — 0,4 см. Судя по небольшому фрагменту нижней части, дно чайника было плоским с кольцевидным конического сечения поддоном. Диаметр по поддону — 7,7 см, тулово имеет дуговидные с переходом в вертикальные (?) стенки. Толщина стенок у основания — 0,4 см. Сохранившаяся часть росписи представлена одиночными коричневыми линиями по нижней части носика и внешней стороне поддона.

2. Нижняя часть чашки на кольцевидном конического сечения поддоне (рис. 3, 3). Диаметр по поддону — 3,7 см, тулово имеет дуговидно расширяющиеся стенки. Толщина стенок у основания — 0,4 см.

3. Нижняя часть большой кружки (?) на кольцевидном фигурном поддоне (рис. 3, 4). Диаметр по поддону — 7 см, отделен от тулова кольцевой каннелюрой, тулово имеет дуговидно расширяющиеся стенки. Толщина стенок у основания — 3 мм. Судя по растресканности поверхностей и сильной стертости граней, кружка использовалась длительное время.

4. Нижняя часть плоскодонного блюда на кольцевидном конического сечения поддоне (рис. 3, 5). Диаметр по поддону — 9,3 см, тулово имеет дуговидные сильно расширяющиеся стенки. Толщина стенок у основания — 0,4 см.

Изделия из фарфора

1. Верхняя часть тулова сосуда типа пиалы или небольшого глубокого блюда (рис. 3, 6). Диаметр по венчику — 14 см, максимальная сохранившаяся высота — 2,3 см, стенки дуговидные, толщиной 0,4 см.

2. Нижняя часть плоскодонного блюда на кольцевидном конического сечения поддоне (рис. 3, 7). Диаметр по поддону — 10 см, тулово имеет сильно расширяющиеся стенки. Толщина стенок у основания — 0,3 см.

3. Фрагмент крышки небольшого сосуда (типа заварочного чайника или сахарницы), реконструируемый диаметр — 8 см, толщина до 1,1 см (рис. 3, 9).

4. Верхняя часть тулова сосуда типа чайной чашки (рис. 3, 8). Диаметр не устанавливается, толщина стенки не более 1,5 мм. Тулово слабо дуговидное, сужающееся.

Остальные фрагменты из фарфора также могут быть отнесены к чайным чашкам (рис. 3, 10–13).

Таким образом, все найденные фрагменты из фаянса и фарфора являются частями чайной посуды из совершенно разных сервизов и комплектов. При этом присутствуют как очень грубые кружки (рис. 3, 4),

так и чашечки из очень тонкого фарфора (рис. 3, 8). Последняя, возможно, является китайским импортом, так как именно для китайского фарфора характерны тонкие полупрозрачные стенки и глазурь молочно-белого цвета [Матвеев, Аношко, Сирюшова 2011: 119].

Анализ гончарной керамики, происходящей со стоянки *Первомайский-1*, показывает, что первые две группы (грубая и сероглиняная) тесно связаны между собой, — для обеих в качестве дополнительных примесей, на фоне основной примеси песка, характерны мелкая галька и дробленый мягкий белый камень (таблица 1). Достаточно сложные формовочные массы, в том числе и наличие талька (слюды), этих групп находят аналогии в слое Челябинска начала XIX в. [Самигулов 2003: 91–92]. Также челябинской керамике соответствует серо-коричневый цвет поверхностей у группы 1 и отсутствие поливы у обеих групп. Единственный частично реконструируемый горшок группы 1 (рис. 1, 1) по профилировке и оформлению устья находит близкие аналогии в ранней группе челябинской посуды [Самигулов 2003: рис. 1, 6, 20, 38].

Таблица 1. Стоянка *Первомайский-1*. Примеси к формовочной массе гончарных сосудов¹
[Table 1. Pervomaisky-1 site. Impurities to the molding compound of pottery vessels]

ГРУППЫ	инв. №	рис.	тальк	орг. (обугл.)	орг. (мелкая)	галька	песок	бел. камень	шамот	кол-во фрагм.	обработка поверхности
гр. 1	6	1, 4					+			1	
	12	1, 3					+			1	
	7	1, 2		+			+			1	
	8						+	+		1	
	10						+	+		1	
	11						+	+		1	
	5	1, 1	+			+	+	+		1	
гр. 2.1	23/24	1, 7			+	+	+	+		2	обвар
	17–22	1, 6			+	+	+			6	
	37					+	+			1	обвар
	25	1, 8		+		+	+			1	
	26–28	1, 5		+			+			3	
	13						+			1	

¹ Определение примесей проводилось при 12-кратном увеличении.

гр. 2.2	15/16	1, 9–10				+	+			2	
	14	1, 12				+	+	+	+	1	
	9	1, 11					+	+		1	
Гр. 3	35	2, 4				+	+			1	коричн. (двустор.)
	29	2, 1				+	+			1	зеленая (наруж.)
	36/39	2, 7					+	+	+	2	зеленая (наруж.), прозрачная (внутр.)
	31	2, 2		серо-коричневый			+		+	1	зеленая (двустор.)
	34	2, 6					+		+	1	коричн. (двустор.)
	40	2, 10					+		+	1	зеленая (наруж.), прозрачная (внутр.)
	30	2, 9			+		+			1	
	32	2, 3		+			+			1	зеленоват. (внутр.)
	33	2, 5					+			1	прозрач. (двустор.)
	38	2, 8					+			1	зеленая (двустор.)
	41	2, 11					+			1	прозрач. (одностор.)
ВСЕГО (фрагм. / %%)			1 3,7	4 14,8	3 11,1	9 33,3	27 100	8 29,6	5 18,5	37	

По челябинской серии сосудов установлено, что в течение XIX в. какие-либо дополнительные примеси из формовочной массы исчезают, и используется ожелезненная глина с примесью песка и мелких галечек, возможно, естественного происхождения или вообще без примесей [Самигулов 2003: 93]. Данная закономерность прослежена также и на материалах Самарского Поволжья [Кирсанов 2001: 221].

Вторая группа посуды (сероглиняная), выделяемая на стоянке *Первомайский-1*, сохраняет, однако, в формовочной массе значительное количество дополнительных примесей. Это не позволяет ее резко противопоставлять группе 1, в том числе и датировать более поздним временем. Вероятно, основное различие этих групп в их разном функциональном назначении: группа 1 — кухонная (горшки), группа 2 — столовая (при возможных различиях внутри группы).

В подгруппе 2.1 по верхним частям выделяются 3 типологически близких сосуда, которые могут быть названы высокими вытянутыми кринками. Их объединяет тонкостенность, высокое узкое горло с плавным расширением в сторону тулова и более выраженным отгибом к устью, оформлением венчика дуговидными в сечении валиками (рис. 1, 6–8). Кринки, известные по культурному слою Челябинска XVIII–XIX вв., сильно отличаются от публикуемых по всем сво-

им характеристикам (значительно большая приземистость, более широкое и невысокое горло, почти горизонтальный отгиб венчика) [Самигулов 2003: 91–92, рис. 2, 5, 8–10].

Обращение к иным опубликованным материалам Уральского региона этого времени показывает, что кринка как тип столовой посуды в ряде коллекций либо не представлена вообще, либо присутствует единично и, в этом случае, относится к широкогорлым приземистым формам [Обыденнова, Овсянников 2015; Обыденнова и др. 2016; Камалеев 2018; Камалеев 2019; Камалеев, Колонских, Антонов 2018].

Возможно, что дальнейшее введение в научный оборот керамических материалов XVIII – начала XX вв. с территории Урала и Поволжья позволит получить более детализированную картину. По имеющимся же данным, коллекция со стоянки *Первомайский-1* выделяется значительным количеством кринок (все относятся к группе сероглиняной посуды), что, несомненно, не является случайным.

Сильная фрагментированность красноглиняной гончарной керамики (группа 3) резко снижает возможности ее анализа по формам — реконструируются только крупная миска и небольшой горшочек, т. е. всего 2 сосуда из 11, входящих в группу. Примеси к формовочной массе достаточно разнообразны (таблица 1): присутствуют сосуды

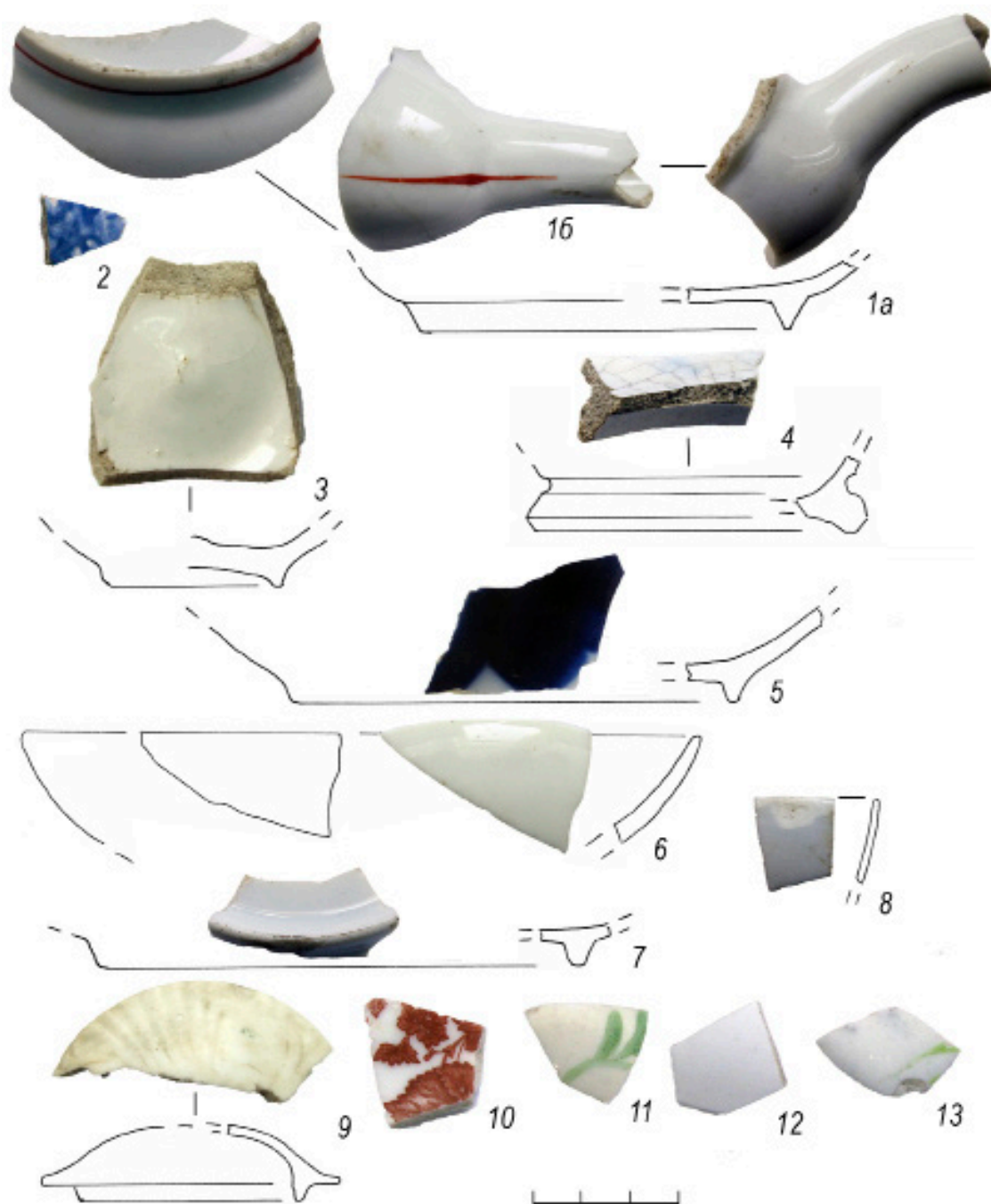

Рис. 3. Стоянка Первомайский-1. Фрагменты сосудов из фарфора (6–13) и фаянса (1–5)
 [Fig. 3. Pervomaisky-1 site. Fragments of porcelain (6–13) and earthenware (1–5) vessels]

как только с примесью мелкого песка, так и достаточно крупного песка с галечками, шамотом, органикой и дробленным мягким белым камнем. В целом можно говорить о том, что за исключением шамота все остальные дополнительные примеси распространены и в формовочной массе сосудов восстановительного обжига (группы 1 и 2). Вероятно, это является свидетельством

местного производства как минимум части красноглиняной посуды в рамках единых гончарных традиций. В дополнение к этим данным, для определения относительной хронологической позиции красноглиняной поливной посуды принципиальную важность имеют данные, полученные по Табынской крепости и Табынскому острогу в предгорной лесостепи Южного Приуралья.

Так, в остроге, предварительно датированном XVII–XVIII вв., присутствует только очень архаичная грубая керамика восстановительного обжига [Обыденнова и др. 2016: 290, рис. 7], а в верхних горизонтах культурного слоя крепости, продолжавшей существо-

вать в XIX в. в качестве казачьей станицы, керамика восстановительного обжига и поливная керамика окислительного обжига залегают совместно; в этих же отложениях появляются и изделия из фарфора и фаянса [Камалеев 2019: 153–154, табл. 2].

Таблица 2. Стоянка Первомайский-1.
Соотношение типов и групп посуды позднего комплекса
[Table 2. Pervomaisky-1 site. Correlation between types
and groups of tableware within the late complex]

Типы сосудов	Гр. 1	Гр. 2.1	Гр. 2.2	Гр. 3	Фаянс	Фарфор	ВСЕГО	Группа	Кол-во
Горшок	4		3				7	КУХОННЫЕ	7
Кринка		3					3	СТОЛОВЫЕ	5
Миска				1			1		
Горшочек				1			1		
Чайник					1		1	ЧАЙНЫЕ	13
Кружка					1		1		
Чашка					2	5	7		
Блюдце					1	2	3		
Крышка						1	1		
Неопред.	3	3	—	9	—	—	15	Неопределимые до группы — 37,5 %	
ВСЕГО	7	6	3	11	5	8	40	Определимые до группы — 62,5 %	

Основания для каких-либо прямых датировок найденных фрагментов посуды из фарфора и фаянса отсутствуют. Однако они занимают очень важное место в структуре всех находок посуды «позднего комплекса». Вся она четко делится на 3 функциональные группы: кухонная (гр. 1 и 2.2 — 7 сосудов), столовая (гр. 2.1. и 3 — 5 сосудов) и чайная (фарфор и фаянс — 13 сосудов). Учитывая четкую взаимосвязь грубой, сероглиняной и красноглиняной керамики по примесям к формовочной массе, отнесение их к кухонной и столовой группам, группа чайной посуды (чайник, кружка, блюдца, чашки) также должна быть синхронизирована с ними и включена в единый комплекс. Дата этого комплекса может быть определена в пределах середины – второй половины XIX в., что подтверждается и временем широкого распространения на Урале и в Западной Сибири фарфоровой и фаянсовой посуды [Матвеев, Аношко, Сирюшова 2011: 122–123].

Изделия из железа

Всего 14 экз., из них 12 — подъемный материал со всей поверхности площадки.

Выделяются фрагменты сосудов, ножей, гвоздей, подковы, зубья борон и небольшой фрагмент неопределимого пластинчатого предмета.

Сосуды — 2 экз., представлены фрагментом средней части чугунного котелка и фрагментом клепаного жестяного ведра. Форма первого биконическая, стенки слабо дуговидные, место стыка верхней и нижней части подчеркнуто рельефным валиком. Максимальный диаметр сосуда (место прохождения валика) — 24 см, сохранившаяся высота — 7 см. Толщина стенок выше валика — 3 мм, ниже валика — 2 мм (рис. 4, 1). От ведра сохранился небольшой фрагмент прямого устья с приклепанным ушком для крепления дужки (рис. 4, 10). Ребро жесткости по краю ведра сформировано закрученным в трубочку листом металла. Подобные клепаные ведра из листового металла известны на Урале как минимум с 1870-х гг. [Мельникова 2008: 28, фото 2].

Очень показательна находка фрагмента чугунного котелка — единственная находка чугунного изделия на площади распространения вскрытого пахотой культурного слоя

(почти 10 000 м²). На поверхности исследованных в 2018 г. башкирских селищ *Атиково-2* и *-3* XVIII–XIX вв. в горно-лесной зоне Южного Урала найдено значительно большее количество фрагментов чугунных котлов (*Атиково-2* — 10 на 4 150 м², *Атиково-3* — 14 на 15 140 м²) [Русланов 2019].

Совсем иная картина на русских (при всей условности данного определения) поселенческих памятниках XVII–XIX вв. Южного Урала. В Табынском городке (площадь раскопов 170 м²) находки чугунной посуды отсутствуют [Обыденнова, Овсянников 2015: 314–317].

При общем большом количестве металлических находок крупные чугунные котлы отсутствуют и в казачьем Свистунском руде Новолинейного района (современное Восточное Оренбуржье) [Фомичев 2018: 177].

В Табынской крепости среди сборов на поверхности чугун также не встречен, единственная находка небольшого фрагмента связана с верхней частью отложений одного из четырех заложенных шурфов [Камалеев 2019: 154]. В Ельдяцкой крепости на поверхности найдены фрагменты двух небольших чугунных котелков с диаметром по венчику 19 см [Камалеев 2018: 163, рис. 2, 1], в шести заложенных шурфах данная категория находок отсутствует. Эти различия вполне закономерны и основываются на принципиальных отличиях образа жизни кочевников и оседло-земледельческого населения, что проявляется в типах жилищ, приспособлениях для приготовления пищи, различиях в самой пище и т. д.

Обращаем внимание на близость котелков с *Первомайского-1* и опубликованного экземпляра из Ельдяцкой крепости: небольшой диаметр, биконическое тулово, валик — место стыка двух частей литейной формы, проходящий по месту максимального расширения тулова. Башкирские же котлы — большого диаметра при незначительной глубине (в *Атиково-3* — диаметр 50 см, глубина — 19 см), дуговидного профиля, с Г-образным или коленчатоотогнутым венчиком и горизонтальными сегментовидными ручками [Русланов 2019: 120]. По этим признакам последние являются прямым продолжением традиций золотоордынского времени.

Зубья от борон — 3 экз., из них одно целое. Его длина — 21,5 см, сечение квадратное, от 13×13 мм в средней части до 6×6 мм у острия (рис. 4, 3). В верхней части с двух противолежащих сторон нанесены парные наклонные зарубки. Верхний торец имеет следы деформации от забивания, острие также уплощено от забитости. Нижняя треть погнута, возможно, в процессе использования. Второй предмет — фрагмент верхней части длиной 4,5 см (рис. 4, 5). Сечение квадратное, 8×8 мм, равномерное по всей длине. Верхняя часть прута загнута под прямым углом и имеет следы сильной сбитости. Третий зуб представлен фрагментом нижней части, его длина — 8 см, сечение квадратное, до 1,2×1,3 см (рис. 4, 2). Судя по конструкции верхней части зубьев и сбитости на них, рама бороны была деревянной, в которую через специальные отверстия вбивались железные зубья.

Ножи — 4 экз., два из них найдены в шурфе (рис. 4, 4, 8).

Первый представляет собой центральную часть железного складного ножа (бритвы), состоящую из прибуховой части клинка размером 6,3×1,6 см, толщиной 0,2 см и фрагмента верхней части рукояти размером 2,4×1,8 см и толщиной 0,8 см (рис. 4, 8). Стоит из согнутой пополам и охватывающей пятку клинка пластины с прикрепленными к ней с помощью заклепок железными накладками. В месте крепления клинка и рукояти — сильно коррозированный выступ размером 2×2 мм; возможно, это ось. От второго ножа сохранилась хвостовая часть, судя по которой он также был складным, но относился к иному типу (рис. 4, 4). Длина стержня — 8 см, окончание закручено в спираль. Сечение стержня квадратное, 4×4 мм, в закрученной части плавно утончается до 1,5×1,5 мм. Нахождение на данном памятнике с достаточно ограниченным количеством и разнообразием находок фрагментов двух складных ножей (самодельных или ремесленного производства) свидетельствует о значительной их распространенности в XIX в. у населения Южного Урала. Также, по имеющимся данным, такие раскладные ножи-бритвы были широко распространены у башкир вплоть до первой половины XX в. [Русланов 2019]. Третий нож представлен квадратным в сечении черешком, закрученным винтообразно. Длина черешка — 5,9 см, толщина — 0,6 см (рис. 4, 7).

Рис. 4. Стоянка Пervомайский-1. Изделия из железа: 1 — чугу́нный котелок; 2, 3, 5 — зубья борон; 4 — хвостовик раскладного ножа; 6 — кованый гвоздь; 7 — черешок от ножа; 8 — средняя часть раскладного ножа; 9 — фрагмент подковы; 10 — верхняя часть клепаного ведра

[Fig. 4. Pervomaisky-1 site. Iron products: 1 — cast-iron pot; 2, 3, 5 — harrow teeth; 4 — shank of a folding knife; 6 — forged nail; 7 — knife stalk; 8 — middle part of a folding knife; 9 — fragment of a horseshoe; 10 — upper part of a riveted bucket]

От четвертого ножа сохранился также только черешок, его размеры — 5,9×0,7×0,4 см.

Фрагмент подковы имеет форму половины трехчетвертного овала, с двумя шипами (одним широким прямым передним и одним из двух прямых задних), двумя сохранившимися подквадратными отверстиями для гвоздей (ухналей) и гвоздевой дорожкой между ними (рис. 4, 9). Длина подковы — 13,3 см, ширина сохранившейся половины — 4,5 см. Ширина передней (зацепной) части — 2 см. Форма, длина и ширина самой подковы, ширина зацепной части, количество шипов и наличие гвоздевой дорожки (а не выемок под каждый гвоздь), согласно О. В. Двуреченскому и А. Н. Кирпичникову, говорят о том, что найденная на стоянке *Первомайский-1* подкова соответствует типу 2, распространенному в России в XVIII–XIX вв. [Кирпичников 1973: 83, 84; Двуреченский 2004: 239].

Гвозди — 3 экз. Все кованые. Один гвоздь целый, его длина — 6,4 см, сечение стержня квадратное, 0,3×0,3 см, шляпка круглая коническая, диаметром 1,3 см (рис. 4, 6). Два других гвоздя представлены нижними заостренными частями стержней длиной 4,1 и 2,4 см, не отличающимися по сечению и размерам от описанного выше целого экземпляра.

Также по всей площадке стоянки разнообразно встречались разные по размеру фрагменты кирпичей из глины коричневого цвета, куски колотой железной руды черного и темно-серого цвета² и 3 фрагмента из достаточно сильно иризованного стекла. Один из них — горлышко от сосуда типа склянки, два других — небольшие и тонкие (не более 2–3 мм) фрагменты плоского стекла. Помимо этого, на поверхности стоянки найдено 12 фрагментов костей животных, принадлежавших крупному (4) и мелкому (7) рогатому скоту, а также птице (1)³.

² Коллектив авторов выражает благодарность директору Института геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН доктору геолого-минералогических наук С. Г. Ковалеву за консультации, сделанные по фотографиям данных находок.

³ Определение костей проведено по этапам сотрудником отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН А. А. Романовым.

Археологическая реконструкция

Полученные материалы с достаточной полнотой позволяют реконструировать рассматриваемый поздний этап (при этом в ранний и средний этапы данная площадка использовалась в качестве кратковременной стоянки) освоения мысовидной площадки на северном берегу небольшого карстового озера. К этому времени относится основное количество находок. Керамический комплекс в целом одновременен и делится на посуду гончарную и изготовленную из фарфора и фаянса. Гончарная посуда представлена грубыми кухонными сосудами, сероглиняными столовыми (кринки) и более грубыми кухонными сосудами, а также красноглиняными столовыми сосудами, в том числе и с очень качественной поливой. Серия из фарфора и фаянса представлена фрагментами столовой (чайной) посуды — кружками, чашками, заварочным чайником, блюдцами, пиалой, чайной чашечкой из очень тонкого фарфора (рис. 3, 8). Одна из кружек (?) имеет следы очень длительного использования (рис. 3, 4). Металлические (все — из железа) изделия представлены тремя зубьями от борон, фрагментом чугунного котелка, фрагментами двух жестяных изделий типа ведер, согнутой подковой, коваными гвоздями, фрагментами складных ножей и еще несколькими неопределимыми фрагментами. Прочие находки представлены мелкими фрагментами стеклянных изделий, небольшим количеством колотых костей животных, обломками кустарных кирпичей и большим количеством разнообразных кусков железной руды.

Все находки локализованы исключительно в пределах пятна с максимальными размерами 70×50 м, при этом внутри данного периметра концентрация находок крайне неравномерна — выделяются небольшие скопления диаметром 3–5 метров с несколькими находками, разделенные промежутками совершенно без находок. Судя по данным шурфа, находящегося непосредственно в пятне распространения находок, весь культурный слой заключен в распаханном гумусе и, возможно, на контакте распаханного и нераспаханного слоев.

Специфика находок позднего комплекса позволяет данный археологический объект отнести к типу кратковременных, но многократно использовавшихся стоянок без осу-

пешествления полного цикла хозяйственной деятельности. По имеющимся археологическим данным, выявленный объект может быть интерпретирован как долговременно (одно–два поколения) использовавшийся полевой стан оседлого земледельческого населения середины – второй половины XIX в., находившийся в центре пахотных угодий. Присутствие фрагментов кирпичей позволяет предполагать наличие на площадке полевого стана каких-то относительно долговременных компактных сооружений типа печи, каменки, очага и т. д., которые могут быть заглублены в подстилающий материковый слой. Куски железной руды являются явно привозными и, вероятно, как-то использовались в хозяйственной деятельности (типа забутовки, вымостки, каменки и т. д.).

Исторические данные

Начало вхождения Южного Урала в состав Русского государства относится к середине XVI в., когда приуральская часть башкир приняла подданство «Белого царя», однако на протяжении последующих почти двух веков территория проживания башкир представляла собой своеобразный фронт с достаточно номинальным русским присутствием. Даже в Приуралье, территориально более связанном с историческими территориями Русского государства, городов Уфа и Бирск долгое время являлись очень удаленными аванпостами, окруженными со всех сторон многочисленным башкирским населением. Очень наглядна история создания и существования первого русского «промышленного узла» на территории Башкирии, в Табынском крае — монастырь, возникший еще в конце XVI в., Солеварный городок и сами варницы периодически уничтожались восставшими башкирами.

Изменение ситуации начинается только со второй трети XVIII в., когда для России по политическим причинам назрела необходимость более глубокой интеграции Башкирии в свой состав. Следствием создания Оренбургской экспедиции стало возведение Табынской крепости и строительство Бого-явленского завода, однако начальный этап этого процесса для Табынского края был не менее драматичен — Табынский редут и строящийся рядом с ним Воскресенский завод были тут же захвачены и уничтожены [Курмаев 2019; Зефирова 2014].

Совершенно иная ситуация была в Зауральской Башкирии — русское население на этих моноэтнических башкирских землях стало появляться только в 1740-е гг., после строительства крепостей Оренбургской укрепленной линии. Их создание было вызвано необходимостью реальной охраны юго-восточных границ России, при этом река Урал являлась крайне беспокойной для обеих сторон башкиро-казахской этнической границей [Кобзов 1992: 13; Гончарова 2011; Атнагулов 2017: 262]. Все создаваемые крепости и более мелкие укрепления находились по правому, башкирскому берегу р. Урал.

Рассматриваемая в настоящей статье стоянка *Первомайский-1* расположена в 15 км к югу-юго-западу от крепости Магнитной, напротив расположенных южнее ее редутов — Каменного, Зиндейского и Янгельского. Казачьей землей являлась полоса шириной не менее 15 верст вдоль реки Урал, проходившая по его «внутренней», башкирской стороне [Галигузов, Баканов 1994: 90; Магнитогорск 2002: 8].

Минимальное расстояние от стоянки *Первомайский-1* до р. Урал составляет 13–14 км, т. е. она находилась в пределах земель Оренбургского казачьего войска, что также подтверждается и картографическими материалами (рис. 6, 3). Никаких других русских населенных пунктов, за исключением казачьих станиц, в середине – второй половине XIX в. здесь не было. Фиксируемые на поздних картах Гусево, Борисово и Маркинский (3–5 км к западу и юго-западу, т. е. уже за пределами полосы казачьих земель) возникли в 1916 г. как хутора переселенцев из горнозаводских русских сел Кага, Авзян и Узян на землях, предоставленных башкирами (рис. 7, 2, 3) [Гончарова 2011: 126–127].

Картографические материалы показывают, что стоянка *Первомайский-1* находилась не более чем в 3–4 верстах западнее основной транспортной артерии региона — Оренбургского почтового тракта, соединяющего на этом участке станицу Магнитную с Янгельским отрядом (рис. 5–7). На карте Стрельбицкого (1919 г.) — первой, хотя бы относительно детально показывающей эту территорию, присутствует и еще одна дорога, которая проходит примерно в 2 км

Рис. 5. Расположение стоянки Первомайский-1 на картах конца XVIII – начала XIX вв.:

1 — карта 1799 г.; 2 — карта 1802 г.; 3 — карта 1805 г.

Fig. 5. Location of Pervomaisky-1 site according to late 18th-early 19th century maps: 1 — map of 1799; 2 — map of 1802; 3 — map of 1805]

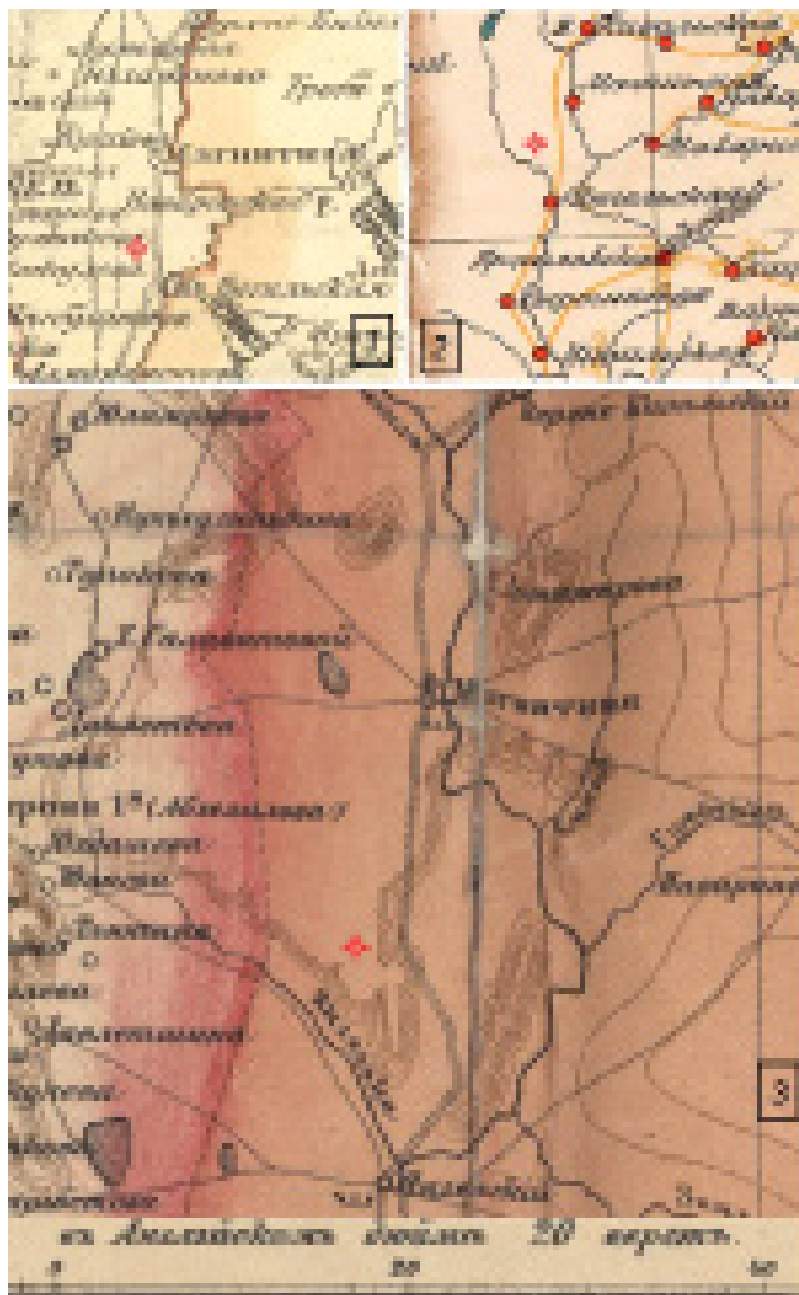

Рис. 6. Расположение стоянки *Первомайский-1* на картах конца XIX – начала XX вв.:

1 — карта 1875 г.; 2 — карта 1899 г.; 3 — карта 1905 г.

[Fig. 6. Location of Pervomaisky-1 site according to late 19th–early 20th century maps: 1 — map of 1875; 2 — map of 1899; 3 — map of 1905]

западнее стоянки (рис. 7, 1)⁴. Общая протяженность этой дороги — около 75 км, она напрямую соединяла казачьи поселки Сыртинский и Смеловский, являясь практически прямым меридионально вытянутым дублером Оренбургского тракта. В отличие

от последнего, часто прижимавшегося к долине р. Урал, она проходила по вершинам степных водораздельных сыртов. Судя по карте масштаба 1:100 000, изданной в 1944 г. по материалам 1941 г. (рис. 7, 2), эта дорога становится улучшенной грунтовой и именно по ней проходит граница между Башкирской АССР и Челябинской областью. Вероятно, ранее эта дорога мар-

⁴ В настоящее время эта дорога превратилась в слабо заметную грунтовку, идущую между распаханными полями.

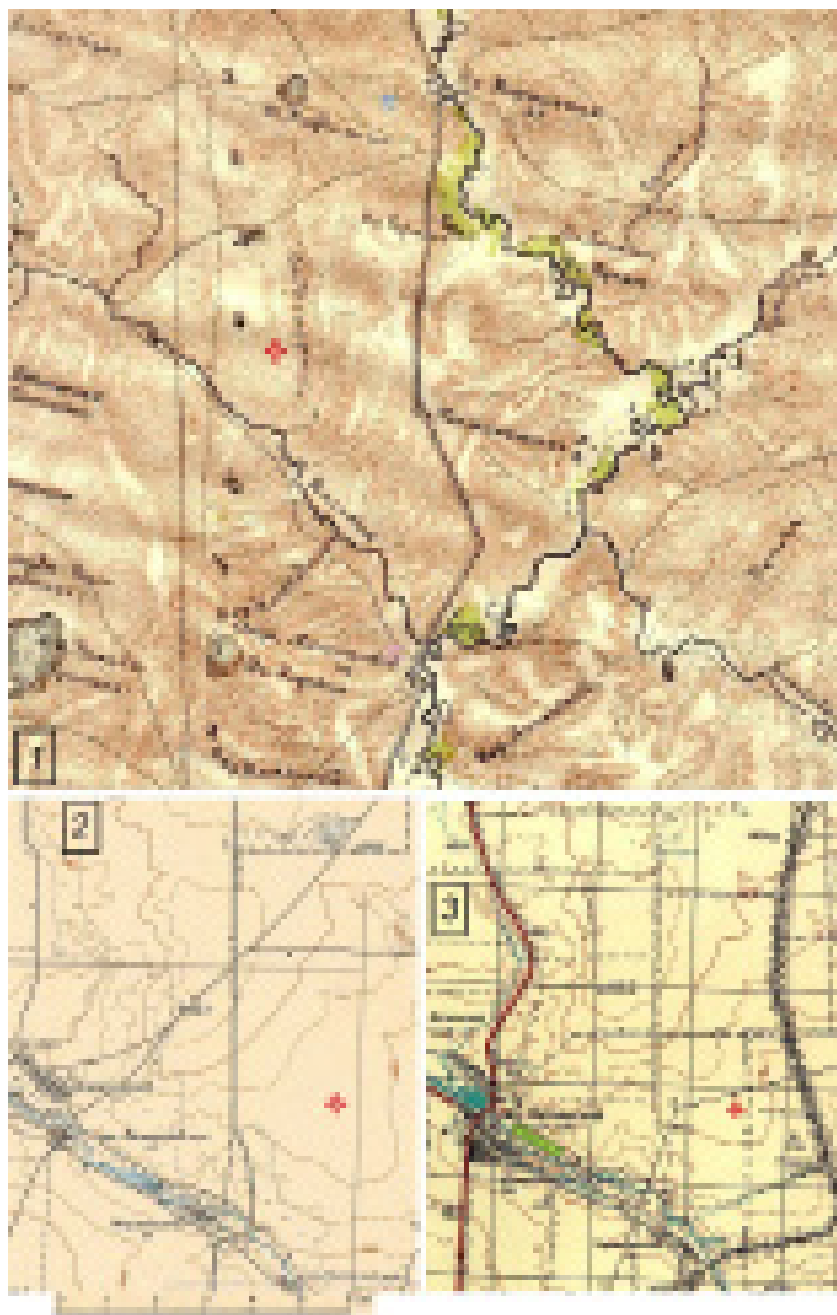

Рис. 7. Расположение стоянки *Первомайский-1* на картах XX в.:

1 — карта 1919 г.; 2 — карта 1943 г.; 3 — карта 1985 г.

[Fig. 7. Location of Pervomaisky-1 site according to 20th-century maps: 1 — map of 1919; 2 — map of 1943; 3 — map of 1985]

кировала границу между Оренбургским казачьим войском и башкирскими землями и вполне адекватно отражает ситуацию середины – второй половины XIX в., то есть времени существования стоянки *Первомайский-1*.

Очень показателен набор находок на стоянке — все они исключительно бытового и земледельческого (зубья борон) назна-

чения, а находки, связанные с вооружением, отсутствуют. Однако вплоть до середины XIX в. кочевавшие в непосредственной близости казахи были реальной угрозой как для башкирского, так и, в первую очередь, русского населения, находившегося непосредственно на линии границы — постоянные нападения, угоны скота и людей [Кобзов 1992: 24–25; Козлов 2016: 33–34].

Только за неполную вторую половину XVIII в. казахи с Оренбургской пограничной линии пленили и продали в рабство около 3 000 человек [Галигузов, Баканов 1994: 41]. Эта постоянная опасность, начинавшаяся прямо за укреплениями крепостей и редутов, привела к военизации всего быта казаков, в том числе это проявлялось и в земледелии. «При выходе на полевые работы значительным числом казаков с семьями инструкция требовала выставить посты наблюдения и охранение. На ночь все должны возвращаться домой, а если из-за расстояния это «неспоудручно», то выстраивать из телег каре, внутри которого размещать людей и скот под неусыпным оком часовых» [Галигузов, Баканов 1994: 42].

Отсутствие на стоянке *Первомайский-1* предметов вооружения (при достаточно большом количестве других металлических изделий) может свидетельствовать только о совершенно не военном характере данного памятника⁵. Подобное стало возможным только после создания в середине 1830-х гг.

Новой укрепленной линии, формирования Новолинейного района и постепенного успокоения кочевавших здесь казахов (после смерти в 1847 г. султана Кенисары Касимова, более 10 лет осуществлявшего набег крупными отрядами на пограничные и внутренние поселения Новолинейного района) [Кобзов 1992: 25; Козлов 2016: 34–38].

Передвижение границы с Киргиз-Кайсацкой степью более чем на 100 км к востоку привело к утрате военного значения крепостями старой укрепленной линии и дальнейшим их развитием в качестве поселков и станиц. Крепость Магнитная превратилась в богатую станицу — по экономическому состоянию в последней четверти XIX в. она отнесена к числу наиболее доходных [Галигузов, Баканов 1994: 67], и менее чем за полвека количество дворов и населения в ней выросло более чем в два раза (рис. 8). Также важно, что в 1844 г. в Магнитной была открыта первая ярмарка [Галигузов, Баканов 1994: 126]. Возможно, что именно с ее функционированием связано распро-

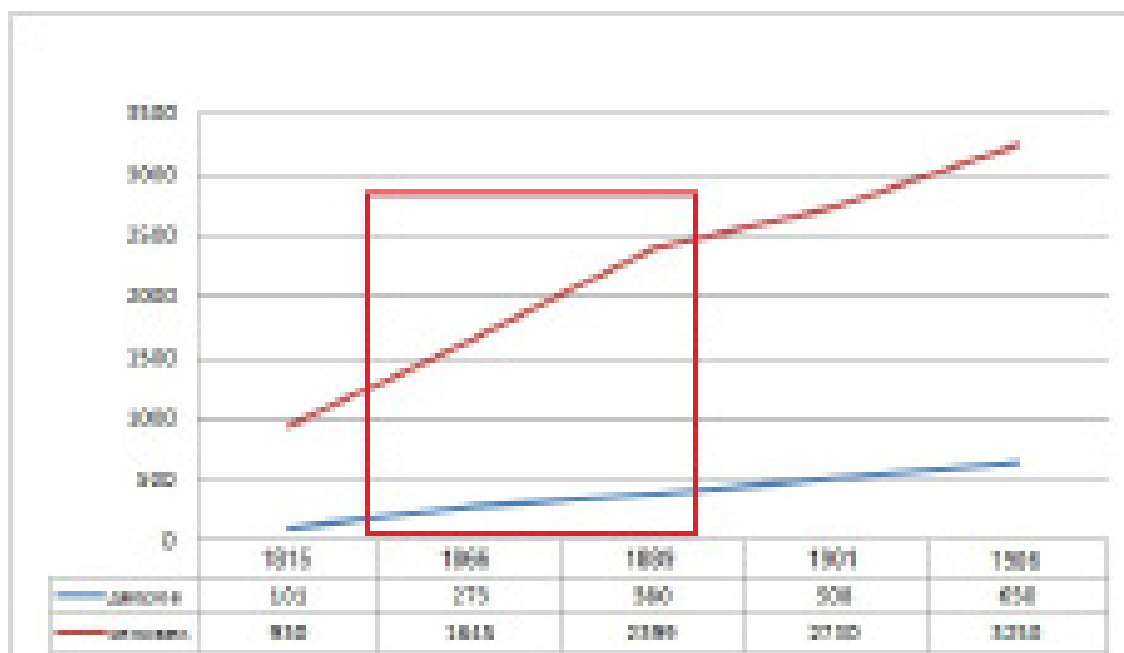

Рис. 8. Динамика роста крепости / станицы Магнитная в XIX – начале XX вв. [по: Галигузов, Баканов 1994: 28] и интервал существования стоянки *Первомайский-1* (красный прямоугольник)

[Fig. 8. Growth dynamics (19th – early 20th centuries) of Magnitnaya fortress / stanitsa, and the interval of existence of Pervomaisky-1 site (red rectangle)]

⁵ К примеру, на башкирском селище *Атиково-3* (рубеж XVIII–XIX вв.) найдены железные наконечники стрел и свинцовые пули [Русланов 2019], на селище *Воецкое-1* (башкирская дерев-

ня Акбашево, переставшая существовать к началу XIX в.) найден наконечник стрелы [Ахметова 2017], в «Табынском городке» 30-х гг. XVIII в. — наконечник стрелы, свинцовые пули и пушечные ядра [Обыденнова, Овсянников 2015].

странение среди казаков станицы фарфоровой (в том числе и очень качественной) и фаянсовой посуды, составлявшей почти половину находок на стоянке *Первомайский-1* и выделяемой в группу «чайной посуды» (таблица 2).

Неожиданно важную информацию дают находки кусков железной руды, в большом количестве найденной на площадке стоянки. Все они однородные, колотые, без следов пустой породы, т. е. это руда обогащена механическим способом. Факт присутствия руды на кратковременной стоянке в открытой степи может быть связан только с богатейшими запасами горы Магнитной (Атач), которые с середины XVIII в. использовали в качестве основного сырья на Белорецких железоделательных заводах. Сама гора также была собственностью этих заводов [Гудков, Гудкова 1985: 146–147]. Летом руда добывалась, складировалась в кучах (штабелях), а зимой на санях обозами доставлялась в Белорецк⁶. На добыче руды работали как присылаемые заводские крестьяне, так и казаки станицы Магнитной. Доставка же осуществлялась казаками своим транспортом и являлась важной статьей доходов жителей станицы [Галигузов, Баканов 1994: 12].

По прямой это расстояние составляет около 70 км, но только меньшая его часть проходит по равнине, большая — по предгорьям и перевалам через хребет Урал-Тау, фактически соответствуя современному прохождению автодороги, а в равнинной части проходя вдоль берега р. Малый Кизил. По данным Г. И. Гончаровой, население башкирских деревень по Малому Кизилу также занималось извозом руды, и эта дорога имела четкое наименование «Сугун-юлы» (*баш.* ‘Чугунная дорога’), сохранившееся до настоящего времени в качестве микротопонимов [Гончарова 2016: 3].

В этот же процесс было вовлечено и население села Ломовка — спутника Белорецкого завода, заселенного крестьянами из центральных губерний России, через которое и проходила основная дорога на рудники горы Магнитной. «А еще ломовцы были очень вольными людьми. Они возили руду с

горы Магнитной на Белорецкий завод, жили свободно, как казаки. ... Они из поколения в поколение передавали звание (именно звание!) ломового извозчика, чем всегда гордились. Ломовая лошадь для них была в буквальном смысле кормилицей» [Калугин 2019: 6].

Все эти данные говорят о существовании целой отрасли, связанной с перевозкой руды с места ее добычи в степи до места расположения заводов глубоко в горно-лесной зоне. Количество вовлеченных в этот процесс людей должно было быть очень значительным, как и количество самой перевозимой руды. Появление в таком контексте руды на казачьем полевом стане вполне закономерно и понятно. К примеру, сохранившиеся после перевозки остатки руды могли использоваться в качестве подобного строительного материала для обустройства площадки стана.

Заключение

Проведенный стандартный источниковедческий анализ показал высокую важность и информационную значимость «поздней» коллекции стоянки *Первомайский-1* (гончарная керамика, посуда из фарфора и фаянса, металлические изделия и т. д.). Специфика находок позволила сделать вывод о том, что данный памятник является кратковременной (но при этом многократно использовавшейся) стоянкой земледельческого населения середины – второй половины XIX в., реконструируемой как полевой стан. Привлечение картографических и исторических материалов позволило установить, что рассматриваемая стоянка расположена на землях Оренбургского казачьего войска и могла возникнуть только после создания Новолинейного района и превращения бывшей пограничной линии в глубокий тыл казачьих земель.

Анализ гончарной керамики показал большую близость серо- и красноглиняной серий по примесям к формовочной массе, что указывает на как минимум частично местное производство этой посуды. Особенностью коллекции является значительный процент высоких профилированных сероглиняных кринок — типа сосудов, практически не распространенного среди находок посуды этого времени в Урало-Поволжье и Западной Сибири. Распределение всей

⁶ Станица Магнитная. История станицы и горы Магнитная [электронный ресурс] // URL: http://u-z-d.narod.ru/5_stanitsa-magnitnaiy.htm (дата обращения: 20.05.2020).

посуды по функциональным группам (кухонная — столовая — чайная) показывает, что изделия из фарфора и фаянса, несмотря на свое высокое разнообразие (некоторые экземпляры предварительно могут быть определены как китайские), принадлежат исключительно к группе чайной. Это позволяет рассматривать всю коллекцию гончарной, фаянсовой и фарфоровой посуды со стоянки *Первомайский-1* как относительно одновременную, а предельная разнородность чайной группы может быть связана с самим типом памятника.

Еще один важный вывод сделан по чугунной посуде. Анализ их находок в Уральском регионе показывает, что на кочевнических памятниках (в первую очередь — башкирских) XVIII–XIX вв. в значительном количестве присутствуют большие чугунные котлы, а на памятниках оседлого (в первую очередь — русского) населения — небольшие чугунные котелки, представленные единичными экземплярами.

Источники

Русланов 2019 — *Русланов Е. В.* Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Бурзянском и Уфимском районах Республики Башкортостан в 2018 году по Открытому листу № 478 от 22.05.2018 г. / Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Уфа, 2019. В 4 т. Т. 1. 248 с. / Архив Института археологии РАН.

Sources

Ruslanov E. V. 2018 Exploratory Archaeological Excavations in Burzyansky and Ufimsky Districts of Bashkortostan: Scientific Progress Report. Permit no. 478 of May 22, 2018. Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of the RAS). Ufa, 2019. In 4 vols. Vol. 1. 248 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). (In Russ.)

Литература

Атнагулов 2017 — *Атнагулов И. Р.* Казахи Челябинской области: краткая этнокультурная характеристика (к проблеме этнической самоидентификации в полиэтническом окружении) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2017. № 1 (55). С. 260–268.

Двуреченский 2004 — *Двуреченский О. В.* Средства и приемыковки лошадей в Мо-

Расположение стоянки на небольшом степном озере в значительном удалении от водотоков вполне объективно для полевого стана, который должен быть приурочен к центру пахотных угодий. С другой стороны, нахождение здесь же материалов финала эпохи камня и кочевнической раннесарматской керамики свидетельствует о длительной традиции использования этой площадки. Во всяком случае, для скифо-сарматского времени топография стоянки и ее ближайшей округи вполне закономерны и являются наглядным примером «сотового» расположения так называемых «кочевых волостей» [Савельев 2018; Савельев, Николаев 2020]. Полученные данные показывают, что в таких же топографических условиях могут располагаться и памятники оседло-земледельческого населения Нового времени. Учитывая многочисленность казачьего населения вдоль верхнего течения р. Урал, количество подобных памятников должно быть очень большим.

Ахметова 2017 — *Ахметова Е. А.* Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Чекамагусhevском, Кушнаренковском, Уфимском, Благовещенском, Татышлинском, Еремеевском районах и г. Уфе Республики Башкортостан в 2016 году по Открытому листу № 453 от 20.05.2016 г. / ООО Научно-исследовательский центр «Наследие». Уфа, 2017. В 3 томах. Т. 1. 125 с. // Архив Института археологии РАН.

Akhmetova E. A. 2016 Exploratory Archaeological Excavations in Chekmagushevsky, Kushnarenkovsky, Ufimsky, Blagoveshchensky, Tatyshlinsky, Ermekeevsky Districts and Ufa City of Bashkortostan: Scientific Progress Report. Permit no. 453 of May 20, 2016. Nasledie Scientific Research Center. Ufa, 2017. In 3 vols. Vol. 1. 125 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). (In Russ.)

ске и Московской земле (в XIII–XIX веках) // *Археология Подмоскoвья: Материалы научного семинара*. Вып. 1 / отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 238–244.

Галигузов, Баканов 1994 — *Галигузов И. Ф., Баканов В. П.* Станица Магнитная. От казачьей станицы до города металлургов. Магнитогорск: ЧелГУ, 1994. 398 с.

- Гончарова 2011 — *Гончарова Г. И.* Имя отчей земли. Топонимия Абзелиловского района. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 184 с.
- Гончарова 2016 — *Гончарова Г. И.* Легендарные дороги Абзелила // Абзелил. 19 января 2016 г. № 5(8556). С. 3.
- Гудков, Гудкова 1985 — *Гудков Г. Ф., Гудкова З. И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Ч. 1. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1985. 424 с.
- Зефилов 2014 — *Зефилов В. В.* Поездка в Табынск // Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М. И. Роднов. Уфа: [б. и.], 2014. С. 25–37.
- Калугин 2019 — *Калугин И.* Вдоль по Ломовке. Заметки нестороннего наблюдателя // Республика Башкортостан. 25 апреля 2019 г. № 48. С. 6.
- Камалеев 2018 — *Камалеев Э. В.* Археологический комплекс «Ельдякская крепость» первой половины XVIII – нач. XX вв. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 160–168.
- Камалеев 2019 — *Камалеев Э. В.* Археологические исследования на территории Табынской крепости XVIII–XX вв. в Центральной Башкирии // Теория и практика археологических исследований. № 1 (25). 2019. С. 147–156. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-12.
- Камалеев, Колонских, Антонов 2018 — *Камалеев Э. В., Колонских А. Г., Антонов И. В.* Керамика Нового времени городища *Уфа-III* (по материалам раскопок М. Х. Садыковой 1969 г.) // Манускрипт. 2018. № 12 (98). Ч. 1. С. 37–41. DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-1.7
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1973. 140 с.
- Кирсанов 2001 — *Кирсанов Р. С.* Гончарное производство населения Самарского Поволжья как источник историко-культурной информации // Самарский край в истории России: мат-лы юбил. науч. конф. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2001. С. 215–223.
- Кобзов 1992 — *Кобзов В. С.* Новая линия // Вестник Челябинского государственного университета. 1992. № 1 (3). С. 12–26.
- Козлов 2016 — *Козлов Ю. Я.* Поселок Наваринский // Хронист / сост. Л. В. Каменская. Челябинск: Цицеро, 2016. С. 33–47.
- Курмаев 2019 — *Курмаев В. Н.* Солепромышленники и служилые люди Табынского Усоля. 1636–1740 гг. // Исторические портреты. В 5 т. Т. 2 / сост. и отв. ред. М. И. Роднов. Уфа: Альфа-Реклама, 2019. С. 203–250.
- Магнитогорск 2002 — Магнитогорск. Краткая энциклопедия / под ред. Б. А. Никифорова. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2002. 560 с.
- Матвеев, Аношко, Сирюшова 2011 — *Матвеев А. В., Аношко О. М., Сирюшова Н. Ф.* Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2(15). С. 116–124.
- Мельникова 2008 — *Мельникова О. Н.* Снаряжение рудокопа и старателя в коллекции отдела металла ГИМ // Музеи. 2008. № 2. Спецвыпуск. Посвящен Государственному историческому музею. С. 23–30.
- Обыденнова, Овсянников 2015 — *Обыденнова Г. Т., Овсянников В. В.* «Табынский острог» — исторический памятник XVII–XVIII вв. (к истории изучения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 3. 2015. С. 312–318.
- Обыденнова и др. 2016 — *Обыденнова Г. Т., Овсянников В. В., Бубнель Е. В., Проценко А. С., Бабин И. М.* История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Приуралья // Поволжская археология. 2016. № 4(18). С. 278–295.
- Савельев 2018 — *Савельев Н. С.* Находки мечей и кинжалов скифо-сарматского времени из юго-западных предгорий Южного Урала (к вопросу об освоении территории и особенностях расселения кочевников) // *Oriental Studies*. 2018. Vol. 38. Iss. 4. Pp. 24–31. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31
- Савельев, Николаев 2020 — *Савельев Н. С., Николаев С. Ю.* Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей с. Толбазы в Южном Приуралье // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 1. С. 149–166. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8
- Самигулов 2003 — *Самигулов Г. Х.* Глиняная посуда XVIII – начала XIX веков из слоя Челябинска // Известия Челябинского научного центра РАН. 2003. Вып. 3 (20). С. 90–95.
- Фомичев 2018 — *Фомичев А. В.* Фортификационные сооружения Новолинейного района на востоке Оренбургской области // Теория и практика археологических исследований, 2018. Т. 24. № 4. С. 174–180. DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-15

References

- Atnagulov I. R. Kazakhs of Chelyabinsk Region: a brief ethno-cultural characteristics (to the problem of ethnic identity in the multiethnic environment). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2017. No. 1 (55). Pp. 260–268. (In Russ.)
- Dvurechensky O. V. Horseshoeing means and methods in Moscow and Tsardom of Muscovy: 13th to 19th centuries. In: Engovatova A. V. (ed.) *Archaeology of Podmoskovye. Seminar Proceedings*. Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2004. Pp. 238–244. (In Russ.)
- Fomichev A. V. Fortifications of the Novolineiny District in the east of the Orenburg Region. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2018. Vol. 24. No. 4. Pp. 174–180. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-15
- Galiguzov I. F., Bakanov V. P. Magnitnaya Stanitsa: From a Cossack Settlement to the Metallurgical City. Magnitogorsk: Chelyabinsk State University, 1994. 398 p. (In Russ.)
- Goncharova G. I. Legendary roads of Abzelil. *Abzelil*. 2016, January 19. No. 5(8556). P. 3. (In Russ.)
- Goncharova G. I. Name of Fatherland: Toponymy of Abzelilovsky District. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of RAS), 2011. 184 p. (In Russ.)
- Gudkov G. F., Gudkova Z. I. Mining and Processing Works of the Southern Urals: 18th – 19th Centuries. Essays in Local History. Vol. 1. Ufa: Bashkir Book Publ., 1985. 424 p. (In Russ.)
- Kalugin I. Walking along Lomovka: observations of the insider. *Respublika Bashkortostan*. 2019, April 25. No. 48. P. 6. (In Russ.)
- Kamaleev E. V. Archeological complex ‘Eldyaskaya Fortress’ of the first half XVIII – early XX centuries. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*. 2018. No. 1. Pp. 160–168. (In Russ.)
- Kamaleev E. V., Kolonskikh A. G., Antonov I. V. Modern era ceramics of Ufa-III settlement (by the materials of M. H. Sadykova’s excavations of 1969). *Manuscript*. 2018. No. 12 (98). Part 1. Pp. 37–41. (In Russ.) DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-1.7
- Kamaleev E. V. Archaeological study in the territory of the Tabynsk Fortress of the XVIIIth–XXth centuries in Central Bashkiria. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2019. No. 1 (25). Pp. 147–156. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-12.
- Kirpichnikov A. N. Horseman’s Gear and Riding Horse Tack in Rus’: 9th – 13th Centuries AD. Ser.: *Archaeology of the USSR*. Vol. E1-36. Moscow; Leningrad: Nauka, 1973. 140 p. (In Russ.)
- Kirsanov R. S. Pottery from Samara areas of the Volga Region as a source in history and culture. In: *Samara Region in Russian History. Jubilee Conference Proceedings*. Samara: Alabin Samara Oblast Museum of Local History and Lore, 2001. Pp. 215–223. (In Russ.)
- Kobzov V. S. The new line. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1992. No. 1 (3). Pp. 12–26. (In Russ.)
- Kozlov Yu. Ya. Navarinsky village. In: Kamenskaya L. V. (comp.) *The Chronieler*. Chelyabinsk: Tsitsero, 2016. Pp. 33–47. (In Russ.)
- Kurmaev V. N. Salt industrialists and service class people of Tabynskoye Usolye: 1636–1740. In: Rodnov M. I. (comp., ed.) *Historical Portraits*. In 5 vols. Vol. 2. Ufa: Alfa-Reklama, 2019. Pp. 203–250. (In Russ.)
- Matveev A. V., Anoshko O. M., Siryushova N. F. Olden porcelain and faience dishes from the cultural layer of Tobolsk. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2011. No. 2(15). Pp. 116–124. (In Russ.)
- Melnikova O. N. Metalwork Section of the State Historical Museum: a gold miner’s gear. *Museums*. 2008. No. 2. Pp. 23–30. (In Russ.)
- Nikiforov B. A. (ed.) *Magnitogorsk: A Brief Encyclopedia*. Magnitogorsk: Magnitogorsk Printing House, 2002. 560 p. (In Russ.)
- Obydenova G. T., Ovsyannikov V. V. Historic and archival study of Tabynsk settlement. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. Vol. 17. No. 3. Pp. 312–318. (In Russ.)
- Obydenova G. T., Ovsyannikov V. V., Bubnel E. V., Protsenko A. S., Babin I. M. Archaeological studies of fortifications in Bashkir Cis-Urals Region. *The Volga River Region Archaeology*. 2016. No. 4(18). Pp. 278–295. (In Russ.)
- Samigulov G. Kh. 17th-early 19th century earthenware from Chelyabinsk. *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2003. No. 3 (20). Pp. 90–95. (In Russ.)
- Savelev N. S., Nikolaev S. Yu. Sarmatian dagger complex from the surrounding area the village Tolbazy in the Southern Urals. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2020. Vol. 19. No. 1. Pp. 149–166. (In Russ.) DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8
- Savelyev N. S. Swords and daggers of the Scytho-Sarmatian period: finds from southwestern foothills of the Southern Ural (development of the territory and dispersal of the nomadic population revisited). *Oriental Studies*. 2018. Vol. 38. No. 4. Pp. 24–31. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31
- Zefirov V. V. Journey to Tabynsk. In: Rodnov M. I. (comp.) *Southern Urals, 19th – Early 20th Centuries: Studies in Local History*. Ufa, 2014. Pp. 25–37. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 866–875, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-866-875
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-866-875

Дальневосточная республика как «колыбель» Монгольской революции (к 100-летию ДВР и Монгольской революции 1921 г.)

Леонид Владимирович Курас¹, Базар Догсонович Цыбенков²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
 (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
 (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Курас Л. В., Цыбенков Б. Д., 2020

Аннотация. *Введение.* Дальневосточная республика, появившаяся в качестве «буферного» государства весной 1920 г., сыграла важную роль в транснациональной истории монгольского мира. Монгольские революционеры, осознавая потенциальные возможности большевистской власти и необходимость использования в своих целях российско-монгольского приграничья, решились на установление прямых контактов с региональными властями Дальневосточной республики и РСФСР. *Целью исследования* явилось изучение организационной роли Дальневосточной республики в качестве форпоста Монгольской революции 1921 г. Для ее решения были поставлены следующие *задачи*: изучение российско-монгольского революционного взаимодействия в 1918–1920 гг.; освещение деятельности уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел РСФСР в Монголии О. И. Макстенека; рассмотрение маршрута и работы трех групп монгольских делегатов в пределах Дальневосточной республики и Советской России в 1920 г.; созыв первого съезда Монгольской народной партии в марте 1920 г. в г. Троицкосавске. *Материалами исследования* послужили архивные документы по истории российско-монгольского военного сотрудничества в первой половине XX в., работы отечественных и монгольских авторов по исследуемой проблематике. *Результаты.* Выяснено, что подготовительные мероприятия Монгольской революции 1921 г., включая основополагающие поездки и собрания монгольских революционеров во второй половине 1920 – начале 1921 гг., проходили на территории буферного государства — Дальневосточной республики. *Выводы:* Руководство Дальневосточной республики во главе с Б. З. Шумяцким и уполномоченный Народного ко-

миссариата иностранных дел РСФСР в Монголии О. И. Макстенок сыграли большую роль в организации деятельности монгольских делегатов-революционеров и в целом в укреплении у них мысли о суверенной Монголии с опорой на советскую власть и ее вооруженные силы.

Ключевые слова: Советская Россия, Дальневосточная республика, монгольские революционеры, «буферное» государство, О. И. Макстенок, российско-монгольское революционное взаимодействие

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта РФФИ – Министерства образования, культуры и науки (Монголия) № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) (регистрационный номер АААА-А20-120021490062-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития–II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дальневосточная республика как «колыбель» Монгольской революции (К 100-летию ДВР и Монгольской революции 1921 г.) // *Oriental studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 866-875. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-866-875

UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-866-875

Far Eastern Republic as a ‘Cradle’ of the Mongolian Revolution: Celebrating the 100th Anniversaries of the Far Eastern Republic and the Mongolian Revolution of 1921

Leonid V. Kuras¹, Bazar D. Tsybenov²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Kuras L. V., Tsybenov B. D., 2020

Abstract. Introduction. The Far Eastern Republic that emerged in the spring of 1920 suited all political players — Moscow, Tokyo, Washington, Irkutsk Political Center, and other peripheral political forces of the Far East. The ‘buffer’ state also played an important role in the transnational history of the Mongolian world. Mongolian revolutionaries stayed in the territory of the Far Eastern Republic in the summer and autumn of 1920. At that time, they were deeply imbued with the ideas of the Bolsheviks. **Goals.** The study seeks to examine the organizational role of the Far Eastern Republic as an outpost of the Mongolian Revolution of 1921. The objectives be tackled are as follows: investigation of the Russian-Mongolian revolutionary interaction in 1918-1920; analysis of activities of O. Maksteneck, an authorized representative of the RSFSR People’s Commissariat for Foreign Affairs to Mongolia; exploration of the route and work of three groups of Mongolian delegates in the territory of the Far Eastern Republic and Soviet Russia in 1920; insight into activities of the first congress of the Mongolian People’s Party in Troitskosavsk in March 1920. **Materials.** The paper analyzes archival documents dealing with the history of Russian-Mongolian military cooperation in the early-to-mid

20th century, considers works by domestic and Mongolian authors dedicated to the creation of the Far Eastern Republic and the Mongolian Revolution of 1921. *Conclusions.* The leadership of the Far Eastern Republic headed by B. Shumyatsky and the authorized representative of the RSFSR People's Commissariat for Foreign Affairs O. Maksteneck played a crucial role in organizing the activities of the Mongolian revolutionary delegates. They convinced the Mongolian revolutionaries of the need to rely on Soviet power and its armed forces in the struggle for Mongolian independence.

Keywords: Soviet Russia, Far Eastern Republic, Mongolian revolutionaries, 'buffer' state, O. Maksteneck, Russian-Mongolian revolutionary interaction

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia, no. 19-59-44004 'The Mongolian Revolution of 1921 in the Mirror of Transnational History of the Mongolian World: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution of 1921' (state reg. no. AAAA-A20-120021490062-5). The article was presented at the International scientific online conference 'Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II' funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Kuras L. V., Tsybenov B. D. Far Eastern Republic as a 'Cradle' of the Mongolian Revolution: Celebrating the 100th Anniversaries of the Far Eastern Republic and the Mongolian Revolution of 1921. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 866-875. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-866-875

Введение

Мы уже рассматривали предпосылки Монгольской революции 1921 г. как продолжение «революции в колчакии» [Курас 2017; Курас, Хишигт, Цыбенков 2020]. При этом наше внимание было сконцентрировано на том факте, что эта связь позволяет современной историографии взглянуть на события в Центральной Азии через призму «транснациональной истории монгольского мира» [Курас 2016б].

В центре внимания такого направления стоит «изучение закономерностей, общих для всех национальных культур, а также взаимосвязей, конфликтов, войн, революций, которые невозможно объяснить как результат действий отдельного государства. Поэтому именно транснациональная история позволяет по-новому рассмотреть феномен революции» [Курас 2016а: 84].

В свою очередь такая «перспектива позволяет не только осветить трансграничные аспекты развития национальных движений в Сибири и Монголии, приведших среди прочего к созданию и частичной реализации национальных проектов, но и реконструировать историю национализма как глобального дискурса, оказавшего в XX в. значительное влияние на властные отношения и постимперское переустройство во всех регионах мира» [Саблин 2014:

135–136]. И в русле этой идеи особая роль принадлежит Дальневосточной республике (ДВР).

Непредсказуемость эпохи кардинальных перемен: корреляция феномена Дальневосточной республики и Монгольской революции 1921 г.

Кратко о феномене Дальневосточной республики

Для современной российской историографии особую важность представляет феномен республики, который никогда не рассматривался как марионеточное государство. И в этом плане феномен Дальневосточной Республики навсегда запечатлен в истории как новое государственное образование, которое появилось в «нужное время и в нужном месте». Она удивительным образом устраивала всех политических игроков: Москву, Токио, Вашингтон, Иркутский Политцентр и другие периферийные политические силы Дальнего Востока.

Это было абсолютно взвешенное и единственно правильное решение, так как территория от Байкала и до Владивостока была плотно насыщена японскими войсками, а сама Советская Россия была на пороге войны с Польшей.

Для современной науки и политических технологий — это был уникальный случай, когда имела место конкуренция различных

взглядов на будущее региона в конкретный период. Так, национальные сценарии, связывали это будущее с интересами одной из групп местного населения: русских, бурят-монголов, корейцев, украинцев и других [Саблин 2020: 25; 52–54; 83–89; 141–152].

В рамках транснациональных проектов имели место попытки интегрировать Дальний Восток в политические и экономические зоны влияния Японии и США. Большевики и Коминтерн рассматривали регион как плацдарм для экспорта революции в Монголию, Корею, Китай и Японию. Так, в условиях начавшегося соперничества с США за влияние на русский Дальний Восток, наличие «буфера» оказалось необходимым для Японии, которая полагала возможным иметь здесь преобладающее влияние.

Северо-Американские Соединенные Штаты были убеждены, что американская экономика позволит им стать единоличными хозяевами в регионе. Для Иркутского Политцентра «буфер» был нужен для остановки наступления «красных», а на переговорах с большевиками выдвигались доводы прямо противоположные. Но при этом никто из политических игроков даже в мыслях не держал Монголию, которая, как показала последующая история, получила от существования «буфера» не меньше, а может быть и больше, нежели Советская Россия.

6 апреля 1920 г. начал работу съезд трудящихся Западного Забайкалья в Верхнеудинске, в котором приняли участие представители всех политических партий и земств. В соответствии с планом Сиббюро ЦК РКП (б) съезд провозгласил создание Дальневосточной республики со столицей в г. Верхнеудинске. Съезд направил правительствам и народам мирового сообщества декларацию о создании нового, независимого и демократического государства — Дальневосточной республики. Тем самым была создана буферная зона между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР) и Японией. В новом государстве были приняты все атрибуты государственности: государственный герб, государственный флаг и национальная валюта (рубль Дальневосточной республики).

14 мая 1920 г. советское правительство официально признало Дальневосточную

республику и объявило о готовности обменяться верительными грамотами.

В середине сентября 1920 г. японцы приняли решение о выводе войск из Забайкалья, что нанесло сокрушительный удар по позициям Г. М. Семёнова. В середине октября 1920 г. был завершён вывод японских войск из Забайкалья. А «с 28 октября по 10 ноября 1920 г. в Чите состоялась конференция областных правительств Дальнего Востока. На ней была принята декларация, провозглашавшая объединение всей территории «бывшей Российской империи к Востоку от Селенги и озера Байкала до Тихого Океана, включая области Западно-Забайкальскую, Восточно-Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин и Камчатку» [Саблин 2020: 147] в единую независимую республику.

Тем самым текст, предложенный идеологом и видным функционером ДВР А. М. Краснощёковым, начал отсчет истории республики с 6 апреля 1920 г., т. е. с того дня, когда была подписана декларация независимости в Верхнеудинске, что фактически означало признание ведущей роли верхнеудинского правительства [Саблин 2020: 147].

В тоже время по воспоминаниям Виктора Кина, одного из участников большевистского подполья на Дальнем Востоке: «Это была веселая республика — ДВР! В парламенте бушевали фракции, что-то вносили, согласовывали... Над председателем висел герб, почти советский, но вместо серпа и молота были кайло и якорь. Флаг был красный, но с синим квадратом в углу. Армия носила пятиконечные звезды — но, наполовину синие, наполовину красные. И вся республика была такой же, половинной» [Григорьев 2017].

Тем не менее ДВР оставила глубокий след в истории и памяти русского Дальнего Востока, ибо Дальневосточная республика — это уникальный опыт строительства «буфера» с целью недопущения большой войны с Японией и одна из первых попыток в мировой истории совмещения революционной диктатуры пролетариата и крестьянства с буржуазными институтами. Кроме того, это заключительный аккорд кровопролитной гражданской войны в России.

Монгольские революционеры в 1920 г.: от замыслов к реализации планов

События 1920 г. являются значимыми не только для истории Советской России, но и для сопредельных территорий. В истории Монголии этот год (1920) также стал ключевым. В июне 1920 г. две подпольные антикитайские группы «Консульский холм» (Д. Бодоо и Х. Чойбалсан) и «Восточное хурэ» (С. Данзан, Д. Догсом, Д. Сухэ-Батор) объединились в Монгольскую народную партию (МНП). Они прекрасно понимали, что, рассчитывая только на собственные силы, они не добьются желанной независимости Монголии. И потому монгольские революционеры решили обратить свои взоры на Советскую Россию.

Советская Россия стремилась установить дружественные связи с Монголией, руководствуясь не только общностью границы. Этот интерес имел глубокие корни:

1) советское руководство ясно понимало стратегическую роль Монголии в своем стремлении выйти за пределы собственных рубежей, к осуществлению мировой революции;

2) для реализации идеи мировой революции и поворота ее вектора на восток, Монголия рассматривалась РКП (б) и Коминтерном как реальный плацдарм будущей революции в Азии;

3) интерес к Монголии имел и экономическую составляющую: Советская Россия надеялась восстановить невосполнимые потери, понесенные в годы революции и братоубийственной войны, за счет монгольских ресурсов.

РКП (б) и Коминтерн были прекрасно информированы об успехах и недостатках подпольной деятельности монгольских революционеров. Директивные органы Советской России и ДВР всячески содействовали монголам в их борьбе с китайскими милитаристами, а в более широком смысле — в осуществлении национальной революции.

Весной 1918 г. РСФСР направило правительству Монголии официальное уведомление о том, что она аннулирует все прежние царские договоры и предлагает установить со своим монгольским соседом устойчивые связи. В августе 1919 г. правительство РСФСР выступило с новым обращением к монгольскому правительству и монгольскому народу, в котором признало право мон-

гольского народа самостоятельно устраивать государственную жизнь и предложило установить дипломатические отношения.

В марте 1920 г. в Ургу прибыл функционер Сиббюро ЦК РКП (б) Н. Г. Буртман, который разъяснил монгольским революционерам основные положения программы партии большевиков, ее стратегию и тактику [Базаров, Жабаяева 2008: 181]. А в мае 1920 г. в Ургу прибыли советские представители, возглавляемые сотрудником Сибирского бюро РКП (б) С. С. Борисовым, в последующем заведующим «монголо-тибетским отделом секции восточных народов Сиббюро РКП (б)» [Роцин 1999: 29]. Именно тогда у монгольских революционеров возникает мысль о том, чтобы сделать ставку на Советскую Россию.

Для решения поставленных задач Учредительное собрание МНП 25 июня 1920 г. постановило: направить в РСФСР тремя группами делегацию сначала С. Данзана и Х. Чойбалсана, следом — Д. Бодоо и Д. Чагдаржава и за ними — Д. Сухэ-Батора, Д. Догсома и Д. Лосола.

Троицкосавск, О. И. Макстенок и монгольские делегации: укрепление революционного взаимодействия

В июне 1920 г. к своим обязанностям приступил уполномоченный Наркомата иностранных дел РСФСР в Монголии Отто Иванович Макстенок [Курас, Цыбенков 2020]. Китайские оккупационные власти в Урге не пропустили его через границу, и О. И. Макстенок остановился в ДВР, в пограничном городе Троицкосавск, где и открыл консульский отдел Советской России. Кроме своих непосредственных обязанностей советского дипломата, он занялся и иными делами, где емугодились навыки периода революционного подполья. Он установил тесные связи с монгольскими революционными кругами, осуществляя организационную, идеологическую и политическую работу на монгольском направлении. Кроме того, О. И. Макстенок осуществлял и посреднические функции, налаживая связи монгольских революционеров с представителями ДВР, Советской России и Коминтерна.

Первостепенной задачей О. И. Макстенка стала организационная работа. Именно он встречал, размещал, организовывал быт, обеспечивал охрану и поставлял необходи-

мую информацию первой группы монгольских революционеров в лице С. Данзана и Х. Чойбалсана, которые прибыли к нему в середине 1920 г. с рекомендацией члена Информбюро граждан Советской России в Монголии М. И. Кучеренко [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020: 310]. Тем самым советский дипломат стал первым официальным лицом, принявшим монгольских революционеров. Поэтому вполне естественно, что именно он первым ознакомился с «Обращением делегации представителей монгольского народа и МНП к уполномоченному НКВД РСФСР в Троицкосавске О. И. Макстенеку с просьбой начать переговоры с правительством Советской России об оказании помощи Монголии в ее борьбе за освобождение» [РМБС 2008а: 106–107].

Важность этой встречи и особая роль ДВР были фактически сразу же озвучены уполномоченным НКВД РСФСР. Прежде всего, он извинился за то, что, имея дипломатический статус уполномоченного НКВД РСФСР, тем не менее принимает делегацию неофициально ввиду нелегального положения Монгольской народной партии и особенно «при теперешних обстоятельствах международной политики» [РМБС 2008б: 208].

Тем самым Уполномоченный НКВД О. И. Макстенеку дал понять, что международное положение РСФСР таково, что она не может открыто контактировать с представителями нелегальной монгольской партии, чтобы не вызвать негативную реакцию со стороны Китая, США и Японии. И в этой связи ДВР приобретала положение не только «буфера», но и своеобразного форпоста будущей монгольской революции. И в этой связи О. И. Макстенеку отводилась особая роль: уполномоченный Наркомата иностранных дел РСФСР был не только осведомлен о делах монголов, но и знал о цели приезда делегации. Он же должен был отправить их в столицу ДВР — Верхнеудинск, отрабатывать маршрут передвижения, готовил адреса будущих встреч, постоянно находясь в прямой связи с председателем Совмина ДВР Б. З. Шумяцким [Хишигт 2017: 17].

Вторая группа монгольских революционеров — Д. Бодоо и Д. Чагдаржав — прибыла в Троицкосавск в начале августа. Их сопровождали С. С. Борисов и Ц.-И. Да-

шепылов [Хишигт 2011: 155]. При встрече с уполномоченным НКВД Д. Бодоо и Ч. Чагдаржав передали ему «Обращение от представителей монгольского народа и Народно-революционной партии Внешней Монголии». В официальном документе выражалась уверенность в том, что Уполнаркоминдел окажет всяческое содействие в осуществлении их высокой миссии.

Третья группа монгольских делегатов — Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол — прибыла в Троицкосавск 8 августа 1920 г. Делегацию встречали О. И. Макстенеку и представитель Дальневосточного секретариата Исполнительного комитета Коммунистического интернационала И. А. Сорокинов. Им было передано «Письмо князей и лам Внешней Монголии». Именно с этим документом монгольские революционеры прибыли в Иркутск. Здесь они обратились к Сибмиссии ЦК партии большевиков и Совнаркому.

Тем самым в течение полутора месяцев Дальневосточная республика и ее пограничный форпост Троицкосавск и квартира Отто Ивановича стали фактически «конспиративной квартирой» всех трех групп монгольских делегатов, на которой Уполномоченный НКВД РСФСР О. И. Макстенеку встречался с ними ежедневно. Именно он организовал встречу монгольских революционеров с руководством ДВР. Тем самым Дальневосточная республика, «буфер», который устраивал всех, становится участницей большой политической игры. Именно здесь решается судьба будущей национальной революции. Именно здесь закладываются основы суверенной Монголии. Следует подчеркнуть, что опыт нелегальной работы монгольских партийцев сослужил им хорошую службу. Осенью 1920 г. Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан длительное время после возвращения из Москвы находились на полулегальном положении на территории Джидинской долины (Джидинский район Республики Бурятия), а зимой 1921 г. скрывались в Гэгэтуйском и Дырестуйском дацанах. Они выезжали в Желтуру и другие пограничные населенные пункты для встречи с соратниками, занимались формированием партизанских отрядов. Все это время для оперативной информации о положении дел в Монголии в Троицкосавске оставался Д. Лосол. В конце февраля 1921 г. монголь-

ские революционеры перебрались в Троицкосавск (Кяхту) [Мельников 2011].

Знакомство монгольских делегатов с руководителем ДВР Б. З. Шумяцким как пролог к новым встречам на высшем уровне в Советской России

В августе 1920 г. в г. Верхнеудинске состоялась встреча монгольской делегации с видным сибирским большевиком, стоявшим у истоков создания ДВР, идеологом будущей монгольской революции Б. З. Шумяцким.

Монгольской делегации пришлось больше месяца находиться в столице ДВР Верхнеудинске [Хишигт 2017: 18]. Причины кажущейся нерасторопности Б. З. Шумяцкого и О. И. Макстенека объяснялись как международной обстановкой, так и политическим статусом ДВР:

1) Сиббюро ЦК РКП (б) ожидало эффективную информацию от своих эмиссаров, уехавших в Ургу для ознакомления с постановкой революционной работы и реальным состоянием Народно-революционной партии;

2) советская сторона стремилась ознакомить руководителей революционной партии Монголии с накопленным большевиками опытом и методами партийно-политической работы;

3) будучи крупным партийным функционером, тем не менее председатель правительства ДВР Б. З. Шумяцкий не имел достаточных полномочий и ждал соответствующих инструкций от руководства РКП (б) и Совнаркома РСФСР [Хишигт 2017: 18].

Тем не менее встреча с руководителем ДВР Б. З. Шумяцким в первой столице нового демократического государства имела огромное значение и для монгольских делегатов, и для «буферного» государства. Так, руководитель ДВР стал официальным экспертом статуса МНП и тем самым окончательно определил позицию «буфера», а значит и позицию РСФСР в отношении к Монголии. Кроме того, ДВР и его столица, уездный город Верхнеудинск, стали своеобразным центром революционной демократии, экспериментальной площадкой невиданного ранее опыта, проводимого большевиками, а также субъектом международной политики.

В то же время руководство Советской России и РКП (б), только что выйдя из опу-

стожительной гражданской войны, старалось соблюдать нормы международного права. Именно по этой причине большевики не вмешивались во внутривнутриполитическую борьбу в Монголии. К тому же они полагали, что революционный процесс в Монголии является сегментом аналогичного процесса в Китае, не принимая во внимание итоги Синьхайской революции и Кяхтинское соглашение 1915 г. Кроме того, цивилизованное общество имело свои устоявшиеся дипломатические традиции, и Советская Россия старалась следовать им неукоснительно. В этой связи РСФСР должна была на официальном уровне проводить более взвешенную и сдержанную политику. Все это делало положение монгольских революционеров довольно двусмысленным. Тем не менее в руководстве Дальневосточной республики с подачи РКП (б) и Коминтерна предпринимают ряд шагов, необходимых для урегулирования отношений между двумя странами.

Последующие события и пребывание монгольской делегации в Иркутске, а затем в Москве, где состоялась встреча с руководством Советской России во главе с В. И. Лениным, получили широкое освещение и высокую оценку в российской и монгольской историографии [История Монголии 2008].

Обзор событий в Монголии и сопредельных регионах в конце 1920 – начале 1921 гг.

2 ноября 1920 г. барон Р. Ф. Унгерн во главе «Азиатской конной дивизии» нарушил границу Монголии, создав серьезную опасность для монгольской государственности. 10 и 27 ноября Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин направил республиканскому Китаю две ноты, в которых предложил организовать совместные действия против мятежного барона. Но центральное китайское правительство проигнорировало предложения дипломатического ведомства РСФСР. Не имея согласия Пекина, а также учитывая существовавшую угрозу со стороны Японии, советское руководство в 1920 г. не отважилось ввести свои войска в Монголию. Этой ситуацией воспользовался барон. 4 февраля 1921 г. он с помощью монгольских войск освободил Ургу и изгнал китайских

оккупантов. Победа Р. Ф. Унгерна над китайцами во многом была обеспечена монгольскими войсками, мобилизованными по указу Богдо-хана. Тем самым была восстановлена монгольская государственность в форме автономии, но фактическая власть в Монголии оказалась в руках «освободителя» барона Р. Ф. Унгерна. Вокруг него стали концентрироваться разрозненные белогвардейские отряды, оказавшиеся в Монголии под напором наступавших частей 5-й Армии. Одновременно с этим на территории Монголии концентрировались и китайские вооруженные формирования. Сложившаяся политическая и военная ситуация в Монголии вызвали серьезную обеспокоенность не только у руководства МНП, но и руководства РСФСР. Оставшиеся в Иркутске монгольские революционеры, 2 ноября 1920 г. обратились в Секцию восточных народов и через нее к советскому правительству. 17 ноября 1920 г. в Иркутске состоялось совместное совещание советских и монгольских партийных работников, которое стало отправной точкой принятия решения о вооруженной борьбе против китайских войск в Монголии, за независимость и суверенитет монгольского государства. Перед революционерами были поставлен ряд задач: осуществить разведку расположения китайских войск и белогвардейских отрядов, вести постоянную пропаганду среди монгольского населения о необходимости борьбы против иноземных захватчиков, проводить конкретные мероприятия, направленные на развитие национально-освободительного движения и создание народно-революционной армии [Бат-Очир, Дашжамц 1973: 117].

Все это время для оперативной информации о положении дел в Монголии в Троицкосавске оставался Д. Лосол, куда в конце февраля 1921 г. перебрались и другие монгольские революционеры.

Вместо заключения

В начале марта Троицкосавск (Кяхта) и консульство НКВД РСФСР (квартира О. И. Макстенека) стали местом важнейшего события в истории Монголии XX в. Здесь, 1–3 марта 1921 г. состоялось учредительное собрание, а фактически первый съезд Монгольской народной партии (с 1925 г. — Монгольская народно-революционная партия, МНРП). Съезд избрал ЦК партии и выработал политическую платформу, где были поставлены следующие задачи предстоящей революции:

- уничтожение империалистического гнёта;
- достижение национальной независимости;
- торжество народной власти;
- демократизация общественной жизни страны.

Вскоре МНП была принята в Коминтерн в качестве сочувствующей партии. Тогда же в Кяхте начали формироваться первые четыре полка. Это стало фундаментом будущей Монгольской народно-революционной армии. Приближалось лето 1921 г., а вместе с ним и победоносная Монгольская народная революция.

Таким образом, среди множества версий развития российского Дальнего Востока вверх одержал большевистский сценарий, а Дальневосточная республика превратилась в «колыбель» будущей Монгольской революции.

Источники

- РМБС 2008а — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. док.: в 2 ч. / отв. ред. В. П. Козлов, Д. Улзий-баатар. Ч. I. М. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2008. 349 с.
- РМБС 2008б — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. док.: в 2 ч. / отв. ред. В. П. Козлов, Д. Улзий-баатар. Ч. II. М. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2008. 326 с.

Sources

- Kozlov V. P., D. Ölziibaatar (eds.) Russian-Mongolian Military Cooperation: 1911–1946. Collected Documents. In 2 vols. Vol. I. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture, 2008. 349 p. (In Russ.)
- Kozlov V. P., D. Ölziibaatar (eds.) Russian-Mongolian Military Cooperation: 1911–1946. Collected Documents. In 2 vols. Vol. II. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture, 2008. 326 p. (In Russ.)

Литература

- Базаров, Жаббаева 2008 — *Базаров Б. В., Жаббаева Л. Б.* Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 377 с.
- Бат-Очир, Дашжамц 1973 — *Бат-Очир Л., Дашжамц Д.* Дамдингийн Сүхбаатар. Намтар (Дамдины Сухэ-Батор. Биография). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1973. 156 х.
- Григорьев 2017 — *Григорьев Евгений.* Дальневосточная республика. История одного буферного образования [электронный ресурс] // Живая история. 1 июня 2017 г. URL: <http://lhistory.ru/statyi/dalnevostochnaya-respublika> (дата обращения: 10.03.2020).
- История Монголии 2008 — *История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина.* М.: ИВ РАН, 2008. 448 с.
- Курас 2017 — *Курас Л. В.* «Революция в колчакции» и предпосылки Монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 76–81.
- Курас 2016а — *Курас Л. В.* Бурятская национальная автономия 1917 года в транснациональной истории // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 84–92.
- Курас 2016б — *Курас Л. В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
- Курас, Хишигт, Цыбенков 2020 — *Курас Л. В., Хишигт Н., Цыбенков Б. Д.* От «революции в колчакции» до Монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. Иркутск: Изд-во БГУ, 2020. С. 385–392.
- Курас, Цыбенков 2020 — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Отто Иванович Макстенек: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2020. Т. 32. С. 83–90.
- Мельников 2011 — *Мельников И. Д.* Гражданская война в Джиде. 1918–1921 гг. Сборник статей, воспоминаний и биографических сведений участников граждан. Улан-Удэ: [б. и.], 2011. 399 с.
- Саблин 2014 — *Саблин И. В.* «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии // Первая мировая война в «восточном измерении». Сб. науч. ст. М.: ИВ РАН, 2014. С. 135–136.
- Саблин 2020 — *Саблин И. В.* Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. М.: НЛО, 2020. 260 с.
- Рошин 1999 — *Рошин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 325 с.
- Хишигт 2017 — *Хишигт Н.* Великая Российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой Российской революции. Матлы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны интервенции). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 14–23.
- Хишигт 2011 — *Хишигт Н.* Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 3. С. 19–35.
- Хишигт, Курас, Цыбенков 2020 — *Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Отто Иванович Макстенек: у истоков монгольской революции 1921 года // Oriental studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-305-31
- at: <http://lhistory.ru/statyi/dalnevostochnaya-respublika> (accessed: March 10, 2020). (In Russ.)
- Khishigt N. The impact of the Russian Revolution of 1917 on the national liberation movement in Mongolia. In: Zhabaeva L. B., Kuras L. V. et al. (eds.) *Siberia in the Years of the Russian Revolution. Conference Proceedings.* Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2017. Pp. 14–23. (In Russ.)
- Khishigt N. The restoration of Mongolian independence in 1911–1921. *Bulletin of the*

References

- Bat-Ochir L., Dashjamts D. Damdin Sükhbaatar: Biography. Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1973. 156 p. (In Mong.)
- Bazarov B. V., Zhabaeva L. B. Buryat National Democrats and Sociopolitical Thought of Mongolic Peoples: 1900s–1930s. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Siberian Branch of RAS), 2008. 377 p. (In Russ.)
- Grigoriev E. Far Eastern Republic: a history of one buffer state. On: *Zhivaya Istoriya* (journal website). Posted on June 1, 2017. Available

- Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 3. Pp. 19–35. (In Russ.)
- Khishigt N., Kuras L. V., Tsybenov B. D. Otto I. Makstenek: at the origins of the Mongolian Revolution of 1921. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 305–317. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-305-31
- Kuras L. V. 'Revolution in Kolchakiya' and background of the Mongolian Revolution in 1921. In: Levchenko V. M. et al. (eds.) *Irkutsk Yearbook of History and Economics – 2017*. Irkutsk: Baikal State University, 2017. Pp. 76–81. (In Russ.)
- Kuras L. V. Buryat national autonomy 1917 in transnational history. In: Levchenko V. M. et al. (eds.) *Irkutsk Yearbook of History and Economics – 2016*. Irkutsk: Baikal State University, 2016. Pp. 84–92. (In Russ.)
- Kuras L. V. Transnational History of the Mongolian World in a Revolutionary Upsurge: 1900s – 1920s. Irkutsk: Ottisk, 2016. 252 p. (In Russ.)
- Kuras L. V., Khishigt N., Tsybenov B. D. From 'Revolution in Kolchakia' to the Mongolian Revolution, 1921. In: Shalak A. V. et al. (eds.) *Irkutsk Yearbook of History and Economics – 2020*. Irkutsk: Baikal State University, 2020. Pp. 385–392. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. Otto Ivanovich Makstenek: year from life of the Soviet diplomat. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2020. Vol. 32. Pp. 83–90. (In Russ.)
- Melnikov I. D. Russian Civil War in Dzhidinsky District: 1918–1921. *Collected Articles, Memoirs, and Biographic Materials*. Ulan-Ude, 2011. 399 p. (In Russ.)
- Roshchin S. K. Political History of Mongolia: 1921–1940. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 325 p. (In Russ.)
- Sablin I. V. 'Wilson moment' in the Eastern Front: war, nationalism, and Buddhism in Siberia and Mongolia. In: Filippova T. A. (comp., ed.) *Eastern Dimensions of World War I. Collected Scholarly Papers*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2014. Pp. 135–136. (In Russ.)
- Sablin I. V. Far Eastern Republic: From Idea to Abolition. Moscow: NLO, 2020. 260 p. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) *History of Mongolia: 20th Century*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2008. 448 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 876–889, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-876-889
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47).065–066

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-876-889

ИскуПЛенный дважды: толмач Ставропольского войска Афанасий Шорин (опыт реконструкции нетипичной биографии крещеного калмыка второй трети XVIII в.)

Андрей Сергеевич Ряжев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2626-6953. E-mail: ryazhevas@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ряжев А. С., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена биографической реконструкции. Впервые в историографии на примере жизни персоналии, в качестве которой выступает толмач Афанасий Иванович Шорин, изучено место крещёной калмыцкой знати в политике Российской империи раннего Нового времени. В работе прослежено становление общения российской власти со степной элитой указанного периода, выявлены важные детали подобного процесса. *Цель исследования* — воссоздание документальной биографии героя в политико-дипломатическом контексте, сформировавшемся в данную эпоху на степных юго-восточных окраинах государства и прилегающих территориях. *Материалы и методы.* Исследование основано на материале документов российских центральных и местных учреждений, отразивших этапы биографии представителя социальной верхушки Ставропольского калмыцкого войска (с 1745 г. — корпуса), расквартированного близ крепости Ставрополь-на-Волге. Научный инструментарий работы охватил методы источниковедения и археографии, позволившие провести систематический анализ источников и выявить их связи, отражающие перипетии судьбы персоналии. *Результаты.* Историографический раздел текста обозначил важность проблематики истории этноконфессиональных групп, разрешаемой на материалах реконструируемой биографии. В содержательной части присутствует изложение этапов жизни индивида. Наибольшее место уделено фиксации следующих биографических вех: социальный статус, перспективы военной карьеры, попытки к бегству и отказ от строевой службы, двукратное прощение этих провинностей российскими инстанциями — дань заслугам предков, зачисление в Коллегию Иностраных дел, гражданская служба в Ставрополе-на-Волге, выполнение в конце 1750-х гг. важной политической миссии. Выявлено, как и почему жизненная траектория, весьма необычная для человека подобного круга и происхождения, отразила процессы взаимодействия российской

стороны с кочевниками степных юго-восточных окраин и сопредельных территорий. Также подчеркнута значимость ойратского фактора для государства до и после падения Джунгарии и упразднения Калмыцкого ханства. Параллельно дана характеристика настроений ставропольского правящего звена, подчеркнута его неудовлетворенность своим положением к концу 1760-х гг. из-за ограничений, продиктованных сословной политикой властей. В статье проведена мысль, что именно внутреннее недовольство толкнуло высшую страту войска на участие в Пугачевщине. *Заключение.* В итоге автор констатирует, что крещеная калмыцкая аристократия и близкие к ней слои калмыцкого общества сыграли заметную роль во внешней и вероисповедной политике при Елизавете Петровне и в начале царствования Екатерины II, чем и объяснялось повышенное внимание к ним сверху. Но по истечении избранного хронологического периода их востребованность в рамках пограничного военно-политического уклада, соответственно, их субъектность оказалась во многом исчерпанной.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, Елизавета Петровна, Екатерина II, толмач Афанасий Иванович Шорин, степные юго-восточные окраины, этноконфессиональные группы, Ставропольское калмыцкое войско (корпус), внешняя политика, вероисповедная политика, сословная политика, кочевники

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Рязев А. С. ИскуПЛенный дважды: толмач Ставропольского войска Афанасий Шорин (опыт реконструкции нетипичной биографии крещеного калмыка второй трети XVIII в.) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 876-889. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-876-889

UDC 94(47).065–066

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-876-889

He Who Was Redeemed Twice: Afanasy Shorin, a Stavropol Host Interpreter. Reconstructing a Non-Typical Biography of the Kalmyk Christian, Second Third of the 18th century

Andrey S. Ryzhev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2626-6953. E-mail: ryzhevas@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Ryzhev A. S., 2020

Abstract. Introduction. Religious policies of the Russian Empire in early modern history is a topical issue of historiography. An important (though poorly researched) aspect of this question is the role of Kalmyk Christian elites. Being part of the diverse ethnoreligious cluster, the latter served as a conductor of Russia's influence on subject nomadic communities (Oirats, Turkic tribes) during the period under consideration across southeastern steppe peripheries and adjacent territories. The Stavropol Kalmyk host established in 1737, quartered next to the fortress of Stavropol-on-Volga, and since 1745 referred to as Stavropol Corps of Kalmyk Christians was one of such groups. *Goals.* The study seeks to reconstruct the biography of Afanasy Shorin, an interpreter socially representing army elites. His life journey may be instrumental in tracing the shaping (and details) of communication patterns between Russian authorities and steppe leaders during the mentioned period. *Materials and Methods.* The study analyses rich source materials from Russia's central and local institutions that reflect certain phases of Afanasy Shorin's biography. The research tools include those of source

criticism and archaeography which provided a systematic insight into the documents. Special attention is paid to the collected indirect testimonies that would clarify separate aspects of the person's life. *Results.* The biography reconstructed from the documents contains a number of milestones, such as birthright privileges, military career prospects, escape attempts and refusal of active service, two discharges from any liability for the offences by the Russian authorities as a tribute to the social status and merits of ancestors, admission to the Collegium of Foreign Affairs, civil service in Stavropol-on-Volga, and an important political mission in 1757–1758. The article identifies how and why the life trajectory unusual for a representative of such background and status — a school teacher, interpreter but not a military officer — reflected the processes of interaction between Russia proper and steppe nomads. It also underlines the importance of the Oirat factor for the state before and after the fall of Dzungaria. In the meantime, the text describes sentiments of the Stavropol host leadership and emphasizes the dissatisfaction with restrictions to have resulted from social class policies of Russian authorities by the late 1760s. The article contains the idea that it was the discontent with his position, which was fully characteristic of many including Afanasy Shorin, that pushed the highest authorities of the host to participate in the Yemelyan Pugachev's Rebellion. As a possible prospect, the departure was suggested, by the example of the Kalmyks of Ubashi Khan, who departed to China in 1771. The article proves first to reveal the mechanism of how service conditions, kinship and confessional contacts influenced the inclusion of Kalmyk Christian elites into the border Russian military-and-political system. The text gives arguments that essentially contradict the trend (previously expressed in historiography) to consider the anti-serfdom protest as the only reason why Stavropol Kalmyks supported Pugachev's Rebellion. *Conclusions.* The paper concludes the Kalmyk Christian nobility and related elites of the Kalmyk community played a significant role in foreign and religious policies under Elizaveta Petrovna and in the early years of Catherine the Great's reign, which explains the increased attention of the government towards them. However, their relevance within the established border system and, consequently, their positions were largely exhausted in the 1770s. This was also facilitated by the decline in the importance of the Oirats, and the rise of the Turkic direction in Russia's foreign policy in the south and southeast.

Keywords: Russian Empire, early modern history, Elizaveta Petrovna, Catherine the Great, interpreter Afanasy Shorin, southeastern steppe borders, ethnoreligious groups, Stavropol Kalmyk Host (Corps), foreign policy, religious policy, estate policy, nomads

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ryazhev A. S. He Who Was Redeemed Twice: Afanasy Shorin, a Stavropol Host Interpreter. Reconstructing a Non-Typical Biography of the Kalmyk Christian, Second Third of the 18th century. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 876-889. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-876-889

Введение

На протяжении последних двух десятилетий актуальным направлением изучения Российской империи в Новое время оставалась вероисповедная политика. Важный аспект подобной политики — создание государством со времен Северной войны новых служилых сословий, преимущественно из нерусского населения, их интеграция в рамках военно-политического уклада на южных и юго-восточных окраинах страны. Процессы складывались не гладко, более

того, в ряде случаев весьма болезненно, что имело влияние на коллективные и индивидуальные биографии проводников и агентов имперского строительства. Индивидуализация в данной связи представляется обоснованной именно при подходах к элитным группам в этноконфессиональной среде, по определению малочисленным. К таковым относится и служивая верхушка Ставропольского калмыцкого войска, возникшего в 1737 г. на Средней Волге и включенного в пограничную систему западной

части Оренбургской линии. Инициатором создания войска выступил Баксадай Доржи, внук Аюки-хана, перешедший в православие в 1724 г. и получивший новые имя и титул — князь П. П. Тайшин. В центре исследования — судьба Афанасия Ивановича Шорина, крещеного калмыка, выходца из войска, испытавшего превратности судьбы и закончившего свои дни толмачом при Ставропольской канцелярии и учителем детей знати в войсковой школе.

Материалы и методы

Главный источник, раскрывающий планы А. И. Шорина, — бумаги Коллегии Иностранных дел, походной канцелярии оренбургского губернатора И. И. Неплюева, а также губернатора и его подчиненных — должностных лиц ведомства Оренбургской линии (коменданта Ставрополя-на-Волге полковника Б. Останкова, бригадира А. И. Тевкелева). В них содержится информация о жизни и службе нашего героя в Ставропольской и Красноуфимской крепостях Оренбургской губернии, Москве, Санкт-Петербурге и снова Ставрополе-на-Волге [Волжские 2011: 191–193, 195–198, 213–216]. Здесь и документы, объясняющие нравы и условия службы ставропольского войскового командного состава в целом [Волжские 2011: 51, 52, 69–72, 109–127, 177, 179–186, 211, 212, 220–224, 241–251, 255–259]. Они дают представление об отношениях последнего с властями, раскрывают уровень его социальных привилегий, черты менталитета, степень участия в политике государства на подступах к Великой степи, и потому значение названных материалов трудно переоценить.

Инструментарий работы охватил методы анализа документов и обобщения полученных данных. Анализ носил систематический характер для выявления обстоятельств жизни и службы, в особенности отраженных косвенно. Подобный анализ позволил, прежде всего, воссоздать основные вехи биографии А. И. Шорина — одного из влиятельных лиц Ставропольского войска, завершившего служебную карьеру столь необычно для людей его круга. Кроме того, предлагаемый подход дал возможность дополнить историю российских контактов с ойратской (калмыцкой, джунгарской) аристократией ценными деталями, вскрываю-

щими специфику коммуникации с кочевниками и сохраненными именно из-за участия А. И. Шорина.

Выходец из служилого сословия: воссозданное жизнеописание

Биография служилого человека всегда имеет политическую основу. Жизненный путь А. И. Шорина, несмотря на нестандартность, не явился исключением. Обращение к политическим процессам, в которых задействовались крещенные привилегированные калмыки, делает нужным очерк соответствующей литературы. Посему далее три главных пункта — историографический сюжет отношений России со степью, биография персоналии и характеристика обозначенного ею политико-дипломатического контекста.

Индивид и его эпоха: очерк историографии

В течение истекших двадцати лет в литературе по общественно-политической истории России в Новое время доминирует имперская тематика. За это время сложилось особое направление «новой имперской истории», применительно к которому среди ученых обрисовались, с одной стороны, явная поддержка, с другой, неприкрытый скепсис. В границах данного направления сформулирован региональный подход, сопровождавшийся специфическим пониманием локального. Он, в частности, позволил вывести на передний план окраинные местные элиты и элитные группы — объекты и вместе с тем субъекты имперской политики [Миллер 2006: 14–49]. В силу наличествующей историографической традиции поиск во многом вращался вокруг мусульман — служилых сословий, духовенства, шире — носителей исламской учености и затрагивал более поздний период [Frank 2001; Werth 2002; Арапов 2008]. Похожие вопросы ставились в отношении неправославного дворянства и духовенства западных губерний. С учетом территориальных приращений России в XVIII в. в литературе представлена стройная картина взаимодействия монархии с привилегированными статусными группами имперских окраин [Ибнеева 2009].

В наши дни в науке налицо понимание геополитической необходимости движения России на юг и восток в Новое время, соответственно, трактовка азиатских про-

странств как стратегического «балкона» имперского развития, выступивших в этом качестве в годы Северной войны и позже. В восточной политике России этого времени отмечен принципиальный характер джунгарского фактора, выведена констатация важности для государства связей с калмыцкими ханами и аристократией. Подчеркивается, что возведение Оренбургской оборонительной линии — российского аналога Великой стены — в видах безопасности границ на огромном расстоянии от Каспия до Сибири сделало это важное значение в 1730–1750-е гг. еще более настоятельным [LeDonne 2008: 21–32].

Отсюда же берет начало осмысление роли традиционной калмыцкой аристократии в южной политике России. Оно, прежде всего, предпринималось в рамках концепции аккультурации и позволило отметить смену поколений командного состава ставропольцев в последней трети XVIII – начале XIX в. [Джунджузов, Любичанковский 2018: 972–976; Goryaev, Lidzhiev, Avliev 2019: 1138–1140; Джунджузов 2020: 82–86].

Большой интерес вызывает трактовка мотивов принятия православия калмыцкой кочевой знатью с позиции теории элит. При этом показано, что процесс перемены исповедания не был широким: христианство к концу XVIII в. приняла лишь десятая часть ее высшего слоя [Дорджиева 2008]. Для дальнейшего прогресса исследований нужно изучить, помимо калмыцких нойонов (владельцев), более широкий контингент степной верхушки. Следует принять во внимание не только ее личные мотивы, определившие религиозные предпочтения, но и комплексное воздействие имперского «хронотопа» на стыке кочевых и оседлых обществ, влиявшее на выбор религии.

С 2000-х гг. специалистов привлекало и сочетание разнонаправленных тенденций во взаимодействии государства со степью — имперского интегризма и защиты властями автономии степных сообществ. Также предметом углубленного анализа выступала роль старых и новых элитных групп как субъектов российских действий в степных делах, при этом учитывалось влияние религиозного фактора [Абдилдабекова 2010; Werth 2013: 126–130; Торопицын 2015; Третьякова, Мыслицкая, 2015; Вовк, Шебакин 2016: 194, 195; Васильев 2017; Ходарков-

ский 2019: 198–255]. Главным условием дальнейшего развития тематики становится ее историографическое освоение, по уровню сегодня уступающее содержательному [Тебаев 2009; Петухов 2014].

С позиции субъектности калмыцкой элиты весьма интересно изучение участия Ставропольского калмыцкого войска в восстании Е. И. Пугачева. Его давнишняя и прямолинейная — сквозь призму классовой борьбы — трактовка [Беликов 1971; Беликов 1978] ныне существенно скорректирована [Джунджузов 2013; Смирнов 2007: 163–165]. Имеет смысл подчеркнуть: Ставропольское калмыцкое войско — «маленькую Калмыкию» на Средней Волге, связанную многими нитями с Калмыцкой степью, нельзя отрывать от нее, несмотря на вероисповедное различие. Уход калмыков Убаши-хана в Китай в 1771 г. и упразднение Калмыцкого ханства Екатериной II вызвали резонанс в среде войсковой верхушки. Поэтому подключение ставропольского воинства к Пугачевщине выглядит попыткой заправил войска организовать своего рода анабасис — откочевку по примеру соплеменников ближе к исторической родине, хотя попыткой весьма и весьма авантюрной. Таковы в целом подходы научной литературы к проблематике крещеной калмыцкой элиты и ее места в политике России раннего Нового времени.

Портрет героя: в свете выявленных документов

Материалы источников, лежащие в основу воссоздаваемого жизнеописания ставропольского толмача на фоне эпохи, вполне коррелируют с историографическими основаниями. Основные вехи жизнеописания таковы: происхождение, вступление в сознательный возраст и коренной поворот судьбы, заключительные жизненные перипетии.

Касательно происхождения и социальных перспектив нашего героя. Он был представителем высшего ставропольского слоя, сформировавшегося к середине 1740-х гг. из двух близких по статусу групп. Первую составили люди князя П. П. Тайшина, принявшие православие вместе с ним. Вторая охватила родственников князя и его вдовы, княгини А. А. Тайшиной, откочевывавших из Калмыцкой степи на Дон, затем крестив-

шихся в Ставрополе и вместе с крещением получавших княжеские титулы.

Сподвижники П. П. Тайшина, сплотившиеся вокруг А. А. Тайшиной после создания войска, названы первым комендантом Ставрополя полковником А. И. Змеёвым в представлении начальникам Оренбургской и Башкирской комиссий В. Н. Татищеву и Л. Я. Соимонову от 18 декабря 1737 г. В документе значится: «...а ныне при оной княгине имеется зайсангов... Иван Шоро, Петр Менко, Кирило Шарап, Матвей Бату Менко, Иван Чидор..., Григорей Дайши Замсо, Семен Тюря, Иван Мангут, Афанасей Тукан, Григорей Балдан, Сергей Ясул Гецуль, Иван Амур, Василей Даадан, Федор Котема, Андрей Дабрицын, Костентин Ходжин, Андрей Ламаджан. Да... для всяких... от нея в... улусы посылок определить... Нестера Цодаша, Степана Кюрю...» [Волжские 2011: 70]. Иван Шоро, отец Афанасия, упомянут, таким образом, среди доверенных людей четы Тайшиных самым первым.

Сын вписался в эту страту по праву рождения, значит, беспрепятственно. В реестре Оренбургской губернской канцелярии от 24 сентября 1744 г. о раздаче личного имущества покойной княгини А. А. Тайшиной представлен персональный состав ставропольского «высшего общества» — в первой группе получателей здесь перечислены наиболее влиятельные люди, их жены и дети. Выдача вещей производилась, в частности, «Шориной жене с сыном» — им достались «коляска городовая з дышлом и старыми шорами, подушка круглая покрыта алым сукном, книга простая в позолоченной оправе, две чарки серебряных, две ложки серебряных» [Волжские 2011: 111]. По штату Ставропольского войска «бывшаго (к тому времени уже покойного. — А. Р.) полковника Шоры сыну Афанасью» шел особый оклад — 50 руб. в год. А. И. Шорина, на тот момент никаких чинов в войске не имевшего, выдвинули на одно из высших штатных мест. Перед ним значились аристократы и старшие командиры, после него — все прочие вакансии строевых офицеров и номенклатуры войска: ротмистров, «харунжих», «ясаулов», урядника, вестового («розсылщика») и православного духовенства и причта [Волжские 2011: 119].

Дата рождения А. И. Шорина не известна, но понятно, что человеком тогда он был молодым. Перед ним была открытая слу-

жебная перспектива, и документы говорят недвусмысленно о том, как она сложилась бы. Известен случай 1768 г. о производстве в офицеры шестнадцатилетнего Ивана Торгоутского. Юноша войском не аттестовывался, звание шло не в очередь, но его мать Веру Андрееву, даму отнюдь не из простонародья — вдову крещеного владельца полковника Павла Торгоутского и бывшую ханшу (в свое время она была замужем за ханом Церен-Дондуком) названные «мелочи» не останавливали. Она находила, что офицерский чин полагается сыну по праву рождения и «за службу отца ево, а моего покойного мужа». Ставропольская канцелярия, вступившая в этой связи в переписку с оренбургским губернатором А. А. Путятиным, в справке по делу признала: порядок, к которому апеллировала Вера Андреева, имеет давние корни, «ибо де наперед сего ис таких же владельческих детей..., не имея ж прежде никаких чинов, произведены... люди также еще молодые...» [Волжские 2011: 242, 243]. В подобный порядок изначально встроили и А. И. Шорина.

Следующая ступень биографии — начало жизни в свете очерченной перспективы. Она явно не прельстила героя: Афанасий бежал в Калмыцкую степь. Тем самым он обозначил радикальный отход от служебной траектории, типичной для человека его круга. Побег не был одиночным: к А. И. Шорину присоединился зайсанг Ф. Котема, как и И. Шоро, человек князя П. П. Тайшина из списка полковника А. И. Змеёва 1737 г. Замысел не удался — последовала поимка. Беглецы, в том числе А. И. Шорин, получили прощение как люди видные, однако были направлены в ссылку, откуда вновь бежали.

События изложены в указе Иностранной коллегии оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву от 1 сентября 1752 г. Здесь читаем: в январе «из живущих в Ставрополе крещеных калмык Федор Котема и Афонасей Шорин с товарищи за намерение их к побегу оттуда отлучены и отосланы были в Красноуфинскую крепость (ныне г. Красноуфимск Свердловской области, тогда в Уфимской провинции Оренбургской губернии — А. Р.), однако же и оттуда они бегали и увели было с собою несколько обывательских лошадей, но посланною из той крепости партией переловлены и за то... высечены плетью» [Волжские 2011: 192].

Побеги членов двух семейств ставропольских начальников «первого часа» говорят о явной неудовлетворенности и нежелании нести службу в Ставрополе. На основании документов можно констатировать, что упадочническое настроение среди части зайсангов могло быть вызвано сложившейся «олигархической» системой управления войском, но прорывалось вовне по разным причинам — местнические счеты, честолюбие, нехватка средств на жизнь, получаемых на службе, и бедность служилых калмыков [Волжские 2011: 114–121, 189–191, 194–196, 222, 248, 255].

В итоге тем, кому изначально не было места в узком составе высшей страты войска, или выпавшим из него, оставалось лишь покинуть Ставрополь (переводиться по службе, бежать) или же, признавая свою неудачливость, пробавляться ремеслом и торговлей. А. И. Шорин рос, зная о подобных мотивах разрыва со здешней военной карьерой, но ни один из них его не коснулся — у него выискался свой.

Свой и, опять-таки, если брать его ровесников и социальную среду, нетипичный: он не хотел нести строевую командную службу и категорически возражал против своего назначения на офицерские вакансии. В апреле 1756 г., после длительного отсутствия вновь прибыв в Ставрополь-на-Волге, он заявил об этом определенно, и канцелярия наконец-то смогла доложить губернатору И. И. Неплюеву: «в харунжие он, Шорин, не желает...» [Волжские 2011: 214].

Причина побегов скрывалась именно здесь: сын одного из самых стойких воинов П. П. Тайшина наотрез отказывался садиться в седло и брать в руки оружие. Посему его последующая жизнь — это жизнь штатского служащего, что для того времени и для калмыка нерядового происхождения есть казус редчайший.

Заключительные жизненные перипетии героя также ординарностью не отличались. В целом после побега из Красноуфимской крепости они сложились для А. И. Шорина неплохо. Важную роль сыграли два обстоятельства. Во-первых, его пожизненной «золотой акцией» были происхождение и репутация родственников перед российскими властями. Во-вторых, на благо сказалось участие губернатора И. И. Неплюева — доброго гения ставропольских калмыков.

Именно статус предков А. И. Шорина выступал в цитированном указе Коллегии Иностранных дел И. И. Неплюеву от 1 сентября 1752 г. аргументом при новой отмене суровой кары (плети по тем временам не в счет) и прощении после двух побегов. «А по справке в Коллегии... с делами прошедших лет, — говорится в указе, — из вышеписанных бегавших калмык... Афонасей Шорин сын бывшего полковника крещеных калмык Ивана Шоры, которой во всем калмыцком народе знатной и богатой зайсанг был...». Не был забыт и знатный дед А. И. Шорина, от которого «к здешней стороне (российским властям. — *А. Р.*) было не без службы». «Того ради за благо разсуждается, — заключал указ, — вышеписанного... Афонася Шорина... взять сюда и определить в Коллегию», ибо он владел двумя языками и мог быть и «калмыцкого языка толмачем... и по руски читать и писать умеет...» [Волжские 2011: 192, 193].

И. И. Неплюев отдал нужное повеление: об этом известно из указа его походной канцелярии в Оренбургскую канцелярию от 2 сентября 1752 г. Рапорт бригадира И. А. Тевлелева на имя И. И. Неплюева от 8 сентября 1752 г. гласит, что распоряжение об отъезде А. И. Шорина «в тое Коллегию... для определения в толмачи... оттол из Красноуфинска, дав ему собраться со всем тем, что при нем есть...», ушло на место, и посылка беглеца в Москву состоялась [Волжские 2011: 195, 196, 198].

В должности толмача Московской конторы Коллегии Иностранных дел А. И. Шорин провел несколько лет, но в итоге пришелся не ко двору. Из указа походной канцелярии И. И. Неплюева в Оренбургскую губернскую канцелярию от 16 мая 1756 г. известно: «умершаго калмыцкого полковника Шоры сына Афанася Шорина... велено Канторе оной Коллегии отправить возвратно в Ставрополь, а тамо ево, Шорина... определить к такому делу, к какому он явится способен» [Волжские 2011: 213].

В апреле 1756 г., как отмечалось, А. И. Шорин прибыл в Ставропольскую канцелярию, которая дала о нем следующий отзыв: «в харунжие... не желает, да по нынешнему ево состоянию и поведению здесь усмотрено, что ему сходне быть при штатских делах, нежели в нерегулярной военной службе, яко он по руски говорить, читать

и писать да переводы сочинять без нужды (без затруднений. — *А. Р.*) уже умеет, и к тому ж» усвоил уклад учреждений «и во всех обрядах (служебных процедурах. — *А. Р.*) не яко калмык, но яко русской человек вид делает» [Волжские 2011: 214].

И. И. Неплюев, весьма ценивший ставропольских калмыков высшего звена, отнесся внимательно и к толмачу. Он предполагал заместить им место учителя в калмыцкой школе, произведя в командиры одного из учителей, «ежели же паче чаяния ис оных... в харунжие никто не похочет, в таком случае ево, Шорина, за неимением ныне особливаго для него места, доколе впредь особливая какая ваканция очистится, употреблять при канцелярии к переводам и толмачеству, и школе уже и сверх их (переводческих обязанностей. — *А. Р.*) з жалованьем по тридцети по шести рублей в год, какое он и в Москве получал...» [Волжские 2011: 215, 216]. В дальнейшем А. И. Шорин продолжал служить толмачом при войске и учителем в войсковой школе, где обучались дети калмыцких командиров.

И. И. Неплюев также подключал его к деликатной политической миссии. Летом 1757 г. в Россию вышли остатки джунгар, искавшие после гибели Джунгарского ханства спасения от войск Цинов. Беглецами предводительствовала значительная группа знати, во главе которой стоял нойон Норбо Данжин — двоюродный брат Амурсаны, последнего правителя Джунгарии. И. И. Неплюев стремился привлечь выходцев в Ставрополь, а посему по его приказу к ним и был прикомандирован А. И. Шорин. Он отвез знатным перебежчикам письма коменданта Ставрополя и состоял при них с июля 1757 г. по сентябрь 1758 г., включая известное время пребывания Норбо Данжина в Санкт-Петербурге [Волжские 2011: 223, 231].

Войско пополнилось-таки джунгарами, Норбо Данжин вместе с родственниками принял православие и получил чин полковника войска (но к месту службы не поехал, обладая важными сведениями и будучи затребованным в Коллегию Иностранных дел) — в целом миссия А. И. Шорина имела успех, а он вернулся к своим обязанностям учителя и толмача. Такова биография «штатского зайсанга» — продолжателя двух воинственных калмыцких родов и па-

цифиста волею судьбы, дважды искупленного от кнута палача заслугами родни.

Превратности судьбы: политико-дипломатический контекст

Нетипичная биография лишь подчеркивает инвариантный, принципиальный характер отразившихся в ней общественных процессов. Уместно выделить две группы таковых: одни охватывают взаимоотношения государства со степью в целом, другие — эволюцию верхов ставропольского воинства, представляемых А. И. Шориным.

По поводу первой группы. Для государства главенствующая часть калмыцкого воинства Ставрополя имела, помимо сугубо военного, и политический вес. Крещеная верхушка выступала посредником между российскими чиновниками, с одной стороны, и некрещеной знатью, степной и отчасти горской, на юге и юго-востоке России с другой. Работа посреднического политического механизма зафиксирована в известном указе Коллегии Иностранных дел от 1 сентября 1752 г.

Вот в указе родственные связи толмача — его отец, мать, дядя, дед: «калмык называемой Афонасей Шорин сын бывшего полковника крещеных калмык Ивана Шоры, которой во всем калмыцком народе знатной и богатой зайсанг был, что и сим свидетельствуется, яко брат онного Шоры Дубжур от семи сот до тысячи кибиток своих подданных имел и в 1725 году возжелал было креститься и по представлению губернатора Волынского, а по имянному указу... Петра Великого... повелено было ему за то определить годового жалования денег по пяти сот рублей да хлеба по двести по пятидесяти четвертей, полковника же Шоры жена, а помянутого Афанасья Шорина мать, дочь калмыцкого зайсанга Гумеджапа, которой как при хане Черен Дондуке был, так и при нынешнем наместнике ханства Дондук Даше находится и в их Зарге обще с другими знатными зайсанги судьбою и бывает во всех с ним советах...» [Волжские 2011: 192].

Вот действие родственных отношений в политических видах властей: «...от него ж (Гумеджапа. — *А. Р.*) к здешней стороне было не без службы, а имянно в 1736 году и во время турецкой войны в бытность здесь

Калмыцкого хана Черен Дондука и крещеного владельца Петра Тайшина посылаемы были отсюда для приведения от Астрахани калмыцких войск в Самару к поискам над бунтовавшими башкирцами... Петра Тайшина зайсанг Матвей Гелдей, Петра Толстова крестник, а от хана Черен Дондука вышеписанной Гумеджап, и первой из них, забрав от Астрахани несколько сот крещеных калмык, вместо Самары увел к хану Дондук Омбе, которые там по прежнему обратились в идолопоклонение, а напротив того оной Гумеджап приводил от Астрахани несколько же сот некрещеных калмык, с ханом Дондук Омбою еще тогда несоединившихся, которые над башкирцами и поиски производили...» [Волжские 2011: 192, 193].

И вот финал — смысл посредничества, исповедуемый государством: «...и тако по той причине и по доброжелательству онаго зайсанга Гумеджапа в 1747 году октября от 28 дня полковнику Спицыну указом отсюда рекомендовано с ним, Гумеджапом, сдружиться, и чрез него разведывать о намерениях нынешняго наместника ханства, и понеже таким образом небесполезно есть, чтоб и впредь онаго Гумеджапа, яко во всем калмыцком народе знатного зайсанга для всяких случаев к здешней стороне ласкать...» [Волжские 2011: 193].

Подобное посредничество становилось и возможным, и весьма действенным, ибо в первые двадцать–тридцать лет связи между Ставропольским войском и Калмыцким ханством не ослабевали, а способы их поддержания оказывались, как следует из источников, различными: выход пленников — уроженцев ханства из степи в Ставрополь, обмен курьерами и посланиями, взаимные гостевые поездки — несмотря на формальные запреты — ставропольских и ханских калмыков [Волжские 2011: 166, 171, 183, 185, 256, 257].

Посему и рядовые крещеные калмыки, и знать были в курсе степных дел. Этому способствовало и многообразие аспектов во взаимоотношениях властей и степняков (помощь пленникам, династические браки, участие в войнах, подавление народных движений на окраинах), в которых крещеные калмыки обеспечивали коммуникацию сторон, обратную связь российским инстанциям и в итоге — интересы государства.

Порой это происходило непрямым и даже причудливым образом. Эпизод политической борьбы 1736 г. на юго-востоке России, изложенный в упоминавшемся указе Иностранной коллегии от 1 сентября 1752 г. — весьма красноречивое свидетельство на сей счет. В самом деле, в разгар башкирского восстания человек князя П. П. Тайшина, слывшего российской кратурой, крещеный зайсанг Матвей Гелдей, чьим восприемником был выдающийся петровский дипломат П. А. Толстой, вдруг увел крещеных калмыков, назначенных против башкир, к Дондуку-Омбо, конфликтовавшему тогда с российским начальством, и отрекся от христианства. Между тем тесть Ивана Шоро, другого крещеного зайсанга из окружения того же П. П. Тайшина, некрещеный зайсанг Гумеджап собрал в степи некрещеных калмыков и двинул их против башкир, выполнив повеление свыше. Для российской дипломатии, таким образом, ценность возымела система родства представителей крещеной верхушки в целом и политическая ориентация, возможная благодаря родственным контактам.

Осознавая политическую важность привилегированного слоя ставропольцев, губернатор И. И. Неплюев не уставал напоминать о необходимости корректного поведения чиновников и командиров на местах. Показательна трактовка сановником случая нарушения служебной автономии ставропольцев, имевшего место на марше их отряда во время подавления восстания Батырши в июле 1755 г. Поручик Луцкой, командовавший частью, в которую входили калмыки, подал рапорт на их есаулов «с показанием их против ево ослушностей, не порядков и соблазненного бесчинства...» [Волжские 2011: 205]. Но те направили встречный рапорт «в наказании их... якоб безвинно...» [Волжские 2011: 205].

И. И. Неплюев защитил есаулов: «... калмыки... неправы, токмо ему, Луцкому, в такие наказания непосредственно собою вступать не надлежало, но... по согласию с их... командиром ротмистром Анчуковым..., яко он, Анчуков, для того при них командиром и учрежден...» [Волжские 2011: 205]. В итоге Луцкого отстранили, а его начальник, полковник Роден, получил порицание [Волжские 2011: 205, 206].

При подготовке прибытия в Ставрополь новобранцев-джунгар И. И. Неплюев давал назидания коменданту Б. Останкову: «к тем зайсангам и калмыкам доброжелательной вид показывать, и по самой справедливости христианской благосклонным и почтительным к ним быть..., и тако бы Ставропольской корпус в лутчую Высочайших Е. И. В. интересов пользу более умножиться мог» [Волжские 2011: 223].

Подобная основа закладывалась в 1730-е гг.: аналогичные предписания комендант А. И. Змеёв получал в свое время от В. Н. Татищева.

Для ставропольской верхушки 40–60-е гг. XVIII в. — это «золотой век», и А. И. Шорин в течение жизни вкушал его плоды, пусть и с переменным успехом. К началу же 1770-х гг. ситуация изменилась к худшему. Причины сдвига налицо. После падения Джунгарии сократилось влияние ойратского фактора в восточной политике России. Переход при Екатерине II к политике веротерпимости, выстраивание прямых связей с влиятельными людьми в тюркской степной среде, ликвидация Калмыцкого ханства после откочевки в цинское подданство части калмыков также снижали значение калмыцкого посредничества в отношениях российских властей со степью. Таковы итоги государственной политики, к которой оказался причастен верхний слой ставропольцев.

Наконец, о второй группе процессов, связанных, как сказано выше, с эволюцией ставропольской верхушки в диалоге с властями. Индивидуальная судьба толмача, олицетворявшего эту верхушку — вполне репрезентативный пример вrastания крещеного иноэтничного уроженца в русское общество. Данный процесс фиксировался в документах неоднократно: «определить в Коллегию калмыцкого языка толмачем, который... и по руски читать и писать умеет...», «яко он по руски говорить, читать и писать да переводы сочинять без нужды уже умеет, и к тому ж и во всех обрядах не яко калмык, но яко русской человек вид делает» [Волжские 2011: 193, 214]. И здесь герой был отнюдь не одинок: стоит вспомнить о сыновьях князя Никиты Тайшина братьях Дербетевых (особенно известен младший — депутат Уложенной комиссии

Екатерины II) и князе Павле Торгоутском.

Высшей точкой социальных устремлений ставропольской «олигархии», к которым был причастен и А. И. Шорин, стали претензии на душевладение и равный в этом плане статус с дворянством. Начальники войска проявили на сей счет исключительную солидарность, о чем говорит их обращение в Ставропольскую канцелярию 1768 г. «...Сего октября 10 дня., — гласит документ, — Ставропольского калмыцкого корпуса войсковый полковник Иван Мартеньянов, судья Василей Делдюш, надзиратель улусов Флор [и] квартирмейстер Яков Торгоутские, харунжей Козма Баглонов и прочие старшины, владельцы и зайсанги поданным доношением... просят они, старшины, владельцы и зайсанги, позволить им у российских дворян дворовых людей и крестьян покупать и на пожалованных им землях селить сколько кому капитал свой дозволит...» [Волжские 2011: 260, 261].

В доношении командиры, прежде всего, напомнили о своей службе государству: «... на пожалованной им в Ставропольской округе по Волге, по Соку и по Кондурче рекам земле слободами поселены, и употребляются как они, старшины, так и рядовые в нерегулярную службу в разные партии...». Затем они перешли к юридическому обоснованию владения крестьянами, обещанного в свое время В. Н. Татищевым княгине А. А. Тайшиной и затем вошедшего в законы о Ставропольском калмыцком поселении [Волжские 2011: 79, 80, 261]. Давние гарантии, по мнению командиров, ныне обязаны были повлечь продолжение: «...когда им, княгине и зайсангам, обещано пожалование деревень, то, следственно, и покупать их невозбранно...» [Волжские 2011: 261].

Подняли офицеры и установления 1740-х гг., формально отменявшие социальную зависимость служилого калмыцкого простонародья. В доношении по этому поводу сказано так: «до восприятия святого крещения находились они в Калмыцкой волжской орде с имеющимися при них поданными улусными калмыками и, вышед из оной орды со оными улусными своими калмыками в подданство при блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне с покойною княгиней Анною Тай-

шиною в город Ставрополь, где святое крещение приняли... и потому с восприятием христианския веры означенные их улусные калмыки, яко уже служилые люди, всеми услугами и податями, каковые, будучи в орде, исполняли, от них, владельцев и зайсангов, уже отрешены...» [Волжские 2011: 260]. Излишне напоминать, что пресловутых «улусных калмыков» никто от повинностей в пользу господствующей группы отнюдь не «отрешал», но правовая норма, презиравшаяся ранее, стала удобным поводом апелляции к властям теперь.

Социальный же мотив душевладения, обозначенный в документе, был в духе дискурса крепостнической эпохи, признанного в том числе и указом Сената от 15 февраля 1745 г. «О правилах содержания и управления Ставропольской крепостью и поселенных при ней калмыках» — основополагающим указом о ставропольских калмыках: «господам» нельзя без «рабов», «дабы чрез то лучшие и заслуженных людей фамилии в презрение и уничтожение не приходили» [ПСЗ 1830: 314].

Об этом заявляли и ставропольские зайсанги: «...а по природе их, владельцев и зайсангов, для домашних услуг бес таковых людей, которые черную работу исправляли, обойтись не могут, и хотя де поныне с нуждою и справляются наймом ис крещеных же калмык, но за немалую плату з большим себе убытком, а притом и без пользы, ибо де они, калмыки, такой работы исправлять и земледелия производить как российские крестьяне еще необычные...». Посему крестьяне и понадобились, «которых, кроме покупки у российских дворян, и получить их неотколь...» [Волжские 2011: 260].

Попытка ставропольских зайсангов встать вровень с господствующим сословием российского общества успеха не имела: возможности обойти дворянскую монополию на «крещеную собственность», стать корпоративной «неодворянской» группой им не дали. Эволюция этого малого сообщества предполагала лишь один и вполне определенный путь — выход из этноязыко-

вой среды, культурное слияние с русским дворянством по примеру крещеных потомков хана Дондук-Омбо.

Впрочем, честолюбивым представителям данной страты вскоре представился и другой способ сломать социальный потолок — перейти к Е. И. Пугачеву. Хорошо известно о подобном выборе Ф. И. Дербетева, сына екатерининского депутата-законодателя. А. И. Шорин этого уже не увидел, ибо ставропольского «золотого века» не пережил: после 1768 г. он как толмач и учитель не упоминается, по всей вероятности, по причине ухода в мир иной.

Заключение

В изучаемое время важность посредничества «своих» калмыков в степных делах для государства была в целом велика. Однако в начале 1770-х гг. ситуация изменилась. Крушение Джунгарского ханства, надежность Оренбургской линии как пограничного рубежа, иные алгоритмы общения с тюрко-монгольской периферией России в совокупности означали, что крещеная калмыцкая верхушка стала не столь востребованной, а ее ценность в военно-политической системе пограничья снизилась.

С развитием екатерининской политики веротерпимости, лишавшей калмыков-аристократов и их окружение в Ставрополе-на-Волге подпитки извне, они все более выступали реликтом сословной политики предшествующих эпох — ранней елизаветинской и даже бироновской. Отсутствие перспектив социального продвижения порождало нестабильность высшего командования Ставропольского войска, вызывало напряжение, желание порвать со сложившейся системой. Во время Пугачевщины они и дали себя знать. Результатом Пугачевщины для ставропольских «нобилей» стала их гибель, главенство в войске перешло к другим людям. Новое же поколение представляло собой заурядный командный состав иррегулярной части, лишенный социальных амбиций и способный держаться за корпоративные привилегии лишь в силу традиции.

Источники

Волжские 2011 — Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы. Т.

1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. Ростов н/Д, 2011. 320 с.

ПСЗ 1830 — Полное собрание законов Россий-

ской империи: собрание первое: с 1649 по 12.12.1825. Т. 12 (1744–1748). СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 960 с.

Sources

Ryazhev A. S. (ed.) *The Volga Stavropol Kalmyks: From the mid-1730s through the first half of the 19th century. Documents and materials.*

Vol. 1. *The Stavropol Kalmyk host from the mid-1730s through 1760s.* Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 2011. 320 p. (In Russ.)

First Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery, 1830. Vol. 12: 1744–1748. 960 p. (In Russ.)

Литература

Абдилдабекова 2010 — *Абдилдабекова А. М.* Модели империй и их применимость к Казахстану в составе Российской Империи // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Сер.: История России. 2010. № 1. С. 164–177.

Арапов 2008 — *Арапов Д. Ю.* Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917 гг.) // *Ab Imperio.* 2008. № 4. С. 253–266.

Беликов 1971 — *Беликов Т. И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.). Элиста: Калмиздат, 1971. 167 с.

Беликов 1978 — *Беликов Т. И.* Ф. И. Дербетев — сподвижник Е. И. Пугачева Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 103 с.

Васильев 2017 — *Васильев Д. В.* Массовые народные движения как инструмент российской региональной политики в Казахской степи в конце XVIII в. (на примере движения Сырыма Датова) // *Вестник Московского университета.* Сер. 8: История. 2017. № 1. С. 31–43.

Вовк, Шебалин 2016 — *Вовк И. В., Шебалин И. А.* «Присяга» и «подданство» в политической практике казахской элиты в 30–40-е гг. XVIII в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2016. № 1 (105). С. 193–197.

Джунджузов 2013 — *Джунджузов С. В.* «Пугачевское замешательство» и Ставропольское калмыцкое войско // *Вестник Самарского государственного университета.* 2013. № 2 (103). С. 49–53.

Джунджузов 2020 — *Джунджузов С. В.* Правовое регулирование поселения калмыков в Оренбурге в 40-е годы XVIII века // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета.* 2020. № 1 (33). С. 80–89.

Джунджузов, Любичанковский 2017 — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеви-

ча в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник.* 2017. № 3 (53). С. 172–191.

Джунджузов, Любичанковский 2018 — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Влияние имперской политики аккультурации на формирование и эволюцию властной элиты у ставропольских крещеных калмыков (1737–1842 гг.) // *Былые годы.* 2018. Т. 49. № 3. С. 970–979.

Дорджиева 2008 — *Дорджиева Е. В.* Конфессиональный вопрос в имперской политике по отношению к традиционной калмыцкой элите в XVIII веке // *Известия Самарского научного центра РАН.* 2008. Т. 10. № 4 (26). С. 975–982.

Ибнеева 2009 — *Ибнеева Г. В.* Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 467, [1] с.

Миллер 2006 — *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2006. 248 с.

Петухов 2014 — *Петухов А. В.* Христианизация народов Среднего Поволжья в середине XVIII века в освещении современной американской историографии // *Вестник Чувашского университета.* 2014. № 4. С. 64–70.

Смирнов 2007 — *Смирнов Ю. Н.* Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // *Вестник Самарского государственного университета.* 2007. № 5/3 (55). С. 158–166.

Тебаев 2009 — *Тебаев Д. Б.* Проблема присоединения Степного края в XVIII–XIX вв. в современной российской историографии // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Сер.: История России. 2009. № 5. С. 265–271.

Торопицын 2015 — *Торопицын И. В.* Астраханские юртовские татары в политико-административной системе взаимоотношений России с калмыками в XVII–XVIII вв. // *Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ*

- политики Российской империи. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 155–179.
- Третьякова, Мыслицкая 2015 — *Третьякова Д. В., Мыслицкая Л. А.* П. И. Рычков о волжских ставропольских калмыках: историко-ландшафтные и лингвогеографические наблюдения в «Топографии Оренбургской» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 256–262.
- Ходарковский 2019 — *Ходарковский М.* Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: НЛЮ, 2019. 352 с.
- Goryaev, Lidzhiev, Avliev 2019 — *Goryaev M., Lidzhiev A., Avliev V.* Christianization of Non-Russian Peoples: Missionary Activity of Orthodox Church in Kalmyk Plain // International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism». The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. Vol. LXXVI. 1136–1142.
- Frank 2001 — *Frank, Allen J.* Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910. Leiden; Boston; Köln: E. J. Brill Academic Publishers, 2001. VIII, 341 p.
- LeDonne 2008 — *LeDonne J. P.* Russia's eastern theater, 1650–1850 springboard or strategic backyard? // *Cahiers du monde russe*. 2008. Vol. 49. No. 1. Pp. 17–46.
- Werth 2002 — *Werth, Paul W.* At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga — Kama Region, 1827–1905. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. XIV, 269 p.
- Werth 2013 — *Werth, Paul W.* The Qazaq Steppe and Islamic Administrative Exceptionalism: A Comparison with Buddhism Among Buriats // *Islam, society and states across the Qazaq Steppe (18th – early 20th centuries)*. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2013. Pp. 119–142.
- References**
- Abdildabekova A. M. Models of empires and their applicability to Kazakhstan within the Russian Empire. *RUDN Journal of Russian History*. 2010. No. 1. Pp. 164–177. (In Russ.)
- Arapov D. Yu. Supreme government agencies of the Russian Empire: Islam in archival materials (1721–1917). *Ab Imperio*. 2008. No. 4. Pp. 253–266. (In Russ.)
- Belikov T. I. Fyodor Derbetev — a comrade-in-arms of Yemelyan Pugachev. Elista: Kalmyk Book Publ., 1978. 103 p. (In Russ.)
- Belikov T. I. Kalmyks in Pugachev's Rebellion: 1773–1775. Elista: Kalmizdat, 1971. 167 p. (In Russ.)
- Dordzhieva E. V. The Russian Empire religious politics towards the Kalmyk traditional elite in the 18th century. *Izvestia of Samara Scientific Center of the RAS*. 2008. Vol. 10. No. 4 (26). Pp. 975–982. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. 'Pugachev confusion' and Stavropol Kalmyk army. *Vestnik of Samara University*. 2013. No. 2 (103). Pp. 49–53. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Legal regulation of the settlement of the Kalmyks in Orenburg in the 40s of the XVIII century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 2020. No. 1 (33). Pp. 80–89. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. V. The influence of the imperial policy of acculturation on the formation and evolution of the power elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842). *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. No. 3. Pp. 970–979. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovsky S. V. The missionary activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725–1734). *The New Historical Bulletin*. 2017. No. 3 (53). Pp. 172–191. (In Russ.)
- Frank A. J. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910. Leiden; Boston; Köln: E. J. Brill Academic Publishers, 2001. VIII, 341 p. (In Eng.)
- Goryaev M., Lidzhiev A., Avliev V. Christianization of non-Russian peoples: missionary activity of Orthodox Church in Kalmyk plain. In: International Scientific Conference 'Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism'. The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences. 2019. Vol. LXXVI. Pp. 1136–1142. (In Eng.)
- Ibneeva G. V. Catherine the Great's Imperial Policies: in the Mirror of Her Majesty's Journeys. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2009. 467 p. (In Russ.)

- Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: the Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 349 p. (In Russ.)
- Le Donne J. Russia's eastern theater, 1650–1850 springboard or strategic backyard? *Cahiers du monde russe*. 2008. Vol. 49. No. 1. Pp. 17–46. (In Eng.)
- Miller A. I. The Romanov Empire and Nationalism: an Essay on History Research Methodology. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2006. 248 p. (In Russ.)
- Petukhov A. V. Christianization of the Middle Volga peoples in the mid-eighteenth century in contemporary American historiography. *Chuvash University Bulletin*. 2014. No. 4. Pp. 64–70. (In Russ.)
- Smirnov Yu. N. Modern approaches to the history of the rebellion 1773–1775. *Vestnik of Samara State University*. 2007. No. 5/3 (55). Pp. 158–166. (In Russ.)
- Tebaev D. B. Problem of connection of steppe edge in XVIII–XIX cen. In a modern Russian historiography. *RUDN Journal of Russian History*. 2009. No. 5. Pp. 265–271. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Russia and the Kalmyks, 17th–18th centuries: Yurt Tatars of Astrakhan Governorate in political and administrative perspectives. In: Central Asian Nomads, 18th–19th Centuries: a Comparative Historical Analysis of Russian Imperial Policies. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 2015. Pp. 155–179. (In Russ.)
- Tretyakova D. V., Myslitskaya L. A. P. I. Rychkov about the Volga Stavropol Kalmyks: historical-landscape and linguogeographic notes of the book 'Topografiya Orenburgskaya'. *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev*. 2015. No. 4 (19). Pp. 256–262. (In Russ.)
- Vasiliev D. V. Mass popular movements as an instrument of Russian regional policy in the Kazakh steppe in the late 18th century (through the example of the Syrym Datov movement). *Moscow University Bulletin. Series 8. History*. 2017. No. 1. Pp. 31–43. (In Russ.)
- Vovk I. V., Shebalin I. A. 'Oath' and 'citizenship' in the political practice of the Kazakh elite in the 30–40s of the XVIII century. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2016. No. 1 (105). Pp. 193–197. (In Russ.)
- Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga – Kama Region, 1827–1905. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. XIV, 269 p. (In Eng.)
- Werth P. W. The Qazaq Steppe and Islamic administrative exceptionalism: a comparison with Buddhism among Buriats. In: Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th – Early 20th Centuries). Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2013. Pp. 119–142. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 890–901, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-890-901
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 551.506.9

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-890-901

History of Meteorological Observations in the East of Russia and a Number of Eastern Countries

Aybulat V. Psyanchin¹, Rezeda Z. Hizbullina², Liliya A. Zaripova³

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Geography), Professor, Director

 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin@mail.ru

² Bashkir State University (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogics), Associate Professor

 0000-0002-3892-3236. E-mail: hizbullina@yandex.ru

³ Bashkir State University (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Senior Lecturer

 0000-0003-4645-7789. E-mail: la30-6@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Psyanchin A. V., Hizbullina R. Z., Zaripova L. A., 2020

Abstract. *Introduction.* The article reviews the history of the origin and development of meteorological observations in the East of Russia and some Eastern countries of Eurasia. *Goals.* The paper seeks not just to describe the sequence of events from the history of the development of meteorology as a science in the East, but rather to find patterns that lead to the chain of research on the nature of the region, identify the main stages or periods thereof, consider and clarify the development of meteorology in the East of Russia and Eastern Eurasia. *Materials.* The work employs a set of complementary research methods, such as theoretical analysis of geographical and historical literature on the problem under consideration; provides insights into archival materials and published sources; conducts comparative analysis of events from the history of the origin and development of meteorological science on the Eastern borders of our country. *Conclusions.* The study of archival materials and published sources made it possible to determine trends in the development of meteorological research in the region. The article primarily focuses on the influence of the Beijing Magnetic Meteorological and Main Physical Observatories on the emergence and development of the meteorological network of the East.

Keywords: meteorology, observatory, Main Physical Observatory, East, meteorological observations, meteorological instruments, meteorological network

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Psyanchin A. V., Hizbullina R. Z., Zaripova L. A. History of Meteorological Observations in the East of Russia and a Number of Eastern Countries. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 890–901. (In Eng.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-890-901

УДК 551.506.9

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-890-901

История становления метеорологических наблюдений на востоке России и в ряде восточных странах

Айбулат Валиевич Псянчин¹, Резеда Зиязетдиновна Хизбуллина², Лилия Ауфасовна Зарипова³

¹ Институт истории языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д.71, проспект Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
доктор географических наук, профессор, директор
 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin@mail.ru

² Башкирский государственный университет (д.32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
кандидат педагогических наук, доцент
 0000-0002-3892-3236. E-mail: hizbullina@yandex.ru

³ Башкирский государственный университет (д.32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
старший преподаватель
 0000-0003-4645-7789. E-mail: la30-6@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2020

© Псянчин А. В., Хизбуллина Р. З., Зарипова Л. А., 2020

Аннотация. *Цель* статьи — рассмотреть историю возникновения и развития метеорологических наблюдений на востоке России и в восточных странах Евразии. Задачи данной статьи — не просто описать череду событий из истории становления метеорологии как науки на Востоке, а найти закономерности, обуславливающие ход, цепочки исследований природы этого региона, выделить основные этапы или периоды, по которым шло развитие; рассмотреть и уточнить вопросы становления метеорологии на востоке России и восточных странах Евразии. *Материалы и методы.* Для решения поставленных задач использовался комплекс дополняющих друг друга методов исследования: теоретический анализ географической, исторической литературы по исследуемой проблеме; изучение архивных материалов и опубликованных источников; сравнительный анализ событий из истории возникновения и развития метеорологической науки на восточных рубежах нашей страны. *Результаты.* Изучение архивных материалов и опубликованных источников позволило определить тенденции развития метеорологических исследований региона. Основной акцент в статье сделан на влияние Пекинской магнитно-метеорологической и Главной физической обсерваторий на возникновение и развитие метеорологической сети Востока.

Ключевые слова: метеорология, обсерватория, Главная физическая обсерватория, Восток, метеорологические наблюдения, метеорологические инструменты, метеорологическая сеть

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Псянчин А. В., Хизбуллина Р. З., Зарипова Л. А. История становления метеорологических наблюдений на востоке России и в ряде восточных странах // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 890–901. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-890-901

Introduction

In recent decades, the science has been interested in researches and analysis of the history of how geography was studying various components of nature in certain regions within physical, geographical, political, administrative, and ethnical frameworks. The history of meteorological observations in a certain territory is worth attention due to both scientific interest and the interest of people towards the history of meteorology in their countries and localities. It is crucial to study how meteorology occurred and developed and what peculiarities it had, as the world increasingly tends to apply a retrospective search of information to predict the environmental conditions and monitor the environment [Zaripova 2015: 44].

The first network of meteorological stations in Russia was established during the Great Northern Expedition (1732–1743). The expedition was led by Vitus J. Bering. The network stretched from the Volga River and to the Lena River, and further to the Argun River. The meteorological issues of the expedition

were managed by Johann F. Gmelin, a natural scientist, and Louis de l'Isle, an astronomer. The expedition established meteorological stations in Kazan, Sverdlovsk (present-day Yekaterinburg), Tobolsk, Yamyshev, Yeniseysk, Tomsk, Turukhansk, Irkutsk, Yakutsk, Selenginsk, Nerchinsk, and in Argun silver mines (currently the area of Nerchinsky Zavod). All these 12 stations followed the instructions of the expedition for subsequent observations [Arkhangelsky 1986: 11].

Meteorological observations in the 18th and 19th centuries in the territory of Siberia and the Far East

The Northern Expedition ceased in 1743. That resulted in the shutdown of the meteorological station network. However, the observations collected in the 18th century allowed to understand what the climate was in the previously unexplored areas. Let us examine the main historical events related to the accumulation of meteorological data in the East of our country.

Table 1. History of meteorological data collection through observations in Siberia, 18th–19th centuries [compiled by authors]

Years	Description of research
1787–1795	First meteorological observations in Okhotsk
1820–1823	First meteorological observations in Ust-Yansk and Nizhnekolymsk
1828–1830	First meteorological observations in Petropavlovsk-on-Kamchatka, Chita, Petrovsky Zavod. Observations resumed in Irkutsk and Yakutsk
1838–1839	Regular meteorological observations launched in Barnaul and Nerchinsky Zavod
1842–1843	Observations resumed in Petropavlovsk-on-Kamchatka and Okhotsk
1844	Observations launched in Ayan
1854–1856	Observations carried out in Nikolaevsk-on-Amur
1858–1859	Observations carried out in Olga Bay
1860–1861	First observations carried out in the newly founded Vladivostok
1872	Arrangement of regular observations in Vladivostok

In the 1860s–1870s, Eastern Siberia and the Far East had approximately 30 regularly operating meteorological stations. Between the beginning of the Great Northern Expedition and the last quarter of 19th century, Eastern Siberia and the Far East managed to collect the ultimate

amount of actual data. The meteorological observation data collected across Eastern Siberia and the Far East and materials of observations accumulated in other areas allowed A. I. Voyekov to create *Climates of the Globe, Especially That of Russia* in 1884. A. I. Voeykov used

the materials of accumulated meteorological observations to perform a study of the climate of the East Asian monsoon. Prior to writing his work, he made many trips across Russia, traveled to North and South Americas, Europe, South and East Asia, visited the foothills of the Himalayas, Java, Japan, and participated in ocean expeditions [Dzerdzeevsky 1962: 492].

Before A. I. Voeikov it was assumed that the seasonal change of monsoons extends only

to parts of India, Indochina and South China, but the researcher proved that such seasonal wind changes actually extend up to 60° N, including the entire Amur Region, i. e., our Primorye [Oldfield 2016: 684].

The materials of meteorological observations collected in Eastern Siberia and the Far East, together with the accumulated results of observations in other regions, were sufficient for the publication of the series of scientific papers presented in Table 2.

Table 2. Eastern regions of Russia in the 19th–20th centuries. Fundamental climatological and meteorological studies [compiled by authors]

Author	Contribution of scientist, researcher
A. I. Voyekov	Climates of the Globe, Especially That of Russia (1884)
G. V. Yakhontov	Thesis on Storms of the Baikal Lake (1906)
A. V. Voznesensky	Thesis on Climatic Peculiarities of the Baikal (1907)
A. V. Voznesensky, V. B. Shostakovich	Basic Data for Studying Climate of Eastern Siberia, with Atlas (1913)
N. V. Kirillov	Climate of Primorskaya Oblast. Investigation Goals (1911), Studying Climate of Primorsky Area. Meteorological Chrestomathy for the Far East (1914)
M. I. Sumgin, P. I. Koloskov	Studies of climate and microclimate in Amur Oblast, first climatic zoning of the Far East, a unified review of studies dealing with permafrost in our country
B. V. Davydov and N. N. Vladimirovsky	Studies aimed at determining weather and climate parameters of the Far Eastern seas
M. M. Partansky	Climate of Vladivostok (1923)
A. A. Kamensky, E. S. Rubinstein	Climate Reference Book of the USSR (1931–1967)

Features of meteorological research in the 20th century

In the 1900s, the eastern part of the Trans-Siberian Railway was being constructed. This resulted in significant changes in the economic and cultural development of Eastern Siberia and the Far East. Those times witnessed a significant growth of the meteorological station network. The meteorological researches in Eastern Siberia and the Far East at that period were important for two agencies, viz. the Ministry of Railways and Directorate for Resettlement [Polyanskaya 2011: 6].

The Ministry of Railways tended to arrange meteorological stations at large railway stations. The Directorate for Resettlement established them in new settlements suitable for agriculture. For example, between 1895 and 1910 Chita Oblast extended its meteorological network from 4 to 33 stations. The Far East had had 94 reporting meteorological stations by the opening of Vladivostok Meteorological Observatory [Polyanskaya 2011: 6].

The national economy and defense capacity were expanding in the country. It resulted in the new requirements to meteorological services. The country needed weather forecasts. That is why they needed weather offices in all crucial centers of Eastern Siberia and the Far East. So, they arranged weather offices in Irkutsk (1929), Vladivostok (1930), Chita and Khabarovsk (1932), Magadan and Petropavlovsk-on-Kamchatka (1934) [Bedritsky, Boris-enkov, Korovchenko, Pasetkiy 1997: 113].

Weather services in the Far East occurred thanks to the Marine Service that sought to arrange storm warnings in Vladivostok (1911). That is when Eastern Russia began intensively developing the Weather Service [Bedritsky, Boris-enkov, Korovchenko, Pasetkiy 1997: 115].

During the Great Patriotic War, the meteorological station network in the Far East only kept growing. In the early 1940s, the meteorological station network kept expanding along with upper-air synoptic stations, special and

high altitude stations. In 1957, Primorsky Krai had 59 meteorological stations, 4 of them were high and medium altitude ones. There were 9 pilot balloon observatories and 3 radiosonde observation stations [Bedritsky, Borisenkov, Korovchenko, Pasetskiy 1997: 174].

Later in the 1950s, the observatories and weather offices were transformed into local hydrometeorological research institutes in Vladivostok, Almaty, Kyiv and Tashkent. It facilitated further improvement of researches in local synoptic meteorology [Guidebook 1988: 27].

Significance of the Russian Ecclesiastical Mission (located in Beijing) in the meteorological research of the East of our country

In the 18th century, Beijing hosted the Russian Spiritual Mission. The Mission was exercising patronage over Russians residing in China. This organization also was a trading office of Russia and a consulate to China [St. PBA RAS. Coll. 337. Cat. 1. File 30. F. 11]. Moreover, its members were exploring China. The Mission got instructions from the Academy of Science, the main research institution of Russia. The Academy trained the former's personnel and sent its own associate scientists to China. Such cooperation turned the Mission into a unique basis for investigating the shut-in Chinese Empire. The mission's main goals, objectives and rights were described in detail by Russian-Chinese agreements such as the Treaty of Kyakhta, Treaty of Aigun, and Treaty of Beijing [St. PBA RAS. Coll. 337. Cat. 1. File 30. F. 12]. The 1848 establishment of the Northern Branch of the Magnetic Meteorological Observatory only encouraged researches and strengthened the mission. Initially, the observatory had been operated by the Department for Mining and Salt Business affiliated to the Ministry of Finance. In 1862, it was re-attached to the Imperial Academy of Sciences. It was joined to the stations and observatories of St. Petersburg Main Physical Observatory (hereinafter referred to as MPO). This network included a line of stations from Helsinki in Finland to Taiwan in China. The observatory in Beijing when run by its last director G. A. Fritsche became the center of meteorology for the entire Eastern Russia [St. PBA RAS. Coll. 337. Cat. 1. File 30. F. 12].

The board of the station was led by its director to establish new ones. They inspected tools the stations had and purchased new equipment

for various expeditions. Meteorological researches in the East attracted K. A. Skachkov. He took interest in Chinese astronomy, studied the Chinese language and wrote related theses [Rybachov 1899: 214]. However, K. A. Skachkov had a poor health and could not stay in Beijing for a long time. In 1857, he had to quit. Over the next six years (1856–1862) the institution was being led by D. A. Peshchurov [Skachkov 1874: 38].

On October 27, 1856, the Emperor Nicolas I of Russia appointed D. A. Peshchurov Director of the Beijing Observatory. The latter was the first one to determine astronomic coordinates of a number of North Chinese towns. In 1861, Russia opened a consulate to Beijing. Peshchurov was sent there as a translator [Feklova 2020: 191].

The Department for Mining and Salt Business then asked the Academy of Sciences to train a successor to head the Beijing Observatory. On March 21, 1862, the Director A. Ya. Kupffer recommended K. K. Neiman for this position. By that time, he had been trained at MPO, and thus was appointed with no trouble. Before leaving to China he got an assignment from the Academy of Science to inspect the major meteorological stations. Yet all of a sudden K. K. Neiman refuses to go to China. In 1866, he was dismissed. At the meeting of the Academy of Sciences L. M. Kämtz introduces the new candidate to lead the Beijing Magnetic Meteorological Observatory — G. A. Fritsche, a calculationalist at MPO [RSHA. Coll. 733. Cat. 142. File 336. F. 1].

The Academy of Sciences approved G. A. Fritsche. On March 24, 1867, L. M. Kämtz was reporting to the Minister of Enlightenment D. A. Tolstoi and recommended to appoint G. A. Fritsche the new Director. When in the observatory, G. A. Fritsche managed to make a substantial contribution to the development of meteorology and magnetic researches in China and the Far East. On January 14, 1868, he entered his office in China supported by P. Xiang and I. Dong [St. PBA RAS. Coll. 4. Cat. 4. File 622. F. 11].

In 1873, G. A. Fritsche went for a business trip to St. Petersburg. He was going to purchase new equipment and tools for the observatory. On June 3, 1874, the Director of MPO H. I. Wild was reporting to the Minister of People's Enlightenment A. P. Shirinsky-Shikhmatov. Wild suggested inspecting the ex-

isting magnetic meteorological stations and creating new ones. Involvement of brand new equipment would allow to conduct both short and long term observations and make forecasts [St. PBA RAS. Coll. 4. Cat. 4. File 622. F. 157].

Beijing Observatory was supposed to send tools to towns that were to house new stations. The tools were to be installed and set up by G. A. Fritsche who was also to train local meteorologists to work with up-to-date devices and research methods, thus transforming amateurs into professional researches [St. PBA RAS. Coll. 4. Cat. 4. File 622. F. 157].

The project of enhancement of Siberia's meteorological station network was fully approved on June 5, 1874. MPO budget allocated 800 rubles thereto. The allocation basis said 'for scientific travels and trips to inspect meteorological stations' [St. PBA RAS. Coll. 4. Cat. 4. File 622. F. 157].

It is important to point out that on January 18, 1868, the Emperor Alexander II of Russia signed a decree to include all the meteorological stations into the Imperial Academy of Sciences, which resulted in a unification of all meteorological observations nationwide. Annually, the national budget allocated 4000 rubles. The Academy of Sciences allowed the Physical Observatory to appoint special awards for observers to have gained success in meteorology [Rykachev 1899: 256].

In 1869, MPO issued a detailed *Guideline for Meteorological Stations* authored by MPO's director H. I. Wild [Wild 1869]. This Guideline became a standard for all researches of modern meteorological stations. The Guideline by H. I. Wild made meteorological observations cyclical: all the data were registered strictly at 7 a.m., 1 p.m. and 9 p.m. The Guideline unified the tools and methods of observation. It was H. I. Wild who introduced regulations for records. It is crucial to mention that it was he who initiated Centigrade temperature measurement [Maklakov, Efremychev, Khomenko 1976: 92].

For better performance devices were re-located. The Guideline by H. I. Wild stresses that devices should stay apart from one another for more precise readings [Maklakov, Efremychev, Khomenko 1976: 94]. Thermometers and barometers were placed in special wooden booths. The booths were located 2 meters above the ground and equipped with lattice walls that let the air pass through. These con-

ditions ensured good and precise measurement. Such conditions were created for other devices at meteorological stations. Even nowadays this Guideline's provisions remain in force. The Guideline also paid a special attention to time. So, H. I. Wild advised to set the clocks at meteorological stations by the most accurate clocks in town. That allowed to coordinate researches conducted nationwide. Usually such clocks were located at telegraph stations [Maklakov, Efremychev, Khomenko 1976: 95].

To sum up, it should be said that the expedition of G. A. Fritsche aimed at making measurements and observations comply with common standards both at the old and newly-designed stations. The new points of observation were Krasnoyarsk, Ishim, Tomsk, Kainsk, Omsk and Kyakhta.

All the cities that had had or were supposed to have a meteorological station needed their tools upgraded. The tools were to arrive from the Main Physical Observatory in St. Petersburg and included as follows: an iron weather vane with a wind-intensity indicator; two rain gauges with a metric glass; two Geissler-type mercury barometers, an alcohol minimum-thermometer and a hair hygrometer (a humidity metering device); tin cages for the three thermometers; a latest non-filled mercury barometer and 5 pounds of pure mercury; an aneroid (a pressure metering device not driven by a liquid unlike the barometer); a sun dial [Fritsche 1876: 126].

To check the tools, G. A. Fritsche brought instruments prepared by MPO. The kit included a pocket aneroid made by the renown German craftsman G. Goldschmidt, a metal-and-glass latest siphon barometer, barometer tube filler, about ten pounds of pure mercury, spare barometric tubes, alcohol, sulphuric acid, distilled water, various mechanical tools, three Piel-type chronometers and two Arnold pocket chronometers, a device for determining the earth magnetism (multiply used during the trip) [Fritsche 1876: 125].

The first destination of the trip was Ishim. G. A. Fritsche arrived there on July 29, 1874. But his tools were still en route, and he had to wait for them for 18 days. Not to waste his time the scientist decided to establish a new station in Omsk which is halfway from Ishim to Kainsk. Upon his arrival G. A. Fritsche met a man who had been dealing with meteorological observations in town. The man was an adjutant of

the district headquarters named I. F. Sokolov. Being sure in I. F. Sokolov's expertise, G. A. Fritsche started building an observation site that was placed in a small square near the new state-provided accommodation of Sokolov. The latter was renting an apartment in a fortress in the northwest of the city, on the right bank of the Ob and Irtysh. A decision was made to install all the devices in the garden next to the fortress. The devices were set by the clock at the telegraph station believed to be the most accurate one [Fritsche 1876: 125].

Psychrometric observations were based on the thermometers with whole Centigrade scales. Yet, barometric observations were based on scales divided into halves of a unit. The Director of MPO H. I. Wild was asked by G. A. Fritsche to equip the station with new tools they lacked, such as a rain gauge, a thermometer, a weather vane [Fritsche 1876: 126]. The visit to the station resulted in the observations became regular and recorded precipitations, temperature and wind parameters every day [Schwer 1980: 8].

On July 26, the director of Beijing Observatory left Omsk for Tomsk. En route G. A. Fritsche decided to visit Salair (present-day Kemerovo Oblast) where he wanted to check instruments at the meteorological station founded by an enthusiastic amateur F. E. Zass. The town was located in the north of the Altai Mountains and received meteorological tools from St. Petersburg according to the plan developed by MPO that wanted to arrange a continuously operating network of meteorological stations. The tools were installed by G. A. Fritsche. In accordance with the new guidelines, the thermometer was placed into a special booth equipped with a weather vane (with a wind-intensity indicator) and a rain gauge. MPO also delivered a mercury thermometer and a hair hygrometer to the station [Fritsche 1876: 130].

The director of Beijing Observatory concluded that the observations made in Salair by F. E. Zass fully complied with the meteorology principles [Fritsche 1876: 130]. In 1830, Tomsk launched regular meteorological observations through efforts undertaken by employees of educational institutions. Between 1830 and 1843, observations were made by I. G. Novotroitsky (Headmaster of Tomsk Governorate's vocational schools); between November 1846 and June 1873 with little pauses those

were performed by S. Elsner (a gymnasium teacher) [Kryukova, Pinaeva 2013: 192]. Further observations were the responsibility of P. A. Butkeev who was an inspector of public schools in Tomsk. Later he had a meteorological station and a sun dial built next to his house. It was arranged by G. A. Fritsche at the order of the director H. I. Wild [Dmitrienko 2003: 137]. Just like the case with other stations, this station also received a wooden booth protecting the thermometer from external impacts. The booth also had a weather vane and a rain gauge. G. A. Fritsche delivered a siphon barometer to the meteorological station [Fritsche 1876: 131].

G. A. Fritsche's trip across Siberia in 1874 gave rise to a number of new meteorological stations. The existing stations had all their tools replaced or set up. Besides, Fritsche arranged trainings for employees of both the new and existing stations. He would explain how modern appliances worked, how to handle them and conduct observations. It is then that a special wooden booth that protected the metering appliances from external impacts was introduced for the first time. The towns were located close to the telegraph line, which allowed a quick transfer of collected data to MPO in St. Petersburg. This made it possible to pass from observing weather to forecasting it [Pogosyan, Taborovskiy 1947: 3]. Thanks to G. A. Fritsche, meteorological observations became regular, and the timing of observations was exact (7 a. m., 1 p. m. and 9 p. m.). That allowed to define daily temperature and humidity fluctuations, changes in wind strength and direction. Further on, Beijing observatory was an intermediate for exchanging tools, guidelines, books and data between regional meteorological stations and MPO in St. Petersburg. Up-to-date appliances installed in a certain way to protect them from external impacts, personnel training, quick data transmission to the central observatory to form weather reviews made it possible to include the new stations founded by G. A. Fritsche in Siberia into the operating network of meteorological station across the entire Russia [Feklova 2020: 192].

In conclusion, let us consider the contributions of individual Chinese scientists. Shên Kuò (11th century AD) was very interested in the problem of weather forecasting and compiling meteorological bulletins. It is believed he was the first one to explain the rainbow with-

out the knowledge of light refraction. In 12th century, Zhu Xi was trying to determine what caused clouds and rains. Finally, he assumed that clouds and rains arise from vapors [Feklova 2020: 191].

Already in the Song period (late 10th – second half of the 13th centuries AD), schemes to calculate volumes of rain gauges appeared in China, and in 1424 the former were sent to all provinces along with an order to report to Beijing about actual amounts of precipitation. In 1442, a rain gauge was constructed to accurately determine amounts of precipitation. Rain gauges had the appearance of a copper cylinder mounted in a stone base. Later, rain gauges were made of iron or baked clay, and measurement tools were made of bamboo [Feklova 2020: 191]. They were sent to provinces, districts, towns and villages. Local authorities had to regularly perform observations and report about the results. For the first time ever the state started establishing meteorological stations nationwide. Unfortunately, the majority of observation data were lost forever.

Studies of Russian scientists in the territory of Mongolia

Russian scientists pioneered in observations at hydrometeorological stations and offices established in Mongolia. The first station was launched there in 1924.

The main figure in terms of Mongolia's meteorological stations was V. B. Shostakovich, a famous Russian scientist and the director of Irkutsk Magnetic Meteorological Observatory. In 1926, in one of his theses he wrote as follows: 'Meteorological network in Mongolia now includes 8 operating stations. The most noteworthy ones are those in Ulaanbaatar and Sangiyn Khuree that can actually be considered observatories equipped with a number of self-recording machines' [Shostakovich 1926: 3].

Ulaanbaatar was distinguished by an air-station which launched balloons to investigate upper atmospheric layers. These researches connected the Mongolian network with the global one.

An important endeavor for a team of enthusiasts (including V. B. Shostakovich) was the attempt of establishing a station near the Baikal in 1897–1898. In 1900, V. B. Shostakovich joined Irkutsk Observatory where he changed his scientific approaches focused on hydrology, meteorology and geophysics of the area.

V. B. Shostakovich summarized the data on waters freezing in the Asian part of our country, which proved instrumental in determining the tendencies that helped him define the thermal water discharge to the Arctic seas and classify rivers in the permafrost area with due regard of their hydrological regimes. V. B. Shostakovich was granted the Golden Medal of the Russian Geographical Society for his studies in geophysics [Furman 2000: 265].

Mongolian meteorologists still refer to V. B. Shostakovich's *Necessity and Immediate Tasks of Climate Research in Mongolia* written in 1926. The monograph describes physical and geographical conditions of Mongolia as a country with the semi-natural economy. The work also gives a detailed description that before entering Mongolia air masses get to high marginal ridges where they lose a part of their moisture and arrive in the territory in a dryer condition. The researcher points out that in winter Mongolia experiences high pressures typical for this area only. The study explores and describes the climate of the territory to conclude the country has sunny winters with little precipitation, while summers are cloudy and rainy. A temperature profile is articulated too. The climate is severely continental characterized by dramatic differences between daytime glare and night chill [Shostakovich 1926: 8].

History of meteorological observations in Central Asian Region

It is important to mention the history of meteorological observations in Soviet Central Asia. That area had hydrometeorological institutions that initiated studies in meteorology and climatology. First of all, the initiative belonged to the Soviet Central Asia Meteorological Service. Its employees worked there part time, remaining full-time employees at universities, i. e. their studies were owned by the latter [Buletin 1927: 9].

The first summarizing researches and materials are shown in works by A. I. Voeykov describing the climatic conditions of Soviet Central Asia. Similar works were published by D. D. Gedeonov and S. Tikhonov [Selikhonovich 1959: 23].

A. I. Voeykov's works for the first time ever give a detailed description of the climate and climate-forming factors of the territory [Voeykov 1913].

D. D. Gedeonov in his paper describes climatic circumstances of the Samarkand Basin and Fergana Valley. His monograph suggests that the South of the Gissar Mountains is characterized by a subtropical climate. The main peculiarity of his work is that D. D. Gedeonov analyzes the precipitation behavior and reveals an important component of Soviet Central Asia's climate, i. e. the uneven spread of precipitation throughout the year across the southern part of the territory [Selikhanovich 1959: 27]. Before the Revolution of 1917, all these data were theoretical and unconfirmed by actual evidence or researches. The works lacked climate genesis description and insight into local peculiarities. All the climate studies published by that time were not related to economy or business [Selikhanovich 1959: 28].

R. R. Zimmerman and L. A. Molchanov investigated the general characteristics of the climate of Central Asia and its zonal-belt differentiation. Together they summarized all the data of the territory and issued monographs about large areas. In 1922–1924, I. Baidikov joined the project aimed at territory zoning [Molchanov, Zimmerman 1926: 1]. Two years later their zoning experience was published by R. R. Zimmerman and L. A. Molchanov [Molchanov, Zimmerman 1926: 2] to become a most significant scientific event because despite the lack of data the authors managed to show major parameters of the climate both in latitude and altitude directions, outlining climate peculiarities and providing their detailed descriptions.

They decided to carry out zoning of the territory according to the method of V. Köppen proposed in 1901 [Bluthgen 1972]:

- desert climate;
- steppe climate;
- foothill climate;
- mountain climate;
- high mountain climate;
- mountain climate;
- high-mountain desert climate.

Identifying territories as 'regions' [Molchanov, Zimmerman 1926: 5], the authors apparently meant climatic belts, which is confirmed by the text: 'The region of deserts covers the entire middle and west plain parts'.

However, it does not belittle the authors' contribution to the climatic zoning. Years later their ideas were fully confirmed and developed by studies of other researchers, such

as D. N. Kashkarov, A. N. Rozanov and E. P. Korovin that conducted their researches in Betpak-Dal and the Karakum [Kashkarov, Korovin 1936].

Unfortunately, even showing differences in hydrothermal behaviors, the scientists did not take into account that Soviet Central Asia includes a collision of two climatic belts – temperate and subtropical ones. This fact for the first time was considered by university bibliographers D. N. Kashkarov, R. I. Abolin and E. P. Korovin [Kashkarov, Korovin 1936].

They fully confirmed the researches of L. A. Molchanov and R. R. Zimmerman about hydrothermal behaviors, and made amendments regarding the fact that all the climatic differences outlined in the monograph make it possible to distinguish a crucial physical and geographic boundary, since differences in behaviors in the south and the north of Soviet Central Asia affect all components of nature, i. e. result in inhomogeneous physical and geographic conditions [Molchanov, Zimmerman 1926: 9].

It was important for this hypothesis that other Soviet scientists (A. A. Grigoryev, I. P. Gerasimov, V. M. Chetyrkin) tackled it too. However, the most outstanding studies were performed by A. N. Rozanov and E. P. Korovin. They assumed that the boundaries do not close only in plain and piedmont areas, but last in mountain areas too. The boundary in the mountain area stretches from the Karatau Range to Badakhshan. The southern part of the boundary lying across Soviet Central Asia is referred to as Soviet Central Asia Climatic Province.

The researchers outline two hydrothermal and biologically different phases of the vegetation period. The first phase was named mesothermal, i. e. characterized by a warm humid spring. The other one was named xerothermic, i. e. distinguished by a hot droughty summer. Later this idea was scrutinized by other scientists (V. M. Chetyrkin, L. N. Babushkin) who made their own contributions.

The above mentioned signifies that the climatic zoning of R. R. Zimmerman and L. A. Molchanov was majorly accepted by scientists and researchers. It proved useful in further development and studies of the region. Nevertheless, these scientists published other works dedicated to Soviet Central Asia. R. R. Zimmerman, in particular, had his arti-

cle ('Climatology') published in B. Kh. Schlegel's *Water Economy of Central Asia* [Schlegel 1926]. L. A. Molchanov's notable works are *Climate of Turkmenistan* [Molchanov 1929], *General Problems of Climatology in Central Asia* [Molchanov 1928], *Program of Route Meteorological Observations in Central Asia* [Molchanov 1926].

Approaches to studies of regional peculiarities of Soviet Central Asia in R. I. Abolin's works are essentially different and focus on climatic parameters as crucial criteria of natural historical zoning. Therefore, his studies emphasize the climate changes, such as temperature behaviors and precipitation amounts in relation to altitude and latitude parameters of a territory [Abolin 1929: 30].

The above mentioned works analyze statistical data obtained by meteorological stations. But none of them investigated the factors that influence the climate in Soviet Central Asia, especially in relation to atmosphere circulation, i. e. synoptic researches started developing much later than climatic ones. An important role in such studies was played by I. I. Kramley, Director of Turkmenia Meteorological Agency who was in charge of the Synoptics Department.

The synoptical meteorology was rapidly developing thanks to the national economy that needed weather forecasts for purposes of agriculture, water and air transport. V. A. Giorgio launched synoptical researches at universities [Giorgio 1949]. After V. A. Giorgio such studies were encouraged by V. A. Bugaev [Bugaev 1946].

Dynamic climatology made a great leap forward due to works of V. A. Giorgio and V. A. Bugaev. They studied genetic aspects of Soviet Central Asia's climate and discovered the connection between the former and the atmospheric circulation. Their works were instrumental in drawing the scheme that classified weather types for Soviet Central Asia. The scheme was dynamic and referred to space and time. They outlined main components of the atmospheric circulation, studied frontogenesis and advection typical for the region. The mathematical statistics method for the study of synoptic processes and phenomena was developed by the mathematician T. A. Sarymsakov.

Original researches on microclimate were conducted by A. A. and Yu. A. Skvortsovs [Skvortsov, Skvortsov 1964]. They were in-

vestigating irrigation-caused salinization processes in Mirzacho'l ('Hungry Steppe'). Their studies focused on air temperature and humidity observations made at different heights on fields and over the ground cultivated for agricultural purposes. All these studies made the Skvortsovs conclude that irrigation influenced the atmospheric layers located right above the ground, and that this behavior was getting independent, therefore, the Skvortsovs introduced a new term – 'agroclimate'. The main goal of their researches was to reveal main trends and peculiarities of the microclimate. In that work, they had to deal with the underlying terrain thermal balance, the latter being a crucial component of microclimatic surveys [Skvortsov, Skvortsov 1928: 8].

A. A. Skvortsov managed to define components of the thermal balance. He studied certain aspects that influence the microclimate. All these findings were made when he worked at Soviet Central Asia Meteorological Agency [Skvortsov, Skvortsov 1928: 10]. Later, when he was working at the university (after the Great Patriotic War) his observations were proved by experiments. He was articulating complicated questions related to convective processes in the atmosphere, which resulted in a theory that was called convective conversion strata law. That proved a discovery for the scientific community [Skvortsov, Skvortsov 1964: 174].

Kazakhstan launched first meteorological observations in the mid-19th century. The first station was founded in Kazalinsk in 1848. In 1854, another station was created in Semipalatinsk. In 1856, stations were established in Irgiz and Kyzylorda. In 1859, they opened a station in Uralsk. By the early 20th century, Kazakhstan had established 28 operating stations [Bugaev 1946: 21]. All the observations were made with simple equipment that recorded only air temperature, wind intensity and precipitation amount. The most interesting thing is that the observations were carried out by untrained personnel or volunteers from MPO. Doctors, students and teachers conducted observations at different stations. For example, the researcher in Semipalatinsk was a drug store chemist whose name was A. G. Anikeev. The researcher in Irgiz was Mr. Vitkevich, a chief medical officer. All these data are still kept by MPO [Bugaev 1946: 20].

Conclusion

The analysis of theoretical materials dealing with meteorological observations in the East of Russia and a number of Oriental countries concludes as follows:

1. The late 19th century witnessed an industry development, the Trans-Siberian Railway's construction, migration of peasants from European Russia to the Far East. These event significantly affected the economic and cultural development of the region. The Ministry of Transportation and the Directorate for Resettlement had to focus on studies of climate in the Far East. Climatic data started being collected more actively.

2. The history of meteorology and its development in general and in Siberia in particular have attracted attention of numerous scientists and researchers. The monograph by V. A. Voeykov became the first research examining climate and describing multiple aspects and parameters of climatic factors [Voeykov 1884].

Sources

St. PBA RAS — Archives of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch (In Russ.)

References

- Abolin 1929 — Abolin R. I. Fundamentals of Natural-Historical Zoning in Central Asia. Transactions of Central Asian State University. Ser. XII a: Geography. Vol. 2. Tashkent, 1929. 37 p. (In Russ.)
- Arkhangelsky 1986 — Arkhangelsky V. L. Reduction of Air Pressure to Sea Level across Siberia in Winter. Saratov: Saratov State University, 1986. 23 p. (In Russ.)
- Bedritsky, Borisenkov, Korovchenko, Pasetskiy 1997 — Bedritsky A. I., Borisenkov E. P., Korovchenko A. S., Pasetskiy V. M. Hydrometeorological Service of Russia: Historical Essays. St. Petersburg: Gidrometeoizdat, 1997. 363 p. (In Russ.)
- Bluthgen 1972 — Bluthgen I. Geography of Climates. Moscow: Progress, 1972. 428 p. (In Russ.)
- Bugaev 1946 — Bugaev V. A. Climate of Central Asia and Kazakhstan. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences, 1946. 24 p. (In Russ.)
- Bulletin 1927 — Bulletin of the Central Asian Hydrometeorological Institute. 1927–1931. Tashkent. (In Russ.)
- History of Meteorology* by V. I. Slutsky [Slutskiy 1998] pays a special attention to the prehistory, occurrence and development of meteorology in Tomsk. First scientific information dedicated to this topic can be obtained from the records of the Beijing Magnetic Meteorological Observatory [Feklova 2020: 193].
3. Data of the 19th-century meteorological observations were being accumulated continuously majorly by large meteorological stations. A special role in meteorological researches in the East was played by China. A great contribution in the development of the hydrometeorological service in Mongolia was made by Soviet and Russian researches.
4. Fundamental research on climatology and meteorology of the Eastern regions of the country in the 19th-20th centuries occupy a special place. Meteorological observation materials in this region and the data accumulated in other regions allowed A. I. Voeykov to create *Climates of the Globe, Especially That of Russia* in 1884.
- RSHA — Russian State Historical Archive (In Russ.)
- Dmitrienko 2003 — Dmitrienko N. M. Day by Day, Year by Year: Chronicles of Tomsk, 17th–20th Centuries. Tomsk: Tomsk State University, 2003. 347 p. (In Russ.)
- Dzerdzeevsky 1962 — Dzerdzeevsky B. L. Alexander I. Voeykov. In: People of Russian Science. Essays on Outstanding Figures of Natural Science and Technology. Geology and Geography. Moscow: Physics and Mathematics Literature, 1962. Pp. 488–496. (In Russ.)
- Feklova 2020 — Feklova T. Yu. The name's return. G. A. Fritsche — the founder of meteorological stations in Siberia. *Tomsk State University Journal of History*. 2020. No. 65. Pp. 190–194. (In Russ.)
- Fritsche 1876 — Fritsche G. A. Report on the Establishment of New Meteorological Stations in Siberia in 1874 and on the State of Existing Ones. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk*. 1876. Vol. 28. No. 1. Pp. 125–138. (In Russ.)
- Furman 2000 — Furman M. Sh. V. B. Shostakovich — researcher of the East Siberian Region. In: Shostakovich B. S., Kozhova O. M. (eds.) Bedykt T. Dybowski. Novosibirsk: Nauka, 2000. Pp. 263–274. (In Russ.)

- Giorgio 1949 — Giorgio V. A. On borders of the natural synoptic region for Central Asia. *Byulleten' Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1949. No. 29. Pp. 33–35. (In Russ.)
- Guidebook 1988 — Guidebook to Short-Term Weather Forecasts. Part II. Is. 3. Far East. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1988. Pp. 4–67. (In Russ.)
- Kashkarov, Korovin 1936 — Kashkarov D. N., Korovin E. P. Life of the Desert. Leningrad: Biomedgiz, 1936. 252 p. (In Russ.)
- Kryukova, Pinaeva 2013 — Kryukova K. A., Pinaeva N. V. History of phenological observations in Tomsk and Tomsk province. *Tomsk State University Journal of Biology*. 2013. No. 1 (21). Pp. 191–197.
- Maklakov, Efremychev, Khomenko 1976 — Maklakov A. F., Efremychev V. I., Khomenko Ya. N. Essays on the Development of National Hydrometeorological Instrumentation. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1976. 240 p. (In Russ.)
- Molchanov 1929 — Molchanov L. A. Climate of Turkmenistan. Leningrad, 1929. 38 p. (In Russ.)
- Molchanov 1928 — Molchanov L. A. General Problems of Climatology in Central Asia. Tashkent, 1928. 9 p. (In Russ.)
- Molchanov 1926 — Molchanov L. A. Program of Route Meteorological Observations in Central Asia. Tashkent, 1926. 24 p. (In Russ.)
- Molchanov, Zimmerman 1926 — Molchanov L. A., Zimmerman R. R. Climate Zoning of Central Asia. Ser.: Bulletin of the Zoning Committee. Vol. 3. Tashkent, 1926. 12 p. (In Russ.)
- Oldfield 2016 — Oldfield J. D. Mikhail Budyko's (1920–2001) contributions to Global Climate Science: from heat balances to climate change and global ecology. *WIREs Climate Change*. 2016, September/October. Vol. 7. Pp. 682–692. (In Eng.)
- Pogosyan, Taborovsky 1947 — Pogosyan Kh. P., Taborovsky N. L. 75th anniversary of the Soviet weather service. *Meteorologiya i gidrologiya*. 1947. No. 1. Pp. 3–10. (In Russ.)
- Polyanskaya 2011 — Polyanskaya E. A. Synoptic Processes of Eastern Siberia and the Far East. Saratov: Saratov State University, 2011. 48 p. (In Russ.)
- Rykachev 1899 — Rykachev M. A. Historical Essay on the Main Physical Observatory: Over the 50 Years. 1849–1899. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1899. 415 p. (In Russ.)
- Schlegel 1926 — Schlegel B. Kh. Water Economy of Central Asia. Moscow, 1926. 69 p. (In Russ.)
- Schwer 1980 — Schwer Ts. A. (ed.) The Climate of Omsk. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1980. 246 p. (In Russ.)
- Selikhovich 1959 — Selikhovich V. G. Dmitry D. Gedeonov: Military Geodesist and Astronomer. An Essay on Life and Scientific Activities. Moscow: Geodezizdat, 1959. 64 p. (In Russ.)
- Shostakovich 1926 — Shostakovich V. B. Necessity and Immediate Tasks of Climate Research in Mongolia. Irkutsk, 1926. 9 p. (In Russ.)
- Skachkov 1874 — Skachkov K. A. The fate of astronomy in China. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1874. Vol. CLXXIII. No. 5. Pp. 23–58. (In Russ.)
- Skvortsov, Skvortsov 1928 — Skvortsov A. A., Skvortsov Yu. A. Agroclimate and Thermal Balance of Irrigation Fields. Tashkent: Institute of Water Economy, 1928. 14 p. (In Russ.)
- Skvortsov, Skvortsov 1964 — Skvortsov A. A., Skvortsov Yu. A. Irrigation of Agricultural Fields and Microclimate: Methodology and Research Results. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1964. 275 p. (In Russ.)
- Slutsky 1998 — Slutsky V. I. History of Meteorology at Tomsk University. Tomsk: Tomsk Center for Scientific and Technical Information, 1998. 112 p. (In Russ.)
- Voeykov 1884 — Voeykov V. A. Climates of the Globe, Especially That of Russia. St. Petersburg: A. Ilyin, 1884. 640 p. (In Russ.)
- Voeykov 1913 — Voeykov V. A. Essays on Turkestan. St. Petersburg: Selsky Vestnik, 1913. 56 p. (In Russ.)
- Wild 1869 — Wild H. I. Guideline for Meteorological Stations. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. 23 p. (In Russ.)
- Zaripova 2015 — Zaripova L. A. On the history of meteorological researches in Russia by the example of the Southern Urals. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. Vol. 17. No. 3. Pp. 44–48. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 902–915, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-902-915
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47).084.6

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-902-915

Рыбная отрасль Калмыкии в 1926–1932 гг.

Андрей Кекишинович Манджиев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3350-4582. E-mail: kekshinov.mak@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Манджиев А. К., 2020

Аннотация. *Введение.* Данная статья предусматривает анализ развития рыбной отрасли Калмыкии с 1926 г. по 1932 г. *Цель статьи* — показать процесс становления и развития рыбной отрасли Калмыкии в период НЭПа и региональные особенности на примере проведения коллективизации и индустриализации полукочевого калмыцкого населения в низовьях Волги и Прикаспия. *Материалы и методы.* В работе использованы исторические методы — хронологический и проблемно-хронологический, которые позволили осветить историю развития рыбной отрасли Калмыкии с 1926 г. по 1932 г. Статья основана на различных источниках: материалах по развитию рыбной отрасли на территории автономной области (в том числе и в трудах, не связанных напрямую с тематикой рыболовства), делопроизводственной документации из различных архивов, полевых наблюдениях и т. д. Главным критерием в исследовании была достоверность и объективность. *Результаты и выводы.* Выяснение особенностей этапов развития рыбной отрасли Калмыкии периода 1926–1932 гг. позволил выявить различные практики и модели хозяйств в период организации и обустройства национальной области, механизмы и результаты взаимодействия центра и национального региона в рамках данного процесса. В статье показаны процессы становления и развития рыбной отрасли во вновь созданной автономии, трудности, которые пришлось преодолеть руководству Калмыцкой области, чтобы создать самостоятельную рыбную отрасль для развития населения и территории.

Ключевые слова: Калмгосрыбтрест, Калмоблсоюз, Калмрыбаксоюз, рыбные промыслы, товарищества, кооперативы, колхозы, рыбоводные участки, гослов, промфлот, рыбокооп

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Манджиев А. К. Рыбная отрасль Калмыкии в 1926–1932 гг. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 902–915. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-902-915

UDC 94(47).084.6

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-902-915

Fishing Industry of Kalmykia: 1926–1932

*Andrey K. Mandzhiev*¹¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Economics), Senior Research Associate

 0000-0003-3350-4582. E-mail: kekshinov.mak@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Mandzhiev A. K., 2020

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the development of Kalmykia's fishing industry between 1926 and 1932. *Goals.* The paper seeks to review the formation and development processes within the regional fishing industry during the NEP era, providing insight into local peculiarities thereof to be traced through documented collectivization and industrialization activities among seminomadic Kalmyks in the Lower Volga and Northern Caspian. *Materials and Methods.* The work employs a number of historical research methods, such as chronological and problem-chronological ones that made it possible to shed light on the topic mentioned above. The study involves quite diverse sources, namely: materials mentioning the development of fishing industry in the territory of Kalmyk Autonomous Oblast (including unrelated scholarly papers), administrative files and reports from different archives, field observations, etc. The main criteria the research rests on are accuracy and objectiveness. *Results and Conclusions.* The conducted analysis reveals certain practices and business models adopted during the shaping and infrastructure development of the autonomy, clarifies mechanisms and results of interaction between the central Government and regional authorities exercised throughout the process. The paper also illustrates all the stages passed and challenges faced by the newly reestablished ethnic region and its executives to create a sustainable fishing industry for further prosperity of the territory and its population.

Keywords: Kalmyk State Fishing Trust, Kalmyk Oblast Union, Kalmyk Fishery Association, fisheries, partnerships, cooperatives, kolkhozes, fish culture areas, state-operated fishing activities, industrial fleet, fishing cooperative

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Mandzhiev A. K. Fishing Industry of Kalmykia: 1926–1932. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 902–915. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-902-915

Введение

Исследование развития рыбной отрасли Калмыкии с 1918 по 1932 гг. объясняется желанием показать процесс становления и развития рыбной промышленности, одной из ценовых отраслей Советской Калмыкии в период восстановительного периода. Выяснить её специфические особенности, изучить закономерности в его развитии, в условиях административно-территориаль-

ных преобразований в Волго-Каспийском бассейне в первые советские десятилетия. Изменений в работе органов управления в период НЭПа, становления советской административно-политической системы, проведения коллективизации и индустриализации.

Материалы и методы

В работе использованы исторические методы; хронологический и проблем-

но-хронологический, которые позволили осветить историю развития рыбной отрасли Калмыкии с 1926 г. по 1932 г. Статья основана на различных источниках: материалах по развитию рыбной отрасли на территории автономной области (в том числе и в трудах, не связанных напрямую с тематикой рыболовства), делопроизводственной документации из различных архивов, полевых наблюдениях и т. д.

Исследование научной проблемы предполагает историю ее изучения и анализ литературы, посвящённой её изучению. Исследование процессов, происходивших в послереволюционный период в экономике страны, началось уже в 20-е гг. XX столетия. В те годы вышли публикации об экономическом развитии в период НЭПа и в годы коллективизации и индустриализации страны. Участники событий того периода, руководители партийных и государственных органов, видные историки и экономисты стали авторами большинства публикаций. Можно назвать работы советских экономистов Л. Н. Юровского, В. А. Базарова и В. А. Невского.

В 1920-е гг. вышли работы В. И. Мейснера [Мейснер 1926], М. Н. Непряхина [Непряхин 1922], К. А. Киселевича [Киселевич 1926], В. Н. Фалеева [Фалеев 1926] и др., раскрывающие процесс становления рыбной промышленности в 1920–1930-е гг.

Особый интерес вызывают статья В. Н. Фалеева «Рыбная промышленность Калмыцкой области» [Фалеев 1926] и работа А. П. Пюрбеева «О хозяйственном и культурном строительстве Калмобласти» [Пюрбеев 1930], являющейся его докладом на областной партконференции.

Анализируя литературу 1920–1930 гг., можно прийти к выводу, что многие авторы считали, что только плановое ведение народного хозяйства является основой дальнейшего развития экономики страны и в том числе рыбной отрасли. До настоящего времени нет обобщающей работы по развитию рыбной отрасли Калмыкии в 1920–1930 гг. Это и побудило к написанию данной статьи.

Рыбная отрасль Калмыкии в 1926–1932 гг.

В рассматриваемый период структура управления рыбной отраслью страны Главы рыба состояла из двух управлений: Управ-

ления государственных рыбопромышленных предприятий (Госрыбпром) и Управления рыболовства.

Центральным самостоятельным органом руководства кооперативным сектором отрасли (рыбопромысловые товарищества), работающим в тесном контакте с «Главрыбой», являлось Правление Всероссийского промыслово-кооперативного союза рыбаков — «Всекопромрыбаксоюз» [Калгин 2005: 82].

В январе 1926 г. Х. М. Джалыков, работавший руководителем «Калмырбтреста», назначается председателем Областной Контрольной Комиссии — Рабоче-Крестьянской инспекции (ОКК–РКИ) [Оглаев 1982: 60]. Председателем правления «Калмырбтреста» назначается Д. Б. Бакаев

В эти годы «Калмырбтрест» размещался в Астрахани в здании, принадлежащем «Волгокаспрыбтресту» [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 157. Л. 7].

Для восстановления и пополнения рыболовецкого инвентаря, увеличения капиталовложений и привлечения квалифицированной рабочей силы в рыбную промышленность в период 1926–1929 гг. принимаются значительные усилия. С 1926–1927 гг. капитальные вложения по «Калмырбтресту» составили 175,1 тысяч рублей, а в 1927–1928 гг. составили 200 тысяч рублей [Санжиева 1977: 10].

Первый пятилетний план был утвержден в июне 1929 г. на пленуме Калмыцкого ОК ВКП(б). В его основе был заложен принцип централизованного планово-директивного, лимитно-распределительного механизма. Всего капитальных вложений в промышленность Калмыкии на пятилетку был запланирован в объеме 4,9 млн рублей, из них более 50 % направлялось на развитие рыбной отрасли [Бадмаева 2014: 24].

Кроме «Калмырбтреста», ловом и переработкой рыбы в этот период занималось кооперативное объединение «Калмоблсоюз», которое начало работу в 1921 г. В этот же период получили свое развитие и индивидуальные ловецкие хозяйства [Очерки 1970: 144].

Калмыцкий ЦИК в тот период поддерживал работу кооперации путем оказания помощи в заключении договора с Астраханским областным рыбным управлением по найму рабочих калмыков. Из письма

КалмЦИК, датированного январем 1923 г. приморским уисполкому и волисполкомом: «Для сохранения Областным Рыбным Управлением «Областьрыбой» за «Калмыцким «Облсоюзом» права рыбных заготовок и на представление ему одного городского и одного приморского промыслов, предложить Яндыко-Мочажному уисполкому, Багацохуровскому и Тюменевскому волисполкомам прислать уполномоченных на заключение договоров с Областным рыбным управлением по найму рабочих калмыков. Издать приказ по отделу Управления о недопущении исполкомами выдачи удостоверений гражданам-калмыкам, желающим выехать на рыбопромысловую работу вне установленного Волго-Каспийского района» [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 42. Л. 96].

На начальном этапе целью Облсоюза было путем товарообменных операций по реализации рыбы улучшить материально-бытовые нужды населения, занятого рыбным промыслом. До 1924 г. из-за неурегулированности товарно-денежных отношений закупочно-сбытовые операции носили стихийный характер.

С 1924 по 1926 гг. в рыбной промышленности получили широкое развитие принципы Новой экономической политики (далее — НЭП). В этот период государство оказывало помощь ловецким хозяйствам займами, выдавало кредиты, продавая ловцам снаряжение на льготных условиях. Все это проводилось через ловецкие кооперативы [Очерки 1970: 117].

Наряду с восстановлением и развитием государственной и кооперативной рыбной промышленности постепенно шло восстановление и единоличных рыболовецких хозяйств области благодаря помощи оказываемой им Советским государством. В начале восстановления хозяйств этой категории в 1924 г. в путинах участвовало всего 121 хозяйство, а в 1925 г. 459 хозяйств, что составило рост в 3,5 раза [Очерки 1970: 132]. Одновременное функционирование нескольких хозяйственных укладов: государственного, кооперативного и частного является особенностью экономики времен НЭПа. Все они были тесно переплетены и взаимосвязаны. Постоянная конкуренция между ними способствовала развитию всех форм хозяйствования.

Из докладной записки Х. М. Джалыкова, руководителя рыбопромышленного предприятия «Калмыцкий рыбак», в обком РКП(б) Калмнарда: «Яндыко-Мочажный улус всецело заинтересован в развитии рыбной отрасли. Необходимо прийти на помощь населению денежными и другими материальными средствами в таком размере, чтобы оно само сумело приступить к эксплуатации рыболовных вод и промыслов, не подпадая под влияние капиталистов (современных). Такая помощь может быть оказана Сельхозбанком кооперативу, организованному с целью эксплуатации рыбного предприятия, или, иначе говоря, производственно-кредитному кооперативу с уставом, точно определяющим назначение кредита. А также персональную ответственность членов кооператива. Единое потребительское общество «ЕПО» у нас построено на началах добровольного членства, и на таких же началах будет строиться, по моему мнению, Кредитно-Сельскохозяйственное Товарищество «КРЕСТО». Бояться того, что последнее обойдет пролетариат, нет оснований. Наоборот, пролетариат или, вернее говоря, мелкий собственник-крестьянин скорее и больше получит поддержки для своего хозяйства от Товарищества как более кредитоспособного, чем «ЕПО» ... Единое потребительское общество во всяком случае не сможет поставить требуемого кредита, а главное восстановить рыбную промышленность...» [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 12. Л. 121].

Записка руководителя рыбопромышленного предприятия Калмыкии в адрес обкома РКП(б) наталкивает на мысль, что Хохал Манджиевич видел положительные стороны в развитии кооперации среди ловцов и намечал пути поддержки движения.

В 1924–1925 гг. Калмыцкий Облсоюз эксплуатировал 11 промыслов на 8 рыболовных участках, где было занято работой 12 рыболовецких артелей. В те годы Облсоюз получил от государства кредит в размере 65 тыс. рублей для развития рыболовецкого хозяйства и увеличения отлова рыбы-сырца (замороженная или охлажденная рыба полностью сохранившая свой первоначальный визуальный вид, далее рыба-сырец) [Очерки 1970: 117].

В последующие годы, согласно постановлению Экономического совета, при Со-

вете Народного хозяйства (далее — СНХ) РСФСР (далее — ЭКОСО РСФСР) от 19 апреля 1927 г., вместе с госрыбпромышленностью ловецкая кооперация, набирает обороты как в добыче рыбы, так и в ее переработке. Рост кооперативного калмыцкого лова, увеличение производственной базы и заданий по вылову рыбы-сырца поставили в 1928 г. вопрос о необходимости выделения ловецкой кооперации из интегрального союза в самостоятельную организацию Калмыцкий союз рыбаков (далее — Калмырыбаксоюз). Ранее интегральный «Калмыцкий кредитный сельскохозяйственный и рыбопромышленный союз» (далее — Калмкредсельрыбпромсоюз) совмещал в себе обслуживание как сельскохозяйственного производства, так и ловецкого хозяйства. «Калмырыбаксоюз» был организован 7 марта 1928 г. в составе десяти товариществ с численностью 2 771 человек:

1. Багацатановского;
2. Долбано-Михайловского;
3. Багутовского;
4. Батутовского;
5. Ики-Багутовского;
6. Каравано-Багацатановского;
7. Хошеутовского;
8. Харахусовского;
9. Шарс-Багутовского;
10. Яндыковского.

К 1 января 1929 г. в союзе при десяти товариществах уже числилось 3 299 человек и

дополнительно одно бондарно-кооперативное товарищество, в которое входило 33 человека, всего 3 330 человек, что составило к числу охваченных товариществами ловецких хозяйств 54,5 %, ко всем рыбацким хозяйствам Калмыцкой области — 30,2 % [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 165. Л. 27, 55].

Доминирующую роль в кооперировании занимает коренное население области, которое составляло 70 % всех кооперативных товариществ.

Первым председателем правления вновь созданного союза стал Я. Н. Скороходов [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 165. Л. 55].

За ловецкой кооперацией в 1929 г. числилось 18 промыслов и 11 рыболовных участков, эксплуатируемых по билетной системе исключительно кооперативным населением [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 165. Л. 27].

Общее количество ловецких хозяйств, по данным «Калмырыбаксоюза», по области насчитывало 8 007 единиц, что по отношению ко всем крестьянским хозяйствам по Калмыцкой области составляло 20,5 %. Общее число ловцов (при коэффициенте 1,2 % ловца на каждое ловецкое хозяйство) было равно 9 600 человек, что составляло 14,3 % от общего количества ловецкого населения Волго-Каспийского района. В этом же году на промыслах низовки и союза было обработано 240,9 тыс. центнеров рыбы-сырца [10 лет... 1930: 83].

Таблица 1. Степень технической вооруженности калмыцкого ловца средствами производства и в первую очередь рыбопромысловыми судами (далее — ловецкими или морскими судами)

[Table 1. Technical equipment of Kalmyk fishermen, including fishing vessels]

Виды посуд	на 01.01.1925 г.	на 01.01.1930 г.	на 01.01.1931 г.
Сточные посуды	—	47	74
Реюшки	236	753	621
Подчалки	—	51	123
Речные бударки	802	1 085	1 129
Морские бударки	77	470	574
Моторные рыбницы	—	—	12
Итого:	1 165	2 306	2 533

Таким образом, на протяжении шести лет техническая вооруженность ловецкого

населения Калмобласти удвоилась [10 лет... 1930: 83].

В 1927–1929 гг. только по «Калмыбтресту» капитальные вложения составили 595 тыс. рублей. Это сумма значительно превышала все вложения за все предшествующие годы, что позволило значительно улучшить оснащенность рыбных промыслов. Так, в 1929 г. «Калмыбтрест» в своем составе уже имел 139 единиц рыболовного флота, из них 9 паро-моторных судов, против соответственно 59 единиц, в том числе 3 паро-моторных судов, в 1925 г. Рыболовный флот области во всех категориях хозяйств вырос за четыре года (с 1925 по 1929 г.) с 1 165 до 2 306 единиц [Очерки 1970: 144]. Все это сказалось на работе треста. В 1929 г. предприятия треста выловили и переработали 116,5 тысячи центнеров рыбы, что почти в пять раз больше, чем в 1923 г. товарищество «Калмыцкий рыбац» [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 594. Л. 20].

Рост реальной заработной платы позволил улучшить материальное благосостояние рабочих. Средний месячный заработок рабочего в 1927 г. составил 44 руб. 49 коп., что на 19 руб. 35 коп. больше, чем, в 1925 г. [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 148. Л. 24].

Особое внимание начинают уделять правилам по найму и увольнению рабочих, по охране труда и по производственной гигиене, защите рабочих рыбных промыслов от произвола недобросовестных руководителей. Из письма председателя облисполкома Х. Б. Канукова от 3 апреля 1926 г. в «Калмыбтрест»: «Из имеющихся в Облисполкоме сведений заведующий промыслом села Ушакова гражданин Савинов весьма грубо обращается с рабочими, в особенности калмыками, в силу чего последние высказывают явное недовольство Савиновым. Сообщая об этом, Облисполком считает необходимым пересмотреть вопрос в сторону замены Савинова более лучшим работником» [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 127. Л. 57].

По итогам работы 1928 г., по сравнению с 1925 г., произошел трехкратный рост вылова и переработки рыбы в работе двух основных рыбодобывающих организациях области. В 1928 г. рыбная промышленность Калмыцкой области дала стране около 4 млн пудов рыбы.

Рыбная промышленность Калмыкии давала весомую часть в производстве красной рыбы и черной икры, в союзном производстве по линии «Калмыбтреста» направля-

емой в основном на экспорт [Очерки 1970: 144, 50].

В 1929 г. началось вытеснение из рыбной отрасли частных, занимавшихся выловом и переработкой рыбы. До 1928 г. «Калмыбтрест» и «Калмыбаксоюз» вынужденно арендовали у частных рыбопромысловые суда. Только в 1929 г. у частных предпринимателей было экспроприровано семь промыслов и передано производственным товариществам [Очерки 1970: 163].

Из письма председателя правления «Калмыбтреста» Н. Л. Горяева в Приморский Уездный Исполнительный комитет (далее — УИК): «У промысла „Бор-Шоха“ с 1929 г. находится плашкоут (грузовое судно с малой осадкой и упрощенным очертанием наружной поверхности, далее в письме — плашкоут. — А. М.) „Арапат“, брошенный без присмотра... Между тем, всякое бесхозяйственное имущество должно поступить согласно ст. 68 Кодекса Законов о Труде государству. Калмыбтрестом своим постановлением от 1 марта 1930 года поручил УИКа конфисковать бесхозяйственное ловческое имущество кулаков. Так как путину нуждается в перевозочных средствах, и так как „Калмыбтрест“ также испытывает нужду в плашкоутах, а бесхозный плашкоут остаётся неиспользованным и будет лежать на берегу вплоть до постановления УИКа), „Калмыбтрест“ взял этот плашкоут по акту... Доведя об этом до сведения УИКа), „Калмыбтрест“ просит выяснить социальное положение владельца плашкоута и, если он окажется кулаком, конфисковать плашкоут „Арапат“ и передать его „Калмыбтресту“. В том же случае, если владелец не кулак, просим УИК возбудить ходатайство перед Нарсудом о признании его бесхозным и о передаче его государству» [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 544. Л. 205].

Коллективизация. К проведению коллективизации «Калмыбаксоюз» приступил в августе 1928 г., когда был открыт долгосрочный кредит низовой сети на 125 тысяч рублей на постройку морских судов глубоководного лова. На эти средства было организовано 13 морских колхозов, а именно при Багацатановском товариществе — 6, Багутовском — 3, Харахусовском — 1, Шарс-Багутовском — 1, Ики-Багутов-

ском — 2. Каждый колхоз состоял из двенадцати человек. Кредит как долгосрочная ссуда выдавался на пять лет с ежегодным частичным погашением, из расчета на каждый колхоз 6 949 рублей. Речных колхозов в этот же период было организовано 12, из них 10 добывающих и 2 — добывающе-обрабатывающих. В путину девять речных колхозов были прикреплены к Госрыбтресту и три — к товариществам. Оплата труда

ловцов была установлена в каждом колхозе различно; одни установили жалованье, другие (в большинстве речные) — по паям [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 169. Л. 66].

В осеннюю путину 1929 г. на морской и речной лов вышло 36 колхозов. Общий план предполагаемого улова составлял 24 896,5 центнеров рыбы (см. табл. 2):

Таблица 2. План предполагаемого улова (в центнерах)

[Table 2. Planned yields (centners)]

1	Красной рыбы	1 597	центнеров
2	Икры черной	75,5	— //—
3	Икры рыбы частиковых пород	5 086	— //—
4	Итого:	6 768	— //—
	План речных колхозов:		
	План по добыче рыбы частиковых пород	18 138	—//—

Все колхозы были прикреплены к Волго-Каспийскому Гостресту, Калмыбтресту, Союзу и товариществам [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 169. Л. 68].

На 1 января 1930 г. в «Калмыбаксоюз» входило 11 рыбопромысловых товариществ и 46 колхозов численностью 716 человек. «По социальному положению члены колхозов распределяются следующим образом: батраков и бедняков — 87 % и середняков — 13 % [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 228. Л. 2].

В этот период на учете в низовой сети состоял рыбопромысловый флот в следующем составе: стоечных посуд — 18, реюшек — 676 штук, морских бударок — 239 штук, речных бударок — 517 штук, а всего 1 450 посуд. Кроме того, неводов и волокуш — 55 штук [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 169. Л. 3].

Из анализа работы Калмыбаксоюза за 1929–1930 гг.: «Опыт прошлого года и нынешней весенней путины показал, что производственная деятельность Союза нерентабельна в сравнении с товариществами, где выработка продукции обходится значительно дешевле ввиду того, что такая производится силами членов товарищества» [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 165. Л. 70]. За первое полугодие 1930 г. при проведении сплошной коллективизации было объединено в колхозах 62 % ловецких хозяйств, но, как было сказано в постановлении обкома ВКП(б), «вследствие допущенных перегибов и искривлений директив Калмыцкого Обкома почти все колхозы распались, и на

первое июля 1930 года осталось 11 колхозов с числом ловецких хозяйств 1 400» [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 169. Л. 84].

16 апреля 1930 г. вышло постановление Советского правительства «О льготах ловецким колхозам и единоличным рыбацким хозяйствам». Оно устанавливало сделную оплату труда ловцам, что положительно сказалось на развитии рыболовецких колхозов.

Из воспоминаний краеведа Н. И. Буханова: «С 1929 года в Лагани создаются товарищества по десятидворкам, и каждая имела свои названия, так десятидворка И. Н. Писарева называлась „Каспиец“, впоследствии это название получил организованный в январе 1930 года колхоз. Кроме него в окрестностях Лагани были организованы колхозы: „Улан захсч“ (переименованный в 1944 году в „Красный моряк“) [НА РК. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 8. Л. 11об.], „Соц. Халга“, „Улан Туг“. Первым председателем колхоза „Каспиец“ был избран ленинградский рабочий, двадцатипятилетний И. В. Аникин, членом правления колхоза, заведующим Лаганским рыбным промыслом, — тоже двадцатипятилетний Н. Н. Голубев» [АО АЛРМО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6а. Л. 20–21].

К концу 1930 г. в приморских и приволжских улусах было организовано 13 морских и 7 речных (всего 20) рыболовецких колхозов, в которых было 306 ловецких хозяйств. В 11 укрупненных рыбопроизводственных товариществах было объединено 3 400 ловецких хозяйств [Очерки 1970: 163].

Постепенно укреплялась материальная база рыболовецких колхозов, совершенствовались методы лова, частично осуществлялась механизация труда. В 1932 г. стали создаваться моторно-рыболовные станции для ремонта и обслуживания рыболовецких судов.

Большое внимание в этот период по линии «Калмыбаксоюза» уделяют подготовке кадров из коренного населения. В эти годы послали на учебу в Московский и в Астраханский рыбные институты по три человека, Астраханский рыбный техникум — восемь человек и фабрично-заводские училища — 5 человек. Кроме того, союзом устраивались краткосрочные кооперативные курсы, через которые прошло обучение до 60 человек [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 228. Л. 9].

Культурно-просветительской работе также уделяется много внимания. Открываются избы-читальни, клубы, радиоустановки. Уголки и избы-читальни в межпутинное время перебрасываются из хотона в хотон. Товарищества снабжены библиотечками с подбором литературы по вопросам рыбацкой кооперации. Переведена на калмыцкий язык брошюра В. Крюкова и А. Загорянского «Что нужно знать рыбаку» [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 165. Л. 68].

В 1930-е гг. прошли структурные перестройки управления рыбной отрасли страны. Постановлением ЦИК и СНК СССР 13 февраля 1930 г. было создано Всесоюзное государственное объединение рыбной промышленности и хозяйства — «Союзрыба». Орган руководства кооперативным сектором рыбного хозяйства в конце лета 1930 г. вошел в состав «Союзрыба». На объединение возлагалось управление трестами общесоюзного и республиканских и местных уровней, оперативное руководство акционерными обществами и деятельностью ловецкой кооперации.

В этом же году в рыбной промышленности произошло разграничение функций между государственной и кооперативной системами. В Калмыкии согласно решению второй сессии облисполкома 28 июня 1930 г. было подписано Генеральное соглашение, по которому на «Калмыбтрест» была возложена обязанность переработки сырья, на «Калмыбаксоюз» — добычи рыбы-сырца и поставка его в порядке контрак-

тации госпромышленности [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1600. Л. 7].

Ряд промыслов ловецкой кооперации был передан в государственную систему. Из постановления правления «Союзрыбы» от 6 июня 1930 г.: «Все промыслы и транспортные средства Центросоюза принимает Волго-Каспийский Госрыбтрест и тут же, немедленно, после приема из всего принятого передает „Калмыбтресту“ нижеследующее:

- 1) промыслы по списку, утвержденному ЭКОСО РСФСР от 25 мая 1930 года;
 - 2) шаланду № 3;
 - 3) транспортные средства:
- А) при промысле Мангутинском:
- 1) рыбниц приемных — 16;
 - 2) плашкоутов сухогрузных, грузоподъемностью на 7 000 пудов, — 2;
 - 3) колесный пароход «Орел», 18 сил — 1;
- Б) при шаланде № 3:
- 1) рыбниц приемных — 16;
 - 2) плашкоутов ларевых, грузоподъемностью на 12 000 пудов, — 4;
 - 3) плашкоутов сухогрузных, грузоподъемностью на 6 000 пудов — 1;
- В) два колесных парохода „Рыков“ и „Союз республик“, два моторных баркаса „Марксист“ и „Близнец“ и десять моторных рыбниц — из числа средств, обслуживающих промысла „Центросоюза“» [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 545. Л. 4].

Так, «Калмыбтресту» перешли следующие промыслы:

от Центросоюза:

- 1) Мангутинский (сегодня село Северное Лаганского района);

от Калмыбаксоюза:

- 2) Могутинский (колхоз «Заря Победы», село Сергиевка;
- 3) Михайловский, колхоз имени Джалыкова (ныне село Джалыково);
- 4) Рыжковский (колхоз «Багутов», село Рыжково);
- 5) Бор-Шоха (товарищество, село Икрянное);
- 6) Джилкитинский (колхоз «Возрождение»);
- 7) Ахмашкинский (товарищество);
- 8) Нямин-Алда (колхоз «Каспиец», Лаганский район;
- 9) Тарбеевский (товарищество, село Воскресеновка);

- 10) Зензелинский (колхоз «Восток»);
- 11) Бантемирский (колхоз Долбано-Михайловский, село Оранжерейное);
- 12) Мало-Карабулакский (колхоз «Путь Ленина»);
- 13) Дальчинский (колхоз «Труд рыбака», село Воскресеновка);
- 14) Буранный (товарищество, колхоз «Харахусовский»);
- 15) Стрелецкий (колхоз имени «Сталина», поселок Калмыцкий Базар).

[НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 530. Л. 30].

Вместе с тем для улучшения хозяйственной деятельности промыслы из государственной системы передавали в кооперативную. Так, Митинский промысел на реке Волга и две шаланды были переданы «Калмыкбасоюзу» [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 294а. Л. 52].

Организация госрыбтреста. «Калмыкрыбтрест» в августе 1930 г. из предприятия местного значения перешел в статус государственного предприятия и стал именоваться Калмыцким государственным рыбобромышленным трестом. «Калмгосрыбтрест» (см. табл. 3), находился в ведении облисполкома и вошел во Всесоюзное отраслевое объединение рыбной промышленности [Акугинова 1967: 55].

Первоначально управление треста находилось в пос. Калмыцкий Базар, в 1935 г. со строительством Лаганского рыбоконсервного, холодильного комбината оно переехало в село Лагань. В этот период в состав треста входило 30 предприятий, объединённых в пять базисных промыслов и четыре шаланды, базирующиеся на территории Калмыкии, где работало 3 119 рабочих [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 530. Л. 29].

Таблица 3. Структура групп промыслов «Калмгосрыбтреста»
[Table 3. Structure of fisheries included in the Kalmyk State Fishing Trust
(Russ. Kalmgosrybtrest)]

Основные группы промыслов	Промыслы, входящие в состав группы
1. Лаганская	1. Лаганский 2. Мангутинский 3. Красинский 4. Рыжковский 5. Котельничий
2. Воскресенская	1. Воскресенский
3. Могутинская	1. Могутинский 2. Мало-Карабулакский 3. Боро-Шохинский 4. Зензелинский 5. Транхольский 6. Бантирский
4. Улан-Хальмг	1. Улан-Хальмг 2. Стрелецкий
5. Забурунная	1. Забурунный 2. Тропышкинский

Распорно-неводная база при Мангутинском промысле: шаланда № 1 и шаланда № 2; шаланда № 3 при Джилькитинском промысле; шаланда № 4 при Вышкинском промысле; икорно-холодильное краснорыбное производство.

Паромоторный флот треста насчитывал 73 единицы судов [10 лет... 1930: 83]. Пополнение флота и расширение производственной мощности треста положительно сказалось на его работе. Если раньше вели

в основном прибрежный лов из-за малой технической мощности промысловиков, то теперь улов достигал таких масштабов, что были вынуждены для переработки рыбы-сырца приобретать плавучие рыбозаводы [Васильев, Имердыков 2007: 140].

В 1932 г. было заготовлено 399,8 тысяч центнеров рыбы-сырца, что более чем в пять раз больше, чем 1928 г. Увеличилась выработка основных видов изделий и полуфабрикатов со 117 тысяч центнеров

в 1929 г. до 234,9 тысяч центнеров в 1932 г. Удельный вес продукции «Калмгосрыбтреста» в Волго-Каспийском районе вырос до 15,2 процента в 1932 г., тогда как в 1927 г. он равнялся всего 4 % [Санжиева 1977: 14].

В общесоюзном объеме добычи рыбы доля вклада рыбаков Калмыкии в годы первой пятилетки составила свыше 3 % [Бадмаев 1977: 33]. Среднемесячная зарплата рабочих составляла: в 1928 г. — 66 рублей, 1929 г. — 76,8 рублей, 1930 г. — 82,8 рублей [Пюрбеев 1930: 17].

Вхождение Калмыцкого государственного рыбного треста в систему общесоюзной государственной рыбной промышленности позволило в короткий срок реконструировать производственные мощности входивших в него предприятий и выполнить первый пятилетний план.

Для снабжения населения промышленно-продовольственными товарами получили развитие ловецкие потребительские кооперации — «Рыбкоопы». Высшим органом управления кооперации являлось собрание

уполномоченных. 9 сентября 1931 г. учреждается Союз Рыболовецких Потребительских Кооперативов (далее — Калмырыболовпотребсоюз), который объединял 12 подведомственных рыбкоопов: Улан-Хальмг, Батуто-Шарбюрбинский, Багоцохуровский, Шебенерский, Хоринский, Харахусовский, Ики-Багутовский, Красинский, Лаганский, Северный, Хапчинский, Джилькитинский.

Органами управления Калмыцкого рыболовно-потребительского союза являлись съезд делегатов и Правление союза. Правление избиралось на 2 года и находилось в Лагани [НА РК. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 2а. Л. 25–26].

Вместе с тем, констатируя рост капитальных вложений и увеличение удельного веса продукции «Калмгосрыбтреста» в годы первой пятилетки и ей предшествующие, нужно признать, что большинство промыслов по-прежнему оставались примитивными и убыточными. Так, по балансу на 1 января 1931 г. состояние собственных оборотных средств треста и список неподвижных ценностей изложены в таблицах 4, 5.

Таблица 4. Состояние собственных оборотных средств треста (баланс на 1 января 1931 г.)

[Table 4. Own circulating assets of the Trust (as of January 1, 1931)]

№	Финансовые счета	Сумма (тысяч рублей)
1	уставного капитала	1 232,5
2	амортизационного капитала	248,1
3	безвозвратного финансирования	510,2
4	резервы	38,9
	Итого	2029,8

Указанному пассиву соответствуют по активу следующие неподвижные ценности:

Таблица 5. Неподвижные ценности Калмгосрыбтреста

[Table 5. Immovable assets of the Trust]

№	Активы	Сумма (тысяч рублей)
1	имущество	1 954,7
2	паи и акции	155,8
	Итого	2 110,5

Все капиталы треста и безвозвратное финансирование целиком размещены в неподвижном активе с превышением последнего на 80,7 тысяч рублей, это говорит о том, что трест из-за неимения собственных оборотных средств находится в очень напряженном финансовом положении [10 лет... 1930: 83].

Нет твердой гословной базы на реках из-за неимения трестом своих речных тоней. «Калмгосрыбтрест» работает в основном в районе западного побережья Северного Каспия, до 1930 г. он имел всего лишь один речной промысел — «Улан-Хальмг» при Калмыцком Базаре [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 530. Л. 30].

«Калмгосрыбтрест» не имел в 1930 г. холодильных установок на промыслах и шаландах, что лишало возможности увеличивать продукцию мороженных товаров искусственной заморозки.

По поводу этих проблем руководство Калмыцкой области неоднократно обращалось как к руководству рыбной отрасли, так и в Правительство РСФСР. Так в обращении в 1928 г. Наркомзему и Наркомфину РСФСР говорится: «...Воды, находящиеся в пользовании Волго-Каспийского госрыбтреста представляют собой в наибольшей своей массе воды лицевые, тогда как участки „Калмрыбтреста“ надлежит отнести к второстепенным по рыбодобыче вследствие непостоянного поступления в них воды... Несомненно именно эти причины и учитывались ЭКОСО РСФСР при установлении за эти воды и промыслы (совокупно) арендной платы в размере пяти тысяч рублей в год». Собрание при Волго-Каспийском управлении рыболовства (далее — ВКУР) признавало, что «добыча сырца (имеется в виду предприятиями «Калмгосрыбтреста») сопряжена с большими расходами, чем у «ВКГосрыбтреста». Между тем при обсуждении вопроса по установлению арендной платы за те же участки собрание при ВКУР исходило из норм арендной платы, действующей для «ВКГосрыбтреста»:

1) за Рыжковский участок — 2 227 рублей;

2) за Шуралинский № 2 — 5 727 рублей;

3) за Шуралинский № 3 — 12 492 рублей.

Итого: — 20 446 рублей» [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 148. Л. 123].

Из письма председателя правления «Калмрыбтреста» Н. Л. Горяева в правление Волго-Каспийского Госрыбтреста и «Союзрыба» от 3 августа 1930 г.: «В участке вод, принадлежащем Зензелинскому промыслу, Вами эксплуатируется тоня „Красное Лбище“ и тоня „Кряжевое“, эти тони обрабатываются коренным населением Калмыцкой области, находятся в 2–3 верстах от Зензелинского и принадлежали этому промыслу, тогда как ближайший промысел „Госрыбтреста“, „Образцовский“, куда доставляется рыба с тоней, находится на расстоянии 10 верст, что безусловно затрудняет обслуживание тоней. Между тем изъятие этих тоней от промысла „Зензелинского“

совершенно обесценило участие вод, получилась чересполосица... Исходя из общих интересов, „Калмрыбтрест“ просит передать ему тони „Красное Лбище“ и „Кряжевое“, как ранее находящиеся на участке вод „Зензелинского“ промысла» [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 647. Л. 35].

Основными мероприятиями, связанными с дальнейшей перспективой развития рыбной промышленности области в 1930-е гг., являются:

– необходимость скорейшего проведения реконструкции рыбных промыслов путем их укрупнения и максимальной механизации производства на них;

– передачу «Калмрыбтресту» ряда тоней, расположенных по правому берегу реки Волги с целью подведения устойчивой базы под его гослов;

– максимальное расширение паромоторного флота и построек специальных механизированных судов (сейнеров, дрейфтеров) для производства морского глубоководного лова;

– финансовое укрепление треста [10 лет... 1930: 84].

Многие промыслы находились на обмелевших банках, требующих прочистки, оборудование старых промыслов не имело в достаточном количестве холодильников (льдобаз) и коптилен.

Положение усугублялось тем, что с 1930 г. началось резкое снижение уровня Каспийского моря. С 1930 по 1941 гг. уровень зеркала Каспийского моря упал на 1,8 метра, что соответствует отметке — 28 метров. Ранее, с 1900 по 1929 гг., изменения уровня были незначительными и происходили около отметки — 26,2 метра. С начала проведения инструментальных наблюдений, т. е. с 1837 г., до начала XX столетия уровень зеркала сохранял положение в среднем около 25,8 метра [Каспийское море 1986: 34–35].

Земли северо-западного Каспия и низовьев Волги, заселенные калмыками в начале XVII в., имели своеобразный рельеф. К. М. Бэр, исследовавший эти земли в XIX в., описал их как «скопления резко очерченных, линейно вытянутых холмов, которые ориентированы с востока на запад и имеют широкие гребни и пологие боковые скаты. У западного берега Каспийского моря с буграми связаны группы удлинен-

ных островов, а на самом берегу — частые ряды холмов, которые отделены друг от друга узкими проливами, впадающими на 30, на 40 и даже 60 верст внутрь степи...» [Бэр 1856: 198].

К. М. Бэр в своих трудах описывал так: «Вид всей этой страны такой, как будто кто-нибудь провел на еще мягкой поверхности её борозды громадными пальцами без линейки, не придерживаясь строго одного и того же направления» [Бэр 1856: 198].

Вся мочажная часть улуса протяженностью с востока на запад километров 30, а с юга на север — около 60 километров, буквально была изрезана протоками, речками, ильменями, озерами различной величины и глубины, берега которых заросли густыми труднопроходимыми камышами [Душан 1973: 37].

На этих буграх (*толһа*) были расположены калмыцкие села (*хотн*), татарское село *Алабуһа* и, начиная с XIX в., русские поселения. Все поселения располагались исключительно только на буграх. «В калмыцкой области на 1930 год насчитывается более 8 тысяч ловецких хозяйств, разбросанных по западному берегу Каспийского моря в виде отдельных хотонов, с количеством хозяйств в каждом не более 40–50, отстоящих между собой от 4 до 8 верст и не имеющих определенных путей сообщения и перерезанных речушками и банками», — из доклада «О работе „Калмыкбаксоюза“ и низовой сети за 1930 год» [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 228. Л. 1].

Весной и осенью при восточном и юго-восточном ветре (моряна) вода заливала все кругом и уходила глубоко в степь. Поэтому, думается, у приморских калмыков есть благопожелание (*йөрәл*) молодым: *Өндр һазрт герән бәржә, Өвстә һазрт зелән тат* ‘Жилье располагайте только на высоком месте, а привязи для скота — там, где растет трава’.

Источники

АО АЛРМО — Архивный отдел Администрации Лаганского районного муниципального образования.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Когда в 30-е гг. XX столетия стал резко снижаться уровень Каспийского моря, началось перемещение хотонов ближе к морю и к тем промыслам, где была вода. Многие промыслы «обсохли» (из-за снижения уровня Каспийского моря и изменения береговой линии хотоны и промыслы остаются на сухом месте без воды. — А. М.) приходилось расчищать русла ериков, а некоторые и вовсе переносить на другие места. Джилкинский (от *Джилкт*, калм. *жылк* ‘парус’) промысел (калм. *салг*) и водный участок (калм. *салгин усн*) ранее считались одними из самых удобных и богатых рыбой, поэтому в 1930–1932 гг. местными рыбаками вручную было расчищено русло Джилкинского ерика (*Жилктин хол*) [ПМА: Гангаев М. Г.].

Жители многих «обсохших» хотонов Прикаспия вынужденно переселились в Лагань, к тому же там начиналось строительство рыбоконсервного холодильного комбината — флагмана индустрии Калмыкии в советское время и третьего по мощности предприятия по переработке рыбы в СССР.

Заключение

В 20-е и начале 30-х г. XX в., после создания Калмыцкой автономии, в результате настоящих руководств области были переданы ей все промыслы, и большинство рыбободных участков находящиеся на её территории, что позволило развивающей рыбной отрасли занять одно из основных мест в экономике Калмыцкой области, наряду с основной отраслью, животноводством. Также можно констатировать, что развитие рыбной промышленности усилило экономическую основу области и увеличило жизненные ресурсы калмыцкого общества. Росла грамотность и активность жителей, появилась местная инженерно-техническая интеллигенция.

Sources

Executive Office of Lagansky Municipal District, Archives.
National Archive of the Republic of Kalmykia.

Полевые материалы автора

ПМА: Гангаев М. Г. — Информант Гангаев Манджи Гангаевич, 1898 г. р. Проживал в с. Северное (б. Мангут) Лаганского района Калмыкии. Записано в 1974 г. в с. Северном Лаганского района.

Литература

- 10 лет... 1930 — 10 лет Калмыцкой Автономной области 1920–1930. Астрахань: Тип. Калмиздата, 1930. 137 с.
- Акугинова 1967 — *Акугинова С. Д.* Из истории формирования рабочего класса в рыбной промышленности Калмыкии // Вестник Калмыцкого института. № 2. Ч. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 47–71.
- Бадмаев 1977 — *Бадмаев Н. Х.* Партийные организации в борьбе за социалистическую индустриализацию Калмыкии (1921–1937 гг.) // Промышленность и рабочий класс Советской Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 28–37.
- Бадмаева 2014 — *Бадмаева Е. Н.* Индустриальное развитие Калмыкии 1920–1930-х гг.; особенности и результаты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 23–29.
- Бэр 1856 — *Бэр К. М.* Ученые заметки о Каспийском море и его окрестностях // Записки ИРГО. Кн. XI. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1856. С. 181–224.
- Васильев, Имердыков 2007 — *Васильев С-Г. Н., Имердыков А. М.* Становление рыболовства как отрасли народного хозяйства в Калмыкии // Вестник института. № 2. Элиста: КИСЭПИ, 2007. С. 139–143.
- Душан 1973 — *Душан У. Д.* Историко-этнографические заметки об Эркетеновском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. № 3. Ставрополь: НИИЯЛИ, 1973. С. 31–107.
- Калгин 2005 — *Калгин В. Е.* Управление рыбной промышленностью Нижнего Поволжья в 1920–1930 гг. // Взгляд в прошлое: векто-

Author's Field Data

Informant: Mandzhi G. Gangaev, b. 1898, native to the village of Severnoe (former Mangut, Lagansky District, Republic of Kalmykia). Rec. in Severnoe in 1974.

- ры истории Каспийский регион; экономика, культура. 2005. № 1(6). С. 80–84.
- Каспийское море 1986 — Каспийское море: Гидрология и гидрохимия / отв. ред.: С. С. Байдин, А. И. Косарев. М.: Наука, 1986. 260 с.
- Киселевич 1926 — *Киселевич К. А.* Волго-Каспийский рыболовный район, его особенности и причины богатства рыбой. Астрахань: Астрах. губполитпросвет, 1926. 48 с. (Б-ка ловца).
- Мейснер 1926 — *Мейснер В. И.* Рыбная промышленность. Материалы Особого совещания по воспроизводству основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР / сост. В. И. Мейснер. Сер. 1. Пятилетние гипотезы по отраслям промышленности. Кн. 6. М.; Л.: Центр. упр. печати ВСНХ СССР, 1926. 24 с.
- Непряхин 1922 — *Непряхин М. Н.* Организационная проблема русского рыболовного хозяйства // Наш край. 1922. № 1. С. 43–65.
- Оглаев 1982 — *Оглаев Ю. О.* Одна, но пламенная страсть. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 116 с.
- Очерки 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма / отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Наука, 1970. 431 с.
- Пюрбеев 1930 — *Пюрбеев А. П.* О хозяйственном и культурном строительстве Калмобласти / К XI Областной партийной конференции. Элиста: Изд. Калм. ОИКа, 1930. 40 с.
- Санжиева 1977 — *Санжиева В. Ш.* Промышленность Калмыцкой АССР в период строительства социализма // Промышленность и рабочий класс Советской Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 3–27.
- Фалеев 1926 — *Фалеев В. Н.* Рыбная промышленность Калмыцкой области // Калмыцкая область. 1926. № 2–3. С. 153–191.

References

- Akuginova S. D. Formation of the working class in Kalmykia's fishing industry: glimpses of history. In: Bulletin of the Kalmyk Institute. Vol. 2. Part 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1967. Pp. 47–71. (In Russ.)

- Badmaev N. Kh. Struggling for Socialist industrialization of Kalmykia, 1921–1937: impact of party organizations. In: Tavanets S. D., Naberukhin A. I. (eds.) Industry and Working Class of Soviet Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 28–37. (In Russ.)

- Badmaeva E. N. The industrial development of Kalmykia in 1920s–1930s: specifics and outcomes. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2014. No. 3. Pp. 23–29. (In Russ.)
- Bär K. M. Scholarly notes on the Caspian Sea and its vicinities. In: Notes of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. XI. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1856. Pp. 181–224. (In Russ.)
- Baydin S. S., Kosarev A. I. (eds.) The Caspian Sea: Hydrology and Hydrochemistry. Moscow: Nauka, 1986. 260 p. (In Russ.)
- Celebrating the 10th Anniversary of Kalmyk Autonomous Oblast: 1920–1930. Kalmyk Oblast Literature. Astrakhan: Kalmizdat, 1930. 137 p. (In Russ.)
- Chugaev D. A. (ed.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. Socialist Era. Moscow: Nauka, 1970. 431 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Erketenovsky District of the Kalmyk ASSR: historical and ethnographic notes. *Etnograficheskie vesti*. 1973. No. 3. Pp. 31–107. (In Russ.)
- Faleev V. N. Fishing industry of Kalmyk Oblast. *Kalmytskaya oblast'*. 1926. No. 2–3. Pp. 153–191. (In Russ.)
- Kalgin V. E. Lower Volga in 1920–1930: administering fishing industry. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2005. No. 1(6). Pp. 80–84. (In Russ.)
- Kiselevich K. A. Volga-Caspian Fishing Area: Its Peculiarities and Causes of Fish Abundance. Astrakhan: Astrakhan Gubpolitprosvet, 1926. 48 p. (In Russ.)
- Meysner V. I. (comp.) Fishing Industry: Materials of Special Meeting. Presidium of the USSR Supreme Soviet of National Economy. Ser. 1: Five-Year Hypotheses for Key Industrial Sectors. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR Supreme Soviet of National Economy, 1926. 24 p. (In Russ.)
- Nepryakhin M. N. Russian fishing economy: organizational problem. *Nash kray*. 1922. No. 1. Pp. 43–65. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. The One and Burning Passion. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 116 p. (In Russ.)
- Pyurbееv A. P. Economic and cultural construction of Kalmyk Autonomous Oblast revisited. In: Materials for the 9th Oblast (Regional) Party Conference. Elista: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1930. 40 p. (In Russ.)
- Sanzhieva V. Sh. Industries of the Kalmyk ASSR in the Socialist construction era. In: Tavanets S. D., Naberukhin A. I. (eds.) Industry and Working Class of Soviet Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 3–27. (In Russ.)
- Vasilyev S.-G. N., Imerdykov A. M. The shaping of fishing industry as a sector of Kalmykia's economy. *Vestnik instituta*. Kalmyk Institute for Socioeconomic and Legal Studies. 2007. No. 2. Pp. 139–143. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 916–926, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-916-926
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-916-926

Роль добровольных народных дружин Башкирии в противодействии росту правонарушений в 1960 – первой половине 1980-х гг.

Наркас Вафиевна Ахмадиева¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-5049-6337. E-mail: ahmadieva72@mail.ru

© КалМНЦ РАН, 2020

© Ахмадиева Н. В., 2020

Аннотация. *Введение.* В 1960-е – середине 1980-х гг. в условиях роста преступности государство передало обществу некоторые функции охраны правопорядка и обеспечения безопасности граждан. Деятельность общественных организаций — добровольных народных дружин — способствовала противодействию росту преступности и правонарушений в стране. Несмотря на наличие научных трудов по деятельности добровольных народных дружин в указанные годы в общероссийском масштабе, региональный аспект данной проблемы не получил должного освещения. Добровольные народные дружины получили дальнейшее развитие и в постсоветский период, подтверждая свою востребованность. *Материалы.* Основными источниками статьи послужили материалы и документы Национального архива Республики Башкортостан, которые содержат ценные сведения о деятельности добровольных народных дружин, системе мер, направленных на борьбу с ростом правонарушений. *Методы исследования.* Динамика развития добровольных народных дружин и качественные изменения их состава были изучены на основе историко-генетического метода. Анализ архивных документов и материалов осуществлялся на принципах объективности и историзма, позволивших рассмотреть деятельность добровольных народных дружин Башкирии 1960-х и середины 1980-х гг. во взаимосвязи со сложившейся конкретно-исторической ситуацией. *Целью* данного исследования является анализ деятельности добровольных народных дружин Башкирии в 1960 – первой половине 1980-х гг. *Результаты.* В рассматриваемые годы в Башкирии было завершено создание сети добровольных народных дружин как вспомогательной организации, призванной на борьбу с ростом преступности и правонарушений. Контролируемые властными структурами, народные дружины превратились в мощную организацию, направленную на борьбу с противоправными

явлениями. Они воздействовали на процесс правового воспитания советских граждан. Добровольные народные дружины совместно с органами охраны общественного порядка провели существенную работу по снижению уровня правонарушений. Автор приходит к *выводу*, что участие рядовых граждан в охране правопорядка было продиктовано растущей криминализацией общества и имеющимися изъянами в системе охраны общественного порядка. Партийно-государственные органы были вынуждены инициировать и поддерживать добровольные народные дружины.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, добровольные народные дружины, преступность, правонарушения, Башкирия, правоохранительные органы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: ААА-А-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Ахмадиева Н. В. Роль добровольных народных дружин Башкирии в противодействии росту правонарушений в 1960 – первой половине 1980-х гг. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 916–926. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-916-926

UDC 94 (470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-916-926

Resisting the Increase of Crime, 1960s – Mid-1980s: Impact of Bashkiria-Based Voluntary People's Guards

*Narkas V. Akhmadieva*¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-5049-6337. E-mail: phmadieva72@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Akhmadieva N. V., 2020

Abstract. Introduction. In the 1960s – mid-1980s, in the face of an increase in crime, the state transferred some law enforcement and domestic security functions to the public. Activities of public organizations — voluntary people's guards (Russ. *DND*) — contributed to countering the growth of crime and delinquency in the country. Despite the availability of scientific papers dealing with activities of the DND in the indicated years nationwide, the regional aspect of the issue remains understudied. DNDs were further developed in the post-Soviet period, which confirms their efficiency and significance. **Goals.** The paper seeks to analyze activities of voluntary people's guards in the 1960s – mid-1980s. For this, a number of objectives be tackled, such as to consider the dynamics of their development, analyze forms of countering the growth of offenses in Bashkiria in the indicated years, state policy towards this public organization. **Materials.** The article primarily investigates materials and documents deposited in the National Archive of Bashkortostan which contains valuable information thereto, including about the system of measures aimed at combating the growth of offenses. **Methods.** The work employs the historical-genetic method which made it possible to examine the dynamics of development and structural changes in the DND. The analysis of archival documents and materials involves the principles of objectivity and historicism, and that of scientificity, which proves instrumental in exploring the topic in certain historical backgrounds. **Results.** The period under consideration witnessed the creation of a network of voluntary people's guards as an auxiliary organization designed to combat the growth of crime and delinquency in Bashkiria. The squads were controlled by authorities and grew to become a powerful law enforcement institution. Moreover, those facilitated further legal education of Soviet citizens. DNDs and order control agencies did prove efficient

in reducing the level of offenses. The paper concludes the involvement of ordinary citizens in law and order protection activities was determined by the then increasing criminalization of society and flaws in the order and safety system. Party and state bodies were thus forced to initiate and support the movement.

Keywords: protection of public order, voluntary people's squads (guards), crime, offenses, Bashkiria in the 1960s and mid-1980s, law enforcement agencies

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Akhmadieva N. V. Resisting the Increase of Crime, 1960s – Mid-1980s: Impact of Bashkiria-Based Voluntary People's Guards. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 916–926. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-916-926

Введение

В начале 1960-х гг., в условиях либерализации судебно-правовой системы, правоохранительные органы не смогли взять под контроль ситуацию с усиливающейся криминализацией общества. Несмотря на систему правоохранительных мер, координируемую законодательными и нормативно-правовыми актами, темпы роста преступности в 1960-е – середине 1980-х гг. были значительными. Число осужденных в СССР только с 1967 по 1982 гг. возросло более чем в полтора раза — с 731 тыс. человек до 1 млн 148 тыс. Коэффициент судимости в расчете на 100 тыс. населения всех возрастов увеличился с 311 до 428 [ГА РФ. Ф. Р-9492. Оп. 6. Д. 402. Л. 37].

Государство было вынуждено делегировать ряд функций охраны правопорядка и обеспечения безопасности граждан общественности. В системе мер, направленных на охрану общественного порядка, значительное место отводилось деятельности добровольных народных дружин (далее — ДНД), общественных организаций, призванных противодействовать росту преступности и правонарушений.

Целью данной работы является изучение проблем развития добровольных народных дружин Башкирии и их роли в противодействии росту правонарушений в 1960-е – первой половине 1980-х гг. Для раскрытия темы выделено несколько **задач**: проследить динамику роста и структурные изменения народных дружин; отразить специфику функционирования ДНД в системе охраны общественного порядка; изучить конкретную деятельность ДНД по предупреждению

нарушений и преступлений; дать характеристику государственной политики, направленной на повышение роли общества в охране общественного порядка.

Исследование является **актуальным** в силу того, что обращение к историческому прошлому позволит оценить масштабы деятельности этих общественных структур, призванных ослабить криминогенную ситуацию. Добровольные народные дружины как общественное движение получили дальнейшее развитие и в постсоветский период, подтверждая свою значимость и востребованность. В работе применялся историко-генетический **метод**, позволивший рассмотреть динамику развития добровольных народных дружин, изменения их структуры и характеристику основных форм деятельности, отразить причинно-следственные связи и закономерности их возникновения.

Источниковую базу научной статьи составляют архивные материалы, выявленные в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), фонда Р-9492 Министерства юстиции СССР, а также Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ). Значительный массив информации по изучаемой проблеме извлечен из документов и материалов Национального архива Республики Башкортостан, фонда 122 Башкирского обкома КПСС. В их числе — стенограммы совещаний работников прокуратуры, суда и МВД по вопросам борьбы с преступностью в республике, справки о состоянии преступности и следственной работы; краткие справки по основным показателям работы Министерства внутренних дел Башкирской АССР. Эти источники

предоставили обширные сведения о динамике, структуре и основной деятельности добровольных народных дружин, дали характеристику криминогенной ситуации в республике. При научном анализе архивных источников были приняты во внимание принципы объективности и историзма, необходимые для изучения проблемы с учетом сложившихся в данной ситуации исторических реалий.

Историография проблемы развития добровольных народных дружин и их роли в охране общественного порядка достаточно обширна. На общероссийском уровне она привлекла внимание правоведов и историков еще в 1960-е гг. Основная часть указанных работ была призвана ознакомить широкого читателя со спецификой деятельности дружин, основными целями и методами работы [Пертцик 1960; Байтин, Гольдман 1969; Основин, Поборчая, Труфанов 1961].

Более глубокий научный подход к изучению проблемы обозначился в 1970–1980-е гг. Несмотря на информативную и научную ценность данных трудов, исследование народных дружин строилось на принципах советской историографии, а также затруднялось недостаточной фактологической базой исследований [Соколов 1977; Борисенков, Кригер 1977; Тюрин 1981; Участие трудящихся 1986].

В постсоветский период общероссийская историография изучения ДНД пополнилась исследованиями, дающими разносторонний анализ их функционирования, результатов и перспектив деятельности. Однако региональный аспект проблемы практически не был исследован, отсутствуют исторические работы о развитии ДНД в Башкирии [Пыжиков 1999; Иванов, Бояринцева 2015; Рыбалка 2010; Евсеев 2017; Кужахметова 2020; Лосяков, Доброва 2015; Рагунштейн 2020].

Роль дружин в борьбе с правонарушениями

Динамика роста численности дружин и их деятельность в 1960-е – середине 1970-х гг.

Следует отметить, что первые добровольные народные дружины были созданы в 1958 г. на базе крупных предприятий г. Ленинграда. Власти подхватили инициативу

новую ею же «низовую инициативу», и 2 марта 1959 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». В постановлении было заявлено о необходимости «принять многочисленные предложения трудящихся о создании на предприятиях, стройках, транспорте, в учреждениях, совхозах, колхозах, учебных заведениях и домоуправлениях добровольных народных дружин по охране общественного порядка» [НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 422. Л. 38–39]. Данным постановлением было утверждено примерное положение «О добровольных народных дружинах». Партийные органы были обязаны организовывать народные добровольные дружины, районные (городские) штабы и обеспечивать их успешную деятельность по поддержанию общественного порядка в стране. Предполагалось проведение массово-разъяснительной работы среди населения по вопросу значимости данного мероприятия. Было необходимо добиться поддержки деятельности народных дружин со стороны широких слоев общества [НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 422. Л. 67–68]. Практически до середины 1970-х гг. эти постановления и положения стали основными законодательными документами, определившими задачи, полномочия и формы организации ДНД.

Добровольные народные дружины как общественные самостоятельные организации, призванные оказывать содействие правоохранительным органам в охране общественного порядка, борьбе с преступностью, проведении воспитательной работы с населением во взаимодействии с государственно-партийными и профсоюзными органами, вели активную работу в Башкирии. За первое полугодие 1960 г. с помощью дружинников и другой общественности было предупреждено 1 287 уголовных преступлений. Члены ДНД доставили в милицию свыше 1 500 нарушителей общественного порядка, 840 мелких хулиганов, 616 нарушителей правил уличного движения, задержали 196 уголовных преступников [Ахмадиева 2017: 12].

Несмотря на имевшиеся положительные результаты, развитие ДНД сопровождалось рядом трудностей организационного характера, формальным отношением к обя-

занностям, непониманием всех масштабов ответственности и задач, возлагаемых государством и обществом на эту организацию. К тому же надо учитывать тот факт, что сдерживать рост преступности в начале 1960-х гг. было не под силу всей системе охраны правопорядка. В Башкирии к ежедневному патрулированию привлекалось незначительное число дружинников, которое было неспособно контролировать криминогенную ситуацию на улицах городов и сел. В 1960 г. в Уфе из 32 тыс. дружинников в среднем ежедневно несли охрану только 300–400 человек. В г. Стерлитамаке из 6 тыс. дружинников участвовало в охране около 90–100 человек [НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 239. Л. 156].

Несмотря на то, что с 1959 г. до середины 1960-х гг. численность членов ДНД Башкирии возросла до 120 тыс. человек, рост уличных преступлений и нарушений общественного порядка в городах и районах республики не был предотвращен. В г. Ишимбае произошла активизация хулиганства, количество уголовных преступлений за 7 месяцев 1960 г. в сравнении с тем же периодом 1959 г. увеличилось почти в два раза, в том числе выросли такие опасные преступления, как разбойные нападения — в 2,5 раза, кражи — в 8 раз, нанесение тяжких телесных повреждений — в 5 раз и т. д. Дружины г. Ишимбая были формально закреплены за микрорайонами, ответственности за состояние охраны порядка не несли. Плохо работали многие дружины гг. Октябрьского, Стерлитамака, а также Бирского, Краснокамского, Альшеевского, Хайбуллинского и Белорецкого районов. Состояние общественного порядка вызывало серьезную тревогу у граждан, поскольку дружинники не могли защитить население от хулиганов и пьяниц [НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 238. Л. 293–294].

В начале 1960-х гг. народные дружины Башкирии находились на стадии становления, еще не в полной мере были приняты во внимание их обязанности, поэтому результаты деятельности были весьма скромными. Перегруженные многочисленными функциями предприятия, организации и учреждения, из рядов которых формировались дружинники, не ставили задачи охраны правопорядка и предотвращения правонарушений в разряд приоритетных.

Примечательно, что, помимо охраны общественного порядка, добровольные народные дружины вели определенную работу, направленную на борьбу с самогоноварением в Башкирии. Так, в 1960 г. дружинники Дюртюлинского района ознакомили население с указом Президиума Верховного Совета РСФСР об ответственности за самогоноварение и приготовление других спиртных напитков в домашних условиях. В январе в райкоме КПСС стало известно о наличии в колхозе «Правда» фактов самогоноварения. Бюро райкома направило туда пропагандистскую группу из работников райкома, членов районного штаба ДНД. Ими были прочитаны доклады, проведены партийные и комсомольские собрания, собрания граждан по деревням. Прделанная работа дала свои результаты — население стало добровольно сдавать самогонные аппараты, обещая больше не заниматься «этим позорным делом» [НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 422. Л. 83]. По району было собрано 320 самогонных аппарата [НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 422. Л. 84].

Весьма неприятным моментом в деятельности дружин являлись случаи превышения ими допустимых полномочий в ходе борьбы с пьянством и другими нарушениями общественного порядка. В материалах Национального архива Республики Башкортостан встречаются документы, в которых прокуратурой и обкомом КПСС рассматривались случаи нанесения дружинниками тяжких телесных повреждений, произошедших при попытке задержания нетрезвых, агрессивных, оказывающих сопротивление граждан. Подобное жесткое силовое давление на хулиганов, нарушителей общественного порядка, на наш взгляд, не порицалось, а, скорее, поощрялось правоохранительными органами. Так, в Уфе в 1964 г. задержанному «пьяному дебоширу», избивавшему жену, дружинники нанесли несколько ударов. Впоследствии он был избит резиновой дубинкой в милиции, из-за полученных травм скончался в больнице [НА РБ. Ф. 122. Оп. 74. Д. 319. Л. 10–15; 64–65].

В сложных условиях борьбы с правонарушениями подобные инциденты имели место, формируя негативное отношение общественности к дружинникам и правоохранительным органам.

Развитие ДНД в 1975 – начале 1980-х гг.

К середине 1970-х гг. произошли существенные изменения в составе ДНД. Возникла необходимость более четкого структурирования и направления деятельности дружин по определенным сферам правонарушений и преступлений (дорожно-транспортных, экономических правонарушений, уличной, бытовой преступности и т. п.). В качестве самостоятельных подразделений были выделены территориальные и специализированные отряды дружин. Территориальные дружины, созданные на базе предприятий и учреждений, поддерживали охрану общественного порядка на определенной, закрепленной за ними территории. Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 апреля 1974 г. «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка» в Башкирии также стали создаваться специализированные дружины. Они были направлены на противодействие различным видам правонарушений. К началу 1975 г. с участием 678 специализированных дружин было выявлено 258 фактов хищений, задержано более 11 тыс. нарушителей правил дорожного движения [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 19].

В 2,5 раза увеличилось число дружинников, участвующих в индивидуально-воспитательной работе, число ведущих профилактическую работу по предотвращению правонарушений среди несовершеннолетних возросло в 3 раза. В том же году в охране общественного порядка в республике участвовали 3 487 ДНД, в которых насчитывалось более 160 тыс. дружинников. Для руководства ими назначались опытные и авторитетные представители партийно-хозяйственной номенклатуры. В первом полугодии 1975 г. на улицах и в других общественных местах с участием дружинников было пресечено 45 преступлений, раскрыто 342 преступления, выявлено 8 907 нарушителей общественного порядка [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 20–21].

В городах и районных центрах Башкирии имелись опорные пункты милиции, при которых находились штабы и группы ДНД. В рядах дружинников было немало активистов, отдававших много сил на борьбу с преступностью.

Со второй половины 1970-х гг. контроль над деятельностью ДНД со стороны правоохранительных органов становится более тщательным. МВД БАССР был разработан комплекс мер по охране общественного порядка, координирующий взаимодействие органов внутренних дел с народными дружинами. В управлениях и отделах Министерства, горрайорганах внутренних дел было выделено 355 работников для организации повседневного взаимодействия милиции с ДНД, из них 55 с освобождением от других обязанностей. Органами прокуратуры, суда и горрайотделов внутренних дел совместно с городскими и районными штабами ДНД организовывалось изучение дружинниками основ советского законодательства [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 21]. Взаимодействие народных дружин Башкирии с органами внутренних дел и прокуратуры в борьбе с антиобщественными проявлениями значительно усилилось.

В 1980-е гг. в Башкирии продолжилась работа по совершенствованию деятельности добровольных дружин в охране общественного порядка, более полному и эффективному использованию сил и средств для укрепления патрульно-постовой службы, улучшения взаимодействия добровольных народных дружин с милицией. Партийно-руководящими органами республики были разработаны и утверждены планы мероприятий по выполнению постановления ЦК КПСС от 2 августа 1979 г. «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» на 1980 г.

В первом полугодии 1980 г. в дружинах предприятий, учреждений,строек, колхозов и совхозов проводились собрания дружинников, а в городах и районах — слеты и активы, где обсуждались итоги деятельности ДНД и задачи на очередной год. Республиканский штаб и МВД БАССР осуществляли контроль над ежедневным выходом дружинников на охрану общественного порядка в 16 городах республики [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 72].

Определенное внимание уделялось вопросам правового обучения членов народных дружин. В 1980 г. на факультетах правовых знаний при народных университетах занимались более 20 тыс. дружинников, в лекториях и школах — около 100 тыс. человек. Штабом ДНД и МВД БАССР прини-

мались меры к оказанию помощи нижегородским штабам путем разработки и направления им инструкций и рекомендаций в различные периоды хозяйственной деятельности в селах, районах и городах (весенний сев, сенокос, уборка урожая и т. д.). Также были изготовлены и направлены в города и районы Башкирии 50 тыс. удостоверений дружинника [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 73].

Рассмотрение специфики форм взаимодействия государственных и правоохранительных органов и добровольных народных дружин в сфере охраны правопорядка показывает, что государство рассматривало ДНД как вспомогательную, подконтрольную милиции организацию. Это ограничивало уровень ее самостоятельности, что способствовало процессу ее «огосударствления», лишая стимулов внутреннего развития, роста общественной инициативы.

Меры морального и материального поощрения членов народных дружин были призваны активизировать и качественно улучшить деятельность этих организаций. Активные дружинники награждались почетными грамотами, ценными подарками, благодарностями и денежными премиями, также дополнительными оплачиваемыми отпусками сроком до трех суток в год.

В 1974 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах ДНД по охране общественного порядка». Дружинники имели преимущество перед остальными гражданами на получение жилой площади, льготной путевки в санатории, дома отдыха. В Башкирии только в 1979 г. 20 дружинников были награждены медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», 7 — почетными грамотами МВД СССР, 4 — ценными подарками МВД СССР, 145 — значком «Отличный дружинник», 60 — почетными грамотами МВД БАССР. Большое число дружинников было поощрено дополнительными отпусками [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 70].

В 1980 г. 216 дружинников были награждены знаком «Отличный дружинник», 128 — почетными грамотами МВД БАССР, многие члены ДНД были также получили дополнительные отпуска [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 74]. Однако, несмотря на все меры поощрения со стороны госу-

дарственных органов, для многих рядовых граждан участие в работе дружин становилось «обязаловкой», обременительным и небезопасным времяпрепровождением.

Постоянное принудительное участие граждан в работе народных дружин приводило к пассивному, формальному участию людей в охране общественного порядка. Применение властью рычагов административного давления на население снижало градус общественной активности. Поэтому для пропаганды лучшего опыта работы народных дружин широко использовались возможности радио, телевидения печати. Только в 1979 г. на эти темы было организовано 19 телепередач, 26 радиобесед, в республиканских газетах и в местной печати опубликовано более 2 тыс. статей [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 70].

В 1980 г. аналогично проведено 12 телепередач, 18 радиобесед, в республиканских газетах и в местной печати опубликовали 818 статей по проблемам развития этих организаций. Несмотря на широкую пропаганду деятельности дружин, в их работе наблюдались существенные недостатки. В отдельных городах и районах не выполнялись обязательные нормы выхода дружинников на охрану общественного порядка. В ряде городов и районов норма выхода составляла от 20 до 78 %, при достаточно высокой среднереспубликанской — 91,0 % [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 74].

Несмотря на имеющиеся в деле развития организации противоречия и сложности, роль добровольных народных дружин в борьбе с ростом правонарушений была весьма значительной. ДНД стали важной частью системы охраны общественного порядка. В Башкирии в 1978 г. с их участием было раскрыто 1 118 преступлений, в 1979 г. — 1 220 преступлений. Задержано правонарушителей соответственно 3 408 и 3 745, предотвращено преступлений — 25 и 24 [НА РБ. Ф. 122. Оп. 200. Д. 414. Л. 5].

За 1979 г. было вновь создано 105 дружин, и общее их число достигло 4,6 тыс. с охватом 210,8 тыс. человек. В целом по республике в охране общественного порядка ежедневно участвовало 6,5 тыс. дружинников, что составляло 17 чел. на 10 тысяч населения. В целях улучшения противодействия росту отдельных видов правонарушений в Башкирии функционировало 1 996 специа-

лизированных дружин, с охватом 25 тыс. дружинников. В их числе имелось 311 дружин по борьбе с хищениями социалистической собственности, 1 351 организация по обеспечению безопасности дорожного движения, 196 дружин по борьбе с пьянством и нарушениями правил торговли спиртными напитками и 518 — по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 69].

В первом полугодии 1980 г. с участием дружинников было раскрыто 1 190 преступлений (+4,1 %), задержано 24 369 нарушителей общественного порядка (+32,7 %). В республике действовали 2 376 специализированных дружин по линии БХСС, ГАИ, по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних, на почве пьянства и другие. Спецдружины объединяли более 25 тыс. человек. Подавляющее большинство (88,0 %) дружинников принимали непосредственное участие в охране общественного порядка. В первом квартале 1980 г. повсеместно на предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах проводились собрания дружинников, в городах и районах — слеты и активы дружинников, 21 июня состоялся республиканский слет добровольных народных дружин. Согласно принятому решению Республиканского штаба ДНД, проводилась работа по созданию специализированных дружин из работников общественного транспорта. МВД были внесены предложения в СМ БАССР по оснащению техническими средствами общественного транспорта городов Уфы, Салавата, Стерлитамака. Примечательно, что по опыту Горьковского завода «Красное Сормово» и Львовской железной дороги предусматривалось создание специализированных народных дружин по охране общественного порядка в пригородных поездах, железнодорожных станциях силами коллективов предприятий [НА РБ. Ф. 122. Оп. 200. Д. 413. Л. 15–18]. Пригородные электрички и железнодорожные станции являлись активными криминогенными зонами, особенно в темное время суток. Решение об их патрулировании дружинами было вызвано крайней необходимостью, в связи с ростом совершенных там преступлений.

Проведенная работа способствовала организационному укреплению дружин, повышению качественного состава и эффек-

тивности их работы. За 1980 г. общее число ДНД достигло 4 612 с охватом 210,8 тыс. дружинников. В городах и районах в охране общественного порядка ежедневно участвовали 2 800 человек, что составляло около 20 дружинников на 10 тысяч населения.

В целях лучшей организации работы по борьбе с отдельными видами правонарушений в республике действовали 2 026 специализированных дружин с охватом 35 тыс. дружинников. В их числе — 311 дружин по борьбе с хищениями социалистической собственности, 857 дружин по обеспечению безопасности дорожного движения, 170 дружин по борьбе с пьянством и нарушениями правил торговли спиртными напитками и 688 — по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних. В республике функционировал 981 общественный пункт охраны порядка, за которыми были закреплены 1 990 дружин с числом 135 тыс. дружинников [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 73].

В конце 1970 — начале 1980-х гг., в связи с ростом экономических преступлений, многие дружинники входили в группы народного контроля, нацеленные на борьбу с коррупцией и хищениями соцсобственности.

В 1980 г. с участием дружинников было раскрыто 2,4 тыс. преступлений, задержано 48,9 тыс. правонарушителей. Активно работали дружины Октябрьского и Советского районов г. Уфы, городов Белебея, Нефтекамска, Салавата, Сибая, Стерлитамака, Туймазы, а также Балтачевского, Дюртюлинского, Зиянчуринского, Краснокамского, Чишминского районов. В дни подготовки и проведения XXII Олимпийских игр в Москве, когда значительные силы патрульно-постовой службы милиции Уфы были направлены в столицу, большую роль в охране общественного порядка играли народные дружины города [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 74].

На начало 1984 г. в республике действовало 4 612 ДНД, с числом дружинников 245 400 человек. Ежедневно в 1983 г. в охране общественного порядка принимало участие 6 995 дружинников, или 18 человек в расчете на 10 тысяч населения. С их участием было предупреждено 32 преступления и задержано 2 806 преступников, что на 34,2 % больше, чем за аналогичный период 1982 г. [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 244. Л. 114].

Особое значение в деятельности дружин придавалось вопросу профилактики роста правонарушений среди населения, которая заключалась, в том числе, в выявлении алкоголиков, тунеядцев, с целью попытки вовлечения их активную социальную жизнь, путем устройства на работу, принудительного лечения от алкоголизма и т. п. Для предотвращения роста преступлений с применением огнестрельного оружия (в основном охотничьих ружей) оно изымалось в массовом порядке у этих «неблагонадежных» граждан.

В соответствии с требованиями указа Президиума ВС РСФСР от 28 июня 1976 г. «Об ответственности за нарушение правил приобретения, регистрации, использования и хранения огнестрельного оружия», с помощью внештатных сотрудников милиции, членов ДНД и общественности было выявлено и изъято у населения 512 стволов охотничьих ружей, в том числе у лиц, уклонявшихся от регистрации, систематически нарушавших общественный порядок, злоупотреблявших спиртными напитками. Проводимая работа позволила снизить количество преступлений, совершаемых с применением огнестрельного оружия. Тем не менее, за 5 месяцев 1979 г. было совершено 28 таких преступлений, в том числе из нарезного оружия — 2, из гладкоствольного — 26. В 1978 г. за тот же период было совершено 25 преступлений. МВД республики совместно с ДНД проводили мероприятия по дополнительному выявлению лиц, имеющих незарегистрированное огнестрельное оружие, и по его изъятию [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 247. Л. 125].

Выполняя требования Президиума Верховного Совета СССР от 11 мая 1983 г. и постановления ВС БАССР от 9 июня 1983 г. «О работе Советов народных депутатов республики среди населения по месту жительства», милицией совместно с ДНД и другой общественностью проводились комплексные профилактические мероприятия по предупреждению правонарушений в сфере быта, усилению борьбы с пьянством, хулиганством, тунеядством. Было выявлено и поставлено на учет 7 900 лиц, допускавших правонарушения в быту, 7 752 — злоупотреблявших спиртными напитками и нарушавших общественный порядок по месту жительства, с ними проводилась про-

филактическая работа. У лиц, злоупотреблявших спиртными напитками и нарушавших общественный порядок, было изъято 1 945 стволов огнестрельного оружия, 1 670 стволов граждане сдали добровольно [НА РБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 245. Л. 54]. Противодействие получившим широкое распространение в обществе девиантным формам поведения граждан — хулиганству, пьянству и т. п. — стало приоритетной задачей народных дружин.

Заключение

Участие рядовых граждан в охране правопорядка было продиктовано растущей криминализацией общества и имеющимися изъянами в системе охраны общественного порядка, вследствие чего власти были вынуждены инициировать и поддерживать это «народное движение». В рассматриваемые годы в Башкирии было завершено создание сети добровольных народных дружин как вспомогательной организации, призванной на борьбу с ростом правонарушений.

Динамика численности добровольных народных дружин заметно коррелировала с увеличением масштабов преступности, правонарушений и других девиантных отклонений в стране. К концу рассматриваемого периода ДНД представляли значительную долю в структуре общественных организаций, что свидетельствовало скорее о негативных явлениях в советском социуме, нежели о высоком уровне его самоорганизации. Активное участие в деятельности дружин отнимало у членов этой организации много времени и сил, в ущерб личным интересам и потребностям. Правоохранительные органы, милиция демонстрировали неспособность контролировать процессы разрастания криминогенной ситуации в стране, переложив часть ответственности на общество.

Курируемые властными структурами, ДНД превратились в мощную организацию, направленную на борьбу с противоправными явлениями, оказывая общественное воздействие на процесс правового воспитания советских граждан. Народные дружины совместно с органами охраны правопорядка проделали существенную работу по снижению уровня преступности и правонарушений, стали важной составляющей системы охраны общественного порядка.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
 НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

Литература

- Ахмадиева 2017 — *Ахмадиева Н. В.* Общая характеристика и динамика преступности в 1960-е гг. // Социальные девиации в советском обществе: региональный аспект (на примере Башкирской АССР 1960-х – начала 1980-х гг.): сб. ст. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 6–28.
- Байтин, Гольдман 1969 — *Байтин М. И., Гольдман В. С.* Народные дружины. Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1969. 207 с.
- Борисенков, Кригер 1977 — *Борисенков В. Г., Кригер В. И.* Руководство партийных и советских органов народными дружинами. М.: Юрид. лит.-ра, 1977. 78 с.
- Евсеев 2017 — *Евсеев Е. А.* Периоды становления и развития добровольных народных дружин как основной формы участия населения Кемеровской области в охране общественного порядка (1959–1990 гг.) // Право и образование. 2017. № 3. С. 125–130.
- Иванов, Бояринцева 2015 — *Иванов В. А., Бояринцева И. А.* О добровольных народных дружинах и роли партии в организации их деятельности (конец 1950-х – середина 1980-х годов) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 49–55.
- Кужахметова 2020 — *Кужахметова С. Н.* Совершенствование организации и деятельности добровольных народных дружин (конец 1950-х – середина 1970-х годов) // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сб. науч. ст. по итогам работы третьего круглого стола со всерос. и междунар. участием (г. Шахты, 30–31 марта 2020 г). Шахты: ООО «Конверт», 2020. С. 105–106.

References

- Akhmadieva N. V. Criminal situation, 1960s: general characteristics and dynamics. In: Akhmadieva N. V. (ed.) Social Deviations of Soviet Society in a Regional Perspective: A Case Study of the Bashkir ASSR, 1960s – early 1980s. Collected Papers. Ufa: Institute of History, Language and History (Ufa Federal Research Centre of RAS), 2017. Pp. 6–28. (In Russ.)

Sources

- National Archive of the Republic of Bashkortostan
 State Archive of the Russian Federation

- Лосяков, Доброва 2015 — *Лосяков А. В., Доброва О. В.* История становления и развития добровольных народных дружин в Пензенской области в 1959–1961 гг. // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 3. № 6 (28). С. 192–195.
- Оснин, Поборчая, Труфанов 1961 — *Оснин В., Поборчая Н., Труфанов В.* На страже общественного порядка. М.: Госюриздат, 1961. 58 с.
- Пертцки 1960 — *Пертцки В. А.* Народные дружины. Иркутск: Кн. изд-во, 1960. 92 с.
- Пыжиков 1999 — *Пыжиков А. В.* Государственное строительство и правоохранительная система СССР в 1953–64 гг. М.: Социум, 1999. 127 с.
- Рагуништейн 2020 — *Рагуништейн А. Г.* Правовой статус добровольных народных дружин по охране общественного порядка (1959–1991 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 121–133.
- Рыбалка 2010 — *Рыбалка О. В.* Общественная активность в СССР в начале 1960-х – второй половине 1970-х: формирование и развитие добровольных народных дружин (на материалах Новгорода и Новгородской области): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 182 с.
- Соколов 1977 — *Соколов И. В.* Добровольные народные дружины по охране общественного порядка. М.: Юрид. лит.-ра, 1977. 78 с.
- Тюрин 1981 — *Тюрин В. Е.* Народные дружины на страже общественного порядка. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 39 с.
- Участие трудящихся 1986 — *Участие трудящихся в охране общественного порядка.* М.: Академия МВД СССР, 1986. 146 с.

- Baytin M. I., Goldman V. S. People's Volunteer Squads. Saratov: Volga Book Publ., 1969. 207 p. (In Russ.)
- Borisenkov V. G., Kriger V. I. Party and Soviet Agencies: Administering People's Volunteer Squads. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1977. 78 p. (In Russ.)
- Evseev E. A. Periods of formation and development of voluntary national teams as the main form of

- participation of the population of the Kemerovo Region in the maintenance of public order (1959–1990). *Law and Education*. 2017. No. 3. Pp. 125–130. (In Russ.)
- Ivanov V. A., Boyarintseva I. A. On voluntary people's guards and the role of the Party in organizing their activities (late 1950s – mid 1980s). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2015. No. 2. Pp. 49–55. (In Russ.)
- Kuzhakhmetova S. N. Improving the administration of people's volunteer squads: late 1950s – mid-1970s. In: *Science of Law in the 21st Century. Topical Issues and Supposed Solutions. Round Table Reports* (Shakhty; March 30–31, 2020). Shakhty: Konvert, 2020. Pp. 105–106. (In Russ.)
- Losyakov A. V., Dobrova O. V. The history of formation and development of voluntary national teams in Penza Region in 1959–1961. *XXI Century: Resumes of the Past and Challenges of the Present plus*. 2015. Vol. 3. No. 6 (28). Pp. 192–195. (In Russ.)
- Osnovin V., Poborchaya N., Trufanov V. Guarding Public Order. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 58 p. (In Russ.)
- Participation of Laborers in the Defense of Public Order. Moscow: Academy of USSR Ministry of Internal Affairs, 1986. 146 p. (In Russ.)
- Perttsik V. A. People's Volunteer Squads. Irkutsk: Irkutsk Book Publ., 1960. 92 p. (In Russ.)
- Pyzhikov A. V. Soviet State-Building, and Law Enforcement System: 1953 – 1964. Moscow: Sotsium, 1999. 127 p. (In Russ.)
- Ragunshcheyn A. G. Legal status of the voluntary people's *druzhina* for the protection of public order (1959-1991). *Historical-Legal Problems: the New Viewpoint*. 2020. No. 1. Pp. 121–133. (In Russ.)
- Rybalka O. V. Social Activities in the USSR, Early 1960s – Late 1970s: The Shaping and Development of People's Volunteer Squads. A Case Study of Novgorod City and Novgorod Oblast. Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 2010. 182 p. (In Russ.)
- Sokolov I. V. Guarding Public Order: People's Volunteer Squads. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1977. 78 p. (In Russ.)
- Tyurin V. E. Watching Public Order: People's Volunteer Squads. Alma-Ata: Kazakhstan, 1981. 39 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 4, pp. 927–940, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-927-940
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-927-940

Монголоведение в Институте востоковедения РАН: современное состояние и перспективы

Владимир Викторович Грайворонский¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий
 0000-0002-1154-624X. E-mail: graiv2000@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Грайворонский В. В., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье автор представил краткий общий обзор современного состояния и перспектив развития монголоведения в Институте востоковедения РАН, который недавно, в 2018 г., достойно отметил 200-летие своего создания в 1818 г. Институт востоковедения РАН сохраняет и укрепляет свои позиции одного из ведущих центров отечественного и мирового востоковедения. *Цель* исследования состоит в том, чтобы обобщить опыт развития монголоведения, одной из традиционных отраслей российского востоковедения, в Институте востоковедения РАН в 2010–2020 гг., охарактеризовать современное состояние и перспективы развития этого направления, показать достижения и проблемы. *Материалами* для исследования послужили публикации научных работ сотрудников Сектора Монголии Отдела Кореи и Монголии и других Отделов Института востоковедения РАН в 2010–2020 гг., а также материалы текущего архива Отдела. *Использованы методы:* исторический, хронологический, описательный, аналитический и др. Результаты исследования показывают, что, несмотря на ряд объективных и субъективных трудностей, монголоведение в Институте востоковедения РАН продолжает развиваться, разрабатываются актуальные, малоисследованные вопросы древней, средневековой, новой и новейшей истории Монголии, современного политического, социально-экономического и культурного развития Монголии и российско-монгольских отношений. В Институте востоковедения РАН, особенно в Секторе Монголии, существует острый дефицит молодых кадров-монголоведов. Без решения этой проблемы перспективы развития монголоведения в Институте востоковедения РАН не вселяют оптимизма. Институт располагает немногочисленной группой высококвалифицированных специалистов-монголоведов и других востоковедов, которые ведут научные исследования по широкому кругу направлений монголоведения (история, историография, источниковедение, выявление и публикация новых источников, памятников, архивных документов, филология, экономика, политология,

социология, культурология, буддология, номадология и др.), публикуют свои научные труды, активно сотрудничают с коллегами из однопрофильных научных и образовательных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Улан-Удэ, Элисты, Кызыла, Владивостока и других городов России, а также с гуманитарными институтами зарубежных стран, в том числе Монголии, Китая, Японии, США, Великобритании, Германии, Франции и других стран. Хронологически обзор охватывает период 2010–2020 гг., содержит характеристику основных изменений в кадровом составе монголоведов и других востоковедов, разрабатывающих монголоведную тематику, основные направления исследований, показатели научной, научно-организационной и публикационной активности, подробно перечислены основные коллективные и индивидуальные работы монголоведов Сектора Монголии Отдела Кореи и Монголии и других отделов ИВ РАН, опубликованные в 2010–2020 гг., указаны основные проблемы развития монголоведения в контексте общего развития востоковедения, сделаны выводы и прогноз дальнейшего развития монголоведения в ИВ РАН.

Ключевые слова: ИВ РАН, монголоведение, кадры, основные направления, результаты, публикации, проблемы, прогноз

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития–II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Грайворонский В. В. Монголоведение в Институте востоковедения РАН: современное состояние и перспективы // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 927–940. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-927-940

UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-927-940

Mongolian Studies at the Institute of Oriental Studies of the RAS: Current State and Prospects

Vladimir V. Grayvoronskiy¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate, Head
 0000-0002-1154-624X. E-mail: graiv2000@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Grayvoronskiy V. V., 2020

Abstract. Introduction. The paper briefly reviews the current state and prospects of Mongolian studies at the Institute of Oriental Studies (RAS) that celebrated its 200th anniversary in 2018. The Institute maintains and strengthens its positions as a leading national and global research center for Oriental studies. **Goals.** The study attempts at summarizing the Institute's 2010–2020 experiences in developing Mongolian studies as a traditional branch of Russia's Oriental studies, characterizing the present state and development prospects with due regard of actual achievements, challenges, and problems. **Materials and Methods.** The work analyzes scholarly publications authored by associates of the Mongolian Studies Unit (Department of Korean and Mongolian Studies) and other departments of the Institute in 2010–2020, including operating archives — through the use of historical, chronological, descriptive, analytical and other methods. **Results.** The study shows that despite a number of objective and subjective difficulties, associates of the Institute keep developing Mongolian studies exploring some topical and understudied issues of ancient, medieval, modern, and contemporary Mongolia; providing comprehensive insights into present-day political, socioeconomic, and cultural frameworks of Mongolia proper and Russia-Mongolia relations. Still, the Institute — and specifically

the Mongolian Studies Unit — experiences a critical shortage of qualified young Mongolists, and if the problem remains unsolved respective research perspectives should encourage no optimism. The number of highly experienced Mongolists and Orientalists that conduct research activities on a range of Mongolia-related issues (history, historiography, source studies, discoveries and publications of new sources, written monuments and archives, philology, etc.) affiliated thereto is small enough. The former publish their scholarly works and actively cooperate with colleagues from similar scientific and educational organizations of Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Ulan-Ude, Elista, Kyzyl, Vladivostok and other Russian cities; establish relations with foreign humanities research centers of Mongolia, China, Japan, the United States, Great Britain, Germany, France, etc. Chronologically, the review covers the period between 2010 and 2020, and characterizes key changes in staff composition; shows fundamental research trends; summarizes outcomes of scholarly, organizational and publishing activities; mentions main joint and individual monographs authored (published) by associates of the Department of Korean and Mongolian Studies in 2010–2020. The paper specifies basic development problems faced by Mongolian studies in the context of Oriental studies as such, provides conclusions and prognoses for further evolution of this research line at the Institute of Oriental Studies (RAS).

Keywords: Institute of Oriental Studies (RAS), Mongolian studies, staff, key trends, results, publications, problems, prognosis

Acknowledgements. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Grayvoronskiy V. V. Mongolian Studies at the Institute of Oriental Studies of the RAS: Current State and Prospects. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 927–940. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-927-940

Введение

200-летняя история Института востоковедения РАН (далее — ИВ РАН) свидетельствует, что монголоведение было и остается одним из традиционных, важных направлений российского востоковедения. ИВ РАН продолжает оставаться одним из признанных в России и во всем мире ведущих центров отечественного и мирового востоковедения, включая монголоведение. В послевоенный период в СССР, а затем России, помимо традиционных центров монголоведения — Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Иркутска, Улан-Удэ, сформировались и активно развиваются новые центры — в Новосибирске, Элисте, Кызыле, Владивостоке и др. Следует с удовлетворением отметить, что в последние годы в Республике Калмыкия быстрыми темпами развивается востоковедение, в том числе монголоведение, особенно ойратоведение, калмыковедение, общие проблемы истории, хозяйства, кочевого животноводства, языка и культуры монголоязычных народов мира.

Здесь, в Элисте успешно работают 2 монголоведческих центра: Калмыцкий научный центр РАН (КалмНЦ РАН), созданный на базе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, и Калмыцкий государственный университет.

ИВ РАН во многом сохраняет статус головного монголоведческого учреждения в России, располагает немногочисленной группой высококвалифицированных специалистов-монголоведов и других востоковедов, которые ведут научные исследования, сотрудничают с аналогичными или близкими научными и образовательными учреждениями России — Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Улан-Удэ, Элисты и других городов, а также участвуют в международном сотрудничестве с гуманитарными институтами Академии наук Монголии, Китая, Японии, Республики Корея, США, Великобритании, Германии, Венгрии, Чехии, Польши и др. Монголоведы ИВ РАН принимают участие в деятельности Международной ассоциации монголоведения (МAM), Российского общества

монголоведов (президент РОМ — директор Института монголоведа, буддологии и тибетологии СО РАН, акад. Б. В. Базаров), Общества друзей Монголии (президент ОДМ — полковник ВВС в отставке В. А. Бабушкин, недавно удостоенный высокой государственной награды — ордена Дружбы народов).

Масштабы и качество научных исследований научно-исследовательского института в решающей степени зависят от наличия и уровня квалификации научных кадров.

Современное состояние монголоведа

Кадры

В настоящее время основным структурным подразделением монголоведа профиля в ИВ РАН является Сектор Монголии Отдела Кореи и Монголии (руководитель Отдела — канд. ист. наук А. В. Воронцов). Кроме Сектора Монголии, различные исследования монголоведа характера ведутся также в некоторых других отделах и центрах Института (Отдел языков народов Азии и Африки, Отдел Китая, Отдел истории Востока).

За последние 10 лет в кадровом составе монголоведов и других востоковедов, занимающихся монголоведными исследованиями в ИВ РАН, произошли существенные, к сожалению, главным образом негативные изменения. Происходит неизбежный, естественный процесс старения научных сотрудников, ухода их сначала на заслуженный отдых, на пенсию, а затем с течением времени из жизни. Так, за последние 10 лет после 2010 г. Сектор Монголии понес следующие невосполнимые потери: крупный монголоведа и востоковед широкого профиля, историк, экономист, политолог, международник-регионовед по Восточной Азии, преподаватель, переводчик художественной литературы, д-р полит. наук, канд. экон. наук, доцент Г. С. Яскина (2010); известный историк, большой знаток и публикатор архивных материалов по истории русско-монгольских XVII в. и советско-монгольских отношений XX в., канд. ист. наук Г. И. Слесарчук (2012); экономист, историк, дипломат, канд. экон. наук Ш. Г. Надиров (2017); известный историк и экономист, многолетний руководитель сектора Монголии, д-р ист. наук, канд. экон. наук С. К. Рошчин (2019). Молодой экономист, ученик

Г. С. Яскиной, канд. экон. наук М. Б. Мещанинов перешел на постоянную работу в МИД РФ и в настоящее время работает в Посольстве РФ в Монголии. Кроме этих потерь, из монголоведов-сотрудников других отделов ИВ РАН сначала ушли на пенсию, а затем скончались известные монголоведы лингвист, канд. филол. наук М. Н. Орловская (Отдел языков, 2016); литературовед, канд. филол. наук К. Н. Яцковская (Отдел литературы, 2019), а также историки китаеведы-монголоведы А. Н. Хохлов, Е. А. Белов (Отдел Китая). В настоящее время в Отделе языков остался один монголоведа д-р филол. наук С. А. Крылов. В Отделе литературы народов Азии и Отделе сравнительного культуроведения отсутствуют специалисты по литературе и культуре монгольских народов.

В настоящее время в Секторе Монголии работают 6 научных сотрудников, в том числе 4 штатных (д-р ист. наук В. В. Грайворонский; д-р ист. наук К. В. Орлова; д-р ист. наук С. Л. Кузьмин; канд. ист. наук Е. В. Бойкова); д-р ист. наук М. И. Гольман и д-р филол. наук, проф. РГГУ А. Д. Цендина.

В 2017 г. поредевшие ряды монголоведов Сектора Монголии пополнил д-р ист. наук, канд. биол. наук С. Л. Кузьмин, который в течение нескольких лет работал совместителем, а затем успешно защитил докторскую диссертацию по истории взаимоотношений буддизма и государства в период становления государственной независимости Монголии в первой половине XX в. и стал одним из ведущих сотрудников Сектора и Института. С. Л. Кузьмин активно и плодотворно работает не только в области монголоведа, но и тибетологии и буддологии.

С середины 2017 г. до недавнего времени (до середины сентября с. г.) в Институте работал д-р полит. наук А. С. Железняков в качестве заместителя директора по науке и куратора Отдела Кореи и Монголии. В ИВ РАН он продолжал разрабатывать проблематику монгольской цивилизации, о чем свидетельствуют его недавние публикации, в том числе монография «Монгольская цивилизация. История и современность. Теоретическое обоснование атласа» [Железняков 2016] и подготовленный к печати иллюстрированный исторический альбом «Лики монгольской цивилизации».

В 2017 г. по инициативе А. С. Железнякова в Институте был создан Центр политологических и социологических исследований Внутренней Азии, в 2018 г. в рамках международного научного конгресса, посвященного 200-летию ИВ РАН, была организована международная конференция «Монгольская цивилизация в фокусе российского востоковедения», в печати находится сборник материалов конференции.

Аспиранты в Отделе Кореи и Монголии отсутствуют уже несколько лет. Современная молодежь, в том числе монголоеды-выпускники вузов Института стран Азии и Африки при МГУ, МГИМО МИД РФ, РГГУ, неохотно идут в науку, в том числе в монголоведение. В Институте стран Востока, который размещается в здании ИВ РАН, монголоведение не относится к числу привлекательных специализаций. Такое состояние во многом связано с общим положением в российской науке, Академии наук и других институтах.

Основные направления исследований

Судя по публикациям трудов сотрудников ИВ РАН за последние годы, монголоведческие исследования с разной степенью охвата и глубины велись и ведутся по следующим основным направлениям: источниковедение; историография; публикация новых источников, памятников, архивных документов; средневековая, новая и новейшая история Монголии; история Чингис-хана и Монгольской империи; история трех революций в Монголии в XX в., история буддизма и буддийской церкви в Монголии, ее взаимоотношений с государством в первой половине XX в.; жизнь и деятельность видных политических деятелей Монголии первой половины XX в.; вклад русских военных исследователей Монголии в конце XIX – начале XX вв.; внутренняя и внешняя политика МНР / Монголии; ход и результаты постсоциалистической политической и социально-экономической модернизации Монголии; политическая история; международное положение и внешняя политика современной Монголии; история и современные российско-монгольские отношения; политические и торгово-экономические отношения в «треугольнике» Россия-Монголия-Китай; языки и литература Монголии и монголоязычных наро-

дов России (буряты, калмыки); выявление, изучение и публикация археологических, письменных исторических и литературных памятников; издание Собрания сочинений акад. Б. Я. Владимирцова; история и историография отечественного и мирового монголоведения в России, на Западе, в США и Европе; составление библиографий работ отечественных монголоведов и др.

В работе сектора Монголии первостепенное внимание уделяется изучению хода и результатов политических, экономических, социальных и других реформ, которые осуществляются в Монголии после 1990 г., актуальным вопросам истории и современного развития двусторонних российско-монгольских, а также трехсторонних отношений между Россией, Монголией и Китаем. Руководитель Отдела Кореи и Монголии А. В. Воронцов и другие сотрудники В. В. Грайворонский, М. И. Гольман, Е. В. Бойкова принимают участие в трехсторонних научных форумах экспертов Think Tank России, Китая и Монголии, которые поочередно проводятся в этих странах.

Используются новые формы научного сотрудничества между ИВ РАН и региональными монголоведческими центрами. Так, в апреле 2017 г. по инициативе ректора КалмГУ, канд. пед. наук Бадмы Катиновича Салаева и при поддержке дирекции ИВ РАН впервые в истории Института были успешно организованы и проведены «Дни Института востоковедения РАН в КалмГУ», в которых приняла участие группа ведущих сотрудников Института, в том числе канд. ист. наук Н. Г. Романова, д-р ист. наук, проф. А. Ш. Кадырбаев, д-р ист. наук В. В. Грайворонский, д-р полит. наук А. С. Железняков, д-р ист. наук К. В. Орлова. Следует отметить, что в Элисте делегации ИВ РАН были оказаны исключительно теплый прием и гостеприимство, насыщенная программа была выполнена на высоком научном и организационном уровне. Достигнуты договоренности о продолжении сотрудничества в разнообразных формах. К. В. Орлова принимает активное участие в организации и проведении совместных экспедиций по изучению буддийских традиций на территории Западной Монголии и Калмыкии, в написании коллективных монографий, в том числе «Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакраль-

ные объекты» [Буддийская традиция 2015] и «Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков» [Трансграничная культура 2016].

Публикации

В последние годы (2010–2020 гг.) сотрудниками сектора Монголии подготовлен и опубликован ряд новых, интересных коллективных и индивидуальных работ. Крупным событием в истории отечественного и мирового монголоведения стал выход в свет в 2016 г. последнего, четвертого, тома Собрания сочинений выдающегося российского монголоведа акад. Б. Я. Владимирцова «Письма. Неизданное» в серии «Классики российского востоковедения» [Владимирцов 2016]. В этом большая заслуга А. Д. Цендиной, одного из составителей и ответственного редактора тома.

В 2019 г. в истории российского монголоведения и российско-монгольских отношений произошло еще одно важное событие. Вышел из печати сборник «Монголия в документах из архивов ФСБ России. 1922–1936 гг.», подготовленный сотрудниками сектора Монголии ИВ РАН в кооперации с сотрудниками Центрального архива ФСБ [Монголия в документах 2019].

Тем самым была продолжена давняя традиция публикации новых архивных документов по истории русско-монгольских и советско-монгольских отношений. Особая актуальность и ценность этого сборника состоит в том, что, во-первых, это вообще первая в истории публикация документов о Монголии, хранящихся в архивах этого ведомства, которое сыграло особую роль в истории России и Монголии, а, во-вторых, в нем впервые опубликованы 163 новых, ранее засекреченных документа из Центрального архива ФСБ и архива УФСБ Омской области. Документы охватывают все основные сферы советско-монгольских отношений (политика, национальная безопасность, оборона, торговля, экономика, культура, религия, международные отношения). Тем самым в научный оборот введен крупный массив новых, важных, ранее недоступных архивных документов, которые проливают дополнительный свет на характер и особенности советско-монгольских отношений в указанный период.

В 2011 г. совместно с Институтом международных отношений АН Монголии была подготовлена и опубликована коллективная международная монография «Россия и Монголия на пути стратегического партнерства» [Россия и Монголия 2011].

В 2010–2020 гг. сотрудники сектора Монголии подготовили и опубликовали ряд индивидуальных монографий и сборников трудов, в том числе: М. И. Гольман — «Современная Монголия в оценках западных авторов» [Гольман 2010]; «Сборник избранных статей и докладов» [Гольман 2014], монография «Монголия глазами монголоведа (60–70-е годы XX века)» [Гольман 2019].

Была опубликована очередная, к сожалению, последняя монография С. К. Рощина «Д. Сухэ-Батор — национальный герой Монголии. Штрихи портрета» [Рощин 2011]. Вышли также монографии В. В. Грайворонского «Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX — начале XXI вв.» [Грайворонский 2014], «Монголия в начале XXI в. (политика, экономика, общество)» [Грайворонский 2017]; К. В. Орловой — «История захчинского буддийского монастыря (предисловие, перевод, комментариев, факсимиле)» [Орлова 2012]; «Христианизация калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII — начало XX вв.)» [Орлова 2018]; Е. В. Бойковой — «Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX вв.)» [Бойкова 2016].

С. Л. Кузьмин самостоятельно и в сотрудничестве с российскими и монгольскими коллегами опубликовал несколько исследований и работ по малоисследованным, ранее «непопулярным» темам, в том числе «Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г.» [Кузьмин, Оюунчимэг 2015], «Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX в.» [Кузьмин 2016], выступил ответственным редактором русского издания монографии известного монгольского историка, лауреата Государственной премии Монголии О. Батсайхана «Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды» [Батсайхан 2018], а также русского издания воспоминаний известного монгольского религиозного де-

ятеля Дилова-хутухты «Дилова-хутухта в Монголии. Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы» [Дилова 2018] и др.

Особо следует отметить большую, многолетнюю и плодотворную научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность А. Д. Цендиной, которая самостоятельно и в сотрудничестве с монгольскими и российскими коллегами опубликовала под грифом ИВ РАН ряд новых, оригинальных, ценных работ, в том числе «Образцы письменной традиции Северной Монголии: алфавиты, транскрипции, языки (XVII–XIX вв.)» [Цендина, Отгонбаатар 2014], «Желтая история (Шара туджи)» [Цендина 2017], «Жизнь, отраженная в текстах. Повседневность и культура Северной Монголии (XVII–XX в.)» (работа выполнена в 2018 г., но пока не издана); Каталог монгольских рукописей и ксилографов квартиры-музея Ц. Дамдинсурэна [Билгуудэй, Отгонбаатар, Цендина 2018].

Трудно переоценить огромное научное, образовательное, культурное и политическое значение издания Каталога монгольских рукописей и ксилографов квартиры-музея академика Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе, первого издания подобного рода, ставшего блестящим итогом многолетнего, целенаправленного, совместного труда сплоченного коллектива составителей каталога. Благодаря изданию этого каталога квартира-музей Ц. Дамдинсурэна становится новым, самостоятельным центром мирового монголоведения. Тем самым, А. Д. Цендина, дочь, ученица, помощник, последователь и продолжатель дела своего отца — академика Ц. Дамдинсурэна в высшей степени достойно продолжила дело, которому он посвятил большую часть своей жизни.

В 2017 г. две ранее изданные книги А. Д. Цендиной, в том числе «Удивительные записки, легенда о путешествии вокруг света» Агвана Доржиева» [Удивительные записки 2017] и «История Эрдэни дзу» были переведены на старомонгольский язык и изданы в Хух-хото (Внутренняя Монголия, КНР) [Erdeni juu-yin 2017].

В том же 2017 г. Международная ассоциация монголоведения впервые в истории мирового монголоведения провела своеобразный конкурс на определение лучшего

зарубежного монголоведа года и признала А. Д. Цендину лучшим монголоведом мира 2017 г. с вручением ей оригинального приза и денежной премии. Это важное событие следует рассматривать как высокое признание не только личных заслуг талантливого, целеустремленного и неутомимого исследователя Анны Дамдиновны Цендиной, но также и как признание заслуг российского монголоведения в целом.

Некоторые монографии С. К. Рощина, М. И. Гольмана, А. Д. Цендиной, С. Л. Кузьмина переведены на монгольский язык и изданы в Монголии при поддержке Института истории и археологии АН Монголии (директор — д-р ист. наук, проф. С. Чулуун, ученый секретарь — канд. ист. наук Н. Хишигт), Института языка и литературы АН Монголии (директор — канд. филол. наук, доцент Г. Билгуудэй), за что коллектив Сектора Монголии ИВ РАН выражает им искреннюю признательность и благодарность.

В 2010–2020 гг. усилиями главным образом сотрудников Сектора Монголии были организованы и проведены около 10 международных, общероссийских, межинститутских конференций и симпозиумов, материалы которых легли в основу опубликованных и находящихся в издательстве сборников: «Российское монголоведение» (Бюллетень № 6 2012) [Российское монголоведение 2012], «Россия, Китай и Монголия: вместе навстречу вызовам современности» [Россия, Китай 2013]; «Г. И. Слесарчук. Избранные статьи» [Слесарчук 2013], «Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века» [Халхин-гол 2013], «Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков в воспоминаниях родственников, коллег и друзей (К 100-летию со дня рождения Б. Ширендыба и С. Д. Дылыкова)» [Б. Ширендыб 2014]; «Я рад, что стал монголоведом. К 85-летию С. К. Рощина» [Я рад 2015], «Россия — Монголия: история, вызовы XXI в., перспективы» [Россия — Монголия 2017], «Владимирцовские чтения — VI» [Владимирцовские чтения 2017], «Монгольская цивилизация в фокусе российского востоковедения», «Победа на р. Халхин-гол (1939): в поисках исторической истины (решение об издании обеих работ будет принято 23.12.2020 на заседании редакционно-издательского совета ИВ РАН) и др.

Сотрудники Сектора Монголии участвуют в подготовке молодых востоковедов и монголоведов, дают консультации, выступают в качестве официальных оппонентов на защитах кандидатских и докторских диссертаций российских и монгольских аспирантов, докторантов и соискателей. Д-р филол. наук, проф. А. Д. Цендина в течение многих лет возглавляет кафедру монгольско-тибетской филологии в РГГУ.

Монголоведы Института принимают активное участие во многих международных, общероссийских, межинститутских и институтских научных мероприятиях, в том числе в международных конгрессах монголоведов в Улан-Баторе, конференциях и симпозиумах в Москве, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, Элисте и за рубежом (Монголия, КНР, Япония, США, Германия и др.).

Монголоведы ИВ РАН выступают в качестве экспертов, дают свои комментарии СМИ о текущих событиях в Монголии и российско-монгольских отношениях (К. В. Орлова, В. В. Грайворонский, М. И. Гольман, С. Л. Кузьмин, А. Д. Цендина). М. И. Гольман регулярно публикует статьи о событиях в Монголии в интернет-журнале ИВ РАН «Новое восточное обозрение».

Международное сотрудничество

Монголоведы ИВ РАН традиционно сотрудничают с Институтом истории и этнографии, Институтом международных отношений, Институтом языка и литературы АН Монголии, Институтом стратегических исследований АН и Совета национальной безопасности Монголии, Международной ассоциацией монголоведов, Международным институтом кочевых цивилизаций (штаб-квартира в Улан-Баторе) и др. Особо следует выделить тесное и плодотворное сотрудничество с Институтом истории и этнографии АНМ, который неоднократно оказывал помощь в организации совместных конференций, публикации совместных работ, а также индивидуальных работ монголоведов — С. К. Рощина, М. И. Гольмана, Г. И. Слесарчук, С. Л. Кузьмина.

По давней традиции монголоведная тематика, преимущественно связанная с историей Китая, Монголии, Монгольской империи, стран Центральной Азии, местом и ролью кочевых народов в мировой истории, в той или иной степени разрабатывается в

некоторых других отделах ИВ РАН, в том числе в Отделе Китая и Отделе истории Востока. Так, в Отделе истории Востока его руководитель, известный тюрколог, проф. Д. Д. Васильев в течение многих лет успешно занимается исследованием тюркских памятников на территории Монголии [Васильев 1978; Васильев 1983; Васильев, Горелик, Кляшторный 1993; Васильев 1995].

А. Ш. Кадырбаев специализируется на истории Юаньской (Монгольской) империи в Китае, ее взаимоотношений с народами Центральной Азии [Кадырбаев 1984; Султанов и др. 2015; и др.].

Ю. И. Дробышев на примере монгольских и тюркских скотоводов-кочевников Центральной Азии активно исследует актуальную экологическую тематику, историю взаимоотношений кочевых народов с окружающей средой, роль климатического фактора в политической истории Монголии и Центральной Азии, проблемы сакрализации верховной власти у кочевых народов [Дробышев 2014; Дробышев 2018; и др.].

Д. М. Тимохин изучает историю монгольских завоеваний в Центральной Азии, на Кавказе, в России [Тимохин 2013; и др.].

В Отделе истории Востока работает канд. ист. наук Б. У. Китинов, который специализируется на изучении истории буддизма у ойратов (западных монголов), подготовил и успешно защитил докторскую диссертацию [Китинов 2020; и др.].

Заведующий сектором средневековой и новой истории Китая канд. ист. наук С. В. Дмитриев самостоятельно и в кооперации с С. Л. Кузьминым разрабатывает отдельные малоисследованные, дискуссионные вопросы древней, средневековой, новой и новейшей истории Китая и Монголии, китайско-монгольских отношений в конце XIX – начале XX вв. [Дмитриев 2003; Дмитриев 2005; Дмитриев 2009; и др.].

Руководитель Центра японских исследований д-р ист. наук, проф. Е. Л. Катасонова, один из авторитетных специалистов по истории вооруженного конфликта в районе р. Халхин-гол в 1939 г., активно сотрудничает с монголоведами в организации конференций, посвященных памятным датам этих событий, в частности, международной научной конференции, посвященной 80-летию победы советско-монгольских войск над японо-маньчжурскими войсками, в ко-

торой приняли участие многие ведущие гражданские и военные специалисты из России, Монголии, Японии и Китая [Катасонова 2009; Катасонова 2013; Катасонова 2014].

Проблемы и перспективы

По нашему мнению, основные проблемы современного развития монголоведения состоят в следующем:

1) не разработана четко сформулированная концепция и программа развития отечественного востоковедения, включая монголоведение, в увязке с актуальными и стратегическими целями и задачами внешней политики России и потребностями отечественной науки;

2) недостаточное финансирование научных исследований, в том числе для публикации уже готовых работ, организации международных и национальных конференций, симпозиумов, «круглых столов» в России, для участия российских ученых в международных научных конференциях за рубежом, для осуществления активного, взаимовыгодного международного научного сотрудничества с соответствующими институтами Монголии, Китая, Японии, США, стран ЕС и др.;

3) идет естественный процесс старения и сокращения кадров высококвалифицированных монголоведов старшего поколения, отсутствует молодая смена, аспиранты, происходит очередной разрыв преемственности между старшим и молодым поколениями монголоведов, отсутствует система целенаправленной подготовки молодых монголоведов, у молодых монголоведов-выпускников Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете, Российском государственном гуманитарном университете и Московском государственном институте международных отношений МИД РФ нет стимулов и желания идти в науку;

4) институт испытывает дефицит специалистов по таким актуальным направлениям, как политические, социально-экономические и другие проблемы развития современной Монголии, история и современные отношения между Россией, Монголией и Китаем, экономика современной Монголии и ее место в региональной интеграции, средневековая, новая и новейшая история Монголии, эпоха Чингис-хана, Монголь-

ской империи, Золотой Орды, политология, филология, культурология, публикация архивных документов и др.;

5) недостаточная координация исследований между основными монголоведческими академическими и образовательными центрами в масштабе России.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, следует сделать несколько выводов. Во-первых, точка зрения некоторых российских, монгольских и других зарубежных коллег о том, что монголоведение в Институте востоковедения РАН «переживает кризис», «постепенно умирает», явно преувеличена и не соответствует действительности. Монголоведение хоть и не процветает, но продолжает развиваться, адаптируясь к существующим финансовым, кадровым и организационным условиям, стремится находиться на современном мировом уровне. Несмотря на ряд объективных и субъективных трудностей, монголоведы и другие востоковеды, разрабатывающие монголоведческую тематику, продолжают активно работать по избранным направлениям и утвержденным планам, пишут и публикуют новые, оригинальные, интересные труды по малоисследованным и актуальным проблемам монголоведения, вводят в научный оборот новые источники, памятники, архивные документы, изучают и анализируют опыт трансформации политической, экономической, социальной систем и культурной жизни современной Монголии.

Во-вторых, в условиях пересмотра прежней, советской, марксистско-ленинской концепции истории Монголии и российско-монгольских отношений в XX в., перед российскими монголоведами, историками, политологами, филологами, экономистами, культурологами стоит актуальная задача принять участие в создании обновленной, более полной, более объективной истории российско-монгольских отношений в XX в. с целью восстановить историческую правду, раскрыть и показать реальную позитивную роль СССР / России в истории Монголии XX в.

В-третьих, монголоведы ИВ РАН заинтересованы в продолжении традиционного научного сотрудничества со своими традиционными и новыми однопрофильными,

родственными академическими институтами и вузами России.

В-четвертых, монголоеды ИВ РАН также заинтересованы в сохранении и развитии традиционного, плодотворного сотрудничества с зарубежными коллегами Монголии, Китая, Японии, Республики Корея, США, Великобритании, Франции, Германии и других стран, в первую очередь с Между-

народной ассоциацией монголоведения, Институтом истории и этнографии, Институтом международных отношений, Институтом языка и литературы АН Монголии, Институтом стратегических исследований, Международным институтом ЮНЕСКО по изучению кочевых цивилизаций (Улан-Батор), Монгольский государственный университет и др.

Литература

- Буддийская традиция 2015 — Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: са-кральные объекты / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. М.: Наука; Вост. лит., 2015. 238 с.
- Батсайхан 2018 — *Батсайхан О.* Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды / отв. ред. русск. изд. С. Л. Кузьмин. М.: КМК, 2018. 406 с.
- Билгуудэй, Отгонбаатар, Цендина 2018 — *Билгуудэй Г., Отгонбаатар Р., Цендина А.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов квартиры музея Ц. Дамдинсүрэн / доп. транслит., индексы и ред. А. Туранской, Н. Ямпольской; ред. С. Байгалсайхан. Улан-Батор, 2018. 620 с. (На монг. яз.)
- Бойкова 2016 — *Бойкова Е. В.* Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: ИВ РАН, 2016. 262 с.
- Б. Ширендыб 2014 — Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков в воспоминаниях родственников, коллег и друзей (К 100-летию со дня рождения Б. Ширендыба и С. Д. Дылыкова) / сост., отв. ред. В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2014. 192 с.
- Васильев 1978 — *Васильев Д. Д.* Тюркская руническая надпись. Хэнтэй 1 // Советская этнография. 1978. № 3. С. 149–151.
- Васильев 1983 — *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. М.: Наука, 1983. 128 с.
- Васильев, Горелик, Кляшторный 1993 — *Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г.* Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды / отв. ред. Г. Ф. Валеева-Сулейманова. Казань: фонд им. М. Султангалиева, 1993. С. 33–44.
- Васильев 1995 — *Васильев Д. Д.* Orhun. Атлас древностей Монголии, изданный В. В. Радловым / сост., перев. на тур. яз., предисл. (Памяти В. В. Радлова). Анкара: ТИКА, 1995. 80 с. (In folio).
- Владимирцов 2016 — *Владимирцов Б. Я.* Письма. Неизданное / сост.: Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина; отв. ред. А. Д. Цендина. М.: Наука; Вост. лит., 2016. 390 с.
- Владимирцовские чтения 2017 — Владимирцовские чтения – VI / сост.-ред. К. В. Орлова, отв. ред. В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2017. 272 с.
- Гольман 2010 — *Гольман М. И.* Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2010. 190 с.
- Гольман 2014 — *Гольман М. И.* Избранные статьи и доклады. Улаанбаатар: Соёмбо, 2014. 322 с.
- Гольман 2019 — *Гольман М. И.* Монголия глазами монголоведа (60–70-е годы XX века). М.: ИВ РАН, 2019. 285 с.
- Грайворонский 2014 — *Грайворонский В. В.* Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX – начале XXI вв. / ИВ РАН. Лос-Анжелес; Улан-Батор: Агиймаа, 2014. 284 с.
- Грайворонский 2017 — *Грайворонский В. В.* Монголия в начале XXI в. (политика, экономика, общество). М.: ИВ РАН, 2017. 352 с.
- Дилова 2018 — *Дилова-хутухта* в Монголии. Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы / отв. ред. русск. изд. С. Л. Кузьмин. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2018. 352 с.
- Дмитриев 2003 — *Дмитриев С. В.* Монголы в XIII веке — мировая империя и проблемы сохранения национально-культурной идентичности // Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур. Мат-лы IV междунар. науч. симпозиума (г. Улан-Удэ, 25–28 сентября 2003 г.). Т. 3. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2003. С. 296–304.
- Дмитриев 2005 — *Дмитриев С. В.* Самый вли-

- ятельный христианин монгольской империи. Проблемы реконструкции биографии иноземца на монгольской службе // XXXV науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: ИВ РАН, 2005. С. 173–176.
- Дмитриев 2009 — *Дмитриев С. В.* К вопросу о Каракоруме // XXXIX науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ученые записки Отдела Китая. Вып. I. М.: ИВ РАН, 2009. С. 76–100.
- Дробышев 2014 — *Дробышев Ю. И.* Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. – XIV в. н. э.) / отв. ред. Д. Д. Васильев, науч. ред. Л. И. Лебедева; Ин-т востоковедения РАН. М.: МБА, 2014. 605 с.
- Дробышев 2018 — *Дробышев Ю. И.* Климат и ханы: роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2018. 264 с.
- Железняков 2016 — *Железняков А. С.* Монгольская цивилизация. История и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь мир, 2016. 288 с.
- Кадырбаев 1984 — *Кадырбаев А. Ш.* «Юаньши» как источник по истории кераитов и найманов // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. 1976–1977. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 254–259.
- Катасонова 2009 — *Катасонова Е. Л.* Халхин-Гол: 70 лет спустя // Япония 2009. Ежегодник. М.: ИВ РАН, 2009. С. 271–293.
- Катасонова 2013 — *Катасонова Е. Л.* Японские военнопленные в СССР: 1945–1956. Сб. док. Совместно с Гавриловым В. А. М.: Фонд «Демократия», 2013. 779 с.
- Катасонова 2014 — *Катасонова Е. Л.* Необъявленная война: к 75-летию событий на Халхин-Голе // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. 28 / гл. ред. В. О. Кистанов. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 189–200.
- Китинов 2020 — *Китинов Б. У.* Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 53 с.
- Кузьмин, Оюунчимэг 2015 — *Кузьмин С. Л., Оюунчимэг Ж.* Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М.: ИВ РАН; МБА, 2015. 138 с.
- Кузьмин 2016 — *Кузьмин С. Л.* Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX в. М.: КМК, 2016. 496 с.
- Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России. 1922–1936 гг. / науч. ред. В. В. Наумкин, отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
- Орлова 2012 — *Орлова К. В.* История захчинского буддийского монастыря (предисл., перев., коммент., факсимиле рукописи). М.: ИВ РАН, 2012. 202 с.
- Орлова 2018 — *Орлова К. В.* Христианизация калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII – начало XX вв.). М.: ИВ РАН, 2018. 400 с.
- Российское монголоведение 2012 — Российское монголоведение. Бюллетень № 6 / сост. К. В. Орлова, отв. ред. В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2012. 281 с.
- Россия – Монголия 2017 — Россия – Монголия: история, вызовы XXI в., перспективы. Мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией (г. Москва, ИВ РАН, 13–14 октября 2016 г.) / ИВ РАН; Ин-т истории и археологии АН Монголии; Ин-т социологии РАН. Улан-Батор: ADMON. 2017. 250 с.
- Россия и Монголия 2011 — Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / отв. ред.: Р. Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. ИВ РАН; Ин-т междунар. исследований. АН Монголии. М.: ИВ РАН, 2011. 440 с.
- Россия, Китай 2013 — Россия, Китай и Монголия: вместе навстречу вызовам современности. Мат-лы III междунар. науч. форума / отв. ред. Е. В. Бойкова. М.: ИВ РАН, 2013. 224 с.
- Роцин 2011 — *Роцин С. К. Д.* Сухэ-Батор — национальный герой Монголии. Штрихи портрета. Улан-Батор: Сэлэнгэ пресс, 2011. 280 с. (На рус. и монг. яз.)
- Слесарчук 2013 — *Слесарчук Г. И.* Статьи разных лет / ред. С. Чулуун, К. В. Орлова, А. Д. Цендина. Улан-Батор: Соёмбо принтинг ХХК, 2013. 220 с.
- Султанов и др. 2015 — *Султанов Т. И., Сыздыкова Ж. С., Кадырбаев А. Ш., Зайцев И. В.* История Центральной Азии: уч. пособ. Т. 1. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Моск. Гуман. Унта, 2015. 360 с.
- Тимохин 2013 — *Тимохин Д. М.* Соперник Чингиз-хана: хорезмшах Джелал-ад-Дин Манкбурны, личность и эпоха / отв. ред. А. Ш. Кадырбаев. М.: МБА, 2013. 268 с.

- Трансграничная культура 2016 — Бакаева Э. П., Орлова К. В., Музраева Д. Н. и др. Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков». Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“». 2016. 452 с.
- Удивительные записки 2017 — «Удивительные записки, легенда о путешествии вокруг света» Агвана Доржиева) [Oros] Ćendin-a sudulun emkidkebe (Публикация Цендиной А. Д. [Россия] // Mongyol sudulul-un surbulji biċig-ün ċiyulġan. Teŭke (= Собрание письменных источников по изучению Монголии. История) // Öber mongyol-un surġan kümŭjil-ün keblel-ün qoriy-a. Хух-хото: Педагог. изд-во Внутр. Монголии, 2017. 133 с.
- Халхин-гол 2013 — Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века / сост.-ред. Е. В. Бойкова. М.: ИВ РАН, 2013. 156 с.
- Цендина 2017 — Желтая история (Шара туджи) / пер. с монг., транслит., введ. и коммент. А. Д. Цендиной. Факсимиле рукописи (список А) // Памятники письменности Востока. CXLVII. М.: Наука; Вост. лит., 2017. 406 с.
- Цендина, Отгонбаатар 2014 — Цендина А. Д., Отгонбаатар Р. Образцы письменной традиции Северной Монголии: алфавиты, транскрипции, языки (XVII–XIX вв.). М.: ИВ РАН, 2014. 240 с.
- Я рад 2015 — «Я рад, что стал монголоведом. К 85-летию С. К. Рощина» / ИВ РАН; ИИА АН Монголии; сост. Е. В. Бойкова, отв. ред. С. Чулуун. М.; Улан-Батор, 2015. 296 с.
- Erdeni juu-yin 2017 — Erdeni juu-yin teŭke (= История Эрдэни дзу). [Oros] Ćendin-a sudulun emkidkebe (Публикация Цендиной А. Д. // Mongyol sudulul-un surbulji biċig-ün ċiyulġan. Teŭke (= Собрание письменных источников по изучению Монголии. История) // Öber mongyol-un surġan kümŭjil-ün keblel-ün qoriy-a. Хух-хото: Педагог. изд-во Внутр. Монголии, 2017. 276 с.
- References**
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Khishigt N., Enkhchimeg Ts. Buddhist Tradition in Kalmykia and Western Mongolia: Sacred Objects. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura, 2015. 238 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N. et al. Cross-Border Culture: Comparative Studies in Traditions of Western Mongols and Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2016. 452 p. (In Russ.)
- Batsaikhan O. 8th Jebtsundamba Khutukhtu. The Last Great Khan of Mongolia: Life and Legends. S. Kuzmin (ed.). Moscow: KMK, 2018. 406 p. (In Russ.)
- Bilguudey G., Otgonbaatar R., Tsendina A. Memorial House of Ts. Damdinsüren: A Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. A. Turanskaya, N. Yampolskaya (translit., indices, ed.); S. Baigalsaikhan (ed.). Ulaanbaatar, 2018. 620 p. (In Mong.)
- Boykova E. V. (comp.), Chuluun S. (ed.) 'I Am Glad to Have Become a Mongolist': Celebrating S. K. Roshchin's 85th Anniversary of Birth. Institute of Oriental Studies (RAS); Institute of History and Archaeology (Mongolian Academy of Sciences). Moscow; Ulaanbaatar, 2015. 296 p. (In Russ.)
- Boykova E. V. (comp., ed.) Khalkhin-Gol: A View from the 21st Century. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2013. 156 p. (In Russ.)
- Boykova E. V. (ed.) Russia, China, and Mongolia: Together Towards Contemporary Challenges. Forum Proceedings. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2013. 224 p. (In Russ.)
- Boykova E. V. Exploring Mongolia: Russian Military Researchers, Mid-19th to Early 20th Centuries. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 262 p. (In Russ.)
- Dmitriev S. V. Mongols in the 13th century: the World Empire and problems of retaining ethnocultural identity. In: Ethnocultural Education. Improving Training of Specialists in Traditional Cultures. Symposium Proceedings (Ulan-Ude; September 25–28, 2003). Vol. 3. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2003. Pp. 296–304. (In Russ.)
- Dmitriev S. V. The issue of Karakorum revisited. In: Society and State in China. Conference Proceedings. Ser.: Department of China Scholarly Notes. Vol. I. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2009. Pp. 76–100. (In Russ.)
- Dmitriev S. V. The most influential Christian in the Mongol Empire: problems of reconstructing a foreigner's biography. In: Svistunova N. P. (comp., ed.) Society and State in China. Conference Proceedings. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2005. Pp. 173–176. (In Russ.)

- Dorzhiev A. Magnificent Notes: The Story of My Journey Round the World. A. Tsendina (ed.). Ser.: Mongolia. Collected Written Sources. History. Hohhot: Inner Mongolia Pedagogical Press, 2017. 133 p. (In Mong.)
- Drobyshev Yu. I. Climate and Khans: Impact of the Climatic Factor on Central Asian Political History. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 264 p. (In Russ.)
- Drobyshev Yu. I. Man and Nature in Central Asian Nomadic Communities: 3rd Century BC – 14th Century AD. D. Vasilyev, L. Lebedeva (eds.). Institute of Oriental Studies (RAS). Moscow: MBA, 2014. 605 p. (In Russ.)
- Golman M. I. Contemporary Mongolia: Perspectives from the West. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2010. 190 p. (In Russ.)
- Golman M. I. Mongolia in the Eyes of a Mongolist: 1960–1970s. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 285 p. (In Russ.)
- Golman M. I. Selected Articles and Reports. Ulaanbaatar: Soembo, 2014. 322 p. (In Russ.)
- Grayvoronskiy V. V. (comp., ed.) B. Shirendyb and S. D. Dylykov in Memoirs by Their Relatives, Colleagues, and Friends: Celebrating 100th Anniversaries of Births. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2014. 192 p. (In Russ.)
- Grayvoronskiy V. V. Changes in the Social Standard of Living in Buryatia (Russia), Mongolia and Inner Mongolia (China) at the End of 20 – Beg. of 21 Cent. Institute of Oriental Studies (RAS). Los Angeles; Ulaanbaatar: Agiymaa, 2014. 284 p. (In Russ.)
- Grayvoronskiy V. V. Mongolia in the Early 21st Century: Policy, Economy, Society. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2017. 352 p. (In Russ.)
- History of the Erdeni Zuu Monastery (*Erdeni juu-yin teüke*). A. Tsendina (ed.). Ser.: Mongolia. Collected Written Sources. History. Hohhot: Inner Mongolia Pedagogical Press, 2017. 276 p. (In Mong.)
- History of the Zakhchin Buddhist Monastery. K. Orlova (foreword, transl., etc.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2012. 202 p. (In Russ. and Mong.)
- Jamsrangjab. Diluwa Khutugtu in Mongolia: Political Memoirs and Autobiography of a Buddhist Reincarnate Hierarch. S. Kuzmin (ed.). Moscow: Save Tibet Foundation, 2018. 352 p. (In Russ.)
- Kadyrbaev A. Sh. *Yuán Shǐ* as a source on the history of Keraites and Naimans. In: Written Monuments of the Orient. Studies in History and Philology. 1976–1977. Moscow: Nauka, GRVL, 1984. Pp. 254–259. (In Russ.)
- Katasonova E. L. An undeclared war – the 75th anniversary of the events at Khalkhin Gol. In: Kistanov V. O. et al. (eds.) Topical Issues of Contemporary Japan. Vol. XXVIII. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2014. Pp. 189–200. (In Russ.)
- Katasonova E. L. Japanese POWs in the USSR: 1945–1956. Collected Documents. Co-authored by V. Gavrilov. Moscow: Demokratiya, 2013. 779 p. (In Russ.)
- Katasonova E. L. Khalkhin Gol: 70 years later. In: Japan 2009. Yearbook. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2009. Pp. 271–293. (In Russ.)
- Kitinov B. U. Buddhist Factor in Political and Ethnic History of the Oirats: 1450s to 1771. Dr.Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2020. 53 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Mongolia: Theocratic State and Buddhist Church in the Early 20th Century. Moscow: KMK, 2016. 496 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. L., Oyuunchimeg Zh. 1932 Armed Rebellion in Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS); MBA, 2015. 138 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. (comp.), Grayvoronskiy V. V. (ed.) Mongolian Studies in Russia. Vol. 6. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2012. 281 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. (comp., ed.), Grayvoronskiy V. V. (ed.) Vladimirtsov Readings – VI. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2017. 272 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. Christianization of Kalmyks in the Context of Russia's Internal and External Policies: Mid-17th to Early 20th Centuries. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 400 p. (In Russ.)
- Orlova K. V., Grayvoronskiy V. V., Naumkin V. V. (eds.) Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 528 p. (In Russ.)
- Roshchin S. K. D. Sükhbaatar — National Hero of Mongolia. Strokes to the Portrait. Ulaanbaatar: Selenge Press, 2011. 280 p. (In Russ. and Mong.)
- Russia – Mongolia: History, Challenges of the 21st Century, and Perspectives. Celebrating the 95th Anniversary of Diplomatic Relations between Russia and Mongolia. Conference Proceedings (Moscow; October 13–14, 2016). Institute of

- Oriental Studies (RAS); Institute of History and Archaeology (Mongolian Academy of Sciences); Institute of Sociology (RAS). Ulaanbaatar: Admon, 2017. 250 p. (In Russ. and Mong.)
- Rybakov R. B., Khaisandai L. (eds.) Russia and Mongolia: Towards Strategic Partnership. Institute of Oriental Studies (RAS); Institute of International Studies (Mongolian Academy of Sciences). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2011. 440 p. (In Russ.)
- Slesarchuk G. I. Articles of Different Years. S. Chuluun, K. Orlova, A. Tsendina (eds.). Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2013. 220 p. (In Russ. and Mong.)
- Sultanov T. I., Syzdykova Zh. S., Kadyrbaev A. Sh., Zaytsev I. V. History of Central Asia. Vol. 1. 2nd ed., suppl. Moscow: Moscow University for the Humanities, 2015. 360 p. (In Russ.)
- The Yellow Annals (*Shar Tuuj*). A. Tsendina (translit., transl. etc.). Facsimile A. Ser.: Written Monuments of the Orient. Vol. CXLVII. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura, 2017. 406 p. (In Russ. and Mong.)
- Timokhin D. M. Genghis Khan's Rival: Khwarazm Shah Jalal ad-Din Mingburnu, Personality and His Era. A. Kadyrbaev (ed.). Moscow: MBA, 2013. 268 p. (In Russ.)
- Tsendina A. D., Otgonbaatar R. Examples of Northern Mongolia's Written Tradition: Alphabets, Transcriptions, Languages. 17th–19th Centuries. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2014. 240 p. (In Russ.)
- Vasilyev D. D. (comp.) Orhun: Atlas of Mongolia's Antiquities Published by V. V. Radlov. D. Vasilyev (transl., foreword). Ankara: TIKA, 1995. 80 p. (In Turk.)
- Vasilyev D. D. Corpus of Turkic Runic Monuments from the Yenisei River Basin. Moscow: Nauka. 1983. 128 p. (In Russ.)
- Vasilyev D. D. Khentii 1: Turkic runic inscription. *Sovetskaya etnografiya*. 1978. No. 3. Pp. 149–151. (In Russ.)
- Vasilyev D. D., Gorelik M. V., Klyashtorny S. G. States of Eurasian nomads: shaping imperial cultures. In: Valeeva-Suleimanova G. F. et al. (eds.) The Golden Horde. Glimpses of History. Kazan: Sultangaliev Foundation, 1993. Pp. 33–44. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Letters. The Unpublished. G. Slesarchuk, A. Tsendina (comps.); A. Tsendina (ed.). Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura, 2016. 390 p. (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S. Mongolian Civilization: Past and Present. Theoretical Rationales for the Atlas. Moscow: Ves Mir, 2016. 288 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 941–950, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941-950
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39 (=512.31)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941-950

Образ оленя-солнца и этноним бурятского племени Хори

Надежда Базаржаповна Дашиева¹

¹ Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-3652-2535. E-mail: dashieva-n@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Дашиева Н. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена этнониму самого многочисленного племени в составе бурятского этноса — племени Хори. Установлено, что отсутствие в этнографических исследованиях общепринятого мнения о происхождении племенного названия вызывает сложности в изучении его этногенеза и ранней этнической истории. *Целью* исследования является выявление языковых и историко-культурных индикаторов происхождения термина «хори» как этнонима бурятского племени Хори и выявление этимологии племенного этнонима. В качестве *материала* использованы тексты шаманских призываний хори-бурят, сведения монгольских письменных источников, сюжеты петроглифов северного берега Байкала. *Результаты.* Историко-сравнительный и историко-сопоставительный анализ материала с аналогичными фактами в культуре тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири показал, что словесное описание оленя-матери в шаманских текстах хоринских родов возводит его образ к скифо-сибирской канонической традиции изображения животных на каменных плитах, сопровождающих курганные захоронения в Западной и Северо-Западной Монголии, на Алтае и в Северной Туве. Историко-культурный и языковой этнические индикаторы возводят этимологию этнонима Хори к лексеме «хор» как названия солнца и его символа — оленя у кочевых ираноязычных племен бронзового и раннего железного века степей Центральной Азии и Южной Сибири. Общее культовое отношение к лебедю — тотемной птице со стороны материнского происхождения у хори-бурят, западных монголов и телеутов в сравнительно-сопоставительном анализе определяют этно- и культурную связь этнических предков племени Хори с тюркскими племенами с культом лебедя через этническое объединение «тумат», территориально связанное с Саяно-Алтаем. *Выводы.* Выявленные в исследовании сведения указывают на происхождение этнонима племени Хори в едином историко-культурном пространстве с кочевыми народами степей Центральной Азии — носителями культуры плиточных могил с культом солнца и культом оленя-предка в его женской ипостаси.

Ключевые слова: племя Хори, буряты, этноним, олень-солнце, лебедь, теле, тумат, «звериный стиль», кочевники

Для цитирования: Дашиева Н. Б. Образ оленя-солнце и этноним бурятского племени Хори // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 941–950. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941-950

UDC 39 (=512.31)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941-950

Image of the Deer-Sun and Ethnonym of the Khorі Buryats

Nadezhda B. Dashieva¹

¹ East Siberian State Institute of Culture (1, Tereshkova St., Ulan-Ude 670031, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-3652-2535. E-mail: dashieva-n@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Dashieva N. B., 2020

Abstract. Introduction. The article examines the ethnonym of the largest Buryat tribe — Khorі. The absence of universally accepted etymology thereof in Buryat ethnography significantly complicates ethnogenetic studies dealing with earliest ethnic history. **Goals.** The work seeks to reveal linguistic, historical, and cultural etymology-related properties of the term ‘Khorі’ in Buryat ethnonymic discourse. **Materials and Methods.** The article analyzes texts of Khorі Buryat shamanic invocations, data from Mongolian written sources, and petroglyphs from the northern shore of Lake Baikal. The materials have been studied using the methods of historical comparative, historical contrastive-comparative, cultural semantic and linguistic analyses, reference data being similar facts from cultures of Turko-Mongols inhabiting Central Asia and Southern Siberia. **Results.** The image of the Mother Deer described in shamanic texts of Khorі clans settled in the mouth of the Selenga River can be traced to the Scytho-Siberian canonical tradition of depicting animals on stone slabs that accompany burial mounds containing Caucasoid remains in the mountainous regions of Western and Northwestern Mongolia, similar to Pazyryk mounds of the Altai and Uyk mounds of Northern Tuva. Historical, cultural and linguistic ethnic indicators allow for the possibility the ethnonym ‘Khorі’ may derive from the word ‘*chor*’ used to denote the Sun and its symbol — Deer — among the Bronze and Early Iron Age nomadic Iranian-speaking tribes of Central Asia and Southern Siberia. A comparative insight into common traditions of worshipping the Swan — maternal totem bird of the Khorі Buryats, Western Mongols, and Teleuts — makes it possible to determine ethnic and cultural ties between ethnic ancestors of the Khorі and Turkic tribes with the Swan cult through the ethnic union referred to as ‘Toumat’ and geographically connected with the Sayan-Altai. The research shows that the origins of the ethnonym ‘Khorі’ is closely related to the history and culture of Central Asian nomads — representatives of the stone grave culture characterized by the solar cult and that of the Mother Deer.

Keywords: Khorі tribe, Buryats, ethnonym, swan, sun deer, Tele, Toumat, animal style, nomads

For citation: Dashieva N. B. Image of the Deer-Sun and Ethnonym of the Khorі Buryats. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 941–950. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941-950

Введение

В этнографии бурят до настоящего времени отсутствует общепринятое мнение о происхождении названия самого многочисленного в его составе племени — субэтнической группы Хори. Данное обстоятельство способствует сохранению дискуссионности

в вопросах его этногенеза и ранней этнической истории. Так, Б. Р. Зориктуев, посвятивший специальную статью анализу публикаций по проблеме этногенеза племени Хори, приходит к выводу, что с ростом их числа расширился и разброс противоречащих друг другу мнений [Зориктуев 2019: 18].

Целью исследования является выявление языковых и историко-культурных индикаторов происхождения слова «хори» как этнонима бурятского племени Хори и выявление этимологии этого этнонима. При постановке цели мы руководствуемся методическими указаниями известного историка-востоковеда, лингвиста И. М. Дьяконова о необходимости в исследованиях по этнической истории, прежде всего, установления того, являлось ли название народа самоназванием или же это было названием, применявшимся только соседями (иноназванием) [Дьяконов 1981: 90].

И. М. Дьяконов писал: «... если мы сможем установить, что некоторый этноним являлся самоназванием и определим ареал его употребления, то мы тем самым выделим некий исторический социум»; «Имея достоверное самоназвание и представление об ареале его распространения, мы можем получить дополнительные сведения, установив обстоятельства возникновения самоназвания и его перехода с части племени на целое или даже с одного племени на другое. При этом значительную дополнительную информацию может дать лингвистика через сравнительно-исторический анализ тех форм, в которых данное самоназвание-этноним засвидетельствован в письменных источниках» [Дьяконов 1981: 92].

История вопроса

В ряде публикаций, посвященных проблеме этногенеза и этнической истории племени Хори, его этноним возводится к предполагаемому самоназванию монголоязычных сяньбийцев как *дун-ху*, появление которых на исторической арене относится к I в. н. э. Так, Г. Н. Румянцев, указав, что корень *хор* лежит в основе многих названий монгольских племен, хорами называют монголов тибетцы, допускает вероятность того, что «хор — мн. (множественное. — Н. Д.) число от *хо* или *ху*. Тогда китайское наименование предков сяньбийцев — *дун-ху* — „северные варвары“, может быть истолковано и как „северные хоры“» [Румянцев 1962: 127]. Правомерность такого положения автор обосновывает мнением синолог В. П. Васильева, который в 1890 г. на основе того, что тибетцы монголов называли *хор*, полагал, что оно могло быть общим наименованием большой группы древних

протомонгольских племен, расселенных на большом пространстве от Прибайкалья до Восточной Монголии.

К названию *хор* данный исследователь возводит этноним средневекового населения Прибайкалья VI–X вв. — *курукан*, культура которых генетически связана с предшествующей ей культурой «плиточных могил» бронзового и раннего железного века Прибайкалья и Забайкалья [Румянцев 1962: 128].

Филолог и историк-монголовед Ц. Б. Цыдендамбаев, поддерживая взгляды Г. Н. Румянцева о связи племенного этнонима с предполагаемым самоназванием сяньбийцев как *дун-ху* — «северные хоры», считает «не лишеной основания гипотезу об отпочковании хоринцев от какой-то части хоров-сяньбийцев после распада их единства» [Цыдендамбаев 2001: 164].

К названию *дун-ху*, признавая их общими предками всех монголоязычных народов, возводит этноним *хори* и Б. Б. Дашибалов. Исходя из близости его звучания с этно- и топообразующим корнем *хор* со значением «солнце» в Иране, Средней Азии и Европе, исследователь предполагает, «что этноним *ху* или *хор* связан с древним индоиранским распространением и в дальнейшем стал самоназванием древних монголов» [Дашибалов 2005: 46–47].

Б. Р. Зориктуев со ссылкой на свои экспедиционные материалы, полученные в Тибете, свидетельствует, что *хор* у тибетцев является общим наименованием всех кочевых скотоводов независимо от их этнической принадлежности, а не только монголов [Зориктуев 2011: 25; Зориктуев 2019: 128].

Б. З. Нанзатов происхождение племени хори связывает со средневековым тюркоязычным населением Прибайкалья *Уч курыкан* («Три курыкана»), название которого возводит к древнетюркской лексеме *gurigan* со значением «стан, военный лагерь». Полагая, что хоринцы составляли один из трех лагерей, праформой его этнонима видит тюркские слова *gori* — *goru*, посредством которых передаются понятия «оберегать, охранять» [Нанзатов 2005: 18, 20; Нанзатов 2010: 343–344].

Каждое из приведенных мнений обнаруживает контекстную связь с отдельными вопросами, рассмотренными в трудах известного российского востоковеда, тибетолога

и монголиста, специалиста по тибетским письменным источникам и языку Ю. Н. Рериха, посвященных истории и культуре кочевых народов Тибета. Согласно изысканиям Ю. Н. Рериха, слово *хор* как название кочевых народов в его историческом и современном применении у тибетцев имеет разные значения. Исторически данным словом называли племена тюрко-монгольского происхождения [Рерих 1999а: 42], а в современном тибетском разговорном языке оно передает понятие «кочевник смешанного происхождения» независимо от их собственных родовых названий [Рерих 1999б: 89].

Историческую основу культурного единства *хоров* Тибета исследователь видит в элементах искусства «звериного стиля», ареал распространения которого ограничивается его северными областями и связывается с плиточными могилами, известными в области Нуп-Хор («Западный Хор»). Население этой области *хор-па* («хоры»), широко использующее предметы быта с орнаментом «звериного стиля», исторически относилось к центрально-азиатским племенам иранского и тюрко-монгольских корней [Рерих 1999а: 40, 41; Рерих 1999б: 93].

В контексте «звериного стиля» как признака культурного единства кочевых племен Тибета с общим названием *хор* рассмотрим возможность его проявления в этнониме бурятского племени Хори.

Хори-буряты и искусство «звериного стиля»

Непосредственная связь хори-бурят с населением плиточных могил и с искусством «звериного стиля» представлена в текстах шаманских призываний родов-переселенцев с северного берега Байкала и оз. Ольхон в устье Селенги. В этих текстах в паре божественных предков племени выступают орел-отец с «собственным именем» *Хан-Хута-баабай* (дух-хозяин оз. Ольхон) и богиня-прародительница с «собственным именем» *Шомшор Большая госпожа*, с «прозвищем» *Унэтэ Госпожа-мать* [Жамцарано 2001: 161].

Сочетание в образной характеристике богини-прародительницы бурятских слов *шомшор* (со значением «вытянутые губы») и *унэтэ* («волосатая / длинноволосая») указывает на стилизованные фигуры оленей с

длинными, вытянутыми наподобие птичьего клюва мордами и запрокинутыми на спину развесистыми рогами, концы которых туго закручивались. Такие олени изображены в позе летящего галопа на каменных плитах, известных в археологии как «оленные камни». Исторически «оленные камни» так же, как и культ оленя, и «звериный стиль», связаны с кочевыми скотоводческими племенами Западной и Северо-Западной Монголии, Тувы и Алтая эпохи ранней бронзы [Новгородова 1989: 173–174].

В шаманском призывании хори-бурят «собственное имя» богини вкупе со значением ее «прозвища» семантически перекликается с клишированным выражением «с гребневидными волосами» в характеристике богини-прародительницы огненной природы *Умай / Майлган / Mai-ана* в обрядово-ритуальных текстах тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири [Каруновская 1927: 27–28; Сагалаев 1990: 23–24].

Генеалогический миф племени хори, существующий в нескольких вариантах, его истоки возводит к женитьбе молодого охотника Хоридой-мэргэна на небесной девице-лебеди, которую он видит в образе прекрасной девушки, купающейся в озере. Юноша крадет лебединые одежды красавицы, и она становится его супругой. Дева-лебедь, прожив с Хоридом много лет, родив ему одиннадцать сыновей, в старости вновь преобразуется в свой птичий облик и улетает в небесный мир, наказав потомкам весной и осенью, встречая и провожая лебедей, брызгать им вслед молоком.

В различных вариантах мифа местом встречи прародителей племени указываются разные территории. Это легендарное для хоринцев озеро Садамтын Саган, находящееся где-то в далекой стране; имеется сюжет, в котором под названием Садамтын нур выступают три небольших озера на р. Лене. В наиболее распространенных вариантах мифа встреча отца-основателя племени с девицей-лебедницей происходит на северном берегу Байкала, или на острове Ольхон.

Иллюстрацию к байкальскому варианту сюжета мифа можно видеть в петроглифах бухты Ая и Саган-Заба («Белая Скала»), представленных в книге А. П. Окладникова «Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири» [Окладни-

ков 1974: 10–31; 32–39]. Автор, выделив среди петроглифов бухты Саган-Заба изображения оленей в позе с подогнутыми ногами и широко раскинутыми на голове рогами, видит в них сходство с оленями на бронзе тагарской культуры и «отчасти» с фигурами благородных оленей на оленных камнях Забайкалья. Эти рисунки датируются половиной I тыс. до н. э. [Окладников 1974: 77].

В группе рисунков с оленями, выполненных в канонической скифо-сибирской традиции, находятся семь фигур птиц, похожих на гусей или лебедей, расположенных вертикально одна над другой [Окладников 1974: 29; 136, 137 (табл. 11, 12)]. В изображениях лебедей А. П. Окладников обнаруживает «перекличку» с образом лебедя в мифе хоринцев о Хоридой или Хоридой-мэргэне, сочетавшемся браком на берегу Байкала с небесной девой-лебедом [Окладников 1974: 88–91].

Название лебедя у бурят *хун-шубуун* ('солнечная птица') происходит от тюркской лексемы *кун* со значением «солнце». В вариантах мифа к тюркскому названию лебедя *куба* восходит имя жены Хоредоя — *Хобоши-хатун* [Румянцев 1962: 150].

Тема «солнечная птица лебедь — мать-прародительница хоринских родов», рассмотренная в публикациях [Галданова 1992; Дугаров 1993; Цыдендамбаев 2001], получила логическое развитие в работах Б. Р. Зориктуева. Ученый, используя метод сравнительно-сопоставительного анализа сюжетов генеалогических мифов бурятских племен хори, хонгодор и рода шошолок с аналогичными сюжетами ряда тюркских племен, приходит к выводу о формировании тотемного культа лебедя — дочери солнечного божества, в связи с территорией Алтая, телескими племенными объединениями начала н. э. [Зориктуев 2018; Зориктуев 2019]. Согласно выводам исследователя озеро Садамтын Саган, где по одному из сюжетов хоринского мифа происходит встреча отца-основателя племени Хоредой-мэргэна с праматерью девой-лебедицей, — это местность Цайдам, расположенная между Монголией и Тибетом. Здесь происходил процесс этногенеза и ранней этнической истории племени Хори [Зориктуев 2019: 131; Зориктуев 2020].

В шаманском пантеоне кудинских бурят Предбайкалья Хоредой и его жена Хобожи-Монгон почитаются как добрые «сайтинские боги» (*сайтани бурхад*). К ним относили и духов-хозяев водных глубин с общим названием «Цари вод» (*Уһан-хат*). К сайтинским богам, живущим в великолепных сияющих дворцах у озера Садамтын Саган, приходят после смерти белые шаманы [Хангалов 1958: 391].

По нашему мнению, *сайтани* как общее название категории светлых, добродетельных для людей небесных богов, восходит к лексеме *ксай*, присутствующей в именах героев скифской мифологии. Согласно скифскому мифу, во времена их первого царя Таргитая, по своему имени и функциям связанного с образами индоевропейских богов-громовников, атрибутом которых являлся топор или молот, с неба упали пылавшие огнем три золотых предмета. Все они достались младшему из трех сыновей. Их имена Рипоксай, Липоксай и Колоксай, в первой части означающие соответственно «гора», «глубь» и «солнце», вкпе с присутствующими во второй части иранским элементом *ксай* со значением «царь, владыка», выступают как коды трехчастной по вертикали индоевропейской картины мира [Раевский 1992: 446, 447].

Фонетический вариант элемента *ксай* в форме *хшайта* — эпитета первых царей иранской мифологии — означал такие понятия, как «сияющий», «властвующий». Носителем его был и сын солнечного героя и сам подобный солнцу Йима, создавший по велению и с помощью Ахурамазды прекрасную благую обитель у горы Высокой Хары (Хара Березайти) и моря Воурукуша [Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 64]. Архетипом представлений кудинских бурят-шаманистов о месте нахождения светлых сайтинских божеств Хоредоя и его супруги-лебедицы, вероятно, явилось описание этой чудесной обители.

Параллели образам героев скифской мифологии в шаманизме бурят северного берега Байкала можно видеть в молитвенной просьбе, обращенной к духу-хозяину бухты Саган-Заба «спуститься молнией», стать бурханом с престолом между гор. В этих текстах мать-прародительница называется *Буга-хатан* ('Олень-царица'), а мужское божество выступает под табуированным

именем «Бурхан, имеющий изображение среди скал, Старец Буурал» [Окладников 1974: 19].

Образ божества с функциями бога-громоулика, спускающегося молнией, соотносим с одной из фигур на петроглифах бухты Саган-Заба. Это «Крупная антропоморфная фигура с рожками-развилками на голове и каким-то предметом, изображенным в виде поперечного стержня в опущенных вниз вдоль тела руках». Относительно значения этого предмета А. П. Окладников сообщает, что на табл. Н. Н. Агапитова, выполненной летом 1881 г., на конце стержня показана поперечная полоска, напоминающая боевой топор, секиру или молот [Окладников 1974: 11, 25, 26, 72, 132 (табл. 7)].

Изображения боевых топоров, находящиеся среди набора оружия на оленных камнях, стоящих около плиточных могил в Забайкалье, датируются VII–V вв. до н. э. — временем расцвета местной бронзовой культуры [Окладников 1976: 347, 352]. Аналогии им находятся в культурах скифского времени на территории Западной Монголии, Тувы и Алтая [Новгородова 1989: 263].

В искусстве кочевников бронзового века графическим символом солнца выступают свастические знаки, сопряженные с образом оленя. Преемственность с данной традицией можно видеть в мифах «старших» родов хоринского племени Шарат и Хангин, проживавших в Приангарье. В их сюжетах отцом девы-лебедицы называется Шара-Хасар-тэнгэри [Хангалов 1958: 405–406], имя которого в прямом переводе с бурятского языка осмысливается как «Желтая-Щека-тэнгэри» [Хангалов 1958: прим. ред. 2].

На наш взгляд, часть «Хасар» в структуре теонима может являться стяжением двух слов, каждое из которых лексически и семантически связано с образом солнца. У бурят графический символ солнца в виде свастического знака обозначается лексемой *хас* (*хас тамга*), а от корня *ар/аар* в тюрко-монгольских языках образуются термины культовой лексики, передающие понятия «сакральная чистота», «светлый», «священный», «великий». Так, имя высшего божества якутского пантеона — Урун Аар-тойон ('Белый Великий-господин'), он — персонификация солнца как источника жизни на земле, а его супруга носит имя Хубай-хатун ('Лебедь-госпожа'). Лексиче-

ски и семантически имя якутского божества имеет близость с *арья* — эпитетом богов в ведах [Сидоров 1997: 121–122].

В свете приведенного теоним небесного покровителя «старших» хоринских родов можно интерпретировать как «Тэнгри-Солнечного-Света», само солнце.

Кроме хори-бурят, традиция возведения своей родословной к лебедю как родовому тотему со стороны материнского происхождения распространена у монголов. Родословную олетских князей ведут от дочери Неба Хан Хормуста-тэнгри, представляя ее в образе лебедя. Лебедя считали своей пра-матерью баяты района Убса-нура [Эрдэнэ-болд 2012: 9, 73].

У некоторых родов баргутов невестка, впервые входя в дом, совершала обряд поклонения лебедю [Галзут 2008: 112]. Параллели культовому отношению к лебедю как тотему со стороны материнского рода у хоринцев, баятов, олетов и баргутов представлены в свадебных традициях телеутов. У телеутов мужчина преподносил в подарок убитого лебедя дяде по линии матери, если сватал его дочь [Потапов 1959: 20–22].

В исторической ретроспективе обычай монгольских этнических групп были обусловлены традицией заключения браков с девушками из тюркского по происхождению материнского рода, с тотемным культом лебедя. В контексте древнего обычая, пережитки которого сохранялись у телеутов, важно привести сообщение Д. А. Функа, что большая часть саяно-алтайских тюрков знает эту этническую общность под именем *байат* / *паячат*, а их легендарная родина связана с почитанием небесного божества Тумат-тенере [Функ 1997: 4, 45–47]. В шаманских текстах телеутов дух-покровитель реки Малый Бачат назывался «С девичьим ликом Куба-Кадын, уважаемый!» [Функ 1997: 56–57].

Территориальная связь между этническим «тумат» и этническим «телеут», позволяет рассматривать этно- и культурную общность этнических предков бурятского племени хори с телескими племенами с культом лебедя — тотема материнского рода через туматов.

Впервые в письменных источниках название бурятского племени хори засвидетельствовано в «Сокровенном сказании монголов», датированном 1240 г.: *Пара-*

граф 8. Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мергана, владельца Кол-баргучжин-догумского, была выдана замуж за Хорилартай-Мергана, нойона Хори-Туматского. Алан-гоа, их дочь, была рождена у Хорилартай-Мергана от Баргучжин-гоа в Хори-Туматской земле, в местности Арих-усун. *Параграф 9.* По той причине, что на родине, в Хори-Туматской земле, шли взаимные пререкания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями, Хорилартай-Мерган решил выделиться в отдельный род — *обок*, под названием Хорилар [Сокровенное сказание 1990: 12–13].

В монгольском источнике термин «хори» выступает в нескольких значениях, являясь: 1) основой личного имени вождя в форме Хорилартай; 2) частью названия самостоятельной политической единицы — Хори-Туматской земли; 3) названием самостоятельного отцовского рода Хорилар.

Сочетание «Хори-Туматская земля» и «нойон (владелец) Хори-Туматский» могло произойти лишь при условии, если хоринцы и туматы проживали на смежных территориях. У Рашид-ад-дина читаем: «кори, баргу, тумат и байаут», ... «из коих некоторые суть монголы» и обитают в местности Баргуджин-Токум» ... [Рашид-ад-дин 1952: 121], расположенной у Байкала. Вместе с тем источник сообщает о более раннем месте расселения туматов в верховьях Енисея, известного как Секиз-мурэн (Восьмиречье), «в древности по течению этих рек сидело племя тумат» [Рашид-ад-дин 1952: 118].

В сочетании Хори-Тумат хоринцы выступают как часть туматов, и, лишь выделившись из этого союза в отдельный отцовский род, становятся носителями этнонима «хори». В форме этнического названия Хорилар часть «лар» является окончанием множественного числа в тюркских языках. Что касается части «тай» в имени Хорилартай, то согласно указанию Рашид-ад-дина у монгольских народов в начале II-го тыс. н. э. суффикс «тай» выступал показателем принадлежности к роду по мужской линии [Рашид-ад-дин 1952: 77]. Между тем в прошлом у бурят оно означало родовое божество, связанное с представлениями о женщине-прародительнице [Балдаев 1959: 9].

Предположительно, у алтайских тюрков первоначально термин «тай» относился ко всем родственникам по линии матери, лишь впоследствии им стали обозначать брата

матери как представителя материнской семьи [Дыренкова 1937: 20–21]. В этимологическом словаре тюркских языков центральным значением термина является «дядя по материнской линии». Исходя из этого Э. В. Севортян допускает, что «компонент тай-дай во всех сочетаниях и сращениях ... по логике функционирует, вероятно, в значении „мать“» [Севортян 1974: 128].

В свете положения, согласно которому в древнем обществе тотем сопровождал материнскому роду, а название тотема становилось названием рода, — структурообразующим центром социальной общины с этнонимом «хори», заключавшей браки с тюркскими родами с культом лебедя со стороны материнской линии происхождения, выступала тотемическая группа с культом оленя-солнца с иранским названием «хор».

Кем же были этнические предки большого круга тюрко-монгольских племен с тотемным культом лебедя и оленя?

На высоком головном уборе молодой женщины из захоронения с плато Укок на Алтае прикреплены пятнадцать деревянных фигурок лебедей и двух оленей, один из которых изображен стоящим на шаре. На запястье женщины, принадлежащей к европеоидному компоненту в пазырыкской культуре, изображена голова оленя с большими рогами [Полосьмак 1999: 36–41].

Семантическую функцию войлочных фигурок лебедей, набитых оленьей шерстью, найденных при раскопках Пятого Пазырыкского кургана среди деталей погребальной повозки, П. П. Азбелев объясняет воззрениями об их способности проникать в разные миры [Азбелев 2019]. В традиционной культуре хори-бурят и монголов эти воззрения выражались в ритуале кропления женщинами молоком при встрече прилетающих весной лебедей. В то же время у ойрат-монголов существовал строгий запрет даже провожать взглядом улетающих осенью водоплавающих птиц, считалось, что вместе с ними человека может покинуть благополучие. По поверьям ойрат-монголов и тюрков Южной Сибири, осенью птицы улетали в «иной», «верхний» мир.

Семантика оленьей шерсти проявляется в обычае западных монголов. Так, у захчинов в семьях, где держали коров, хранили шерсть оленя [Эрдэнэболд 2012: 72].

В глубокой исторической ретроспективе эти представления выражали отношение к оленю как символу солнца — источнику, дарующему жизнь и плодородие.

Заключение

Историко-культурный и языковой этнические индикаторы возводят этимологию этнонима бурятского племени хори к лексеме «хор» — названию солнца и его символа

— оленя у кочевых ираноязычных племен бронзового и раннего железного века степей Центральной Азии.

Ирано-тюркское «хоролар» — собирательное название групп с культом оленя-солнца — в тюрко-монгольской среде персонифицировалось в имя мифического прародителя отцовского рода Хорилартай, в бурятской мифологии перешедшее в форму Хоридой/Хоридай.

Литература

- Азбелев 2019 — *Азбелев П. П.* Пазырыкские лебеди // Актуальные вопросы истории кыргызского народа: прошлое, настоящее и будущее: Сб. статей в честь 70-летия кыргызского историка и востоковеда А. М. Мокеева / редкол.: К. Белек, Н. Абдимиталип уулу. Бишкек: Издат дом. «Global Print», 2019. С. 277–284.
- Балдаев 1959 — *Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 180 с.
- Бонгард-Левин, Грантовский 1983 — *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1983. 206 с., ил.
- Галданова 1992 — *Галданова Г. Р.* Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX — первая половина XX в.). Новосибирск: Наука. 1992. 172 с.
- Галзут 2008 — *Галзут Тубиинима.* История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / введ. ст. и прим. Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой; транслит., пер. со старомонг. Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 188 с.
- Дашибалов 2005 — *Дашибалов Б. Б.* На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.
- Дугаров 1993 — *Дугаров Д. С.* К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии / отв. ред. Б. Р. Зориктуев. Новосибирск: Наука. 1993. С. 207–235.
- Дыренкова 1937 — *Дыренкова Н. П.* Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Советская этнография. 1937. № 4. С. 18–45.
- Дьяконов 1981 — *Дьяконов И. М.* К методике исследований по этнической истории («ким-мерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.) / редкол.: М. С. Асимов и др. М.: Наука, 1981. С. 90–100.
- Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. / сост.: В. Ц. Лыскова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. 380 с.
- Зориктуев 2011 — *Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.
- Зориктуев 2019 — *Зориктуев Б. Р.* К истории племенной группы хори // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 3 (43). С. 13–19.
- Зориктуев 2018 — *Зориктуев Б. Р.* О малоизвестных аспектах этнической истории хори // Проблемы социально-экономического развития Сибири: научный журнал. 2018. № 4(34). С. 127–132.
- Зориктуев 2020 — *Зориктуев Б. Р.* Наян-Нава и проблема этногенеза бурятской племенной общности хори // Научный диалог. 2020. № 5. С. 393–423. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423
- Каруновская 1927 — *Каруновская Л. Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 6. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 19–36.
- Нанзатов 2005 — *Нанзатов Б. З.* Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.) Иркутск: ЗАО Рекламно-полиграф. центр «Радиян», 2005. 155 с.
- Нанзатов 2010 — *Нанзатов Б. З.* Тюркский пласт бурятской этнонимии эпохи господства тюркских каганатов // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / отв. ред. серии П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 330–350.
- Новгородова 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 382 с.

- Окладников 1974 — *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 161 с.: табл.
- Окладников 1976 — *Окладников А. П.* Олений камень с реки Иволги // А. П. Окладников. История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. С. 343–360.
- Полосьмак 1999 — *Полосьмак Н. В.* Алтайская леда: Удивительная находка российских археологов // Родина. 1999. № 4. С. 34–41.
- Потапов 1959 — *Потапов Л. П.* Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения лебедя у хакасов) // Советская этнография. 1959. № 2. С. 18–30.
- Раевский 1992 — *Раевский Д. С.* Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира. Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1992. С. 445–450.
- Рашид-ад-дин 1952 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / пер. Л. А. Хетагурова. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 212 с.
- Рерих 1999а — *Рерих Ю. Н.* Звериный стиль у кочевников Тибета // *Рерих Ю. Н.* Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы. Самара: Издат. дом «Агни», 1999. С. 29–50.
- Рерих 1999б — *Рерих Ю. Н.* Кочевые племена Тибета // *Рерих Ю. Н.* Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы. Самара: Издат. дом «Агни», 1999. С. 88–94.
- Румянцев 1962 — *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.
- Сагалаев 1990 — *Сагалаев А. М.* Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов: сб. науч. тр. / отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск: Наука, СО, 1990. С. 21–34.
- Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Сидоров 1997 — *Сидоров Е. С.* Якутские лексические сходжения. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. Вып. 1. 146 с.
- Сокровенное сказание 1990 — Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1990. 147 с.
- Функ 1997 — *Функ Д. А.* Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. М.: ИЭА РАН, 1997. 268 с.
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 551 с.
- Цыдендамбаев 2001 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные, как источники по истории бурят. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Рес. тип.», 2001. 255 с.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Лхагвасурэн.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / пер. на рус. яз.: Ганбат Нямдаг, С. Б. Миягашева, Ж. Б. Бадагаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

References

- Azbelev P. P. Pazyryk swans. In: Kairat Belek, Nursultan Abdimalip uulu (eds.) The Actual Problems of Kyrgyz History: Past, Present and Future. Collection of Articles Dedicated to the 70th Birth Anniversary of Orientalist and Historian Prof. A. Mokeev. Bishkek: Global Print, 2019. Pp. 277–284. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Buryat Wedding Rites. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1959. 180 p. (In Russ.)
- Bongard-Levin G. M., Grantovsky E. A. From Scythia to India. Aryan Peoples: Myths and History. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Mysl, 1983. 206 p. (In Russ.)
- Dashibalov B. B. Turko-Mongolian Frontier: Ethnocultural Processes in Medieval Southeastern Siberia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Siberian Branch of RAS), 2005. 202 p. (In Russ.)
- Dugarov D. S. The Khongodor: ethnic origins revisited. In: Zoriktuev B. R. (ed.) Ethnic History of Southern Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Nauka. 1993. Pp. 207–235. (In Russ.)
- Dyakonov I. M. The ‘Cimmerians’: ethnic history research methods revisited. In: Asimov M. S. et al. (eds.) Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period (2nd Millennium BC). Moscow: Nauka, 1981. Pp. 90–100. (In Russ.)
- Dyrenkova N. P. Vestiges of the maternal clan among Altaian Turks. *Sovetskaya etnografiya*. 1937. No. 4. Pp. 18–45. (In Russ.)
- Erdenebold Lkhagvasuren. Traditional Beliefs of Oirat Mongols: Late 19th – Early 20th Centuries. Ganbat Nyamdag, S. Miyagashewa, Zh. Badagarov (transl.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Siberian Branch of RAS), 2012. 196 p. (In Russ. and Mong.)

- Funk D. A. Teleut Shamanism: Traditional Ethnographic Interpretations and New Research Opportunities. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 1997. 268 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Zakamna Buryats: Historical and Ethnographic Essays, Mid-19th – Mid-20th Centuries. Novosibirsk: Nauka. 1992. 172 p. (In Russ.)
- Galzut Tubshinima. The Barghut (Barga Mongols): History of Origins. D. Nimaev, L. Badmaeva (foreword, comments); L. Badmaeva, Yu. Badmaeva (translit., transl.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Siberian Branch of RAS), 2008. 188 p. (In Russ. and Mong.)
- Jamtsarano Ts. Travel Diaries: 1903–1907. V. Lyksokova, Ts. Vanchikova, I. Kulganek (comps.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2001. 380 p. (In Russ.)
- Karunovskaya L. E. Child-related beliefs and rites of the Altaians. In: Museum of Anthropology and Ethnography. Collected Papers. Vol. 6. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1927. Pp. 19–36. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Collected Works. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1958. 551 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. Ethnogenesis of Western Buryats: 6th to 19th Centuries. Irkutsk: Radian, 2005. 155 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. Turkic stratum in Buryat ethnonymy: the era of Turkic Khaganates. In: Kononov P. B. (ed.) Ethnic and Cultural Genesis in the Baikal Region (Middle Ages). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Siberian Branch of RAS), 2010. Pp. 330–350. (In Russ.)
- Novgorodova E. A. Ancient Mongolia: Some Issues of Chronology and Ethnocultural History Revisited. Moscow: Nauka, 1989. 382 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. A deer stone from the Ivolga River Valley. In: Okladnikov A. P. History and Culture of Buryatia. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1976. Pp. 343–360. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Petroglyphs of Lake Baikal — Monuments of Ancient Siberian Culture. Novosibirsk: Nauka, 1974. 161 p. (In Russ.)
- Polosmak N. V. The Altaian Lady: a fascinating discovery by Russian archaeologists. *Rodina*. 1999. No. 4. Pp. 34–41. (In Russ.)
- Potapov L. P. Revisiting earliest family forms and related religious beliefs: swan gift tradition of the Khakass people. *Sovetskaya etnografiya*. 1959. No. 2. Pp. 18–30. (In Russ.)
- Raevsky D. S. Scytho-Sarmatian mythologies. In: Tokarev S. A. (ed.) *Myths of the World*. Vol. 2. Moscow: Rossiyskaya Entsiklopediya, 1992. Pp. 445–450. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Collected Manuscripts. L. Khetagurov (transl.). Vol. 1. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 212 p. (In Russ.)
- Roerich Yu. N. Nomadic tribes of Tibet. In: Roerich Yu. N. Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations. Samara: Agni, 1999. Pp. 88–94. (In Russ.)
- Roerich Yu. N. The animal style among the nomads of Northern Tibet. In: Roerich Yu. N. Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations. Samara: Agni, 1999. Pp. 29–50. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. Origins of the Khoris Buryats. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1962. 265 p. (In Russ.)
- Sagalaev A. M. The Life-Giving Bird: Turko-Ugric mythological parallels revisited. In: Gemuev I. N. (ed.) *Worldviews of the Finno-Ugric Peoples*. Novosibirsk: Nauka, 1990. Pp. 21–34. (In Russ.)
- Servortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with Vowels. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Turk. and Russ.)
- Sidorov E. S. Yakut (–Turkic) Lexical Affinities. Yakutsk: Yakutsk State University, 1997. Vol. 1. 146 p. (In Russ.)
- The Secret History of the Mongols. S. Kozin (transl.). Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1990. 147 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Chronicles and Genealogical Tables as Sources in Ethnic History. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2001. 255 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. Ethnic History of Mongols and Buryats: Topical Issues. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. 278 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. Nayan-Nava and the ethnogenesis problem of the Buryat tribal community of Khoris. *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 5. Pp. 393–423. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423
- Zoriktuev B. R. On the little-known aspects of the ethnic history of the Khoris. *Issues of Socio-Economic Development of Siberia*. 2018. No. 4(34). Pp. 127–132. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. To the history of the Khoris tribal group. *Bulletin of Kalmyk University*. 2019. No. 3 (43). Pp. 13–19. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 4, pp. 951–960, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-951-960
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-951-960

Лиса в фольклоре и религиозно-магической практике башкир

Азалия Фаттаховна Илимбетова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-7945-9559. E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Илимбетова А. Ф., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу пережитков культа лисы у башкир, которая являлась одним из почитаемых животных в их древних религиозно-мистических представлениях. *Целью* работы является изучение культа этого животного у башкир во всех его проявлениях в быту и хозяйственной жизни по данным фольклора, этнографии и других материалов. *Материалы и методы.* Основными источниками являются опубликованные этнографические, фольклорные, лингвистические сведения, а также полевые материалы автора по данной проблеме. Методологическую основу исследования составили принцип аналитического, ретроспективного и сравнительно-исторического анализа литературных, этнографических, фольклорных и лингвистических источников. *Результаты.* В работе впервые систематизированы и проанализированы различные материалы по культу лисы у башкир, что дает возможность воссоздать те или иные аспекты этнической истории башкирского народа, а также способствует выявлению исторических и генетических корней их духовной культуры. Введены в научный оборот новые фольклорные и этнографические сведения, переведенные автором на русский язык. *Выводы.* В традиционном мировоззрении башкир о лисе лежат идеи их тождества и родства друг с другом, возможности взаимного перевоплощения и отсутствия принципиальной разницы между ними — все это составляет суть древнейших представлений человека о его месте в окружающем мире. В фольклоре башкир сохранились реликты веры в происхождение отдельных их родовых групп от лисы. Лиса как тотемический предок выступает в роли покровительницы и помощницы людей, дарит им здоровье, благополучие и семейное счастье. В устной словесности башкир имеются материалы о признании лисы зооморфным божеством, хозяйкой природы и олицетворением солнца. В народной хореографии прослеживаются следы обряда, посвященного чествованию лисы как тотема и тотемического предка. В обычаях и поверьях башкир лиса как сакральное существо была табуированным животным.

Ключевые слова: башкиры, лиса, культ, верования, фольклор, мировоззрение, традиции

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Илимбетова А. Ф. Лиса в фольклоре и религиозно-магической практике башкир // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 951–960. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-951-960

UDC 398

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-951-960

Fox in Bashkir Folklore and Religious-Magical Practices

Azaliya F. Ilimbetova¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7945-9559. E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ilimbetova A. F., 2020

Abstract. *Introduction.* The article analyzes vestiges of the fox cult among Bashkirs. The animal used to be a most revered one in religious and mystical beliefs of the nation. *Goals.* The work seeks to study the fox cult in all its manifestations in everyday life and economic activities on the basis of folklore, ethnographic and other materials. The main sources involved are ethnographic, folklore, linguistic publications, as well as the author's field data. *Methods.* The research rests on theoretical, retrospective and comparative historical analyses of the mentioned sources. *Results.* The study is first to analyze various data on the fox cult among Bashkirs, which makes it possible to reconstruct some aspects of Bashkir ethnic history and is also instrumental in identifying the historical and genetic roots of ethnic spiritual culture. The paper employs new folklore and ethnographic materials, and introduces them into scientific discourse. *Conclusions.* The traditional ethnic worldview contains the idea of kinship and identity between Bashkirs and the fox; the former proclaims a possibility of mutual reincarnation and somewhat absence of any fundamental difference between the latter — all this to constitute the essence of the ancient man's ideas about his place in the world. Folklore and rituals maintain vestiges of faith that individual clan groups are descended from the fox. When viewed as a totemic ancestor, the fox takes on the roles of a patroness, protector, adviser and helper of people that gives health, prosperity and family happiness. Bashkir oral literature contains materials that recognize the fox as a zoomorphic deity, the mistress of nature and personification of the sun. In everyday traditions and folk choreography, there are traces of a totemic ritual of honoring the fox as a totem and totemic ancestor. Being a sacred creature, the fox was a tabooed animal in customs and beliefs of the Bashkirs.

Keywords: Bashkirs, fox, cult, beliefs, folklore, worldview, traditions

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Ilimbetova A. F. Fox in Bashkir Folklore and Religious-Magical Practices. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 951–960. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-951-960

Введение

Культовый животный является наиболее важной частью древнего политеистического мировоззрения многих народов мира, в том числе и башкир. К почитаемым башкирами животным относилась лиса (*тәлкө*), ее образ часто встречается в их религиозно-мистических представлениях, традиционном

мировоззрении и фольклоре [Илимбетова, Илимбетов 2012: 8–31; Семенов 1966: 332–333, 434–438].

Исследование пережитков почитания лисы дает возможность воссоздать те или иные аспекты этнической истории башкирского народа, а также способствует выявлению исторических и генетических корней их

духовной культуры. К сожалению, проблеме образа лисицы (лиса) в культуре и традиционном мировоззрении башкир до сих пор не уделялось должного внимания. Целью работы является изучение культа лисы у башкир во всех его проявлениях в быту и хозяйственной жизни по данным фольклора, этнографии и других материалов.

Лиса в устном народном творчестве, обычаях и родовой этнонимии

В устном народном творчестве, ритуале и быте башкир лисицы (лисы) обладают теми же качествами, что и человек. Они разговаривают, мыслят, переживают, страдают, радуются по-человечески, дружат и действуют подобно людям. Так, в сказке «Йблис төлкө» («Лиса-дьявол») они обзаводятся хозяйством, в рассказе «Төлкө менән бесәй» («Лиса и кот») делают запасы продуктов, в байке «Торна менән төлкө» («Журавль и лиса») ходят друг к другу в гости как добрые соседи и друзья [БНТ 2009: 63–64, 66, 85] и т. д.

Общепризнано, что приписывание животным антропоморфных, а человеку — зооморфных свойств является пережитком древнейших тотемических представлений о тождестве, единстве отдельных коллективов (стада) пралюдей и животных-тотемов, о способности их трансформироваться друг в друга [Авдеев 1959: 70; Семенов 1966: 332–

333; и др.]. Вполне допустимо полагать, что в стародавние времена подобные суждения были характерны и для культа лисы.

Данное предположение подкрепляется богатыми фольклорными и этнографическими источниками. Например, в устном творчестве башкир зарегистрировано немало мифологических мотивов о метаморфозе лисицы (лиса) в человека и фольклорных героев — в лисицу (лиса). Так, в сказке «Караса-батыр» лиса выдает себя за дочь Курен-мяс-хана [БНТ 1978: 128]. В устном рассказе «Котан-батыр» лисица превращается в дочь царя, остается вместо нее заложницей у аждахи (драконообразный персонаж башкирской мифологии), а потом, восстановив свое прежнее звериное обличье, убегает от него в лес [БНС 1941: 101–102].

В сказании «Бире кызы Бирәнһылыу» («Биранхылу — дочь бире») лисица могла обрести вид девушки, а в другой раз выдает себя за муллу (исламский служитель культа) [БНТ 1976а: 144–148].

В башкирской легенде «Золотой волос» в изложении П. П. Бажова молодой охотник погнался за лисцей, которую никак не мог подстрелить. Она ткнулась носом в землю, поднялась сухонькой старушкой, няней Златовласки [Бажов 1997: 398–405].

Лиса загадывается как девушка и в следующих башкирских загадках:

*«Кызыл билле кыз килде,
Кыланды ла югалды».*

‘Пришла девица с красной талией
Пококотничала и исчезла’.

*«Кылансык кыз кырза йөрөй,
Кыр тауыгын кыра йөрөй».*

‘Кокетливая девица гуляет по полю,
Истребляет серых куропаток’.

[БНТ 2007: 124].

Есть веские основания думать, что в прошлом башкирам были присущи и предсудки о способности людей обернуться лисцей (лисом). М. Х. Мингажетдинов, изучая персонажи башкирских волшебных сказок, отмечает, что их герои — чудесные мужчины и женщины часто выступают в образе диких животных — медведя, волка, лисы и др. [Мингажетдинов 1971: 123].

Как нам представляется, в пользу данного высказывания говорят и вышеописанные случаи перевоплощения лисы (лиса) в людей, которые в свою очередь **сами вновь превращаются в лисицу** (лиса). Данное суждение подкрепляется и практикой но-

шения в недавнем прошлом молодыми башкирскими мужчинами головного убора из лисьей шкуры или лап с пришитыми к задней части головного убора лисьим хвостом (вариант: двумя хвостами) или лисьей мордочки [Шитова 1995: 93].

Как известно, первобытные люди верили в возможность принять облик почитаемого животного, накинув на плечи или натянув на свою голову его шкуру (морду, рога и т. п.) [Илимбетова, Илимбетов 2012: 39–40, 79–80, 82–84, 292]. Вполне допустимо полагать, что и башкирский обычай ношения шапок из лисьей шкуры с хвостами или мордочки является рудиментом древне-

го обряда трансформации человека в тотемного животного — в лису.

В представлениях башкир сохранились не только дериваты взаимного отождествления человека и лисы, но и отголоски мировоззрения о генезисе отдельных этнических общностей от лисы. Так, в составе юмран-табынцев Александровского района Оренбургской области [Агишева 2005], балыкчинцев Аскинского района Республики Башкортостан (РБ) [Камалов, Камалова 2007: 122, 137], кошсинцев Артинского района Свердловской области [Кузеев 1957: 48–57] и гайнинцев Бардымского района Пермского края [Миржанова 1991: 241] взяты на учет родовые подразделения под названием *төлкө* ('лиса'). Есть достаточно оснований отнести эти этнонимы к реликтам веры охотников, рыболовов и собирателей древнекаменного века в кровнородственные связи между отдельными группами людей и лисом-тотемом.

Общепризнанно считать, что на заре человеческой истории с формированием идеи о тождестве отдельных групп людей и определенных видов животных их начали воспринимать как субъекты единой общности, в результате чего зоонимы тотемных животных стали и этнонимами, и коллективными антропонимами тотемных групп людей [Белков 2004: 136–138; Семенов 1966: 332–333; и др.].

Подобные идеи послужили той базой, на основе которых сложились убеждения о родстве человека и тотемного животного, о генерировании их друг от друга. Поэтому такие этнонимы сопровождалась, как правило, генеалогическими мифами о порождении той или иной тотемной группы людей от зооморфного тотемического предка. Вполне правомерно строить гипотезу, что и вышерассмотренные башкирские микро-этнонимы *төлкө* ('лиса') когда-то имели дополнения в виде генеалогических легенд о происхождении их носителей от лисы — тотемического предка или лисицы-праматери.

В фольклорных и бытовых традициях башкир лиса как тотемический предок наделяется необыкновенными дарованиями оказать благотворное влияние на жизнь и судьбы людей. Так, по поверьям башкир Учалинского района РБ, лисы способны предвидеть ход событий [ФЭМ 2012: 109].

В мифе «Хэйләкәр төлкө» («Хитрая лиса») бежавший от охотников волк просит старика-лесоруба спрятать его. Рубщик леса засовывает зверя в мешок, вешает его на дерево и, когда преследователи уходят, выпускает хищника на волю. Неблагодарный зверь грозит съесть своего спасителя. Тут появляется лиса, она, узнав суть дела, просит волка показать, как дровосек выручил его из беды. Как только бирюк залезает в торбу, лиса велит мужику завязать мешок и унести его домой [БНТ 2009: 114–115].

В рассказе «Ас айыу, төлкө, егет» («Голодный медведь, лиса, парень») лиса спасает дровосека от лап медведя-людоеда. Лесорубу удастся при помощи хитрой лисицы крепко завязать косолапую веревкой к телеге и отдубасить его колом [БНТ 1976а: 54].

В сказке «Изгелеккә-изгелек» («Добром за добро») лиса вызволяет легковерного рубщика леса из отчаянного положения: он по своей простоте освобождает из-под тяжелого камня змею, которая обещает не жалить его. Но стоило человеку приподнять камень, змея тут же обвивается вокруг его шеи. Встретившаяся им лиса хитростью добивается того, что змея ложится на прежнее место, а человек придавливает ее тем же камнем. Лиса говорит змее: «Коль не умеешь отвечать добром за добро, лежи здесь, пока не сдохнешь!» [Башкирский фольклор 1995: 158–159].

В новелле «Ике бер туған» («Два брата») звери-помощники егета, в частности, лиса, оживляют убитого героя, зализав его раны [БНТ 1976б: 164–166].

В волшебном рассказе башкир Учалинского района РБ «Шәғәл» («Шагали») мальчик, убегая от мяскяй-людоедки, взбирается на вершину громадного дерева. Людоедка начинает рубить дерево. Но валить его ей мешает лиса. Она подходит к ней и говорит: «Дай-ка помогу тебе. А то, гляжу, ты устала». Мяскяй соглашается, отдает ей топор и ложится спать под деревом. Лиса лижет подрубленный ствол — заруб в тот же миг затягивается, бросает топор в озеро и убегает прочь. Выспавшаяся мяскяй вновь начинает рубить дерево, но тут прибегают собаки Шагали и разрывают кровопийцу на части [БНТ 1976а: 190–197].

Сказка аналогичного содержания («Алтын ашык» / «Золотая бабка») записана и у башкир Хайбуллинского района [Кунакасо-

ва 2005]. В мифе «Малай менэн кызыкай» («Мальчик и девочка») брат с сестренкой теряются в лесу, лиса становится их верной спутницей, ловит им на пропитание плавающую в озере утку, охраняет мальчика от преследовавших его змей, дважды вырывает его из лап смерти [Рухи мираҫ 2008: 19–23].

В фольклорной прозе «Алтын кауырһын» («Золотое перо») благодарная лиса советует егету не притрагиваться к золотому перу, иначе, мол, много горя хлебнешь. Она подсказывает юноше, где обитают золотая птица и волшебный морской конь, как добраться туда и поймать (укротить) их [БНТ 1978: 170–181].

В эпосе «Һуңғы һартай» («Последний из рода сартай») сообщается, что тамгой, знаком собственности башкирского рода «һартай» («соловый стригунок»), был «хвост лисицы» [БНТ 1999: 289]. Возможно, в древности у сартаевцев лисица числилась покровительницей их рода, охранительницей родовой собственности. Кстати, необходимо отметить, что башкиры приписывали чудодейственные качества и другим частям лисицы. Так, бурзяне Бурзянского района РБ, чтобы обезопасить жизнь и здоровье малолетних детей, вешали к их колыбели лисий клык. Надежным магическим свойством обладает, по их мнению, и антропоним «Төлкөбай» (досл. төлкө ‘лиса’ + бай ‘богатый’: такое имя давали новорожденному ребенку при смерти предыдущих младенцев в семье. Последний обычай был известен и в Салаватском районе РБ [ПД Илимбетова 1966: 6, 31].

Лиса фигурирует в амплуа поборницы людей и в бытовых традициях башкир. В этом плане представляют определенный интерес архивные данные о том, что в прошлом волостное начальство (а в более ранние времена, возможно, и родоплеменные вожди) носило нагрудный знак с изображением лисьей головы [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 23. Ед. хр. 5].

На наш взгляд, апотропейную функцию выполнял и бронзовый колокольчик с изображением лисьих голов, обращенных в противоположные стороны [Ахмеров 1996: 31–32]. По всей видимости, он был предметом шаманского культа, который защищал его, или помогал ему при камлании и проведении других колдовских обрядов. По мне-

нию исследователей, удвоение символа (на нашем примере, головы лисы) усиливало охранительную силу апотропея, защищало его владельца от злых сил со всех сторон [Голубева 1979: 38; Обыденнов, Миннигулова 1985: 109]. Вот почему у башкир положительную нагрузку несли не только изображения лисицы, но и встреча с ней наяву или во сне. Так, башкиры Большеглушицкого района Самарской области благосклонно интерпретировали встречу в пути с лисой — это к желанному исходу дела [Һамар 2008: 126]. Особенно много суеверий зафиксированы в связи со сновидением о лисе. Если приснится лиса, то башкиры Салаватского, Кигинского, Чишминского, Туймазинского, Кугарчинского районов РБ воспринимали его как доброе предзнаменование (*изгелеккә*) [ПД Илимбетова 1966: 10, 22, 35, 48].

Лиса — покровительница семьи, рожениц и младенцев

В фольклорно-мифологических материалах башкир лиса предстает как необычайная патронесса плодородия, попечительница брака, семьи, рожениц и младенцев. В частности, в башкирской сказке «Төлкө менэн егет» («Лиса и юноша»), записанной в Давлекановском, Илишевском, Ишимбайском и Стерлитамакском районах РБ, добродетельная лиса хитрыми проделками женит бедного юношу на дочери бая и находит для молодоженов хороший дом. Лиса помогает героям народных произведений «Караса-батыр», «Биранхылу — дочь бире» и «Золотой волос» обвенчаться с дочерьми Куренмяс-хана, царя бесов или мифического Полоза, хозяина подземных кладовых драгоценных металлов. В новелле айлинских башкир Аргаяшского района Челябинской области «Акыллы бесәй менән Таз» («Умный кот и Плешивый») десять лисиц соглашаются быть калымной платой за царскую дочь, и плешивый становится зятем царя [БНТ 1976а: 97–101, 341].

Связь лисицы с созданием семьи, установлением брачных отношений всплывает и в поверье башкир Кугарчинского района РБ о том, что если девушке или юноше приснится лисица — это к замужеству или женитьбе [ПД Илимбетова 1966: 42].

В легенде башкир Учалинского района РБ «Серле күл» («Таинственное озеро») говорится, что во время сильного наводне-

ния от проливного дождя некая беременная женщина оказывается одна в безбрежном водном пространстве. Ей удастся ухватиться за выступ камня. Она услышала визг лисы, сидящей на толстом суке огромной лиственницы. Женщина забирается на тот же сук дерева и, прижавшись спиной к лисе, рождает сына. Вдруг прекращается ливень, появляется солнце, сходятся воды, образуя озеро, возникает суша. Лиса, радостно взвизгнув, прыгает на землю и исчезает. Молодая женщина с сыном также спускаются вслед за лисой на берег озера и обосновываются в той местности [ФЭМ 2012: 109]. Как нам кажется, данная легенда является позднейшим переложением древнейшего эсхатологического мифа о мировом потопе, в котором в живых остаются только беременная женщина и лиса. Лиса показывает беременной женщине путь для спасения, выполняет миссию повитухи и показывает молодой матери пригодность образовавшейся суши для проживания людей и животных.

Лиса в традиционной медицине

Рудименты умозрений о лисе как о защитнице и опекушке людей укоренились в традиционной медицине башкир. Так, в магических приемах лечения различных недугов широко использовались те или иные части тела лисы и вырабатываемые в ее организме секреты. К примеру, при болезни детей рахитом (*өсйән*) им давали пить настой, изготовленный из высушенной лисьей желчи (*үт*). Раствор порошка, соскобленного от высушенной лисьей желчи, считался лекарственным средством при лечении малярии (*тапма*) [ПД Илимбетова 1966: 37], такую микстуру принимали и от кашля (*юткерек*) [ЭМ 2006: 146].

При ангине (*кәмбә*) лисьей желчью смазывали горло пациента, такую процедуру делали на больное место при появлении на теле опухолей и нарывов (*яман шеш*). Лисью желчь капали в глаза при катаракте (*күзгә ак һалыу*). При эпилепсии (*быума*) башкиры носили при себе амулет (*бетеү*), написанный лисьей желчью. При лечении легочных заболеваний (*үпкә ауырыуы*) рекомендовалось есть лисье мясо. В Бурзянском районе РБ больного малярией кормили лисьим мясом, купали его в лисьем бульоне

и клали рядом с ним лисий череп. Башкиры Баймакского района РБ при ревматизме обертывали ноги лисьей шкурой [ПД Илимбетова 1966: 64].

Лиса в религиозно-мистических воззрениях и бытовых традициях

Как известно, в процессе дальнейшего развития тотемизма, представления о тотемических предках эволюционировали к образам зооантропоморфных племенных и межплеменных божеств-демиургов, культурных героев и высших духов — покровителей природной и социальной сфер. Этнографические и фольклорно-мифологические материалы показывают, что подобного пути перехода к новому состоянию не избежал и культ лисы. В этом контексте нельзя не отметить работы Р. Ю. Аккубекова и Р. Т. Алмухановой, в которых выдвигаются тезисы о том, что в башкирской мифологии лиса олицетворяет собою зооморфное божество, хозяйку природы, и, благодаря рыжему (огненному) цвету, ее связывают с солнцем [Аккубеков 2006: 10; Алмуханова 2011: 36].

Божественная ипостась лисы находит отражение и в мотивах негативного ее восприятия в устных традициях ряда народов мира. Ведь прежде чем стать отрицательными фольклорно-мифологическими персонажами, все зооморфные тотемические предки ценились как полубожественные существа, олицетворение сакральных начал. Они стали отрицательными типами в результате борьбы мировых религий (буддизма, иудаизма, ислама и христианства) с пережитками первобытных религиозных верований и культов в сознании людей. Так, по суевериям башкир, обитающие в пещерах оборотни, вредоносные силы, духи отдельных видов болезней, злокозненные дивы могут принимать вид черно-бурой лисицы [Даль 1989: 172–188; Хисамитдинова 2010: 303].

Реликты культа лисы проявляются и в бытовых традициях башкир. Несомненно, в их число входит сольный танец «Төлкө бейеүе» («Танец лисы»). Исполнитель пляски в шапке с пришитыми двумя лисьими хвостами стремился воспроизводить в танце все движения и повадки ловкой, увертливой и хитрой лисы [Солтангәрәева, Баймырзина 2009: 50]. Не исключено, что данный

танец был составной частью, компонентом какого-то обряда, праздника, посвященного лисице. К такому выводу побуждает нас выявление его некоторых элементов у самых различных народов Евразии и Америки.

В религиозно-мистических воззрениях башкир лиса как сакральное существо значится в качестве табуированного животного. К примеру, во время охоты на лис нельзя было произносить вслух зооним *төлкө* ('лиса'). На охотничьем жаргоне ее (его) называли иносказательно *көлтә койрок* 'пушистохвостая' или *йылтыр күз* 'блестяще-глазая' [Киреев 1976: 72].

По суевериям башкир Учалинского района, нельзя трогать (обижать) лису, надо остерегаться от ее (его) заклятия [ФЭМ 2012: 109]. Башкиры Александровского района Оренбургской области включают в список запрещенных для потребления в пищу мясо лисы [Агишева 2005]. В записанной в 1770 г. И. И. Лепехиным легенде о Туратау говорится, что на той горе некий человек «гонялся за лисицей без всякого обета.., был растерзан пегим медведем» [Лепехин 1802: 33].

Заключение

Исходя из вышеизложенных материалов, можно сделать вывод, что в фольклоре, религиозно-мистических взглядах башкир лисы наделяются теми же биологическими, психическими и физическими качествами, что и человек. Они разговаривают, мыслят, переживают, страдают, радуются, дружат по-человечески, ведут человеческий образ жизни. В устном народном творчестве башкир сохранилось немало пережитков тотемических пред-

ставлений о тождестве, единстве человека и лисы, о способности их перевоплощаться друг в друга. Мифологии башкир были присущи мотивы о происхождении отдельных этнических общностей (родов и родовых подразделений) от лисы. Лиса как тотемический предок выступает в роли покровительницы, защитницы, советницы и помощницы людей, дарит им жизнь, здоровье, благополучие и семейное счастье. Видимо, в основе сказки «Таинственное озеро» лежит древнейший эсхатологический миф о всемирном потопе, где лиса фигурирует как попечительница беременной женщины, показывает ей путь к спасению, способствует ей в разрешении от бремени ребенком, будущим предком отдельного родового подразделения, отправляется в разведку проверить пригодность образовавшейся суши для проживания людей и животных. В устной словесности башкир имеются косвенные свидетельства о признании лисы зооморфным божеством, хозяйкой природы и олицетворением солнца. В бытовых традициях, в народной хореографии прослеживаются следы тотемического обряда, посвященного чествованию лисы как тотема и тотемического предка. В обычаях и поверьях башкир лиса как сакральное существо была табуированным животным. Мотивы негативной характеристика лисы в фольклоре, обычаях и суевериях связаны с тем, что в древности не все этнические образования, вошедшие в состав башкирского народа, почитали лису как тотем и тотемического предка, и эти воззрения нашли отражение в их религиозно-мифологических представлениях.

Источники

НА УФИЦ — Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 23. Ед. хр. 5.
ПД Илимбетова 1966 — Полевой дневник Ф. Ф. Илимбетова. 1966 // Архив семьи Илимбетовых.

Полевые материалы автора

Агишева 2005 — Информант Рамзия Агишева, 1939 г. р. Запись 2005 г., д. Канчирово Александровского района Оренбургской области.
Кунакасова 2005 — Информант Алтынбика Кунакасова, 1936 г. р. Запись 2005 г., с. Акъяр Хайбуллинского района Республики Башкортостан.

Sources

Field Diary of Fattah F. Ilimbetov. 1966. At: Family Archive of the Ilimbetovs. (In Bash.)
Ufa Federal Research Centre of the RAS, Scientific Archive. Coll. 3. Cat. 23. Item 5. (In Russ.)

Author's Field Data

Informant: Altynbika Kunakasova, b. 1936 (Akyar, Khaybullinsky District, Republic of Bashkortostan). Rec. in 2005. (In Bash.)
Informant: Ramzia Agisheva, b. 1939 (Kanchirovo, Aleksandrovsky District, Orenburg Oblast). Rec. in 2005. (In Bash.)

Литература

- Авдеев 1959 — *Авдеев А. Д.* Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. М.; Л.: Искусство, 1959. 266 с.
- Аккубеков 2006 — *Аккубеков Р. Ю.* Башкирские народные сказки о животных: типология и взаимосвязь с письменными источниками: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 28 с.
- Алмуханова 2011 — *Алмуханова Р. Т.* Отражение солярного культа в казахском и башкирском фольклоре // *Этногенез. История. Культура. I Юсуповские чтения: мат-лы Межд. науч.-практ. конф., посв. памяти Р. М. Юсупова (г. Уфа, 17–19 ноября 2011 г.).* Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 36–40.
- Ахмеров 1996 — *Ахмеров Р. Б.* Об истоках декоративно-прикладного искусства башкирского народа. Уфа: Китап, 1996. 64 с.
- Бажов 1997 — *Бажов П. П.* Золотой волос // Башкирия в русской литературе: в 6 т. / сост. М. Г. Рахимкулов. Т. 4. Уфа: Китап, 1997. С. 398–405.
- Белков 2004 — *Белков П. Л.* Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 288 с.
- БНС 1941 — Башкирские народные сказки / запись и перев.: А. Г. Бессонов; ред., введен. и прим.: Н. К. Дмитриев; под общ. ред. акад. И. Ю. Крачковского. Уфа: Башгосиздат, 1941. 368 с.
- БНТ 1976а — Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 1. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1976. 380 с.
- БНТ 1976б — Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 2. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1976. 376 с.
- БНТ 1978 — Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 3. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978. 351 с.
- БНТ 1999 — Башкирское народное творчество. Т. 4. Эпос. Уфа: Китап, 1999. 400 с.
- БНТ 2007 — Башкирское народное творчество. Т. 9. Загадки. Уфа: Китап, 416 с.
- БНТ 2009 — Башкирское народное творчество. Т. 13. Сказки о животных. Уфа: Китап, 2009. 200 с.
- Башкирский фольклор 1995 — Башкирский фольклор. Исследования и материалы / сост. Б. С. Баймов. Вып. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1995. 204 с.
- Голубева 1979 — *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979. 112 с.
- Даль 1989 — *Даль В. И.* Башкирская русалка // Башкирия в русской литературе: в 6 т. / сост. М. Г. Рахимкулов. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. Т. 1. С. 172–188.
- Илимбетова, Илимбетов 2012 — *Илимбетова А. Ф., Илимбетов Ф. Ф.* Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 704 с.
- Камалов, Камалова 2007 — *Камалов А. А., Камалова Ф. У.* Башкорт теленең тарихи-этимологик топонимик һүзлеге (= Историко-этимологический топонимический словарь башкирского языка). Өфө: Китап, 2007. 331 б.
- Киреев 1976 — *Киреев А. Н. (Кирей Мэргэн).* Башкорт халкының йола фольклоры буйынса күзәтеүҙәр (= Исследования обрядового фольклора башкирского народа) // *Әзәбиәт. Фольклор. Әзәби мирас (= Литература. Фольклор. Литературное наследие).* Кн. 2. Өфө: Изд-во Баш. гос. ун-та, 1976. С. 72–75.
- Кузеев 1957 — *Кузеев Р. Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1957. 183 с.
- Лепехин 1802 — *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина, по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1802. Ч. 2. 345 с.
- Минһажетдинов 1971 — *Минһажетдинов М. Х.* Башкорт әкиәттәрен тарихи-сағыштырма өйрәнеүгә карата (= К историко-сравнительному изучению башкирских сказок) // *Агидель.* 1971. № 9. С. 123–125.
- Миржанова 1991 — *Миржанова С. Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 296 с.
- Обыденнов, Миннигулова 1985 — *Обыденнов М. Ф., Миннигулова Ф. М.* Древнее искусство Башкирии. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1985. 150 с.
- Рухи мирас 2008 — *Рухи мирас: Свердловск башкорттарының фольклоры (= Духовное наследие: фольклор свердловских башкир).* Уфа: Дел. дин., 2008. 256 с.
- Семенов 1966 — *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М.: Наука, 1966. 576 с.
- Солтангәрәева, Баймырзина 2009 — *Солтангәрәева Р. Ә., Баймырзина Г. В.* Башкорт бейеү фольклоры: боронғо һәм бөгөнгөһө (= Танцевальный фольклор башкир: прошлое и настоящее). Өфө: Белая река, 2009. 98 б.

ФЭМ 2012 — Фольклор экспедицияһы материалдары-2011: Учалы районы (= Материалы фольклорной экспедиции-2011: Учалинский район). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 156 с.

Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.

Һамар 2008 — Һамар, Һарытау өлкәһе башкорттарының рухи хазинаһы (= Духовное бо-

гатство башкир Самарской и Саратовской областей) / сост.: Р. А. Султангареева и др. Уфа: Дел. дин., 2008. 284 с.

Шитова 1995 — *Шитова С. Н.* Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 240 с.

ЭМ 2006 — Экспедиция материалдары – 2003: Йылайыр районы (= Экспедиционные материалы – 2003: Зилаирский район). Уфа: Изд-во МО РБ, 2006. 251 с.

References

- Akhmerov R. B. Bashkir Decorative and Applied Arts: Origins Revisited. Ufa: Kitap, 1996. 64 p. (In Russ.)
- Akkubekov R. Yu. Bashkir Animal Tales: Typology and Interrelation with Written Sources. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2006. 28 p. (In Russ.)
- Almukhanova R. T. The solar cult in Kazakh and Bashkir folklore. In: Ethnogenesis. History. Culture. 1st Yusupov Readings. Conference Proceedings (Ufa; November 17–19, 2011). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of RAS), 2011. Pp. 36–40. (In Russ.)
- Avdeev A. D. Origins of Theatre. Theatrical Elements in Prehistoric Society. Moscow, Leningrad: Iskusstvo, 1959. 266 p. (In Russ.)
- Baimov B. S. (comp.) Bashkir Folklore: Studies and Materials. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of RAS), 1995. Vol. 2. 204 p. (In Bash and Russ.)
- Bashkir Folklore. Vol. 13: Animal Tales. Ufa: Kitap, 2009. 200 p. (In Bash. and Russ.)
- Bashkir Folklore. Vol. 4: Epic. Ufa: Kitap, 1999. 400 p. (In Bash. and Russ.)
- Bashkir Folklore. Vol. 9: Riddles. Ufa: Kitap, 416 p. (In Bash. and Russ.)
- Bashkir Folklore: Tales. Vol. 1. Ufa: Bashkir Book Publ., 1976. 380 p. (In Bash. and Russ.)
- Bashkir Folklore: Tales. Vol. 2. Ufa: Bashkir Book Publ., 1976. 376 p. (In Bash. and Russ.)
- Bashkir Folklore: Tales. Vol. 3. Ufa: Bashkir Book Publ., 1978. 351 p. (In Bash. and Russ.)
- Bazhov P. P. The Golden Hair. In: Rakhimkulov M. G. (comp.) Bashkiria in Russian Literature. In 6 vols. Ufa: Kitap, 1997. Vol. 4. Pp. 398–405. (In Russ.)
- Belkov P. L. Myth and Totem in Aboriginal Australian Society. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2004. 288 p. (In Russ.)
- Dal V. I. The Bashkir Rusalka. In: Rakhimkulov M. G. (comp.) Bashkiria in Russian Literature. In 6 vols. Ufa: Bashkir Book Publ., 1989. Vol. 1. Pp. 172–188. (In Russ.)
- Expedition Materials – 2003: Zilairsky District (Republic of Bashkortostan). Ufa: Ministry of Education (Republic of Bashkortostan), 2006. 251 p. (In Bash.)
- Golubeva L. A. Zoomorphic Decorative Items of Finno-Ugrians. Moscow: Nauka, 1979. 112 p. (In Russ.)
- Ilimbetova A. F., Ilimbetov F. F. Bashkir Myth and Ritual Tradition: Animal Cult. 2nd ed. Ufa: Bashkortostan Academy of Sciences, Gilem, 2012. 704 p. (In Russ.)
- Kamalov A. A., Kamalova F. U. Bashkir Toponymic Dictionary: Historical Etymologies. Ufa: Kitap, 2007. 331 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. Mythological Dictionary of the Bashkir Language. Moscow: Nauka, 2010. 456 p. (In Russ.)
- Kireev A. N. (Kirei Mergen) Studies in Bashkir ritual folklore. In: Literature. Folklore. Literary Heritage. Ufa: Bashkir State University, 1976. Vol. 2. Pp. 72–75. (In Bash.)
- Krachkovsky I. Yu. (ed.) Bashkir Folk Tales. A. Bessonov (rec., transl.), N. Dmitriev (ed., foreword, comments). Ufa: Bashkir Book Publ., 1941. 368 p. (In Russ.)
- Kuzeev R. G. Essays on Bashkir Historical Ethnography. Vol. 1: Bashkir Clan and Tribal Units, 17th–18th Centuries. Ufa: Bashkir Book Publ., 1957. 183 p. (In Russ.)
- Lepekhin I. I. Across Different Provinces of the Russian State: 1770 Travel Notes of Ivan Lepekhin, Academician and Medical Doctor. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1802. Part 2. 345 p. (In Russ.)
- Materials of 2011 Folklore Expedition: Uchalinsky District (Republic of Bashkortostan). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of RAS), 2012. 156 p. (In Bash.)

- Mingazhetdinov M. Kh. Bashkir tales: a comparative historical study. *Agidel'*. 1971. No. 9. Pp. 123–125. (In Bash.)
- Mirzhanova S. F. Northwestern Dialect of the Bashkir Language: Genesis and Present-Day State. Ufa: Bashkir Book Publ., 1991. 296 p. (In Russ.)
- Nazershina F. et al. Spiritual Heritage: Folklore of Sverdlovsk Bashkirs. Ufa: Del. Din., 2008. 256 p. (In Bash.)
- Obydenov M. F., Minnigulova F. M. Ancient Arts of Bashkiria. Ufa: Bashkir Book Publ., 1985. 150 p. (In Russ.)
- Semenov Yu. I. How Mankind Emerged. Moscow: Nauka, 1966. 576 p. (In Russ.)
- Shitova S. N. Traditional Bashkir Clothing. Ufa: Kitap, 1995. 240 p. (In Russ.)
- Sultangareeva R. A., Yaykarova Z. I. (eds.) Spiritual Wealth of Samara and Saratov Bashkirs. Ufa: Del. Din., 2008. 284 p. (In Bash.)
- Sultangareeva R. A., Baimurzina R. A. Bashkir Dance Folklore: Past and Present. Ufa: Belaya Reka, 2009. 98 p. (In Bash.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 961–975, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-961-975
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.54; 39:930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-961-975

К вопросу о традиционных путешествиях и дорожной культуре башкир

Эльза Венеровна Мигранова¹, Лейсан Хакимьяновна Шангараева²

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, Проспект Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-8227-2357. E-mail: mig.el@mail.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, Проспект Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 соискатель
 0000-0002-8328-8382. E-mail: all.lejsan@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Мигранова Э. В., Шангараева Л. Х., 2020

Аннотация. *Введение.* Правила дорожной культуры, выработанные на протяжении веков, издавна занимали важное место в традиционном мировоззрении и быту башкир. *Актуальность.* Феномен дорожной культуры и путешествия у башкир до настоящего времени изучен еще недостаточно, и данная статья призвана в какой-то мере устранить существующий пробел и ввести в научный оборот новые данные. *Целью* данной статьи является систематизация материалов, относящихся к традиционной дорожной культуре башкир, а также рассмотрение ее функциональных и семиотических составляющих, способствовавших преодолению препятствий, с которыми были сопряжены путешествия. *Материалы, источники и методы исследования.* Основными источниками при подготовке статьи выступили сообщения, материалы участников академических экспедиций XVIII в. — И. И. Лепехина, П. С. Палласа и др.; более поздние этнографические работы; сведения, содержащиеся в башкирском фольклоре, а также полевые материалы, собранные в последние годы в различных районах Республики Башкортостан в ходе этнографических экспедиций. *Основными методами,* использованными в работе, являются сравнительно-исторический и ретроспективный, с помощью которых выявляется общее и особенное в дорожной культуре башкир и других народов, прослеживается эволюция, определяются тенденции развития изучаемых явлений и т. д. *Хронологические рамки исследования:* преимущественно укладываются в XVIII – начало XX в. *Результаты.* Исследование показало, что передвижение в пространстве – путешествие у башкир имело не только практическую, но и метафизическую сторону, поскольку путешественник, по поверьям, одновременно находит-

ся и в реальном, и в потустороннем мире. Его безопасность зависела как от физических, так и магических действий, а также от расположения духов или «хозяев» различных природных объектов. В традиционном башкирском обществе издавна выработалась своеобразная дорожная культура, целью которой было противостояние различным угрозам, подстерегающим в пути и дорожной нестабильности. Раньше отправление в дорогу чаще являлось уделом мужчин (охота, военная служба, промысел, учеба, торговые поездки, паломничество-хадж и пр.). В статье рассмотрены правила сборов в дорогу; проводы отъезжающего; обычаи, которые следовало соблюдать в дороге, ритуалы, связанные с возвращением путника и т. д. *Выводы.* Дорожная культура — это комплекс материальных, духовных составляющих жизни этноса, связанных с путешествием. Башкиры являлись полукочевым народом (постепенно перешедшим к оседлости) с большим стремлением к путешествиям, походам при устойчивом чувстве дома, родной земли.

Ключевые слова: башкиры, дорожная культура, путешествие, дорога, путник, обряды, ритуалы.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Мигранова Э. В., Шангараева Л. Х. К вопросу о традиционных путешествиях и дорожной культуре башкир // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 961–975. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-961-975

UDC 398.54; 39:930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-961-975

Revisiting Traditional Travel and Road Culture of the Bashkirs

Elza V. Migranova¹, Leisan Kh. Shangaraeva²

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8227-2357. E-mail: mig.el@mail.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

External Postgraduate Student

 0000-0002-8328-8382. E-mail: all.lejsan@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Migranova E. V., Shangaraeva L. Kh., 2020

Abstract. Introduction. The rules of road culture developed over centuries have always occupied an important place in the traditional worldview and everyday life of Bashkirs. The phenomenon of road culture and travel among Bashkirs has remained understudied, and this article serves to eliminate the existing gap to some extent and introduce new data into scientific discourse. *Goals.* The paper seeks to systematize materials dealing with the Bashkir traditional road culture and consider its functional / semiotic components believed instrumental in overcoming travel-related obstacles. *Materials and Methods.* The study focuses on reports and materials by participants of 18th-century academic expeditions (I. I. Lepekhin, P. S. Pallas, etc.), subsequent ethnographic works, Bashkir folklore narratives, and recent field materials collected in various regions of Bashkortostan. Chronologically, the study covers the period between the 18th and early 20th centuries. *Results.* The paper shows that movement through space — travel — among the Bashkirs had not only practical but also metaphysical properties, since the traveler is believed to be simultaneously advancing both across the real and

the other worlds. So, security is suggested to depend on both physical and magical actions, as well as sympathies of spirits or 'masters' of various natural objects. The traditional Bashkir society has developed a specific road culture that aimed to resist, avert diverse threats. In olden days, travels were seen as a male domain (hunting, military service, fishing, study, trade trips, pilgrimages, etc.). The article discusses the traditional pre-travel and farewell practices, customs that were to be observed en route, rituals supposed to guarantee a traveler's return, etc. *Conclusions.* The Bashkir road culture is a complex, open, and evolving system. 'Path' and 'road' in traditional representations of Bashkirs were essentially sacral symbols.

Keywords: Bashkirs, road culture, travel, road, traveler, ceremonies, rituals

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Migranova E. V., Shangaraeva L. Kh. Revisiting Traditional Travel and Road Culture of the Bashkirs. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 961–975. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-961-975

Введение

Тема традиционных путешествий и дорожной культуры — достаточно новое, развивающееся направление в российской науке. Основоположниками исследований по данной теме являются: Т. Б. Щепанская, которая на материалах русского населения отобразила общие принципы организации дорожных взаимодействий, уделив значительное внимание ритуально-мифологическому подтексту [Щепанская 2003]; А. В. Головнев — автор концепции антропологии движения, предложивший новый взгляд на сценарии развития культур и народов Евразии [Головнев 2009; Головнев 2018]; А. В. Матвеев сопоставил традиционные культуры путешествия русских, сибирских татар, казахов Среднего Прииртышья [Матвеев 2012].

Исследования М. И. Васильева посвящены сухопутным коммуникациям и скользящему транспорту у русских [Васильев 2009], В. А. Коршункова — дорожным традициям России [Коршунков 2015]. Изучение традиционной культуры путешествия у тундровых ненцев проводится в работе В. Н. Адаева и Р. Х. Рахимова [Адаев, Рахимов 2015]; традиционная дорожная культура карел исследована Г. В. Ивановой [Иванова 2017].

Феномен дорожной культуры и путешествия у башкир до настоящего времени изучен недостаточно. Среди исследователей, занимавшихся данной темой, отметим башкирского этнографа М. Г. Муллагулова — его монография посвящена генезису

и истории развития башкирского народного транспорта [Муллагулов 1992].

Труды М. И. Роднова, З. Г. Аминова, А. Д. Таирова, Г. Н. Гарустовича, Б. А. Азнабаева и др. посвящены разным аспектам истории сухопутных путей сообщения, существовавших на территории Исторического Башкортостана¹ с древнейших времен [Роднов 2002; Аминев 2009; Таиров 1995; Гарустович 2012; Азнабаев 2016].

Целью данной статьи являются систематизация материалов, относящихся к традиционной дорожной культуре башкир, а также рассмотрение ее функциональных и семиотических составляющих, способствовавших преодолению препятствий, с которыми были сопряжены путешествия.

Формирование башкирского этноса происходило на территории Южного Урала, который по справедливости называли «плавильным котлом» народов. В сложном многокомпонентном этногенезе башкир участвовали тюркские, монгольские, угорские, финно-язычные племена и народы, а также в ранний период ирано-язычные кочевники. Все это отразилось в культуре, языке, менталитете, физической антропологии и других областях жизнедеятельности башкирского народа, в том числе в дорожной культуре.

Полукочевые башкиры южных, юго-восточных районов преимущественно путеше-

¹ Термин, применяемый в исторических, этнографических, лингвистических и других исследованиях для обозначения территории, на которой в различные периоды истории расселились башкирские племена и башкирский этнос.

ствовали и передвигались верхом, даже на небольшие расстояния. Башкиры западных, северных районов, раньше перешедшие к оседлости, предпочитали использовать тарантасы, телеги, а на близкие расстояния отправлялись пешком. В дорожной культуре горно-лесных, восточно-зауральских башкир долгое время сохранялись таежные традиции путешествия (зимой на лыжах, подбитых шкурой животных; использование дорожного инвентаря, сходного с алтайскими, южно-сибирскими народами) [Руденко 2006].

В целом указанные различия в формировании традиционной дорожной культуры у разных племенных групп башкир, не исключают того, что башкирский народ формировался на общей территории, под общим названием и имеет сильную привязанность к Южному Уралу как к своей исторической родине.

Дорога и путешествия в традиционной культуре башкир

«Путь», «дорога» в традиционных представлениях башкир являлись сакрально значимыми пространственными измерениями. Расстояния часто измеряются взглядом «что глазом окинешь» или слитного «времени-пространства» — «сколько обойдешь в день» [Толстой 1979: 156–157].

У башкир понятиям «путь», «дорога» соответствует слово *юл*. От него в башкирском языке образовано множество других слов, связанных с дорожной культурой, путешествием. Словом *сәфәр* обычно обозначается «поездка», «путешествие с какой-либо целью». Термин *сәйәхәт* чаще применяется для понятия «путешествие как странствие». Как «путешествие-странствие», «паломничество» понимается и слово *гизеу*. Для обозначения недалежных походов / поездок чаще применяются термины *сыгыу* 'выход', *барыу*, *барып кайтыу* 'сходить и вернуться' и

Фото 1. Семья башкир перед отправлением в дорогу. 1977 г., дер. Нукатово Белорецкого района БАССР. Фотограф — М. Г. Муллагулов [ФОО ИИЯЛ УФИЦ РАН]. Публикуется с разрешения ИИЯЛ УФИЦ РАН

[Photo 1. Bashkir family before departure. Nukatovo, Beloretsky District, Bashkir ASSR. 1977. Photo by M. Mullagulov [Ufa Federal Research Centre of the RAS; Institute of History, Language and Literature; Photograph Collection]. Courtesy of the Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of the RAS)]

Фото 2. Дети верхом на лошади. 1977 г., дер. Ст. Халилово Дуванского района БАССР. Фотограф — С. Н. Шитова [ФОО ИИЯЛ УФИЦ РАН]. Публикуется с разрешения ИИЯЛ УФИЦ РАН

[Photo 2. Children riding a horse. Khalilovo, Duvansky District, Bashkir ASSR. 1977. Photo by S. Shitova [Ufa Federal Research Centre of the RAS; Institute of History, Language and Literature; Photograph Collection]. Courtesy of the Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of the RAS)]

т. д. Развитая терминология дорожной культуры может косвенно свидетельствовать о важности дорожной культуры в системе жизнеобеспечения башкир с давних времен.

Природно-географическое разнообразие Исторического Башкортостана способствовало сложению у различных родоплеменных групп башкир территориальных особенностей в хозяйстве, культуре и быту. Издавна их природные (пещеры, горы, реки, озера, леса и др.) и некоторые культурные (дороги, отдельные поселения, могилы святых и т. д.) объекты были не только сакрализованы, но и в некотором роде структурированы, маркированы, особенно в пределах родовых земель. В качестве доказательства древности проживания башкир на своих землях, П. С. Паллас приводит тот факт, что «множество прилагательных речей, коими башкирцы большие и малые горы, все ручьи и малейшие притоки, долины, частые рощицы и все прочие урочища отмечают» [Паллас 1786: 66].

В южных и юго-восточных частях республики долгое время сохранялся относи-

тельно однородный этнический состав населения, а основой хозяйства башкир вплоть до начала XX в. оставалось скотоводство, предполагавшее в теплое время года откочевку со стадами на родовые пастбища — *йәйләү*. Это событие было, конечно, с одной стороны, путешествием, и довольно далеким (расстояния перекочевки порой измерялись десятками километров), но не воспринималось как путь в неизвестное, поскольку маршруты выездов к летовкам, как правило, повторялись из года в год.

Войлочная юрта (*қош*) — летнее жилище башкира была тем же родным домом, с которым он в случае необходимости мог отправиться в дорогу. В северных же, западных и отчасти северо-восточных районах республики в комплексе хозяйственных занятий башкир уже, по крайней мере, с конца XVII в., наряду со скотоводством, заметную роль играло земледелие, население многих деревень являлось оседлым. Однако, даже несмотря на ограничение дальности перекочевки и даже отказ от кочевки, у части оседлого башкирского населения еще ка-

Фото 3. Пожилой башкир перед отправлением в дорогу. 1972 г., дер. Аскарново Альменевского района Курганской области. Фотограф — Р. М. Султанов [ФОЭ ИИЯЛ УФИЦ РАН]. Публикуется с разрешения ИИЯЛ УФИЦ РАН

[Photo 3. Bashkir old man before departure. Askarovo, Almenevsky District, Kurgan Oblast. 1972. Photo by R. Sultanov [Ufa Federal Research Centre of the RAS; Institute of History, Language and Literature; Photograph Collection]. Courtesy of the Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of the RAS)]

кое-то время доминировала скотоводческая психология: некоторые «кочуют» у себя на дворе, разбивают «у себя кибитку или ставят лубочный домик, рядом кладут печь с казаном и перебираются ... со всем своим скарбом в новое жилище» [Назаров 1890: 174]. В этих «кочевках», разумеется, уже не было хозяйственной необходимости, но они свидетельствовали о живучести и устойчивости кочевнических традиций.

Космогонические мифы башкир, нашедшие отражение в эпосах «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылыу» и др., во многом строятся на основе путешествий героев, в процессе которых они активно занимаются миротворчеством и мироустройством. В качестве главного помощника и верного друга обычно выступает конь, наивысшим воплощением которого является крылатый конь — тулпар Акбузат; спутниками эпических героев также являются собака / волк, бык / корова, олень и т. д. [Башкирские сказки 1996].

В основе одной из версий о происхождении башкирского этнонима лежит предание о нахождении древними башкирами в пути и обретении родины во главе с вожакom то-

темом — волком, приведшем их на Урал. Отсюда *башкорт* — *баи* ('голова, глава, ведущий, вождь') и *корт* ('волк') [Татищев 1962: 252; Рычков 2002: 33; Георги 1799: 85].

И если для мифологических и фольклорных героев путешествие — это обычное дело, то для основной массы населения оно, как правило, ассоциировалось с трудностями, испытаниями, опасностями, вынужденным отлучением из дома. Постепенно в народе вырабатывалась дорожная культура, культура путешествия, закреплялись правила и табу, связанные с ним, создавался противовес дорожным угрозам и путевой нестабильности [Алламуратова 2015: 27–29; Псянчин 2017: 118].

Основополагающее значение концепта путешествия в мировоззрении народа состояло в движении, действии, направленном не столько на получение материального блага, сколько на исследование, получение нового знания, опыта, познания неизвестного: *Йөрөгән ил күргән* 'Кто ездил по миру, мир познал', *Юл китанһыз за укыта* 'Путь и без книги учит человека' и т. д. [БНТ 1980: 253–260].

Фото 4. Молодая женщина верхом на лошади. Фото сер. XX в. [ФОО ИИЯЛ УФИЦ РАН].
Публикуется с разрешения ИИЯЛ УФИЦ РАН

[Photo 4. Young woman riding a horse. Ser.: 20th Century [Ufa Federal Research Centre of the RAS; Institute of History, Language and Literature; Photograph Collection]. Courtesy of the Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of the RAS)]

Согласно представлениям башкир, дорога являлась мужским пространством: *Ир азыгы менән ат азыгы — юлда* 'Удел мужчины и коня — дорога' [БНТ 1980: 254]. Даже на недалнее расстояние башкиры раньше предпочитали отправляться верхом. По сообщению И. И. Лепехина: «Башкирская привычка и изобилие лошадей сделала их тулоногими, так что Башкирец за важный поход почитает, когда ему должно будет около версты пройти пешком» [Лепехин 1802: 111].

Их уход из дома, как правило, был связан с промыслом, службой; учебой, с торговыми поездками, паломничеством, отъездом на заработки и т. д. Для женщин же в прошлом главным, а, подчас, единственным путешествием в жизни, являлся переезд к мужу после свадьбы, а также гостевые визиты к родственникам. Тем не менее нередкими были случаи, когда башкирки, воспитанные в духе независимости, отваги и преданности вере предков и родному Уралу, являлись великолепными наездницами, и

вместе со своими мужьями, отцами, братьями, сражались на поле брани.

Дорожные запреты и предписания

Характер предстоящего путешествия и его побудительная причина определяли особенности подготовки к нему, а также порядок действий человека, отправляющегося в дорогу. Особыми, магически насыщенными обрядами, сопровождалась и отправление в дорогу, и встреча вернувшегося путника. Эти ритуальные действия были призваны защитить путника от опасностей, подстерегавших в дороге, а также избежать от возможных негативных последствий путешествия.

Мероприятия, начинавшиеся в семье за некоторое время до отправления кого-либо из ее членов в путь, условно можно разделить на две группы. К первой относятся действия, направленные на подготовку материальной составляющей путешествия; ко второй — комплекс магических действий для обеспечения удачной дороги.

Обязательным был осмотр и починка одежды, в которой путешествующий собирався отправиться в путь, причем делалось это заранее, поскольку существовал запрет непосредственно перед дорогой шить, чинить, стирать одежду, мыться, стричь волосы, ногти и т. д. Определенное значение этот обычай имел и в семантическом прочтении — зашивание якобы закрывало предстоящий путь.

Ряд запретов для путника возник у башкир позднее, под влиянием ислама: «Без омовения нельзя выходить на улицу, отправляться в дорогу»; считалось, что под ногами человека, не совершившего омовения, высыхают травы, и путь его становится неблагоприятным [Файсина 2010: 91].

Накануне отправления в дорогу, члены семьи отъезжавшего совершали действия, направленные на обеспечение благополучия в пути. У башкир до сих пор существует поверье, что перед выходом в дорогу нельзя оставлять грязную посуду; информанты также сообщали, что все ведра и умывальник следовало наполнить свежей водой [ПМА: 1; ПМА: 2]. Хозяйки загодя наводили порядок в доме, поскольку для оставшихся существовал запрет на какое-то время стирать, убирать золу из печки, мыть полы, посуду и т. д. Нарушение данного запрета могло привести к неудачной дороге, в народе говорили: «Заметешь человеку следы, он и не вернется» [ПМА: 3]. Данное табу действовало, пока те, кто уехал, не доберутся до места или не пересекут какую-либо реку [ПМА: 2; ПМА: 3].

Эти временные и пространственные рамки подсказывают нам возможную интерпретацию рассматриваемого запрета. Как известно, жилище — это центральный локус жилищного и ритуального мифологического пространства [Байбурин 1983: 43]. После отъезда родных или гостей любое намеренное изменение этого центрального локуса могло повлечь за собой непредсказуемые изменения и в иных локусах пространства, где в это время могли находиться путешествующие. Метафизическая связь путешествующих с оставленным домом осуществлялась по так называемым невидимым каналам — «следам». Нетронутые «следы» являлись гарантией относительной стабильности реального и мифологическо-

го пространства и определенной гарантией возвращения путешествующего домой по ним, особенно в случае опасности. Поэтому стирания, вымывания «следов» старались не допустить. Традиция мытья полов после выноса из дома покойного, видимо, является противоположностью данного поверья.

Мусульмане, собираясь в путь, особенно сопряженный с опасностями, заходили в мечеть с дорожным подаванием — *юл хэй-ере*. Его также могли дать сиротам, детям или одиноким старикам. В качестве милостыни выступали деньги, молочные продукты, хлеб, а если человек был совсем беден, то он «мог просто погладить по голове сироту» [ПМА: 3]. По сообщениям информантов, как подавание осмысливалось и угощение домашних животных — собак, реже кошек или даже птиц — воробьев, голубей, кур [ПМА: 4; ПМА: 2].

Важным этапом подготовки к отправлению в дорогу (особенно дальнюю, длительную) было прощание со своими местными сакральными природными объектами. Так, девушка, выданная замуж, или рекрут (перед отправкой на службу) незадолго до отъезда из отчего дома, поднимались на гору и, прощаясь с родными местами, просили у них благословения. По приезду в селение мужа, невесте предстоял противоположный обряд приветствия святынь своей новой родни: «При входе в юрту своего мужа, молодая делала коленопреклонение замечательным по волости горам, рекам...» [Филоненко 1914: 304].

Для нейтрализации потенциальных дорожных опасностей предпринимались многочисленные символические действия. Так, уходящему давали откусить от свежеспеченного каравае, которым затем обводили вокруг его пояса и берегли до возвращения, «чтобы пища притягивала» [ПМА: 2; ПМА: 3; ПМА: 5].

У некоторых групп башкир обязательными при проходах в армию были блюда из курицы, что объясняется символическими представлениями, связанными с этой птицей: «Курица назад гребет — солдат должен домой вернуться». Иногда живой курицей обводили вокруг пояса рекрута, а затем ее варили и отдавали ему в дорогу [Тулвинские татары 2004: 156].

У башкир существует обряд, когда уходящего на службу выводили спиной впе-

ред — ради его успешного возвращения. В особых случаях, например, перед отправлением на войну, в одежду уезжающего вшивали молитвы или кусочек высушенного собственного последа. Кроме этих оберегов, магической защитой могли выступать также нитки, острые металлические предметы, к примеру булавки, закрепленные к одежде, мешочки с солью или родной землей, выписанные на листочек суры из Корана и т. д. [ПМА: 3].

Дорожная провизия

Из еды и питья в дорогу обычно брали непортящиеся продукты: сушеное мясо, творожный сыр — курут, хлеб, лепешки или сухари, соль, кумыс [Мигранова 2016; Мигранова 2018]. «Копченая конина и курут, который, будучи засушон, может сохраняться более года без всякого повреждения и служит заменой хлебу» [Казанцев 1866: 29]. «Каждый башкирец, отправляясь из места своего жительства куда-нибудь на недаленое расстояние, непременно берет с собою небольшой кожаный мех (турсук), наполненный кумысом, который в дороге составляет для него и пищу, и питье» [Р-н 1832: 269].

Удобным в плане перевозки и питания в дороге было и толокно из предварительно обжаренных и размолотых зерен пшеницы. Нередко путешественников сама природа спасала от голода: «Однажды вышел Хаубан в поле. Шел он и радовался... дикому луку и кислому щавелю — как праздничному угощению» [БНТ 1987: 135].

Другой парень, «пробираясь через непролазную чащу леса, питался этлеком², саранкой и всякими прочими ягодами» [Башкирские сказки 1996: 70, 141]; часто путники, чтобы прокормиться в дальней дороге или походе, промышляли охотой.

Вообще, отправление на охоту было одним из основных традиционных видов путешествий у башкир. Охотниками становились либо вынужденно, чтобы прокормиться, либо передавали этот навык по наследству от отца к сыну, либо охота являлась развлечением для богатых. По поверью, на охоту отправлялись молча, чтобы не спугнуть диких животных. Существовала примета, запрещавшая женщинам не только

охотиться, но даже провожать мужчин на этот промысел [ПМА: 4].

Торговые поездки и названия традиционных дорог

Торговые поездки были, конечно, не столь рискованны, как военный поход или охота на медведя, но все равно таили множество неожиданностей, трудностей и опасностей, особенно в период сложения торговых путей. Угроза исходила как от природных явлений, так и от грабителей. Торговали, главным образом, на местных ярмарках, а также на Мензелинской и Бугульминской, некоторые купцы ездили на Ирбитскую, Макарьевскую и другие ярмарки. Заключались торговые сделки со среднеазиатскими и казанскими купцами. В исторических источниках в числе торговых городов упоминаются Уфа и Оренбург [Пекарский 1872; Рычков 2002].

По территории Башкортостана с древности проходили караванные пути; наиболее известные из них — «Великий шелковый путь» и «Великий меховой путь», связывавшие Европу и Азию. На протяжении этих дорог возникали и места остановок для отдыха, часто они устраивались неподалеку от водных объектов и становились традиционными. До настоящего времени на Южном Урале сохранилась одна из северных ветвей «Великого шелкового пути», идущего, в том числе, по горам и возвышенностям Башкортостана и уходящего в Казахстан и Среднюю Азию под названием *Кэнифэ юлы* 'Дорога Канифы'. Название дороги связано с легендой о башкирской девушке по имени Канифа, бежавшей из казахского плена [Аминев 2009: 27].

Известна также древняя дорога *Куңыр буга юлы* 'Дорога бурой коровы', тянувшаяся с юга на север по отрогам Уральского хребта. Эти дороги на всем своем протяжении не имеют водных преград, поэтому были удобны для перемещения.

Наряду с транзитными, существовали и местные направления, проходившие по территориям башкирских племен и родов, местам их кочевков.

С середины XVII в. почти все караванные пути в Средней Азии были взяты под контроль калмыками. Столкновения между башкирами и калмыками часто вынуждали среднеазиатских купцов пересекать русскую границу за Уралом [Азнабаев 2016: 106].

² Бубенчик лилиелистный, латинское название — *Adenophora liliifolia*.

Дорожные приметы

Выход из родного дома расценивался как выход из организованного, структурированного пространства, поэтому важно было правильно преодолеть именно этот первый рубеж. Перед отправлением в дорогу, необходимо было присесть «на дорожку». Прощались словами: *Хуш! Хау булыгыз! Юлдарыгыз еңел булһын!* ‘До свидания! Пусть ваши дороги будут легкими!’.

Первой границей, которую переходил путешествовавший, уходя из «своего» пространства в «чужое», являлся порог дома, переступить который следовало с правой ноги. После выхода из дома возвращаться, например за забытой вещью, было уже нежелательно. Этот запрет и в настоящее время распространен повсеместно. Если необходимо было все же вернуться, надо было посмотреться в зеркало [ПМА: 1; ПМА: 2].

Дождь считался хорошей приметой и сулил удачу в пути, добрым предзнаменованием была и встреча с другим путником. Неудачей могла обернуться встреча с похоронной процессией, женщиной с пустыми ведрами, змеей, безрогой коровой, черной кошкой и т. д. [ПМА: 1; ПМА: 3; ПМА: 4].

По поверьям, на территории населенных пунктов или вне их, имелись места, где мог произойти контакт человека с иным миром. При приближении к таким местам и при их пересечении, путешествующие должны были соблюдать определенные меры безопасности. По представлениям башкир, одним из таких мест был перекресток — место концентрации злых духов, здесь ничего нельзя было поднимать с земли. Мост также считался опасным местом, из-под него могло неожиданно выскочить демоническое существо. Путешественники также старались не проходить под столбами или арками, стоящими треугольником, а обходили или объезжали их [ПМА: 1; ПМА: 5].

Важной границей являлся последний перекресток, до которого домашние часто провожали путников: здесь уходящий уже окончательно приобретал статус путника. Кроме перекрестка, расставание могло происходить и в других точках пространства — у ближайшего родового леса, реки, подножья горы и т. д. Уходящему не рекомендовалось оборачиваться, особо этот запрет подчеркивается в свадебных и рекрутских обрядах.

По представлениям башкир, мир был заполнен многочисленными природными препятствиями — лесами, реками, горами, болотами и пр., которые традиционная культура населяла «хозяевами» — различными добрыми, нейтральными или злыми духами. Возможность продолжать движение, а иногда и жизнь путешествующего зависели от благорасположения этих существ, их задабривали, оставляя монеты, ленточки, кусочки пищи и говорили: *Мине тотма, ошоно тот* ‘Меня не трогай, возьми вот это’ [ПМА: 2].

В случае ночевки в лесу заранее готовили место, строили шалаш, очерчивали вокруг себя острым металлическим предметом круг, читая при этом молитвы, и клали около себя предметы конской упряжи, поскольку конь часто выступал в роли сверхъестественного покровителя, тотема или защитника. Защитой от нечистой силы, по поверьям, могла выступить молитва или выстрел из ружья (по представлениям башкир порох имел охранительную силу). По сведениям информантов, избавиться от злых духов, можно было, громко забранившись, причем, считалось, что наибольшим эффектом обладали русские нецензурные ругательства [ПМА: 3].

Возвращение

При возвращении путника домой, границы мифологического пространства пересекались в обратном направлении. Теперь путник уже не уходил в неизвестное, а возвращался из него, до этого в коллективном сознании своих близких считаясь, как бы «не существующим в их мире». По мнению исследователей, это связано с тем, что человек, оставляя свой дом, семью, общину покидал не только зону своего реального жизненного пространства, но и метафизическое пространство и время: «собственно сам выход из своего мира равносителен смерти» [Ахундов 1982: 55].

Поэтому смысл обрядов возвращения заключался в обратной социализации — всеобщем узнавании путешественника, вводе его в пространственно-временной континуум дома, семьи, населенного пункта и очищении от влияния хаоса. У ворот дома родные встречали вернувшегося словами: *Хаумыһыгыз! Рахим итегеҙ!* ‘Здравствуйте! Добро пожаловать!’. Если разлука

была долгой, восклицали: *Карагыз эле кем кайткан! Танып та булмай!* 'Смотрите, кто приехал! Даже не узнать!'. И приглашали в дом.

Путнику нужно было смыть с себя дорожную пыль, для чего по возможности затапливали баню. Помимо физического очищения тела, мытье в бане имело целью и магическое очищение, характерное для многих переходных обрядов (баня для роженицы и младенца, баня для супружеской пары после первой брачной ночи, знахарское лечение в бане и т. д.). После мытья в бане бывший путешественник надевал свою обычную, узнаваемую в своем мире, домашнюю одежду.

Совершение паломничества, этого долгого, иногда многомесячного, иногда больше года, путешествия, сопряженного с многочисленными опасностями, меняло статус человека в духовном и физическом плане, паломник-хаджа приобретал новые качества. Известна информация, что «побывав в Мекке, мусульмане считали себя очищенными и часто входили в дом не через обычную входную дверь как оскверненную, а через новую, с обратной стороны дома. Когда паломник переступал родной порог, в доме резали жертвенного барашка, устраивали торжественную встречу» [Хабибуллина 2009: 314].

И в других случаях благополучного возвращения путника после дальнего или важного путешествия, в его доме собирались родственники, знакомые, специально оповещенные об этом. Совершалось обещанное заранее жертвоприношение; этим мясом угощали знакомых, соседей, раздавали малоимущим.

Заключение

Исследование показывает, что дорожная культура башкир — сложная, открытая, развивающаяся система, включающая прохождение и отчасти освоение пространства. В фольклоре, особенно в сказках и эпосе, сохранились наиболее архаичные пласты дорожной культуры башкир и представления народа о путешествиях.

В отличие от истинных кочевников, у которых «кочевая траектория распределяет людей (и животных) в открытом пространстве без установленных пределов» [Головнев 2018: 7], у башкир довольно рано сформиро-

валась локальная модель пространства — с окультуренным «священным центром мира» — Южным Уралом, отмеченным многочисленными маркерами — топонимами, легендами, преданиями; древними дорогами (*Кәнифә юлы*, *Куңыр буга юлы* и др.) и населенными пунктами (аулами, в которые постепенно превратились зимовки — *кышлау*), а также весенними, летними, осенними местами родовых кочевий (*язлау*, *йәйләү*, *көзләү*) и т. д., посредством которых народ маркировал свою территорию.

Архивными материалами и старинными родословными — *шәжәрә* — подтверждается наличие у башкир десятков деревень уже в XVII в. Однако полукочевые башкиры, привыкшие находиться в движении (конечно, внутри определенного ареала), довольно часто меняли место жительства (иногда жители переносили аулы на более удобные для зимовки места, иногда причиной переезда был передел вотчинных земель, иногда новые поселения возникали взамен уничтоженных (сожженных) в результате набегов соседей-степняков или карательных операций в ходе подавления народных волнений и т. д.) [Башкиры 2002: 112].

Свойственное бывшим кочевникам легкое отношение к перемене места жительства подметил у башкир в XVIII в. И. Г. Георги: «Ежели им какое-нибудь место в их стране покажется лучше прежнего, то покидают они свою деревню и строят новую» [Георги 1799: 89].

Однако, несмотря на это, башкиры с древности обладали развитым чувством «дома», «исконной родины», имея ввиду главным образом Южный Урал и прилегающие территории. Это чувство являлось одним из определяющих этнических маркеров, способствовавших объединению различных племенных групп башкир в единый народ, родиной которого являлся Исторический Башкортостан. В связи с этим мы можем назвать башкир «движущимся народом с оседлым менталитетом».

Изучение эволюции взглядов башкир на движение в ходе исторического процесса, постепенная смена кочевого мировоззрения на полуседлое, а затем оседлое, анализ того, как у башкир уживался полукочевой образ жизни и мышления при устойчивом чувстве дома, родной земли, — задача предстоящего серьезного исследования.

Данную статью авторы рассматривают в значительной мере как постановку проблемы, начальное прикосновение к исследуемой проблеме.

Однако, представленные в данной ра-

боте материалы и сведения могут быть использованы для сравнительно-сопоставительного анализа при проведении этнологических, культурологических и иных исследований.

Полевые материалы авторов

- ПМА: 1 — Полевые материалы Э. В. Миграновой. Экспедиция в Янаульский район Республики Башкортостан. 2018 г.
- ПМА: 2 — Полевые материалы Л. Х. Шангараевой. Экспедиция в Гафурьевский район Республики Башкортостан. 2014 г.
- ПМА: 3 — Полевые материалы Л. Х. Шангараевой. Экспедиция в Бурзянский, Кугарчинский районы Республики Башкортостан. 2013 г.
- ПМА: 4 — Полевые материалы Э. В. Миграновой. Экспедиция в Ишимбайский район Республики Башкортостан. 2019 г.
- ПМА: 5 — Полевые материалы Л. Х. Шангараевой. Экспедиция в Баймакский район Республики Башкортостан. 2017 г.

Authors' Field Data

- Migranova E. V. 2018 Expedition to Yanaulsky District (Republic of Bashkortostan, Russia): Field Notes and Interviews. (In Bash.)
- Migranova E. V. 2019 Expedition to Ishimbaysky District (Republic of Bashkortostan, Russia): Field Notes and Interviews. (In Bash.)
- Shangaraeva L. Kh. 2013 Expedition to Burzyansky and Kugarchinsky Districts (Republic of Bashkortostan, Russia): Field Notes and Interviews. (In Bash.)
- Shangaraeva L. Kh. 2014 Expedition to Gafuriysky District (Republic of Bashkortostan, Russia): Field Notes and Interviews. (In Bash.)
- Shangaraeva L. Kh. 2017 Expedition to the Baymaysky District (Republic of Bashkortostan, Russia): Field Notes and Interviews. (In Bash.)

Источники и литература

- Адаев, Рахимов 2015 — *Адаев В. Н., Рахимов Р. Х.* Традиционная культура путешествия тундровых ненцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 151–158.
- Азнабаев 2016 — *Азнабаев Б. А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII вв. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
- Алламуратова 2015 — *Алламуратова Л. Х.* Подготовка к отправлению в путь в традиционной культуре путешествия башкир // Перспективы науки. 2015. № 5(68). С. 27–29.
- Аминев 2009 — *Аминев З. Г.* Дороги Южного Урала и их роль в этногенезе башкир // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 27–29 мая 2009 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 25–27.
- Ахундов 1982 — *Ахундов М. Д.* Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М.: Наука, 1982. 224 с.
- Байбурун 1983 — *Байбурун А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
- Башкирские сказки 1996 — Башкирские сказки и легенды / сост. *Ф. А. Надришина*. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1996. 204 с.

- БНТ 1980 — Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / сост. *Ф. А. Надришина*. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 472 с.
- БНТ 1987 — Башкирское народное творчество. Эпос / сост. *М. М. Сагитов*. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987. 544 с.
- Башкиры 2002 — Башкиры. Этническая история и традиционная культура / под ред. *Р. М. Юсупова*. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. 248 с.
- Васильев 2009 — *Васильев М. И.* Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X – начала XX веков: основные тенденции развития: автореф... дис. д-ра ист. наук. СПб., 2009. 48 с.
- Гайсина 2010 — *Гайсина Ф. Ф.* Башкорттарзың юлга бэйле ырым-ышаныулары, тыйыулары (= Башкирские поверья и запреты, связанные с дорогой) // Урал-Алтай: через века в будущее. Вып. 1. Уфа: ИИЯЛ, 2010. С. 89–92.
- Гарустович 2012 — *Гарустович Г. Н.* След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: Гилем, 2012. 222 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. II. СПб.: Имп. акад. наук, 1799. 178 с.

- Головнев 2009 — *Головнев А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
- Головнев 2018 — *Головнев А. В.* Концептуализация мобильности в антропологии и этнографии // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 6–15.
- Иванова 2017 — *Иванова Г. В.* Традиционная дорожная культура карел на страницах газеты «Олонецкие губернские ведомости» (1838–1917 гг.) // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 72–84.
- Казанцев 1866 — *Казанцев Н.* Описание башкирцев. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1866. 97 с.
- Коршунков 2015 — *Коршунков В. А.* Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М.: Форум, 2015. 240 с.
- Лепехин 1802 — *Лепехин И. И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина в 1770 г. Ч. II. СПб.: Имп. акад. наук, 1802. 338 с.
- Матвеев 2012 — *Матвеев А. В.* Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века). Омск: Наука, 2012. 196 с.
- Мигранова 2016 — *Мигранова Э. В.* Башкиры. Традиционная система питания: историко-этнографическое исследование. Уфа: Китап, 2016. 292 с.
- Мигранова 2018 — *Мигранова Э. В.* Реликты традиционных запретов в современном башкирском обществе // Проблемы востоковедения. 2018. № 4 (82). С. 30–37.
- Муллагулов 1992 — *Муллагулов М. Г.* Башкирский народный транспорт. XIX – начало XX в. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 152 с.
- Назаров 1890 — *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. Вып. 1–2. С. 164–192.
- Паллас 1786 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Кн. I. Ч. 2. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1786. 476 с.
- Пекарский 1872 — *Пекарский П. П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? (Исторические разыскания академика П. П. Пекарского). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1872. 29 с.
- Псянчин 2017 — *Псянчин А. В., Алламуратова Л. Х.* Дорога в традиционных представлениях башкир // Мир Центральной Азии – 4. Сб. науч. ст. / отв. ред. Е. В. Сундуева, науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 118–121.
- Р-н 1832 — *Р-н П.* Сведения о башкирцах // Московский телеграф. Ч. 48. М., 1832. С. 259–277.
- Роднов 2002 — *Роднов М. И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2002. 314 с.
- Руденко 2006 — *Руденко С. И.* Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Рычков 2002 — *Рычков П. И.* История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Уфа: Изд. АН РБ, 2002. 195 с.
- Таиров 1995 — *Таиров А. Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Препринт. Челябинск: ЧелГУ, 1995. 43 с.
- Татищев 1962 — *Татищев В. Н.* История Российской. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1962. 500 с.
- Толстой 1979 — *Толстой Л. Н.* Повести и рассказы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1979. 335 с.
- Тулвинские татары 2004 — Тулвинские татары и башкиры: Этнографические очерки и тексты / под ред. А. В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 455 с.
- Филоненко 1914 — *Филоненко В. И.* Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914. № 8. С. 297–308.
- ФОЭ ИИЯЛ УФИЦ РАН — Фототека отдела этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН.
- Хабибуллина 2009 — *Хабибуллина З. Р.* Хадж мусульман Башкортостана: история и современные тенденции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 312–317.
- Щепанская 2003 — *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 527 с.

Sources and References

- Adaev V. N., Rakhimov R. Kh. Traditional travel culture of the tundra Nenets. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2015. No. 2 (29). Pp. 151–158. (In Russ.)
- Akhundov M. D. Concepts of Space and Time: Origins, Evolution, Perspectives. Moscow: Nauka, 1982. 224 p. (In Russ.)
- Allamuratova L. Kh. Preparing for a trip in the Bashkir traditional culture of travelling.

- Science Prospects*. 2015. No. 5(68). Pp. 27–29. (In Russ.)
- Aminev Z. G. Roads of the Southern Urals and their impact on Bashkir ethnogenesis. In: Ilimbetova A. F., Migranova E. V. (comps.), Yusupov R. M., Khisamitdinova F. G., Kulsharipov M. M. (eds.) *Phenomenon of Eurasianism in Material and Spiritual Culture, Ethnology and Anthropology of the Bashkir People*. Conference Proceedings (Ufa; May 27–29, 2009). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of RAS), 2009. Pp. 25–27.
- Aznabaev B. A. *Bashkir Society: 17th – First Third of the 18th Century*. Ufa: Bashkir State University, 2016. 370 p. (In Russ.)
- Bayburin A. K. *Dwelling in Rituals and Representations of East Slavs*. Leningrad: Nauka, 1983. 188 p. (In Russ.)
- Chernykh A. V. (ed.) *Tulva Tatars and Bashkirs: Ethnographic Essays and Texts*. Perm: Perm Book Publ., 2004. 455 p. (In Russ.)
- Filonenko V. I. The Bashkirs. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. 1914. No. 8. Pp. 297–308. (In Russ.)
- Gaisina F. F. Road-related beliefs and taboos of Bashkirs. In: Karimova R. N. (comp.), Khisamitdinova F. G. et al. (eds.) *Ural-Altai: Through Centuries into the Future*. Conference Proceedings (Ufa; March 25–27, 2010). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of RAS), 2010. Vol. 1. Pp. 89–92. (In Bash.)
- Garustovich G. N. A Trace of the Great Turmoil: 14th-Century (Archaeological) Site near Briki-Alga. Ufa: Gilem, 2012. 222 p. (In Russ.)
- Georgi J. G. *Description of All Peoples Inhabiting the Russian State: Their Household Rituals, Practices, Clothes, Dwellings, Activities, Entertainments, Faiths and Other Memorable Phenomena*. Part II. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. 178 p. (In Russ.)
- Golovnev A. V. *Anthropology of Movement: Antiquities of North Eurasia*. Yekaterinburg: Ural Branch of RAS; Volot, 2009. 496 p. (In Russ.)
- Golovnev A. V. Conceptualization of mobility in anthropology and ethnography. *Ural Historical Journal*. 2018. No. 3 (60). Pp. 6–15. (In Russ.)
- Ivanova G. V. Traditional road culture of the Karelians shown in the newspaper ‘Olonetskie gubernskie vedomosti’ (1838–1917). *Finn-Ugric World*. 2017. No. 2. Pp. 72–84. (In Russ.)
- Kazantsev N. *Description of the Bashkirs*. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1866. 97 p. (In Russ.)
- Khabibullina Z. R. Hajj of Bashkortostan Muslims: history and current trends. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009. Vol. 11. No. 6. Pp. 312–317. (In Russ.)
- Korshunkov V. A. *Russia’s Road Tradition: Beliefs, Customs, Rites*. Moscow: Forum, 2015. 240 p. (In Russ.)
- Lepekhin I. I. 1770 Travel Notes of Ivan Lepekhin, Academician and Medical Doctor: Continuation. Part II. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1802. 338 p. (In Russ.)
- Matveev A. V. *Population of the Middle Irtysh: Traditional Travel Culture, 19th – First Third of the 20th Century*. Omsk: Nauka, 2012. 196 p. (In Russ.)
- Migranova E. V. *Bashkir Traditional Food System: A Historical-Ethnographic Study*. Ufa: Kitap, 2016. 292 p. (In Russ.)
- Migranova E. V. Survivals of traditional prohibitions in contemporary Bashkir society. *The Problems of Oriental Studies*. 2018. No. 4 (82). Pp. 30–37. (In Russ.)
- Mullagulov M. G. *Transport Means of the Bashkirs: 19th – Early 20th Century*. Ufa: Bashkir Scientific Center (Ural Branch of RAS), 1992. 152 p. (In Russ.)
- Nadrshina F. A. (comp.) *Bashkir Folklore: Proverbs and Sayings*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1980. 472 p. (In Bash. and Russ.)
- Nadrshina F. A. (comp.) *Bashkir Tales and Legends*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1996. 204 p. (In Russ.)
- Nazarov P. S. Bashkir ethnography revisited. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1890. No. 1–2. Pp. 164–192. (In Russ.)
- Pallas P. S. *Travels through Different Provinces of the Russian Empire*. Book I. Part 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1786. 476 p. (In Russ.)
- Pekarsky P. P. When and why were Ufa and Samara founded? (Historical inquiries of Academician Peter P. Pekarsky). SPb.: Tip. Imp. akad. nauk, 1872. 29 s.
- Psyanchin A. V., Allamuratova L. Kh. The road in the Bashkir traditional conceptions. In: Sundueva E. V. (ed.) *The World of Central Asia – 4. Collected Papers*. Irkutsk: Ottisk, 2017. Pp. 118–121. (In Russ.)
- R-n P. Data on Bashkirs. *Moskovskiy telegraf*. 1832. No. 48. Pp. 259–277. (In Russ.)

- Rodnov M. I. Peasants of Ufa Governorate in the Early 20th Century (1900–1917): Social Structure, Social Relations. Ufa: Dizayn Poligraf Servis, 2002. 314 p. (In Russ.)
- Rudenko S. I. The Bashkirs: Historical-Ethnographic Essays. Ufa: Kitap, 2006. 376 p. (In Russ.)
- Rychkov P. I. A History of Orenburg: Since the Establishment of Orenburg Governorate. Ufa: Bashkortostan Academy of Sciences, 2002. 195 p. (In Russ.)
- Sagitov M. M. (comp.) Bashkir Folklore: Epic. Ufa: Bashkir Book Publ., 1987. 544 p. (In Bash. and Russ.)
- Shchepanskaya T. B. Road Culture in the Russian Mythoritual Tradition: 19th–20th Centuries. Moscow: Indrik, 2003. 527 p. (In Russ.)
- Tairov A. D. Trade Communications in the Western Ural-Irtysh Region. Preprint. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 1995. 43 p. (In Russ.)
- Tatishchev V. N. Russian History. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1962. 500 p. (In Russ.)
- Tolstoy L. N. Novels and Short Stories. Ufa: Bashkir Book Publ., 1979. 335 p. (In Russ.)
- Ufa Federal Research Centre of the RAS; Institute of History, Language and Literature; Photograph Collection.
- Vasilyev M. I. Russian Ground Communications and Sliding Vehicles, 10th–Early 20th Centuries: Key Development Trends. Dr.Sc. (history) thesis abstract. St. Petersburg, 2009. 48 p. (In Russ.)
- Yusupov R. M. (ed.) The Bashkirs: Ethnic History and Traditional Culture. Ufa: Bashkirskaya Entsiklopediya, 2002. 248 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 976–1011, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-976-1011
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 394

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-976-1011

У каждого своя Сибирь. Годы войны и депортации в монологах Л. Т. Дорджиева и Е. С. Басановой

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Гучинова Э.-Б. М., 2020

Аннотация. *Введение.* Эта публикация освещает особый период в истории Калмыкии, все еще недостаточно изученный антропологами — период Великой Отечественной войны и депортации народа в Сибирь (1943–1956 гг.). Она состоит из введения, двух интервью, комментариев к ним. Представленные нарративы принадлежат людям, встретившим испытания депортацией с разным жизненным опытом: фронтовик, лейтенант Л. Т. Дорджиев и элистинская школьница, дочь фронтовика Е. С. Басанова. *Цель* публикации — выявление и уточнение смыслов повседневных практик, подробностей бытия, которые были жизненно важными для поколения наших отцов и матерей, чтобы они остались понятными поколению детей и внуков. Другая цель состоит в том, чтобы понять: какие закономерности в конструировании нарративов о депортации можно проследить, какие образы и сюжеты являются значимыми, какие вербальные формулы и устойчивые выражения используют рассказчики при спонтанном повествовании и какие оценки событий прошлого и какими выражениями они дают. Оба интервью исследованы с помощью нарративного анализа. *Материалы* представлены в виде транскрибированных текстов спонтанных интервью, полученных автором в 2005 г. у Л. Т. Дорджиева и в 2018 г. — у Е. С. Басановой. К ним применялся текстологический анализ и метод деконструкции текста. Фронтный опыт Дорджиева интересен исследователю не только индивидуальной, но и коллективистской стратегией, а также его участием в операции «Чечевица». Мужские стратегии сопротивления репрессивному режиму показывают правовую грамотность и умение говорить по-большевистски (С. Коткин) как приемы самозащиты, а также готовность защищать свое достоинство физически. Женское интервью показывает, как приходилось поколению калмыцких детей, индоктринированному советской идеологией, жить с ценностями советского общества и лояльностью к калмыцкой идентичности. Оба интервью являются конкретными примерами частной памяти о годах войны и депортации — памяти от «первого лица». Тексты интервью будут интересны всем исследователям депортации

калмыков и памяти об этом периоде. Дискурсивные стратегии этих двух нарративов говорят об их позитивном характере (Дж. Александер).

Ключевые слова: депортация, калмыки, репрессии, Великая отечественная война, Киргизия, Сибирь, сталинизм, память, нарратив

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Годы войны и депортации в монологах Л. Т. Дорджиева и Е. С. Басановой // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 976–1011. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-976-1011

UDC 394

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-976-1011

‘Everyone Has One’s Own Siberia’: Years of War and Deportation in Monologues of Lidzhi T. Dordzhiev and Elizaveta S. Basanova

Elza-Bair M. Guchinova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Guchinova E.- B. M., 2020

Abstract. Introduction. The publication highlights a special period in the history of Kalmykia still insufficiently studied by anthropologists — that of the Great Patriotic War and nation’s deportation to Siberia (1943–1956) — introducing memories and narratives thereof. It consists of an introduction, two interviews, commentaries, and a bibliography. The presented narratives belong to individuals who had met the trials of deportation with different life experiences: front-line soldier, Lieutenant L. T. Dordzhiev — and Elista schoolgirl, daughter of the front-line soldier E. S. Basanova. **Goals.** The paper seeks to identify and clarify the meanings of everyday practices, details of life that were vital for the generation of our fathers and mothers, so that they remain understandable to the generation of children and grandchildren. Another goal is to understand what construction patterns in deportation narratives can be traced, what images and plots are significant, what verbal formulas and stable expressions are used by storytellers in spontaneous narration, and what assessments of past events and what expressions they give. **Materials and Methods.** Both the interviews will be explored through narrative analysis. The materials are presented in the form of transcribed spontaneous interviews received by the author from L. Dordzhiev in 2005, and from E. Basanova in 2018. Textological analysis and the method of text deconstruction were employed. **Results.** The front-line experience of L. Dordzhiev is interesting enough not only for his individual but for his collectivist strategy too, as well as for his participation in Operation Lentil (Russ. *Chechevitsa*). Male strategies of resistance to a repressive regime show legal literacy and the ability to speak Bolshevik (S. Kotkin) as means of self-defense, as well as a willingness to defend their dignity physically. The woman’s interview shows how the generation of Kalmyk children indoctrinated by Soviet ideology had to live with the values of Soviet society and loyalty to Kalmyk identity. Both the interviews are concrete examples of private memories of the war and deportation years — first-person memories. The interview texts will be of interest to all researchers of the Kalmyk Deportation and memory of this period. The discursive strategies of these two narratives speak of their positive nature (J. Alexander).

Keywords: deportation, Kalmyks, repressions, Great Patriotic War, Kyrgyzstan, Siberia, Stalinism, memory, narrative

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project title ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Guchinova E.-B. M. ‘*Everyone Has One’s Own Siberia*’: Years of War and Deportation in Monologues of Lidzhi T. Dordzhiev and Elizaveta S. Basanova. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 976–1011. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-976-1011

Введение

Депортация и жизнь в сибирской ссылке — важный период в истории калмыцкого народа. Долгое время у исследователей не было возможности ее изучать. Такая возможность появилась в конце 1980-х гг., когда были опубликованы Декларация и указ Верховного совета СССР о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов: документов о ликвидации республики, по операции «Улусы», других ведомственных документов НКВД и МВД, связанных с надзором над калмыцкими спецпереселенцами. Эти чрезвычайно важные документы имеют свои ведомственные цели и отражают жизнь калмыков именно с этого ведомственного ракурса. Какие еще источники могут быть в распоряжении исследователя, если этноним «калмык» был запрещен, и 13 лет калмыки были невидимыми в публичном пространстве? Это песни о депортации, которые сложились об актуальном как современные посты в социальных сетях, но быстро стало ясно, что петь такие песни опасно, за это могут наказать. О том, как и чем жили калмыки в местах расселения в Сибири и Казахстане, как отмечали праздники и как трудились, как завязывали дружеские отношения с соседями и с одноклассниками и т. д., — обо всех ежедневных практиках репрессированных мы можем узнать из устных спонтанных рассказов тех калмыков, кто был спецпереселенцем. Самые интересные исследовательские вопросы — это как реагировала этническая идентичность на репрессированный статус, каковы были стратегии сопротивления репрессирующему режиму.

Перед вами очередные парные интервью спонтанных рассказов о депортации калмыков — Лиджи Такаевича Дорджиева (1922–2008) и Елизаветы Семеновны Басановой (род. в 1929 г.). Эти истории — часть

исследовательского проекта «У каждого своя Сибирь» — сбора и анализа спонтанных рассказов калмыков о годах, проведенных в Сибири. Это четвертая публикация парных интервью [Гучинова 2005; Гучинова 2008; Гучинова 2019].

В каждом интервью проекта ставилась «задача записать рассказ о повседневной жизни калмыков в условиях депортации, о стратегиях физического и социального выживания, о том, как переживалась стигма исключенности из общества на этнической основе. Меня интересовал не только период депортации, но и предыдущая жизнь: детство, школьные годы, период оккупации, как и последующий период: возвращение на родину и встреча с ней, а также и то, как менялся во времени комплекс чувств и мнений о депортации, ее причинах и последствиях высланных людей» [Гучинова 2005: 402].

Цель публикации — выявление и уточнение смыслов повседневных практик, подробностей бытия, которые были жизненно важными для поколения наших отцов и матерей, чтобы они остались понятными поколению детей и внуков. Другая цель состоит в том, чтобы понять: какие закономерности в конструировании нарративов о депортации можно проследить, какие образы и сюжеты являются значимыми, какие вербальные формулы и устойчивые выражения используют рассказчики при спонтанном повествовании, и какие оценки событий прошлого и какими выражениями они дают? Оба интервью исследованы с помощью нарративного анализа спонтанных интервью. Спонтанность речи представляет особую ценность для исследования, потому что именно свободная речь, первые приходящие в голову рассказчика ассоциации, эпитеты и термины нередко проговаривают большее — подсознательные оценки, показывают травматичность ситуации.

Представленные нарративы принадлежат людям, встретившим испытания депортацией с разным жизненным опытом. Лиджи Дорджиев был из тех школьников, кто после выпускного звонка пошел на войну. В его рассказе мы видим заботы простого открытого парня, умеющего дружить, оптимиста, который ведет себя смело и инициативно, адекватно обстоятельствам и не забывает о своих интересах. Мы видим, как непросто было Лиджи выживать в военные годы, что надо было полагаться не на судьбу, а на себя и товарищей, а также быть ответственным, знать писанные законы и неписанные правила. Вокруг него замечаем много людей, в том числе и потому, что щедрость и великодушие, добрый, веселый нрав всегда привлекают людей. По его повествованию мы видим, как вернувшиеся фронтовики становятся статусно старшими для своих высланных родственников, так как лучше понимают, что надо делать, и что их фронтовой путь и есть лучший символический капитал для советского человека. Особый интерес в нарративе Л. Т. Дорджиева представляет рассказ о том, как ему пришлось в составе своей воинской части принимать участие в операции «Чечевица», как был организован процесс депортации в селе Харалиевка Улус-Мартановского района в тот самый февраль 1944 г.

Лиджи Дорджиев, фронтовик, награжденный медалью «За отвагу», был демобилизован в 1947 г. и выбрал в качестве места поселения г. Пржевальск. Л. Т. Дорджиев прожил долгую жизнь, он посвятил свою жизнь зооинженерии, работал в Калмыцком НИИ мясного скотоводства. Проблема утраты калмыцкого скота, о которой давно говорят фермеры республики, оказалась важной для Л. Т. Дорджиева, чья кандидатская диссертация на тему «Калмыцкий скот, его совершенствование и рационализация дорашивания, нагула и откорма», защищенная в 1974 г., актуальна и сегодня. Пытаясь восстановить калмыцкие породы скота, утраченные за годы отсутствия калмыков на родине, Л. Т. Дорджиев работал над тем, чтобы восполнить значимые для скотоводческого народа потери тех лет. Эта задача не только из области зооинженерии, но и во многом задача, важная для национального самосознания — вернуть те виды скота, которыми гордились наши прадеды, с которыми наши предки пришли на Волгу.

Лиза Басанова была выслана ученицей шестого класса, жизненного опыта у нее совсем не было — она взрослеет, разбираясь сама в сложных жизненных ситуациях, следуя своему внутреннему нравственному чутью и советам старших родственников. В 1945 г. приходит из Широклага ее отец, и жизнь становится легче, но не становится легкой. Умение работать, желание учиться, активность и прямота помогали Е. С. Басановой преодолевать трудности в непростой ссыльной жизни. Жители Элисты оценят малоизвестные подробности довоенной городской жизни: во что играли дети, как одевались, как отмечали праздники, имена школьных учителей, которые памятливы и поныне.

В тексте интервью для нас представляют интерес также гендерные аспекты поведения, ее стремление к знаниям, к самореализации, а не быстрое замужество — в этом видна ориентация на модернизированные ценности городской девочки, росшей в самом центре Элисты. Отразилась в нарративе Е. С. Басановой и ее профессия школьного педагога. В настоящее время Е. С. Басанова живет в Элисте, недавно отметила свой 90-летний юбилей.

Интервью с Л. Т. Дорджиевым состоялось в 2004 г., интервью с Е. С. Басановой — в 2018 г., при подготовке публикации текст был авторизован рассказчицей в 2020 г. Оба собеседника охотно рассказывали о прошлом. Им было приятно, что их жизнь и чувства интересны и важны следующему поколению, они не возражали против включенного диктофона, понимая значение фиксации разных голосов на особую для калмыков тему. Ниже представлены дословные транскрипты обоих рассказчиков.

Л. Т. Дорджиев

Родился я в Эркетеновском районе, наш хотон назывался Хоогчуд (Хогчут). Отец мой был не богатый, но и не бедный, середняк. Родился 18 августа 1922 г. в урочище Менгн Яср. Сейчас эта территория принадлежит Лаганскому району, а раньше относилась к Эркетеновскому улусу.

Пошел учиться поздно, в 10-летнем возрасте, в Улан-хольскую школу-интернат. Туда принимали в основном сирот и детей, у которых родители жили не в самом Улан-холье. У нас было так. Наш род *хоогчуд*

обитал в урочищах Зёргтин Толга, Мовлтын Гяддлти, Менгн Яср. А когда коллективизация произошла, то разделили землю. И по распределению земли наш род, оказалось, входит в территорию Лаганского района. Тогда наши улан-хольцы говорят: ну что это вы будете в чужом районе, давайте переходите в Улан-хол. Тогда наши переехали в урочище Мацкахна, где ваш (мой. — Э.-Б. Г.) род жил.

Ваши (мацкахна) уже жили оседло, там были мазанки, дома. Это было в 1930–31 гг. Туда мы переехали и стали строить дома. В первую очередь дядя построил, потом остальные стали обстраиваться. Дома были камышитовые: стены из камыша, их с обеих сторон обмазывали глиной. У хоогчудов была своя школа, она была раньше на старой территории. Мы в Лагани купили деревянный дом и перевезли его на новое место между мацкаханами и хоогчудами. Зимой ночью сгорел дом Аляева Хоша из нашего рода. В этот же год было много простудных заболеваний среди наших. В то время больниц не было. Мангутов Пюрвя и вся их семья — отец, мать, тетка в этом урочище умерли, и многие другие болели.

А родители были в то время еще религиозные. Чуть что — к священнику обращались: в чем дело, почему это так? Священник сказал: вы неправильно выбрали место. Оказывается, на этом бугре, где мы решили строиться, покоится прах зайсанга, человека белой кости, и нельзя было место рядом с его прахом загрязнять. А сгоревший дом был как раз от его могилы на расстоянии 20–25 м. Тогда мы забросили все эти дома и разъехались по разным местам: кто в Улан-хол, кто в Нарын Худук. А из наших близких родственников умер дядя мой, младший брат отца. Сейчас понимаю, что у него был радикулит сильнейший, он ведь был охотник. Видно, простыл сильно и на этой почве заболел и умер. Тут одно к одному.

Отец мой попал в совхоз им. Яковлева, это был один из руководителей советского государства, потом он был расстрелян как враг народа, и совхоз был переименован в 110-й Черноземельский. Потом и этот совхоз был закрыт, так как при серологическом обследовании стада обнаружилось много больных бруцеллезом коров...

Так как мои родители находились почти в 100 км от Улан-хола, я учился в школе-ин-

тернате. Отличником я не был, но успевал хорошо. Вступил в пионеры, в комсомол. Был инструктором юных ворошиловских стрелков, санинструкторов, противовоздушной обороны, потому что заработал значки 1–2 ступени. Меня даже стали заставлять других готовить.

В 1941 г., когда учился в 9 классе, пришло письмо из объединенного Лаганского военкомата, приглашение на пять человек: я, Церенов Иста, Яценко Сергей, Джакаев Саранг, Басангов Саранг. В то время мы были в Уланхольском районе, а военкомат был в Лагани. В этом письме требовалось, чтобы нам годовые оценки выставили по итогам четвертных и дали комсомольские школьные характеристики и от райкома комсомола, и мы все впятером поехали в военкомат 20 мая. В этот же день у нас был первый экзамен.

Мы приехали, и нас принял капитан Плотов, посмотрел наши дела: о, ребята хорошие. Мы вас хотим послать учиться в военное училище. А я не выдержал и сказал свое мнение: я, например, в военное училище не хочу.

— А что за причина?

— Мы в школе 10 лет учились, чтобы поступить в вуз, а если подошло время брать нас в армию, берите, пожалуйста. Я не отказываюсь служить в рядах Красной армии, но после армии буду продолжать учиться в вузе.

Он нам сказал напрямую: вы не понимаете политику. Сейчас недостаток в командном составе Красной Армии. Поэтому у нас приказ от правительства, от министерства обороны — ребят со средним образованием направить в военные училища. Хотите или не хотите, мы вас заберем и направим в военные училища. Вот выбирайте.

В Астрахани было два училища: пехотно-пулеметное училище и пехотное, в Симферополе — интендантское, в Тамбове — кавалерийское и пехотное. Джакаев Саранг и Яценко Сергей сказали: мы поедem в Ростовское артиллерийское, один — в Сталинградское танковое. Дошла до меня очередь, я сказал: раз такое дело — я поеду в Тамбовское кавалерийское.

Все, сказал он, мы вам дополнительно сообщим, езжайте по домам. А нам документы уже выданы, что мы окончили девять классов, первый экзамен уже прошел, и мы на экзамены больше не пошли.

Меня вдруг вызывает Э. Лиджи-Горяев, первый секретарь райкома комсомола, говорит: организуем пионерский районный лагерь и вас хотим направить пионервожатым.

Отец работал в управлении Черных земель объездчиком. Родители мои жили еще в калмыцкой юрте. Сейчас это пос. Комсомольский, а тогда называлось урочище *Халтрин боро*. В этом урочище в 1941 г. была животноводческая точка колхоза «Красный камышаник» Ставропольского края. Вот почему, когда калмыков выслали, Ставропольский край построил поселок с тем же названием «Красный камышаник» и чуть ли не создал район по обслуживанию отгонных пастбищ Ставропольского края.

В Улан-хольском районе был пос. Тевктя. В нем организовали пионерский лагерь. Я был там вожатый, а напарник мой был Сангаджиев Григорий. 22 июня он поехал в Улан-хол, к матери. Вечером он приезжает и говорит: Лиджи, война началась. Он был моложе меня на год, не был призван, а я-то уже приглашен был в военкомат. Тогда на следующий день, в понедельник, я приехал в Улан-хол, говорю в райкоме: освободите меня от работы в пионерском лагере, раз война началась, я должен сообщить в военкомат и идти служить. Я позвонил Потлову, спрашиваю: мне надо ехать уже? Нет, мы отправили запрос и ждем ответа от военных училищ. Как ответ придет, мы вам сообщим. Где вы будете?

— Я поеду в Нарын худук к своим родителям, они там в степи живут.

Я так и сделал. Поехал, попрощался. Жду сигнала. Недели две я погостил у родителей, с ними попрощался и поехал в Нарын Худук, где жили две мои тетки. Я был у тетки младшей, прибегает девушка-телефонистка — я их предупреждал — Вас приглашают к телефону из Лаганского военкомата. Это звонил Потлов: 18 июля Вас отправляют в армию. Это было примерно 15 июля. Я тут же попрощался. Зять, теткин муж, оседлал двух лошадей и повез меня в Лагань. 17 июля мне вручили конверт с моими документами. Там было написано: г. Ленинград, улица Глинки, д. № 2. Ленинградское военное ветеринарное училище. Я говорю капитану Потлову: куда же Вы меня посылаете? Я же говорил — в Тамбовское кавалерийское училище. Он мне сказал: в

Тамбовском училище набор закончился, а в Ленинградском — еще нет. Вы хотели служить в кавалерии, мы вас в кавалерию и направляем. Там еще и специальность получите. Война началась, а в этом училище комплектование еще идет.

— Ну, война началась, мне отказываться от службы, что ли? Дал согласие и на следующий день уехал.

Меня провожал Болдырев Николай, из нашего рода. Тогда, в 1941 г., пароход к Лагани уже не приставал, а приставал в море, куда меня отвезли на катере. 18 июля в Астрахани, с 17-го причала я сел на пароход и доехал до Сталинграда, а оттуда поездом в Москву, потом — в Ленинград. Война вовсю шла.

Приехал в Ленинград, оказывается, надо сдавать экзамен. Я его сдал, вроде прошел. Медицинскую комиссию прошел, потом мандатная комиссия мне объявляет, что Вас решили не принимать, медкомиссия Вас забраковала, потому что вы страдаете плоскостопием. Такой человек в армии не должен служить. Мне так стыдно стало, что я такой ни к чему не годный. Война идет, а меня хотят отправить домой. И настаиваю: я хочу служить в армии.

Среди членов мандатной комиссии сидела пожилая женщина, в военной форме, четыре «шпалы» в петлице. Это военврач 1-го ранга, полковник. Она задает мне вопрос: «Вы откуда?». Говорю: из Калмыцкой автономной республики. Она спрашивает: «А Вы что-нибудь слышали в отношении 11-й армии?» Говорю: как не слышал? Каждый год через наше село Улан-хол едут артисты, шахтеры-стахановцы, по следам 11-й армии, рассказывают нам историю 11-й армии. Эта армия в гражданскую войну прошла по нашим территориям с Кавказа в Астрахань.

И она стала рассказывать членам комиссии: если бы не калмыки, мы бы все остались в сухой степи, пропали бы. Калмыки нас спасли, давали скот, продукты, транспорт. Благодаря помощи калмыков, мы бла-

¹ 11-я армия была создана на базе революционных войск всего Северного Кавказа в октябре 1918 г. и вела бои на Северном Кавказе. Через Калмыцкие степи она отступала, когда была разгромлена в конце 1918 – начале 1919 г., отступала с грабежами, насилием, большими потерями [Очиров 2009: 227].

гополучно добрались до Астрахани. Мое мнение такое: его не надо отпускать, пусть он остается в нашем училище, а то он потеряется. Давайте его оставим. Окончит наше училище, пешком ходить не будет, будет на лошади ездить, ничего страшного нет.

Она, оказывается, начальник санитарной службы этого училища. И все. Мандатная комиссия сказала: оставляем тебя. Я сказал: спасибо за доверие.

Эта женщина снова мне говорит: завтра в 10 часов обязательно приходи ко мне на прием в такой-то кабинет. На следующий день я пришел, а она мне и говорит: «Ты, дорогой, родился в сухой степи. А в Ленинграде климат морской, влажный. Ты можешь тут схватить туберкулез. Чтобы не схватить эту страшную болезнь, я тебе заранее назначаю лечение. Вот рецепт, получишь два лекарства. Будешь пить его два раза в день, где бы ты ни был». Я так и сделал. Мне дали рыбий жир и хлористый кальций. Я пил эти лекарства, и до сего времени у меня никакого туберкулеза не было. Вот так она спасла меня второй раз. А почему она это сказала? Она была в 11-й армии сестрой милосердия. После гражданской войны она закончила военный факультет мединститута. Но когда ввели офицерские звания, она стала полковником медицинской службы.

В этом училище из нашей республики училось человек пять: Пятаренко Григорий из Элисты, Нежута Пантелей из Приютненского района, Лепетюхин Петр из Сарпинского р-на, Тихонов Джал и Шевцов Василий из Городовиковского района и я. Позже мы друг друга признали, что земляки, а с Тихоновым Джалом мы попали в один класс. Оказывается, Тихонов Джал был призван со второго курса Башантинского совхоз-техникума, Нежута тоже агроном, он с Украины, кончил сельхозтехникум и приехал работать в Приютненский район. Война началась, и его взяли готового со средним образованием в училище.

Война уже подходила к Ленинграду, были тяжелые бои. 8 сентября Ленинград был уже в тяжелейшем состоянии. Немцы уже захватили Пушкино и Царское село. В то время Ленинградским фронтом командовал К. Е. Ворошилов. Видно, Ставка верховного главнокомандующего поняла, что Ленинград в критическом положении, и надо обязательно послать такого человека,

который исправит его. Прислали Г. К. Жукова. Как только Георгий Константинович появился командующим Ленинградским фронтом, по его приказу кроме тех воинских частей, что участвовали непосредственно в обороне Ленинграда, создали еще 6–7 истребительных батальонов за счет моряков Балтийского флота и учащих военных заведений, в том числе и нашего училища. До этого наше училище уже посылало один батальон чуть ли не выпускников на защиту города. А после этого приказа из нашего набора также сформировали батальон, и нас послали на оборону Ленинграда. 8 сентября воздушные налеты были, но они еще не могли бомбардировать город, а листовки они бросали. Создавалась такая обстановка, что в Ленинград вот-вот войдут немцы.

Жуков сумел мобилизовать все. Мы попали непосредственно на Ленинградский фронт. Там много погибло наших курсантов. Я получил там легкое ранение в боях. Когда оборона стабилизировалась, Ставка верховного командования отозвала Жукова на другой фронт. А он как дальновидный стратег издает приказ: курсантов военных училищ снять с фронта, пусть продолжают учиться. Нас сняли с передовой, и наше училище эвакуировали из Ленинграда. Это только название — эвакуировали. Некоторые училища вывозили самолетами. А нас посадили на Финском вокзале в пригородный поезд, вывезли в неотопливаемых вагонах на берег Ладожского озера. Там стояли два барака на берегу. Внутри в котлах вода кипит. Хочешь согреться, пей эту воду. Сухой паек был 120 грамм сухарей в день.

Вечером нас привезли. Нам сказали: под покровом ночи мы должны были пешком пройти через Ладогу на тот берег. Нам дают команду. Когда мы выходили из Ленинграда, нам сказали: возьмите учебники, по которым мы учились военному делу, и ваши конспекты. Дали по две простыни, подушечные наволочки, матрасные наволочки, одеяла. Как выйти на берег, нам сказали: из двух простыней сделайте маскхалаты, подушечные наволочки наденьте на голову для маскировки и в строй. 48 км в военном порядке надо пройти пешком за эту ночь. Идем в военном порядке.

Назначают разведку. Очередь дошла до меня, говорят: курсант Дорджиев, идите в разведку, и еще назвали двоих. И мы трое

выбежали. А там фонари «летучая мышь» стоят на льду. И когда мы шли строем, я выбежал из строя и попал в прорубь и ушел в воду. Оказывается, немцы бомбили, и полынья затянулась, но не полностью. Наверно, это счастье мое, что я не должен был погибнуть. Я, раз, одной ногой и второй в воде. Винтовка поперек стала и вещевого мешок, они меня удержали. Тут ребята бросили веревку, и меня вытащили. Я встал весь мокрый. Дали запасные портянки. Все остальное мокрое. Подоспел командир, забирает у меня вещмешок и винтовку и говорит: давайте сопровождайте бегом. Командир сказал: до берега осталось 12 км, добежишь — твое счастье. Бегите там, где фонарь «летучая мышь» стоит, — значит, проруби нет. Не знаю, сколько мы пробежали. Бежим, вдруг видим: сзади машина едет с горящими фарами, не должно так быть, не маскируется же. Оказывается, командир роты стоит на подножке, пистолет в руках. Командир говорит шоферу: этого курсанта доведи, если не довезешь, где-то через полтора часа мы вас догоним, и я сам тебя найду и лично расстреляю. Этот шофер где-то нашел тулуп. Оказывается, за этой машиной, полной людей, прицеплены сани, и там тоже люди, раненые. Я помню, что шофер меня завернул и положил туда. Сколько ехали, я не знаю.

Просыпаюсь в помещении. Потолок. Лежу я на кровати под одеялом. Посмотрел — весь целый, на ногах повязки. «Пронулся?», — говорят, — кушать хочешь?». «Как же, хочу». Оказалось, это эвакуогоспиталь. Оказалось, за это время мои портянки, сапоги обледенели. Когда их сняли, то обнаружили, что мои пальцы на ногах обморожены. Сделали перевязку. Я два дня лежал, не больше. А тут, оказывается, этот госпиталь должен эвакуироваться и куда-то переезжать. И всех, кто мало-мальски мог двигаться, они отпускали. Это дело я понял и говорю: отпустите меня. Неохота было лежать среди незнакомых, думаю: мне бы до училища, до своих ребят добраться. Сапоги мои были разрезаны. Мне дали валенки, перевязочный материал и красный стрептоцид², белого не было, что ли. И отпустили меня.

² Первое в мире синтетическое антибактериальное средство, первый препарат группы сульфаниламидов, снят с производства.

Никакого документа у меня нет. Но идти надо. В этом селе была церковь, подхожу, спрашиваю у людей: военное училище здесь было? Говорят: они прошли два дня назад, но, по разговорам, они тут недалеко остановились, в пяти километрах. Женщина одна говорит: ваш один в церкви лежит. Прихожу, смотрю. Он сидит, целый, не ранен, но голод-холод, что ли, — он невменяемый. Узнаю его по петлицам. У нас курсантские петлицы совершенно другие были. Были написаны буквы. Спрашиваю: «Пойдешь?» — Нет, не могу. Я пошел дальше по селу и в конце концов сумел добраться до наших.

Слава Богу, к обеду дошел. Наши в моем взводе обрадовались, приняли меня. А было у меня два друга — Королев Сашка и Молчанов Михаил. Они меня сразу к себе. Когда мы пошли дальше, один несет мой вещевого мешок, а там две простыни, матрасная наволочка, две подушечные наволочки, одеяло, еще личные вещи, книги, по которым мы учились, — вещевого мешок полный. Другой винтовку тащит, а к тому же еще каждому дали 120 патронов, две гранаты, малую саперную лопату.

Командир приходит проверять, кто как идет. А я иду в середине. Кто не может идти, сдают в госпиталь. А мне друзья Саша и Миша помогают. Говорю: вы меня не бросайте, я в госпиталь не хочу, хочу с вами. Как командир подходит, Саша бросает мне на плечо вещмешок, Миша — винтовку. Получается, я вполне нормальный человек, сам иду. Таким образом, они меня сохранили.

Мы же на войне, притом и территория опасная. Пока мы дошли до Тихвина, два раза на нас напала немецкая разведка. Хотя мы и бессильные, но мы все же люди, в конце концов. Лежим и стреляем.

Как мы добрались до г. Вельска Архангельской области, я пошел в городскую больницу. Там мне хотели отрезать большие пальцы обеих ног. Говорят: если будет заражение, вы умрете. Я тоже не дурак, понимаю, что, если заражение было бы, уже началось бы. Мог бы давно уже умереть. И говорю: резать не дам, умру, но целым. Врачи посмотрели на меня, что за человек. Они меня вылечили. Так мы добрались до Тихвина, оттуда нас посадили в теплушки, без печки, без ничего. И кое-как добрались до станции Ефимовка. Тут нас пересадили в

теплушки с печками. Только собрались тронуться, немцы нас разбомбили. Наше счастье, снаряды попали не в нас, а в соседние два вагона. Многие погибли, многие ранения получили. В Ефимовке был госпиталь, немцы его разбомбили. Наш эшелон перестроировали и отправили в г. Вологду. Оттуда нас повезли в г. Вельск Архангельской области.

По совести говоря, все мы приехали туда истощенные. Даже вот такой случай был. У меня были часы ЗИФ³, квадратные с браслетом. Я их покупал в Астрахани за 750 руб. В деревне Середка пришлось отдать эти часы за то, чтобы в деревне 3 дня нас троих кормили. Правда, когда мы уходили, нам с собой дали крестьянского хлеба и кусочек сала, грамм 300. А многие так не смогли. У курсанта Улиткина были часы Кировские, карманные, переделанные на ручные. Он за одну булку отдал эти часы в той деревне. А командиры ходят и говорят: если вы у местного населения что-то возьмете или украдете, мы вас расстреляем на том же месте как мародеров. Так жестко было.

После Тихвина нас стали уже кормить. В Вельске нас уже на норму поставили. Мы в Вельске три месяца не учились, нас только кормили, лишь бы мы на людей стали похожими. Мы были как ходячие тени. Постепенно мы поправились. Из нашего набора только 124 человека кончили училище — одна рота, а было набрано тысячу с лишним ребят. Выпускников, которые пошли защищать Ленинград, осталось только 15, они получили звания. В мае 1943 г. мы закончили училище, и я попал на Западный фронт, в 83-й Краснознаменный полк и участвовал в освобождении Смоленской и Витебской областей.

Потом наш полк перебросили на операцию по выселению чеченов⁴ и ингушей. У меня спросили: кто Вы такой, старший лейтенант? Говорю: лейтенант Дорджиев, калмык из Калмыцкой республики. Он сказал: Калмыцкая республика ликвидирована, а калмыки высланы. Также подняли другого лейтенанта. Младший лейтенант Джумабаев, казах из Челябинской области. Сказали: казахов мы не трогали.

Я был в селе Харалиевка Урус-Мартановского района. 23 февраля местное население мы собрали на площади этого села в 8 утра. У чеченов женщины [на митинги] не ходят, одни мужики пришли. Мы это собрание назвали митинг, посвященный Дню Советской Армии⁵.

Когда все мужики собрались, мы на всякий случай оцепили площадь и зачитали указ Президиума ВС СССР о том, что Чечено-Ингушская республика выселяется. Завтра сюда придет машина, каждую семью мы посадим. Завтра утром в 10 часов придет наш наряд и будет проверять ваши вещи. Проверять будут только на наличие оружия. При проверке никто из наших, офицеры и солдаты, не будут брать ничего. Если кто-либо из солдат и офицеров возьмет ваши деньги, изделия из золота, серебра, деньги или заем, доложите командованию, и этот человек будет расстрелян на месте как мародер. Но если кто-то из ваших сделает нападение на нашего солдата или офицера, убьет или ранит нашего солдата или офицера, то каждый десятый мужчина будет расстрелян на этой площади. Поняли условия? Берите продукты, теплые вещи, но тяжелые и громоздкие вещи не берите, в машине места не будет.

Мы оцепили больше 100 мужиков. Им сказали: добровольно положите на стол, у кого какое оружие есть. Один милиционер, по национальности чечен, положил наган, все остальные — свои кинжалы. Мы после этого поверхностно их обыскали: ни у кого оружия не было. Мы предложили выделить 10 человек — стариков, чтобы они прошли по селу и объяснили всем, чтобы готовились в дорогу, что готовится высылка, завтра утром к 10 придет машина, и надо упаковать свои вещи. А мужиков будем держать в школе до утра под охраной. Как только семья его придет с вещами, мы мужика вызываем из школы, сажаем на транспорт. 10 человек пошли по нашему заданию. Остальные сидели под охраной в школе. Утром пройдет наряд и проверит багаж на наличие оружия.

Людей собрали на площади. Машины должны были прийти в 10 утра, но до часу дня не пришли... Ждем, машин нет. Машины были американские — студебекеры.

³ Завод им. Фрунзе.

⁴ Так в речи рассказчика.

⁵ Оговорка рассказчика: тогда — Красной Армии.

ры шевроле. Тогда мне командир говорит: лейтенант Дорджиев, берите своего и моего ординарца и скачите в райцентр Улус-Мартан, встречайте там машины. Подъезжаем, видим: у края села едут машины. Остановились, спросили, куда они едут, выходит, к нам. Мы поехали назад, мы скачем, машины за нами. Но дороги неважные после дождя. Погрузили всех и отправили на железнодорожную станцию. Как их там грузили, как их разместили, я не знаю, там я не присутствовал. На следующий день видим, как скот, птица гуляет по селу. Там же и индвидуальный скот, и колхозный. Мы их закрыли. Ждем, что появится местная власть.

Действительно, вскорости пришли люди. Им говорят: кто хочет постоянно жить, берите дома, оформляли ссуду. Мы прошли по селу, может, кто остался. Смотрим: все вещи взяты, только кровати, столы остались и скот. Все имущество они взяли с собой. Мне кажется, выселение калмыков послужило уроком, и чеченцев уже так не выселяли как калмыков за полчаса или за два часа на сборы. Что это за время, скажите, пожалуйста? При выселении чеченов и ингушей им дали возможность все увезти, теплые вещи, деньги, ценности, продукты с собой взять.

После этого мы на 1-й Украинский фронт были направлены. По дороге я случайно в пути в Днепропетровске встретил друга. У нас была договоренность: если он будет в Калмыкии, он моих родителей обязательно навестит. Он извинился передо мной, говорит, что калмыки были высланы, и он не мог к моим родителям заехать. Мы говорили всего 10–15 мин. Его состав тронулся.

На фронте мне сказали: Вы — офицер, никаких ограничений Вам нет. Как служите, так и служите. Я тоже так думал: раз война, то служим. А как закончится война, то разберутся. Но как-то мне говорят: «Вас приглашают в отдел кадров 1-го Украинского фронта». Прихожу, начальник отдела кадров говорит: идите на вещевой склад, сдайте оружие. Дали мне продукты, аттестат, литер⁶. Прихожу обратно в штаб фронта, мне дают предписание, что лейтенант Дорджиев направляется в распоряжение

командующего Южно-Уральского фронта в г. Оренбург. Мы были уже за Львовом. Оттуда никакого поезда нет. Я доехал до Киева на товарных составах с разным военным грузом, а там уже сел на пассажирский поезд. Приехал я в Ростов. В литературе было написано, чтобы я из Ростова ехал на Москву. А я подумал: лучше я поеду через Грозный и Гудермес. С таким расчетом, что нет наших, зато по своей территории проеду. Так я и сделал: в Ростове сел на поезд, доехал до станции Грозный. Чеченов там уже нет.

Поезд был Москва-Баку, остановился. Я стоял, курил. Подходит ко мне солдат и говорит: товарищ вожатый, можно к вам обратиться? Я думаю: странное обращение. Посмотрел: Барабанов Миша! Спрашиваю: тебя когда в армию взяли? — В марте взяли. Мы поговорили, я у него не стал ничего спрашивать о калмыках. Он ушел. А почему он меня вожатым назвал, я ведь в школе был вожатым. Я уже кончил курить, вдруг меня окликают: товарищ лейтенант, обождите. Я оборачиваюсь: такой же лейтенант, только в артиллерийской форме. Я спрашиваю: что хотите? — Разрешите Ваши документы. Я говорю: «Вы разрешите Ваши документы на право проверки документов военнослужащего». Он достает из кармана бумажку, в которой написано, что он является старшим гарнизонного патруля станции г. Грозный и имеет право проверять документы. Тогда я ему подал удостоверение личности. Он посмотрел, говорит: пройдемте в комендатуру. Он так держал небрежно, я взял у него из рук и положил в карман. Говорю: если вы хотите проверять, кто я такой, я не возражаю, но только не в Грозном. Я еду в Оренбург. Мне надо сегодня добраться до Астрахани, там пересадка и надо успеть. Давай, доедем до Гудермеса. Там проверь. — Какой вагон? — 7-й. — Хорошо. Он привел двух солдат. Приехали в Гудермес, и как раз наш поезд приходит, а поезд на Астрахань уходит. Я, значит, не успеваю. Предлагаю: давай вначале вещи в камеру хранения отнесем. У меня с собой было много продуктов, меня ребята с фронта хорошо нагрузили. В камеру хранения сдали и пошли в военную комендатуру. А там сидел человек, который вроде некомпетентный в проверке. Минут 20 сидел я там. Приходит человек в гражданской форме, в руках несет что-то завернутое в газету.

⁶ Свидетельство для бесплатного или льготного проезда.

— Вы — лейтенант Дорджиев? — Я. —
Пойдемте.

Барачного типа дом. Когда мы зашли, видно: одна дверь, другая. Стол стоит, стулья. Садитесь. В газете завернутый пистолет ТТ положил, командирский.

— Как ваша фамилия?

Я спросил: что, в вашей практике допросы под ружьем снимают?

Он говорит: извините. В этот момент открывается дверь и входит майор госбезопасности. Спрашивает: ты, лейтенант, откуда? Говорю: с 1-го Украинского. — А сюда как попал? — Вот привели меня, хотят выяснить мою личность. А этот майор был старшим при выселении чеченцев, наблюдал за нами. Он сказал тому, кто привел: это наш человек, мы его знаем. Стал расспрашивать меня про наших: кто сейчас где. Тот уже не стал с меня допрос брать. Война закончится — разберутся. Что будешь делать, лейтенант, ничего не поделаешь. Давай езжай дальше.

Тут еще два других офицера в Москву собрались, и мы втроем, нам делать нечего до завтрашнего дня. Они — армяне. Говорят, хочешь армянским вином угостим? Я говорю: ну, пойдем в камеру хранения, у меня там закуска есть, свиная тушенка. Они вытащили бутылку вина. Это же июль, сели на траве. Они говорят: вот это вино 15-летней выдержки. В отпуске были, домой заезжали, обратно едем служить.

Едем в Астрахань. Проезжаю через свою территорию. После Кизляра я не стал спать, хоть ночью. Приехали в 8-й разъезд. Остановился поезд. Смотрю, водовозка, запряженная верблюдом, и русский мужчина. Я спрашиваю, что за станция. Он говорит: это не станция, а разъезд. — А какие люди тут живут? Что за село? Он же меня ночью не видит. — Это Белое озеро. Да калмыки были, выселены. А в Улан-хол уже утром приехали. Я спрашиваю: а где русские, которые жили в Улан-холье? Мне сказали: многие разъехались кто куда. Транспорт ходит? — От случая к случаю. И я не пошел в Улан-хол, поехал в Астрахань. Там я встретил калмыков, правда, наших, улан-хольских, среди них не было. И то случайно встретил. По городу иду, вижу: один калмык рыбачит. Спрашиваю: кто ты такой? — Калмык. — А что сейчас делаешь? — Рыбачу. Нас с фронта сняли, сейчас в тюрьме

разместили, на ночь запирают, а днем мы гуляем. Нас собирают, хотят отправить.

Пошел к тюрьме, среди них никого знакомых нет. Побыл я дня три в Астрахани. Как-то иду, старушка кричит: ты кто по национальности — казах или калмык? — Калмык. — О, заходи, я калмыцкий чай тебе сварю.

Она действительно сварила калмыцкий чай. По-калмыцки говорила как калмычка, в совершенстве владела. Жаловалась, что кое-кто намекает, что с калмыками была связана.

Потом встретила девушку, она по распределению попала к нам, в Джильгит, заведующая фельдшерско-акушерским пунктом. Сейчас собирается ехать на родину, она из-под Киева. У нее пропуск есть, а вызов ей сделали фиктивный, по телеграфу. Она тысячу рублей заплатила телеграфистке. Старушка-татарка говорит: помоги ей билет сквозной достать. Ей дают билет от Астрахани до Саратова, а в Саратове ей снова надо билет доставать. Я ее повел: ну, какую версию придумать, чтобы ей билет достать. Говорю: ну, давай скажем, что мы муж и жена. Мол, перед войной женился на русской девушке. Говорю ему: под Киевом мать ее, хочу ее туда отправить, пока война кончится. Он даже не стал спрашивать удостоверение личности, написал бумажку: лейтенанту Дорджиеву сквозной билет от Астрахани до Киева за наличный расчет. Пошел в 7-ю кассу. Она заплатила деньги, и на этом мы разошлись.

Я поехал в Оренбург. Тут такое совпадение, встретил капитана Бадму Турлакова. Он говорит: много наших калмыков в Павловских лагерях под Оренбургом, офицеры. Я живу на квартире, будешь со мной жить. Закрепимся в гарнизонную столовую.

Они меня прикрепили к столовой, чтобы трижды в день меня кормили. Прихожу в столовую, спрашиваю: из Улан-хольского района кто есть? — Есть один танкист — лейтенант Церенов. — Хулста? — Да! — Скажите ему, чтобы завтра пришел к ужину.

Хулста прибежал, мы пошли на станцию Оренбург, и там целую ночь сидели вдвоем, вспоминали. Он закончил Сталинградское танковое училище, оборонял Сталинград. Он знает, что калмыков выслали, а причину же мы не знаем. Калмыков там было много, офицеры задумали письмо написать, что

мы, калмыки, хотим снова идти на фронт. Письмо послали, ответ еще не получили, меня уже отправили в Свердловскую область, Шалинский район, деревню Пермьяки, разъезд Вырубки в леспромхоз 4.

Второй раз я приезжаю в командировку в Оренбург, снова встречаю Турлакова, он был капитаном-интендантом, ему присвоили звание майора и послали в Бузулук замкомандира дивизии по материально-техническому снабжению. Когда я его встретил, он мне говорит, что после меня пришел ответ от Булганина, он разрешил калмыкам-офицерам вернуться на фронт. Многие вернулись, в том числе Хулста. Снова приезжаю и встречаю Турлакова, и он мне говорит: Хулста тяжело ранен, лежит в госпитале в Харькове.

Я занимал должность начальника транспорта. Этот леспромхоз занимался заготовкой леса для военных объектов, я отвечал за транспорт. Нас, офицеров, было мало. Остальные были из трудармии. Мы заготавливали в основном строевой лес, шахтенные опоры, березу для авиационной фанеры. Прямо перед концом войны, 5 мая мой начальник капитан Покровский меня направляет в Свердловск договариваться, чтобы облрайвоенкомат наших рабочих не трогали, в армию не забирали. Я поехал в Свердловск, в Уральский военный округ, в отдел мобилизации, взял письмо в Шалинский военкомат, чтобы наших рабочих не трогали. Оттуда приехал на узловую станцию Кузино, а поезд — на следующий день. В комнату отдыха зашел, лег спать на деревянный диван.

Ночью моряк один меня теребит: вставай, лейтенант, война кончилась. Я встал, не верится. Поздравляем друг друга. Моряк говорит: ну, что, давай по 100 грамм выпьем. Тогда водка стоила 400 рублей за литр. Ну, выпили мы по сто грамм. А там, на станции, шум-гам — война кончилась. Я думаю: мне надо скорее в деревню, там еще не знают, что война кончилась: ни радио нет, ничего. Спрашиваю: кто едет в сторону Кунгура, возьмите меня. Мне говорят: садись. Я говорю: мне в деревню Пермьяки. А они не останавливаются. Думаю: до следующего разъезда 15 км. И прыгнул. Тут они сразу затормозили. А там, на мое счастье, сугроб глубокий! Это в мае в Свердловской области. До земли я не достал, но ладони пошоркал.

Прихожу в деревню сообщить, что война кончилась, а там все пьяные и полупьяные. Оказывается, по селектору уже сообщали. У нас были две цистерны водки. Оттуда мы рабочим давали, кто хорошо норму выполняет. Был такой башкирин⁷ Аминов, он 200 % выполнял. Мы ему премию даже литром спирта давали. Руководство получает рабочий паек, дополнительный паек, спецпак. Мы водку держали для рабочих. Знали, что многие сами не пьют, а меняют на молоко, на картошку. Наши пьяные, песни поют. Так мы встретили победу.

Раз война кончилась, надо искать семью. Я и раньше искал, куда ни напишу в большие города, ответы приходят: нет. Тут пришло письмо, что «Ваши родители находятся в Алтайском крае», Алеевский район, Мамонтовское отделение Алеевского сахарного завода. Я письмо написал по этому адресу и одновременно рапорт в штаб, в областное военно-строительное управление в Оренбург. Дали приказ об отпуске. Одновременно получаю записку от непосредственного начальника: до моего приезда не выезжай, обожди. Он приехал в конце июля, после этого я оформил пропуск, поехал на родину, в Сибирь [смеется], на новую родину.

Война кончилась, все едут. Наша деревня Пермьяки относилась к Шалинскому району Свердловской области. А станция Шаль большая, через нее проходила линия Москва — Владивосток. У меня же литер военный, а там вагон полный, никого не пускают. Тогда между вагонами в тамбуре сел. Знал, что еду в Сибирь, с собой взял продукты. Доехал до станции Кузино. Сажу в тамбуре. Подходит ко мне старшина, русский: товарищ лейтенант, что Вы тут сидите? Отвечаю: в вагон не пускают, мест нет. — Пока из Москвы мы ехали, двух военных выкинули, тут жулье орудует. Вам нельзя здесь оставаться. Обязательно любыми средствами надо зайти в вагон. А у меня целых три вещевых мешка и чемодан.

Он схватил два мешка, и мы пошли. Открываем дверь одного вагона — закрыт, второго — закрыт, третьего — тоже. Четвертый вагон, на мое счастье, открыт, там сторожа нет. Оказывается, пассажиры сами дежурили, чтобы не пускать. Первое купе — проходите, мест нет. Второе купе — мест нет. В третьем купе говорю старшине:

⁷ Так в речи рассказчика.

положите вещи, я здесь буду. Смотрю, тут женщина, там женщина. А на самой галерке парень, похож на нас. Я им говорю: понимаю прекрасно, что вам надо ехать, но и мне надо тоже ехать. В первый раз добился отпуска, еду к родителям.

Парень с галерки здороваётся со мной по-русски. Говорю ему: давай слезай. Он в военной форме. Когда расспросил, парень — бурят иркутский. Вид у него неважный, после ранения, что ли. А у меня продукты с собой, все есть. Говорю ему: давай садись, кушать будем. Накормил его, а сам и есть не хочу. Он говорит мне: давайте наверх лезьте и там спите. Я буду охранять ваши вещи. Я полез, проснулся утром в 6 утра, смотрю: он сидит на моем чемодане, дремлет. Мне аж стыдно стало. Так со станции Кузино до самого Новосибирска я его кормлю, и спим по очереди. Оказывается, он после ранения попал в какой-то стройбатальон. Там плохо кормили, он болел.

В Новосибирск приехали, мне надо сойти и на Барнаул ехать, а ему дальше ехать. Оставил ему продукты, дал продовольственные талоны на четыре дня. В Новосибирске я сел в поезд на Барнаул.

В Алеевск приехал ночью, вышел из поезда. А там один еврей говорит мне: я знаю, где калмыки живут. Мы с ним пошли до сахарозавода. А сам он дошел до своего дома и исчез. Говорит: да где-то здесь. Хорошо, в пожарке свет горел. Туда пришел. Поздоровался и лег спать на солому. Я здесь лягу? Да, пожалуйста. Ночью где искать калмыков? Утром умылся. А тут уже калмыки стали появляться. Но, прежде чем идти к калмыкам, надо зайти к директору сахарозавода...

Зашел, представился, говорю: я старший лейтенант, прибыл в отпуск, знаю, что мои родители живут в Мамонтовском отделении вашего завода. Прошу предоставить мне транспорт. — Буквально через 20 минут приедет управляющий этого отделения, он Вас отвезет. Я вышел на улицу.

Прошло минут 25, подъезжает фаэтон, запряженный двумя лошадьми. Оттуда выпрыгнул мужик, зашел в контору. Потом подходит ко мне: Вы — лейтенант Дорджиев? Поедем, Ваши родители у нас. Говорю: у меня вещи в камере хранения. — Хорошо, заберем.

Сели мы, доехали до города. Он говорит кучеру: я пойду в райисполком, а ты с лей-

тенантом заведи его вещи. Забрали вещи, сидим, ждем. Тут проходит мимо наша улан-хольская девушка. Здороваётся. Спрашивает: Вы кто будете по национальности? Бурят, казах или калмык? — Калмык. — Откуда Вы? — Из Улан-хола. — А кто Вы?

Думаю: что она, совсем? Вместе в одной школе учились, даже зло берет, совсем не признает. И говорю: ты в четвертом классе писала предложение: «Лиджи учится хорошо, но дисциплина плохая»? — Так ты — Лиджи, что-ли?!

Тут идет Манджиев Лиджи-Гаря, артист. Ну, пошли на базар. Тогда я и не пил, взяли мы арбуз, втроем поели его. А тут и управляющий подъехал.

Едем, разговорились, догоняем горючевоз. Смотрю на последней подводе Цорхаев Каню, мы одного рода. Он на лошади и дремлет, а на второй лошади Кашиев, он сразу узнал меня: «О, Лиджи едет». Я тогда кучеру говорю, останови, пожалуйста. Оказывается, мои родители в Мамонтовском отделении, а они — в Платовском отделении.

Приехали в центральную усадьбу отделения, управляющий говорит кучеру: отвези его домой. Тот у меня спрашивает: где ваш дом? Я говорю: ты что, чудила? Я здесь в первый раз, откуда я знаю. Вези туда, где калмыки...

Землянки. Самые высокие — метровые, а то и полметра стены. Подъезжаем, перед землянками люди были, вдруг все спрятались. Тут девочка выходит и спрашивает: «Вы к кому?». Я говорю: «Где наши?». «А кто — ваши?».

Оказывается, они колоски собирали после уборки, сушат на улице и толкут. А этот управляющий собранные колоски отбирал. Они тарантас увидели, думали, что управляющий, и побежали прятать колоски и сами — прятаться. Когда я приехал, побежал отца искать, а сестренка в поле. Оказывается, отца нет, брата нет.

Землянка — ну, размером с эту комнату: три метра на пять. В центре печка, около двери — солома, и там вроде как спать можно. Это оказывается место нашей семьи. А всего жили четыре семьи в этой землянке. Я с собой брал продукты: сало, консервы.

Хорошо, что старушка русская, хозяйка, слышала, что я собираюсь ехать. Все время меня картошкой кормила. Я полу-

чаю продукты по трем карточкам как офицер, как начальник. А она все картошку варит. Я говорю: бабушка, а что Вы меня все молоком и картошкой кормите? — Ты же говоришь, что собираешься родителей проведать, в Сибирь эвакуированных? Она, оказывается, целых три месяца штабелевала консервы, сало, собирала тушенку, сгущенку. И начальник леспромхоза выписал мне материал, они-то понимали, где родители.

Наутро я прихожу к заведующему отделением, он мне дает рабочую карточку, как будто я у них работаю, и говорит: что надо, на складе возьми. Я у матери спрашиваю, что просить со склада, она говорит: чай и табак. А когда я пришел на склад, начальник вызвал кладовщицу, она немка, и говорит: что лейтенант захочет, то и возьмет. А там и мед, и чего только нет.

Спрашиваю: а где же отец? Отца увезли. Куда — неизвестно. В Алеевск сперва, а потом неизвестно. В Алеевск я приехал, уже распространился слух, что я приехал в отпуск. Средняя сестра прибежала с сыном из села Кашино. Старшая сестра где? Неизвестно, в Краюшинский район увезли... Тетка где? В Августовке. Вот так разбросаны все. Младшая сестра умерла еще на родине и младший братишка, а самый младший в дороге простудился, то ли сыпной тиф был. Он по приезду в Алеевский район умер. Остались младшая сестра и две замужние старшие сестры. Прихожу я к сестре в Кашино. Моя сестра говорит: калмыкам же скот обещали дать, нам телку обещали, но председатель колхоза не дает. Ты у него спроси.

Я пришел к нему утром рано. Он на улице, во дворе. Подхожу к нему и говорю: моей сестре такой-то положена телка. Когда она может ее получить? А я, правда, без погон, только фуражка на мне. Он в ответ: вам, понимаешь, бандитам, изменникам родины, еще и корову давай?

И я ему говорю: ты же не знаешь, сколько коров мы там оставили, и они все стали государственными. И не ты даешь, а государство, и оно тебе засчитает как сданное государству мясо. Что же ты в конце концов? А он все равно, нечего давать вам, изменникам родины и бандитам.

Ну, думаю, дурак такой. Думаю, ударить его надо. Но для этого же надо получить личное оскорбление. Такой порядок

существует. Я ему говорю: а кем ты меня считаешь, тоже бандитом? И подошел к нему близко. — Ты тоже такой же.

Ну, тут я его левой рукой шарахнул. А вокруг ни одного калмыка, только мой племянник, которому десяти не было. Тут кто-то меня схватил сзади, и кто-то председателя тоже держит. Председатель кричит: отпустите меня, я его убью. И я говорю: отпустите его и меня отпустите. Посмотрим, кто кого убьет. Мужчина, что меня держал, оказался намного здоровше меня. Не дает мне даже шевельнуться. Говорю: отпустите нас. — Так вы снова будете драться. Говорю: если он не будет, то и я не буду, хватит с него — он один раз получил. И вот так получилось, что его отпускают раньше меня. Он успевает добежать до изгороди и вытащить оттуда дрын. И я понимаю, что, если сам побегу, не успею, он меня по спине ударит. Тут думаю: пойду ему навстречу. Он замахнет на меня, а я палку поймаю. Чувствую, что одолею его. Пошел на него, и вид у меня был уже настроенный. Он бросает палку и бежит со двора колхоза.

А все остальные русские — ни один меня не тронул. Настолько они справедливость показали в этом отношении. Мы пошли, племяннику я конфет купил. Прохожу мимо сельсовета. Выходит председатель Кашинского сельского совета и обращается ко мне: «Можно Вас? Вы кто будете? Пойдемте, поговорим в кабинете».

Я захожу, там сидит председатель колхоза и еще один молодой военный без погон. Все трое — русские. Я сел. — Кто Вы будете? Ваши документы? А я говорю, а Вы мне, пожалуйста, покажите документы на право проверять документы военнослужащего. Есть у Вас такое право?

— Я — председатель сельсовета, у меня есть печать. Тогда я ему поверил и дал свое удостоверение личности, он прочитал, а другой русский говорит: а ну-ка... Берет документ, прочитал его и — в карман. Я ему говорю: ты кто такой, какое имеешь право мои документы забирать? — А я — комендант над калмыками, проверю документы и верну. Я ему говорю: смотри, я тебе даю обещание: за то, что забрали мои документы, получите заслуженное наказание.

Я не попрощался, пришел к сестре и накатал под копирку жалобу в пяти экземплярах: первому секретарю райкома, про-

курору, военкому, начальнику МВД и пятый — для себя. Накатал, о национальной политике Советского Союза, о том, что я принял военную присягу и ее свято выполняю, с какого времени и по какое в армии служу. Что это за район, где разводится национальная рознь, обзывают человека незаслуженно. Какой я враг народа? Я защищал родину, понимаешь. Написал их фамилии. Прочитал. Поехал в Алеевск, показал это письмо Зургану Зодбиновичу Кульменову, он был главным бухгалтером в жомоткорме, а не на Алеевском сахарозаводе. Он, между прочим, защитник Ленинграда, получил там тяжелое ранение. Он прочитал, говорит: написано хорошо, можно отдавать. Ну и все. Я всем раздал — в райком партии, в военкомат, в МВД, в прокуратуру. А на пятый экземпляр взял росписи, что они получили.

Потом пошел в МВД, а там один калмык Цебек У. был комендантом. Я так мельком слышал, что он мог направо-налево использовать свое служебное положение. В том, что отец мой где-то, похоже, это его рук дело. Он начальником милиции был в Улан-хольском улусе. Прихожу к нему и спрашиваю: ты куда моего отца спрятал? — Отец твой должен сидеть или в седьмой тюрьме Барнаула, или в первой. Я сел на поезд и поехал. Прихожу в седьмую тюрьму, она в центре, говорят: Такаева Дорджи нет. — Где может быть? — Проверьте в первой тюрьме.

Я сел на трамвай, поехал в первую тюрьму, она оказалась за городом, в сосновом бору. Туда пришел. Спрашиваю у начальника: есть у вас Такаев Дорджи Басангович? — Есть. — Можно с ним встретиться? — Нельзя. — А в чем дело? — Потому что следствие еще не закончено. С ним свидание не разрешается. И я как начальник тюрьмы не имею права разрешить. Разве что следователь может Вам разрешить. Но я Вам советую, что не стоит заниматься этим делом, я чувствую, что скоро ваш отец уйдет домой. — А передачу можно дать? — Можно. Но ничего не пишите. Напишите только имя свое, а женщина, что отнесет передачу, ему скажет. — А Вы можете его вывести? Пусть он хоть меня увидит, обрадуется, что сын с фронта вернулся. — Нельзя, в криминальной практике такое бывало, что мимикой информация доходила. Вы можете помешать следствию. Должен Вам сказать,

что всякими способами его хотят привлечь к ответственности, и Вы можете помешать.

Женщина вернулась, говорит: ой, он так обрадовался, все продукты раздал в камере, [угощайтесь] ради моего сына говорит.

— А на следующий день можно передачу сделать? — Можно.

На второй день я так и сделал.

Домой приезжаю, мать чуть не плачет. Тебя уже три раза спрашивали из военкомата. Отца твоего посадили и тебя, наверное, посадят. Зачем ты ударил председателя колхоза? Тебя посадят как хулигана.

Я 25 км пешком шел в Алеевск, в военкомат к капитану Коровину. Говорю: лейтенант Дорджиев прибыл по вашему приказанию.

— Ты чего, фронтовик, только один раз его ударил? Надо было дать, чтобы он знал, кого оскорблять. Твое заявление разбирали на бюро райкома партии. Председателю колхоза — строгий выговор, председателю сельсовета — просто выговор, а коменданту, который забрал твои документы, будет такое наказание, как ты скажешь. Исполнение решения поручено мне. Покажи свой отпускной билет. Тебе неправильно дали отпуск. Тебе дорогу неправильно посчитали. Тебе полагается еще восемь суток, и семь дней я могу вам как военком прибавить. Так что еще 15 дней гуляйте. А сейчас идите к начальнику МВД, заберите свои документы. Он хотел их через меня передать, но я ему сказал: Вы сами брали, сами же и верните с извинениями. Зачем так было оскорблять? Человек воевал, а Вы его бандита называете?

Пришел я в МВД. Он, как меня увидел, сразу говорит: товарищ лейтенант, я извиняюсь, простите меня. Потом начальник МВД спрашивает: ну что, какое наказание дадим? Я сказал: раз он извиняется, то и хватит. Лишь бы он осознал, что так не надо поступать. Они мне вручили удостоверение личности, и я пошел.

Через месяц, как я вернулся в свою часть, получаю письмо от сестры, отца отпустили домой, никакого суда не было. Но отец больной, он целых восемь месяцев в тюрьме находился.

В 1946 г. так получилось, что меня в три воинские части направляли: то в одну часть, то отзовут в другую часть. Получается, катаюсь я, а на новом месте не отпросишься.

Отец умер летом 46-го, так получилось, что я его так и не увидел. До сего времени жалею. Потом я еще два раза был в отпуске и в третий раз демобилизовался в 47-м.

Я поехал в Киргизию, в г. Пржевальск. Последняя часть, где я служил, была топографическая — топотряд, в период войны они, оказывается, в Киргизии карты снимали, 25-метровки. Командир части, подполковник Сорокин — они же знают, что калмыки высланы — мне говорил: ты езжай не в Сибирь, а в Киргизию, тебе там будет лучше. В Пржевальске ваши живут, будет тебе там неплохо.

Потом и я сам опасался: встретится какой-нибудь дурак, еще его возьмешь и стукнешь. Хорошо, я тогда был офицер, мог за себя постоять, а когда на гражданке буду, то могут очень просто... Я знал, что там служил Мутл Барванцыков и Григорий Сангаджиев. И я им дал телеграмму, что демобилизуюсь. Они в ответ дали срочную телеграмму: приезжай в Пржевальск.

Написал я письмо министру МВД СССР, что я, демобилизовавшийся офицер Красной армии, выбрал для постоянного места жительства г. Пржевальск Иссык-Кульской области, и разрешите мне мою семью забрать. Я устроился там на работу. Но разрешение мне пришло, когда я был в командировке на китайской границе.

В 1948 г. в марте поехал в Сибирь за семьей. Оказалось, что срок разрешения надо продлить. Пришлось снова в Барнаул ехать. А там комендант краевой спецпрокуратуры был капитан Никитин. Я ему говорю: так и так, продлите мне пропуск. А он: послезавтра приходите. Я взял коммутатор и говорю: соедините меня с генералом. Тогда как-то интересно было, сейчас к мэру города не зайдешь... Соединили. Я говорю: вот такой я человек, я получил разрешение, мне надо его продлить. — Это к капитану Никитину. — Я звонил ему, он говорит: через два дня. А я же приехал с работы. — Сейчас я ему позвоню. — А можно меня не отсоединять, чтобы я слышал, какое Вы дали распоряжение? — Хорошо. — Соедините капитана Никитина и абонента не отключайте. Слышу, дает команду: капитан Никитин, срочно примите лейтенанта Дорджиева и подпишите ему документы. Он и пяти минут не потратил, подписал и печать поставил. Все.

Оттуда приехал в Киргизию и стал там работать. Десять лет работал на разных должностях, пока не вернулся сюда в 1957 г. В Киргизии я работал в государственной зооветеринарной сети сначала средним специалистом, потом заведующим зооветеринарным участком перевели в Иссык-Кульский район. Нас там второй раз выслали: калмыков, балкарцев и немцев из Пржевальска взяли и выслали. Из калмыков там осталось только три семьи: Баркаев Саранг Мучиряевич, зам. председателя Пржевальского горисполкома, Этеев, заведующий горземотделом, и один шофер, у которого жена была русская. Остальных всех, нас в том числе, из Пржевальска убрали.

Поехал я на северный берег озера Иссык-Куль. Приказ у меня был из областного управления, что я — заведующий зооветеринарным участком этого района. Все время я на должностях государственной службы. Несколько раз я получал денежные премии, был участником республиканской сельскохозяйственной выставки Киргизии.

Женился я в 1949 г. Ухаживал не так чтобы очень долго. Она жила в другой области, в Таласской. Мы там познакомились. В этом году у нас 55 лет, как мы живем вместе. Какая в то время свадьба, по совести говоря?! Сошлись и все. Собрались небольшим числом, пожилые люди нам сделали пожелания, моя мать, Сангаджиева Григория мать и теща, старики Хатуевы. И все на этом.

В Киргизии русские меня называли то Алексей, то Леонид, но я все время в документах писался Лиджи. В Киргизии у меня родились дочь и старший сын. Люда родилась 22 декабря. Говорю: девчонка, напишите, что родилась 1 января. Нет, не можем. А сын Володя родился как раз 1 января. Имя дочери выбирал не я. Моя сестра с четырьмя детьми, моя жена и мать — мы жили вместе. Пошли мы с сестрой в роддом, нам сказали: дочь родилась. Пришли домой, сказали дочь, а племянница Зина с печки крикнула: Людой назовем. Так и назвали.

А Володя... Новый год мы встретили, легли спать. Ночью сестра говорит: Наде надо идти в роддом. Пошли мы, Надю отвели в роддом, и я уснул. А сестра с матерью не спали и пошли снова в роддом, приходят и будят меня: вставай, сын родился у тебя. Никакого имени, ничего пока. Мы подня-

лись снова, мать пожелание сделала, сестра. Потом я говорю: нас с Людой приглашали на новогоднюю елку в райсельхозотдел. Мы с Людой туда приходим, и я там объявил, что у меня родился сын. Все стали меня поздравлять и избрали комиссию. Дали цветы, шампанское для врачей. Зашел разговор, как назвать. Один мой друг сказал: надо Володей назвать, владыкой мира. Ну, хорошо, тогда будет Володя.

Потом говорят: надо крестины делать. Думаю, одних калмыков пригласить — 30 с лишним человек, есть еще русские друзья — 30 с лишним, киргизов и казахов, с которыми я вместе работаю, — тоже 30 с лишним. Где же их разместить? Время зимнее, на улице нельзя. Тогда мысли такой не было где-то в столовой делать. Я пришел к выводу, что три раза будем делать. В первый день калмыков пригласили, второй день русских, третий — киргизов и казахов. Вот так три дня гуляли по тридцать с лишним человек. Вовке киргизы дарили скот, русские и калмыки — как обычно. Можно было бы дать и калмыцкое имя, но почему-то так получилось. А меньший сын родился в Яшкуле, он родился в год 350-летия вхождения калмыков [в состав Российского государства], в 1959 г. Я хотел его назвать калмыцким именем Сангаджи, а тут все сказали: Саша. Саша так Саша.

Когда я работал в Пржевальском районе, на учете не стоял и не расписывался в спецкомендатуре, офицер все-таки, а мать и сестра стояли на учете. Потом вдруг в 1949 г. было постановление. Нас одновременно выслали из этого района... Я заведующим в то время работал и даже хотел уже себе дом строить, лес готовил. Вдруг говорят: Пржевальск является пограничным городом, поэтому спецпереселенцам нельзя здесь жить. Взяли нас и по районам раскидали. Пришел в областное управление сельского хозяйства, говорю: такое дело, переведите меня в другой район. Начальник отдела говорит: «Как же так? Ты работаешь заведующим отделением, пользуешься авторитетом в области и районе, мы не можем тебя отпустить».

Пришлось объяснять, что это потому, что я — калмык. Тогда он мне говорит: побудь здесь часа два, никуда не уходи, сейчас приедут завсельхозотделом и главный ветврач, мы с ними посоветуемся. Они приехали, оба — ветеринарные врачи. Один из них

даже кончил Ленинградский ветинститут. Начальник ветотдела говорит: вот Дорджиев, знаете? — Знаем, во всех областных мероприятиях участвует. — А ему надо перевестись к вам. — С удовольствием примем. — А кем? — Заведующим ветеринарным участком в райцентре. Тогда Поланин подписал приказ.

К этому времени я корову купил, пришлось корову с теленком и возом сена на новое место перевозить. А я за ними на машине. Сопровождал меня узбек, чтобы я никуда не убежал. На мое счастье, этот узбек должен был в этот вечер быть на свадьбе в Пржевальске. Пришли к Прохорову. Где машина? — Машина ушла. — Надо было вас оправить в колхоз работать текменем. Я говорю: кому, может, и текменем, а кому — ручкой. — Где Вы остановились? — На улице. — В понедельник придете ко мне в 9. Говорю: в 9 не смогу, но в пол-одиннадцатого приду. Я пришел, приказ у меня. На наше счастье, там и дом был. — Надо было вас в колхоз отправить. — Напугал колхозом, я и без того семь колхозов буду обслуживать.

С сарт-калмаками мы общались. Они говорят по-калмыцки как цаатаны. Их мало. Всего три села, но они не теряют калмыцкого языка. Правда, в дом зайдешь — на калмыцкое убранство не похоже, похоже на киргизское. Но язык свой они не теряют. Пацан обязательно калмыцкий язык выучит. Потом они более грамотные, более способные среди местных. Если киргиз женится на сарт-калмычке — это, считается, большое достоинство.

Главным зоотехником Иссык-Кульского района был Шарип Хасанов, местный калмык. Заведующий районо Мочоев тоже местный калмык, его потом перевели директором Пржевальского педучилища. Турдыходжа Исхаков был зам. председателя Совета министров Киргизской республики, потом — министром сельского хозяйства. Еще был Чикеев, министр торговли Киргизской республики. Они лично мне не помогали, а кто во Фрунзе был, тем помогали.

История такая. Оказывается, оба закончили Калмсовпартшколу в Элисте. Исхаков учился в Москве в Тимирязевской академии, и стипендию ему оплачивал Калмоблисполком, а Чикеев поступил учиться в Московский торговый институт, его стипендию

оплачивал Калмобком комсомола. Когда они выучились, вернулись в Киргизию. Там работой дошли до министерских должностей. Баркаев Саранг был зам. председателя горисполкома Пржевальска, депутат городского совета. Там говорили: если Саранг Мучиряевич на приеме скажет: так надо, то все верили, что больше не надо жаловаться. Этеев был депутатом городского совета и зав. горземотдела. Бадмаев Алексей Урубджурович был депутатом горсовета и директором школы ФЗО. Когда нас выслали из Пржевальска, Баркаев и Этеев остались, а Бадмаев переехал и стал в Иссык-Кульском районе методистом районо, а потом дошел до заведующего районо.

Когда Сталин умер, все районы и области давали телеграммы соболезнования. От Иссык-Кульского района такую телеграмму составлял не русский, не киргиз, а калмык — Бадмаев Алексей Урубджурович. Когда Сталин умер, мы не так чтобы радовались, все-таки человек умер, но и расстройств большого не было. А по совести говоря, какое зло больше? Сталин такую войну выиграл, это настоящий государственный деятель.

Нас всех собрали, чтобы сообщить о его смерти. Среди нас один был человек, ревизор-бухгалтер, бывший комиссар Хайниченко. Он один плакал из всего сельхозотдела, человек 30 нас было. Мы сожалели, что руководитель государства умер, но, как обычно, приняли.

Среди балкарцев у меня были хорошие друзья. Они по-человечески к нам относились. Мы прекрасно понимали, что находимся в одном положении.

В 1956 г., после XX съезда, мы услышали, что, наверно, будет «потепление». Было решено послать представителей регионов в Москву. От Киргизии поехал М. Б. Нармаев. Из Москвы нам сообщили, что будет передача по радио калмыцких песен. У нас был маленький приемник. Тут уже все обрадовались, стали собираться и праздновать.

В 1957 г. мой тесть, он работал в другом районе заведующим облфинотделом, сообщил, что его вызывают в Калмыкию. Мы все поехали во Фрунзе его проводить. Немного погодя я получил вызов из областного управления сельского хозяйства. Как я получил, сразу же рассчитался. Меня оставляли и говорили: что спешешь?

Приехал на родину. Начали встречаться, знакомиться. Меня хотели в Элисте оставить, но вижу, что квартиры не дожидаться. Люде надо учиться. Начальник ветеринарного отдела Терентьев говорит мне: езжай в Яшкульский район на должность главного ветеринарного врача. Там Каргин был первый секретарь, а И. Ф. Азыдов — председатель райисполкома. Я зашел к Азыдову, говорю: у меня специальное среднее образование, не высшее, но меня направляют к вам главным ветврачем района. Каково Ваше мнение? — Ничего, говорит, приезжайте. — А квартиру дадите?

Он приглашает прораба Нарана Дороева, говорит: «Дорджиеву квартиру в одном доме с прокуром!».

Беру Дороева за руку: покажи, мол, что за дом. Пола нет, окна нет. Стандартный многоквартирный дом, но людей много прибывает, его на две двухкомнатные квартиры поделили. Тогда говорю: Наран, пожалуйста, пол поставьте и окно застеклите. Так мы переехали в Яшкуль. Начал работать, Люда пошла в школу. Надя устроилась на работу. Потом смотрю, один русский смикитил, быстро 4-комнатный саманный дом поставил, рядом кухня, и объявляет, что хочет продать дом. Спрашиваю: сколько хотите? — 30 тысяч. Поехал я тогда в Элисту и говорю: «Работу я принял, а где работать? Ветлечебницы нет. Надо ее создавать. Вот есть дом, который можно купить». Я тогда этому русскому говорю: покупаю этот дом. — Давай деньги. — Деньги в Элисте.

На попутной приехали в Элисту. Зашли в сберкасса. Вытаскиваю из кармана пять рублей и говорю: откройте счет на фамилию Половинкин. Со сберкнижкой пришли в госбанк (был он на том месте, где здание мэрии сейчас), и уговорили перевести 30 тысяч на этот счет.

Приехали, дом уже наш. В нем я начал организовывать ветлечебницу, штат. А деньги у меня еще остались. Терентьев дает телеграмму: приезжай колесо получай. Приехал, получаю две покрышки. Говорю: колесо я беру, а машины-то нет. — Не беспокойся, Дорджиев, вижу, что работать можешь. Хоть старую машину, но получишь.

На остаток денег купил мотоцикл, лошадей. Потом меня хотят поставить директором совхоза «Чилгир». А там работал мой земляк, его хотят снять. Я думаю; как это?

И говорю: совхозное производство не знаю. В Киргизии я работал в колхозах. Вот председателем колхоза могу. А Саврушов меня спрашивает: какая разница между колхозом и совхозом? Ответил: извините, из-за своего незнания ставить эксперименты на государственном имуществе не могу.

Через некоторое время мне дают пакет и говорят: езжай в Элисту. Если от этой должности отказываешься, из Яшкульского района уезжай.

Взял пакет, вручаю его зампреду Совмина Михайлову. «Товарищ Дорджиев, Вас рекомендуют на должность начальника инспекции сельского хозяйства и одновременно заместителем председателя Яшкульского райисполкома». Я говорю: согласен. Там я работал до июля 1960 г.

Я видел, как жили калмыки. Колоски в ручной мельнице толкли. Там, считай, крупные зерна целиком. Калмыки спаслись за счет картошки и сусликов. Смотрю: в картошку добавляют сахарную свеклу. Ну, какая совместимость? Вот в 1947 г. в Крайонском районе в колхозе Карла Маркса я забирал родственников. Господи, как они жили — с семьей моей сестры в одной комнате жили три семьи. В честь моего приезда моей сестре дали полтора килограмма конины.

Это удивительно, что наш народ сумел выжить. Калмыки многому научились — как в трудных условиях надо выживать. Старались помогать друг другу по силам и возможностям. И так раньше родственникам, где бы ни были, помогали, а в Сибири — тем паче.

В Киргизии в первое время я тоже страдал. В 1948 г. карточную систему отменили, а торговли еще не было. Я получал первое время 750 рублей, а хлеб на базаре стоил 150–200, а то и 300 рублей, а нас восемь человек. У сестры было пять иждивенцев. Всех надо кормить. Мы плохо жили, несмотря на то, что я был ветврач и мог достать то айран, то кумыс, то яйца. Все равно, пока урожай 1948 г. не получили, было трудно. Когда урожай собрали, сестра получила хлеб за трудодни, я что-то получил, мы стали жить уже хорошо.

Главный виновник нашей ссылки — Берия, он неправильную информацию Сталину дал. Какая вина может быть у народа, если основное мужское население было на

фронте? Больше 500 человек предателей не наберется, а его корпусом называют. Так это пропаганда... Офицеров-калмыков в четырех местах собрали — в Ташкенте, Оренбурге, Новосибирске, Барнауле, — значит, сколько было офицеров. А многие до конца войны воевали. А сколько в Широком было?!

У меня был такой случай. На Первом Украинском фронте мне говорят ваших калмыков пригнали. Где? Я подхожу: ни одного калмыка. Говорю им специально: мандуйте (здравствуйте)! Они молчат. Я спрашиваю, а кто вы по национальности? — Калмыки. Я пошел к начальнику разведки. Говорю: это азербайджанцы, посмотрите на меня и на них. У них даже обличие другое. Вот такие хитрецы были. Калмыки вроде как более смелые, что ли. Калмыки, что перешли к немцам, многие были из 110-й дивизии, которая должна была на лошадях с шашками против танков воевать.

Мое мнение, что Жуков и Рокоссовский получали высокие награды за свои ратные подвиги. А Берии тоже хотелось, но он не воевал на фронте, армиями не командовал. Он мог получить награду только за контроль, только, если выдумает врагов народа. Я считаю, основной виновник — Берия и его подручные.

А есть такая версия. Наше МВД дает каждый день сведения в центр. Ведете работу с бандитами? Сказать «нет» — значит, бездельничаете. Вот и писали: одного поймали сегодня, двух — завтра. И вот каждый день из каждого района по одному человеку вроде как ловили. Сведения давали, а в итоге эти дутые цифры суммировались. А скажет: не поймал, значит — его самого надо привлекать за бездействие. Посмотрите, не найдете семьи, в которой никто не воевал: один, два и три человека из семьи. Да, многие не выдержали и ушли из 110-й против танков с шашками. Но разве он становился сразу же изменником? Оторвавшихся от своих частей людей бывает много, это война. Для этого существовала фильтрационная разведка. Других таких же — русских — был миллион. А к калмыкам предвзято получилось. Кто Сталину давал информацию? Берия. А как Сталин мог ему не верить, если он нарком? Вся разведка в его руках. Нужен очень объективный разбор этого дела.

Е. С. Басанова

Я родилась в поселке Ики-Тугтун Городовиковского⁸ района в 1929 г. Потом мы переехали в Элисту. Где-то с 32-го я в Элисте живу. Я была всегда активная, училась хорошо, всегда пользовалась авторитетом, на радио выступала. Конечно, детство у меня было счастливое. Это выселение — черное пятно у нашего народа, оно резко изменило нашу жизнь.

Мы — крещенные калмыки, оренбургские. Меня называли Лиза. У меня были сестра Клава, ей уже 90 лет, брат Владимир Семенович умер. Маму звали Настасья Кузьминична. Я не крещеная, а мои родители и дяди — все крещеные: у меня дядей звали Матвей, Никита — вот как в церкви назовут. То поколение оренбургских калмыков — все такие были. И такие обычаи у них — как у русских, мы же среди русских жили на Урале.

Когда Калмыцкую область автономную стали образовывать — не хватает населения, чтобы эту автономию дать. Стали калмыков отовсюду собирать: из Оренбурга, с Урала, из Ростовской области. И с Урала нас сюда привезли. Вначале они послали Жемчуева Петра Павловича, чтобы он подобрал место для переселения. Он приехал, выбрал Городовиковский район. Потом приехал и уговорил своих калмыков. Это было первое выселение. Все поехали товарняком. Может, и обрадовались, что автономию дают.

По дороге тиф напал на состав, они вагонами умирали. Рассказывали, что бегаем, плачем. Прибыли сюда в Городовиковский район уже с большой редкостью, здесь два аймака: 1-й оренбургский аймак и 2-й оренбургский аймак. Они люди трудолюбивые были, быстро освоились. Хлебопашеством занимались. Потом постепенно уезжали в Элисту.

Мы в 1932 г. уехали. Отец работал завхозом в больнице, мама была домохозяйка. Мама рано умерла, в 41-м, в начале войны. Нас осталось в семье две сестры и братишка. Шла война. Опекунство над нами взял дядя. Когда мама умирала, она просила своего брата: ты детей не раскидывай, дожидись их отца с фронта, держи их вместе, а дальше, как он захочет. Я попала в калмыцкий класс в первые два года. Калмыцкий язык

я не знала, практики не было, родители не говорили. Дома говорили по-русски. Оренбургские все такие, наверное, были: понимать понимали, но не говорили. В третьем классе меня дядя, он работал в Наркомпро-се, перевел в русский класс.

Жили мы в четвертом жилдоме, это тот двор, где сейчас лицей стоит⁹. Из нашего дома вышло много людей, кто для Калмыкии пользу принес. На углу стояла школа № 2, напротив милиции (это не та, что «в селе» на улице Ленина). В ней учились Юра Клыков и Володя Косиев. Это была очень хорошая школа. Педагогический коллектив сильный был, потому мы уехали в Сибирь с хорошими знаниями. Наши знания нас поддерживали морально. В ссылке все удивлялись: лицом-то мы азиаты, а по-русски говорили хорошо и учились все хорошо.

Директор школы у нас был знаменитый. Его на фронт взяли, убили в ту же неделю, а школа № 2 участвовала в партизанах, кузница героев. Пионервожатая партизанка у нас была, много ребят.

Юрка Клыков с нами учился, балованный он был, без конца его исключали. Учеников поставят в ряд, читают приказ и обязательно скажут: «Клыков, выйти из строя!». За нарушение дисциплины или если что-то не выполнит, исключают на три дня. Я была в «Зарнице», в его отряде, он меня называл «мой маленький Басанчик». Мы с отрядом в степи были в балке, травы нарвем и спим на такой постели. Он ловил змей и ящериц, в бутылку заталкивал. Он был очень балованный, матери родной, а отцу неродной, у них был еще мальчик общий. За тем уход был лучше, а Юрка был уличный, чернявый, худощавый.

Когда мы играли в военные игры, то он говорил: «Лиза, даю тебе чин генерала!». А я говорила: «Юра, зачем я буду белогвардеец, лучше буду лейтенантом». Он говорил: дурная ты, генерал — это старший чин. Мы играли в современные игры — в финнов, в челюскинцев, в папанинцев. У нас же снега нет, когда пойдет, то мы его лопатой наскребем у своего дома, сделаем амбразуры и играем. Тогда мы всех летчиков знали: Байдуков, Беяков, Громов.

⁸ Тогда: Западного улуса.

⁹ Четвертый жилдом находился на месте современного МБОУ «Элистинский лицей».

А еще была у нас лыжная подготовка. Тогда же финская война была. Вот мы из белых простыней нашьем маскировочные халаты и в сторону Вознесенки идем: играем, трещоткой делаем пулеметы. В войну играли перед войной. Подражали финнам, не красноармейцам. Не понимали же ничего. А потом в немцев играли. Заводилой во всем всегда был Юрка Клыков. Он и погиб вот так — издевался над немцами. У него были хромовые сапоги, отец же был энкаведешник. А он над немецким солдатом издевался, говорил ему: ты, мол, офицер, а сапоги какие, а у меня вот такие. Говорили, что разбежался и головой о стенку стукнулся. Отчаянный был, ох, отчаянный.

У него девушка была Лиля. Перед войной вышла повесть Гайдара «Тимур и его команда», и эту постановку делали в Доме пионеров, как раз его построили на улице Серова. Они играли эту пьесу, эта Лиля играла девочку Женю. Знаю, что было перезахоронение, всех партизан Б. Адучиева перезахоронили, где сейчас Вечный огонь. Рассказывали, что девушки приходили, и Лили Юрки Клыкова тоже участвовала.

Вот Косиев Володя интеллигентный был. Болдыр, мать же русская, красивый был — беленький, рыженький. Его мама Валентина Дмитриевна приезжала потом из Москвы, приходила в парк «Дружба» на встречу с пионерским отрядом, у меня фотокарточка есть.

Мы с Косиевыми жили в четвертом жилдоме до тех пор, пока им не предложили уйти оттуда. Младшая их Женя маленькая еще была, тоже красивая девушка потом была. Отца Хонина Косиева признали виновным, запачкали, подумать только, а он был крупный партийный работник, и из нашего дома его убрали.

Бадма Адучиев и жена его Нина Менковна жили на одной площадке: в той квартире Раина¹⁰ комната сюда, а у Бадмы сюда, а кухня общая. Бадма Адучиев был добрый человек. Моего братишку всегда по голове гладил, своих детей у них не было, а детей он любил. Еще в нашем доме жил художник Нухаев Иван Сидорович, кудрявый такой.

Педеровы жили на первом этаже, напротив Раи. Мы с ней, когда война началась, слушали радио, дверь у нас открытая: Орел

сдали.., этот город сдали, тот сдали. Мы с ней сидели на ступеньках и переживали. Клава наша подражала Педеровым. Они — интеллигентная семья, обеспеченные, отец занимал хорошие посты. А мой папа работал завхозом в больнице. Ей хотелось не отставать от этих девчонок: они осенние пальто надевают, и она требует осеннее пальто. Помню, мама говорила: «Что ты равняешься, у них же вон какие родители, обеспеченные». Беретки у Раисы с Кларой одинаковые были, как сестры они ходили. Соседок наших Клару Педерову и Раю Азыдову многие помнят, в Сибири даже с других территорий узнавали про них, потому что они на пианино играли, а это в то время для калмыков было редкостью...

Первый раз Педеровы пригласили на елку. Мы ходили кататься на городской каток возле здания, где сейчас архив. Там музыка играла, весело было. Раньше не было с ботинками коньков, катались на таких — веревками прикрученных, я очень любила кататься. Вот устала, прибежала домой, а тетя (мамы уже не было) говорит: «Иди, Педеровы на елку приглашают». Быстрее нарядилась и пошла к ним. А у бабушки там дорожки были, обычные, рогожа — нам это казалось роскошью. Я разулась и думала еще: наступать на них или не наступать. Как тогда жили — печки топили, никаких удобств не было. А они на елку приглашали, подарки давали. Наверное, хватало на все, раз давали.

Война началась. Отца на фронт долго не брали, потому что трое детей. Мамы уже не было. Отец не удобствовал, видимо. Его возраст был призываться. Повестка придет, отзовут. Мамы же нет у детей. И так несколько раз. Он говорил, что по городу ходит и стыдно ему. Купил себе красивое седло, принес, в углу положил, думал, в кавалерию возьмут. Он был артиллерист. Долго он был тут под Ростовом в армии, окопы они копали в 41-м. Служил в 92-м гвардейском полку, его часть воевала в самом центре Сталинградской битвы. Откуда-то письма приходили из-под Сталинграда, а потом станция Половинка. Если бы его не сняли с фронта, он бы в самую мясорубку попал. А его сняли с фронта и отправили в Широкалаг. Я читала документы: в тяжелых условиях он там был, он выбыл с дистрофией 2-й степени.

¹⁰ Интервью с Р. Ц. Азыдовой планируется опубликовать в журнале Монголоведение».

Когда выселяли, я в шестом классе училась. Кто учился в той школе, мы все в Сибири хорошо себя показали. Все мы выучились потом, худо-бедно, но выучились. В первом классе меня учила Екатерина Дорджиевна Гечинова. А мою сестру учила Надежда Тютяновна Курашова, заслуженная учительница РСФСР.

Мы эвакуировались [в 1942 г.] и жили в Казахстане. Семья дяди осталась в поселке Кануково Астраханской области. Я хорошо училась, и дядя сказал: Лизу возьму с собой, чтобы она уроки не пропускала. Мы приехали в Сибирь, считай, много пропустили уроков, но быстро наверстали. Нас из Элисты выслали, и таких случаев было много: высылали из разных мест [членов одной семьи], и люди потом годами искали друг друга.

Так мы разминулись с тетей. Мы жили в длинном барачном доме. Обычно те, кто в обкоме работал, поздно с работы возвращались. Дядя в обкоме работал, часто задерживался. И тут идет он, медленно волочит ноги, у него свищи на ногах были. Он пришел и сказал тихо: «Маня, карачай». Тогда как раз карачаевцев выслали, мы сразу все поняли. От горя или чего там мы лампу потушили, легли спать. Лежим-спим, вдруг в окно один мужчина стучит: что вы спите, утром придут выселять, готовиться надо: режьте кур, что есть. А у нас ничего нет, одна курица была, ее зарезали.

Утром рано к нам пришли военные и сразу документы посмотрели. А у тети Мани был документ, что она жена комсоставская. Муж ее, Виталий Кирбасов, был танкистом. Они говорят: ну ладно, мы вам пришем подводу, у нас было много вещей, еще с эвакуации не расшитые, не разобранные. Утром рано подвода подошла. Мы говорим: еще карточку не отоваривали. Ничего, говорят. 28 декабря мы даже хлеба не успели взять по карточке, без крошки хлеба выселялись. Подвода подошла, и мы погрузили [вещи]. Но грубостей не было, хорошо к нам отнеслись.

Нас привезли в кинотеатр «Родина», мы там полдня сидели, людей полно, и все подвозят и подвозят. А в «селе» (западная часть Элисты) людей собирали в другом месте. К вечеру приехали студебекеры американские. Подруги наши орсмуд, подскочили к дверям, удивляются и кричат: что вы делаете?

Они же наши отличницы — за нас заступаются. Удивлялись: как это так? Какие же они враги? Они же комсомолки! Военные их отгоняли, а они долго стояли и не уходили, все хотели попрощаться.

Потом машины приехали, и нас быстро-быстро загрузили и — в Дивное. Загрузили нас в телятники, там уже были нары готовы в 2 этажа. Шум, гам, крик. У людей и перины были, а у нас совсем ничего. Кирбасовы нам дали ширдык (войлок. — Э.-Б. Г.) тонкий. Мы так ехали: дядя спит, я сижу. Я сплю — дядя сидит.

К нам вагон посадили дедушку-калмыка. Он приехал в Элисту из Троицкого на базар продать кизяки и купить доску чая калмыцкого. Его на базаре военные взяли и привели. Он был последним, кого привели, и оказался у входа. Там и щели громадные, и укрыться нечем, а холодина такая. А у него ни над собой, ни под собой ничего нет. И все он бормотал: «Ой, Булгн мини, она одна не справится, зачем я поехал? Она не справится, сын на фронте, бер¹¹ больная. Как же она соберет детей? Она же растеряется, не справится!». Дед, видимо, от холода, от голода по дороге умер. А мы не понимали — он по дороге затих, умер и заоченел.

Опять дверь открывается, и его, как всех мертвецов, в последний вагон загрузили. И я все время потом думала: пришел сын его с фронта? Я все время троичским это рассказывала, может, кто искал этого деда. Визуально я до сих пор его помню, коренастый с усиками, но никто так и не отозвался. А так он умер, и этого дедушку увезли. Нас где-то с середины пути стали кормить, мужчины наши стали бидоны с бурдой этой носить.

А у меня учебники с собой были и карты по географии. И мы следили по карте: то нас везут на север, то на юг. Никак не поймешь, куда нас везут. В нашем вагоне был Бадминов Алексей, министр юстиции, и рядовые люди были. Голодно было очень.

Нас привезли в Новосибирскую область, Куйбышевский район, село Горбуново. Это было богатое село, добротные дома. Если бы мы попали на производство, где карточная система, у нас были бы карточки, мы бы неплохо жили. Многие калмыки говорили потом: мы голода такого не видели. А мы из-за бабушки Кирбасовой остались в колхозе. Она просила: сын мой Петя на фронте,

¹¹ Калм. *бер* 'невестка'.

ты меня не бросай. Вот дядя и послушался свою тетушку. Дома он в обкоме работал, а тут что — простой рабочий, возил дрова, а у него ноги больные. Тогда боевые листовки выпускали, что мой дядя Ендонов Матвей Кузьмич выполняет 2–3 нормы в день, хвалили. А у него нога больная, дома он каждый год бесплатно в санаторий ездил, до сих пор фотокарточки есть — то в Евпаторию ездил, то в Южный Крым, а там... Нога у него потом воспалилась, через это ему ногу отняли, он приехал домой без ноги.

Тяжелое время было, ой-ой-ой. Нас привезли в добротное село, зажиточное, дома были непокошенные. Нас поселили в доме: она доярка, муж на фронте, а хозяйство крепкое было. Приняли нас, конечно, холодно. Всем же объявили, что врагов народа везут.

Вот в этом селе я пошла в седьмой класс. Одноэтажная сельская школа была. Я думала: как пойду? Ведь никого не знаю. А все же от нас прячутся, всем сказали: людоедов везут. А куда денешься, в школу надо идти. Дядя мой говорит: «Надо идти, ничего, не все люди такие». Думаю, пойду пораньше, потемну, чтоб никто меня не видел. Зашла сразу в класс, села и сижу. А дети не заходят в класс, стоят у порога один на одном, как пирамида. А я поняла, что они меня боятся — людоедка сидит. А я всегда на первую парту садилась, потому что близорукая была. И все назад садятся, подальше от меня, боятся. Но когда стали опрашивать, и я показывала хорошие результаты, отношение ко мне стало меняться. Многие учителя были из Ленинграда и области, эвакуированные, они же умные. И учительница русского языка все время говорила: «Лиза, крепись!». Морально меня поддерживала.

У меня в Элисте еще тетя работала продавцом и не одну-две тетрадки, а кипами приносила их мне. И обложки, и внутри все — лощеная бумага. Я взяла с собой пачку новых тетрадей. А у этих ребят ничего не было, на газетах писали, на чем угодно. И коробка перьев у меня была, она меня долго кормила. А они все пишут кто гусиным пером, кто чем — брызги летят.

И вот один мальчик все смотрел, как я пишу. Как-то я ему говорю: «А что у тебя пера нет?». Отвечает: «Нет. А у тебя какое перо хорошее!». «Я тебе дам», — говорю. Дала ему, а он мне на следующий день ку-

сок сала принес. Я не беру, а он мне толкает в парту сало. Так он мне несколько раз сало приносил и смотрел на мои тетради.

Я была плохо одета. У меня было пальто, форма детдомовская — тетя такую купила, шапка-ушанка, платка не было, ватные штаны. Дядя мне свои ватные штаны отдал. Конечно, азиатка, и такая страшная, и одежда такая плохая, неприглядная я была. Но все же меня не обижали. До конца года не доучилась, 7 класс не кончила, потому что уехали мы оттуда.

Стало очень тяжело жить. В колхозе палочная система, ставят палочки за трудовни, которые будут отовариваться только осенью, и в боевом листке хвалят. Дядя дрова возил, но стал потихоньку сдавать — пух с голоду. Сядет перед печкой, а я думаю: что с дядей? Где кушает, что ли? У него лицо лоснится, пальцы толстые. Я даже плохо стала о нем думать: почему он поправляется?

Один раз он уже не выдержал и пошел в районный центр — там был его друг по партийной работе Ц. Саврушов. У него была жена русская — тетя Лариса. Друг ему сказал: «Ты что, Матвей Кузьмич, ты умрешь так в колхозе, немедленно переезжай в совхоз, я помогу». Он дал ему письмо для знакомого прораба в совхоз неподалеку. Сказал ехать сразу, а дядя решил сначала меня забрать. Саврушов говорит: у тебя такая нога, куда ты пойдешь 25 километров, подожди, окрепнешь. А дядя пошел за мной. Двое суток его не было, у меня дурные мысли, плакать охота, думала: меня дядя бросил. Приходит дядя и рассказывает тете Марусе Кирбасовой, что переезжаем в совхоз жить, что там картонная система, надо переезжать.

Собрались мы с ним, идем через лес, сил нет. А дядя говорит: «Иди, быстрее, тут и волки могут выскочить». А я устала, уже сил нет. И он меня просит: потерпи, скоро будет село, там калмыки знакомые живут, там чай попьем, хоть что-нибудь.

Знакомые были — жители Яшкульского района, семьи офицеров, которые на фронте были. Заходим, у них в доме в большой комнате на полу толстым слоем солома, тряпки наброшены, и лежат люди. Я к одной женщине примкнула и слышу разговор. Оказывается, когда дядя в первый раз заходил к ним, так как он грамотный, он им помог —

написал письмо о том, что семьи офицеров умирают с голоду. Они обратились в партком, и после этого им привезли картошки и угля. Там был парень, он собрал в большом доме всех больных родственников, чтобы не бегать по этим домам. Потому что там один болеет, надо следить, тут второй умер, надо хоронить. Вот я возле какой-то больной женщины прилегла и чуть не уснула, а дядя меня будит: «*Бос, бос* (Вставай, вставай. — Э.-Б. Г.)! Картошку сварили!». Я быстро проснулась, поели, и они дядю благодарят, он говорит: конечно, надо обращаться. Много еще рассказывали, и он еще одно письмо написал.

Потом, когда мы уже вернулись, дядя вспоминал и сожалел, что имя того коренастого смуглого парня мы не спросили. Такого надо было хвалить, что он такой молодой сообразил — собрал всех родных в кучу и ухаживал, это же, можно сказать, герой того времени.

Мы снова пошли пешком, переночевали у Саврушовых. Тетя Лариса мне чашечку с блюдцем подарила, я так рада была.

В совхозе прорабом был немец, а все репрессированные хорошо друг к другу относились. Он устроил нас на работу, я-то малолетка, но он мне сделал рабочую карточку. Мы с дядей чистили коровники, убирали навоз вилами и складывали навоз в пирамиды, его потом сжигали и удобрение по полю раскидывали. Мы стали получать по двум карточкам по 600 граммов хлеба, то есть кило двести в день на двоих. Мы зажили, голод нам уже не страшен. По карточкам еще кое-что давали, муку... Мы уже окрепли. Дядя стал говорить, что я ему мешаю, не так складываю эти пирамиды, нарушаю придуманную им систему. Он стал мне говорить: «Иди, Лиза, домой, чай свари, а я сам уберу, поскладываю». Я бегу домой, а он день и ночь работал, две же нормы надо выполнять. Он окреп, припухлости прошли. Стали молоко покупать у соседей.

Весной посадили в совхозе картошку, нам казалось — много. И вот приезжает в этот совхоз Гога Эрдниев, это отец ведущей радио-телевидения Аллы Эрдниевой, и стали беседовать. А он говорит: я там был в Рыбинском районе, в Красноярском крае, там тоже хальмгуд живут. — Кто там живет? — Там живет Эвенова Мария Кузьминична. — Да ты что? Это же моя сестра.

Дядя быстро взял адрес тети моей, так мы нашли тетю.

И вдруг нам присылают деньги — 700 рублей, это большие деньги тогда были: «Сидорову Матвею Кузьмичу». На почте говорят: никогда не было Матвеев Кузьмичей у нас, только дядя мой, но он Ендонов. Это потом мы поняли, что неправильно записали. Вместо «е» написали «с», и дальше вместо «н» — «и», и получилось: Сидоров. Но какие люди! Все-таки нам эти деньги дали. Мы на эти деньги картошку посадили, весной картошку, уезжая, продали и поехали искать семью свою. Мы же деньги получили — посмотрели обратный адрес, нашли. Поехали на поезде.

Но дядя уже ходить не мог, и он меня отправил, иду, там дом двухэтажный. Поднимаюсь, и открывает дверь женщина, это моя родная сестра Клава, она тогда тифом болела, и ее постригли. Голомызая Клава меня узнала, а я ее — нет. Обнимаемся, я говорю: там же дядя внизу, но подняться не может, устал уже. — Да что ж ты молчишь.

У них барахла полно было, и они все вещи меняли на еду, тети дома нет, она ушла в деревню менять вещи. Она скоро придет. Дядя зашел, тетя приехала. Картошки наварила, рисовой каши наварила и говорит: после голода много кушать нельзя, с ложечки кормила мужа. И мне говорила: Лиза, много не ешь, а то плохо будет. В общем, мы зажили.

И вижу я: тетя с дядей все время шушукуются, на меня поглядывают. А они, оказывается, письмо получили, тетя им сказала: вам там трудно всех держать, дайте нам кого-нибудь из детей. Да так мне стало обидно, я только наелась, только стала жить в добре. Но тетя у нас очень хорошая, его жена. Но я так на них обиделась, дядя говорит: ну, ты пойми. Клава у нас была очень скромная, стеснительная, а я была побойчее: в школе активистка, я всегда первая танцевала, везде участвовала. И вот они решили: Лизу пошлем.

И меня отправили к тете в город Заозерный Красноярского края. Дядя говорит: ну, Лиза, смотри: сейчас посажу тебя на поезд, ты не усни, а то проедешь, уедешь далеко. Я говорю: нет, я спать не буду. И он сказал проводнице: эту девочку, если она уснет, на станции Заозерная посадить. А я — какой там спать, мешок свой пустой схвати-

ла и смотрю. Она говорит: девочка, ты спи, твой отец сказал, где тебе выходить. «Это не отец, это дядя», — сказала я. «Все равно вздремни». — «Не буду я спать».

Села я у порога и сижу, жду. Смотрю: какие-то женщины по-татарски говорят. А оренбургские калмыки все говорили по-татарски, потому что они там жили с оренбургскими ногайцами, а у них татарский язык. Тетя и дядя прекрасно говорили и пели по-татарски. И вот эти женщины говорят: мы идем на базар, ягоды везут. И я подумала: пойду с ними на базар и там буду искать калмыков или так спрошу, в какой части города мне искать этот барак № 21. Когда она сказала «Заозерная», татарки пошли на базар, и я пошла с ними.

Приходим рано-рано утром, базар еще не собирался. Смотрю, идет калмычка чернявая высокая, туфли несет — на продажу, видимо. По-калмыцки говорю: тетка, где 21-й барак? Она говорит: не знаю, я не знаю. — Как не знаете? Вы калмычка? — Да. Не знаю, где такое, — так грубо ответила.

Ищу калмыков — нету. Я так прохожу, думаю: базар закроется, стемнеет, и где я буду ночевать? Начала соображать, что мне негде будет спать. Иду, по улице идет русская бабушка. — Бабушка, вы не знаете, где 21-й барак? Она говорит: ой, деточка. А я свою старую песню, сразу на жалость давила: мамы у меня нету, умерла, папа на фронте. Мне надо тетю найти. Она говорит: ой, война, что она наделала! Такая махонькая девочка. Вот там в конце улицы есть барак, и в этом бараке живут «кувмыки», так она сказала. Может, там твоя тетя? Она говорит: подожди, я тебе молока принесу. Я его выпила, и так мне хорошо стало, и пошла я искать барак.

Пришла. Двор оброс травой, два больших крыльца, на них стоят люди. Смотрю: калмыки вроде на внешность. Я: Эвенова Мария здесь живет, моя тетя? — Нет, говорят, таких нет. — У нее двое детей — Луиза и Дольган. — Ааа, говорят, это Маша... Ее называли не Мария, а Маша. А форточка открыта, моя тетя услышала и выбежала. Как мама моя умерла, она меня не видела, начала плакать. Нашла я тетю.

Зашли мы домой. Она налила мне черный чай. И в это время та черная женщина проходит, которая на базаре мне ничего не сказала. Она идет мимо нашей комнаты.

Спрашиваю у тети: здесь она живет? Да, здесь, но ее комната дальше. — Она мне сказала, что не знает, где 21-й барак.

Она такая, говорит тетя, нелюдимая, никого к себе не подпускала. А я думаю: какая ты, смотри, живет тут и не сказала мне. Такой человек она была. В общем стала я жить в том бараке.

И вот в этом городе стала работать на слюдяной фабрике, спасала эта фабрика калмыков. Все калмыки с ближайших колхозов приходили работать на фабрику: продукты, карточная система, жилье давали. И все сюда ехали. А кто в колхозе остался, многие с голоду умерли. Когда я уезжала в этот город, дядя написал записку — он услышал, что комендантом работает какой-то Н-ев. Говорит: я его знаю, он в Калмыкии работал милиционером.

И он написал записку, что это моя племянница, присматривай, помоги ей. А когда я приехала, говорю ему: муку не получила, давали по 28 кг муки всем калмыкам, а я еще не успела получить. — Ой, говорит, какая шустрая! У нас многие еще не получили.

А мука так — будан кеһэд (варили мучной суп. — Э.-Б. Г.), с голоду спасала, он мне и не дал, сказал: потом получишь. Так и не дал. Потом давали калмыкам по сколько-то кг животины, кто-то барана покупал, и я тоже не получила. В общем, он мне не помогал, а еще хуже делал. У меня ноги заболели, и я на фабрике сидела на двух стульях, ноги опухли. Меня инструкторша (орс) пожалела и дала мне другую табуретку: клади свои ноги. Я сижу, одна нога тут, одна там. А он пришел и говорит: а это что за барыня на двух стульях сидит? — А у нее видите, какие ноги опухшие?

Про этого коменданта Н-ва отдельно надо написать статью: какие люди все-таки были. У нас был там комендант Родион, он, наоборот, старался помочь калмыкам. А этот такой — все старался во вред, страшный был, всегда с пистолетом ходил, всегда фонариком проверял, светил, есть ли кто лишний. Приходили же знакомые, родственники, прям выгонял их на мороз. Такой вот комендант был, в Городовиковском районе жил в последнее время. Не знаю, нет его, умер, говорят. Он воровал, забирал у калмыков, калмыки так говорили: ну, подожди, вернутся наши дети с фронта, мы тебе покажем. Когда его стали судить в

Красноярске, что много муки и живности присвоил, послали много калмыков отсюда как свидетелей. Они тоже приехали и говорят: мы, наоборот, его защитили. Н-ев стал говорить по-калмыцки: бичэ келтн (не говорите. — Э.-Б. Г.). Говорят, рыдал, просил, умолял, а эти старики, говорят, пошли у него на поводу и сказали: мы ничего не знаем. И ему ничего не было, его осудили на несколько месяцев, и все. Так никто и не отомстил, наоборот, ему помогли. Незлопаметные калмыки.

Сколько вреда этот Н-в принес лично моей семье. К тете приходил дядя мой родной, он жил в шести километрах, в селе работал учителем. Лежал в больнице с туберкулезом, и куда ему шесть км идти на ночь, тут оставался. А Н-ев придет, ночью фонариком посветит, найдет его, а дядя мой в Калмыкии был инспектор районо, учитель. Они, конечно, знали друг друга. Он ему говорил: ты почему здесь ночуешь, какое право имеешь? — Это же моя свояченица, куда мне идти 6 километров? Выгонит и говорит: иди. У него был туберкулез, а он его выгнал на мороз. «Я тебя еще по статье на север отправлю», — калмыков он так пугал.

Вот однажды дядя сидел на станции неделю, больной весь, кашлял, ждал поезда на север, а поезд не пришел. Я ему все чай носила. А Н-ев говорил: сегодня поезд придет, завтра придет. Это его прихоть была. Так он над калмыками издевался. А калмыки вместо того, чтобы его наказать, защитили его, пощадили. Он приехал в Городовиковский район и хорошо жил, богато. У него большая семья была, дети-то не виноваты, конечно.

Когда война закончилась, я на фабрике работала. Освоила этот процесс, вот такие длинные ножи и стеклянная доска. Вот готовая продукция и неготовая. И этим ножом на стекле щепишь эту слюду до тонкости, до определённого размера. На ощупь щипали слюду. Надо было не норму выполнять, а задание из двух-трех норм, пока задание не выполнишь, из цеха не выйдешь. Война же шла, все, считалось, для победы делаем, а мы калмыки — враги народа, надо стараться стахановцами быть, давать продукцию, фабрика военизированная. Все считали, что к нам плохое налипло, мы сидели, щипали слюду. Ткнешь ножом в палец, навыка когда нет, то попадаешь не в слюду, а в

палец. Узкие длинные острые-острые ножи, ох, все пальцы наколотые. Первое время не получалось, потом приоровилась, по три нормы делала, уже и деньги стала хорошие зарабатывать. Уже не тетка меня кормила, а я теткинью семью кормила. Деньги получим, а тетка у меня такая была — слишком добрая, ну, как — неэкономная. Калмычки в основном такие неэкономные. Деньги получу, пойдем на базар и накупим орехов, семечек, жмых — богатые! Все она соседям раздаст, угостит, потом опять сидим, купим маленькое ведерко картошки за 250 рублей и сидим с ним. А она в садике работала, и ей заведующая разрешала кое-что брать, жалела, что у нее двое детей, многие были такие: очень жалели.

Потому что там были такие люди — бывшие кулаки, раскулаченные, их только освободили от комендатуры. Директор школы у меня был русский, он говорил: Семеновна, ты это не рассказывай, мы это все прошли. Так вас привезли в бараки, а нас привезли, в тайге высадили, кинули — мы под деревьями спали. Хорошо, родители долбили, устраивали шалаш, и вот так жили. И в комендатуру ходили, отмечались. Всегда мне говорил: ну, что пойдешь, Семеновна, в любимый дом? И я говорила: пойду. Характеристику требовали каждый раз.

Он мне говорил: сколько ты мне коньяку должна, я всю ночь сидел, тебе характеристику писал. Напишет плохую, тогда снимут с работы. Тогда я не понимала, а что мне стоило ему коньяк купить? Потом уже думала: вот дурная, может, он мне так намекал, а я ему ни разу не купила.

На слюдяной фабрике я полтора-два года работала, и вдруг инструктор идет к моему станку, я прям что-то почувствовала, что она идет ко мне. Она говорит: Лиза, выйди, к тебе папа приехал. Я нос уронила на стекло и сижу, не могу двигаться. Ничего, потом до меня дошло, выхожу, а в коридоре стоит моя тетя, плачет и говорит: «Тятя ирчквэ (приехал. — Э.-Б. Г.)». Мы по-русски его называли тятей. И я бегу, бегу.

Мы в землянках сначала жили, что там женщины строить умели, только мы выехали, день-два, и все рухнуло, придавило бы нас. Мы квартиру наняли, в этой квартире и жили у русской женщины. Она печку нам топила, сама нам помогала печку топить, но весь дым в дом шел, и была у нас такая хо-

лодина, как сказочный дворец — все было во льду. Так мы спали на нарах, пиши на стенах, рисуй. Так и жили, печку-буржуйку топили, жили.

Дверь открыла, а там сидит какой-то старик, не узнала я папу. Потом пригляделась: по-моему, мой тятя. А он уже сидит, сыночка своего держит на коленках. Потом я пригляделась, смотрю: это мой тятя. Обнялись мы с ним. — Как вы живете?! Я воюю, а вы в каких условиях у меня живете... А он в Широκлаге все это видел.

Когда пришел папа, конечно, легче стало, он встал на учет, его определили на работу, он стал работать и купил домик маленький, стали мы уже жить. Он у меня очень трудолюбивый был, весной он столько посадил картошки. Калмыкам давали землю, они отказывались, а мой папа брал там и там, где пять соток, сколько было можно — он столько брал. И вот мы везде посадили картошки, осенью стали собирать. Не успевала — я уже училась — прополоть, не успею выкопать картошку, что уже следующую надо. И столько мы ее насобирали! В последнее время собирали уже по двести мешков, в подпол уже не лезет. Уже на улице папа такие делал ямы: в земле картошку держали, сверху стог сена, откроешь, а там они свежие, как огурчики. Много у нас было картошки в последнее время. И корову купил — корову кормили картошкой, свиней купили — их тоже картошкой.

А голод — это самое тяжелое. Все можно вытерпеть, но голод — это самое страшное. В самом начале, когда мы жили и голодали в колхозе, хозяйка всегда кормила свиней картошкой. А поселили меня на такие широкие полаты, скамейки вдоль стены. И внизу стояли шайки, а в них картошка. И вот каждое утро варят крупную картошку пороссятам, и я однажды — как со школы пришла — села на нары и думаю: почему свиньи должны картошку кушать? А я всегда это себе говорила: папа мой воюет! Так вот: папа мой воюет, а я должна с голоду помирать? Сейчас я эту картошку съем. Наклонюсь уже взять, вдруг слышу: вроде кто-то по снегу скрипит. Ой, кто-то идет. Посмотрю, послушаю: вроде кто-то идет, и я боюсь. Потом посижу, думаю наклониться и взять, промучаюсь возле этой картошки и не возьму, но мучаюсь. Однажды дядя зашел и говорит: «Лиза, что там сидишь? Ку-

шать хочешь?». Да, говорю. «Ну, подожди, вечером пойдем, поедем». Он вечерами ходил к сибирячкам, чистил сараи, зарабатывали мы этим. Картошку нам варили, вечером пойдем куда-нибудь, покушаем. «А эту не надо, не бери. Смотри, Лиза, никогда ничего чужое без спроса не бери».

Вот на базаре я один раз чуть не украла. У меня украли. Дядя дал мне деньги, я купила топленое масло в бутылке. Пол-литровую бутылку в карман положила. И еще он мне сказал: купи немножко сливочного. А я еще не понимала. Купила сливочное масло в глиняной красной чашке, и, пока я брала, у меня утащили бутылку с маслом. Думаю, дядя мне последние деньги дал. Не пойду с базара, у меня украли, и я украду. Стою возле бутылок и думаю: как же украсть? Вышла с базара, смотрю: по дороге дядя идет, хромает. Кричит: «Лиза, Лиза!». А я иду и думаю: как же я ему скажу? Он отчаянно кричит: сейчас поезд уйдет, и мы останемся. — У меня масло украли. — Ну, что ж теперь делать... А ты что ходишь? — Да я тоже думала украсть. — Хоть как будет трудно, никогда не кради. Лучше проси, кто добрый — даст, кто не добрый — и не надо. Но никогда не кради. Вот тебя бы избили на базаре до полусмерти.

А такие случаи были. Я вот хорошо знаю Лилию Ц., нашу элистинскую. На базаре она что-то украла, и ее избили до полусмерти. Церен, мой одноклассник, на каникулы всегда ходил в Ульдючины. И вот пошел он в Ульдючины, а в это время выслали калмыков. Так он один скитался. Я хоть с дядей, а он один бедный скитался, искал своих... У него мать неродная была, но все равно выехал один. Таких случаев много было.

По сравнению с другими у меня был хороший дядя. Вот тот калмык, что с нами жил, своего племянника никогда не кормил, никогда не давал своему племяннику есть. Тот ходит голодный кругом, а он его выгонял, даже бил: *йов цааран* (иди отсюда!). — Э.-Б. Г.), самим жрать нечего, и еще ты тут ходишь. Жена его, наоборот, от него прятала, этому мальчику хлеб давала, а он им не давал, не помню, как его звали. Он кузнецом назвался, а ковать не умел, просто назвался кузнецом. Ходил, попрошайничал, кто ему в деревне давал, если калмычок-оборвыш ходил. Дядька его близко не подпускал, гонял.

Мой дядя какой был: сам пухнет от голода, но со мной делится последним, а этот никогда ничего не дает. Я дяде за это добром не отплатила. Сейчас вот его дочки в Петербурге живут, и я с ними только созваниваюсь, сама думаю: бессовестная, я дяде ничем не отплатила. Единственное, что, когда он умер, я первая увидела, подбежала, и я его хоронила. Тетку, жену его, тоже хоронила. А так ничем хорошим ему не отплатила, а ведь в какое время он меня держал! Ой-ой, как собственную дочку смотрел меня.

Стыдно было калмычкой быть. Когда я вышла на улицу в первый раз, мальчик один увидел меня и стал ужасаться: «О, голова, о, какая голова!». У нас же головы большие. Еще мне сестра купила мохеровую косыночку, она голову увеличивает, так он аж вздыхал: «Ой, голова!».

Как только ни дразнили, глаза показывали узкие. Потом калмыки, наверное, научили: ххххххх. Это матерное слово. Я и сама не знала, что это такое, потом узнала. Боже мой, это ж калмыки научили, откуда бы русские знали.

Потом я училась в педучилище в Канске, с 1946 по 1950 гг. Папа все говорил: учиться надо. Вот я и поехала учиться в другой город, за 100 с чем-то километров. Крупный город. Девчата, мои одноклассницы, пошли и я с ними. Сдала экзамены хорошо. На учителя учиться стала тогда я. Конечно, уже старалась. Папа говорил: «Лиза, ты знаешь, что ты — калмычка, ты не такая, как другие, тебе надо отлично учиться — так, чтобы ты была лучше их. Вот с детства улица на улицу дрались в Оренбурге, я их всех побарывал. Некоторые выучились, теперь на меня командуют, а я остался неученый, а ты должна учиться». А я уже поступила и старалась, чтобы на меня никто слова плохого не говорил.

Характер у меня папин, настырная была, упорная, настойчивая. Я всегда сдачи давала, дралась с девчонками, когда еще на фабрике работала. Там подарочки, как одна мне сказала, давали, американские подарки. На фабрику их всех вызывают по фамилиям, оттуда приходят девчата — кофточка новые на них, кто в юбочке, кто еще что. А калмыков не вызывают. А напротив меня сидела русская девочка, маленькая такая, меньше и помладше меня, и говорит: «А

вам... американцы сказали: калмыкам не давать, потому что вы за немцев были». А я тарочку взяла... Тарочка — это ящик, туда слюда складывают, сор уже, отбросы, и я эту тарочку вытащила и как дала ей по голове. Слюда прям на нее, а она такая едучая была, очень вредная. И хлеб наш тут был. Почему многие болели туберкулезом, потому что слюда разъедает. Уже это профессиональная болезнь была. Калмыки вообще склонны были к туберкулезу. Как только калмык заболит, температура, то все — туберкулез, и так многих людей погубили. Лечение другое, а у него и не туберкулез. И страшно было, и неудивительно: и хлеб там лежит, и все, бумаги нет, пакетов нет, прям так и лежит, со слюдой ели хлеб. И нам этих подарков не давали, потому что «вы — изменники родины».

В другой раз — в педучилище уже училась — тоже одна девчонка на 2-м курсе начала говорить: калмыки — предатели. Я ей как дала хорошенько. Мне девчата-орсмуд (русские. — Э.-Б. Г.) оттащили, говорят: не надо, не трогай. А она пожаловалась директору, вызывает директор обеих. А у нас дисциплина была хорошая. Я сказала: она меня обзывает. — А как обзывает? Говорю: так и так, предатели — все калмыки и прочее. Тогда директор, она сама татарка была, так ее отругала, что я аж испугалась. Надо было ей больше дать, говорит, чтобы она в следующий раз не обзывалась.

Сейчас у меня внучка такая: если что, не терпит, я сама такая горячая была, отпор давала всем.

В комсомол я вступила. Вообще я тщеславный человек, мне надо, чтобы я была лучше всех, чтобы меня хвалили. Вот меня это испортило, я в школе хорошо училась, меня хвалили, дома пою, танцую, они мне деньги дают, мне это нравится. Я все время выделяться любила, очень тщеславная... А все вступают в комсомол. И я думаю: а как же? все идут, почему я не должна? И я пойду. Мне рекомендацию дали. В декабре нас вызвали в горком комсомола. Люди быстро пройдут, раз — и уже выходят, а меня так долго держали. Потом меня спрашивают другие ребята: а что ты так долго? А меня же там допрос со всех сторон держали. Есть кто за границей или нет? А я возьми да скажи: есть у меня дядя Кирбасов, был за границей, в Берлине же он был, военный. В об-

щем долго созванивались, узнавали. Этот говорит: а вдруг опять будет какая-нибудь заваруха, и вы опять калмыки руки в рукава? В общем оскорбил меня. Это значит, что спрячетесь. Так мне это не понравилось. Я ему говорю: зачем так говорите, у всякого народа были такие, что руки в рукава. Долго меня спрашивали. В общем приняли.

Полночи — уже темно, я пришла в общежитие, а у нас была печка-голландка, мы на ней валенки сушили. Я чьи-то сняла, свои туда запихала, мои валенки наверху. И легла спать. Ночью меня кто-то будит. А я не могу встать — голова тяжелая, как кирпич. Все-таки меня разбудили. Горячая сажа упала на мои валенки, они сгорели, а остальные валенки — где носочек, где немножко, а мои — полностью. И этот угарный газ от сгоревшей шерсти по всей комнате тяжелый, а нас в комнате было 9 человек, и мы все угорели. Если бы девочке не захотелось в туалет, мы бы все легли. Она ночью пошла в туалет и не смогла пройти, упала, стала кричать и всех разбудила. И вот мы все лежим, встать не можем, кричим соседям. Соседские девочки прибежали, открыли нам балкон, мы туда все выскочили. На другой день у всех рвота, для занятий мы негодные.

А я думаю; что делать? Валенки сгорели, 40 градусов мороза, голод, жрать нечего. Думаю: не буду я учиться, хватит. На фабрике я зарабатывала деньги такие хорошие, кормила всю родню и в почете была. Думаю: лучше я буду работать. Тогда телефонов не было, пошла звонить с почты, а папа сказал: никаких, я тебе пришлю валенки, ты будешь учиться. А я до того отца слушалась, его слово — закон.

Он мне прислал свои валенки, большие. Они были серые в белую крапинку, размер-то большой, а он их подшил автомобильной камерой через край, безобразно. Надела те валенки и пошла на физкультуру. Во-первых, они у меня как лыжи, во-вторых, скользко на резине, я наступаю и падаю. Все хохочут. Я сорвала урок. Преподаватель говорит: Басанова, встань в край и на уроках не будешь стоять. Я ушла из строя. Короче, я все равно училась. Потом морозы прошли, прислал папа мне кирзовые сапоги, он до того их намазал жиром, чтобы влага не проходила, что они блестели, как хромовые. Такие аккуратные. Три-четыре слоя

стельки. Кое-как я промучилась этот год. В общем не бросила учиться, папа не разрешил. Впроголодь учеба: с утра купим хлеб по карточкам, в обед — пустой суп, а вечером уроки учить надо, а в желудке ничего нет. Всегда было: сядем с гитарой, девочки играют, и песни поем. Голодные песни свои поем, у кого что есть, поделимся, поедим. А в основном ни у кого ничего нет. Я такой человек, который любит кушать, я хочу есть больше всех, поем песни, а песни же не кормят. И я всегда говорю: не дай боже, голод — самое страшное, он толкает человека в самые низменные чувства, я воровать хотела, сама себя стеснялась, потом себя ругала, как я могла такое допустить.

Все мои подружки были орсмуд. Близкая подружка была секретарем комсомольской организации Надя Рябова, как-то я с ней делилась. Каждый месяц калмыков вызывали в комендатуру, она находилась не в центре, а в конце города. По шпалам надо было идти. Девчата сказали: не будешь одна ходить, пусть ребята тебя водят по очереди. И вот месяц меня водил один, потом другой. А там калмыки стали говорить: ой, она каждый месяц с другим парнем приходит. А комендант сказал: если она придет, в очереди чтобы не стояла, она учится, ей надо уроки учить. Это русский комендант всегда говорил: ты не стой в очереди. И как только мне идти, я говорила ребятам: ну, чья очередь идти со мной в любимый дом? Идем мы по шпалам, я что-то рассказывала, все не расскажешь. Они возмущались: я отличница, комсомолка, что за закон такой — ходить отмечаться? Они тоже призадумывались. Но у многих были деды-бабы раскулаченные, они кое-что знали, но все равно были уже современные.

Каждый месяц идешь в комендатуру, как на праздник, там же очередь — все калмыки, наряжаешься. Идешь как на праздник, хоть на душе тяжело, а все-таки с земляками, не в своем окружении. Длинная очередь, надо выстоять. Надо и расписаться, и лицо свое показать, что на месте.

Папа в Сибири работал на двух-трех работах, я учиться пошла, а он в милиции стал дворником и конюхом работать. Отец мой с начальником как-то не поладил. Сказал ему: «Я воевал, а ты тут на табуретке всю войну просидел». И вот начальник послал летом его траву косить для лошадей. А сам отпра-

вил другого милиционера, который говорит отцу, что без разрешения комендатуры косить нельзя. Его арестовали, а попробуй докажи, что не сошлись характерами с начальником. Я еще папе говорила: зачем ты так? А сама ведь такая же — не поддамся, отвечу.

Когда Сталин умер, как я ревела! Казалось, что мир в мрак ушел. Казалось, как же мы будем жить? Я так ревела, плакала, еще песня у калмыков была «махнь ноха идшго» (и собака, мол, мясо (его) не будет есть — так переводится). Было время, все поняли, что он нас выслал. А в Сибири как тяжело было, а умер он — я плакала. И люди все — ой-ой-ой!

Когда у Сталина юбилей был, писали ему приветственное письмо, калмыкам не давали расписываться, расписывались орсмуд, нам не давали, а нам обидно было. Я как-то рассказывала, а Рая говорит: ой, Лиза, ты это помнишь? Конечно, помню. Как обидно было. Сталину приветствие не дали подписать. Я, говорит, тоже очень огорчалась.

Мы все время жили мечтой, что когда-то поедем домой. И вот стали все шушукаться. Приезжает Д. Кугультинов со своей молодой женой Аллой, говорит: будут возвращать. Все, говорит, забирайте, ничего не оставляйте.

Некоторые калмыки душой давно собирались и сразу стали собирать вещи, а некоторые сказали: не поедем, и долго не уезжали. Некоторые рано сорвались, одна партия уехала раньше нас. Мы тоже стали собираться. Домой едешь — настроение другое. До Волгограда ехали — природа красивая, ребята большие и старшеклассники радуются. А от Волгограда началась наша территория, жара и сухая трава. Старшеклассники стали возмущаться: ой, куда нас везете? Не понравилась природа, а куда деваться? Помню, старики наши падают на землю, целуют, обнимают — домой вернулись, домой! А нам удивительно.

Приехали мы вначале в Западный район. Встретили нас неприязненно. Нам открыто говорили: «Зачем нам вы нужны? Таких специалистов нам не надо. Нам нужны животноводы, чабаны. А учителя — нет». Вот мы ходили из деревни в деревню, нет работы — и все. Многие уезжали в Элисту.

Про Сибирь мы только с сестрой вспоминаем, я через себя пропускаю. Я лежала в больнице в кардиологии, и у меня случился инфаркт. Тогда дочка просила: мама, ты полежи, а я душ приму и вернусь. А мы про Сибирь вспоминали, каждый рассказывал в палате, и я тоже, и вот инфаркт. Дочка просила: «Мама не вспоминай». А я, как моя сестра — слезы градом, — не могу. У меня нет ни слезинки, я только вздыхала, когда она умерла, слез нет. Сядем с внучкой, обнимемся и сидим.

Сестра моя плачет, даже по телефону, если вспоминает сына убитого, его из-за машины застрелили. А у меня болезнь такая: слез нет.

Калмыцкие праздники мы в Сибири отмечали основные — Зул, Цаган Сар, а еще свадьбы гуляли. Я была на нескольких свадьбах. Капуста, картошка в нескольких видах — толченая, вареная, жареная. Картошка на столе — весело и хорошо. Свадьбы были хорошие, не как сейчас. У нас была кадка большая с капустой, замерзнет, топором рубишь ее. Папа, когда с фронта пришел, был работающий, огород посадил, парники, огурцы-помидоры собирали, было что. Продавали мы. Уже стали нормально жить, а домой все равно хотелось. А я же уже замужем была.

Я уже замуж тогда вышла. Иван выделялся среди калмыков. Это не его заслуга была, а его сестры. Она за братьями ухаживала, сама так замуж и не вышла, осталась старой девой. Если все в фуфайках, нестриженные, небритые, то он всегда чистенький, вид такой интеллигентный. Он этим взял, что очень аккуратный был. Он всегда пройдет и ничего не испачкает ботинками. Сестра его или я пройдем по той же дороге и испачкаем, а он пройдет — как будто и не по земле ходил, чистюля был.

Мы долго встречались, три года с ним дружила — не хотела замуж выходить, и папа был против. Хотела я учиться, была жадная до знаний — за это себя хвалю.

Там я поступала в пединститут: раз собралась, а комендатура не пустила. Оказывается, надо было брать сопровождающего за свой счет — платить ему проездные, суточные. Милиционер должен был рядом ехать. Дали мне парня русского, он возле меня ходит как привязанный. Я уже дружила с будущим мужем, и он мне говорит:

«Отдай ему паспорт, что он ходит за нами как тень». А я солдату говорю, что мой папа тут живет, куда я от папы уеду. В вагоне за мной везде и на экзамены ходил. Все хорошо сдаю, а в списках меня нет, на заочном отделении тоже. Опять готовлюсь, опять нет в списке. Два года я поступала, а на третий мне помогли отказаться. Прихожу, а там написано: «Абитуриенту Басановой зайти в заочный отдел». И вот там мне говорит один: «Который год Вы ездите, тратитесь. Давайте так сделаем: у меня в Красноярске фронтовой друг — директор сельхозинститута, он вас с этими оценками возьмет сразу». Подсказал, что есть такое негласное распоряжение, чтобы спецпоселенцев и репрессированных не брали. Сказал, что никто не возьмет на идеологическую специальность, зря пытаюсь.

А я говорю: нет, хочу быть учительницей. Мне казалось, это выше, чем сельскохозяйственный работник. Приезжаю, папе говорю, а он ругает: дурная, была бы ты агрономом. А я Ивану сказала: если не поступлю, тогда, ладно, замуж выйду. Не поступила и замуж вышла, а там дети пошли, какая уже учеба?!

Познакомились мы с Иваном в Сибири. У него семья была очень большая — четыре брата и сестра. Папа мой поэтому не хотел, говорил: куда ты пойдешь? семья большая, он один работает. Папа его критиковал, он же в кино водил меня через день. Говорил ему: «Ваня, у тебя столько братьев, сколько денег у тебя уходит на кино!». Не нравилось, что он несерьезный, развлекаться любит, деньги тратить. А мой муж психовал: «Какое дело твоему отцу? Спрашивает у меня: откуда ты деньги берешь».

Со мной эстонские девочки учились, финки, калмыков было мало. Ходили мы с ними вместе полоть нашу картошку. Он все время говорил: «Какой у тебя отец жадный, сколько ему надо картошки!». Потому что на каникулах надо было тут и там прополоть, с ним гулять некогда.

Сестре папа сам мужа выбирал, работягу. А мой работал на стройке бригадиром. К работе хорошо относился, поэтому выдвигали его. Больших грамот не было, а в Элисте потом стал начальником планового отдела асфальтного завода при министерстве коммунального хозяйства.

В мае у нас была свадьба, кольца-мольца надевали. Платье у меня было — учительница математики мне сшила, немка. У немцев, репрессированных, к калмыкам хорошее отношение было. Она мне сказала: не покупай платье, я тебе сошью. Тогда был в моде крепдешин, а у меня была ткань красивая — тонкий-тонкий маркизет, аж светится. Сшила платье, крепдешинное на вид. Тогда еще все говорили, что Лиза замуж без крепдешинного платья выходила. Туфли я купила себе красивые, одета была хорошо.

Свадьбу дома гуляли. У нас комнатка маленькая, сватов много пришло. С моей стороны не так уж много было, учителя, правда, еще пришли. Учителя не хотели, чтобы я замуж выходила, им Ваня не нравился. Говорили: «Семеновна, ты такая! Будут еще!». А я сказала: хватит, мне отец тут каждый день в ухо дует, не нравился ему жених.

У нас с мужем одинаковая фамилия — Басановы. И мы зарегистрировалась не сразу же после свадьбы, а когда я уже первого сына родила. Пришла регистрироваться и узнала там *орс кююкн* (русскую девушку. — Э.-Б. Г.), которая со мной училась в седьмом классе. Двоечница была по русскому языку. Она сделала вид, что меня не узнала, тогда и я тоже. Там надо было написать в графе «Фамилия после замужества», и я написала «Басанова». Она так распахивалась: «Вы, что, читать не можете? Тут по-русски все написано». А я ей говорю, что русский знаю лучше вас. — Как фамилия до замужества? — Басанова. — А как после? — Басанова.

А я ей не объясняю, что у нас одна фамилия, она и не поймет. Неужели, думаю, не помнит меня. Иван мне по-калмыцки говорит: «Келчк (скажи. — Э.-Б. Г.), что ты не можешь объяснить?». А я упорно с ней ругаюсь. Она тогда говорит: у меня больше нет бланков, теперь за ними надо в Красноярск ехать, надо месяц ждать. Ну, говорю, подождем. И вот так с руганью с этой девочкой зарегистрировались. Никто нас не поздравил, пришли домой. Самой надо было подумать цветы купить, пол-литра, но не подумала заранее.

Я была пионеркой, но в Сибирь приехала без галстука, уже старшая была. Всю жизнь хотела быть лучше всех. Вот в Сиби-

ри мы, калмыки, должны были быть лучше всех, не отставать. Да я вам лишь тысячную долю пережитого рассказала.

Нарративы как места памяти о депортации калмыков

В год 75-летия Победы вновь стали актуальными дискуссии об участии калмыков в Великой Отечественной войне и проявленном в ней героизме. В представленных текстах мы видим готовность защищать родину с первых минут у вчерашнего школьника Л. Т. Дорджиева, его фронтовой путь и плеяду калмыцких офицеров, с которыми встретился лейтенант Лиджи Дорджиев, когда калмыки были отозваны с фронта. Сержантский и рядовой состав был отправлен в Широлаг, а офицеры-калмыки ждали решения своей судьбы. В этой связи особенно важно его свидетельство о том, как такая группа офицеров в Павловских лагерях под Оренбургом жаждала вернуться на фронт. Удивительным образом работала советская бюрократия в годы войны — письмо на имя Н. А. Булганина сработало вопреки государственным указам, и многим было разрешено вернуться в действующую армию, где могла убить вражеская пуля, но никто не унижал на основании принадлежности к этнической группе, где человек отвечал за свои ошибки, а не за чужие преступления.

Присутствуют фронтовики и партизаны в нарративе Е. С. Басановой. Особенно ценными предстают подробности о том, какими были в школе Ю. Клыков и В. Косиев, юные партизаны, героически погибшие во время 5-месячной оккупации Элисты в 1942 г. Улицы, названные в честь Ю. Клыкова и В. Косиева, хорошо известны элистинцам, теперь к образам героев добавляются малоизвестные детали о том, какими они были в своей недолгой героической жизни. Кстати, в ее нарративе упоминается ул. Серова в Элисте. Сегодня приходится изредка слышать, что эта улица названа в честь руководителя операцией «Улусы» генерала И. Серова. Однако это не так — улица была так названа до войны в честь героя-летчика Анатолия Серова.

Отец девочки Лизы Семен Басанов как вдовец, один воспитывающий трех несовершеннолетних детей, получал отсрочки в военкомате и стыдился своей брони: *неудобствовал*. В это время в республике форми-

ровалась Калмыцкая 110-я кавалерийская дивизия, и в ожидании повестки отец купил красивое седло, ведь калмыки всегда воевали верхом. Однако судьба определила ему идти в артиллеристы.

Ощущение единства со всем народом, знание того, что «мой папа на фронте», давало девочке силы в трудные минуты (она повторяет эту формулу правоты как мантру) и в то же время вносило смятение в ясность картины мира: *мой папа на фронте, а почему я здесь голодаю, и даже свиней кормят лучше?* Всю войну прошел Лизин родственник, ее дядя — Виталий Кирбасов, танкист, дошедший до Берлина. И на вопрос при вступлении в комсомол, есть ли родственники за границей, — вопрос, который предполагает другие (несоветские) биографические траектории родных — бесхитростная девочка отвечает: *у меня дядя Кирбасов в Берлине, где он служил в советской комендатуре Берлина*.

Важное качество, отличающее женский рассказ о травматическом, — телесность. Повествование Е. С. Басановой насыщено разными проявлениями телесного — и физической внешности, важной в репрессированном контексте, в котором калмыки были расиализированными. Иными, и частыми упоминаниями одежды и еды — знаками, в которых проявлялся статус спецпереселенцев. Например, одежда или не по размеру, или не соответствует возрасту и полу: пальто, форма детдомовская ... *шапка-ушанка, платка не было, ватные штаны. Дядя мне свои ватные штаны отдал. ... Он мне прислал свои валенки, большие. Они были серые в белую крапинку, размер-то большой, а он взял, их подшил камерой через край, безобразно. Я одела те валенки и пошла на физкультуру, во-первых, они у меня как лыжи, во-вторых, скользко на резине, я наступаю и падаю*.

Конечно, одежда — всегда и социальный маркер, поэтому одежда хуже, чем у всех, означала и статус ниже, чем у всех. Голод и еда — также обязательные для сибирского нарратива темы в женском повествовании, и, читая рассказ Е. С. Басановой, мы получаем подтверждение ее опыта, что *голод — это страшно*.

У Л. Т. Дорджиева — особый стиль. Мы видим простого открытого общительного человека, который встречается с трудностями

ми на своем пути и лицом к лицу и иногда со швейковской улыбкой решает их. Родственные и дружеские узы для него много значат: сколько людей с именами и без имен мы встречаем в его рассказе. И подавляющее большинство — хорошие, равнодушные люди. Это и врач военного училища, и хозяйка дома, в которой квартировал лейтенант Дорджиев, собиравшая продукты для его родителей. Когда в наши дни говорят о советском человеке, часто создают схематичный образ конформиста, винтика большой машины, который зажат и испуган, а в жизни это было далеко не так. Л. Т. Дорджиев вспоминал людей, что встречались в его жизни, и они были инициативными, активными, они не ждали просьб о помощи, а сами спешили делать добрые дела. Здесь также важно увидеть добро, не воспринимая его как само собой разумеющееся, и помнить это добро и спустя полвека.

Мужские стратегии сопротивления репрессивному режиму показывают правовую грамотность и умение говорить по-большевистски [Kotkin 1995: 220] как приемы самозащиты, а также готовность защищать свое достоинство физически. Мы это видим в рассказе Л. Т. Дорджиева. Могла использовать физическую силу и Лиза, если надо было защитить самое важное для нее — честь народа.

В обоих нарративах присутствуют люди разной этнической принадлежности: репрессированные немцы, преподающие в школе немецкий язык, финки и эстонки, с которыми училась вместе Лиза, балкарцы, с которыми *понимали, что в одном положении находимся*, казахи и киргизы, которые не замечали, что калмыки — ссыльные. Российский немец помог с устройством на работу девочке, несмотря на ее юный возраст, чтобы Лиза могла получать взрослый паек; немка сшила свадебное платье; директор-татарка заступилась за студентку. Респонденты легко называют национальность нерусских знакомых, потому что в те годы этническая принадлежность часто определяла статус, нередко официально репрессированный.

Чаще других встречаются русские, которые были первыми среди равных, доминировали количественно, при этом их этническая принадлежность не имела отношения к репрессированным статусам, поэтому уточнять ее респонденты стесняются. Если

принадлежность к русскому народу надо подчеркнуть, как непредвзятое мнение, как мнение большинства, она говорит это по-калмыцки: *орсмуд*. Например, весь день 28 декабря 1943 г. простояли одноклассницы Лизы у кинотеатра «Родина». *Подруги наши, орсмуд, подскочили к дверям, удивляются и кричат: что вы делаете? Они же наши отличницы — за нас заступаются. Удивлялись: как это так, какие же они враги? Они же комсомолки! Военные их отгоняли, а они долго стояли и не уходили, все хотели попрощаться.*

Или в рассказе о том, как комендант Канска заботился о Лизе, предлагая ей не стоять в очереди, чтобы расписаться: *она учится, ей надо уроки учить.*

Как отмечает Л. Т. Дорджиев в сюжете с дракой: *все остальные русские — ни один меня не тронул. Настолько они справедливость показали...* Это о таких людях писал Д. Н. Кугультинов как о «лучших русских». И в этом выделении «лучших» есть и другой смысл, что были и другие — не лучшие.

Дискурсивные стратегии нарратива

История жизни, в том числе о жизни в Сибири, хранится в памяти человека не фиксированным текстом, а каждый раз меняется при повествовании в зависимости от исторической политики государства, от социального контекста, в котором рассказ воспроизводится. При этом каждый рассказчик привносит в историю сибирской эпопеи сюжеты своей индивидуальной и семейной истории, которые для нас ценнее с каждым годом.

Е. С. Басанова свою биографию начинает не со своего рождения, а с переселения группы оренбургских калмыков в Калмыкию. Переезд оренбургских калмыков в недавно образованную автономную республику — первый важный сюжет повествования.

Первый съезд Советов Калмыкии, состоявшийся в п. Чилгир, 100-летие которого отмечается в этом году, принял решение о переезде всей группы оренбургских калмыков в пределы Калмыкии. Героиня, которая относит себя к оренбургским калмыкам, родилась позже. Но ее идентичность регулярно возвращается к «оренбургским корням», из-за которых она иногда чувствует дистанцию с другими калмыками, ведь культурные нормы этой группы существенно отличались от габитуса

волжских калмыков. Как описывает свой родственный круг рассказчица, они были калмыки, но иные: обрусевшие, родители были крещенные, у всех русские имена, родители говорили по-татарски, по-башкирски и по-казахски. Недавние исследования уральских историков показали: несмотря на то, что оренбургские калмыки были крещены, многие делали это формально, втайне оставаясь буддистами, и после указа «О веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. они стали бороться за право легально практиковать буддизм [Джунджузов 2017: 171]. Несмотря на наличие этно-территориальных групп среди калмыцкого народа, мы видим, что культурной нормы как таковой нет, имеет значение, в первую очередь, этническая идентификация с группой.

Важный акцент, который конструируется в памяти Е. С. Басановой: *все поехали товарняком*. Товарный вагон как транспорт для массовых переселений стал «мемом» для сталинских репрессий в XX в. Из Прибалтики и Закавказья, из Манчжурии и Крыма в конце 1930-х и в 1940-е гг. шли составы, которые везли «народы в эшелонах» в основном в Сибирь. Неотапливаемый товарный вагон, в котором перевозят товар, в лучшем случае — скот, становится в бесчеловечных обстоятельствах транспортом для перевозки людей.

В 1929 г. оренбургские калмыки были такими же гражданами СССР, как и другие народы, но их транспортировка должна была обходиться как можно дешевле для государства. Отсутствие санитарных условий и скученность способствовали распространению тифа, который было нечем лечить. Опасность вероломного нападения врага в виде инфекционного заболевания наложилась на память о военных бедах и вагонах в Сибирь фразой: *по дороге тиф напал на состав, они вагонами умирали. Рассказывали, что бегаем, плачем. Прибыли сюда... с большой редкостью*.

Наследованная память о том переезде наложилась на травматическую память о поезде в Сибирь, и уже все поезда с калмыками представляются такими, что *вагонами умирали*.

Как формулирует Джеймс Верч, это нарративный шаблон (narrative template) [Wertsch 2002: 194], то есть схема, автоматически используемая членами мнемониче-

ского сообщества для осмысления похожего события. В данном случае мы имеем дело с шаблоном, укорененным в культурной памяти народа: «калмыков везли в эшелонах, и многие погибли».

Большие человеческие потери по дороге в места прибытия были в размере 1 640 чел. (1,6 % от всего депортируемого состава), госпитализировано 1 010 чел. во всех 46 эшелонах, согласно данным Докладной заместителя наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышова наркому ВД СССР Л. П. Берия о завершении операции по переселению калмыков в восточные районы страны от 27 января 1944 г. [[Ссылка калмыков 1993: 123](#)].

Хочется подчеркнуть некоторые моменты, которые говорят о том, как сильна в те годы была среди калмыков буддийская этика, согласно которой люди предпочитали не помнить зла, прощать плохие поступки. Люди, поехавшие свидетелями обвинения против коменданта-калмыка Н-ва, который портил жизнь и унижал многих калмыков в Канске, стали свидетелями защиты, как только он по-калмыцки попросил их не говорить про него. Отражение основ буддийской этики в поведении калмыков проявляется и в рассказе Л. Т. Дорджиева в сюжетах, как он не настаивает на наказании обидчика или как его отец раздает всю полученную от сына передачу сокамерникам, ничего не оставив себе. Какие это узнаваемые в жизни сюжеты!

Однако, вернувшись в родные степи, калмыки долго не рассказывали о пережитом своим детям, и второе поколение не получило напрямую от своих родителей, — которые сами росли в условиях, когда за благо было промолчать, — полноценные семейные воспоминания о годах, прожитых в Сибири. Внуки депортированных росли в годы перестройки, когда тема сталинских репрессий была одной из самых востребованных в прессе, при этом главные акценты перестроечными журналистами ставились на утратах и страданиях народа. Одним из самых тяжелых периодов 13-летней Сибирской эпопеи была история о выселении и о дороге в Сибирь, ярче других сюжетов оставшаяся в памяти людей и многократно воспроизведенная на страницах республиканской прессы.

Современная социальная память о депортации часто переключается в режим постпамяти, под которой Марианна Хирш понимает то, как представители следующего поколения представляют травматические события, основываясь не на личном воспоминании, не на коммуникативной памяти [Hirsch 2012: 5].

Одним из распространенных сюжетов в повествовании о депортации является сюжет о людоедах. И, как мне кажется, этот сюжет не только о том: как все представители этнической группы были дегуманизированы, ведь они уже выбыли из дружной семьи советских народов («калмыки» просто исчезли из словарей, карт и энциклопедий), и некоторое время кто-то в принимающем сообществе верил в это. Метафора людоедства — настолько красноречивая иллюстрация статуса высланных калмыков, упоминание которой становится достаточным для описания социальной ситуации, в которой оказались прибывшие. Примечательно, что Л. Т. Дорджиев, который был демобилизован в 1947 г., «людоедов» не упоминал.

Примечательно, что рассказчица многие периоды своей жизни измеряет временем занятий, количеством школьных уроков, и не потому, что это рассказ школьного педагога, но и показатель вовлеченности ее и ее семьи в ценности советской школы, идеологию общества.

Я хорошо училась, и дядя сказал: Лизу возьму с собой, чтобы она уроки не пропустила. Мы приехали в Сибирь, считай, много пропустили уроков, но быстро наверстали.

Эта увлеченность учебной была оправдана. Единые школьные учебные программы по всей стране формировали не только граждан страны, но и единое образовательное пространство. Поэтому спустя годы был сделан вывод:

... наши знания нас поддерживали морально. Они [сибиряки] все удивлялись — лицом-то мы азиаты, а говорили хорошо по-русски и учились все хорошо.

Стратегия сверх-усилий по интеграции в жизнь большого общества, которой придерживались и Л. Т. Дорджиев, и Е. С. Басанова, была сформулирована ею так: *в Сибири мы, калмыки, должны были быть лучше всех, не отставать*. Именно так герои Зазеркалья учили девочку Алису: приходится бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее! [Кэрролл 1978: 138]. В мире перевернутых ценностей позднего сталинизма к этой максиме пришли и калмыки: *чтобы не отставать, мы должны быть лучше всех*.

Оба представленных нарратива являются позитивными в терминах Джеффри Александера [Александр 2013: 164], т. е. оба рассказа не педалируют виктимность и страдания своей семьи и всей этнической группы, а вписывают свои биографии и судьбу народа в исторический процесс, который в XX в. был полон трагедиями. Для обоих собеседников история депортации осталась в XX в.

Литература

- Александр 2013 — Александр Д. Смыслы социальной жизни: культур-социология / пер. с англ. Г. Ольховикова. М.: Практикс, 2013. 639 с.
- Гучинова 2005 — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 400–442.
- Гучинова 2008 — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя «Сибирь». Ссылные калмыки в Средней Азии // Диаспоры. 2008. № 1. С. 194–220.
- Гучинова 2019 — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и С. Э. Нарановой) // Oriental Studies. 2019. № 43(3). С. 397–422. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422
- Джунджужов 2017 — Джунджужов С. В. Организационная деятельность Павла Ивановича Жемчужева по консолидации и переселению оренбургских калмыков в Калмыцкую автономную область // Великая российская революция в судьбах народов Юга России: материалы Всерос. науч. конф. (с междунар. участием), посвящ. 100-летию революции 1917 г. (г. Элиста, 13–14 сентября 2017 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 169–178.
- Очиров 2009 — Очиров У. Б. Калмыкия в 1919 – начале 1920 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2.

- Элиста: Герел, 2009. С. 237–294.
- Кэрролл 1978 — *Кэрролл Льюис*. Приключения Алисы в Стране чудес; Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / пер. с англ. Н. М. Демуровой; стихи в пер. С. Маршака, Д. Орловской, О. Седаковой; худож. Дж. Тенниел. М.: Наука, 1978. 359 с. (Литературные памятники).
- Ссылка калмыков 1993 — Ссылка калмыков: как это было. Сб. док и мат-лов / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова и др. Т. 1. Кн. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 261 с.
- Hirsch 2012 — *Hirsch Marianne*. The Generation of postmemory: writing and visual culture after the Holocaust. NYC: Columbia University Press, 2012. 308 p.
- Kotkin 1995 — *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.
- Wertsch 2002 — *Wertsch J. V.* Voices of collective remembering. New York: Cambridge University Press. 2002. 212 p.
- References**
- Alexander J. C. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. G. Olkhovikov (transl.). Moscow: Praxis, 2013. 639 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D., Bugay N. F., Burchinova L. S. et al. (comps.) The Kalmyk Deportation: How It Was. Collected Documents and Materials. Vol. 1. Book 1. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 261 p. (In Russ.)
- Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. Through the Looking-Glass, and What Alice Found There. N. Demurova, S. Marshak et al. (transl.). J. Tenniel (illustr.). Moscow: Nauka, 1978. 359 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Consolidation and resettlement of Orenburg Kalmyks to Kalmyk Autonomous Oblast: Pavel I. Zhemchuev's organizing efforts. In: Bakaeva E. P., Kukanova V. V., Lidzhieva I. V., Ochirov U. B. (eds.) The Great Russian Revolution in Destinies of South Russia's Peoples. Celebrating the 100th Anniversary of the Russian Revolution (1917). Conference Proceedings (Elista; September 13-14, 2017) Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. Pp. 169–178. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. 'Everyone has one's own Siberia': two stories of the Kalmyk Deportation (interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova). *Oriental Studies*. 2019. No. 3(43). Pp. 397–422. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422>
- Guchinova E.-B. M. Everyone has one's own Siberia. *Forum for Anthropology and Culture*. 2005. No. 3. Pp. 400–442. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Everyone has one's own Siberia: deported Kalmyks in Soviet Central Asia. *Diaspory*. 2008. No. 1. Pp. 194–220. (In Russ.)
- Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. New York: Columbia University Press, 2012. 308 p. (In Eng.)
- Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p. (In Eng.)
- Ochirov U. B. Kalmykia: 1919 – early 1920s. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to the Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 237–294. (In Russ.)
- Wertsch J. V. Voices of Collective Remembering. New York: Cambridge University Press, 2002. 212 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 4, pp. 1012–1017, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1012-1017
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1012-1017

‘Doing It for Life’ — On the Moral Evaluation of Chinese Trade in Eastern Mongolia

*Hedwig Amelia Waters*¹

¹ Palacký University Olomouc (Křížkovského 511/8, CZ-779 00 Olomouc, Czech Republic)

Ph. D. (Anthropology)

 0000-0002-6203-0550. E-mail: hedwigaw@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Hedwig Waters, 2020

Abstract. The study focuses on the informal resource trade between Mongolians living in the far eastern region of Mongolia on the border with China and Chinese citizens (Inner Mongolians and Han Chinese). The cross-border relations between these nations are understandably maintained because of the economic opportunities they provide to citizens on both sides of the border. The article is based on the results of fieldwork held in 2015–2017 in eastern Mongolia. Although all the Mongolians living on the border are involved in informal resource trade with Chinese citizens, they feel apprehension about the morality of these relationships. The moral evaluation and justification that the local Mongolians use to explain these economic interactions is built upon the important distinction between trade ‘for subsistence’ and trade ‘for profit’ where trade ‘for subsistence’ is considered largely moral, whereas trade ‘for profit’ is denigrated as ‘selfish’ behavior.

Keywords: cross-border commodity, informal resource trade, moral evaluation, ‘doing it for life’

Acknowledgements. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Waters H. A. ‘Doing It for Life’ — On the Moral Evaluation of Chinese Trade in Eastern Mongolia. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1012–1017. (In Eng.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1012-1017

УДК 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1012-1017

«Делая для жизни»: о моральной оценке китайской торговли в Восточной Монголии

Хедвиг Амелия Уотерс¹

¹ Университет Палацкого (511/8, Кржижковского, CZ-779 00 Оломоуц, Чешская Республика)
Ph. D. (антропология)

 0000-0002-6203-0550. E-mail: hedwigaw@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Уотерс Х. А., 2020

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть неофициальную торговлю природными ресурсами между монголами, живущими в восточном регионе Монголии на границе с Китаем, и гражданами Китая (жителями Внутренней Монголии и китайцами-хань). Вполне обосновано, что трансграничные взаимоотношения между этими народностями поддерживаются из-за экономических возможностей, которые они дают гражданам по обеим сторонам границы. Статья основывается на материалах полевых исследований, проведенных в 2015–2017 гг. в восточной Монголии. **Результаты.** Несмотря на то, что все монголы, живущие на границе с Китаем, вовлечены в неофициальную торговлю ресурсами с китайскими гражданами, они чувствуют беспокойство по поводу этичности данных взаимоотношений. Нравственная оценка и оправдание, которые используют монголы для объяснения этих экономических взаимоотношений, строятся на важном разграничении между понятиями торговли «для пропитания» и торговли «для прибыли», среди которых торговля «для пропитания» считается нравственно допустимой, тогда как торговля «для прибыли» осуждается как эгоистичное поведение.

Ключевые слова: трансграничные товары, неофициальная торговля ресурсами, нравственная оценка, «делая для жизни»

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития-II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Уотерс Х. А. «Делая для жизни»: о моральной оценке китайской торговли в Восточной Монголии // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 1012–1017. (На англ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1012-1017

Introduction

China and Mongolia are not homogenous social spaces. As noted by social scientists working on borderland areas, ‘borders’ are not only marked by the ending of a nation’s legal boundary and the physical presence of infrastructure, but by an affective sense of being within a political, economic and social frontier [Wilson, Donnan 1998]. Socially, borderlands are often characterised by a ‘double-bind’ because the nation’s, and the local regions’, prosperity is dependent on openness, yet being too open leads to a sense of being threatened [Reeves 2014]. When I moved to eastern Mongolia to carry out fieldwork between 2015 and 2017, I noticed similar conflicted sentiments amongst the populace—all economic activity in eastern Mongolia emerged through and prospered because of China, yet the people

were fiercely nationalist to maintain a cultural distinction between themselves and the Inner Mongolian, Chinese citizens on the other side. Affectively, my fieldsite was characterised by ‘agonistic intimacy’ created through the relation of neighbouring [Zhang, Saxer 2017] — a neighbour is someone kind of like you, who lives near you, but you never really know where their true loyalties lie. They could turn on you at any point. This paper is thus about how Mongolians in a far eastern region, bordered on three sides by China, socially navigate the tension of the political-economic frontier.

Despite distrust, these relations are understandably maintained because of the economic opportunities they provide to citizens on both sides of the border. Both in the past and now, Mongolians in eastern Mongolia and Inner Mongolian, Chinese citizens realise they both

have something that the other lacks. In eastern Mongolia, the collapse of socialism and the implementation of free market economic policies led to a cash and market dearth — residents could no longer appeal to the state for help, yet any large economic enterprise that emerged was too far from urban centres to make it profitable. But, they had land full of diverse mineral and wildlife resources and the need to work. In China, Inner Mongolians had access to markets and monies, but were less able to enter into Mongolia to establish businesses. Once the border regularly opened in 1994, this coincidence of wants led to an efflorescence of trade. First, Mongolians engaged in the widely-known post-socialist phenomenon of the suitcase trade—travelling to China to buy cheap goods in bulk and sell them dear in Mongolia [Lacaze 2010]. At the same time, the price for scrap metal peaked in China and many jobless Mongolians stripped the metal from the socialist infrastructure, selling it to Inner Mongolia and Chinese middlemen [Ichinkhorloo 2018]. Informants retell that many long-term entrepreneurial partnerships between Outer and Inner Mongolians were forged during this period.

Doing it for life

My fieldwork in eastern Mongolia consisted of two main fieldsites—one, an urban area full of individuals involved in the cross-border commodity trade; the other, a rural fieldsite with Mongolians who were chiefly occupied with selling locally-available natural resources to China. In both fieldsites, individuals morally justified their economic interaction through a narrative that it was necessary ‘for life’ (*am’dralyn tölöö*). By ‘life’, individuals most often emphasised the need for subsistence by interchangeably using terms like ‘doing it for life’ with ‘supplying subsistence’ (*am’jir-gaagaa zalguulah*) or ‘money for food’ (*hool-nii möngö*). This justification narrative went beyond the realm of the individual; generally, informants in my eastern Mongolian fieldsites evaluated themselves and each other based on a perceptual division between carrying out trade for ‘subsistence’, which was considered largely moral, versus for ‘profit’ (*ashigtai; möngönii tölöö*), which was denigrated as ‘selfish’ behaviour (*öörstdiigöö boddog*). In analysing this distinction, I am reminded of Bloch and Parry’s seminal description of long-term versus short-term moral universes in exchange [Bloch, Par-

ry 1989]. Accordingly, global cultures often evince a moral division between long-term economic exchanges — i. e. what individuals need to thrive and pass on their sociocultural values to subsequent generations—and short-term exchanges — i. e. fleeting consumption desires and profits. Similarly, ‘doing it for life’ was a moral narrative that emphasised subsistence needs that were required to guarantee the long-term stability of local families and were subsequently accompanied by insistent emphases that trade actions were ‘for one’s family’ and ‘not for profit’. Generally, whether one was a poor fisherman, a middleman trader or a large local dealer in wildlife, all actors navigated their anxieties concerning the ethicality of their trade by underscoring that their trade was *only* for life; *only* for subsistence; *not* for profit — however, not all actors were successful in their convincing of others.

Nevertheless, this ubiquitous emphasis on the ethicality of cross-border trade for life was intertwined with the local government’s passive encouragement of cross-border trade. After I lived in the nearest city for a few months, I moved out into a rural county (*soum*) and quickly noticed over my subsequent 10 months of fieldwork that the entire area was involved in the semi-legal and/or informal resource trade — specifically, different residents either fished Asian Carp; gathered a Chinese medicinal plant known as Fang Feng; shot and pelted antelope and/or wolves; and/or made hay for sale to China. All of these resource trades thrived because those wildlife resources could be sold up to 20 times more expensively on the Chinese side of the border, depending on season. Yet, local residents rarely had formal permit permissions — either from the central or the local government; or the Chinese state — to export these resources. Here, the overarching regional narrative of ‘doing it for life’ also aided the local residents. As described by one high-ranking government official in the locality: ‘We don’t really want to catch residents [at the border] because it would cause all sorts of problems in the *soum*’. Both government officials and border guards were generally uninterested in cracking down on local resource trading, knowing that doing so would end a mainstay of local employment. Local residents often knew, for example, which border guards would waive through goods that were for consumption or personal use, exclaiming that those guards knew that locals were just trying to ‘live life’.

Normal people like us

Most cross-border resource trade in my fieldsite was enabled through the long-term economic partnership (*tünshleh*) of one Inner Mongolian with a locally-born Mongolian tradesman. In this way, both sides were able to utilise their marginal advantages — i. e. access to workers and resources in Mongolia versus money and markets in China — in combination with one another to make their enterprise successful. During my fieldwork, most unemployed local residents were involved either in the medicinal plant and/or fish trade, which involved gathering the resource and selling it to a Mongolian middleman, who had him/herself received the money to buy the resource from an Inner Mongolian trading partner on the other side of the border. When the Mongolian/Chinese border opened in the early 90s, many eager young Inner Mongolians, themselves often poor and looking for opportunities, entered Mongolia and were astounded at the resource wealth. Seeking out local Mongolians, they offered them cash to gather local resources. Many of these initial associations stuck and, over twenty years later, have blossomed into large network enterprises employing between 20 and 200 local Mongolians, who receive money for their resources every year via a local middleman allied with an Inner Mongolian.

Although these business associations are formally illegal because they are exporting an environmentally protected resource, all the participants justify them as moral. Generally, Mongolians involved in these forms of trade similarly describe them as helping them further and improve their 'life' in conditions of widespread unemployment. Moreover, many of these trade associations between rural Mongolians and an Inner Mongolian middleman are multi-year associations—e.g. they started as scrap-metal networks in the 90s, but shifted their efforts to the wildlife and hay trade each year based on the profitability potential in the Chinese market. The continuity of these relationships encourages both sides to cooperate with one another. As discussed by Nasan Bayar in his depiction of cross-border Inner/Outer Mongolian coal truckers, both sides are encouraged to create near-kin relations with one another, calling each other 'big and little brother', attending *ovoo* ceremonies on both sides of the border and giving each other economic 'incentives' (*uramshuulal*) like gifts, discount prices

and no-interest loans to strengthen the association over time.

In 2017, I carried out intensive fieldwork with a Mongolian fishing family that had an 11 year partnership with an Inner Mongolian trader. I asked the fisherman's wife whether she considered it ethical to illegally sell Mongolian fish to China and she emphasised the multi-year relationship their family had with the Inner Mongolian trader's: 'They are just normal people like us', she opined, poor and making ends meet. Nevertheless, a few days later after an evening of intense drinking, the Mongolian fisherman pulled me aside suddenly, emotionally and anxiously whispering, 'I swear it's for my family; not for profit!' Despite their many years involved in an illegal wildlife trade partnership with an Inner Mongolian, this family remained internally torn.

If Mongolia had money, we shouldn't be working with Chinese people.

In addition to the ubiquitous trade partnerships that punctuated rural eastern Mongolia, many residents were also wage labourers for Inner Mongolian/Chinese companies. For one, south eastern Mongolia is well-known within the Mongolian media as the location of multiple oil fields belonging to the state-owned Chinese oil company, PetroChina. Within remote eastern Mongolia, this company is infamous and largely disliked because it rarely employs local residents, and when it does, only in the poorest paid positions. By extension, in 2016 and 2017, Inner Mongolia suffered a drought, which motivated the Chinese government to temporarily create policy that encouraged Inner Mongolians to attempt to import hay from Outer Mongolia. In fall 2017, for example, one ton of hay in Outer Mongolia cost 112,000 MNT, but cost 450,000 MNT in China, inciting thirty Mongolian-Inner Mongolian partnerships to apply to the soum government for hay-making permits in that year. In contrast to the aforementioned fish trade, however, most of these 'partnerships' were short-term business associations that minimally employed at least one Mongolian to work as a wage labourer and apply for the local government permit. That Mongolian, in turn, interacted with an Inner Mongolian middleman, who, in turn, worked for a Han Chinese boss that sent mostly Han Chinese labourers to Mongolia. In fall 2017, I hired a car and drove around the countryside of my fieldsite, encountering multiple make-

shift container accommodations that housed several poor, non-Mongolian-speaking Han Chinese temp labourers.

On one of our countryside trips, we noticed a hay plot that was not punctuated by the accustomed Chinese container houses, but by four yurts. Stopping, we discovered a 3,000 hectare hay plot run by a local Mongolian herder, who further employed 15 local Mongolians. Because this set-up was unusual, as all of the surrounding plots were employing either Inner Mongolian or Chinese labour, we asked the foreman how his hay enterprise had developed. 'I have been making hay since the socialist era for local families,' Nyambaatar explained, 'but last year they opened the border to China for the first time. I had some hay left over and an acquaintance [*tanil tal*] suggested I sell it to an Inner Mongolian businessman'. This year, he continued, the Inner Mongolian, working for a Chinese company, hired Nyambaatar full time and signed a contract that paid Nyambaatar 1 Million MNT a month to organise the hay permit with the local government and run the hay field.

Understandably, this trade evoked ambiguous emotions amongst its Mongolian participants. For starters, 1 Million MNT was a sizable monthly salary for rural Mongolia, but, as a foreman, Nyambaatar still earned sizably less than the Chinese labourers on the surrounding fields who earned 2.5 Million MNT per month. Consequently, Nyambaatar was grateful for the economic opportunity, yet cognizant that he and his fellow Mongolians were being underpaid: 'I do it for food; this is my only job all year. This is a great opportunity for profit for Mongolia, but right now it's only possible with foreign investment. If Mongolia had money, we shouldn't be working with Chinese people'.

As he segued into discussing Chinese dependence, we asked him about the preponderance of Chinese labourers on the surrounding fields—'It doesn't concern me; I don't know anything' (*nadad hamaaraltgiii*), he snapped. His reaction, a sudden change of affect, was highly reminiscent of Pedersen and Bunkenborg's description of a Mongolian family neighbouring the aforementioned oil company — PetroChina [Pedersen, Bunkenborg 2012]. In their work, the authors were surprised that this herding family claimed that they didn't know anything about the oil company,

nor did they care, even though they lived right next to it. The authors explained this surprising response as a result of the road between the Mongolian herder and Chinese company that symbolically and emotionally separated the two parties. Although, in my fieldsite in eastern Mongolia, there was no road between the Mongolian foreman and the Chinese hay labourers surrounding his camp, I agree with Pedersen and Bunkenborg that these statements represent attempts to emotionally distance oneself from an uncomfortable situation—to, in their words, convert the situation into a 'determinate and singular "economic relationship"' [Pedersen, Bunkenborg 2012: 565]. In sharp contrast to the aforementioned Mongolian/Inner Mongolian partnerships that explicitly relied on kinship metaphors for their success, here, Nyambaatar attempted to emotionally distance himself from the Chinese presence, treating his interaction with his bosses and the Chinese labourers around him as *just* business, a transaction. Nevertheless, Nyambaatar did care — Right before we left, he admitted his concern that Mongolians were no longer able to access hay, motivating him to stipulate in his contract that he was to sell a few tons of hay to local herders at highly-reduced prices.

Conclusion

In sum, during my fieldwork in eastern Mongolia, most citizens made their living from either the cross-border commodity or resource trade, taking advantage of the manifold price differentials between the two markets. However, despite the long history and widespread occurrence of economic interaction with Inner Mongolian and Chinese traders, local Mongolians still viewed this relation with apprehension, making moral appellations that it was, nevertheless, necessary for local Mongolian survival. This general framework that individuals utilised to evaluate if economic interaction with China was morally palatable was a distinction between 'for life' and 'for profit'. Mongolians evaluated their partnerships based on the same rubric — i. e. the more an interaction with an Inner Mongolian was long-term and/or perceived as necessary for the personal survival of the other — not out of pure profit motif — the more Mongolians neutralised its moral ambiguity by casting the relationship in near-kinship terms. In sharp contrast, situations where Mongolians deemed the Inner Mon-

golian/Chinese partner or business as chiefly profit-oriented garnered attempts to emotionally distance themselves from the trade, casting it as finite and business-driven. Nevertheless, these different strategies still seemed only to

calm moral apprehension, not eliminate it — as both Mongolian tradesmen discussed in this piece continued to express ongoing apprehension over the morality of their Inner Mongolian/Chinese trade interactions.

References

- Bloch, Parry 1989 — Bloch M., Parry J. Introduction. In: Parry J., Bloch M. (eds.) *Money and the Morality of Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Pp. 1–32. (In Eng.)
- Guyer 2004 — Guyer J. I. *Marginal Gains: Monetary Transactions in Atlantic Africa*. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 232 p. Available at: http://www.worldcat.org/title/marginal-gains-monetary-transactions-in-atlantic-africa/oclc/936511707&referer=brief_results (accessed: July 20, 2018). (In Eng.)
- Ichinkhorloo 2018 — Ichinkhorloo B. Collaboration for survival in the age of the market: diverse economic practices in postsocialist Mongolia. *Central Asian Survey*. 2018. No. 37 (3). Pp. 386–402. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02634937.2018.1501347> (accessed: May 31, 2019). (In Eng.)
- Lacaze 2010 — Lacaze G. 'Run after time': the roads of suitcase traders. *Asian Ethnicity*. 2010. No. 11(2). Pp. 191–208. (In Eng.)
- Pedersen, Bunkenborg 2012 — Pedersen M. A., Bunkenborg M. Roads that Separate: Sino-Mongolian Relations in the Inner Asian Desert. *Mobilities*. 2012. No. 7. Pp. 555–569. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17450101.2012.718938> (accessed: June 8, 2018). (In Eng.)
- Reeves 2014 — Reeves M. *Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press, 2014. 312 p. Available at: http://www.worldcat.org/title/border-work-spatial-lives-of-the-state-in-rural-central-asia/oclc/942209821&referer=brief_results (accessed: June 7, 2018). (In Eng.)
- Wilson, Donnan 1998 — Wilson T., Donnan H. *Border Identities: Nation and State at International Frontiers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 316 p. Available at: http://www.worldcat.org/title/border-identities-nation-and-state-at-international-frontiers/oclc/867965747&referer=brief_results (accessed: July 19, 2018). (In Eng.)
- Zhang, Saxer 2017 — Zhang J., Saxer M. Introduction: Neighbouring in the Borderworlds along China's Frontier. In: Zhang J., Saxer M. (eds.) *The Art of Neighbouring: Making Relations across China's Borders*. Amsterdam: University Press, 2017. Pp. 11–32. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 1018–1044, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1018-1044
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.3+003.335

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1018-1044

Гадание посредством Авалокитешвары

Бембя Леонидович Митруев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Митруев Б. Л., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются ойратский и тибетский тексты гадания, проводимого посредством Авалокитешвары. Это гадание представляет интерес для изучения религиозных практик и верований ойратов Западной Монголии. *Цель статьи* — ввести в научный оборот ойратский текст гадания, имевший хождение в Западной Монголии, а также и тибетскую версию этого гадания. *Материалы.* Материалы для данной статьи были получены из двух источников. Ойратский текст был взят из коллекции Центра по изучению истории, языка и культуры ойратов «Свет „ясного письма“» (Tod Nomin Gerel), который хранится на сайте цифровой библиотеки международных исследований (Digital Library for International Research). Коллекция «Tod nomin gerel» представляет собой собрание цифровых копий различных текстов на ойратском языке, записанных «ясным письмом» («тодо бичиг») и текстов на тибетском языке. Тибетский текст гадания был получен автором во время стажировки в Улан-Баторе в 2012–2013 гг. от Амарбаясгалан Улзийбата, проживающего в Улан-Баторе. *Методы.* В статье использованы сравнительно-сопоставительный метод, а также метод контекстуального анализа. *Результаты.* Сопоставление ойратского и тибетского текстов дает возможность предположить, что тибетский текст представляет собой перевод с монгольского или ойратского. Такая практика имела место в монгольском обществе. Данное исследование представляет собой интерес для сравнительного изучения гадательных традиций в Тибете и Монголии, а также процесса генерации подобных текстов и переводческой практики в традиционном обществе.

Ключевые слова: гадание, тодо бичиг, ясное письмо, Авалокитешвара

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций

народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Митруев Б. Л. Гадание посредством Авалокитешвары // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1018–1044. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1018-1044

UDC 294.3+003.335

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1018-1044

Avalokiteshvara Dice Divination

Bembya L. Mitruiev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2020

© Mitruiev B. L., 2020

Abstract. *Introduction.* The article discusses the Oirat and Tibetan texts of Avalokiteshvara divination. *Goals.* The paper aims to introduce the Oirat fortune-telling text (which was in use in Western Mongolia) and its Tibetan version into scientific circulation. The divination is instrumental in studying religious practices and beliefs of the Oirats of Western Mongolia. *Materials.* Materials for the article were obtained from two sources. The Oirat text was borrowed from the collection titled The Light of Clear Script Texts (Mong. *Tod Nomin Gerel*) which is stored on the website of the Digital Library for International Research. The Tod Nomin Gerel Collection comprises digital copies of various Oirat-language texts written in ‘Clear Script’ and those of Tibetan-language ones. The Tibetan divination text was obtained by the author during language training in Ulaanbaatar in 2012-2013 from Amarbayasgalan Ulzibat, resident of Ulaanbaatar. *Methods.* The article employs the comparative method and that of contextual analysis. *Results.* A comparison of the Oirat and Tibetan texts makes it possible to assume that the Tibetan text is a translation from Mongolian/Oirat. This practice was inherent to Mongolian society. Thus, the study is of interest due to an opportunity to get comparative insights into fortune-telling traditions of Tibet and Mongolia, as well as the process of generating such texts and translation practices in traditional society.

Keywords: fortune telling, Todo Bichig, Clear Script, Avalokiteshvara

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’.

For citation: Mitruiev B. L. Avalokiteshvara Dice Divination. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1018–1044. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1018-1044

Введение

Человечество всегда волновало его будущее. Люди хотели знать, что их ждет. Для этой цели использовались различные формы гадания, в том числе и гадания на костях. Ко-

сти использовались для гадания в древней Греции, Византии, Китае и т. д. Первоначально для гаданий на костях использовали четырехгранные кости, которые затем превратились в шестигранные.

В тибетском каноне, а именно в 211 томе нартангского Тенгьюра¹, сохранился текст, называющийся на санскрите «Кевали» (санскр. kevalī ‘гадальные кости’) и приписываемый Шантидэве. Это сочинение, в котором говорится об использовании четырехгранных костей, было переведено с санскрита на тибетский язык под названием «Гадание Манджушри» (тиб. mo rtsis ‘jam pa’i dbyangs) [mo rtsis].

Этот способ гадания описан в книге «Гадание народов мира» [Опря 1990: 74–77], а также в книге «Гадание посредством Ачи и Тары», посвященной гаданиям в целом, а в особенности гаданию на четках посредством Тары [Sobisch, Hyveled 2019: 6].

Интересно отметить, что, по всей видимости, это же гадание присутствует во 2 томе собрания сочинений Бодонг Панчена Чогле Намгьяла (тиб. bo doñ pañ chen phyogs las gnam rgyal), изданном Тибетским домом в Нью-Дели в 1969–1981 гг. под названием «Разъяснение гадания посредством бросания костей, объясненное Великолепным Шантидэвой» (тиб. dpal ldan zhi ba lhas gsungs pa’i sho ‘gyed pa’i mo rtsis bstan pa) [bo dong: 191–212]. Однако на момент обращения электронная копия текста Бодонг Панчена еще не была выложена на сайте Центра цифровых буддийских ресурсов (Buddhist Digital Resource Center).

Помимо этого, существует множество тибетских текстов гадания на костях, посвященных разным божествам, например, составленное Мипамом Ринпоче гадание посредством Манджушри, переведенное на русский язык [Мипам 2006]. Также можно упомянуть приписываемое Атише гадание посредством Тары, текст которого также переведен автором на русский язык, но не опубликован.

Одним из самых популярных текстов гадания в тибетской традиции является гадание через Палден Лхамо. Кроме этого, существуют гадания посредством Хаягри-вы, ламы Цонкапы [Митруев, Дугданов 2019], Дордже Легпы, Ямараджи, Сетраба и прочие [Митруев 2020]. Среди них есть

несколько гаданий на гадальных костях, посвященных Авалокитешваре.

Существует несколько текстов гаданий посредством Авалокитешвары на тибетском языке. В сборнике «Тексты гаданий, геомансии и методов исследования снов» (тиб. mo dpe sa dpyad rmi lam brtag thabs) представлено гадание посредством Авалокитешвары, озаглавленное «Практика высшего Арья Махакаруники² „Зерцало, проясняющее острое видение“» (тиб. ‘phags mchog thugs rje chen po’i lag len rno mthong gsal ba’i me long) [tshe ring dang ‘brug rgyal 1997: 107–124].

Другим гадательным тестом, очень схожим с вышеупомянутым, является гадательная книга, полученная от тибетского ламы Дуге Ринпоче Тендзин Ньимы (тиб. ‘dug dge rin po che bstan ‘dzin nyi ma) из тибетской провинции Амдо, который называется «Острое видение Высшего Арья Махакаруники „Ясное зеркало“» (тиб. ‘phags mchog thugs rje chen po’i rno mthong me long gsal ba).

На современном монгольском языке было опубликовано несколько текстов гадания посредством Авалокитешвары. В книге «Избранные методы применения в жизни монгольской астрологии и гаданий» (монг. Монгол зурхайн ухаан, мэргэ төлгийг амьдралдагч хэрэглэх шилдэг аргууд), составленной Д. Даваажавом и Д. Сугардоржем, представлено гадание под заглавием «Гадание на костях [посредством мантры] мани³» (монг. Маанийн шооны мэргэ) [Даваажав, Сугардорж 2012: 61–62]. Также в сборнике гадательных текстов «Способы исследования монгольских традиционных гаданий» (монг. Монгол үндэсний мэргэ төлөг шинжихүй ёсон) под редакцией Ш. Сухбата, имеется гадание под названием «Гадание [посредством мантры] мани» (монг. Маанийн төлөг) [Сүхбат 2002: 79–80].

Интересно отметить, что гадание в книге Ш. Сухбата представляет собой сокращенный вариант гадания, опубликованного в книге Д. Даваажавы и Д. Сугардоржа, которое, в свою очередь, очень схоже с текстом, рассматриваемым в данной статье. Другой монгольский текст гадания, местами прак-

¹ Следуя произношению центрального Тибета, мы называем канонический свод трактатов, переведенных с санскрита и прочих языков на тибетский, — Тенгьюр, а не Данжур, как традиционно принято в российском монголоведении.

² Махакаруника, «Великосострадательный» — эпитет Авалокитешвары.

³ Шестислоговая мантра Авалокитешвары *ом мани падме хум*.

тически идентичный рассматриваемому здесь ойратскому тексту, также опубликован в книге Ш. Сухбата «Способы исследования монгольских традиционных гаданий» под названием «Шооны төлөг шинжихүй» («Исследование гадания на кости») [Сухбат 2002: 40–44]. Однако в этом тексте гадания нет упоминания мантры Авалокитешвары «om maṇi padme hūm», и интерпретации гадания определяются по количеству глазков на выпавшей грани кости. Тем не менее в самом конце текста стоит фраза: «Хоншим бодсадын айлдсан судар төгсвээ» ('Сутра, изреченная Авалокитешварой, завершена'), что указывает на то, что данное гадание связано с Авалокитешварой и, как следствие, с его мантрой.

От жителя Монголии Хухийн Бямбажава была получена копия еще одного текста на «ясном письме» под названием «Возвышенное гадание [посредством гадальной] кости мани» (ойр. *Xutuqtu maṇi šotölögö ogošoboī*), на пяти листах. Этот текст довольно сильно отличается от текста, анализируемого в данной работе.

Целью исследования является введение в научный оборот двух текстов гадания посредством Авалокитешвары — «Гадание Авалокитешвары посредством гадальной кости» (ойр. *Nidü-ber üzeqci-yin šō talbixui sudur⁴ orošiboī*) на «ясном письме» [Гадание Авалокитешвары 2011] и безымянный текст гадания посредством Авалокитешвары на тибетском языке [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 3. Д. 181]. Предположительно, тибетский текст представляет собой перевод с ойратского или монгольского языка.

Описание рукописей

Ойратский текст гадания посредством Авалокитешвары был взят из электронной коллекции Центра изучению истории, языка и культуры ойратов «Свет „ясного письма“» (*Tod nomin gerel*). Оригинал хранится в захчинском монастыре Раашгонзэглин⁵ (тиб. *bkra shis dkon brtsegs gling*) сомона Манхан Кобдоского аймака Монголии. Копия текста хранится на сайте цифровой библиотеки международных исследований (Digital Library for International Research) под шиф-

ром Barintag-06-15, Item #11364. Название текста — «Гадание Авалокитешвары посредством гадальной кости» (ойр. *Nidü-ber üzeqci-yin šō talbixui sudur orošiboī*) [Гадание Авалокитешвары 2011]. Текст состоит из восьми листов, размер рукописи — 21,7х7,5 см.

Текст написан с ошибками, начиная с первой строки выражения поклонения, в которой написано «na lo šo ra ya», что, наиболее вероятно, является ошибочным написанием санскритской формулы поклонения «namo lokaśvarāya», где *namo* значит 'кланяюсь', а *Локешварая* — 'пред Владыкой мира', где «Владыка мира» — это эпитет Авалокитешвары.

В тексте присутствует много архаизмов. Например, *šibišēd* (деепричастная форма глагола *šibiškü*) не встречается во многих словарях калмыцкого языка, но есть в «Словаре языка ойратов Синьцзяна» со значением 'обращаться к божеству' [Тодаева 2001: 453].

Другое слово *ukāl* ('омовение') есть в монгольском, но не встречается в словарях калмыцкого языка. Несмотря на это, имеются сведения о бытовании этого слова в калмыцком языке: так, американский калмык Бен Мошкин свидетельствовал об употреблении этого слова в калмыцком языке, которое он на слух записал как *okal*. Другими такими примерами могут быть *zabxuiul* 'потеря, отбившийся скот' или *temecel* 'спор, конфликт', которое в современном калмыцком языке обрело значение 'стремление вперед' [КРС 1977: 492].

Интересно написание некоторых слов. Например, слово *хөн*, которое обычно пишется на «тодо бичиг» *hopin*, в данном тексте приводится в написании *хоуин*. Такое же написание *хоин* дано в словаре Б. Х. Тодаевой в статье для слова *хөөн* [Тодаева 2001: 408]. Данный пример демонстрирует процесс сближения написания письменного языка с разговорным произношением.

Есть несколько словосочетаний, о смысле которых мы можем догадываться из контекста и которые, по-видимому, представляют собой идиоматические выражения. Например, словосочетание *сул ахр* (букв. 'хвост короткий') имеет в тексте значение 'вскоре'. Слово *arbijixu* — 'преумножаться, увеличиваться', однако отсутствует в Калмыцко-русском словаре под редакцией Б. Д. Муниева [КРС 1977].

⁴ В оригинале ойратского текста написано: *sudür*.

⁵ В переводе на монгольский: «Өлзийч ухаг давхарласан хийд».

Другой текст, рассматриваемый в данной статье, — безымянная тибетоязычная рукопись гадания посредством Авалокитешвары [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 3. Д. 181]. Копия выполнена с рукописного текста из коллекции Улзийбат Амарбаясгалана, проживающего в Улан-Баторе. Этот текст включает в себя два сочинения: гадание посредством гадательной кости с опорой на Манджушри и рассматриваемое автором гадание посредством Авалокитешвары. Тибетский текст написан черной тушью на русской бумаге фабрики наследников Сумкина № 7, на что указывает филигрань на стр. 5b. На лицевой стороне первого листа тибетскими буквами написаны слоги *om āḥ hūṃ*. Гадание посредством Авалокитешвары начинается на странице 3b. Текст состоит из 8 листов, размер рукописи 21,5x7,5 см. За ним следует тибетский текст «Дхарани Манджушри, увеличивающего интеллект» (тиб. 'phags pa 'jam dpal gyi shes rab dang blo 'phel ba zhes bya ba'i gzungs, санскр. āryamañjuśrī prajñā buddhivardhananāmadhāraṇī), входящее в Кангьюр и в Сунгдуй (тиб. gzungs 'dus)⁶.

Над слогами мантры «*om ma ṇi pad me hūṃ*» в объяснениях результатов гаданий в каждом случае синей шариковой ручкой написаны тибетские цифры от одного до шести, обозначающие количество глазков на сторонах гадальной кости, в случае, если используется кость с глазками, а не нанесенными на нее слогами мантры.

Гадальные кости

В распоряжении Улзийбат Амарбаясгалана, хозяина рукописи, также оказалась гадальная кость, использовавшаяся для этого гадания. Она представлена на фото 1. Расположение тибетских букв шестислоговой мантры «*om ma ṇi pad me hūṃ*» продемонстрировано на рис. 1. В тексте не говорится о том, из какого материала должна быть сделана кость для гадания, в отличие от, например, «Способа гадания на гадальных костях посредством Палден Магсор Гьялмо „Ключ, открывающий важные моменты устных наставлений для [достижения] абсолютного ясновидения“» (тиб. dpal ldan dmag zor rgyal mo'i sho mo 'debs tshul mngon shes mthar thug gi man ngag gnad kyi dbye ba'i lde mig), автором которого является некий Джигме (тиб. 'jigs med). В этом тексте гово-

рится, что три кости или кубика для гадания должны быть сделаны из черного дерева с шипами или сандала. В тексте «Метод совершения гадания Единственной матери Владычицы мира желаний на гадательной кости» (тиб. ma gcig 'dod pa khams kyi dbang mo'i sho mo 'debs tshul), автором которой является III Панчен-лама Лобсанг Палден Еше (тиб. blo bzang dpal ldan ye shes, 1738–1780) сказано, что кубическая кость для гадания должна быть сделана из морской раковины или слоновой кости.

Расположение букв мантры «*om ma ṇi pad me hūṃ*» на шести гранях кости следующее: *om* размещается сверху, *hūṃ* — снизу, *ma ṇi pad me* — по четырем граням между верхней и нижней гранями.

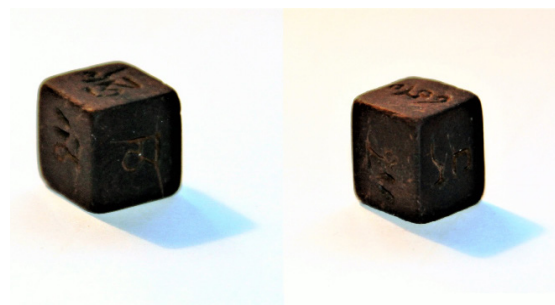

Фото 1. Гадальные кости с мантрой ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ

[Photo 1. Divination dice with engraved syllables of Avalokiteshvara's mantra (OM MANI PADME HUM)]

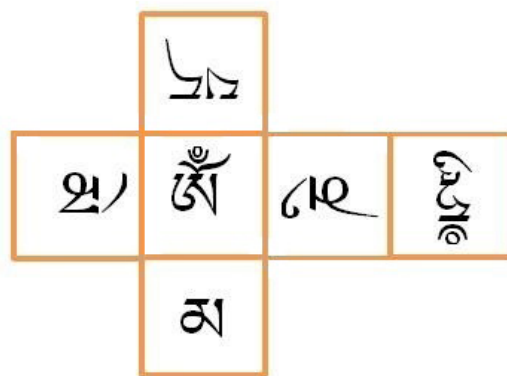

Рис. 1. Диаграмма, демонстрирующая расположение слогов мантры на гадальной кости

[Fig. 1. Diagram illustrating the layout of syllables on the divination dice]

⁶ См., напр.: [Музраева 2018: 75].

Процедура гадания

Перед тем как приступить к гаданию, необходимо обратиться к Авалокитешваре с молитвой, а затем как можно больше повторить мантру Авалокитешвары «om ma ni pad me hūm». После этого необходимо подуть на кость для гадания и бросить ее. В некоторых текстах говорится, что кость бросается на специальный войлочный коврик для гадальной кости (тиб. sho gdan). В данном тексте такое требование отсутствует.

Объяснение результатов несколько отличается в ойратском и тибетском текстах. Самое заметное различие заключается в том, что в ойратском тексте объяснения для больного человека и скота объединены в одном отрывке под заголовком объяснения результата гадания для каждого из шести слогов. В тексте на тибетском эти два подраздела для больного человека и скота вынесены отдельно, образуя по два раздела под повторяющимися заголовками каждого из шести слогов мантры «om ma ni pad me hūm». Также в некоторых случаях объяснения результата гадания, выпавшего на один и тот же слог, даны прямо противоположные интерпретации. Например, в тибетском тексте сказано: «Если выпал НИ — заслуги всегда будут преумножаться. Задуманные дела исполнятся. Если столкнешься с врагом, сам будешь побежден⁷» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 3. Д. 181]. В ойратском тексте аналогичный фрагмент звучит следующим образом: «Если выпал НИ — продолжительность жизни и благополучие преумножатся. Все задуманные дела исполнятся. Если отправишься войной, то победишь». Мы предполагаем, что такое различие возникло вследствие неверного перевода с монгольского/ойратского на тибетский язык. О том, каков был язык оригинала этого гадания, будет сказано ниже.

Самым заметным отличием ойратского текста от тибетского являются объяснения результатов гадания, совершаемого трижды подряд. Традиционно три гадания подряд совершались для того, чтобы удостовериться в верности полученных результатов. Этот раздел отсутствует в ойратском тексте. Можно предположить, что он был скомпилирован после перевода на тибетский язык или добавлен из другого текста по гаданию.

После объяснения результатов гадания в каждом из разделов говорится о том, какие ритуалы необходимо совершить, чтобы исправить ситуацию. Таким образом, как и многие другие гадания, текст этого гадания состоит из двух частей: объяснение результата гадания, объяснение методов устранения неблагоприятных факторов, о которых говорит гадание.

Ритуалы, указываемые в текстах гадания

Многие из ритуальных текстов, называемых в этом гадании, включены в «Собрание дхарани», или по-тибетски Сунгдуй: «Ушнишавиджая», «Белозонтичная», «Сутра долгой жизни», «Чернозонтичная», «Раскаяние из „Сутры Золотистого света“» и т. д. Иногда чтение всего «Собрания дхарани» используется как ритуал. Часто встречается предсказание о необходимости совершить подношение «Тринадцати воскурений „санг“». «Тринадцать воскурений» (тиб. bsangs bcu gsum) — крайне популярный в Монголии текст подношения воскурения дымом, которое по-тибетски называется «санг» (тиб. bsangs). В Монголии его читают как на тибетском, так и на монгольском языке. Помимо других известных и популярных ритуалов, таких как «Подношение водных торма» (тиб. chu gtor), торма четырех элементов (тиб. 'byung bzhi'i gtor ma), ритуал усиления «коня ветра» (ритуал удачи), четырех сотен подношений (тиб. brgya bzhi), ритуал призывания удачи и защиты (тиб. g.yang skyabs), ритуал призывания удачи (тиб. phyu [phywa] len) и др., встречаются и более редкие ритуалы. Например, это «ритуал умиротворения болезней, преждевременной смерти и духов умерших» (тиб. na shi dur gsum bcos, сокращ. от na shi dur gsum gyi bcos thabs). В виде ритуалов также предписывается совершение определенных добродетельных действий, призванных устранить препятствия и проблемы, возникающие на жизненном пути верующего. Это создание цаца (тиб. tsha tsha) или глиняных пирамидок, в виде ступ, в глину для создания которых часто добавляли пепел от кремации человека, для того чтобы обеспечить ему хорошее рождение. В тибетском тексте говорится о получении «разрешения» на практику божества (тиб. rjes gnang, санс-

⁷ Тиб. thab ['thab] rtsod na rang bcom.

кр. *anujñā*), что тоже считалось полезным для устранения препятствий. Ойратский текст использует термин *abuṣiq* [=abiṣiq] (от санскр. *abhiṣeka* ‘посвящение’). Разрешение, или ануджня на санскрите (тиб. *rjes gnang*, санскр. *anujñā*), — так называется ритуал, менее сложный, чем ритуал посвящения (тиб. *dbang*, санскр. *abhiṣeka*), который дает право выполнять определенные практики в рамках определенного цикла тантрических наставлений, включая йогу божества (тиб. *lha'i rnal 'byor*, санскр. *devatā-yoga*) и чтение мантры, но исключая действия по обучению и дарованию

посвящений. Право совершать последние дает заключительная часть *абхишеки*, или посвящения наставника (тиб. *slob dpon*, санскр. *ācārya*) [Buswell, Lopez 2014: 51]. Получив такое разрешение, верующий совершал практику этого божества, веря, что повторение его мантры поможет справиться с неблагоприятной ситуацией.

Несмотря на все ошибки, тибетский текст часто помогает понять неясные места ойратского, поэтому переводы обоих текстов помещены нами в статье параллельно, чтобы проиллюстрировать различия между ними.

Транслитерация ойратского текста

Условные знаки, используемые в транслитерации: 1) круглые скобки () заключают в себе межстрочные вставки в тексте; 2) квадратные скобки [] заключают в себе графему или лексему, пропущенную в тексте и восстановленную

как несомненная; 3) квадратные скобки со знаком равенства [=] заключают в себе классическое написание предшествующего слова; 4) знак равенства = **является** переносом части лексемы на следующую строку; 5) вертикальная черта | обозначает конец строки.

(1a) *nidü-bēr üzeqçi-yin šō talbixü sūdūr oroṣiboi::*

(1b) *na[mo] lo[ke] šo ra ya: arban zūq yūrbān| cagiyin burxan bḡgūde kigēd: bodhi| =sadv noyōūdtu mürgūmūi: amitan bū| =kūni eneren nigūūleskūi sedkil| tḡgūsūsən bḡgōd [=bḡgōd] ene tölgei-gi| adistidalen [=adistidlan] soyirxo: yambar čilen| sayin moū-gi xoyor ūgei iŷan soyir| =xō: nidü-bēr üzōqčiyin erketü no| =yōūdtu mürgūmūi: kemēn yurban-tei| ḡgūlēji zurŷān ūzūq ali olon| bolxor dabtūji šōgi ūlēgēd ūnen| zūreken-ēce zalbār čī [=zalbirči] šibašēd tal|=bin ūyilēd::*

om-du buūbāsu maši| sayin: burxan sakoūsun ibēkū sanaq|=san kereq bütükü: cereqtü mordobāsu| dayini darxū: balaqdiyın üyiledü öl|=zōyitei: bere abxūlā buyan arbīd|=xū: kerūūl temecelni daraxū: yabudal|-du yabuxulā mör bütēkū: ebečin-du| bḡgōsū edegekū kilbār: šiltān| inu zōūn ömöne [=öümüne]-ēce xoŷiyor kigēd ba|=roun-dan menggetei kümūni arki buyu xara| sabutai-ēce qai bolba: nirayil-bāsu|

(2a) *burxan šütēn takibāsū sayin: alduūl| zabxuūl| bolbāsu suruq sonosxu: koko [=kōkō] debeltei kümün-ēce edēsū xōro suruq| sonosxu: temēn bolbāsū xamar seterkei| buyu morin bolbāsū širi cayān tiyime ū|=gei bḡgōsū ūlū oldoxū: xūluyai abxulā| tūbūq [=tūbeq] baytai oldoxu: ene tölge buūxulā| arban yūrbān sang talbi: burxan-du ukāl| ḡrgūji ūyiledkūlē sayin::*

ma-du| buūbāsu burxan sakūūsun ūlū talxu:| dayisūn-lügē učirbāsu zoboxu: balŷadi-| yin ūyile

türgen ūlū bütükü: bere abxulā| gem bolxu: kerūūl temecel bolbāsu zobo|=xu: yabudaldu yabuxūlā sedkil ūlū amur|=xu [=amuraxu]: ebečin-dü udān edegekū: sakūūsun| ni xorlo [:] klusuyin xorlo: yabūdali-yin kümün|-ēce ŷai bolbo: nirayilbāsu sedkil ūlū| amuraxu: aldoūl| bolbāsu zobobačū suruq| sonosxu ūgei bḡgōsū eberēn irekū: ba|=roūn ömöne| xadtai ŷazar bui: ese oldo|=bāsu güremtei: ene tölge buūxulā dundu:| burxan šütēndü takil ḡrgō: klusūd taki:| kelen aman utul sudur unḡšūl: kišiq dallŷa [=dalaly-a] ab saca talbibāsu sayin:: :|

(2b) *ni-dü buūbāsu nasun-du buyan arbid|=xu: sanaqsan kereq bükün bütükü: dayisun|-lügē učirbāsu daraxū: ed geretü [=ger-tū] xurābā|=su arbidaxu bolxu: bere abxūlā zokixū sayin:| keroūl temecel öböröyın zokildaxu: yabudal|-du yabuxūlā amur irekū: ebečin-dü gem| ūgei: keroūl buzariyın gem buzār idēn bu|=zar xūbcasun-ēce bolba: aldubāsu ol|=xu: xūluyai abxūlā xolo ūgei suruq| sonosxū: morin abāsu soūl axūr öbö=rōyın oldoxū: kümün abči ireji öq|=kū: baroūn xoro ŷol ŷazar bui ūker| bolbāsu bū xai[:] öböröyın irekū: morin bol|=bāsu zōūn xōro bui: erelji kümün nūūr|=tēn mengetei kōkō [=kōkō] debeltei kümün kelekū:| xoyin [=xonin] bolbāsu dariū oldoxu zōūn xōl|=ro yūrbān ger kümün bariqsan bui: xoyin [=xonin] bö|=gōsū nidūn soxor bui: nirayilbāsu ed| buyan arbījixu: ene tölge buuxulā| burxan šütēn taki nasuni sudur unḡši: zulu kūji ḡrgökūlē sayin::*

pad-du [=tu] buūbāsu burxan sakūūsun| šamdūji taki: edtü ŷarši bolxu

(3a) sanān zobonixu ebečindū türgen ü|=lū edegekū: keröl temecel bolbāsu sed|=kil ülü amurxū: aldubāsu ülü olxū| xuluyai abxūlā yeke zobolongtōi ö|=ni udān suruq sonosxūyin tödüi: ba|=roūn zūqtū xān noyon kümüni maldu bui:| morin böğösü nidūn-dēn gemtei xayaraxai| deltei: blama buyu koko [=kōkō] debeltei kümün| cayān malyai [=malayai]-tai kümün kelekū: üker bol|=bāsu xoyitū zūqtū kümün bariqsan xoyor| xonogiyin soıldū oldoxū: ese ol|=dobāsu xara šükürtü ungši: morin bol|=bāsu xoyitu zūqtū doqšin modun bulyu modutai yazar bui: xonin bolbāsu| ömüne zūqtū kümüni maldu bui: türgen| xai: belbesen buyu cayān noxoi daxūū|=sun kümün kelekū: ene tölge buūbāsu:| tengger klusud taki: toqtöl xūrngyū [=xurangyui]-yi sudur ungši: suburyū bosxo: abu|=šiq [=abišiq] abxu bolbāsu sayin::

me-dū| buūxūlā: üyile bükün-dū moū: saköusun| orkiqsan öbör-tü [=öbör-tü] ebečin taxal bolxū:| dayisün-lügē uçirxūlā nasun axūr: ed| gertü xūrāxūlā öböröyin baraqdaxū bere| abxūlā ülü zoxixu: ebečin-dū yašoūn|

(3b) zobolong bui: šiltān inu moū idē bur|=tay xūbcasun ba ulān xara ed-ēce bol|=boi:: nirayilbāsu moū: xuluyai abxūlā ü|=lū oldoxū: töüni xara alaḡ moritei ci|=ken-dēn menggetei kümün buyu cayān debeltei| kümün kelekū: morin böğösü zōūn zūgtū

ö|=böriyin maldu bui: cayān debeltei kümün kelekū:| üker bolbāsu baroūn xōron xai: xara| moritei kümün kelekū: ene tölge buūxūlā| arban yūrban sang talbi takil örgö: caca gürüm kelegē [=kele] aman tasul nasuni| tōyor abušiq [=abišiq] ab: buyan-du šamdubā|=su sayin::

hūm-du buūxūlā| burxan saköusun ibēkü ali sanaqsan| kereq bütükü: idēn ed yeke-dū arbid|=xu: ed gertü xūrābāsu arbijixū:| yadadū-yin dayisun ügei bere abxūlā buyan arbidxū: yabudaldu yabuxūlā ol|=zo olxū: ebedbēsü edegekū: šiltān| inu kišiqtei mal yaruqsan kigēd:| kišigiyin ed buzar boluqsan buyu:| moū zōūden oroḡson-ēce gem bolbo|=yi [=bolboi]: keröl temecel bolbāsu öböröyin| daraqdaxū: nirayilbāsu ölzöi xūtuq| bolxū: aldoūl zabxūūl xūluyai|

(4a) xūdal bolbāsu suruq sonosxū:| temēn bolbāsu zōūn ömüne noyon kü|=mün kelekū: morin bolbāsu öböröyin| sūrūqtu bui: ereji ülü öböröyin| irekü: ese irebēsü yūrban xonogī|-yin söıldū cayān debeltei kümün ke|=lekū: üker bolbāsu čono buyu xu|=luyai ideqsen: bitikei xai: ene| tölge buūbāsu maši: sayin kiḡ=mori delgeröl: klusud taki|=bāsū sayin::

(4a) sarva maḡhalaḡ [=maḡhalaḡ]: oḡ ma ḡi pad me hūm::

Транслитерация тибетского текста

Условные знаки, используемые в транслитерации: 1) круглые скобки () заключают в себе межстрочные вставки в тексте; 2) квадратные скобки [] заключают в себе графему или лексему, про-

пущенную в тексте и восстановленную как несомненная; 3) квадратные скобки со знаком равенства [=] заключают в себе классическое написание предшествующего слова; 4) знак равенства = — перенос части лексемы на следующую строку; 5) вертикальная черта | обозначает конец строки.

(3b) na mo gu ru lo ki [=ke] shwa ra [=ra] ya/ phyogs bcu dus gsum gyi sangs rgyas| byang sems thams cad la phyag `tshal lo/ sems can thams cad| la snying rje[s] byin gyis brlab tu gsol/ gang bzang ngan gnyis kyī cal col| ma byed/ bsal [=gsal] bar ston[/] spyān ras gzigs la phyag `tshal lo//

(4a) oḡ ma ḡi pad me hūm/ yi ge drug [pa] bzlas sho [la] btab/ oḡ babs na/ shin tu bzang/ lha bsrung [=srung mas] bsam don grub [=sgrub]/ dmag [tu] `gro| na dgra `joms/ mkhar langs na bkra shis so/ bag ma len [na] bsod nams| spel [=phel]/ `thab rtsod na [dgra] bcom/ mgron `gro na lam mthun/ nad [pa yin] na gsos| par sla/ rkyen ni bshes gnyen gyi mi gtsang zas yod/ btsas na lha gsol| na bzang/ bar stor [yin] na gdam thos/ tshom [=chom] rkun [gyis] len na/ sdug chung thob/

(4b) mo `di bab na la nye bsangs bcu gsum bzhang| lha la khrus bya [na] bzang ngo// ma bab na/ gang bya na `bring po/ chos skyong ma dgongs par gyur/

dgra phrad na sdug [/] (dgra phrad na sa) khyim (`bab na) langs na myur du mi `grub/ bag [ma] gtong len byas na nyes pa byung/ `thab rtsod na sdug/ mgron byas [na] sems mi bte'o [=bde'o]/ nad yin na gso bar yun ring/ chos skyong khros// klu'i gdon/ mgron mi nas yod/ btsas na sems mi bde byung/ bor|

(5a) na sdug kyang gdam thos/ chos [=chom] rkun len na ma rnyed[/] mo `di babs na| `bring ngo/ lha la mchod [pa] phul/ klu'i rgyal po la mchod pa bya/ kha smras| chod/ phyu [phywa] len/ sa ts+tsha btab na bzang/ ḡi `bab na rtag tu bsod nams| `phel/ bsam don grub/ dgra `phrad na rang bcom/ nor khyim [du] `dus [bsdus]| na `phel bar `gyur/ bag ma [gtong] len byed na mthun bzang/ `thab rtsod na rang| mthun/ mgron [yin] na bde mo [=po] yang [yong]/ nad [pa yin] na skyon med/ `thab `khrugs|

(5b) sam mi gtsang pa'i zas dang gos rnyed [=rnying] blang yod/ bor stor [yin] na ma rnyed/ chom| rkun

thag ring ma yin gтам thos/ btsas na bsod nam che/ mo `di `bab| na lha rten[/] tshe mto [=mdo] `don/ lha khru bya/ mar me bdug spos phul na bzang/ pad `bab na/ chos skyong gsol mchod la `bad/ god kha nor zad yong| sdug blngal [=bsngal] byung/ mi nor nad na `dre `ong [=`dres gnod]/ btsas na nor zad chung/ `thab| rtsod na sems mi bde/ bor na ni rnyed/ chom rkun [yin] na yun ring du gтам|

(6a) thos tsam/ gzungs `dus `don/ mo `di `bab na| lha klu`i [klu] mchod/ bzlog gtor dang sa tsa+tsha gtab [btap]/ rjes gnad [gnang] len na bzang| ngo/ me babs na/ gang las [la`ang] ngan/ bsrung [mas] bor [/] lha rang du nyes/ dgra| `phrad na tshe thung/ nor khyim [du] `dus [bsdus] na rang zad/ btsas na ngan `gro/ mgron [yin] na sdug dang mya ngan `ong/ rkyen ni mi gtsang zas dang gos dmar nag rdzas| nas yod (yong?)/ rkun [mas] blang na ma thob/ mo `di `bab na la nye bcu gsum sangs [bsang]

(6b) btap/ sa tsa+tsha mchod [pa] phul/ rim gro bya/ lo grangs rjes gnang len[/] dge sbyor la `bad/ btsas na bkra shis/ bor [na] dang [rang] bzang ngo/ hūm `bab na/ lha dang chos skyob [skyong] skyabs/ bsam don grub/ zas nor `phel/ tshe nor khyim [du] `dus [bsdus] na spel [phel] yod [yong]/ bag ma len na bsod nams `phel/ phyi dgra med/ mgron na rnyed [pa] thob/ nad [pa yin] na (g) gzo [gso] bar sla/ rkyen ni phyags [=phyugs] phywa phyi [phyir] gtang/ g.yang gi nor snod la grib byung `dug/ rmi lam ngan pa las rtog|

(7a) pa las `ong/ thab [thab] rtsod na rang bcom/ chom rkun [gyis] len na| gтам thos/ mo `di `bad [bab] na shin tu bzang ngo/

om `bab na nad myur du gso/ bar chad ni byang shar nas `ong ba`i rtags mi nas nag po snod zas `dug/ zhag| gsum la gso/ gser `od bshags pa rgya [=brgya] rtsa brgyad bya/ grib sel bya/ spyar [spyir] kha smras yod [yong]/

ma `bab na/ nad pa rjes bzang gi yin/ ma mo`i| gdon/ lha mo`i gtor ma rgyob/ gtsug tor nag mo/ gdugs dkar gsu [=gsum]

(7b) `don nas/ grib sel bya/ spyir yin na rdzas nag po gto gtong bya/

ni `bab na/ nad [pa] la lha nas `ong ba`i bar chad yin/ lham [=lho] ma [=nas] ma [=mi] mtshon cha`i yong/ spyir bsangs| bcu gsum gtab [gtang]/ gzungs `dus `don/ klu`i mchod [pa] [sa] tsa+tsha btap/ mo `di phugs| su ngan no/

pad `bab na/ nad [pa] la myur [du] skur [sku] rim bya/ sa bdag gi[s] gnod[/] na shi| dur gsum bcos/ rdo rje nram `joms stong tshar chu gtor btap na bzang ngo/

me `bab na/ nad la lha`i gdon yin/ bskang bshags (su) gang mang bya/ gdug [gdugs]

(8a) dkar gyi bzlog bsgyur `don/ spyir god kha `ong/ yum `don| na bzang ngo/

hūm `bab na/ nad [pa] la zhing [ring] gi `di yin/

rdzas sngon nag rdzas yod/ ban+de bon po`i rdzas yod [/] me lha mchod/ phyag rdor `don/ `byung bzhi [i] gtor ma| gtang/ rlung rta dar [dang] klu mchod bsang/ [sa] tsa+tsha btap [na] bzang ngo/

om `bab na/ bor stor na byang shar nas gos nag mi nag [nas] gтам thos/ rnga mong dang rta yin [na] rtags yod na [rnyed]/ rtags med na ma rnyed do/ ma `bab na/ stor [lhor] shar lho brags [brag]

(8b) ngam [gam] gos dmar mi nas gтам thos/ yang na rang yod [/] ma rnyed na sku rim bya/

ni bab na/ rngam [rnga] mong de yin na/ rtags yod na ryed/ lho nub ngam [bam] grogs| la `dug/ rta yin na nub byang du yod/ glang [yin] na rang [la] yod/ lug nub byang du| mi [mis] zin pa`o/

pad `bab na/ lho phyogs su dpon po`i phyugs la yod/ ban+de mi| nas gтам thos/ rnga mong byang du shing (la) sa la yod/ mi nas thos/ glang [yin] na nub phyogs na mi zin zhag gnyis la thob/ ma thob na gtsug tor nag mo `don/

(9a) lug [yin] na shar du dpon po`i phyugs [la] yod/ thag rim [ring] ma yin khyi| dkar `brang [pa`i] mi nas gтам thos `dug/

me `bab na/ rnga mong [yin] na byang shar du| rnam [rna la] rna gas [rme nag] mis zin `dug/ rta [yin] na byang du rang gi phyugs du [su] yod/ gos dkar| gyi mi nas gтам thos/

hūm `bab na/ rnga mong [yin] na byang shar la yod/ rta yin| na rang `ong [/] ma `ong na zhag gsum la gos dkar mi nag po gzhon [bzhon] nas `khyer `dug/ bar chad ni byang shar nas `ong ba`i snod nag [nas] zas `dug/ gser `od `don/

(9b) grib sel bya`o/ mo `di ni spyar ras gzigs gyi shel dkar mi [me] long zhes| pa`o/

gsum ka la yang bzang po byung na/ gzhi bzang/ phyi dgra med/ bor stor rnyed/ [dkon mchog] gsum la mchod [pa] `bul/

gsum ngan na/ spyir kun tu ngan/ nyi khri brgyad stong pa brgya bzhi bya/

dang po gcig bzang phyi ma gnyis dman [ngan na] khang| khyim `bub dang dgra med bzang/ bag [ma] len na bde skyed [skyid]/ bor stor [yin] na rnyed/ thos pa [bros na] zin/ nad pa sman phrad [phrod] shin tu bzang [/] mo `di kun tu bzang/ [dkon mchog] gsums [gsum]

(10a) la mchod pa `phul/ snga phyi bzang la bar [ma] nang [ngan] na/ gzhi sogs gang gi las la bzang/ bor rnyed/ g.yang skyabs len/ lha khru bya/ snga gnyis bzang zhing phyi gcig ngan [na]/ bya ba kun| la ngan par bshad/

phyi ma gcig bzang snga ma gnyis| ngan [na]/ gzhi mo nad mo las la mo `di `bring/ bor stor ma rnyed [/] rkun ma zin/ dang po gcig ngan la phyi|

(10b) ma gnyis bzang [bzang] na/ dgra cha la dgra ngo/ grogs| cha la grags [grogs] med/ khang khyim `bub pa la `bring/ khang khyim `bub [na] `bring/ ma `bor na ma rnyed [/] mo `di kun tu `bring/ lha la ba sangs [=bsangs] btap/ khru bya/ gzungs [bsdus] `don [na] bzang//

Перевод на русский язык

Перевод ойратского текста	Перевод тибетского текста
(1a) Сутра ⁹ «Гадание Авалокитешвары посредством гадальной кости» (2a) НАМО ЛОКЕШВАРАЯ!	(3b) НАМО ЛОКЕШВАРАЯ!
Кланяюсь пред всеми буддами и бодхисаттвами десяти сторон света и трех времен! «Прошу вас, все, кто преисполнен сострадательного стремления ко всем живым существам, благословите это гадание ¹⁰ ! Что бы то ни было, прошу вас, прямо разделите хорошее и плохое! Пред Владыкой Авалокитешварой со свитой склоняюсь!» — произнес так три раза, повторяй как можно больше шесть слогов (мантры ОМ МАНИ ПАД МЕ ХУМ). Затем подуй на кость для гадания и искренне обратись с мольбой. Обратившись к божеству, брось гадальную кость.	Кланяюсь пред всеми буддами и бодхисаттвами десяти сторон света и трех времен! «Прошу, благословите всех живых существ состраданием! Оба — хорошее и плохое, не произнось бессмысленных слов, ясно покажите! Пред Авалокитешварой склоняюсь!» (4a) Повторив шесть слогов [мантры] ОМ МАНИ ПАД МЕ ХУМ, брось кость [для гадания].
Если выпал ОМ — очень хорошо. Будды и защитники благоволят. Задуманное дело исполнится. Если отправишься войной, то победишь врагов. Строительные работы сложатся благополучно. Если возьмешь невесту, благополучие преумножится. В конфликте победишь. Если отправишься по делам, обретишь благополучие. Больной легко излечится. Причина несчастья произошла из-за водки или черного сосуда лысого человека с юго-востока и человека с родинкой с запада. Если [спрашиваешь о] родах — хорошо бы совершить подношение образам будд. Если случилась потеря, скоро услышишь новость о [потерянном]. Услышишь новость от человека в синей одежде издалека. Если [потерялся] верблюд, но не верблюд с порванным носом, то не найдется, если лошадь, но не белой масти, то не найдется. Украденное найдешь с малыми трудностями. Если выпало это гадание, соверши подношение «Тринадцати сангов». Хорошо совершить подношение омовения буддам.	Если выпал ОМ — очень хорошо. Боги и защитники исполнят задуманное дело. Если отправишься войной, то победишь врагов. Если возведешь дом, будет благополучие. Если возьмешь невесту, благополучие преумножится. Если вступишь в конфликт, победишь. Если отправишься в гости, дорога будет благоприятна. Больной легко излечится. Причина несчастья произошла из-за нечистой еды друга. Если [спрашиваешь о] родах — хорошо бы совершить подношение божествам. Если случилась потеря, скоро услышишь новость о [потерянном]. Забранное ворами и грабителями найдешь с малыми трудностями. (4b) Если выпало это гадание, соверши рядом с перевалом подношение «Тринадцати сангов». Хорошо совершить подношение омовения божествам.
Если выпал МА — защитники не довольны. Если отправишься войной, то будешь горевать. Строительные работы не исполнятся быстро. Если возьмешь невесту, будет неудача. Если вступишь в конфликт, будешь горевать. Если отправишься по делам, душа не найдет удовлетворения. Больной излечится медленно. Защитники и наги причиняют вред. От человека, с кем имеешь дело, будет несчастье. Если [спрашиваешь о] родах — душа не найдет удовлетворения. Если случилась потеря, хотя и будет неудача, если не услышишь новостей, надеется само. [Потерянное] находится в юго-западном направлении, скалистом месте. Если не найдется, сделай ритуалы. Если выпало это гадание,	Если выпал МА — что бы ни делал, [гадание] среднее. Защитники дхармы не довольны. Если столкнешься с врагами, то будешь горевать. Если возводишь дом, то быстро это не произойдет. Если берешь или отдаешь невесту, будет беда. Если вступишь в конфликт, будешь горевать. Если отправишься в гости, ум не найдет счастья. Больной будет выздоравливать долго. Защитники дхармы разгневаны. [Вредят] демоны нагов. От гостя [будет несчастье]. Если [спрашиваешь о] родах — будешь несчастлив. Если случилась потеря,

⁹ Под сутрой в ойратском языке часто подразумевается любой буддийский текст.

¹⁰ В тибетском тексте: «Прошу, благословите всех живых существ состраданием».

то [ситуация] средняя. Соверши подношение образам будд. Соверши подношение нагам. Читай «Сутру, отсекающую сплетни». Соверши призывание удачи. Будет хорошо совершить подношение санга.	(5a) хотя и будут трудности, услышишь новости. Забранное ворами и грабителями не найдется. Если выпало это гадание, то [ситуация] средняя. Соверши подношение божествам. Соверши подношение царю нагов. Отсеки сплетни. Соверши призывание удачи. Будет хорошо сделать цаца.
(2b) Если выпал НИ — продолжительность жизни и благополучие преумножатся. Все задуманные дела исполнятся. Если отправишься войной, то победишь. Если будешь собирать имущество дома, оно приумножится. Если возьмешь невесту, она подойдет. Если вступишь в конфликт, ты осилишь. Если отправишься по делам, легко получится. Для больной нет опасности. Конфликт, болезнь из-за загрязнения возникли вследствие грязной еды и нечистой одежды. Потерянное найдется. Если своровано, то скоро услышишь новость из недалекого места. Если [потерялся] конь, вскоре сам найдется, его приведут и отдадут обратно люди. Он на западе в месте, где есть навоз, если же его там нет, то не ищи, придет сам. Если [потерялась] лошадь, она находится на северо-западе. Человек, который нашел ее — рябой и с родинкой, расскажет человек в синей одежде. Если [потерялась] овца, вскоре найдется. На северо-западе люди из трех кибиток поймали ее. Если [потерялась] овца, она у слепого. Если [спрашиваешь о] родах — имущество и благополучие преумножатся. Если выпало это гадание, то соверши подношение образам будд. Читай «Сутру долгой жизни». Будет хорошо, если совершить подношение светильников и благовоний.	Если выпал НИ — заслуги всегда будут преумножаться. Задуманные дела исполнятся. Если столкнешься с врагом, сам будешь побежден. Если будешь собирать богатство дома, оно приумножится. Если возьмешь невесту, будет согласие, это хорошо. Если вступишь в конфликт, будет благоприятно для тебя. Если отправишься в гости, будет благополучно. Для больной нет опасности. Конфликт [возник] (5b) из-за того, что взял нечистую еду или старую одежду. Потерянное не найдется. Воры и грабители не [ушли] далеко, скоро услышишь новость. Если [спрашиваешь о] родах — добродетель [будет] велика. Если выпало это гадание, [то соверши подношение] образам божеств. Читай «Сутру долгой жизни». Поднеси омовение божествам. Будет хорошо, если совершить подношение светильников и благовоний.
Если выпал ПАД — поспеши сделать подношения буддам и защитникам. Будет убыток имуществу, [За] сердце будет беспокоиться. Больной быстро не излечится. Если вступишь в конфликт, душа не найдет удовлетворения. Потерянное не найдется. Если своровано, то испытаешь много горя. Если [потерялась] корова, но новости услышишь не скоро. Она находится среди скота могущественного хана, правителя или человека. Если [потерялась] лошадь, о ней расскажет лама с больными глазами и в порванной одежде или человек в синей одежде или человек в белой шапке. Если же не нашлась, то она поймана могущественным человеком на севере, найдется спустя двое суток. Если не найдется, читай «Чернозонтичную». Если [потерялась] лошадь, она находится на севере у могучего одинокого дерева или в лесистой местности. Если [потерялась] овца, она на юге среди скота могущественного человека. Скорее ищи. Расскажет о ней вдова, или человек, за которым следует белая собака. Если выпало это гадание, то соверши подношение божествам и нагам. Читай «Собрание дхарани». Построй ступу. Будет хорошо, если примешь посвящение.	Если выпал ПАД — усердствуй в подношениях защитникам дхармы. Будет убыток имуществу, будет страдание. Если болеют люди и скот, вредят демоны. Если [спрашиваешь о] родах — богатство истощится и уменьшится. Если вступишь в конфликт, ум не найдет удовлетворения. Потерянное не найдется. Потерянное не найдется. Если [вопрос] о ворах и грабителях, по прошествии долгого времени (6a) едва услышишь новость [об украденном]. Читай «Собрание дхарани». Если выпало это гадание, то соверши подношение божествам и нагам. Сделай ритуал торма, для устранения препятствий, и цаца. Хорошо, если получишь разрешение [на практику божества].

Если выпал МЕ — плохо для всех действий. Ты, покинутый защитниками, заболеешь заразной болезнью. Если вступишь в конфликт, жизнь будет короткой. Если будешь собирать имущество дома, оно само иссякнет. Если возьмешь невесту, она не подойдет. Больной испытает горькие страдания. Причина несчастья произошла из-за плохой еды, грязной одежды и красной или черной вещи. Для родов — плохо. Украденное не найдется. Расскажет человек на черной или пестрой лошади с родинками на ушах или человек в белой одежде. Если [потерялась] лошадь, она находится на востоке у могущественного человека. Расскажет человек в белой одежде. Если [потерялась] корова, ищи ее на северо-западе. Расскажет человек на черной лошади. Если выпало это гадание, то соверши подношение «Тринадцати сангов». Делай цаца, ритуалы, отсечение сплетен и восстановление прервавшейся жизни. Прими посвящение. Будет хорошо, если поспешишь с заслугами.	Если выпал МЕ — плохо для любого действия. Ты покинут защитниками, божества недовольны тобой. Если вступишь в конфликт, жизнь будет короткой. Если будешь собирать имущество дома, оно само иссякнет. Для родов — плохо. Если отправишься в гости, будут страдание и горе. Причина несчастья произошла из-за плохой еды, грязной одежды и красной или черной субстанции. Украденное не найдется. Если выпало это гадание, то соверши подношение «Подношение санга тринадцати» на ближайшем перевале. (6b) Делай цаца, совершай подношения и ритуалы. Прими разрешения [на практику божества], количество которых равно количеству прожитых лет. Усердствуй в добродетели. Если родится [дитя], будет благополучие. Если утеряна [вещь, то] будет благо.
Если выпал ХУМ — Будды и защитники благоволят. Все задуманные дела исполнятся. Еда, имущество и т. д. преумножатся. Если будешь собирать имущество дома, оно преумножится. Во вне врагов нет. Если возьмешь невесту, то благополучие увеличится. Если отправишься по делам, обретишь благополучие. Поломанное восстановится. Причина несчастья произошла из-за потери скота благополучия, из-за загрязнения имущества благополучия и из-за возникновения дурных снов. Если вступишь в конфликт, то одержишь победу. Если [спрашиваешь о] родах — будет благополучие и счастье. Вскоре услышишь новости о потерянном, [3b] украденном и [потерянном из-за] обмана. Если [потерялся] верблюд, расскажет человек с юго-востока. Если [потерялась] лошадь, сам получишь известие. Придет сама, без разыскивания. Если не придет, по истечении трех суток о ней скажет человек в белой одежде. Если [потерялась] корова, ее съели волки или воры. Не ищи. Если выпало это гадание, то это очень хорошо, увеличивай удачу (развешивай флажки). Будет хорошо, если также совершишь подношение нагам. САРВА МАНГАЛАМ. ОМ МАНИ ПАД МЕ ХУМ. [4a]	Если выпал ХУМ — божества и защитники дхармы защищают. Задуманные дела исполнятся. Еда и богатства преумножатся. Если будешь собирать жизненную силу и имущество дома, оно увеличится. Если возьмешь невесту, то благополучие увеличится. Во вне врагов нет. Если отправишься в гости, обретишь выгоду. Если [гадание] о больном, то он скоро выздоровеет. Причина [несчастья] произошла из-за потери скота благополучия, из-за загрязнения сосуда с богатством и из-за возникновения мыслей из-за (7a) дурных снов. Если вступишь в конфликт, то будешь побежден. Вскоре услышишь новости об украденном и ворами и грабителями. Если выпало это гадание, то это очень хорошо. увеличивай удачу (развешивай флажки).

	Если выпал ОМ — болезнь быстро излечится. Причина препятствия возникла из-за еды из черного сосуда [принадлежащего] человеку со знаком с северо-востока. Выздоровеет в течение трех дней. Прочитай сто восемь раз раскаяние из «Золотистого света». [Седлай ритуал] устранения загрязнений. Вообще будут сплетни. Если выпал МА — позже больному будет лучше. [Вредят] демоны мамо. Сделай подношение торма [Палден] Лхамо. Прочитай Ушнишавиджаю, Чернозонтичную и Белозонтичную, (7b) [соверши ритуал] устранения загрязнений. В общем, необходимо сделать откупной ритуал посредством черной субстанции. Если выпал НИ — [оно предвещает] препятствие для больного, приближающееся с юга. С юга [вред придет от] человека с оружием. Сделай подношение «Тринадцати сангов». Читай «Собрание дхарани». Соверши подношение нагам. Делай цаца. Это гадание неблагоприятно в дальней перспективе. Если выпал ПАД — незамедлительно сделай ритуал для больного. Если чинят вред владыки земли, сделай ритуал умиротворения болезней, смерти и духов умерших. Хорошо, если совершишь тысячу подношений Ваджравидаране и поношение водных торма. Если выпал МЕ — больному [чинит вред] демон богов. Сделай как можно больше ритуал умилоствления и раскаяния [пред защитниками]. Читай ритуал (8a) устранения и обращения в спять препятствий посредством опоры на Белозонтичную Тару. Вообще, будет несчастье. Будет благоприятно, если будешь читать сутры Праджняпарамиты. Если выпал ХУМ — для больного — болезнь будет долгой. [Несчастья происходят из-за] синей и черной субстанции, из-за субстанции буддийского монаха или бонца. Делай подношение божеству огня. Читай [ритуал] Ваджрапани. Сделай подношение торма четырех элементов. Будет благоприятно, если сделаешь ритуал усиления «коня верта», подношение нагам и подношение санга, сделаешь цаца. Если выпал ОМ — услышишь новости о потерянном от черного человека в черной одежде с северо-востока. Если это верблюд или конь, если есть знак, найдется, если знака нет — не найдется. Если выпал МА — услышишь новости от человека в красной одежде
	(8b) с юго-востока или южной скалы. Или они у тебя самого. Если не найдешь, сделай ритуалы. Если выпал НИ — если это верблюд, если есть знак, то найдется. [Животное] на юго-западе или у друга. Если это лошадь, она на северо-западе. Если это бык, то он на своей [земле]. Если овца, то она схвачена человеком на северо-западе. Если выпал ПАД — [потерянное животное] среди скота чиновника на юге. Услышишь новости от буддийского монаха. Если это верблюд, то он на севере в лесистой местности. Услышишь [новость] от людей. Если это бык, то его схватил человек на западе. Получишь его в течение двух дней. Если не получишь, читай Черную Ушнишу¹¹.

¹¹ Кришна-ушниша-дхарани.

	(9a) Если это овца, она среди скота чиновника на востоке. Скоро услышишь новости от человека. за которым следует белая собака. Если выпал МЕ — если это верблюд, на северо-востоке его схватил человек с черными родинками на ушах. Если это конь, он на севере среди своего скота. Услышишь новости о нем от человека в белой одежде. Если выпал ХУМ — если это верблюд, он находится на северо-востоке. Если это конь, он придет сам. Если не придет, [значит] в течение трех дней его приведет черный человек в белой одежде верхом на [коне]. Препятствие возникло из-за еды из черного сосуда с северо-востока. Читай «Сутру золотистого света». (9b) Соверши ритуал очищения загрязнения. Это гадание называется «Зерцало Авалокитешвары из белого хрусталя». [Когда это гадание совершается трижды подряд], если все три гадания благоприятные, [это значит, что] основное гадание благоприятно. Внешних врагов нет. Потерянное найдется. Соверши подношение трем [Драгоценностям]. Если все три гадания неблагоприятны, то вообще, это гадание неблагоприятно для всего. [Читай] «Двадцатипяти тысячную Праджняпарамиту» и «Восьмитысячную Праджняпарамиту», сделай ритуал четырех сотен подношений. Если первое [гадание] благоприятное, а два последующих неблагоприятные, возведение дома благоприятно, врагов нет. Если возьмешь невесту, будет счастье. Потерянное найдется. Схвати слышанное. Больному подходит лекарство, очень благоприятно. Это гадание хорошо для всего. Соверши (10a) подношение трем [Драгоценностям]. Если первое и последние [гадания] благоприятные, а среднее плохое, то основное [гадание] и прочее благоприятно, хорошо для всех действий. Потерянное найдется. Соверши ритуал призывания удачи и защиты. Поднеси омовение божествам. Если два первых [гадание] благоприятные, а последующее неблагоприятные, сказано, что оно неблагоприятно для всех действий. Если последнее [гадание] благоприятное, а два первых плохие, то для основного гадания, гадания о болезни и гадания о действиях оно среднее. Потерянное не найдется. Вора схватят. Если первое [гадание] неблагоприятное, а два последующих (10b) благоприятные, то относительно врагов — враги есть. Относительно друзей — друзей нет. Для возведения дома — [гадание] среднее. Если не потеряешь, то не найдешь. Это гадание среднее для всего. Поднеси санг божествам. [Поднеси] омовение [божествам]. Хорошо, если будешь читать «[Собрание] дхарани».

Заключение

Рассматриваемые здесь ойратский и тибетский тексты гадания посредством Авалокитешвары во многих случаях совпадают, однако между ними достаточно много и различий. Ойратский текст, по всей видимости, был написан человеком, хорошо знавшим ойратский язык, чего нельзя сказать о тибетском тексте, в котором много ошибок, причем ошибок повторяющихся, что указывает на то, что это не описки, а именно ошибки. Например, много неправильно построенных предложений: nad [pa] la zhing [ring] gi `di yin,

rdzas sngon nag rdzas yod. Также много орфографических ошибок, например, bsal [=gsal], grub [=sgrub], spel [=‘phel], tshom [=chom], bte`o [=bde`o], chos [=chom], mto [=mdo], blngal [=bsngal], phyags [=phyugs]; пропущены показатели падежей и другие частицы, которые восстановлены в транслитерации тибетского текста в квадратных скобках: drug [pa], sho [la] btab, rkun [gyis], bag [ma], mgron [yin] na, nad [pa yin] na; в нескольких случаях переписчик дважды переписал одну и ту же фразу: такие фразы помещены в круглые скобки, например, (dgra phrad na sa).

В тибетском тексте говорится о различных видах вредоносных демонов (тиб. *gdon*), насылающих болезни и другие беды на людей. Например, демоны богов (тиб. *lha'i gdon dang*), демоны нагов (тиб. *klu'i gdon*) и демонов женского пола (тиб. *ma mo'i gdon*). В ойратском же тексте просто говорится, что вред причиняют наги, боги и прочие, опуская названия отдельных видов демонов и духов.

В одном случае в тибетском тексте встречается фраза *bsangs bcu gsum bzahag*, которая соответствует фразе *arban yurban sang talbi* в ойратском тексте. Тибетский глагол *bzahag* 'ставить, класть, размещать' не используется в данном обороте в тибетском языке, в то же время ойратский глагол *talbixu*, наоборот, часто используется в ойратском эквиваленте этой фразы. Исходя из всех вышеприведенных замечаний о языке тибетского текста, можно предположить, что тибетский текст был переведен с мон-

гольского или ойратского. Это могло бы объяснить все недостатки тибетского текста, который определённо был составлен тем, кто знал тибетский язык в недостаточной степени. История знает случаи, когда тибетские тексты гаданий являлись переводами с монгольского на тибетский язык. Например, существует гадание, опирающееся на Гэсэра, — «Ясное зеркало острого видения Гуань Юйя, известного как „Длинное облако“» (тиб. *spring ring rgyal por grags pa kwan lo yi'i rno mthong dwangs gsal me long*) [Рукопись. ЭЛК 2]. Этот текст, обнаруженный в Калимпонге в монастыре Тхарпалинг (тиб. *thar pa gling*), был переведен с монгольского на тибетский язык, монгольский же перевод был выполнен с китайского храмового гадания Гэсэра или Гуанди. На данный момент невозможно утверждать, что ойратский текст представляет собой перевод с китайского, но такую возможность нельзя исключать.

Источники

Гадание Авалокитешвары 2011 — *Анонимный автор*. *Nidü-ber üzeqci-yin šō talbixui sudur orošiboi* (= «Гадание Авалокитешвары посредством гадальной кости») [электронный ресурс] // Digital Library for International Research. Barintag-06-15. Item #11364. 13.03.2011. URL: <http://www.dlir.org/archive/orc-exhibit/items/show/collection/7/id/11364> (дата обращения: 21.09.2017).

НА КалМНЦ РАН — *Анонимный автор*. Безымянный текст гадания посредством Авалокитешвары на тибетском языке. Скан рукописи.

Рукопись. ЭЛК 2 — *Анонимный автор*. *spring ring rgyal por grags pa kwan lo yi'i rno mthong dwangs gsal me long* (= «Ясное зеркало острого видения Гуань Юйя, известного как „Длинное облако“»). Электронная личная коллекция.

Sources

Avalokiteshvara Divination: Untitled Text. Anonymous. Tibetan manuscript. Scanned copy. At: Author's digital collection. (In Tib.)

dpal ldan zhi ba lhas gsungs pa'i sho 'gyed pa'i mo rtsis bstan pa: Clarification of Divination by Throwing the Dice Explained by the Magnificent Shantideva. On: Buddhist Digital Resource Center. In: Kazi S. T. (ed.) *Encyclopedia Tibetica. The Collected Works of Bo-doñ Pañ-chen Phyogs-las-rnam-rgyal*. Vol. 198. Pp. 191–211. Available at: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O22103C2030159%7CW22103 (accessed: August 12, 2020). (In Tib.)

bo dong — dpal ldan zhi ba lhas gsungs pa'i sho 'gyed pa'i mo rtsis bstan pa (= «Разъяснение гадания посредством бросания костей, объясненное Великолепным Шантидэвой») [электронный ресурс] // *Encyclopedia Tibetica: the collected works of Bo-doñ Pañ-chen Phyogs-las-rnam-rgyal* / edited by S. T. Kazi. Vol. 198. Pp. 191–211. URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O22103C2030159%7CW22103 (дата обращения: 12.08.2020).

mo rtsis — mo rtsis 'jam pa'i dbyangs (= «Гадание Манджушри»). *snar thang bstan 'gyur* [Нартагский Тенгьюр] [электронный ресурс] // Vol. 211. Pp. 235–247. URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O2DB757121KG75786%7CW22704 (дата обращения: 12.08.2020).

mo rtsis 'jam pa'i dbyangs: Manjushri Divination. In: Narthang Tengyur. Vol. 211. Pp. 235–247. Available at: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O2DB757121KG75786%7CW22704 (accessed: August 12, 2020). (In Tib.)

Nidü-ber üzeqci-yin šō talbixui sudur orošiboi: Avalokiteshvara Dice Divination. Anonymous. On: Digital Library for International Research. File ID 'Barintag-06-15'. Item No. 11364. Posted on March 13, 2011. Available at: <http://www.dlir.org/archive/orc-exhibit/items/show/collection/7/id/11364>

www.dlir.org/archive/orc-exhibit/items/show/collection/7/id/11364 (accessed: September 21, 2017). (In Oir.)
spring ring rgyal por grags pa kwan lo yi'i rno

Литература

- Buswell, Lopez 2014 — *Buswell E. Jr., Lopez S. David Jr.* The Princeton Dictionary of Buddhism. New Jersey: Princeton University Press, 2014. XXXII; 1266.
- Даваажав, Сугардордж 2012 — *Даваажав Д., Сугардордж Д.* Монгол зурхайн ухаан, мэргэ төлгийг амьдралд авч хэрэглэх шилдэг аргууд (= Избранные методы применения в жизни монгольской астрологии и гаданий). [Улаанбаатар]: [б. и.], 2012. 192 с.
- Мипам 2006 — *Мипам Джамгон Ринпоче.* Тибетское гадание — мо. М.: Медков С. Б., 2006. 128 с.
- Митруев, Дугданов 2019 — *Митруев Б. Л., Дугданов Ж. Д.* Гадание, опирающееся на ламу Цонкапу // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 1. С. 105–121. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-105-121
- Митруев 2020 — *Митруев Б. Л.* Ойратский и тибетский тексты гадания на четках: сравнительно-сопоставительный анализ // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 3(47). С. 70–82.
- Музраева 2018 — *Музраева Д.* Из истории бытования сборника буддийских текстов «Сундуй» у калмыков (на материале коллекции Э. Б. Убушиева, хранящейся в

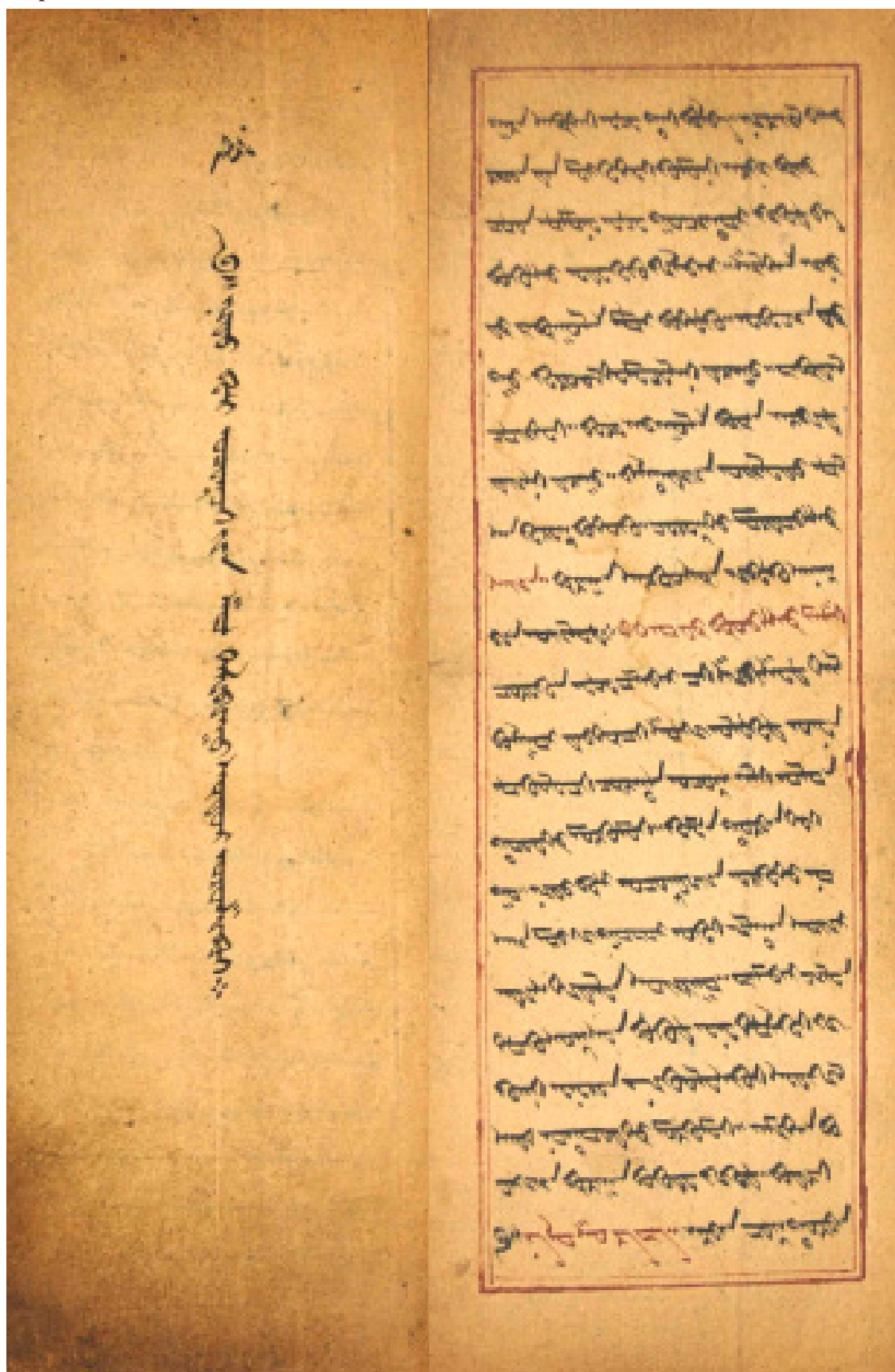
mtshong dwangs gsal me long: The Clear Mirror of the Sharp Vision of Guan Yu Known as the 'Long Cloud'. Anonymous. Tibetan manuscript. At: Author's digital collection. (In Tib.)

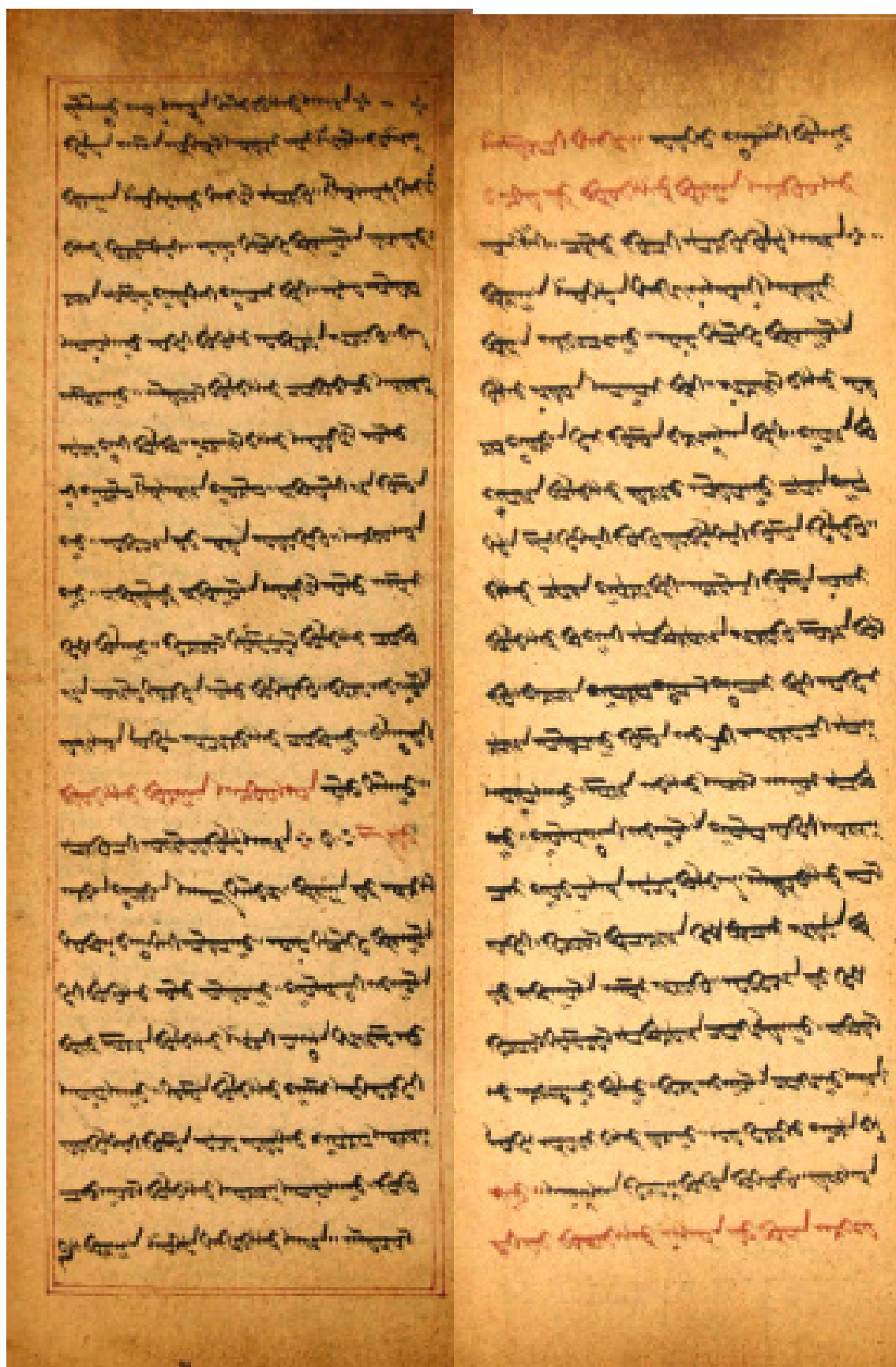
- научном архиве КалмНИЦ РАН) // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11. № 3. С. 68–94.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Опря 1990 — *Опря В.* Гадание народов мира. М.: Планета, 1990. 350 с.
- Сүхбат 2002 — *Сүхбат Ш.* Монгол үндэсний мэргэ төлөг шинжихүй ёсон (= Способы исследования монгольских традиционных гаданий). Улаанбаатар: [б. и.], 2002. 93 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Sobisch, Hyveled 2019 — *Sobisch J.-U., Hyveled N. S.* Divining with Achi and Tara: comparative remarks on Tibetan dice and mala divination: tools, poetry, structures, and ritual dimensions. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2019. 280 p.
- Tshe ring dang 'brug rgyal mkhar 1997 — *tshe ring dang 'brug rgyal mkhar*. mo dpe sa dpyad rmi lam brtag thabs. lan gru'u: kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 1997. 219 p. (= *Церинг, Другъял Кар*. Тексты гаданий, геомансии и методов исследования снов. Ланджоу: Ганьсуское народ. изд-во, 1997. 219 p.).

References

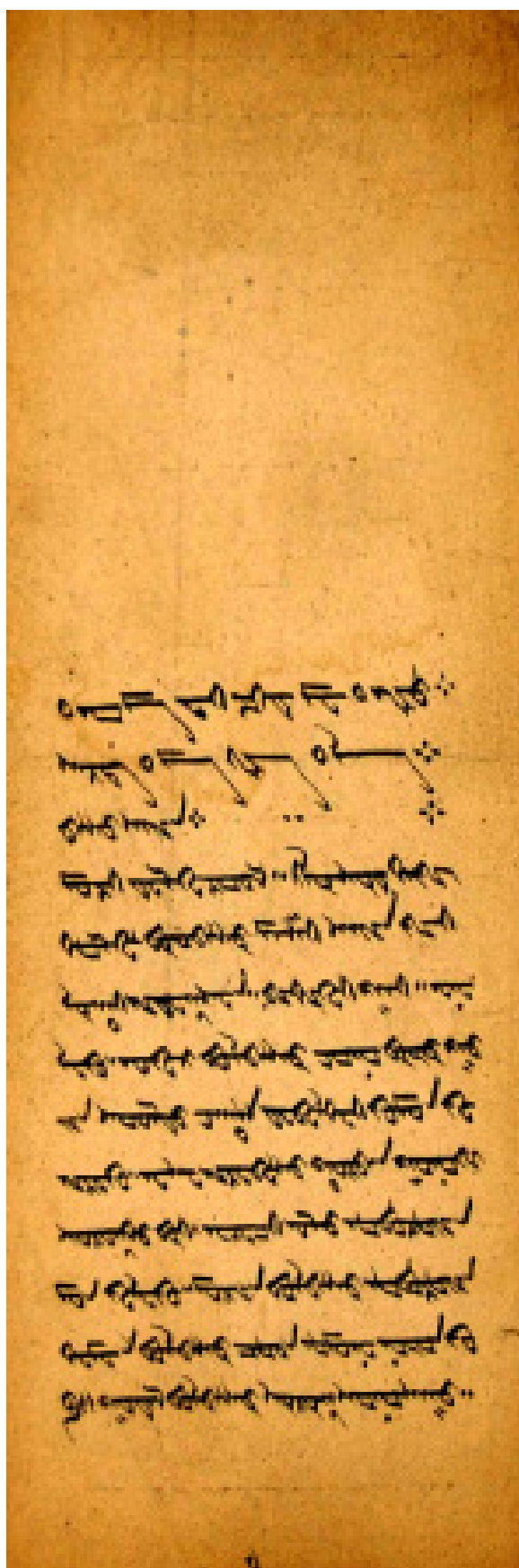
- Buswell E. Jr., Lopez S. David Jr. The Princeton Dictionary of Buddhism. New Jersey: Princeton University Press, 2014. XXXII; 1266 p. (In Eng.)
- Davaazhav D., Sugardordzh D. Mongolian Astrology and Divination: Selected Practices. 2012. 192 p. (In Mong.)
- Mipham Jamgon Rinpoche. Mo: Tibetan Divination System. Moscow: S. Medkov, 2006. 128 p. (In Russ.)
- Mitruiev B. L. Comparative analysis of Oirat and Tibetan texts of fortune-telling on prayer beads. *Bulletin of Kalmyk University*. 2020. No. 3(47). Pp. 70–82. (In Russ.)
- Mitruiev B. L., Dugdanov Zh. D. Lama Tsongkhapa rosary divination. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 1. Pp. 105–121. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-105-121
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Muzraeva D. N. The *gZungs 'dus* Buddhist texts collection: excerpts from the history of its existence among the Kalmyks (a case study of E. B. Ubushiev's collection from the Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS). *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 68–94. (In Russ.)
- Oprya V. Divination Systems of the World. Moscow: Planeta, 1990. 350 p. (In Russ.)
- Sükhbat Sh. Traditional Mongolian Divination Systems: Research Methods. Ulaanbaatar, 2002. 93 p. (In Mong.)
- Sobisch J.-U., Hyveled N. S. Divining with Achi and Tara: comparative remarks on Tibetan dice and mala divination: tools, poetry, structures, and ritual dimensions. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2019. 280 p. (In Eng.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat: Compiled Jangar Epic Narratives and Author's Field Notes. Kalmyk Humanities Research Institute (RAS). Elista: Kalmyk Book Publ., 2001. 493 p. (In Oir. and Russ.)
- Tsering D. K. Divination, Geomancy, and Night Dream Interpretation: Texts. Lanzhou: Gansu People's Publ., 1997. 219 p. (In Tib.)

Факсимиле
Ойратский текст

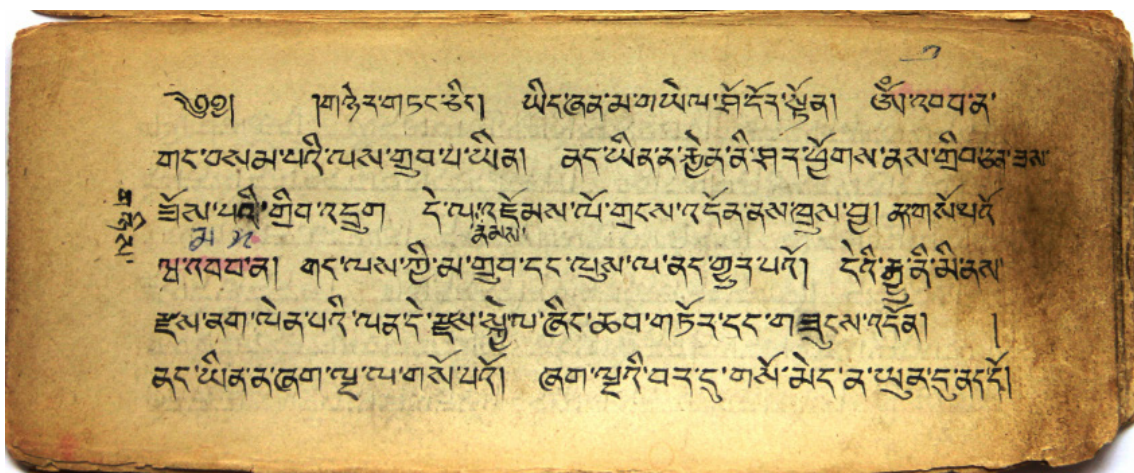
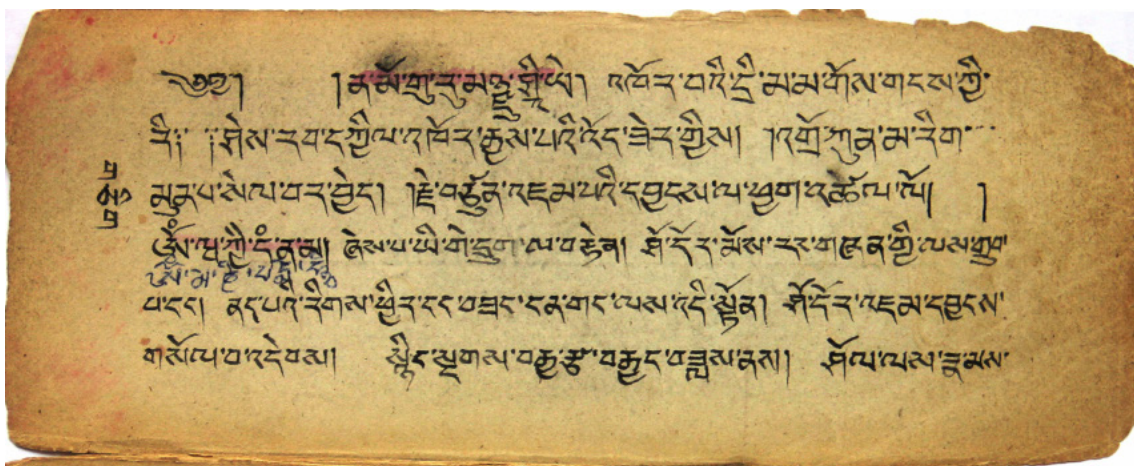
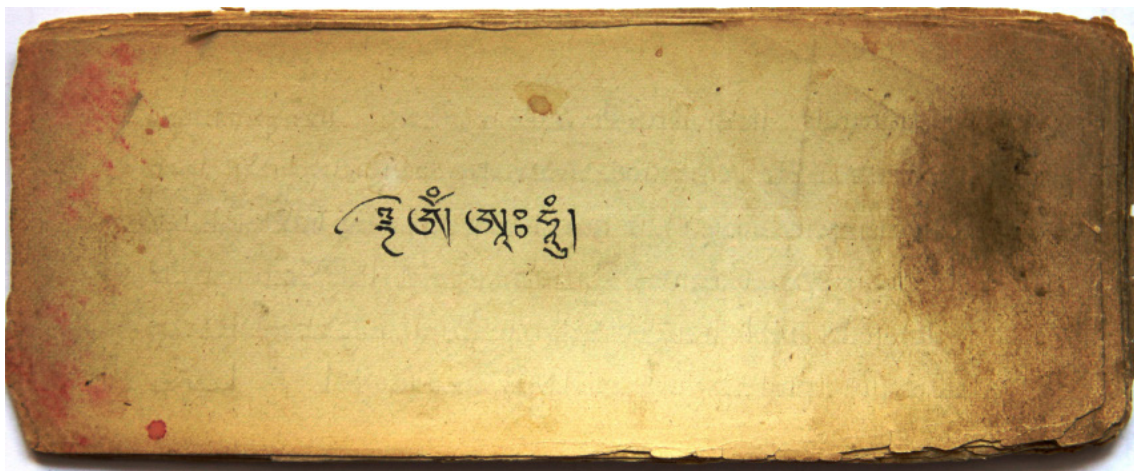

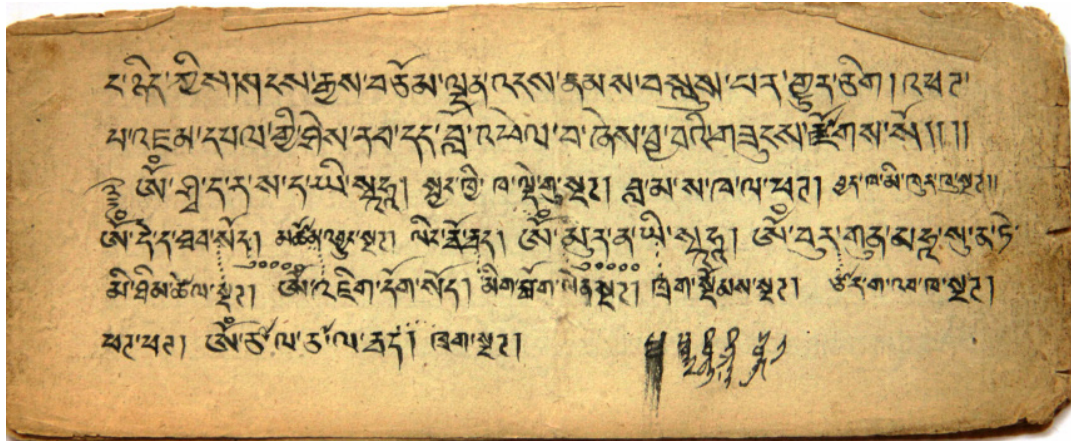

Тибетский текст

[illegible][illegible][illegible][illegible]

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 1045–1077, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1045-1077
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94+03.81.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1045-1077

Автопортрет и Будда Ваджрасаттва у Дзанабазара

Сурун-Ханда Дашиинимаевна Сыртыпова¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0002-7239-4454. E-mail: syrtyp@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Джебзун-Дамба-хутухта Ундур-гэгэн Дзанабазар был первым буддийским лидером Монголии, совместившим светскую и духовную власть в стране, которую к концу XVII в. все еще раздирали междоусобные войны, и его главной задачей было единение и просвещение монгольского народа. Практически во всех обнаруженных автором статьи работах Дзанабазар изображает себя как конкретного, исторического ламу, но с иконографическими признаками Будды Ваджрасаттвы. В этом выборе божественного символа усматривается глубина невербальной проповеди и таинство духовного завещания выдающегося буддийского мастера. *Целью* публикации является дальнейшее выявление, изучение и восполнение сведений об объектах художественного и духовного наследия Ундур-гэгэна Дзанабазара, находящихся в государственных, ведомственных, общинных и частных коллекциях Монголии и России. *Результаты.* В данной публикации рассмотрены впервые в контексте практики медитаций Дзанабазара и комплексном единстве разновременные автопортреты мастера — как скульптурные, так и живописные, в том числе миниатюрные фрагменты разных танка. Описания изображений даны как источники исторического и искусствоведческого исследования буддизма ваджраяны в сопоставлении с тантрическими текстами культа Будды Ваджрасаттвы, а также с историческими фактами из биографии Ундур-гэгэна. На основе анализа текстовых и изобразительных данных осуществляется попытка объяснения позиции Дзанабазара как духовного наставника и мастера изобразительного искусства в буддизме.

Ключевые слова: изобразительное искусство тибето-монгольского буддизма, автопортреты Дзанабазара, художественные традиции кочевников Центральной Азии, специфика монгольского образа, Будда Ваджрасаттва, персонификация и реализм

Для цитирования: Сыртыпова С.-Х. Д. Автопортрет и Будда Ваджрасаттва у Дзанабазара // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 1045–1077. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1045-1077

UDC 94+03.81.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1045-1077

Zanabazar: Self-Portrait and Buddha Vajrasattva

Surun-Khanda D. Syrtyanova¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-7239-4454. E-mail: syrtyanova@gmail.com

Abstract. *Introduction.* Jebtsundamba Khutuktu Öndör Gegeen Zanabazar was Mongolia's first ruler to hold both secular and spiritual power. In the late 17th century, the country witnessed dramatic internecine wars, and his overriding goal was to unify the nation and increase the educational level. Virtually all his self-portraits discovered depict Zanabazar as a real priest with iconographic markers of Buddha Vajrasattva. The selected Buddhist symbol is supposed to deliver a deepest nonverbal sermon and mysterious testament of the prominent Buddhist master. *Goals.* The paper seeks to further reveal, examine, and describe objects of artistic heritage authored by Öndör Gegeen Zanabazar and currently stored in state, public, administrative, and private collections of Mongolia and Russia. *Results.* The work is a first attempt to examine Zanabazar's self-portraits — both sculptural and graphic ones (including tiny elements of different *thangkas*) — in their structural unity in the context of his meditative practices. The descriptions of the pictures compiled with due regard of Buddha Vajrasattva-related tantric texts and facts of Öndör Gegeen's biography may be viewed as sources for historical and art studies in Vajrayana Buddhism. The analysis of textual and graphic materials attempts to interpret Zanabazar's unique position as both a spiritual and Buddhist arts master.

Keywords: figurative arts of Tibetan-Mongolian Buddhism, Zanabazar's self-portraits, artistic traditions of Central Asian nomads, specific features of Mongolian images, Buddha Vajrasattva, personification and realism

For citation: Syrtyanova S.-Kh. D. Zanabazar: Self-Portrait and Buddha Vajrasattva. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1045–1077. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1045-1077

Введение

Монгольский антропологический тип конституции и физиогномики прочно внедрился в буддийское искусство с лёгкой руки Дзанабазара (1635–1723). Отход от идеализации и стандартно исполняемого, то есть канонизированного образа произошёл благодаря вводу в культовое искусство реалистичных изображений конкретных людей. Собственно, Дзанабазар стал одним из первых создателей реалистичных портретных изображений в искусстве тибето-монгольского буддизма. У Дзанабазара есть портреты исторических лиц, известных буддийских учителей — как отдельные изображения, так и те, что вписаны в композиции его живописных работ. Но его мастерство портретиста замечательно проявляется прежде всего на примере собственных автопортретов.

Создание собственных образов для человека, наделенного изобразительным талантом, является достаточно естественной потребностью художника. Это не только реализация творческой энергии, но и осмысление самого себя. В буддийской практике, если следовать примеру самого Будды, из-

вестно, что первые изображения Бхагавана были созданы по настоянию учеников и приверженцев, об этом говорят сутры Виняи и многочисленные переложения устных легенд, записанные более поздними авторами. Что касается Дзанабазара, как главного гуру монголов, он делал свои автопортреты также по просьбе своих ближайших учеников, они обращались к самому Джебзун-Дамбе-хутухте Богдо-гэгэну¹ как к

¹ Титул Джебзун-Дамба (тиб. rje btsun dam pa 'досточтимый святой') был дан V Далай-ламой предшественнику Дзанабазара — Таранатхе. Хутухтами (монг. qutuγ-tu; тиб. 'phags pa 'святой') монголы стали называть воплощения великих ученых сакьясцев, начиная с Пагба-ламы ('phags pa bla ma, 1235–1280) со времен Юань (1271–1368). Богдо-ханами (монг. boγd 'августейший; правитель') монголы называли императоров маньчжурской династии Цин; впоследствии, обретя автономию, они стали называть так собственных буддийских правителей. Гэгэн — титул для высокообразованных мудрецов (монг. gegen 'светлый, просветленный'), был дарован ему Шолой Гэгэн-Сэцэн-ханом при рождении, об этом есть свидетельства в наметах Ундэр-гэгэна [Öndör gegen-ü: л. 7; Зая пан-дит 1982: 4, л. 756].

несравненному художнику и духовному наставнику именно для того, чтобы получить зримую опору для практики буддийского учения (тиб. *brtan sku* 'опора тела'). Будучи не просто искусным ремесленником, но и правителем, и более того, воплощением великого тибетского ученого Таранатхи (1575–1634), Дзанабазар, очевидно, был правомочен сам избирать иконографическую матрицу, которая служила бы опорой ученикам во времена его отсутствия. Похоже, что он сам определял, каковы должны быть асана, мудры, атрибуты, одеяние и т. д. В пользу этого свидетельствует танка, на которой Ундур-гэгэн изображен держащим большой кусок баранины, от которого он отрезает ножом кусочек мяса. Этот сюжет весьма популярен в Монголии и имеет очень много копий разной степени качества, своим появлением он обязан шутливому шаржу мастера на самого себя. В ответ на многократные просьбы почитателей создать образ учителя, на который они могли бы молиться, Дзанабазар изобразил себя мастерски поедающим баранину: мол, в этом я достиг настоящих вершин. Однако хутухта умел не только шутить.

Выбор божественного образа в целом определил тот духовный посыл, который учитель завещал ученикам. Все канонизированные святые, исторические лица в буддизме принято изображать согласно определенным иконографическим образцам, по которым условный облик становится узнаваемым. Например, Богдо Цзонхава (1357–1419), как правило, изображается в традиционной ламской одежде, желтой шапке неринг и атрибутами ботхисаттвы Манджушри; Дипанкара Атиша (982–1054) также узнаваем по характерному головному убору с длинными ушами, мудре дхармачакра правартана (поворота колеса учения) и круглой корзине-питаке, символизирующей буддийский свод канонических текстов и т. д. Каждый элемент иконографического образца несет смысловую нагрузку, отсылку к определенным историческим обстоятельствам, дает конкретную характеристику изображаемому персонажу. Портреты Дзанабазара существуют в десятках типов живописных, графических, ксилографических и скульптурных образов, но самый распространенный — это облик с атрибутами и позой Будды Ваджрасаттвы. О чем

говорит выбор Дзанабазара с отсылкой к образу Будды Ваджрасаттвы? Попытаемся разобраться на примерах его собственных произведений.

Методы и материалы

Задачи дальнейшего выявления и изучения объектов художественного и духовного наследия Ундур-гэгэна Дзанабазара остаются актуальными в научном плане и социально значимыми для мирового буддийского и монгольского сообществ. Как показала практика полевых исследований, здесь есть большой потенциал для исследований, поскольку очень много предметов, связанных с творчеством Дзанабазара, хранятся в частных, храмовых и региональных музейных коллекциях, и они все еще остаются не известными культурной общественности.

В данной публикации рассматриваются восемь автопортретов, четыре крупные работы и четыре миниатюры, являющиеся фрагментами живописных свитков. Представлены их описания как источников исторического и искусствоведческого исследования буддизма ваджраяны в сопоставлении с тантрическими текстами культа Будды Ваджрасаттвы, а также с историческими фактами из биографии Ундур-гэгэна. На основе анализа текстовых и изобразительных данных осуществляется попытка объяснения позиции Дзанабазара как духовного наставника и мастера изобразительного искусства в буддизме.

Результаты

Портретные изображения в буддийском искусстве ваджраяны в целом как предмет исследования почти не рассматривались, хотя само явление как создание изображений конкретных людей существует давно: есть замечательные, редкие скульптуры довольно ранних периодов XIV–XV вв.² и

² Альбом бронзовой скульптуры тибетского буддизма «Портреты мастеров» все еще остается редким исключением, в нем была представлена коллекция Оливера Хоора (Oliver Hoare), основанная на предметах, собранных до 1970 г. Николасом Йоханнесом Шмидтом (Nicolas Johannes Schmidt); оба работали в офисе крупнейшего международного аукциона «Сотбис» (Sotheby's), благодаря чему была создана ценная коллекция портретных изображений выдающихся тибетских деятелей (см.: [Portraits of the Masters 2003: № 61–66]).

даже XIII в.³, передающие яркие индивидуальные черты исторических личностей и в Тибете, и в Монголии. Но, как правило, изображения великих буддийских иерархов сильно нивелировались, подчиняясь законам иконографии и тиражирования, а изображения локальных героев оставались в единичных экземплярах и сохраняли свое исключительно местное значение.

У монгольского великого ламы, скульптора и правителя сложилась несколько иная ситуация в силу его происхождения (он был потомком Чингис-хана), а также многогранности его личности и талантов. Изображений первого Богдо-гэгэна Дзанабазара существует много, они копировались и изготавливались по желанию верующих на холсте, бумаге, из глины, дерева, бронзы и т. п. Портреты монгольской линии воплощений Джебзун-Дамба-хутухт или Богдо-гэгэнов изучала Элизабет Хадерер, которая ставила своей задачей определить исходные варианты или прототипы многочисленных вариантов и копий, имеющих хождение в Монголии и за рубежом, а также сравнивала технологию изготовления и композиции разных танка [Haderer 2019a; Haderer 2019b].

В числе опубликованных Э. Хадерер иллюстраций более всего, конечно же, изображений первого Джебзун-Дамба-хутухты Дзанабазара, в их числе есть несколько автопортретов. Отметим наиболее знаменательные и публиковавшиеся ранее исследователями, которые, однако, не будут рассмотрены в данной статье ввиду ограниченности формата: 1) танка «Дзанабазар в окружении предшествовавших воплощений» из коллекции Ледера, музей Непразжи, Будапешт [Haderer 2019a: fig. 4]; 2) танка «Дзанабазар в окружении предшествовавших воплощений» (молодой в шапке Богдо-гэгэна), из фондов Национального музея Республики Бурятия. Впервые была опубликована в 1995 г. [Бадмажапов 1995: 38–39, илл. 10; Haderer 2019a: fig. 7]; 3) скульптура «автопортрет Дзанабазара в шапке Богдо-гэгэна» из монастыря Гандан в Улан-Баторе. Впервые была опубликована Н. Цултэмом в 1989 г. [Цултэм 1989: илл. 87; Haderer 2019a: fig. 8].

³ В частности, сохранился портрет Угэдэй-хана (1186–1241) в бронзовой миниатюре шахматных фигурок, который был выполнен монгольским мастером (см.: [Сыртыпова 2018: 209–236]).

Живописный автопортрет юного Дзанабазара из коллекции А. Алтангэрэла

Вероятно, одной из первых портретных проб художника был его собственный живописный автопортрет. Он представляет собой портрет юноши в одеянии, которое носили правители Монголии в XVI – начале XX в. В биографии Дзанабазара есть эпизод: когда он собирался в Тибет на обучение, его матушка, княгиня Ханджамц, очень печалилась и не хотела его отпускать, и тогда он нарисовал ей свой портрет, чтобы она могла легче перенести долгую разлуку с любимым сыном [Öndör gegen-ü: л. 12a]. Происходило это в 1649 г. В легенде рассказывается, во-первых, о том, что дар художника проявился у Дзанабазара с самого детства, во-вторых, что на этих ранних образцах должны были отразиться традиции изобразительности окружавшей его среды, то есть монгольских кочевников. Влияние местной художественной традиции и кочевнической эстетики прослеживаются при детальном анализе этой самой ранней из обнаруженных живописных работ Дзанабазара.

Танка написана минеральными красками с большим количеством очень качественной позолоты, на холсте размером 32x25 см (см. фото 1). Выполнена она на грубом холсте, видно, что рука художника еще не обрела искусной тонкости обращения с кистью и красками. Это создает некоторый диссонанс с весьма значительным количеством золота, прекрасно наложенного и отполированного до сияющего глянца. Кроме того, танка исполнена не по готовому контуру, как обычно делают иконописцы для канонических образов божеств, а с собственным конкретным сюжетом и уникальной ситуацией. Это свидетельствует о большой смелости, нестандартности и самостоятельности мышления художника. Несмотря на плохую сохранность свитка и шероховатую технику живописи, картина несёт необыкновенный заряд эмоционального воздействия своей искренностью. Игра контраста тёмного фона с золотыми фрагментами и высветленным центром даёт иллюзию рельефной, почти скульптурной объёмности изображения⁴.

⁴ Танка впервые была опубликована в 2019 г. [Syrtypova 2019].

Фото 1. Танка. Холст 32×25 см. Дзанабазар в юности (1635–1723). Автопортрет.
≈ 1649–1651 г. Коллекция А. Алтангэрэла. Монголия. Фото автора
[*Photo 1.* Thangka. Canvas 32×25 cm. Young Zanabazar (1635–1723). Self-portrait.
≈ 1649–1651. Collections of A. Altangerel. Mongolia. Photo by author]

Фото 1.1. Фрагмент танка «Дзанабазар в юности»: Будда Ваджрадхара над головой главного героя.
Фото автора

[*Photo 1.1.* Young Zanabazar. Picture fragment (over Zanabazar's head):
Buddha Vajradhara.
Photo by author]

*Фото 1.2. Фрагмент танка «Дзанабазар в юности»:
Бхайшаджъя гуру, Будда медицины в верхнем левом углу танка.
Фото автора*

*[Photo 1.2. Young Zanabazar. Picture fragment (upper left-hand corner):
Buddha of Medicine Bhaiṣajyaguru. Photo by author]*

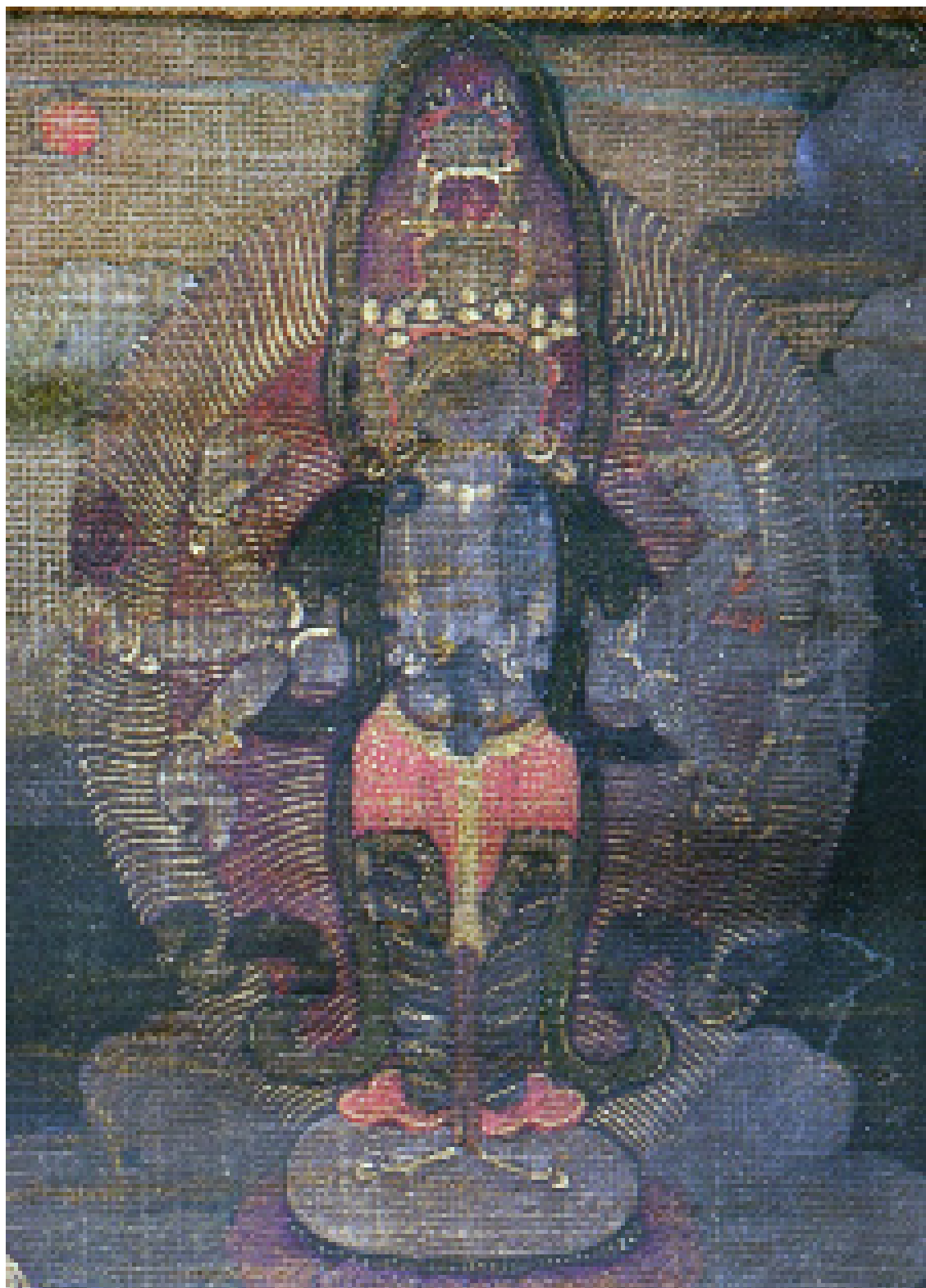

*Фото 1.3. Фрагмент танка «Дзанабазар в юности»:
Авалокитешвара 8-рукий в верхнем правом углу танка.
Фото автора*

[*Photo 1.3. Young Zanabazar. Picture fragment (upper right-hand corner):
eight-armed Avalokiteśvara.
Photo by author*]

В центральной части полотна изображён миловидный юноша с атрибутами Будды Ваджрасаттвы, сидящий на львином троне с резной спинкой. На голове у него монгольская шапочка с черной меховой оторочкой и ваджрой над золотой тульей. В таком головном уборе изображался Абатай-хан (1534–1586), прадед Дзанабазара, бывший правителем центральной части Халха Монголии, который основал преемственность Тушээту-ханов и построил старейший монгольский буддийский монастырь Эрдэнэ-дзу. Юноша одет в жёлтый халат с черными бархатными отворотами и обшлагами. Такой халат по сей день в Монголии имеют право носить только ламы высшего ранга. На плечи наброшена ламская накидка (уттарасанга, монг. *орхимж*), она украшена золотым орнаментом и полностью укрывает его ноги. Укутанные ноги в ваджрной асане изображаются, когда персонаж жив на момент создания портрета [Syrtypova 2019: 121–126].

Чистое нежное лицо молодого монгольского принца полно жизни, глаза с любопытством взирают на зрителя, в маленьких губах скрывается лёгкая лукавая улыбка. Из-под шапки чуть видна волосистая часть головы, которая обнаруживает уже зарождающиеся залысины на высоком и широком лбу мальчика. Его правая рука с ваджрой у сердца таит жест благословления и почти готова быть протянутой к зрителю. Он сидит на троне с многослойными подстилками-*олбоками*, сложенными друг на друга, верхняя из которых имеет традиционную ламскую расцветку, красную с жёлтой окантовкой. Специфична спинка трона: очень высокая, окрашена в пурпурный цвет, вероятно, резная, с крупными завитками в щедрой золотой окантовке, общий фон розовато-красного цвета. За спиной Богдо-гэгэна видна мягкая округлая обивка с рисунком из крупных цветов и мягких подвесных украшений чойдзе (тиб. *chos mdzad*).

Над головой юноши восседает Будда Ваджрадхара, его изображение плохо сохранилось, сильно осыпалось, но можно определить канонический жест рук, символ единения метода и мудрости — скрещённые на уровне сердца ваджра и колокольчик (фото 1.1). В верхнем левом углу танка находится Бхайшаджья гуру, Будда медицины (фото 1.2), в правом — одиннадца-

тиголовый, восьмирукий Авалокитешвара (фото 1.3). Они изображены согласно традиционной тибетской иконографии на лотосовых тронах сиреневого цвета с лунными дисками.

Перед тронем расположен маленький ламский столик красного цвета, уставленный ритуальными предметами: сосуд *калаша* с павлиньими перьями, дамару, чёрная *патра*, наполненная нектаром, кувшин с крышкой, высоким горлышком и длинным носиком, *байнур* — чаша для воскурений фимиама, две чаши на высоких ножках для подношений и масляной лампы, ваза-сокровищница; красная, в золоте дхармачакра находится в центре и создает смысловой центр и симметричную устойчивость. Из-за столика частично виден декор передней стенки сиденья: хвосты снежных львов, удерживающих трон.

В нижних углах танка изображения сидящих двух богинь, это Белая Тара слева (фото 1.4) и Зелёная Тара справа (фото 1.5). Они восседают на лунных дисках и лотосовых тронах темно-синего цвета с лепестками-сердечками, пронизанными золотыми прожилками. У богинь красные нимбы и сиреневые мандорлы (ореолы вокруг тела) с золотыми лучами, исходящими от божеств, красные юбки с золотым орнаментом и все украшения женских бодхисаттв. Оранжево-золотистые шарфы прикрывают их плечи и ниспадают вниз, под ними видны йоговские пояса, перекинута через левое плечо. У Белой Тары семь глаз с дополнительными на лбу, на ладонях и ступнях ног.

Краски потемнели от времени, во многих местах утрачены, так что явственно просвечивает структура грубого холста. По краям холст окантован кручёным жгутом бежевого цвета. Обрамление — темно-зелёный шёлк с жаккардовым рисунком из круглых лотосов и квадратов со вписанными лотосами.

Золотые завитки трона будто рельефно выдаются над поверхностью картины, создают завихрение и динамичное напряжение в воздухе. Сохранились подобные, но литые из металла троны божеств Дзанабазара. Данное изображение свидетельствует, о том, что идея этой формы трона, моделировка родилась у художника ещё в ранней юности и воплощалась им неоднократно в зрелом возрасте в бронзе для тронов круп-

Фото 1.4. Фрагмент танка «Дзанабазар в юности»: Белая Тара в нижнем левом углу.

Фото автора

[*Photo 1.4.* Young Zanabazar. Picture fragment (lower left-hand corner): White Tara.

Photo by author]

ной скульптуры (табл. 1, фото Т1.5). Бронзовые варианты не только повторяют общую идею, конфигурацию трона с живописного автопортрета, но и композиционно состоят из аналогичных деталей. Можно даже сказать, что это одна и та же форма рогообразного завитка, повторяющегося в разных мас-

штабах, зеркальном отражении, наложении, поворотах и т. д.; этот элемент является древнейшим архетипом изобразительности Центральной Азии. Два таких золоченых трона хранятся в Музее-храме Чойжин-ламы, на одном установлена скульптура Будды Ваджрасаттвы, на другом — Будды Амиताюса.

*Фото 1.5. Фрагмент танка «Дзанабазар в юности»:
Зеленая Тара в нижнем правом углу.*

Фото автора

*[Photo 1.5. Young Zanabazar. Picture fragment (lower right-hand corner):
Green Tara.*

Photo by author]

Таблица 1. Детализация в оформлении тронов работы Дзанабазара
[Table 1. Zanabazar's pictures of thrones: details]

Фото Т1.1. Фрагмент трона:
верхний уровень, завиток изголовья справа.
Танка «Дзанабазар в юности». Фото автора
[Photo T1.1. Young Zanabazar. Throne picture
fragment: right-hand curl of the headboard.
Photo by author]

Фото Т1.2. Фрагмент трона: драгоценность
на верхушке изголовья. Танка «Дзанабазар в
юности». Фото автора
[Photo T1.2. Young Zanabazar. Throne picture
fragment: jewel on top of the headboard.
Photo by author]

Фото Т1.3. Фрагмент трона: завиток третьего
уровня, на линии плеч. Танка «Дзанабазар
в юности». Фото автора

[Photo T1.3. Young Zanabazar. Throne picture
fragment: third (shoulder)-level curl.
Photo by author]

Фото Т1.4. Фрагмент.
Завиток изголовья справа.
Трон Будды Амиताюса.
Бронза, литье. Музей-храм Чойжин-ламы.
Улан-Батор, Монголия
[Photo T1.4. Throne of Buddha Amitāyus.
Cast bronze. Choijin-Lama Temple Museum
(Ulaanbaatar, Mongolia). Statue fragment: right-
hand curl of the headboard]

Фото Т1.5. Фрагмент. Драгоценность на верхушке изголовья. Трон Будды Амитаюса. Бронза, литье. Музей-храм Чойжин-ламы. Улан-Батор, Монголия

[Photo T1.5. Throne of Buddha Amitāyus. Cast bronze. Choijin-Lama Temple Museum (Ulaanbaatar, Mongolia). Statue fragment: jewel on top of the headboard]

Данная танка также, вероятно, одна из самых ранних живописных работ, в которой появился дзанабазаровский однорядный круглый лотос с лепестками в форме сердечек, пронизанных золотыми лучами. Обращает на себя внимание базовый графический элемент, которым неизменно пользуется мастер — это все тот же завиток, похожий на запятую, по-монгольски *эрхий*. Это графический аналог объемного рогообразного образца. Им украшены ткани одежд Богдо-гэгэна, деревянные планки столика, резное изголовье трона, ритуальные пред-

Фото Т1.6. Фрагмент. Завиток третьего уровня, на линии плеч. Трон Будды Амитаюса. Бронза, литье. Музей-храм Чойжин-ламы. Улан-Батор, Монголия

[Photo T1.6. Throne of Buddha Amitāyus. Cast bronze. Choijin-Lama Temple Museum (Ulaanbaatar, Mongolia). Statue fragment: third (shoulder)-level curl]

меты на столике, в том числе знак дхарма-чакры, цветочная роспись на спинке трона также создана из завитков *эрхий*, как и ткани подушек, узоры на одеяниях божеств (табл. 2, фото Т2.1–Т2.4).

Эрхий — простейший элемент, который использовали мастера и ремесленники кочевой Монголии с древнейших времён до наших дней, что подтверждается археологическими материалами и изделиями современных мастеров, продолжающих традицию предков [Syrtypova 2019: 31–40].

Таблица 2. Элемент эрхий в декоре деталей и предметов
на раннем живописном автопортрете Дзанабазара
[Table 2. Erkhiiy minor decorative element in Zanabazar's early self-portrait]

Фото T2.1. Узор на накидке орхимж.
Фрагмент танка «Дзанабазар в юности»
[Photo T2.1. Young Zanabazar. Picture fragment:
ornamental pattern on monastic robe]

Фото T2.2. Узор на дхармачакре.
Фрагмент танка «Дзанабазар в юности»
[Photo T2.2. Young Zanabazar. Picture fragment:
ornamental pattern on the Dharmachakra]

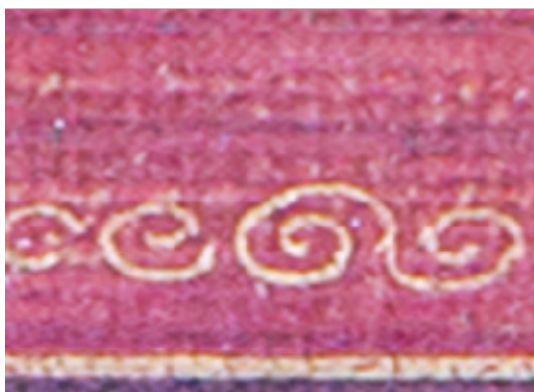

Фото T2.3. Узор на боковой планке столика.
Фрагмент танка «Дзанабазар в юности»
[Photo T2.3. Young Zanabazar. Picture fragment:
ornamental pattern on a side bar of the table]

Фото T2.4. Узор на обивке спинки трона.
Фрагмент танка «Дзанабазар в юности»
[Photo T2.4. Young Zanabazar. Picture fragment:
ornamental pattern on the back of the throne]

Танка содержит ключевые культовые образы, имевшие очень важное для него значение, те, что Дзанабазар практиковал постоянно. Будда Ваджрадхара часто ассоциируется с ним самим, Будда врачевания был ему транслирован коренным учителем, Панчен-ламой четвёртым (1570–1662), богиня Тара, чьи образы являются визитной карточкой великого скульптора, считающегося реинкарнацией досточтимого Таранатхи (1575–1634), ботхисаттвы Авалокитешвары, культ которого стал центральным для всех перевоплощений Богдо-гэгэна в Монголии.

Вероятнее всего, данная работа была написана Дзанабазаром в период до или после обучения в Тибете, около 1649–1651 гг. Юный облик героя, невысокий уровень живописной техники, а также круг основных божеств, посвящение в практику которых он получил от своих тибетских учителей в первой поездке в Тибет, говорит в пользу такой датировки. Также отметим, что многие элементы и приемы изобразительности художник использовал с самого начала своего творчества.

Свиток находится в частной коллекции одного из крупнейших собирателей старины в Монголии А. Алтангэрэла, в г. Улан-Баторе.

Скульптура Дзанабазара из Музея-храма Чойжин-ламы

Замечательный скульптурный автопортрет молодого Дзанабазара хранится в Музее-храме Чойжин-ламы (фото 2). Он был опубликован Бергер и Бартоломео в 1995 г. в каталоге крупнейшей выставки на западе, посвященной Монголии. [Berger and Bartholomew 1995]. В 2012 г. скульптура включена в список уникальных шедевров историко-культурного наследия Монголии под № 684 [ММШУД 2014: 138].

Дзанабазар изображен в одеянии монгольского ламы, сидящим в медитативной позе с атрибутами будды Ваджрасаттвы. На плечи накинута ламская мантия, ее полами покрыты ноги, скрещенные в ваджра-асане. Дзанабазар изображен достаточно молодым (вероятно, лет 25–30), но уже вполне зрелым наставником. У него круглый, ровный череп, округлое, почти юношеское лицо со смеющимися глазами, но уже заметной ранней лысиной, крупные глаза и нос, маленькие аккуратные губы, большие уши с

увесистыми буддийскими мочками. Взгляд удлинённых глаз направлен прямо перед собой. Ямочки на щеках отмечены точками. Кисти рук небольшие, мягкие, правая рука удерживает гибкими пальцами ваджру на уровне сердца, при этом указательный и мизинец слегка подняты вверх, наподобие рогов, что напоминает жест изгнания (санскр. *karana*). На самом деле, когда атрибут удерживается тремя пальцами (большой, безымянный и средний), жест называется харина (санскр. *harina*).

В некоторых публикациях скульптуру атрибутируют как «школа Дзанабазара», что означает: она выполнена его учениками. Однако есть серьезные основания утверждать, что это работа рук самого мастера. У фигуры, как у всех работ Дзанабазара, очень чистый контур и красивые уверенные линии. Реалистично передана плотность и толщина одеяний, которая по монгольским стандартам всегда шьется на подкладке и хорошо защищает от ветра, холода и перепадов температуры. Рельефные зашпы мантии, рисунок, нанесенный на бортики одеяний, имитация лоскутного пошива, а также мягкие, маленькие кисти рук и удивительно живой лик ламы с неуловимой тонкой улыбкой выполнены в характерной дзанабазаровской манере. В пользу его авторства говорят также прекрасное качество литья, позолоты и постлитейной шлифовки поверхностей. Известны разные экземпляры подобной модели, она является наиболее распространенной в Монголии, копировалась и исполнялась в разные периоды времени и из разных материалов.

Скульптура зрелого Дзанабазара из Музея-дворца Богдо-хана

Более крупная (59×61,5 см) скульптура Дзанабазара в облике гуру Ваджрасаттвы хранится в Музее-дворце Богдо-хана, в Улан-Баторе (фото 3). Впервые была опубликована в 1960 г. чешским археологом Л. Йислом (в то время скульптура находилась в Музее-храме Чойжин-ламы); затем в 1982 г. монгольским ученым Н. Цултэмом [Jisl 1960: 25, fig. 72; Цултэм 1982: 26, илл. 5; Haderer 2019a: fig. 3]. Эта скульптура внесена в список уникальных шедевров историко-культурного достояния Монголии под № 81 [ММШУД 2014: 69]. Датируется началом XVIII в.

Фото 2. Ундур-гэгэн Дзанабазар (1635–1723). XVII в. Скульптура. Литье, золоченая бронза.
Размеры: 32×20×29см., вес 10 340 г. Инв. № О.42.34. Музей-храм Чойжин-ламы.
г. Улан-Батор, Монголия [[ММШУД 2014: 138](#)]

[*Photo 2.* Öndör Gegeen Zanabazar (1635–1723). 17th century. Sculptural portrait. Cast gilt bronze.
Dimensions: 32×20×29 cm. Weight: 10 340 g. Item no. O.42.34. Chojin-Lama Temple Museum.
Ulaanbaatar, Mongolia]

Фото 3. Портрет Дзанабазара. Скульптура. Литье, золоченая бронза. Начало XVIII в.
Размеры: 59×61,5. Музей-дворец Богдо-хана [БХОМ 2011].
г. Улан-Батор, Монголия [ММШУД 2014: 69]

[*Photo 3.* Portrait of Zanabazar. Sculptural portrait. Cast gilt bronze.
Early 18th century. Dimensions: 59×61.5.
Bogd Khan Palace Museum. Ulaanbaatar, Mongolia]

Дзанабазар сидит в ваджрной позе и держит в правой руке на уровне сердца ваджру (атрибут утерян), в левой — колокольчик. Выглядит он гораздо старше, нежели на предыдущем портрете, здесь у него более квадратная форма головы и более взрослый овал лица, уши пропорционально гораздо крупнее (как известно, уши растут на протяжении всей жизни человека). Правая рука видна из-под покрывала почти полностью, прикрыто лишь плечо и локоть, ладонь открыта вперед, и атрибуты в руках удерживаются двумя, средним и большим, пальцами. Ламское одеяние густо украшено узором с цветами лотоса. Линии рисунка глубокие и достаточно толстые, то есть не нанесены гравировкой, а отлиты с заготовки. Обработка одеяния несколько грубовата. Если моделировку выполнил сам Дзанабазар, то последующие этапы, определенно, выполнялись его учениками.

Дзанабазар как Гуру Ваджрадхары в частной коллекции в Китае

Выдающийся, блистательно исполненный автопортрет Дзанабазара неожиданно проявился на аукционе в Китае в 2016 г. По некоторым данным, скульптура поступила из российских частных фондов. Это произведение было продано как лот «Лама. Скульптура Дзанабазара (1635–1723)» за 73 млн юаней. Персонаж изображен в монашеской одежде и длинноухой шапке традиции гелукпа (фото 4.1–4.4). Лама сидит в ваджрапарьянка-асане, руки с атрибутами скрещены перед грудью, в правой руке ваджра, в левой — колокольчик. То есть Дзанабазар изображен в облике Будды Ваджрадхары в нирманакайя. Нирманакайя — это обыденное, зримое тело, в котором будда является своим ученикам. Лицо ламы, несмотря на некоторую иконописную идеализацию, имеет портретные черты самого Дзанабазара, индивидуальность черт нетрудно заметить, сравнив его с другими автопортретами. Лик ламы, в глубоком сосредоточении и отрешенности от будничных забот, кажется безмятежным. Подкрепляют это впечатление руки, скре-

щенные на груди в жесте ваджрного замка, запечатывающего всякие всплески эмоций и проявления чувств. Взгляд больших миндалевидных глаз направлен вперед, прямо перед собой, но смотрит лама явно не вовне, а внутрь себя, на его лице не дрогнет ни единый мускул. У ламы широкие плечи и сильная мускулистая спина. Глядя на него спереди, на его статично зафиксированные руки и ноги, перекрывающие всякое внешнее воздействие, мы видим полный покой, сосредоточенность, одухотворенность, неколебимую отрешенность от мирских сует. Но если взглянуть на скульптуру сзади, на его атлетическую спину, то увидим потрясающую противоположность — легкий изгиб мощного, гибкого тела полон физического напряжения и мужской энергетики. В скульптуре невероятно реалистично передана огромная духовная сила молодого монаха, полного клокочущей жизни и физически осязаемой красоты, сумевшего превратить эту бушующую энергию в трансцендентный интеллектуальный прорыв. Только гениальный и невероятно смелый художник с открытым сознанием мог в религиозном образе передать это единство и борьбу противоречий, сплетение физических и духовных аспектов, огромный духовный труд, отразив таким образом свой личный жизненный опыт.

Ткань одеяния ламы драпируется в мягкие, эластичные складки и словно бы свисает под собственной тяжестью, согласно физическим законам Земли. Лotosовый постамент имеет традиционную для дзанабазаровских работ форму цветочного бутона, лепестки которого, как обычно для него, напоминают чешуйки кедровой шишки из родной монгольской тайги.

Скульптура смоделирована крайне лаконично, даже можно сказать, скупое, художник здесь верен себе, как никогда, нет ни единого намека на лишний штрих или праздную линию. Но это не мешает мастеру создать невероятно живую реальность, яркий и индивидуальный образ. И, как всегда, безупречная чистота линий и отточенность каждого элемента.

Фото 4.1. Дзанабазар (1635–1723). Автопортрет. Скульптура, литье, бронза, позолота.
Фрагмент, лицо. Опубликовано: [[Global Chinese 2016: 70](#)]

[Photo 4.1. Zanabazar (1635–1723). Sculptural self-portrait.
Cast gilt bronze: face. After: [[Global Chinese 2016: 70](#)]]

Фото 4.2. Дзанабазар (1635–1723). Автопортрет. Скульптура, литье, бронза, позолота.
Фрагмент, вид слева. Опубликовано: [[Global Chinese 2016: 70](#)]

[*Photo 4.2.* Zanabazar (1635–1723). Sculptural self-portrait.
Cast gilt bronze: left-side view. After: [[Global Chinese 2016: 70](#)]]

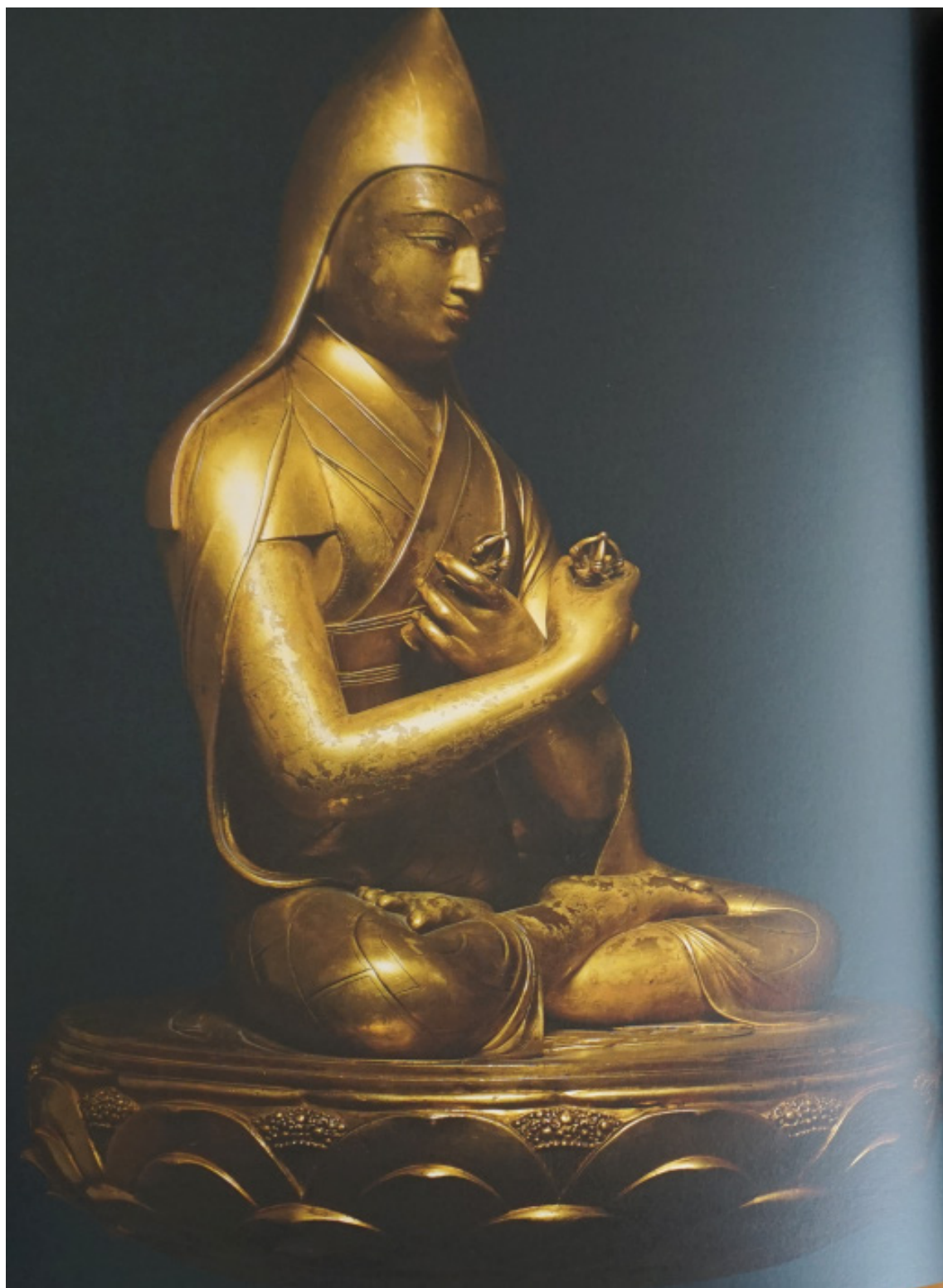

Фото 4.3. Дзанабазар (1635–1723). Автопортрет. Скульптура, литье, бронза, позолота.

Вид вполоборота, справа. Опубликовано: [[Global Chinese 2016: 70](#)]

[*Photo 4.3.* Zanabazar (1635–1723). Sculptural self-portrait.

Cast gilt bronze: half-turned right-side view. After: [[Global Chinese 2016: 70](#)]]

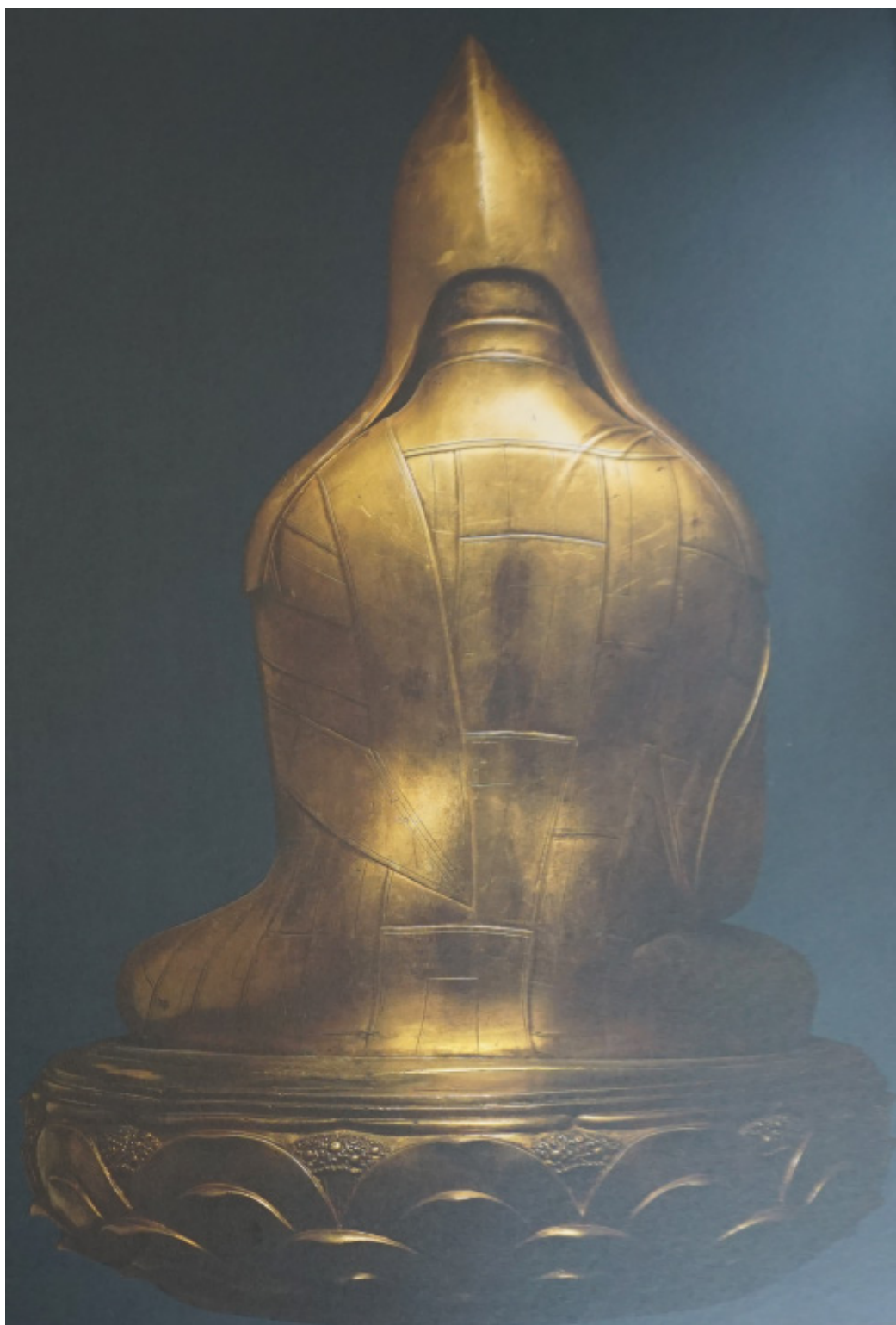

Фото 4.4. Дзанабазар (1635–1723). Автопортрет. Скульптура, литье, бронза, позолота.

Вид сзади. Опубликовано: [[Global Chinese 2016: 70](#)]

[*Photo 4.4.* Zanabazar (1635–1723). Sculptural self-portrait.
Cast gilt bronze: back view. After: [[Global Chinese 2016: 70](#)]]

Таблица 3. Лики Дзанабазара. Фрагменты автопортретов
 [Table 3. Images of Zanabazar. Elements of self-portraits]

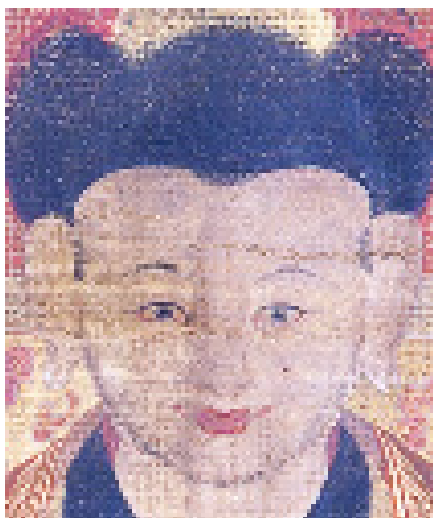

Фото Т3.1. Фрагмент танка «Дзанабазар в юности».
 См. фото 1

[Photo T3.1. Young Zanabazar. Picture fragment.
 See Photo 1]

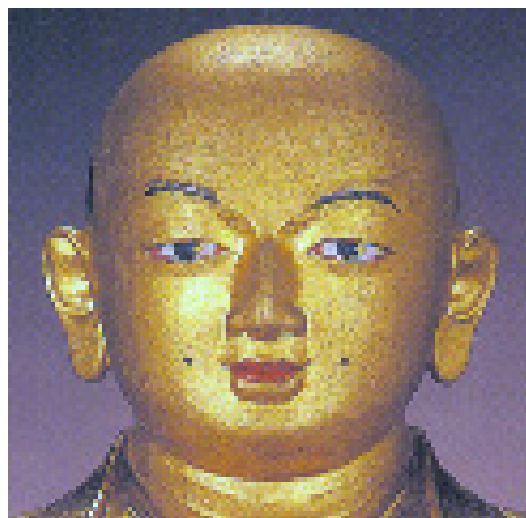

Фото Т3.2. Фрагмент скульптуры «Дзанабазар»
 из Музея-храма Чойжин-ламы. См. фото 2

[Photo T3.2. Zanabazar. Sculptural portrait,
 Choijin-Lama Temple Museum. See Photo 2]

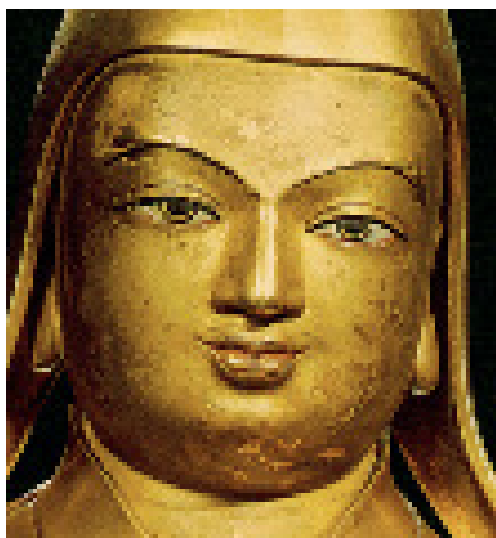

Фото Т3.4. Фрагмент скульптуры «Лама»
 Ваджрадхара. См. фото 4

[Photo T3.4. Lama Vajradhara. Sculptural portrait.
 See Photo 4]

Фото Т3.3. Фрагмент скульптуры «Дзанабазар» из
 Музея-дворца Богдо-хана. См. фото 3

[Photo T3.3. Zanabazar. Sculptural portrait, Bogd Khan
 Palace Museum.
 See Photo 3]

Миниатюрные портреты

Есть миниатюрные портреты Дзанабазара на его живописных работах, которые можно воспринимать как своеобразные автографы. Как правило, он изображен на них в иконографии Будды Ваджрасаттвы, как многочисленные его образы в зрелом возрасте,

в которых он узнаваем благодаря индивидуальным чертам головы и лица: залысины на крупном черепе и ямочки легкой улыбки на щеках. Иногда изображения подписаны, благодаря чему автопортреты мастера легко вычлняются на различных полотнах (см. табл. 3).

Например, на танка «Будда Шакьямуни в окружении Семи будд медицины» из коллекции А. Алтангэрэла Будда Шакьямуни изображен в кольцевом окружении Семи будд медицины. Композиция танка напоминает традиционную структуру ставки монгольских правителей, или стойбища кочевников (монг. *хүрээ*, то есть круг). Имена будд на живописном полотне подписаны золотом на тибетском языке, в традиционной форме, со словами поклонения каждому из них. В нижнем правом углу изображен Дзанабазар, о чем свидетельствует подпись тибетской графикой: *jnyana' bajra*. Изображен он в ламском одеянии и с атрибутами Будды Ваджрасаттвы. На нем оранжевая монашеская юбка (санскр. *antaravasaka*; тиб. *sham thab /mthang gos*; монг. *шамтаб*); широкий палантин цвета бордо (санскр. *uttārasanga*, тиб. *bla gos*, монг. *орхимж*), желтая мантия (санскр. *sangati*; монг. *жанчи* или *тува*). Он сидит в гуптасане (санскр. *guptasana*; тиб.: *sbas pa'i 'dug stangs*) — это поза скрытых [ног], на квадратных подушках с красивым узором. Спинка трона обтянута синим шелком с золотым орнаментом из *вишваваджр*, она визуалью служит мандорлой, то есть ореолом вокруг тела. На голове у него гелукпинская желтая шапка *неринг*, нарисованная с ворсинками, обращенными вверх. Вокруг головы яркий оранжевый нимб с золотым кольцом. Правая рука с ваджрой у сердца, левая на колене с колокольчиком. На щеках видны ямочки (фото 5). Скрытые ноги, а также молодой облик ламы говорят о том, что изображение нарисовано при живом герое, и датировка танка может быть определена примерно 1655–1670 гг.

Аналогичный портрет есть на танка «Будда Шакьямуни в композиции с двенадцатью сопровождающими персонажами». Это танка также из частной коллекции монгольского владельца А. Алтангэрэла. В верхней части танка, по центру, на троне с синей спинкой и двумя подстилками-*олбоками* сидит лама в желтой шапке *неринг*, правая рука в мудре дхармачакры, в левой патра — чаша для подаяний (фото 6). Он изображен без лotosового трона и со скрытыми одеждой ногами (гуптасана) как живой человек на период создания танка. На лице различимы ямочки на щеках.

Еще одна замечательная танка на шелке «Белый Махакала Чиндамани», выполнен-

ная в технике *нагтан*⁵, на которой также есть миниатюрный портрет Дзанабазара. В верхней части свитка изображены двое лам, один из которых Далай-лама V (1617–1682), а второй, очевидно, Дзанабазар. Оба изображены в гуптасане. Дзанабазар сидит с левой стороны от божества на подушках, и вместо ореола вокруг тела изображена спинка трона, как изображаются обычно живые персонажи на момент создания изображения. Он изображен с атрибутами Ваджрадхары: в правой руке у сердца держит ваджру, в левой — колокольчик (фото 7).

На танка «Хаягрива» (санскр. *hayagrīva*; тиб. *rta mgrin*, монг. Дамдин / Хаянхирва) присутствует портретное изображение Дзанабазара. Он сидит в правом углу на подушках, в ламском одеянии, на нем желто-красный жилет-*дохонки* с синим кантом, бордовая монашеская юбка-*шамтаб* с золотым узором со знаком триратны, оранжевая накидка-*орхимж* и желтая мантия-*жанч*, прикрывающая ноги. У него зеленый нимб и сзади видна полукруглая спинка трона, обтянутая лазуритовым шелком с золотым узором. Атрибуты как у Ваджрасаттвы, в правой руке ваджра, в левой — колокольчик (фото 8). Лама изображен без головного убора, у него высокий лоб с глубокими залысинами, лицо и крупные уши выдают более зрелый возраст героя, нежели на рассмотренных выше образцах. Иконография будды Ваджрасаттвы сохранена, как и общий антураж, характер изображения трона и тронной спинки, а также традиционные монгольские узоры, которыми украшены ткани одеяний, трона и подушек.

Будда Ваджрасаттва. Значение и функции

Ваджрасаттва (санскр. *vajrasattva*; тиб. *rdo tje sems dra'*; монг. Базарсада / Доржсэмбэ — Алмазная сущность или Ваджрное сознание) почитается во всех школах тибетского буддизма. Иногда его называют шестым Дхьяни Буддой, главой всех пяти буддовых семейств. В этом случае его изображают сидящим на троне, поддерживаемом слонами, что символизирует непоколебимость дхармакаи. Таким образом, он имеет

⁵ Нагтан (тиб. *nag thang*) — букв. ‘черная танка’, выполняется в специальной технике, когда фон закрашивается черным лаком, а графический, контурный рисунок наносится тонкими золотыми или серебряными линиями.

Фото 5. Изображение Дзанабазара, фрагмент танка «Будда Шакьямуни в окружении Семи будд медицины». Холст. Коллекция А. Алтангэрэла. Фото автора

[Photo 5. Shakyamuni Buddha Surrounded by the Seven Buddhas of Medicine. Picture fragment: portrait of Zanabazar. Canvas. Collections of A. Altangerel. Photo by author]

Фото 6. Изображение Дзанабазара, фрагмент танка «Будда Шакьямуни с двенадцатью спутниками».

Холст. Коллекция А. Алтангэрэла. Монголия.

Фото автора

[*Photo 6.* Shakyamuni Buddha and His Twelve Disciples.

Picture fragment: portrait of Zanabazar.

Canvas. Collections of A. Altangerel.

Photo by author]

Фото 7. Изображение Дзанабазара, фрагмент танка «Белый Махакала Чинтамани». Шелк.
Коллекция А. Алтангэрэла. Монголия.
Фото автора

[*Photo 7.* White Mahakala Chintamani.
Picture fragment: portrait of Zanabazar.
Canvas. Collections of A. Altangerel.
Photo by author]

Фото 8. Изображение Дзанабазара, фрагмент танка «Хаягрива».
Холст. Коллекция А. Алтангэрэла. Монголия. Фото автора
[Photo 8. Hayagriva. Picture fragment: portrait of Zanabazar.
Canvas. Collections of A. Altangerel. Photo by author]

значение, аналогичное Будде Ваджрадхаре, но имеет некоторые функциональные особенности и почитается в разных линиях традиции.

Основное функциональное значение заключается в очистительной силе Ваджрасаттвы, оно используется в составе 4-частной предварительной или основополагающей практики *нёндро* (тиб. *sngon 'gro*)⁶, когда стослоговая мантра Ваджрасаттвы *игджа* (тиб. *yig brgya*) исполняется сто тысяч раз, как и прочие три составляющие. К Будде Ваджрасаттве прибегают также в регулярных монашеских ритуалах покаяния и восстановления нарушенных обетов (санскр. *pośadha*; тиб. *so sbyongs* — возвращение и очищение)⁷. Практика Ваджрасаттвы помогает избавиться от любых негативных аспектов, спутанности ума, плохой кармы и т. д., таким образом, создается благоприятный фон для дальнейшего продвижения по пути духовного совершенствования.

Изображается Ваджрасаттва с телом сияюще чистого белого цвета, сидящим на лунном диске лотосового трона в позе ваджрапарьянка (санскр. *vajraparyāṅkāsaṇa*, тиб. *rdo rje 'i skyil krung*) — ноги скрещены, ступни лежат на бедрах подошвами вверх. В правой руке, на уровне сердца, он держит ваджру, символ искусного метода, нерушимого сознания и мужской энергии, в левой, у бедра, — колокольчик с поднятым кверху туловом, он символизирует мудрость, пустоту, как истинное качество всего сущего, и женскую энергию. От Будды Ваджрасаттвы исходит ослепительное сияние, которое нисходит на практикующего, заполняет его тело нектаром и выносит все негативные проявления — как физического, так ментального и психического характера. Очень важно, что этот

ментальный сор не просто выбрасывается вовне, но трансформируется в нектар и питает агрессивные, голодные чудовища, которые поглощают его, умиряются и заключаются перекрестной ваджрой в глубокие подземелья. Согласно садхане⁸ в «Ринджунгьяца» (тиб. *rin byung brgya rtsa*)⁹, иконографическом своде Таранатхи (1575–1634), Ваджрасаттва имеет тело желтого цвета, он возникает из желтого слога ХУМ и восседает в позе саттвапарьянка (санскр. *sattvaparyāṅkāsaṇa*).

Согласно иконографическому своду «Ниспанайогавали»¹⁰, Ваджрасаттва занимает центральную позицию в «Мандале шести владык Самвары» (тиб. *bde mchog 'khor los gyur drug*). По мнению Уиллсона и Брауэна, это соответствует данным «Абхидхана-тантры», где Ваджрасаттва именуется Сияющим джнянадаком (санскр. *srījñānaḍāka*). Его лотосовый трон удерживается белым львом, у него тело белого цвета, восседает в ваджапарьянка-асане, держит в руках ваджру и колокольчик, обнимая свою Ваджракиню. Его мандала находится в окружении мандал Пяти Дхьянибудд: Вайрочаны, Ратнасамбхавы, Ами табхи, Акшобхы и Амогхасиддхи [Willson & Brauen 2000: n. 482, p. 407]

⁸ Садхана (санскр. *sādhana*, тиб. *sgrub thabs*) — метод реализации качеств определенного буддийского божества; категория текстов для индивидуальной духовной практики с описанием божеств и порядка ритуальных действий во время медитации.

⁹ Ринжунг гьяца (тиб. *rin 'byung brgya rtsa*, полное название: *yi dam rgya mtsho'i sgrub thabs rin chen 'byung gnas*) — огромный трактат в 483 листа, составленный Таранатхой, «Море садхан идамов, так называемый источник драгоценностей», сокращенное санскритское его название «Садхана сахара». Таранатха составил его на основе «Садханасамучайи», иконографического свода XII – начала XIII в. Позднее Ринжунг гьяца был основой для «Пятисот бурханов» Панчен-ламы VII.

¹⁰ Ниспанайогавали (санскр. *nīspannayogavali*) — комментарии на «Ваджравали» — сборник мандал божеств индийского буддизма, составлен знаменитым ученым университета Викрамашила Абхаякарагупта, который жил в конце XI – начале XII в. Источник на санскритском языке был опубликован в 1949 г. Б. Бхаттачарьей [Bhattacharya 1949].

⁶ Подготовительными, базовыми, то есть обязательными, являются: 1) принятие прибежища в Трех драгоценностях (Будда, Дхарма, Сангха, проводником к которым является Гуру), 2) исполнение Гуру-йоги, 3) очищение посредством стослоговой мантры Будды Ваджрасаттвы, 4) подношение мандалы. Каждое действие выполняется 100 тысяч раз.

⁷ В монгольской и бурятской традиции монастыри во второй половине лета проводят 45-дневный ритуал ярнай хайлан (тиб. *byan gnas mkhas lan*, букв. «летняя клятва»), очищения через покаяние и возобновления обетов.

Важное значение имеет Будда Ваджрасаттва в традиции старых тантр или нyingма-па (тиб. rnying ma pa), и особенно в дзогчене (тиб. rtsogs chen). Он выступает как форма изначального Ади Будды Самантабхадры, то есть то же, что Ваджрадхара в традиции новых переводов тантры, в остальных школах тибетского буддизма¹¹. Ваджрасаттве передал учения дзогчена первому держателю знаний Гарабу Дордже (тиб. dga' rab rdo rje) [Garab Dorje 1996]. Гараб Дордже изложил людям по памяти многие тантры и преподавал посвящения в тексты, в частности, в «Великое пространство Ваджрасаттвы» (тиб. rdo rje sems dpa' nam mkha' che') [Dargyay 1998: 19].

О Будде Ваджрасаттве говорится в тексте «Махавайрочана-тантры» (VI–VII вв.) [Nakamura 1999; Тулку Ургьен 2000]. Ваджрасаттва присутствует во всех основных тантрических текстах, таких как Калачакра (X в.), Чакрасамвара (VII в.), Ваджрабхайрава (VII в.), Хеваджра (V в.) и Гухьясамаджа (III в.), выполняя роль предварительной, очищающей кармические препятствия практики. Поэтому В. М. Монтлевич полагает, что он имеет наиболее раннее происхождение, и формирование его культа можно датировать I в. н. э. [Монтлевич 1]. Индийский ученый Б. Бхаттачарья, напротив, полагал, что культ Ваджрасаттвы является вторичным, дублирующим Вадрадхару, и принятым в основном в Непале и Тибете, у северных буддистов [Bhattacharya 1958: 39].

Дзанабазар как духовный поводырь своих подданных, изображая себя с атрибутами Ваджрасаттвы, очевидно, придавал огромное значение культу данного Будды и транслировал таким образом свое наставление и завещание о выборе пути. К сожалению, в сумбуме или собрании сочинений Ундур-гэгэна не удалось обнаружить каких-либо пояснений или комментариев о специфике практики Ваджрасаттвы в монгольской буддийской среде¹². Судя по лаконичности его авторских текстов, скорее напоминающих краткие заметки для себя,

¹¹ Подробнее об образах Ваджрадхары Дзанабазара см.: [Сыртыпова 2019: 61–76].

¹² Сочинения Дзанабазара на тибетском языке составляют один том сумбума (тиб. gsungs 'bum). В 2018 г. издан в переводе на современный монгольский язык Г. Мягмарсурэна [Өндөр Гэгээний сумбум 2018].

Ундур-гэгэн вообще был немногословен и предпочитал невербальные способы передачи учений.

Намек на причину такого внимания Дзанабазара к Ваджрасаттве может указать опыт известного бурятского ламы-тантрика Бидьи Дандарона (1914–1974). Дандарон обладал, кроме буддийского, также европейским образованием, благодаря чему стал очень важным проводником буддизма с востока России в западные регионы. Он уделял божеству особое внимание, считал Ваджрасаттву лучшим способом реализации связи ученика с Учителем и для сохранения и развития этой связи он передал им специальную садхану 17 божеств Шри Ваджрасаттвы¹³. Более того, он переводил на русский язык сочинение нyingмапинского автора Нацог Рандол Лончен Рабжампы (тиб. sna tshog rang grol, 1308–1363) «Забмоянтиг» (тиб. zab mo yang thig — 'Глубокая сущность сокровенного'), в котором изложены философско-символические и историко-мифологические основы «Карнатантры» (тиб. snying thig, букв. 'Квинтэссенция сущности')¹⁴, и которое составляет, по выражению Мотлевича, «сердцевину теоретических и практических основ старой школы тибетского буддизма». А главное свойство Ваджрасаттвы в том, что он есть идам сознания и идеальный человеческий прототип.

Заключение

Духовный лидер монголов Ундур-гэгэн Дзанабазар создавал свои автопортреты для того, чтобы его образ служил опорой для практики гуру-йоги ученикам и подданным. Как следует из общего обзора его автопортретов, Первый Богдо-гэгэн предстает по преимуществу в облике нирманакайя Будды Ваджрасаттвы. Будда Ваджрасаттва имеет исключительно важное значение в традиции старых перево-

¹³ «Метод реализации Семнадцати божеств Бхагавана Шри Ваджрасаттвы» (тиб. bcom ldan'das dpal rdo rje sems dp'a lha bcu bdun gyi sgrub thabs rab dkar bdud rtsi'i chu rgyun zhes bya ba bzhugs).

¹⁴ Дандарон не успел перевести текст полностью, так как был арестован и умер через два года в тюрьме. Частичный перевод опубликован В. М. Монтлевичем на сайте <http://dandaron.ru/theory/karnatantra.html> [Монтлевич 2].

дов тантры, ньянгама и дзогчене, где он считается истоком, родоначальником Пяти буддовых семейств. В традиции остальных школ тибетского буддизма, в том числе в гелукпа, Ваджрасаттва несет также очень важную функцию будды, очищающего кармический негативный груз. По мнению бурятского ламы Б. Дандарона, Ваджрасаттва исключительно важен для сохранения духовной связи между учителем и учениками сквозь время и пространство.

Как бы то ни было, у Дзанабазара с самых ранних этапов его жизненного пути прослеживается непрерывная линия связи с Буддой Ваджрасаттвой, которую он настойчиво реализует и завещает своим последователям. Он снова и снова транслирует эту связь, предстывая в облике нирманака

(физического, зримого тела) Будды Ваджрасаттвы. Можно полагать, что явное предпочтение Дзанабазаром Ваджрасаттвы перед Ваджрадхарой объяснялось и более свободной и гибкой позицией Ваджрасаттвы.

Учитывая религиозный характер изобразительного искусства в буддизме, в котором на протяжении многих сотен лет существовали каноны иконографии и иконометрии, появление реалистичных будд с портретной индивидуальностью выглядит органичным и естественным для условий Монголии, где воздух и пространство напитаны ощущением свободы, и положения художника Дзанабазара. Здесь сошлись звезды свободного духа кочевников и высшего социального (правительственного) статуса Мастера.

Источники

- Öndör gegen-ü — Öndör gegen-ü namtar orusibai. Manuscript, 48 ff. Коллекция А. Алтангэрэла. 48 л.
 Өндөр Гэгээний сумбум 2018 — Өндөр Гэгээний сумбум. Орчуулсан Г. Мягмарсүрэн. Улаанбаатар: Зуун хурээ, 2018. 262 х.

Литература

- Бадмажапов 1995 — Бадмажапов Ц.-Б. Буддийская живопись Бурятии. Улан-Удэ: Нютаг, 1995. 216 с.
 Монтлевич 1 — Монтлевич В. М. Россия — страна Ваджрасаттвы [электронный ресурс] // URL: <http://dandaron.ru/rus/sadhana/vajrasattva/russia-vajrasattva.html> (дата обращения: 05.01.2020).
 Монтлевич 2 — Монтлевич В. М. Карнатантра Нацог-Рандола в переводе Б.Д. Дандарона [электронный ресурс] // URL: <http://dandaron.ru/rus/theory/karnatantra.html> (дата обращения: 05.01.2020).
 Сыртыпова 2018 — Сыртыпова С. Д. Отражение исторической эпохи в миниатюрной скульптуре монгольских шахмат XIII века // Orientalistica. 2018. № 2. С. 209–236.
 Сыртыпова 2019 — Сыртыпова С. Д. Будда Ваджрадхара в Монголии // Orientalistica. 2019. № 2(1). С. 62–76.
 Тулку Ургьен 2000 — Тулку Ургьен Ринпоче. Нарисованное радугой / пер. с тиб.: Эрик Пема Кунсанг; пер. с англ.: Б. Гребенщиков. М.: Шанг-Шунг, 2000. 216 с.

Sources

- [Öndör gegen-ü namtar orusibai: Biography of Öndör Gegeen (Zanabazar)]. Manuscript. 48 p. At: Collections of A. Altangerel. (In Mong.)
 [Complete Works of Öndör Gegeen (Zanabazar)]. G. Myagmarsuren (transl.). Ulaanbaatar: Zuun Khuree, 2018. 262 p. (In Mong.)

- Цултэм 1982 — Цултэм Н. Выдающийся монгольский скульптор Дзанабадзар. Улан-Батор: Госиздательство, 1982. 126 с.
 Цултэм 1989 — Цултэм Н. Скульптура Монголии. Улан-Батор: Госиздательство, 1989. 276 с.
 Berger and Bartholomew 1995 — Berger P., Bartholomew T. Tse. Mongolia: The Legacy of Chinggis Khan. San Francisco: Thames & Hudson, 1995. 339 p.
 Bhattacharya 1949 — Bhattacharya B. (ed.). Niṣpannayogāvali of Mahāpañḍita Abhayakāragupta. Baroda: Oriental Institute, 1949. 213 p. (In Eng. and Sanscr.)
 Bhattacharya 1958 — Bhattacharya B. The Indian Buddhist Iconography (2nd Ed.). Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, 1958. 479 p.
 Dargyay 1998 — Dargyay E. M. The Rise of Esoteric Buddhism in Tibet. Ed. by A. Wayman. Buddhist Tradition Series. Delhi: Motilal Banarsidass, 1998. Vol. 32. 288 p.
 Haderer 2019a — Haderer E. The Sacred and the Profane on the Representation of the first and second rJe btsun dam pa Khutukhtus in Mongolian Buddhist Art [электронный ре-

- супе] // URL: <http://asianart.com/articles/haderer> (дата обращения: 05.01.2020).
- Haderer 20196 — *Haderer E.* The Sacred and the Profane — Part Two: On the Representation of the Third to the Eighth rJe btsun dam pa Khutukhtus in Mongolian Buddhist Art – 2019 [электронный ресурс] // URL: <http://asianart.com/articles/haderer2> (дата обращения: 05.01.2020).
- Jisl 1960 — *Jisl L.* Mongolei: Kunst und Tradition. Prague: Artia, 1960. 174 p. (In Germ.)
- Nakamura 1999 — *Nakamura H.* Indian Buddhism: A Survey with Bibliographical Notes. Ed. by A. Wayman. Delhi: Motilal Banarsidass, 1999. 423 p. (In Eng.)
- Portraits of the Masters 2003 — Portraits of the Masters. Bronze sculptures of the Tibetan Buddhist Lineages. Ed. by Donald Dinwiddie. London: Serindia publications, 2003. 395 p. (In Eng.).
- Garab Dorje 1996 — *Garab Dorje.* The Golden Letters: The Three Statements of Garab Dorje, First Dzogchen Master. Foreword by Namkhai Norbu Rinpoche, Translation, Introduction and Commentaries by J. M. Reynolds. Ithaca; New York: Snow Lion Publications, 1996. 389 p. (In Eng.).
- Syrtyanova 2019 — *Syrtyanova S.-Kh.* Zanabazar's style in Buddhist Art. Using the examples from collection of A. Altangerel. Ulaanbaatar: Admon XXX, 2019. 374 p. (in Eng. & Mong.)
- Global Chinese 2016 — Global Chinese Art Auction Market Report 2016. 124 p. [электронный ресурс] // URL: http://www.cn.artnet.com/en/assets/pdfs/global_chinese_art_auction_market_report_2016_en.pdf (дата обращения: 05.01.2020).
- Willson & Brauen 2000 — *Willson M. & Brauen M.* (ed.). Deities of Tibetan Buddhism. The Zürich Painting of the Icons Worthwhile to See (Bris sku mthoñ ba don ldan). Boston: Wisdom Publications, 2000. 604 p.
- БХОМ 2011 — Богд хааны ордон музей узмэрийн дээжис (= Шедевры Музея-дворца Богдо-хана). Masterpieces of Bogd Khaan Palace Museum. Ulaanbaatar: Anjai Corporation, 2011. 294 p. (in Mong. & Eng.).
- Зая пандит 1982 — Зая пандит Лувсанпринлэй «Гэгээн толь». 4-р боть. Богд Живзундамбын гар бичмэл намтар (= Зая-пандита Лувсан Принлэй. Ясное зеркало. 4-й Том) // Life and works of Jibcundampa I. Reproduced by Lokesh Chandra. New Delhi, 1982. Sata Pitaka series. Vol. 294. P. 527–528.
- ММШУД 2014 — Монгол музейн шилдэг узмэрийн дээж (= Шедевры монгольских музеев). Улаанбаатар: [б. и.], 2014. vol. I–III. (На монг. яз.). Vol. I. 398 х.; Vol. II. 398 х.; Vol. III. 408 х.
- Master. Namkhai Norbu Rinpoche (foreword), J. M. Reynolds (transl., introd., etc.). Ithaca; New York: Snow Lion Publications, 1996. 389 p. (In Eng.)
- Global Chinese Art Auction Market Report 2016. Available at: http://www.cn.artnet.com/en/assets/pdfs/global_chinese_art_auction_market_report_2016_en.pdf (accessed: January 5, 2020). (In Eng.)
- Haderer E. The Sacred and the Profane — Part Two: On the Representation of the Third to the Eighth rJe btsun dam pa Khutukhtus in Mongolian Buddhist Art – 2019. Available at: <http://asianart.com/articles/haderer2> (accessed: January 5, 2020). (In Eng.)
- Haderer E. The Sacred and the Profane on the Representation of the first and second rJe btsun dam pa Khutukhtus in Mongolian Buddhist Art. Available at: <http://asianart.com/articles/haderer> (accessed: January 5, 2020). (In Eng.)
- Jisl L. [Mongolia: Art und Tradition]. Prague: Artia, 1960. 174 p. (In Germ.)

References

- [Museums of Mongolia: Masterpieces]. Ulaanbaatar, 2014. Vols. I–III. Vol. I, 398 p.; vol. II, 398 p.; vol. III, 408 p. (In Mong.)
- Badmazhapov Ts.-B. [Buddhist Pictorial Art of Buryatia]. Ulan-Ude: Nyutag, 1995. 216 p. (In Russ.)
- Berger P., Bartholomew T. Tse. Mongolia: The Legacy of Chinggis Khan. San Francisco: Thames & Hudson, 1995. 339 p. (In Eng.)
- Bhattacharya B. (ed.). *Niṣpannayogāvali* of Mahāpaṇḍita Abhayakāragupta. Baroda: Oriental Institute, 1949. 213 r. (In Eng. and Sanskr.)
- Bhattacharya B. The Indian Buddhist Iconography. 2nd ed. Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, 1958. 479 p. (In Eng.)
- Dargyay E. M. The Rise of Esoteric Buddhism in Tibet. A. Wayman (ed.). Buddhist Tradition Series. Delhi: Motilal Banarsidass, 1998. Vol. 32. 288 p. (In Eng.)
- Garab Dorje. The Golden Letters: The Three Statements of Garab Dorje, First Dzogchen

- Masterpieces of Bogd Khaan Palace Museum. Ulaanbaatar: Anjai Corporation, 2011. 294 p. (In Mong. and Eng.)
- Montlevich V. M. [Karnatantra by Natsog-Randol (Longchenpa): B. D. Dandaron's Translation]. Available at: <http://dandaron.ru/rus/theory/karnatantra.html> (accessed: January 5, 2020). (In Russ.)
- Montlevich V. M. [Russia — the Land of (Buddha) Vajrasattva]. Available at: <http://dandaron.ru/rus/sadhana/vajrasattva/russia-vajrasattva.html> (accessed: January 5, 2020). (In Russ.)
- Nakamura H. Indian Buddhism: a Survey with Bibliographical Notes. A. Wayman (ed.). Delhi: Motilal Banarsidass, 1999. 423 p. (In Eng.)
- Portraits of the Masters. Bronze sculptures of the Tibetan Buddhist Lineages. D. Dinwiddie (ed.). London: Serindia Publications, 2003. 395 p. (In Eng.)
- Syrtyanova S. D. Buddha Vajradhara in Mongolia. *Orientalistica*. 2019. No. 2 (1). Pp. 62–76. (In Russ.)
- Syrtyanova S. D. Reflection of the historical epoch in miniature sculpture of the 13th century: Mongolian chess figures. *Orientalistica*. 2018. No. 2. Pp. 209–236. (In Russ.)
- Syrtyanova S.-Kh. Zanabazar's Style in Buddhist Art. Using the Examples from Collection of A. Altangerel. Ulaanbaatar: Admon, 2019. 374 p. (In Eng. and Mong.)
- Tsultem N. [Sculpture of Mongolia]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1989. 276 p. (In Russ. and Mong.)
- Tsultem N. [Zanabazar: Prominent Mongolian Sculptor]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1982. 126 p. (In Russ. and Mong.)
- Tulku Urgyen Rinpoche. Rainbow Painting. Erik Pema Kunsang, B. Grebenshchikov (transl.). Moscow: Shang-Shung, 2000. 216 p. (In Russ.)
- Willson M., Brauen M. (ed.). Deities of Tibetan Buddhism. The Zürich Painting of the Icons Worthwhile to See (Bris sku mthoñ ba don ldan). Boston: Wisdom Publications, 2000. 604 p. (In Eng.)
- Zaya Pandita Lobsang Trinley. [The Clear Mirror]. Vol. 4: Manuscript Biography of Jebtsundamba (Khutukhtu). In: Life and Works of Jibcundampa I. Reproduced by Lokesh Chandra. New Delhi, 1982. Sata Pitaka Series. Vol. 294. Pp. 527–528. (In Mong.).

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 1078–1091, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078-1091
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.321+821.512.36

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078-1091

Особенности почерка и орфографии текста «Сутры Белого старца» (шифр В 228(1)) из собрания Института восточных рукописей РАН

Наталья Сергеевна Яхонтова¹

¹ Институт восточных рукописей РАН (д. 18, Дворцовая наб., 191186 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-2397-9138. E-mail: nyakhontova@mail.ru

© КалМНЦ РАН, 2020

© Яхонтова Н. С., 2020

Аннотация: *Введение.* Рукопись «Сутры Белого Старца», хранящаяся под шифром В 228(1) в собрании Института восточных рукописей РАН и написанная на ойратском «ясном письме», составлена в период, когда традиционные правила графики и орфографии подвергались сильному влиянию живого языка. *Цель* статьи — проследить особенности почерка и орфографии, характерные для этого текста «Сутры Белого старца». *Результаты.* По сравнению с классическими нормами, изменения, обнаруженные в тексте, затронули как написание отдельных букв и диакритических знаков, так и правописание слов. В языке рукописи нашли отражение (хотя непоследовательно и нерегулярно) такие происходившие в живой речи процессы, как развитие дифтонгов в долгие гласные, ассимиляция, добавление и редукция гласных. В тексте для обозначения долгих гласных за редким исключением не используется знак «удан», а удвоение лабиальных гласных в этой функции сохранилось только в односложных словах и в последнем слоге. Автором высказано предположение, что знак «удан», употребленный в некоторых позициях, мог утратить свое значение, став декоративным элементом почерка. В статье даны транслитерация текста и факсимиле рукописи.

Ключевые слова: ойратский язык, «ясное письмо», влияние разговорного языка, особенности почерка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 20-512-93002 «Памятники „ясного письма“ как культурное наследие России и Китая». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Яхонтова Н. С. Особенности почерка и орфографии текста «Сутры Белого старца» (шифр В 228(1)) из собрания ИВР РАН // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1078–1091. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078-1091

UDC 294.321+821.512.36

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078-1091

***The Sutra of the White Old Man* (Manuscript Call No. B 228(1), Institute of Oriental Studies of the RAS): Some Features of Handwriting and Orthography Revisited**

Natalia S. Yakhontova¹

¹ Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (18, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg 191186, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0003-2397-9138. E-mail: nyakhontova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Yakhontova N. S., 2020

Abstract. *Introduction.* The manuscript of *The Sutra of the White Old Man* — call no. B 228(1) — in the collection of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS) is written in the Oirat Clear Script. The manuscript was compiled during the period when the traditional rules of graphics and spelling were strongly influenced by the spoken language. *Goals.* The article aims at eliciting special features of the handwriting and spelling of this particular text of the Sutra. *Results.* If compared to the classical rules, the changes traced in the text affected both the graphics (letters and diacritic signs) and spelling of words. The spelling patterns in the manuscript reflect (although inconsistently and irregularly) some phonetic processes that took place in the spoken language, such as the development of diphthongs into long vowels, assimilation, insertion and reduction of vowels. The sign ‘*udan*’ denoting long vowels is used in the text only occasionally, and reduplication of labial vowels in the same function is only preserved in monosyllabic words and final syllables. The author speculates that the ‘*udan*’ sign could have lost its meaning to become a decorative element of the handwriting in certain positions. The paper transliterates the text and publishes a facsimile of the manuscript.

Keywords: Oirat language, Clear Script, influence of spoken language, graphical peculiarities of handwriting

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS, project no. 20-512-93002 ‘Clear Script Literature as a Cultural Heritage of Russia and China’. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Yakhontova N. S. *The Sutra of the White Old Man* (Manuscript Call No. B 228(1), Institute of Oriental Studies of the RAS): Some Features of Handwriting and Orthography Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1078–1091. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078-1091

Введение

Все ойратские рукописи на ойратском «ясном письме» имеют собственную индивидуальность, как и любой почерк; и так

же, как и любой почерк, они легко читаются, если почерк аккуратный, уверенный и четкий: буквы имеют традиционные очертания, одинаково пишутся в любой позиции

в слове и во всех словах, диакритические знаки при «ö» и «u», а также знак долготы «удан» расставлены последовательно, слова написаны ровно по вертикали, строки расположены параллельно на равном расстоянии друг от друга, орфография следует правилам классического «ясного письма». Это характеристика идеальной, каллиграфически исполненной рукописи, выполненной умелым и грамотным переписчиком, следующим традициям «ясного письма».

Рукопись «Сутры Белого Старца», хранящаяся под шифром В 228(1) в собрании Института восточных рукописей¹, представляет собой образец, отличный от сказанного выше [В 228(1)]. Цель статьи — проследить особенности почерка и орфографии текста «Сутры Белого старца», характерные для периода, когда традиционные правила графики и орфографии подвергались сильному влиянию живого языка.

Общая характеристика источника

Рукопись хранится в Отделе редких книг и документов Института восточных рукописей РАН и входит в коллекцию А. М. Позднеева в составе Монгольского фонда. Рукопись была, с хорошей долей вероятности, приобретена в Калмыкии, либо конце 1880-х гг., либо в начале XX в., когда А. М. Позднеев бывал в Калмыкии. Про почерк этой рукописи можно сказать, что она написана человеком, уверенно владеющим каламом, о чем свидетельствует размашистость и некоторая небрежность, свойственная быстрому письму, однако ни одну из характеристик идеальной рукописи для его описания применить нельзя. О таких текстах, написанных в конце XIX – начале XX в., В. Л. Котвич писал: «...почти всякий грамотный по-калмыцки писал так, как это ему казалось лучше; другим же при чтении написанного приходилось руководствоваться больше чутьем и общим смыслом» [Котвич 1929: VI].

Причины этого В. Л. Котвич видит в развитии живого языка, затруднениях в обучении грамоте и усиливавшемся влиянии русского языка (в делопроизводстве) и тибетского (в сфере религии) [Котвич 1929: VI].

¹ Сшитая тетрадь, 4 л., 22×8.8 (20,5×8), 22–23 стк., российская бумага, чёрная тушь, калам [Сазыкин 1988: № 1259].

В результате на рубеже XIX–XX вв. в калмыцкой рукописной культуре наблюдался переходный период, некое неустойчивое состояние орфографии, подверженной сильному влиянию разговорного языка, но не имевшей четких правил: старые устарели, а новые еще не были разработаны. Это в наименьшей степени касалось канонических текстов, в отличие от литературы народного буддизма, в которой очевидно большое влияние живого языка [Rákos 2015: 104].

«Сутра Белого старца» относится к таким сочинениям, и анализ рукописи В 228(1) показывает, что в ее смешанной орфографии нашли отражение основные характерные особенности влияния разговорного языка, отмеченные в работах А. Ракоша [Rákos 2002; Rákos 2015].

Отдельные разговорные элементы в «ясном письме» были отмечены еще в грамматике А. А. Бобровникова [Бобровников 1849].

Очерк грамматики разговорного калмыцкого языка начала XX в. в словаре Г. Й. Рамстедта дает важную информацию о его состоянии в рассматриваемый период, но без связи с письменностью [Ramstedt 1935: IX–XXX], некоторые разговорные формы вошли в словарь Дж. Крюгера [Krueger 1978–1984], но указанные работы А. Ракоша ближе всего к теме статьи.

Отмеченная В. Л. Котвичем трудность восприятия таких текстов складывается из двух компонентов текста: почерка и орфографии, при этом в ряде случаев графика влияет на прочтение букв, т. е. на орфографию, и провести границу между ними невозможно. Из очевидных особенностей почерка, напрямую связанных с орфографией, которые заметны сразу, является отсутствие знака долготы и различия в написании лабиальных гласных.

Каждое из нестандартных написаний, взятое в отдельности в конкретном слове, может не выглядеть препятствием для его прочтения, но собранные вместе (часто в одном слове сочетаются их разные виды), в сочетании с нарушениями классической орфографии, они препятствуют беглому чтению текста. Усугубляется это и тем, что оба вида нарушений (почерк и орфография) встречаются нерегулярно, т. е. одно и то же слово может быть написано в разных вариантах, а одно и то же языковое явление в разных словах реализуется по-разному. Можно еще добавить, что в начале страниц

текст написан более аккуратно, чем ближе к концу страницы (особенно это заметно на пятой странице).

Далее эти особенности будут рассмотрены по порядку, но сначала — несколько слов о примерах и их транслитерации.

Примеры из текста В 228(1) сопровождаются адресом в квадратных скобках: указанием на страницу² рукописи и строку (кроме слов, употребленных несколько раз).

Перенос слова со строки на строку помечается знаком «/», и он ставится только там, где он имеет значение для трактовки написания.

Если в рукописи слово имеет нетрадиционную орфографию, в скобках дается традиционная с пометкой «ойр.»

При транслитерации слов с лабиальными гласными выбор гласной осуществлялся исходя из традиционного написания (подробнее см. пункт 2.2.).

1. Почерк

1.1. *Написание «k»*. Рассматривая графические особенности этого текста, которые не влияют на орфографию, следует отметить, что самым серьезным является иногда встречающееся написание буквы «k» в начале и середине слова, которое отличается нетрадиционной формой, складывающаяся из отличающегося от традиционного набора элементов и порядка их написания. Это тот случай, когда при чтении к форме буквы надо привыкать, чтобы не «спотыкаться» (см. рис. табл. 1).

Таблица 1. Написание буквы «k» в рукописи «Сутра Белого старца»
[Table. 1. Letter 'k'. Ways of writing]

1. kiged [B 228(1). C. 2: 6]	2. sedekil [B 228(1). C. 3: 14]	3. yiki [B 228(1). C. 4: 8]	4. küdülükü [B 228(1). C. 3: 13]	5. yideki [B 228(1). C. 1: 14]
ойр. kigēd	ойр. sedkil	ойр. yeke	ойр. kündülekü	ойр. yekede

1.2. *Написание «ng»*

В рукописи, с одной стороны, при написании «ng» в середине слова регулярно отсутствует зубец для обозначения «п» (но

при этом сохраняется согласный «g», но не «q») (табл. 2: 1–3), а с другой — так же регулярно употребляется особое написание в конечной позиции (табл. 2: 4–5):

Таблица 2. Написание буквы «ng» в рукописи «Сутра Белого старца»
[Table. 2. Letter 'k'. Ways of writing]

1. teggeriin [B 228(1). C. 2: 3]	2. mogyoliyin [B 228(1). C. 1: 3]	3. egge [B 228(1). C. 6: 9]	4. ong/γod [B 228(1). C. 3: 20–21]	5. zobolong-gi [B 228(1). C. 4: 18]
ойр. tenggeriyin	ойр. mongyoliyin	ойр. engke	ойр. ongyod	

² В рукописи, которая представляет собой сшитую тетрадь, оригинальная пагинация отсут-

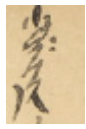
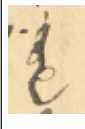
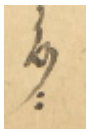
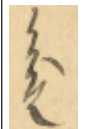
ствует, поэтому ссылки даются на номер страницы, а не листа.

1.3. Отдельные нестандартные написания

Здесь собраны самые разные нестандартные написания: буква «š» помечена только диакритикой (табл. 3: 1), нестандарт-

ная форма конечной «m» (табл 3: 2), слог «ha» из дхарани написан в подражание тибетской букве *ha* — ཧ་ (табл. 3: 3), буква «i» имеет угол вправо, а не влево от вертикали (табл. 3: 4).

Таблица 3. Разное
[Table 3. Miscellanea]

			
1. kišiq [B 228(1). C. 2: 20]	2. nom [B 228(1). C. 5: 4]	3. ha [B 228(1). C. 5: 15]	4. amin [B 228(1). C. 6: 10]
ойр. kišeq			

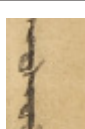
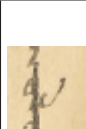
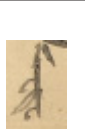
2. Орфография

2.1. Декоративный «хвост»

2.1.1. После конечной буквы «ü/u» (в причастном суффиксе *-kü* и в некоторых других случаях) часто присутствует «хвост» вправо, который по форме напоминает конечную букву «n». Классическое написание встретилось только один раз (табл. 4: 1), ещё в одном — два «üü» (табл. 4: 2), во всех остальных случаях (табл. 4:

3–5) несомненно присутствует «хвост», который следует признать декоративным элементом почерка, из-за нелогичности его прочтения как «n». Он также присутствует в суффиксе *-mü* (табл. 4: 6). Эти примеры важны, потому что демонстрируют отсутствие значения у «хвоста», поэтому, по аналогии, декоративным следует считать этот элемент, например, в слове *kluu* (табл. 4: 7).

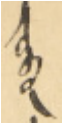
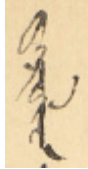
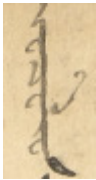
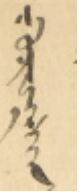
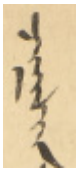
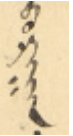
Таблица 4. Написание «ü/u» в конце слова (слог *kü* и др.)
[Table 4. Letter 'ü/u' at the end of words (syllable *kü*, etc.). Ways of writing]

						
1. ökü [B 228(1). C. 4: 18]	2. bišereküü [B 228(1). C. 3: 2–3]	3. ösükükü [B 228(1). C. 2: 23]	4. irekü [B 228(1). C. 3: 5]	5. ülüdükü [B 228(1). C. 3: 16]	6. medemü [B 228(1). C. 2: 21–22]	7. kluu [B 228(1). C. 1: 16]
ойр. ökü	ойр. biširekü	ойр. ösükükü		ойр. üyiledkü	ойр. medemüi	ойр. klu или kluu

В то же время в большинстве случаев этот элемент, как и положено, обозначает согласную «п» в конце слова, которая может употребляться после любых гласных.

Например, это может быть суффикс слитного деепричастия *-n* (табл. 5: 1, 2, 3), *-n* в составе причастного суффикса *-qsan*² (табл. 5: 4, 5) и «п» в составе основы (табл. 5: 6, 7):

Таблица 5. Конечная буква «п»
[Table 5. Final letter “n”]

						
1. yobun [B 228(1). C. 1: 12]	2. darulen [B 228(1). C. 1: 5]	3. ezelen [B 228(1). C. 2: 11]	4. kürüqsn [B 228(1). C. 1: 14]	5. caqsn [B 228(1). C. 1: 15]	6. ezen [B 228(1). C. 2: 7]	7. burxan [B 228(1). C. 1: 6]
ойр. yabun	ойр. Darulan	ойр. ezelen	ойр. kürüqsen	ойр. cayiqsan		

2.1.2. Написание буквы «е»

Эта буква возможна в тексте в двух написаниях: классическом — зубец с утолщением (или крючком) на конце, и упрощенном — длинный зубец. Последнее регулярно встречается во «вписанной» позиции (после согласных «b», «g» и «k») (табл. 6: 1, 2). Если слог *be*, *ge* или *ke* является конечным, после него также может появляться «хвост» аналогичный, описанному в 2.1.1 (табл. 6: 3, 4, 5, 6). Он встречается так часто, что появляется желание попробовать найти этому объяснение. Можно предположить, что появление «хвоста» в позиции после конечного «е» связано с обозначением долготы гласного «е» с помощью знака «удан». Недаром среди слов с этим элементом присутствуют слова, в классическом написании имевшие конечную долгую гласную «е» (табл. 6: 4, 6). В то же время достаточно слов, где долготы быть не должно (табл. 7: 1–5). Основная причина в том, что в какой-то момент в калмыцких рукописях появилась тенденция не отмечать долготу гласных (и знаком «удан», и удвоением гласных). Здесь нужно привести данные из еще одной калмыц-

кой рукописи³ того же сочинения [BČ], почерк которой показывает, можно сказать, переходный этап превращения знака «удан» в декоративный элемент. В этой рукописи только при конечной букве «е» часто стоит знак, который, если сравнивать его с «хвостом» из рукописи B228(1), более похож на знак долготы (табл. 7: 6). Он употребляется и там, где по правилам классической орфографии нужно указание на долготу, и там, где не нужно, при этом в других позициях в рукописи долгота не помечена. Он также не регулярен: одно и то же слово (например, *tere* и *ene*) встречается в этой рукописи в обоих вариантах, но среди слов, в которых у конечной «е» долготы нет, написание с чертой преобладает (19 раз против 8). Возможно, в рукописях, в которых долгота не помечалась, из-за непонимания значения черты при конечной «е», но переписчики по аналогии с ней периодически ставили похожую черту, считая ее элементом конечной гласной «е». В таких случаях можно говорить о «псевдодолготе». В рукописи B 228(1), в которой «удан» также практически не употребляется, она преобразовалась в «хвост».

³ Речь идет о рукописи из коллекции Бага-Чоносовского хурула. В ссылке под табл. 7: 6 помечена как [BČ].

Таблица 6. Буква «е» (1)

[Table 6. Letter 'e' (1)]

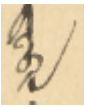
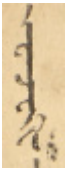
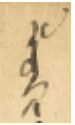
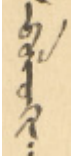
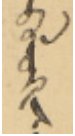
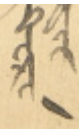
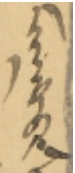
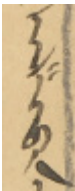
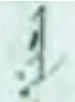
					
1. debel [B 228(1). C. 1: 15]	2. ecege [B 228(1). C. 3: 1]	3. lüge [B 228(1). C. 4: 8]	4. lege [B 228(1). C. 3: 9]	5. bülüge [B 228(1). C. 1: 12]	6. bülüge [B 228(1). C. 1: 22]
		ойр. lügē	ойр. lügē	ойр. bülügē	ойр. bülügē

Таблица 7. Буква «е» (2)

[Table 7. Letter 'e' (2)]

					
1. üge [B 228(1). C. 4: 17]	2. kerbe [B 228(1). C. 5: 8]	3. tere [B 228(1). C. 5: 9]	4. maqtbe [B 228(1). C. 6: 19]	5. sašabe [B 228(1). C. 6: 19]	6. ene [BČ, 1v: 3]
ойр. ügei			ойр. maqtabai	ойр. sayışabai	

Однако следует признать, что в рукописи B228(1) элемент, о котором идет речь, употребляется настолько часто, что его присутствие можно просто объяснить любовью переписчика к эффектному завершению слова.

2.1.3. Написание конечной буквы «d»

Появление после конечной буквы «d» косо́го штриха справа, скорее всего, связано с тем же изменением, затронувшим знак «удан», который описан в 2.1.2. для конеч-

ной буквы «е», т. е. тоже относится к «псевдодолготе». В словах *kigēd* и *bolōd* долгота в классическом написании указывалась, но знак «удан» ставился сразу после гласной, а не после согласной «d», как это сделано в рукописи B 228(1) (табл. 8: 1,2). То, что в этой рукописи косой штрих после «d» регулярно ставится после всех конечных «d» (табл. 8: 3–6), определенно показывает, что это не сместившийся вниз показатель долготы гласного, а декоративный элемент.

Таблица 8. Конечная буква «d»

[Table 8. Final letter 'd']

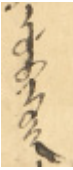
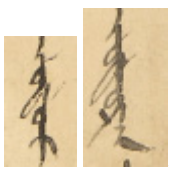
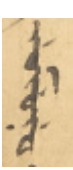
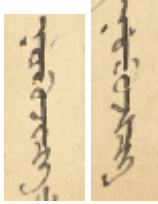
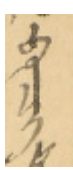
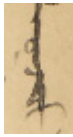
					
1. kiged [B 228(1). C. 3: 6]	2. bolod [B 228(1). C. 5: 13]	3. ad [B 228(1). C. 4: 11]	4. ed [B 228(1). C. 4: 17]	5. ted [B 228(1). C. 2: 10]	6. zoud [B 228(1). C. 6: 8]
ойр. kigēd	ойр. bolōd	ойр. ada		ойр. tede	ойр. zud

2.2. Лабиальные гласные «о»/«ö» и «и»/«ü»

Соответствующая диакритика при «ö» и «и» стоит только в четырех словах при «ö»: *ödör* (два раза из трех случаев употребления), *ömönö* (одно употребление), *öbögön* (один раз из четырех), *nököčöji* (два раза из двух) (табл. 9: 1–4), и в двух словах при «и»: *učir* и *buji* (табл. 9: 5, 6). Таким образом, данный текст приходится считать текстом без

этого типа диакритики. Тем более, что в двух словах — *üsün* ‘волосы’ и *üleqsen* диакритика при первом «ü» соответствует твердому «и» (табл. 10: 1, 2). Первое слово с таким знаком должно читаться как *usun* ‘вода’, но при этом слово «вода» встречается в тексте достаточно часто без положенной диакритики при «и». Второе слово имеет в своем составе несколько указаний на мягкий ряд, и твердое «и» в нем явно неуместно.

Таблица 9. Диакритика при лабиальных гласных «ö» и «и»
[Table 9. Diacritics with the labial vowels ‘ö’ and ‘u’]

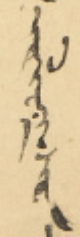
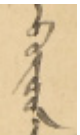
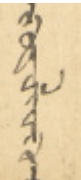
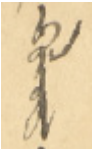
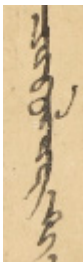
					
1. <i>öbegöin</i> [B 228(1). C. 4: 3]	2. <i>ödör</i> [B 228(1). C. 3: 17]; <i>ödörin</i> [B 228(1). C. 3: 21]	3. <i>ömönö</i> [B 228(1). C. 5: 1]	4. <i>nököcej</i> [B 228(1). C. 3: 9]; <i>nököčij</i> [B 228(1). C. 4: 8]	5. <i>bui</i> [B 228(1). C. 3: 18]	6. <i>učir</i> [B 228(1). C. 1: 23]
ойр. <i>öbögöyin</i>	ойр. <i>ödör</i> ; <i>ödöriyin</i>		ойр. <i>nököčöji</i>	ойр. <i>buiji</i>	

Формы букв «о»/«ö» и «и»/«ü» имеют не очень выятные отличия, кроме позиции в конце слова. Иногда (как правило, в первом слоге) можно говорить о чуть более угловатой форме буквы или присутствии внизу горизонтальной составляющей, нарушающей округлость у букв «о/ö». В то же время такое написание может быть и у букв «и/ü» (табл. 10: 3–5). Эта нечеткость формы позволяет увидеть буквы «о/ö», где должны быть «о/ö», и не заметить там, где хочется увидеть «и/ü». Очень немногие слова имеют все «о» образцовые по форме, например: *хоуог* и *zobolong* (кроме «о» в слоге *bo*) (табл. 10: 6, 7).

При одинаковой форме и отсутствии диакритики во всем тексте в некоторых словах теоретически возможны четыре варианта трактовки только одной лабиальной.

Но нельзя забывать о двух косвенных факторах, сужающих выбор: это ряд слова и лабиальная гармония. К тому же намек на угловатость формы гласной первого слога или другое отличие ее написания от остальных лабиальных гласных слова (если таковые имеются), особенно, если в этом слове должно быть «о/ö», так и транслитерировались. Предполагается (возможно, неоправданно), что в тексте соблюдается лабиальная гармония, поэтому гласные второго и третьего слогов транслитерировались по гармонии, несмотря на их одинаковое, явно круглое написание. Альтернативным объяснением округлого написания может быть влияние разговорного языка и, как результат, редукция гласных непервых слогов, что проявлялось в умышленном написании в них «и/ü».

Таблица 10. Диакритика при букве «ü». Форма букв «o/ö» и «u/ü»
 [Table 10. Diacritics with the letter 'ü'. Forms of the letters 'o/ö' and 'u/ü']

						
1. usuun [B 228(1). C. 1: 14]	2. uleqsen [B 228(1). C. 1: 19]	3. buyuun [B 228(1). C. 2: 22]	4. küdülekü [B 228(1). C. 3: 13]	5. bolod [B 228(1). C. 5: 13]	6. xoyor [B 228(1). C. 2: 20]	7. zobolong-gi [B 228(1). C. 4: 18]
ойр. üsün	ойр. üleqsen	ойр. buyan	ойр. küdülekü	ойр. bolöd		

2.3. Обозначение долгих гласных

2.3.1. Знак долготы «удан»

Этот знак употреблен в тексте всего три раза: при первой гласной «е» в суффиксе исходного падежа — два раза, и при «о» в конце основы слова *tō* (табл. 11: 1, 2). Последний пример не самый «чистый», поскольку в рукописи видны следы подчистки текста. Как бы то ни было, очевидно, что диакритика для обозначения долготы в этом тексте — редкость. Еще в одном слове (табл. 11: 3) знак долготы стоит при конечной гласной «о», т. е. там, где долгого гласного нет, в то же время еще меньше оснований считать этот знак диакритикой при мягком «ö» (первый согласный «х» четко указывает на твердый ряд слова).

2.3.2. Удвоение гласных («ou/öü», «ui/üü»)

Этот способ передачи долготы гласных «u/ü» употребляется регулярно в немногих односложных словах: *toi* (это слово употреблено в тексте несколько раз в одинаковом написании (табл. 11: 4)), и в единично употребленных *zouin* [B 228(1). C. 4: 11], *nüül* [B 228(1). C. 4: 8], *youn* [B 228(1). C. 1: 20]. В то же время указание на долготу появилось

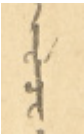
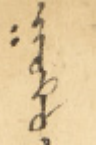
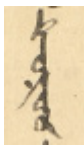
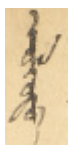
в слове *zud*, написанном как *zoud* [B 228(1). C. 6: 9]. Возможны и нерегулярные написания: два гласных есть в основе местоимения *töü* (ойр. *töün*) [B 228(1). C. 4: 16], но чаще их нет: *tün* (ойр. *töün*) [B 228(1). C. 3: 17; C. 5: 6], *ün* (ойр. *öün*) [B 228(1). C. 5: 8].

В многосложных словах заметно, что есть тенденция указывать ее в последнем слоге: *teregüü* [B 228(1). C. 1: 16], *ütügüün* [B 228(1). C. 2: 4], *kerüül* [B 228(1). C. 6: 5], *bürüül* (ойр. *bariul*) [B 228(1). C. 6: 5], где может быть и избыточная долгота: *buyuun* (ойр. *buyan*) [B 228(1). C. 2: 23], *usuun* (ойр. *üsüün*) [B 228(1). C. 1: 14], *törüü* (ойр. *törö*) (табл. 11: 5), а в середине слова указания на долготу нет: *sakusun* (ойр. *sakusun*) [B 228(1). C. 3: 8], *ula* (ойр. *oula*) (несколько раз) (табл. 11: 6), *ösükükü* (ойр. *öüskekü*) [B 228(1). C. 2: 23], *adusdu* (ойр. *adousun-du*) [B 228(1). C. 4: 17] и др.

2.3.3. Дифтонгом *ei*

Такой способ обозначения долготы встретился в тексте только в одном слове *bülügē*, которое в четырех из шести случаев его употребления имеет написание *bülügei* (табл. 11: 7), что вряд ли можно считать случайностью.

Таблица 11. Обозначение долготы гласных
[Table 11. Long vowels. Ways of marking]

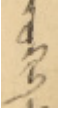
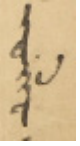
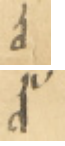
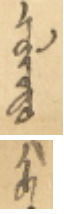
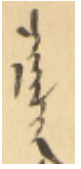
						
1. -ēce [B 228(1). C. 5: 1, 10]	2. tō [B 228(1). C. 5: 7]	3. xotō [B 228(1). C. 4: 6]	4. muu [B 228(1). C. 3: 14]	5. törüü [B 228(1). C. 2: 8]	6. uludu [B 228(1). C. 2: 5]	7. bülügei [B 228(1). C. 2: 3]
		ойр. xoto(n)		ойр. törö	ойр. ouladu	ойр. bülügē

2.4. Написание дифтонгов

Классическое написание дифтонгов в «ясном письме» в начале и середине слова — Г + у + і: ауі, еуі, ууі, үуі, іуі, и в конце слова — Г + і. В тексте В 228(1) такое написание практически не встречается. В текстах, отражающих разговорное произношение, дифтонги или передаются двумя гласными без «у» (т. е. без длинного зубца), или двумя одинаковыми гласными, или одной гласной. В конце слова обычно опускается конечный «і» в составе дифтонга. Эти изменения в написании дифтонгов

отражают происходивший в живом языке переход дифтонгов в долгие гласные и последовавшее за этим прекращение регулярного обозначения долгих гласных, поэтому в таких текстах и другое обозначение долготы гласных не является регулярным. В рукописи В 228(1) возможны разные написания дифтонгов, но классическое встречается крайне редко: регулярно только в слове ügei (рис. 12: 1), так же как и двойные гласные (рис. 12: 2, 5). Обычно вместо классического дифтонга пишется одна гласная (табл. 12: 3, 4, 6–9).

Таблица 12. Написание дифтонгов в основе слова
[Table 12. Diphthongs in word stems. Ways of writing]

								
1. ügei [B 228(1). C. 2: 22]	2. iin [B 228(1). C. 5: 12]	3. in [B 228(1). C. 1: 7]	4. san [B 228(1). C. 6: 7]	5. üile [B 228(1). C. 2: 23]	6. üle [B 228(1). C. 3: 15–16]	7. ülüdümü [B 228(1). C. 4: 16]	8. bü [B 228(1). C. 3: 5]	9. caqsn [B 228(1). C. 1: 15]
	ойр. eyin	ойр. Eyin	ойр. sayin	ойр. üyile	ойр. üyile	ойр. üyiledemüi	ойр. bui	ойр. cayiqsan

Дифтонг іуі входит в состав суффикса родительного падежа, и тогда он подвержен тем же изменениям, что и дифтонги в основе слова, например teggeriin (ойр. tenggeriyyin) [B 228(1). C. 2: 3] (табл. 2: 1), ödörin (ойр. ödöriyyin) [B 228(1). C. 2: 21] (табл. 9: 2).

2.5. Ассимиляция и вставка гласных

Ассимиляция и вставка гласных часто связаны, но если первое может быть и без второго, то вставка гласных обычно сопро-

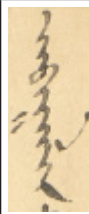
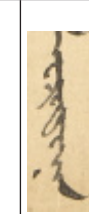
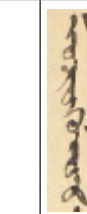
вождается их ассимиляцией. Только ассимиляция (прогрессивная) наблюдается, например, в написании слов *nasun* и *yisün* (табл. 13: 1, 2), в слове *yabuxulā* она распространилась и на суффикс условного депричастия (табл. 13: 3). Примером регрессивной ассимиляции является запись слова *yabun* (табл. 5: 1).

О неупорядоченной вставке гласных в текстах начала XX в. В. Л. Котвич писал:

«В настоящее время многие, стараясь писать так, как писал в свое время Зая-Пандита, вставляют все выпавшие гласные. Не зная, однако, хорошо, какие гласные выпали и где именно, часто вставляют другие гласные и при том там, где их никогда не

было раньше» [Котвич 1929: 16]. Особенно часто гласные появляются после согласной «r» (табл. 4–6). Возможно, к этому же явлению можно отнести и появление гласной «a» в конце слова *γazar* (табл. 13: 7).

Таблица 13. Ассимиляция и вставка гласных
[Table 13. Vowel assimilation and insertion]

						
1. nasan [B 228(1). C. 2: 2]	2. yisin [B 228(1). C. 3: 21]	3. abaxala [B 228(1). C. 5: 5]	4. eredena [B 228(1). C. 3: 14]	5. mürügümüü [B 228(1). C. 1: 7]	6. yertečin [B 228(1). C. 2: 19]	7. γazara [B 228(1). C. 2: 15]
ойр. nasun	ойр. yisün	ойр. abuxulā	ойр. erdeni	ойр. mürgümüi	ойр. yertüncüiyin	ойр. γazar

2.6. Пропуск гласных

Пропуск гласных в текстах связан с прошедшей в разговорном языке редукцией гласных непервых слогов: гласные, произношение которых было неясным, на письме не обозначали. В рукописи В 228(1) можно встретить такое написание как *maqṭbe* (ойр. *maqṭbai*) (табл. 7: 4). Особенно часто отсутствует гласный в суффиксе причастия прошедшего времени *-qsan*, и тогда пишут *boluqsn-du* (ойр. *boluqsan-du*) [B 228(1). C. 6: 13], *ümüseqsn* (ойр. *ümüsüqsen*) [B 228(1). C. 1: 15], *kürüqsn* (ойр. *kürüqsen*) [B 228(1). C. 1: 14] (табл. 5.5), *caqsn* (ойр. *cayiqsan*) [B 228(1). C. 1: 15] (табл. 5: 6).

Выводы

Рукопись В 228(1) «Сутры Белого Старца» является типичным образцом текста, написанного под сильным влиянием разговорного языка. В ее орфографии, с одной стороны, прослеживаются, пусть и нерегулярно, те изменения в языке, которые позже легли в основу орфографических реформ. С другой стороны, некоторые написание классической орфографии были сохранены, но утратили грамматическое значение, став графическими особенностями почерка.

Транслитерация рукописи В 228(1)

Обозначения, использованные в транслитерации:

Косая черта «/» — переход на другую строку в тексте рукописи.

Квадратные скобки «[]» — графема, пропущенная в слове и восстановленная как несомненная. Квадратные скобки со знаком равенства «[=]» — восстановленное корректное написание слова или графемы.

Звездочка «*» — восстановленное написание слов или частей слов, которые невозможно прочитать из-за дефекта рукописи.

Косые скобки «<>» — лишние графемы (одна или несколько) или слово.

Круглые скобки «()» — слово или графема, вписанные в текст рукописи в качестве исправления.

Фигурные скобки «{ }» — слово или графема, помеченные писцом как лишние с помощью любых обозначений.

Лабиальные гласные транслитерируются по классическому написанию. Гласные «ö» и «u» при которых стоит соответствующая диакритика, подчеркнуты.

Названия сочинения на обложке тетради нет.

//1// namo budha-yi: namo d[ha]r<a>ma-yi: / namo sa[n]gka-yi: enedegigin [=enedkegiyin] kele[=ē]r / you sou ene tou: mo[n]gyoli[yi]n kele[=ē]r: / yazar usuni nomoyodxaǰi / darulun čidaqči ner[e]tū sudur[:] / xamuq burxan bodo sado-nartu / mür<ü>gümü[:] [ey]in keme[=ē] n mnii [=mini] sonaq/sn [=sonosuqsan] negei [=nigen] caqtu burxan {bodo} ana/dan [=ānanda] ayxaq [=ayaxa] takelemaq [=takilmiq] bodi / sado yiki [=yeke] xuvaraqlu[=ā] ne[=i]ge/ne zemeseleqs[=e]n neretū uludu [=ouladu] / yobun [=yabun] bülüge[=ē]: tere caq-tu / negei [=nigen] öböğön nasuni caq-tu / kürüqs[e]n saxal usuun [=üsün] yideki [=yekede] / ca[yi]qs[a]n c[a]ya[=ā]n debel ümüsüqs[e]n / yarta[=ā]n kluu teregüü tayaq beri/qsen [=bariqsan] timei [=teyimi] nege [=nigen] öböğön kümü/ni üzüksen bü [=bui]: üze[=ē]d saca / ilyan [=ilayun] tögös[ü]n u[=ü] leqsen bur/xan zarle[=i]q boloba [=bolboi]: či youni / tuludu [=tula] yaqcara ene uludu [=ouladu] / ax<a>u bülüge[=ē]: keme[=ē] n ügölüba[=ei:] öböğön učir šalataben [=šaltābēn] alidxaba [=ayiladxabai]: //2// ileyn [=ilayun] tögös[ü]n üleqs[=e]n burxan: / bi ene {uludu} zemes<e>leq (ner[e]tū) uludu [=ouladu] / axu bülügei [=bülügē]: dere te[n] gri[y]in ezen: / doru ütügün [=ötögön] ekin ezen kigi[=ē]d: / uludu [=ouladu] axu bülügei [=bülügē]: doqšin göresen [=görösün] / ba xorotu moyoi kige[=ē]d: kümün am[i]t[a]ni / yazara[=i]yin ezen bülügei [=bülügē]: usuni / <z> ezen törüü [=törö] kige[=ē]d: t[ö]üni xorin / dörbön zügin [=zügiyin] sak[o]usun bülügei [=bülügē]: ki[=e]dün doqšin ted[e] bügüde[yi] n ezen bi / ezelen yobumu [=yabumu] bi: uludu [=ouladu] bol<a>/basu olo [=oula] yazar

usun-ni ezen / bi: taladu bolubasu [=bolbāsu] tara[=ā]n yazar / usuni ezen bi: küme[=ü]n bolubasu [=bolbāsu] / kümüni (ger) yazar<a> usuni ezen bi: / sümüde bolubasu [=bolbāsu] nomi[y]in yazar / usuni ezen bi: xotodu bolu/busu [=bolbāsu] balyas[u]n-ni yazu[=a]r usuni / ezen bi: yertečin [=yertüncüyin] kümüni buyi[=a]n / kišiq xoyor bi il[y]a[n] medemü bi: / kümüni nasa[=u]n axar [=oxor] urtigiin [=urtuyigi] mede/mü bi: buyuun [=buyan] ügei kiqšagi [=kišigi] bi / ögümü[i]: sian [=sayin] ü[y]ile ösükükü [=ösükekü] //3// ece[=i]ge eki[y]in açi xarlahu: [=xariulxu] / yurbun eredenigin [=erdeniyigi] kündülü[=e] n biši/reküü ted[e] bügüde[yi]gi bi buyuan [=bürin]-ye[=ē]r / bi: xoyor šina[=e] arb[a] n zurya[=ā]ndu / bolji ir[e]kü bü [=bui]: klau [=klu] xuluynin / ödöri[yi]n jil xoyor kige[=ē] d {xala/yačini} t[o]ul[ay]in xara xarun [=xara] čid/kür kige[=ē]d: xalayačini sakusun bi [=ba]: / yali[yi]n ezen-lege [=lügē] nököce[=ö] ji kireba [=kerbe] / doqšin-ye[=ē]r am[i]t[a]ni yabuxu bi [=ba]: / ece[=i]ge eke[yi]gi ülü kü[n]dülükü bi [=ba]: / mou sed<e>kil-ye[=ē]r yurbun eredeni [=erdeni] / ülü takixu bi [=ba]: xamuq mou ü/le [=üyile] ülüdükü [=üyiledkü] bi [=ba]: tede bügüde-gi<i> / bi mečin ödör t[ö]üni kürtel[e] / te[n]gger doqšin arši bičiǰi / kirq [=kraq] bu[u]ǰi t[ö]üni yazar usuni / kigi[=ē]d: doqš[i]n kiriq [=kraq] mou ong/yod kigi[=ē]d yis[ü]n ödöri[yi]n tabun / doqš[i]n klau [=klu] šoro[yi]n ezen yazar //4// usuni ada tod<o>xor yazar / ezen aby[a]i ba: yazar usuni / ezen {bi} öbegöin [=öböğön] bi: küübün [=köböün] a/činar[-y]e[=ē]n ted[e] bügüdü [=bügüdeyin] ezen bi: / ne[=i]gene yazar usuni ezen ba: / xotö[=o] bügüde xorin dörbön ya/zar usuni

ezen ba: tede бүгүде/-lүge[=ē] bi nigene x[a]mtu nököči[=ō]ji / taimii [=teyimi] yiki [=yeke] nüül kilčin [=kilinče]-ye[=ē]n ülü/deqsen [=üyiledüqsen] amit[a]ni (ami[n]du) xor küriyeq/sen бүгүде: zoun jil [=züyil] ad[a] e/bečin kigi[=ē]d: xulay[a]i ba: / kele am[a] n alabe [=aliba] yal yardq [=yardaq] kige[=ē] d / mou züde kig[ē]d: tede бүгүдеgi / bi xor miteü [=metü] oralun [=oroulun] ülüdü/mü [=üyiledümü] xuduludu [=xudaldu] kige[=ē]d töü[ni] açi / tusa üge[i] ed adusdu [=adousundu] xor / mesü [=xomso] ökül zobolong-gi ökü / bi: yazar usuni ezen / iin [=eyin] keme[=ē] n nöqčiqsüdü [=nöqčiqsöndü]: ilaya [=ilayun] / tögös[ü]n ülüqsün [=üleqsen] burxan zara/laq [=zarliq] boloba [=bolboi]: sa[yi]n sa[yi] n izrotni [=izourtani] //5// kübün [=köböün]: a [=ē] či mani ömönö-ēce / aman aban ab<a>či xamuq a/mit[a]ni tusu[=a]lan sakın: ailbin [=aliba] / küme[=ü]n ene nom bičilüküle [=bičüülkülē] / abaxala [=abxulā] kümü[n] dü üzülüküle[=üzüülkülē] / ugšuluxalan [=ungšuluxulā] t[ö]üni açi tu/sa inü tō tomšu[=i] üge[i] yeki[=e] / boluyu: kerbe [ö] üni ebečidü / doli[=ō]tu ugšuxuli [=ungšixulā] tere / ebečin-ēce öte[=ō]r (bügüder) tonulu/xu [=tonilxu] boluyu: ilay[u]n tusa [=tögös] ü/lü[=e]qsen burxan [e]iin keme[ēn] z[a]rlıq bolo[=ō]d: ene tarnigi / ügülübe [=ögüülebei]

šülü tümü om toq / tülü tülü sa ya so ha: / ene (tarnigi) ilyan [=ilayun] tögös[ü]n üleqsen / tiin [=teyin] keme[=ēn] zarla[=i]q boluqs[an]du / yazar usun kige[=ē]d xamuq sa/k[o]usun biyasn [=bayasun] bišredü [=biširēd] alx[a]be[=ē] n / xamtudxan mür<ü>güji buyuun [=buyan] berün [=bürin] / šüzüq bišir[e]lte[n] amatin [=amitan] //6// ene nom bičiküle[=ē] <bičiküle> / ugšuxu [=ungšixu] kige[=ē]d kümü[n]dü üzü/ l<ü>küle[ē] tedeni ger tergedü ebeči / txala [=taxal] ügei bolo[=ō]d kile[=in]ce arulu/xu [=ariulaxu] boluyu: kerüül bürüül [=bariul] ügei bolo[=ō]d / nom<i>du ayulaba[=ā]su boluyu: / sa[yi]n açi üre inu del<e>gere[ē]d / ad[a]l mal<a>du zoud [=zud] tur[a]xan / ügei boluyu: e[n]gge amyulung [=amuyulung] / bolo[=ō]d: amin nas[u]n urtu / buyi[=a]n kišiq nemekü boluyu / ilyan [=ilayun] tögös[ü]n üleqsen burx[a]n / zarliq boluqs[a]n-du yaz[a] r / kige[=ē]d okin te[n]ggere[=i] bi [=ba]: te[n]g/gere[=i] kümün asire [=asuri] gederi [=gandari]/-luya[=ā] ne[=i]gene xam<u>tu yeriteči [=yertüncü]/-daxan [=deki] zöbšeren [=zöbsörön] bišrije [=bišireji] ilay[a]n / tögös[ü] n ülüqsen burxan z[a]rlıgi / iltü [=ilete] maqtbe [=maqtabai] sašabe [=sayışābai] yazar / usuni darul[a]n čid[a]qčın neretü / [*su]dur orošobe [=orošibo] s[a]rva mam ka la:

Источники

- B 228(1) — *yazar usuni nomoyodxaġi darulun čidaqči nertü sudur* («Сутра Белого старца») // Отдел редких книг и документов Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург). Ойр. рукопись, сшитая тетрадь, 6 с., 22 × 8.8 (20.5 × 8), 22–23 стк., рус. бумага, чёрная тушь, калам [Сазыкин 1988: № 1259].
ВЃ — Коллекция Бага-Чоносовского хурула (Республика Калмыкия). *yazar usuni nomyudxun darulan čidāqči nertü sudur* («Сутра Белого старца»). Калм. рукопись, 4 л., 16–18 стк., плотная бумага, черные чернила.

Литература

- Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1849. 395 с.
Котвич 1929 — Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. вт. / Калмыцкая Комиссия Культурных Работников в Чехословацкой Республике. Ржевнице у Праги: КККР, 1929. 418 с.

Sources

- Gazar usuni nomoyodxaġi darulun čidaqči nertü sudur*: The Sutra of the White Old Man. Oirat manuscript. At: Department of Rare Books and Documents, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg). Call. no. B 228(1). 6 p. (In Oir.)
Gazar usuni nomyudxun darulan čidāqči nertü sudur: The Sutra of the White Old Man. Kalmyk manuscript. At: Baga-Chonos Khurul (Republic of Kalmykia). 4 p. (In Kalm.)

- Сазыкин 1988 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. 1. М.: Наука, ГРБЛ, 1988. 280 с.
Krueger 1978–1984 — Krueger G. J. Materials for an Oirat-Mongolian to English citation dictionary. Part I–III. Indiana University. Bloomington: Mongolia Society, 1978. Part I: 1–204 p., Part II: 205–464 p., Part III: 465–816 p.

- Rákos 2002 — *Rákos A.* Beszélt nyelvi elemek az ojrát „világos írásos“ szövegekben // *Orientalista Nap*, 2001. Birtalan A., Masanori Ya. (szerk.). Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, Eötvös Loránd Tudományegyetem, 2002. Pp. 81–89. (In Hung.)
- Rákos 2015 — *Rákos A.* Colloquial Elements in Oirat Script Documents of the 19th Century // *Rocznik Orientalistyczny*. T. LXVIII. Z. 2. 2015. Pp. 102–114.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch [Kalmyk Dictionary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Germ.)
- References**
- Bobrovnikov A. A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 395 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. Grammar of Spoken Kalmyk. 2nd ed. Řevnice: Kalmyk Commission of Cultural Workers (Czechoslovak Republic), 1929. 418 p. (In Russ.)
- Krueger G. J. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Parts I–III. Indiana University. Bloomington: Mongolia Society, 1978. Part I, pp. 1–204; part II, pp. 205–464; part III, pp. 465–816. (In Russ.)
- Rákos A. Colloquial elements in Oirat script documents of the 19th century. *Rocznik Orientalistyczny*. 2015. Vol. LXVIII. No. 2. Pp. 102–114. (In Eng.)
- Rákos A. Colloquial linguistic elements in Oirat Clear Script texts. In: Birtalan A., Masanori Ya. (eds.) *Orientalista Nap*: 2001. Budapest: Hungarian Academy of Sciences, Eötvös Loránd University, 2002. Pp. 81–89. (In Hung.)
- Ramstedt G. J. Kalmyk Dictionary. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ. and Kalm.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1988. 280 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 1092–1102, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1092-1102
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.37+811.161.1+81'373+81'255
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1092-1102

Бытовая лексика в деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов)

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ярмаркина Г. М., 2020

Аннотация. *Введение.* Бытовая лексика, составляющая важный пласт словарного состава любого языка и передающая этнолингвистическую специфику текста, по-прежнему обращает на себя внимание. Письма хана Аюки, адресованные астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову, традиционно относят к образцам деловых эпистолярных текстов калмыцкого языка XVIII в. Лексический состав рассматриваемых деловых текстов характеризуется разнообразием, наряду с другими группами лексики (военная лексика, наименования титулов, антропонимы, топонимы и др.) в эпистолярных текстах используется и бытовая лексика. *Целью настоящей статьи* является анализ функционирования бытовой лексики в письмах хана Аюки в сравнении с синхроническим русским переводом писем. Работа с источниками XVIII в. позволяет выявить материалы для исторической лексикологии, уточнить, имеется ли зависимость использования бытовой лексики от жанрово-стилистических и содержательных особенностей оригинального и переводного текста. *Методы и материалы.* Источником материала для статьи послужили письма калмыцкого хана Аюки за 1714 г. и русские синхронные переводы этих писем (все переводы также относятся к 1714 г.), хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Основными методами исследования являются описательный, метод контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительный метод. Транслитерация, переложение на современную калмыцкую графику и буквальный (диахронический) перевод оригинальных текстов на русский язык, использованных в статье, выполнены Д. Б. Гедесовой. *Выводы.* Анализ функционирования бытовой лексики в текстах памятников деловой письменности обнаруживает особенности, характеризующие определенный фрагмент словарного состава калмыцкого и русского языков начала XVIII в. В оригинальных текстах используются не только лексемы, относящиеся к пласту общемонгольской лексики, но и слова, заимствованные из русского языка. Отмечается зависимость употребления бытовой лексики от реализуемой в письме интенции: бытовая лексика содержится в просьбе / требовании прислать определен-

ную часть ежегодного жалования, которое не ограничивалось деньгами. Выступая элементами перечислительного ряда, слова, относящиеся к различным разрядам бытовой лексики, оказываются на периферии обширного поля общественно-политической лексики. В отличие от текстов, содержащих императивные субжанры в своей структуре, письма информативного характера, подтверждающие получение присланного, отличаются большей точностью: в таких сообщениях обязательно используются слова раздела «меры веса, объема» в сочетании с количественными числительными. Кроме того, имеются примеры, подтверждающие зависимость выбора лексемы от описываемой ситуации и характера просьбы. Сопоставление единиц бытовой лексики, которые выбирает переводчик в качестве эквивалента, особенно ярко проявляет этнолингвистическую специфику калмыцких деловых писем и их синхронных русских переводов.

Ключевые слова: бытовая лексика, калмыцкие деловые письма XVIII века, русские переводы, продукты, напитки, меры веса, зоонимы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Бытовая лексика в деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов). // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1092–1102. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1092-1102

UDC 811.512.37+811.161.1+81'373+81'255

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1092-1102

Kalmyk Household Vocabulary in 18th-Century Official Texts: A Case Study of Khan Ayuka's Letters and Their Russian Translations

*Galina M. Yarmarkina*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Yarmarkina G. M., 2020

Abstract. Introduction. Being an important stratum of the vocabulary of any language that conveys ethnolinguistic specifics of texts, household vocabulary attracts attention of linguists. Khan Ayuka's letters to Astrakhan Chief Commandant M. I. Chirikov are traditionally referred to as samples of the 18th-century Kalmyk official epistolary genre. The lexical composition of the examined texts is characterized by diversity since the latter contain essentially different types of vocabulary (military terms, titles, anthroponyms, toponyms, etc.). *Goals.* The article seeks to analyze the functioning of household vocabulary in Khan Ayuka's letters in comparison to synchronic Russian translations. The 18th-century sources comprise historical/lexicological materials and provide an opportunity to clarify if there is a correspondence between the use of household vocabulary — and genre/stylistic and substantial features traced in source and translated texts. *Methods and Materials.* The paper investigates Khan Ayuka's letters dated to 1714 and simultaneous Russian translations stored at the National Archive of Kalmykia. The research primarily employs contextual analysis and the descriptive, comparative methods. The involved texts were transliterated, adapted (from Old to Modern Kalmyk), and translated (literally) into Russian by D. B. Gedeeva. *Results.* The analysis reveals peculiarities that characterize a particular fragment within early 18th-century Kalmyk and Russian vocabularies. So, the source texts contain not only common Mongolic lexemes but also Russian loanwords. There is a correspondence between the use of household vocabulary and the implied intentions: household

vocabulary is used to articulate the request / demand to deliver a certain part of the annual salary which was not limited to money. Thus, acting as enumerative elements, household vocabulary units emerge in a periphery of the vast sociopolitical lexicon. Unlike texts with imperative subgenres, informative letters confirming receipt of the submitted objects are more precise: such messages routinely use words that denote measures of weight or volume paired with cardinal numerals. Besides, there are examples confirming a dependence between a token used — and the described situation and essence of the request. Our comparison of household vocabulary units chosen by translators as equivalents explicitly delineates the ethnolinguistic specifics inherent to Kalmyk official letters and their synchronous Russian translations.

Keywords: household vocabulary, 18th-century Kalmyk official letters, Russian translations, products, drinks, measures of weight, zoonyms

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Yarmarkina G. M. Kalmyk Household Vocabulary in 18th-Century Official Texts: A Case Study of Khan Ayuka’s Letters and Their Russian Translations. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1092–1102. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1092-1102

Введение

Бытовая лексика составляет важный пласт словарного состава любого языка. В монографических исследованиях, посвященных бытовой лексике и выполненным на материале различных языков и диалектов, имеется довольно подробная классификация бытовой лексики. В поле зрения лингвистов оказываются названия одежды, головных уборов, обуви, украшений, наименования жилищ и хозяйственных построек, орудий труда, домашней утвари, названия сбруи и упряжи, сортов кожи и изделий из шерсти, термины родства, названия пищи, зоонимическая лексика, терминология народных обрядов, названия растений и др. [Абдуллаева 2013; Бальжинимаева 2017б; Лукина 1990; Мазарчук 2017а; Мазарчук 2017б; Монраев 2014; Насипов 2009; Рассадин 2017; Хайрутдинова 2000; и др.].

Бытовая лексика не случайно избирается в качестве предмета лингвистических изысканий. Этнолингвистический потенциал этого пласта лексики подчеркивается Т. Х. Хайрутдиновой: «Исследование бытовой лексики позволяет не только выявить лексико-семантические особенности, характер функционирования данного разряда лексики, но и познакомиться с материальной культурой народа, с его настоящим и

историческим прошлым» [Хайрутдинова 2000: 3]. Вместе с тем в работах лингвистов высказывается мнение о недостаточной изученности бытовой лексики, в частности некоторых разделов бытовой лексики монгольских языков [Бальжинимаева 2017а; Мазарчук 2017а].

Памятники деловой письменности, несмотря на специфику экстралингвистических факторов, влияющих на создание делового текста, содержат материал для изучения функционирования бытовой лексики в диахронии. Бытовая лексика в деловых текстах XV–XVIII вв. становилась предметом исследования в русистике [Болонина 1979; Мандебура 1990]. Функционирование бытовой лексики, в частности названий домашних животных, в калмыцких деловых текстах XVII–XIX в. рассмотрено Д. Б. Гедеевой [Гедеева 2019].

Письма хана Аюки, адресованные астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову, традиционно относят к образцам деловых эпистолярных текстов калмыцкого языка XVIII в. [Сусеева 2003]. Лексический состав рассматриваемых деловых текстов характеризуется разнообразием, наряду с другими группами лексики (военная лексика, наименования титулов, антропонимы, топонимы и др.) в эпистолярных текстах используется и бытовая лексика. Целью настоящей ста-

тъи является анализ функционирования бытовой лексики в письмах хана Аюки в сравнении с синхроническим русским переводом писем. Работа с источниками XVIII в. позволяет выявить материалы для исторической лексикологии, уточнить, имеется ли зависимость использования бытовой лексики от жанрово-стилистических и содержательных особенностей оригинального и переводного текста.

Методы и материалы

Источником материала для статьи послужили письма калмыцкого хана Аюки за 1714 г. и русские синхронные переводы этих писем (все переводы также относятся к 1714 г.), хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2]. Основными методами исследования являются описательный, метод контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительный метод. Транслитерация, переложение на современную калмыцкую графику и буквальный (диахронический) перевод оригинальных текстов на русский язык, использованных в статье, выполнены Д. Б. Гедеевой.

Бытовая лексика в анализируемом материале представлена единицами, относящимися к нескольким тематическим группам (разделам): «продукты» (напитки, овощи, ягоды и фрукты), «емкости», «меры веса», «названия домашних животных», «корм» (для лошадей), «средства передвижения».

Лексика тематической группы «продукты»

Причиной регулярного использования лексики раздела «продукты / продовольствие» в деловых письмах являются особенности калмыцко-русских общественно-политических отношений. Продукты были частью ежегодного государева жалования, о котором адресант нередко напоминает в письмах, прежде чем оформить просьбу / требование прислать определенную часть жалования. В связи с этим бытовая лексика встречается в письмах калмыцкого хана именно в перечне того, что необходимо было прислать.

Рассмотрим лексемы, которые могут выступать в качестве гиперонимов: *künesüyini* и *ide:n*. Лексема *künesüyini* / *күнесүйини* — ‘про-

дукты»¹ встречается в письмах с просьбой обеспечить продуктами конкретных людей: а) *bürüs ekilen dara:kon ende uda:n bayinai künesüyini öqçi ilgeqtün*² / *Борис эклен дарагон энд удан бээнэ. Күнесинь өгч илгэнт.* / ‘Борис с драгунами здесь долго находятся. Пришлите продукты на них’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 74об.]; б) *ula: künesüi-ni öqçi. nige sayin talmaš neyilöölji ötör yabuul* / *Ула күнесинь өгч, нег сэн талми нишлүлж өтр йовул* / ‘Срочно пошли с ним хорошего переводчика, снабдив почтовыми лошадьми и продуктами’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 163об.].

В русских переводах XVIII в. слово *künesüyini* имеет соответствие *корм* ‘продовольственное содержание, довольствие’ [Словарь 1984–1991]: а) *Борис Кереитов с драгуны у нас жить долга будетъ. Пожалуй пришли к ним корму.* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76]; б) *Послал я к Великому Государю посыльца своего с листом и чтобы того посыльца моего отпустить без задержания дав ему кормъ и подводы и доброго толмача.* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 164].

Лексема *ide:n* / *идэн*³ ‘пища, еда, кушанье; продовольствие’ [КРС 1977: 263] в

¹ В «Этимологическом словаре монгольских языков» толкуется как ‘продовольствие, харчи’: «KÜNESÜN [*küne-sün] халх. *хүнс(эн)*, бур. *хүнэһэн*, калм. *күмси*, даг. *хунсу* ‘продовольствие, харчи’. ◇ Вряд ли это слово связано с тюрк.: кирг. *кун* ‘день; солнце...’ (ср. 1, 246). ◇ → Маньчж. *kunesun* ‘сухой запас’» [Санжеев, Орловская, Шевернина 2016: 149].

² В транслитерации использованы следующие знаки: внутри слова — двоеточие для передачи знака долготы; между словами — знаки в виде одной, двух, четырех точек, которые передавали знаки препинания в калмыцком вертикальном письме. Одна и две точки разграничивали предложения или отдельных части предложений, т. е. выполняли функции современных точки и запятой. Четыре точки, как правило, ставились в конце большого абзаца или текста. Принцип расстановки знаков препинания в старописьменных текстах остается неизученным.

³ IDEGEN (*ide1-gen*) халх. *идээ*, бур. *эдеэн*, калм. *идэн*, даг. *идэ*, мнгр. *идеше* ‘пища, кушанье; ядро плода, зерно; гной; халх. дубитель, дубильное вещество’ [Санжеев, Орловская, Шевернина 2016: 98].

текстах писем входит в перечислительный ряд требуемых вещей: 1) *jil bolγun ögügeq dari xoryoljin mönggün saγa:n šoroi kükür araki tömör ide:n.. xazani bayar-tu ilgeqsen bičiq-ten.. ireqsen bolxuna mandu ögüqtün.* / Жил болһн өгдг дар, хорһлжн, мөңгн цаһан шора, күкр, эрк, төмр, идән Хазна баярт илгәсн бичгтн ирсн болхла манд өгтн / 'Если уже пришел ответ на Ваше письмо Казанскому боярину, то пришлите ежегодно выдаваемое нам порох, свинец, серебряный (?), селитру, серу, водку, железо, продукты' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 8об.]. Ср. русский перевод: *по вся году дается мне Великого Государя денежное жалование сполна порох и свинец и селитру и серу горячую и железа вина и чихирю и муки и всякого овощу* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 9].

Сопоставление с синхронными переводами показывает, что лексеме *ide:n* / *идән* в русских текстах соответствует не обобщенное «продукты, продовольствие», а наименование более конкретного продукта — муки: *jil bolγun ögüdeq dari xoryolji mönggün araki ide:n saγa:n šoroi kükür tömör xabur ögüye geqči zoun šedbür ide:teyige:n küce:ji ötör ögüqtün..* / Жил болһн өгдг дар, хорһлжн, мөңгн, эрк, идән, цаһан шора, күкр, хавр өгйә гигч зун шедвр идәтәһән күцәж өтр өгтн / 'Срочно пришлите ежегодно выдаваемые нам порох, свинец, деньги, вино, продукты, селитру, серу и до конца четверть продуктов, обещанные дать весной' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 131об.]. Ср. русский перевод XVIII в.: *Даетца мне по вся годы Великого Государя денежное жалование порох и свинец и селитра и сера и железа и вина, да хотели весною прислать ко мне сто четвертей муки и то прикажи прислать немедленно* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 132].

Среди съестных припасов, о необходимости которых говорится в письмах, упоминаются сухари — *suxa:ri* / *сухарь* — и капуста — *xabusta* / *хавст*: *dabusulaqsan xabusu-tu.. saγa:n suxa:ri olji ögüyite.. ali yeke bolxo:rni* / Давслсн хавст, цаһан сухарь олж өгит. Аль ик болхарнь. / 'Найдите и пришлите, пожалуйста, засоленую капусту и белые сухари. Как можно больше' [НА РК.

Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 135об.]⁴.

Слово *xabusta* / *хавст* (капуста) — единственная лексема из раздела «овощи», встречающаяся в письмах. Наименования каких-либо других овощей в анализируемом материале не упоминаются. Гипероним «овощи» встречается только в русских переводах в сочетании «и всякого овощу».

Раздел «фрукты и ягоды» представлен четырьмя лексемами: *tarbus* / *тарвс* 'арбуз', *γui* / *ху* 'дыня', *aliman* / *альмн* 'яблоко', *kerdme* / *кердм*⁵ 'груша'. Все наименования использованы в формулировке просьбы: *tarbus γui aliman kerdme ali yeke bolxo:rni ongyocodu ke:d öqči ilgeqtün..* / Тарвс, ху, альмн кердм аль ик болхарньт оңһид кеһад өгч илгәтн / 'Погрузите в лодку и пришлите как можно больше арбузов, дынь, яблок, груш' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 158об.]. Порядок перечисления сохраняется и в переводе письма: *Пожалуй пришли ко мне арбузов, дынь, яблок, груш и всякого овощу довольно без мешкания* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 198].

В текстах писем хана Аюки, содержащих перечень необходимых вещей и продуктов, встречаются наименования спиртных напитков: *araki* / *эрк*⁶ и *em araki* / *эм эрк*. Лексеме *araki* / *эрк* 'вино, водка' в рассмотренных в рамках данной статьи русских переводах XVIII в. соответствует номинация *вино* (примеры см. выше) или *простое вино*.

Наименование *em araki* / *эм эрк* буквально переводится как «лечебное вино»: *tani ilgeqsen elči youmai tani burin asaraji öqbö.. γučin bud dari γučin bud xoryoljin.. tabun bud tömör nige bud saγa:n šoroi.. nige bud xorš.. zarim bud kükür nige köküür araki nige köküür em araki zarim bud tamaki.. tabun bud tömüriyin xoyoriyini aba bida.. yurbayini xariulji öqbö bida cakir ge:d* / Тана илгәсн элч юмитн бүрн асрәж өгв. Хучн буд дар, хучн буд хорһлжн, тавн буд төмр, нег буд цаһан шора, нег буд хорш, зәрм буд күкр, нег көкүр эрк, нег көкүр эм эрк, зәрм буд тәмк, тавн буд төмрин хойринь

⁴ Синхронического русского перевода письма в архивном деле нет.

⁵ Ср. совр. калм. *кедмн* 'груша' [КРС 1977: 288].

⁶ ARAKI [*araqī: (*ara-qī)] халх., бур. *архи*, калм. *эрк*, даг. *ариги* (*ариг*) 'вино, водка' [Санжеев, Орловская, Шевернина 2015: 52].

аввидн, хурвинь хэрүлж өгввидн цэкр гинэд / 'Присланный Вами посыльный вручил все ваше в целости. Тридцать пудов пороха, тридцать пудов свинца, пять пудов железа, один пуд селитры, один пуд хорш⁷, полпуда серы, одну бутылку вина, одну бутылку лекарственного вина, полпуда табака' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 201].

Синхронный русский перевод содержит наименование «двойное вино» в качестве соответствия калмыцкому *et araki* / *эм арк*: <...> *Еще принято у него пуд селитры, пуд укладу, полпуда серы горючей, боченок вина простого, да боченок же вина двойного, полпуда табаку* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 221]. Двойным вином называли хлебное вино, которое получалось в результате перегонки простого вина и имело более высокое качество.

Русские переводы писем хана Аюки содержат еще одну единицу тематической группы предметно-бытовой лексики «напитки», отсутствующую в оригинале, — *чихирь*: <...> *вина и чихирю и муки и всякого овощу* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 9].

Чихирь — кавказское красное неперебродившее вино или, по уточнению в словаре В. И. Даля, «виноградное сусло, еще не перебродившее» [Даль 1995: 609]. Номинация заимствована из тюркских языков [Фасмер 1987: 368; Шипова 1976: 395], используется в русском языке до настоящего времени.

Лексема *tamaki* / *тэмк*⁸ 'табак', встречающаяся в материале, относится к числу активных единиц бытовой лексики калмыцкого языка XVIII в. Табак, известный калмыкам еще с XVI в., широко использовался в быту, выполняя различные функции, в том числе и символические [Шараева 2019]. В деловых письмах сообщается о получении табака вместе со стратегически важными боеприпасами и продовольствием.

Лексика тематической группы «емкости» и «меры веса»

Сопоставление лексики оригинальных и переводных текстов, слов, избранных для обозначения конкретного предмета, спо-

собствует выявлению этнолингвистической специфики письменных памятников. На наш взгляд, в выборе наименований, являющихся предпочтительными для представителей разных этноязыковых общностей, особым образом преломляется не только вещный мир калмыков и русских, но и общая ситуация межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Так, в анализируемых текстах обращает на себя внимание бытовая лексика раздела «емкости». Функционирование в деловых текстах наименований различных емкостей закономерно: эти предметы необходимы для учета, хранения и транспортировки провизии и напитков. В калмыцких текстах встретилось два наименования, относящихся к разделу «емкости»: *köküür* / *көкүр* 'бурдюк' и *suulha* / *суулh* 'ведро' и соответствующие им в русских переводах наименования *бочонок* и *кадушка*.

Хорошо известно, что в обиходе кочевых народов широкое распространение имели изделия из кожи, в том числе и разнообразные кожаные емкости. Как пишет У. Э. Эрдниев, «хрупкие стеклянные и глиняные сосуды не годились для кухни кочевников. Они изготовлялись из кожи, дерева, металла» [Эрдниев 1980: 202].

Лексема *köküür* / *көкүр*⁹ в лексикографических изданиях приводится со значением 'бурдюк' [КРС 1977: 313], 'кожаный бурдюк, мешок' [Санжеев, Орловская, Шевернина 2016: 138].

Б. Д. Бальжинимаева, анализируя бытовую лексику монгольских языков, уточняет назначение и способ изготовления емкости: «Бурдюки для кумыса (ср. х.-монг. *хөхүүр*; бур. *хүхүүр*; калм. *көкүр*; ойр. *синьцз. көкүүр*) шились из копченых шкур лошадей или рогатого скота» [Бальжинимаева 2017а: 113].

Наименование *köküür* / *көкүр* и лексема, использованная в переводе, — *бочонок* — даже при наличии общей семы 'емкость для жидкости' далеки от полной эквивалентности, и в качестве основного отличительного свойства разных предметов выступает именно материал, из которого изготовлен предмет, — кожа или дерево. В языковом

⁷ Хорш — сталь, которая использовалась для изготовления клинков, лезвий.

⁸ ТАМАКИ халх. *тамхи(н)*, бур. *тамхин*, калм. *тэмк* 'табак' [Санжеев, Орловская, Шевернина 2018: 151].

⁹ KÖKÜÜR [*kökü-gür?] Халх. *хөхүүр*, бур. *хүхүүр*, калм. *көкүр* 'кожаный бурдюк, мешок' [Санжеев, Орловская, Шевернина 2016: 138].

материале отражаются бытовые реалии: автор письма и автор перевода предпочитают устойчивые исконные наименования заимствованным, вероятно, потому, что и активного заимствования предметов, используемых для хранения и перевозки вина, тоже не наблюдается. Выбранное в качестве эквивалента в диахроническом переводе слово *бутыль* также обнаруживает довольно заметное в плане содержания отличие от лексемы *бочонок*: речь идет не только о материале, из которого сделан предмет, но и о так называемых «винных мерах». Так, в «Словаре русского языка XVIII в.» приводится несколько значений лексемы *бутыль*, в том числе и следующее: «Мера жидкости, равная 0.6 л.» [Словарь 1984–1991].

В качестве наименования емкости для нарезанной / соленой капусты в тексте-оригинале используется лексема *suulʸa* / *суулх* ‘ведро’: *nige suulʸa kerčiqsen xabus-ta ögüqtün.* / *Нег суулх керчсн хавст өгтн* / ‘Пришлите ведро капусты’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 161]. Особенности реалий быта разных народов можно объяснить использование в переводе слова *кадушечка* (кадушки в быту русских традиционно использовались для приготовления солений): <...> *да пожалуй пришли ко мне кадушечку капусты красной белой соленой* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 162]. Уменьшительный суффикс в данном контексте можно рассматривать в качестве указания на небольшой объем емкости.

Слова, обозначающие меры веса, — *bud* / *буд* ‘пуд’¹⁰, *зэрм буд* / *зэрм буд* ‘полпуда’ — в письмах используются в определенном контексте — в сообщении о получении присланных вещей и их количестве. В посланиях же, содержащих просьбу что-либо прислать, необходимые продукты, боеприпасы или корм для лошадей (в следующем примере *sulʸi* / *суль*¹¹ ‘овес’) называются, как правило, без указания их количества — точного веса или объема: *mandu sulʸi yeke kereqtei ali oldoxo:rni ögüqtün. ögüqči sulʸi:n serkes de:re tabıqtun. to:giyini mani elči batudu küüneqtün.* / *Манд суль ук кергтә, аль ол-дхарнь өгтн. Өггч сулян Серкес деер тәвтн.*

¹⁰ 1 пуд — 16,38 кг.

¹¹ SULI халх. *суль* ‘степной ковыль’; калм. *суль*, *сүл* ‘овёс’. ◇ → кирг. *сулуу* ‘овёс’ [Санжеев, Орловская, Шевернина 2018: 131].

Тоогинь мана элч Батд куунтн (келтн) / ‘Нам очень нужен овес, если где найдете, пришлите. Посылаемый овес оставьте в Серкесе. О количестве сообщите нашему посыльному Бату’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 161об.].

Эта особенность сохраняется и в русских переводах писем: *Пришли ко мне овса на Красной Яр немалое число и вели отдать Иши Замсе, а мне в том есть нужда, а сколько будет прислано того овса на Красной Яр о том уведомяте ко мне с посланником моим Бату <...>* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 162].

Лексика тематической группы «средства передвижения»

Разряд бытовой лексики «средства передвижения» представлен лексемой *ongyoso:r* / *оңцар* ‘лодка’. Об использовании лодок калмыками У. Э. Эрдниев пишет следующее: «Для передвижения по Волге, по ее притокам и рукавам, а также по Каспийскому морю и его заливам у калмыков не было самобытных, оригинальных плавучих средств. По-видимому, они пользовались дощатыми лодками, плотами из 5–6 бревен, и паромами, которые встречались у местного русского и татарского населения» [Эрдниев 1980: 173].

Лодка упоминается в письмах хана Аюки неоднократно, поскольку водным путем необходимо было отправлять посильных, товары; водный путь в некоторых случаях выбирался как более безопасный: *ene elči-yi mini ongyoso:r ötör yabuul.* / *Эн элчим оңцар өтр йовул.* / ‘Его срочно переправь на лодке’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 84об.].

Лексеме *ongyoso:r* / *оңцар* в русских переводах XVIII в. соответствует номинация *судно*: *И тех посыльщиков наших прикажи отпустить в судах через трукмень* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 85].

Соответствие калм. *ongyoso:r* / *оңцар* и русс. *судно* в анализируемом материале фиксируется регулярно: *ene elečitei aji-nari ötör ongyosö:r yabuuluqtun.: / Эн элчтә Аҗинариг өтр оңһцар йовултн* / ‘Аджинар с посыльным срочно отправьте лодкой’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 127об.]. Ср. синхронный русский перевод: *А придумал я послать водяным путем, а степью страшно*

от неприятельских людей, и от них моих посыльщиков прикажи и с Аджи(т)ем на судне отправить [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 128].

В некоторых случаях русский переводной текст не содержит упоминаний о средствах передвижения по воде: *yedeger xandu ilgekü öboröi mini xudladu öüni ötör ca:ra onğyoso-du oroulji yabuuluqtun na:siyigi nige nöködtöi..* / Едгер ханд илгэх эврэ мини худлдыг өтр цар оңһд орулж йовултн Наасиг нег нөкдтэ. / ‘Мой товар, отправляемый Едгер хану срочно отправьте на лодке. Насу (Неяза) с товарищем’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 89об.]. Ср. русский перевод: *Послал я от себя товара своего в Хиву продавать. Прикажи их отпустить немедленно* <...> [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 93].

Лексика тематической группы «названия домашних животных»

Названия домашних животных нередки в памятниках калмыцкого делового письма. Имеются зоонимы и в деловых письмах хана Аюки. Однако если в калмыцких законодательных письменных памятниках встречаются наименования всех четырех видов скота [Гедеева 2019], то эпистолярные деловые тексты, рассмотренные в рамках статьи, отражают функционирование лексем *morin* / мөрн ‘лошадь, конь’ и *adoun* / адун ‘табун’.

В описании ситуаций, требующих разрешения с применением законодательства, указывается точное количество лошадей — лексема *morin* / мөрн используется с количественным числительным: <...> *töüni tölö: teriyin mangyuda:sa yurban küü bariji bayiji zurga:n mingyan tengge yurban mori abči töüni öküül..* / Түүнэ төлэ терин маңһдас һурвн кү бэрж бээж зурһан миңһн теңг, һурвн мөр авч, түүг өгүл / ‘По этой причине задержав три человека из терских татар, забрав у них шесть тысяч тенге, три лошади пошли нам’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 64]. Точность информации сохраняется и в синхронном переводе: <...> *и за него терских татар трое человек поймали, а с ними взяли шестдесят рублей да три лошади, и те денги и лошади прикажи отдать, а о том изволь рассудить* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 65].

В контекстах, имеющих информативный характер, количественные данные не уточняются: *mešküü-dü adou tounai bida* / Мешкүд аду туунавидн / ‘В Москву погоним табун’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 140об.]¹².

Выводы

Анализ функционирования бытовой лексики в текстах памятников деловой письменности обнаруживает особенности, характеризующие определенный фрагмент словарного состава калмыцкого и русского языков начала XVIII в. В оригинальных текстах используются не только лексемы, относящиеся к пласту общемонгольской лексики (например, *ide:n* / идэн, *köküür* / көкүр, *suulya* / суулһ), но и слова, заимствованные из русского языка (*suxa:ri* / сухарь, *xabusta* / хавст, *bud* / буд).

Отмечается зависимость употребления бытовой лексики от реализуемой в письме интенции: бытовая лексика содержится в просьбе / требовании прислать определенную часть ежегодного жалования, которое не ограничивалось деньгами. Выступая элементами перечислительного ряда, слова, относящиеся к различным разрядам бытовой лексики, оказываются на периферии обширного поля общественно-политической лексики. В отличие от текстов, содержащих императивные субжанры в своей структуре, письма информативного характера, подтверждающие получение присланного, отличаются большей точностью: в таких сообщениях обязательно используются слова раздела «меры веса, объема» в сочетании с количественными числительными. Кроме того, имеются примеры, подтверждающие зависимость выбора лексемы от описываемой ситуации и характера просьбы (*künesüyini* / күнсинь и *ide:n* / идэн). Сопоставление единиц бытовой лексики, которые выбирает переводчик в качестве эквивалента, особенно ярко проявляет этнолингвистическую специфику калмыцких деловых писем и их синхронных русских переводов.

¹² Синхронического русского перевода письма в архивном деле нет.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia. (In Kalm. and Russ.)

Литература

- Абдуллаева 2013 — *Абдуллаева Э. С.-Б.* Бытовая лексика кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2013. 22 с.
- Бальжинимаева 2017а — *Бальжинимаева Б. Д.* Названия тары и емкостей из кожи в монгольских языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 110–116. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-110-116
- Бальжинимаева 2017б — *Бальжинимаева Б. Д.* Общемонгольская лексика выделки кож и шкур в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (122). С. 110–115.
- Болонина 1979 — *Болонина Э. Н.* Бытовая лексика в памятниках русской деловой письменности XV–XVI веков: наименования напитков, продуктов питания животного и молочного происхождения и пищи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1979. 23 с.
- Гедеева 2019 — *Гедеева Д. Б.* О лексико-семантической группе названий домашних животных в языке калмыцких законодательных памятников (XVII–XIX вв.) // Oriental Studies. 2019. № 2. С. 298–306. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-298-306
- Даль 1995 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: Р–V. М.: ТЕРРА, 1995. 668 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь /под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лукина 1990 — *Лукина Г. Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М.: Наука, 1990. 180 с.
- Мазарчук 2017а — *Мазарчук А. В.* Общемонгольская лексика раздела «Одежда и обувь» в халхаском, бурятском, калмыцком языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 180–189. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-180-189
- Мазарчук 2017б — *Мазарчук А. В.* Общемонгольская лексика раздела «Головные уборы и украшения» в халхаском, бурятском, калмыцком языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

2017. № 6. С. 94–102. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-94-102
- Мандебура 1990 — *Мандебура Н. И.* Лексика домашнего обихода в русской письменности XVII века: наименования убранств жилых помещений, мебели, средств освещения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. 21 с.
- Монраев 2014 — *Монраев М. У.* Названия кожи и кожаных изделий в калмыцком языке (этнолингвистический аспект) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 118–122.
- Насипов 2009 — *Насипов И. С.* Финно-угорские заимствования в бытовой лексике татарского языка // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 3. С. 190–198.
- Рассадин 2017 — *Рассадин В. И.* Общемонгольская лексика по разделу интерьер, домашняя утварь и посуда в халхаском, бурятском и калмыцком языках // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 33 (1). С. 97–101.
- Санжеев, Орловская, Шевернина 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. I: А–Е / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Санжеев, Орловская, Шевернина 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. II: Г–Р / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- Санжеев, Орловская, Шевернина 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. III: Q–Z / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- Словарь 1984–1991 — Словарь русского языка XVIII в. [электронный ресурс] / гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, ЛО, 1984–1991. URL: [https://1477.slovaronline.com/4448-бутыль,_бутыля,_бутыла_\(дата_обращения:_25.04.2020\).](https://1477.slovaronline.com/4448-бутыль,_бутыля,_бутыла_(дата_обращения:_25.04.2020).)
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724

- гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Фасмер 1987 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4: Т – Ящур. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
- Хайрутдинова 2000 — Хайрутдинова Т. Х. Бытовая лексика татарского языка. Казань: Фикер, 2000. 128 с.
- Шараева 2019 — Шараева Т. И. «Моя бабушка курит трубку...» // Монголоведение. 2019. № 3. С. 479–507. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507
- Шипова 1976 — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. 444 с.
- Эрдниева 1980 — Эрдниева У. Э. Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 284 с.
- Abdullaeva E. S.-B. Kumyk Household Vocabulary. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Makhachkala, 2013. 22 p. (In Russ.)
- Balzhinimaeva B. D. Mongolian vocabulary for tanning of hides and skins in Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017. No. 9 (122). Pp. 110–115. (In Russ.)
- Balzhinimaeva B. D. Names of leather packages and containers in the Mongolic languages. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 3. Pp. 110–116. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-110-116
- Bolonina E. N. Household Vocabulary in 15th–16th-Century Official Russian Texts: Names of Beverages, Animal Derived Materials, and Milk Products. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Kiev, 1979. 23 p. (In Russ.)
- Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 4: P–V. Moscow: TERRA, 1995. 668 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 284 p. (In Russ.)
- Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 4: Т – Ящур. Moscow: Progress, 1987. 864 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Revisiting a lexical-semantic group of names of livestock species in Kalmyk legislative monuments: 17th to 19th centuries. *Oriental Studies*. 2019. No. 2. Pp. 298–306. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-298-306
- Khayrutdinova T. Kh. Tatar Household Vocabulary. Kazan: Fiker, 2000. 128 p. (In Tat.)
- Lukina G. N. Household Thematic Vocabulary of Old Russian. Moscow: Nauka, 1990. 180 p. (In Russ.)
- Mandebura N. I. Household Vocabulary in 17th-Century Russian Written Narratives: Names of House Trappings, Furniture and Lighting Items. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Kiev, 1990. 21 p. (In Russ.)
- Mazarchuk A. V. Common lexis for headgears and adornments in Khalkha, Buryat, and Kalmyk. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 6. Pp. 94–102. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-94-102
- Mazarchuk A. V. The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages: common clothes and footwear denoting lexis. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 5. Pp. 180–189. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-180-189
- Monraev M. U. The names of leather and leather products in the Kalmyk language (ethnolinguistic aspect). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 3. Pp. 118–122. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nasipov I. S. Tatar household vocabulary: Finno-Ugric loanwords. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2009. Vol. 151. No. 3. Pp. 190–198. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Common Mongolic vocabulary concerning the inside of buildings, furniture and cooking utensils in the Khalkha Mongolian, the Buryat and the Kalmyk languages. *Bulletin of Kalmyk University*. 2017. No. 33 (1). Pp. 97–101. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. I: A–E. G. Sanzheev, L. Kontsevich, V. Rassadin, Ya. Leman (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong. and Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. II: G–P. G. Sanzheev, L. Kontsevich, V. Rassadin, Ya. Leman (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong. and Russ.)

- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. III: Q–Z. G. Sanzheev, L. Kontsevich, V. Rassadin, Ya. Leman (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong. and Russ.)
- Sharaeva T. I. ‘My grandmother smokes a pipe...’. *Mongolian Studies*. 2019. No. 3. Pp. 479–507. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507
- Shipova E. N. Turkic Loanwords in Russian: A Dictionary. Alma-Ata: Nauka, 1976. 444 p. (In Russ.)
- Sorokin Yu. S. (ed.) A Dictionary of the 18th-Century Russian Language. USSR Academy of Sciences, Russian Language Institute. Leningrad: Nauka, 1984–1991. Available at: https://1477.slovaronline.com/4448-butyl'_butylya_butyla (accessed: April 25, 2020). (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 1103–1120, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1103-1120
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1103-1120

Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар»

Нина Михайловна Мулаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0001-8395-849X. E-mail: mulaevanm@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Мулаева Н. М., 2020

Аннотация. *Введение.* В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению национально-культурной специфики функционирования и семантики эмотивной лексики. В калмыцком языке эмотивная лексика не была объектом специального изучения. *Цель работы:* выявить и классифицировать лексико-семантические группы эмотивных глаголов в текстах эпоса «Джангар» и проанализировать функционирование глаголов, которые называют «базовые» эмоции: радость (*жирхх* 'быть счастливым, блаженствовать', *байрхх* 'радоваться'), страх (*эхх* 'бояться, пугаться, страшиться, опасаться', *ичх* 'стыдиться') и глагол внешнего (физического) проявления эмоций (*инэх* 'смеяться'). *Материалом исследования* являются эмотивные глаголы, зафиксированные в 28 текстах разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джангар», объединенных в репертуарные циклы или представленных отдельными песнями. *Результаты.* В ходе исследования выяснено, что эмотивные глаголы эпоса можно разделить на шесть лексико-семантических групп (ЛСГ); в частотном отношении ЛСГ «глаголы отрицательных эмоциональных состояний» преобладает над ЛСГ «глаголы положительных эмоциональных состояний». В ЛСГ «глаголы положительных эмоциональных состояний», представленном двумя глаголами, доминирует глагол *жирхх*, который в иллюстративных примерах чаще всего отражает состояние наивысшего счастья, заключающееся в мире, спокойствии и благополучии страны Бумбы в целом; глагол *байрхх* употребляется для называния кратковременного эмоционального состояния радости конкретного персонажа. В ЛСГ «глаголы отрицательных эмоциональных состояний» по частотности преобладает глагол *эхх*; выявлено, что эмоция страха возникает по следующим причинам: страх невыполнения приказа *богдо*; страх нарушения клятвы; страх опозорить имя. Отмечены единичные случаи употребления глаголов, называющих эмоции печали (*энлх*), стеснения (*эмэх*), досады (*хундх*). В текстах эпоса отсутствуют эмотивные глаголы, которые относятся к семантическим группам: глаголы увлечения, глаголы любви и ненависти, глаголы преклонения и самоуничтожения.

Ключевые слова: эмотивные глаголы, эмоциональное состояние, лексико-семантические группы, калмыцкий язык, эпос «Джангар»

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Мулаева Н. М. Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1103–1120. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1103-1120

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1103-1120

Kalmyk Heroic Epic of *Jangar*: Emotive Verbs

Nina M. Mulaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0001-8395-849X. E-mail: mulaevanm@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Mulaeva N. M., 2020

Abstract. *Introduction.* In modern linguistics much attention is paid to the study of national/cultural features of functioning and semantics of emotive vocabulary. Still, Kalmyk emotive vocabulary has been no subject to any special research. *Goals.* The paper seeks to identify and classify lexical-semantic groups of emotive verbs in texts of the *Jangar* epic, analyze functioning patterns of verbs denoting ‘basic’ emotions, namely: joy (Kalm. *жүрүх* ‘be happy blissful’, *байрүх* ‘rejoice’), fear (*әәх* ‘be afraid, frightened, have a dread of, fear’, *учх* ‘be ashamed, embarrassed’), and one verb of external (physical) manifestation of emotions (*унәх* ‘laugh’). *Materials.* The study analyzes emotive verbs traced in 28 *Jangar* texts recorded at different times (occasions) and either included in repertory cycles or once recited as separate songs. *Results.* The study reveals emotive verbs of the epic can be divided into six lexical and semantic groups. So, ‘verbs of negative emotional states’ are more frequently used than ‘verbs of positive emotional states’. The latter are represented by two verbs, the verb *жүрүх* definitely dominates throughout narratives examined, reflecting the state of utmost happiness that consists in peace, tranquility and well-being of the blessed Bumba in general; the verb *байрүх* is used to denote the short-term emotional state of joy of a particular character. As for ‘verbs of negative emotional states’, the verb *әәх* prevails in frequency. And it is revealed that the emotion of fear may occur for a number of reasons as follows: fear of failure to execute an order of the *Bogdo*; fear of breaking an oath; fear of name shaming. The paper observes only scarce cases of the use of verbs naming emotions of sadness (*әнүх*), embarrassment (*әмәх*), and vexation (*һундх*). The analyzed epic texts contain no emotive verbs that belong to semantic groups of fascination, love and hatred, worship or self-abasement.

Keywords: emotive verbs, emotional state, lexical and semantic groups, Kalmyk language, Epic of *Jangar*

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Mulaeva N. M. Kalmyk Heroic Epic of *Jangar*: Emotive Verbs. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1103–1120. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1103-1120

Введение

Как известно, различия в системе лексики языков мира зачастую определяются различиями в картине мира народов, которые говорят на данных языках. Изучение эмотивной лексики позволяет выявить национально-культурные характеристики определенного народа, которые так или иначе отражаются в коммуникативном поведении его представителей.

По мнению Л. Г. Бабенко, наибольшую роль в передаче эмоций играют глаголы, затем существительные и прилагательные, девяносто процентов эмотивной лексики составляют эти три класса слов. К лексическим средствам выражения эмоций относятся и эмотивные наречия, около десяти процентов эмотивной лексики составляют другие части речи, среди которых преобладают эмотивные междометия и частицы [Бабенко 1988: 155].

Актуальность исследования заключается в том, что эмотивная лексика в калмыцком языке практически не изучена. Цель исследования: выявить и классифицировать лексико-семантические группы эмотивных глаголов эпоса, рассмотреть функционирование некоторых эмотивных глаголов подробно.

Материалом для анализа являются эмотивные глаголы, зафиксированные в 28 текстах разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джангар», объединенных в репертуарные циклы или представленных отдельными песнями¹.

Эмотивные глаголы в эпосе «Джангар»

В зависимости от того, какие положительные или отрицательные эмоциональные состояния называют эмотивные глаголы, представленные в текстах эпоса, мы разделили их на шесть лексико-семантических групп (ЛСГ). Следует отметить, что в ЛСГ не вошли глаголы, которые передают

эмоциональное состояние животных: *үргх* 'пугаться' (12), *жигих перен.* 'пугаться' (2), *сурдх* 'пугаться' (1), *өврх* 'недоумевать' (1)².

1. ЛСГ «глаголы положительных эмоциональных состояний» (43)³

К ЛСГ «глаголы положительных эмоциональных состояний» причисляют глаголы, с общим значением «испытывать положительное эмоциональное состояние». К положительным эмоциональным состояниям относят радость, гордость, удовлетворение, счастье, блаженство, чувство безопасности и др. [Довгаль, Шепелева 2015: 50].

Анализ текстов эпоса показал, что ЛСГ представлена двумя глаголами:

- 1) *жирх* 'быть счастливым, блаженствовать' (39)
- 2) *байрх* 'радоваться' (4).

жирх

Глагол *жирх* употребляется только по отношению к персонажам страны Бумбы. В значении 'быть счастливым' этот глагол употребляется в примерах, где нужно отразить, что делает счастливым простолюдина (перестать жить в нищете или взор прекрасной ханши). Во втором значении 'блаженствовать' встречается, как правило, в иллюстративных примерах в начале повествования каждой главы эпоса, чтобы отразить общее эмоциональное состояние наивысшего счастья, покоя и умиротворения, либо в конце, когда подводится итог повествования (обычно для передачи состояния наивысшего блаженства владыки богдо Джангара, богатырей, на пиру после очередной победы над грозным врагом) (см. табл. 1).

² *Эзнаннь сүүдрэс үргн туульж йовна...* 'Тени хозяина пугаясь, брыкается он' [БЦ: I].

Гархлань мөрнь сүрдэд, / Чичрэд бээнэ. 'Когда вышел, конь его был испуган, / Дрожал' [ОБ: I].

Ө хол дэврэд орад ирхнь, / Олн шовун / Оһтрһуд хальн чишкж, / Өврн дахж нисв. 'Когда через лес, что у реки, проскакали они, / Много птиц, / В небо с криком взмывая, / Недоумевая, полетели за ними' [БЦ: I].

³ В скобках указана частотность словоупотреблений эмотивных глаголов в эпосе.

¹ Исследование является продолжением работ, в которых апробируются материалы Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар». См. подробно публикации: [Куканова 2016; Куканова 2018; Мулаева 2015; Мулаева 2017; и др.].

Таблица 1. Примеры употребления глагола *жирх* в эпосе
 [Table 1. Usage examples of the verb *жирх* in epic narrative]

Значение глагола <i>жирх</i>	Иллюстративные примеры из эпоса	Субъект, испытывающий состояние счастья или блаженства	Причины возникновения счастья или блаженства
1) быть счастливым (испытывать счастье)	<i>Тер хожһр көвүн / Арвн хорвн⁴ тергн алтан / Эмгн өвгн хойрт күргв. / Эмгн өвгн хойр / Усч түлэч хойран бэрэд, Жирһэд бээв.</i> ‘Тот плешивый паренек / Тринадцать возов золота своего / Старухе со стариком доставил. / Старуха со стариком / Водноса с истопником [прислугой] взяв, счастливо жить стали’ [МД: II]⁵ <i>Эзн богдын хатн, / Эн Бумблунин жиндмн / Таагснднь — худл уга, / Тавлад хэлэгснь — жирһэдг...</i> ‘Государя богдо хатун / Этих Бумбайских миров сокровище-чиндамани, / В предсказанном-предре-ченном ею нет обмана, / В безмятежном взгляде ее [каждый] счастье обретает’ [МД: II]	старуха со стариком каждый человек	жизнь без нужды безмятежный взгляд ханши Ага-Шавдал
2) блаженствовать (испытывать чувство блаженства, большого счастья) ⁶	<i>Догин Шар Маңһс хааг / Дөрвн мөчднь / Дөрвн аһр зандн һас шаав, / Теглгэж күлв. / Төр шажн хойрнь төвкнв, / Үзсклгтэ сээхн жиндмнин хувлһн, / Зүүдн болгсн богд Жаңһр хан / Үрглгэд һучн һурвн теңгрин жирһлиг / Алдл уга, аль дөрвн цагт / Сээхн жирһв.</i> ‘Свирепому хану Шара-Мангасу / В четыре конечности / Четыре кола из агар-сандала вбили, / Крепко-накрепко связали. / Держава и вера покой обрели, / Прекрасного чиндамани воплощение, / Прекрасный, как сон, богдо хан Джангар, / Тридцати трех тенгриев блаженство / Испытывая, во все четыре времени [года] / В блаженстве стал жить’ [БЦ: II] <i>Дөрдң маңһс дээсэн дарсн болад, / Дүүвр хар арзин сүүр болад, / Дүрклн жирһэд суув.</i> ‘В честь разгрома надменного грозного врага / Пировали за крепкой прозрачной арзой, / Пребывая в покое, блаженствуя сидели’ [ЭО: VII]	владыка богдо Джангар владыка богдо Джангар и шесть тысяч двенадцать богатырей	разгром свирепого врага разгром надменного грозного врага

⁴ *Хорвн* ‘три’ — диал. дерб.; *һурвн* ‘три’ — лит. торг. [Пюрбеев 2015а: 99].

⁵ Перевод текстов эпоса «Джангар» с калмыцкого языка на русский осуществлен авторами публикуемого многотомного «Свода калмыцкого фольклора», выполняемого Калмыцким научным центром РАН (ранее — КИГИ РАН), см. подробно: [Манджиева 2016; Манджиева 2017].

⁶ Для толкования значений эмотивных глаголов были использованы Справочно-информационный портал «Грамота.ру» [Gramota.ru] и Электронный ресурс словарей русского языка, разработанный Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Словари.ру» [Slovari.ru].

Арднь, сээдүдин нэр таргсн цагт, / Шилтэ Зандн Герл хатн / Тавн сара һазрт / Эрэ багтмар бүүр-лгсн алвтыг / Зүс-зүсэрнь тоож, / Хоңһрин герт орулж һарһад, / Бурхн шажнь, нарна герл мет мандлад, / Йиртмэжин төрнь, хад мет, батрад, / Жирһж , дүргж бээдг мөн. ‘Затем, когда кончился пир сайдов, / Ханша Шилтэ Зандан Гэрэл / Подданных своих, / Едва размещавшихся на расстоянии / пятидесячного пути, угощала, / В юрту Хонгора их пригласив, / Вера бурханов, подобно солнцу, засияла, / Правленье мирское, подобно скале, утвердилось. / Блаженствуя , веселясь, они пребывают’ [ЭО: I]	подданные	женитьба богатыря Хонгора

В текстах эпоса глагол *жирһх* в значении ‘блаженствовать’ употребляется в устойчивых формулах, можно заметить, что лексема *теңгр* употребляется только в

тех из них, где субъектом является владыка богдо Джангар, возможно, чтобы обозначить таким образом его небесное происхождение (см. табл. 2).

Таблица 2. Глагол *жирһх* в устойчивых выражениях
[Table 2. The verb *жирһх* in set phrases]

Устойчивая формула	Перевод	Субъект, испытывающий чувство блаженства
урглэжд һучн һурвн теңгрин <i>жирһлэр жирһх</i>	‘всегда, тридцати трех <i>теңгриев</i> блаженством блаженствовать’	владыка богдо Джангар
ахлгч теңгрин <i>жирһлэр жирһх</i>	‘главного из <i>теңгриев</i> блаженством блаженствовать’	
тогтун сээхн <i>жирһлэр жирһх</i>	‘спокойным прекрасным блаженством блаженствуют’	владыка богдо Джангар и шесть тысяч двенадцать богатырей
<i>жирһлин икэр жирһх</i>	‘блаженством высшим блаженствовать’	
<i>дүрклн жирһх</i>	‘пребывая в покое блаженствовать’	
<i>инэлдн жирһх</i>	‘смеясь, блаженствовать’	
<i>жирһх, дүргх</i>	‘блаженствовать, веселиться’	подданные

байрлх

Для называния положительного эмоционального состояния радости в текстах эпоса служит глагол *байрлх* с семей эмо-тивности «испытывать кратковременную

радость», который употребляется всего четыре раза, из них три отмечены в цикле песен из репертуара джангарчи Эляева Овлы и один — в песне Мукебена Басангова (см. табл. 3).

Таблица 3. Примеры употребления глагола *байрлх* в эпосе
[Table 3. Usage examples of the verb *байрлх* in epic narrative]

Значения глагола <i>байрлх</i>	Иллюстративные примеры из эпоса	Субъект, испытывающий чувство радости	Причины возникновения чувства радости
радоваться	«Мана Замбл хан / «Нарн һарх талас / Богд Жаңһр ашина», <i>гилһэд</i> , / Тосулгсн билә гилжәна». / Байрлж , «сән», <i>гилж зәрлг болад</i> , / Арнзл Зеерд деерән дәкн мордв, / Элвг сээхн хурдарнь дүүгэд һарв, / Күрл хар бээшңгд / Шидрдс <i>гилһэд күрэд ирв</i> . ‘Наш хан Замбал сказал: / «Со стороны восхода	владыка богдо Джангар хан	испытывать чувство радости по причине того, что хан, дочь которую хотят засватать Хонгору, настроен благожелательно

	солнца / Едет сюда <i>богдо</i> Джангар». / Нас навстречу [тебе] он послал». / «Хорошо», молвил, обрадовавшись , Джангар. / Снова сел на <i>аранзала</i> Зеерде, / Быстро поскакал. / К темно-бронзовому дворцу / Приблизился он' [ЭО: I]		
	<i>Алдрсн төр шажн хойран / Гар деерэн авсн мет байрлж, / Эзн нойн богднь суудг...</i> 'Утраченные правление и веру, / Словно [вновь] в свои руки взял, радуясь / Владыка богдо-нойон, восседает' [ЭО: II]	владыка богдо Джангар хан	испытывать чувство радости при сосредоточении вновь в своих руках правления и веры
	<i>Алти Шарх деерэн харад, / «Авһин келсн һурвн дэснэс / Гарув!», гижс санн байрлад, / Ар Бумбан нутгиннь сәкүснд зальврад, / Дәкн элвг сәэхн хурдарнь дүүгэд һарв.</i> '[Мингъян] вскочил на Алтан Шаргу, / «Избавился от трех опасностей, о которых дядюшка мой говорил», так подумав, обрадовавшись , / И, помолившись духу-хранителю страны своей Бумбы, / Дальше помчался стремглав' [ЭО: IX]	Мингъян, богатырь владыки богдо Джангар хана	испытывать чувство радости из-за избавления от опасности
	<i>Күмн курч һарч чадшго / Уул санжлмч! гижс санад, байрлад, / Хойр долан миһн цергин ардас харад гүүлгвл.</i> 'Оказывается, никто не может подняться / На эту гору, подумав, [Хонгор] обрадовался / И две недели мчался за войском [врага]' [БМ: V]	Хонгор, богатырь владыки богдо Джангара хана	испытывать чувство радости из-за того, что никто не сможет взобраться на гору, где оставлен враг

2. ЛСГ «глаголы отрицательных эмоциональных состояний» (53)

К ЛСГ относятся глаголы, которые используются для обозначения отрицательных эмоциональных состояний, возникающих при неудовлетворении каких-либо потребностей. К отрицательным эмоци-

ональным состояниям относятся печаль, горе, тревога, боязнь, ужас, гнев, неудовольствие, злоба, разочарование, отвращение, досада, ненависть и др. [Довгаль, Шепелева 2015: 51]. В текстах эпоса выявлено 11 глаголов данной группы, представленных в таблице 4.

Таблица 4. Список глаголов отрицательных эмоциональных состояний
[Table 4. List of verbs denoting negative emotions]

Глагол	Перевод	Частотность
<i>әәх</i>	'бояться, пугаться, страшиться, опасаться'	19
<i>уйдх</i>	'печалиться'	12
<i>уурлх</i>	'гневаться, сердиться, злиться'	7
<i>ичх</i>	'стыдиться'	4
<i>һундх</i>	'обидеться'	4
<i>өөлх</i>	'обидеться'	3
<i>урньх</i>	'сердиться'	3
<i>сүрдх</i>	'пугаться'	1
<i>энлх</i>	'сокрушаться'	1
<i>эмәх</i>	'стесняться'	1
<i>һундх</i>	'досадовать'	1

Эмотивные глаголы *хундх*, *өөлх* употребляются в одном синонимическом ряду в сочетании с базовым эмотивом *хундл* ‘обида’ — для более эмоционального выражения переживаемой эмоции обиды как оскорбления: *Намаг му деерм / Му кевүч, — гихэд, / Хундад өвлэд йовна*. ‘Плохонького меня / Еще более принизил, — говоря, / **Обижаясь, чувствуя себя оскорбленным**, идет’ [ШД: II]; *Му деерм му кев билтэл, гихэд, / Арнзлин хурдн Зеердд / Хундл хундад йовна*. ‘Мне, плохонькому, еще плохо делаете, говоря, / Резвому аранзалу Зеерде / **Обиду высказывает он**’ [ШД: II].

Эмоциональное состояние испуга антагониста, вызванное грозным видом исполина — богатыря Хонгора, отражено в следующем иллюстративном примере: *Хоңһрин эвриг үзчкэд, / Кинь күрэд уга бээтл, / Ёолын улан цуснь / Өдрэ һазрт цоонгрв, / Орклад, бэрклэд, сүрдэд унвл*. ‘Увидев исполина Хонгора, / Хотя [Хонгор] не коснулся его [копьем], / [У Нарни Герела] полилась кровь из горла / На расстояние дневной езды, / [Нарни Герел] крича, вопя, **испугавшись**, упал’ [БМ: V].

Глагол *энлх* эмоцию печали передает в значении ‘сокрушаться (сильно огорчаться, печалиться)’: *Көвүг таньл уга, / «Көөрк Жаңһриг алж оркад, / Арнзлын унж йовна!» гихэд, / Энлэд, ууляд бээв*. ‘Мальчика не узнав, / «[Нашего] бедного Джангара убив, / На аранзале его разъезжает!», говоря, / **Сокрушались**, плакали’ [МД: III].

Эмоция смущения передается эмотивом *эмэх*: *Хунн наста көвү авч орхдан, / Эңгин*

олн сээдүдэс эмэхэд, / Хойр хонгт орл уга, уха туңһаһад бээв. ‘[Нойон Кюкен Цаган] трехлетнего мальчика с собой привести, / Перед многочисленными сайдами **постеснявшись**, / Двое суток не входя [во дворец] в раздумье стоял’ [ЭО: IV].

Эмотивный глагол *хундх* употребляется в значении ‘досадовать’ с семой эмотивности ‘испытывать чувство досады, вызванное обидой», которое в иллюстративном примере усиливается сочетанием *аман бэрх* ‘рот прикрыть’: *Арднь тавад зун берэд, күүкд, / Аман бэрн хундад: / «Бум ирв чигн / Буцл уга бэргддг эс билү? ‘Пятьсот молодок и девиц / **Прикрыли рты, досадуя**: / «Сто тысяч [человек] проезжало [здесь] / Разве противились, оказавшись у нас»’ [ЭО: IX].*

аэх

В эпосе отмечено 101 словоупотребление глагольной формы *аэх*, из них 72 входит в состав имени хана-антагониста (*Аэх Маңһс хан* ‘Грозный хан Мангна’), 10 употребляются как причастная форма в значениях ‘устрашающий, грозный’ (*аэх бий* ‘устрашающий вид’, *аэх мет баатрмуд* ‘грозные богатыри [Шара-Мангаса]’). Таким образом, проанализировано 19 иллюстративных примеров, где встречается эмотивный глагол *аэх*; особенности его функционирования отражены в таблицах 5, 6. В таблице 5 обозначены проявления значений глагола *аэх* в иллюстративных примерах, где речь идет о Бумбайских богатырях, в таблице 6 — об антагонистах.

Таблица 5. Семантика глагола *аэх*, называющего эмоции страха богатырей Бумбы
[Table 5. Semantics of the verb *аэх*, which calls the emotions of fear bogatyr Bumba]

Значения глагола <i>аэх</i>	Иллюстративные примеры из эпоса	Субъект, испытывающий чувство страха	Причины возникновения страха
1) бояться	<i>Эгц йисн миңһн тунжрмуд адуг / Эркил иктэ / Догшин Шар Маңһс хан / Көөһэд авад оч гинэ. / Эзн Жаңһр хань / Эн өдр күртл аңхрад уга санжэ. / Аду хэрүлдг Агсахл Бадань / Алдр богдасн аэһэд, / Аңхржс ядад, / Арслң Алта уулын белд / Урһгсн хату харһаһас / Алд делм хату харһаг / Энжсүр улан элкэрн шувт шааһад, / Эмн улан һоларн ивт һарһв. / Арслң уулын белд / Үкрин дүңгэ эр хар чолуг / Элкджс теврн кишсэд, / Эмнь һарад одв.</i>	табунщик богдо Джангара	испытывать «благоговейный» страх перед богдо Джангаром

	‘Девятитысячный <i>тунджуров</i> табун / Самовластный / Свирепый хан Шара-Мангас / Угнал, говорит. / Владелец его — хан Джангар — / До дня сего и не знал об этом, оказалось. / Табунщик его Аксахал Бада, / Славного богдо побоявшись, / Сообщить ему не осмелился, / Из крепких сосен, выросших / У подножия богатырской горы Алтай, / Полуторасаженную крепкую сосну выбрав, / Нежную красную печень свою он ею проткнул, / Насквозь пробив жизненную красную аорту. / У подножия богатырской горы лежавший / Огромный черный камень с корову величиной / Обняв, он упал, / И душа его отлетела’ [БЦ: III]		
	<i>Эн богд Жаңһрин / Эс хээрлгсн Зеерд мөриг / Эмт Шоңһр көвүн минь, / Андһарасм эәһэд, хэрү / Асрад өгсн чамасн юһан хармнхв!</i> ‘Айт Шонхор, мальчик мой, / Кто доставил мне, боясь моей клятвы, / Коня Зеерде, которого не дал [мне] / Владыка <i>богдо</i> Джангар, / Ничего тебе не пожалею’ [БМ: V]	юноша, разносящий <i>арзу</i> на пиру	и с п ы т ы в а т ь страх перед клятвой, которую дал Отважный богатырь Алый Хонгор⁷
2) пугаться	<i>Үүдн талк бийдн суухнь, / Эәснә темдг болхл, / Деед бий талнь суухнь, / Дажрсна темдг болхл, — гиһэд, / Тал дундын долан дуңһраһиннь / Дундаһар орад суувл.</i> ‘Если сесть у двери, / Подумают, что я испугался, / Если сесть на почетном месте, / Подумают, что я высокомерен, — так размышляя, / Пройдя, сел он / В середине круга’ [БМ: IV] <i>Деед Мең Шарин орнас ирж, / Жаңһрахнд түшсн хээрн зөргм: / Эн уулын ора деер / Бийләһән йилһл уга әдл күүнәс / Яһад эәсм энв, гижс Санл / Дәкн һундрхад, хэрү татад, көөлдвл.</i> ‘Где же моя отвага, что была у меня, / Когда я прибыл служить Джангару в верхней стране Менг Шара / На вершине этой горы / Как же мог я испугаться человека, / Равного себе? / — так подумав, Санал в обиде на себя повернул коня и погнался [за чужеземцем]’ [БМ: IV] <i>Арнзлын хурдн Зеердиг / Хулхад өгчкәд, / Арг Улан Хоңһр / Хөн өмәд һарх чальчагас / Эәһэд, гедр хәрв гих, / Алдр му нерн болх.</i> ‘Пристанет худая слава, / Что дали угнать [врагу] / Резвого аранзала Зеерде, / Что Алый Хонгор Благородный / Испугался лужи, которую переплывет овца, / И вернулся назад’ [ШД: I]	нойон богдо Джангара нойон богдо Джангара отважный богатырь Алый Хонгор	и с п ы т ы в а т ь страх, что поведет себя неподобающим образом среди высшего сословия и с п ы т ы в а т ь страх от мысли, что испугался человека, равного себе по силе и с п ы т ы в а т ь страх от того, что посчитают трусом и имя покроется позором

⁷ Эн хойр хаана төлөд / Эн түг мөрн хойриг хармна йовэж / Арг Улан Хоңһр / Андһартан күрлгө бәэх уга бишийе, / Эн тугин ора деер / Хавсан хадрулж, шарулж бәэхин орчд / Эн түг мөрн хойриг өгслчн! — гиһэд, — / Хэрү эргэд ирв, — гинәл. ‘«Из-за этих двух ханов / Пожалел я знамя и коня, / Отважный Алый Хонгор / Исполнит непременно **клятву** свою. / И, чем жариться пронзенным на-вершием знамени, / Чем остаться без ребер, / Отдам-ка ему знамя и коня», подумав, / Повернул коня назад, приехал’ [БМ: V].

	Зеердэн хээхэд хархларн, / Зерлг бураһас ээхэд, / Гедр хэржэ гисн / Нерэн яахв? / Эн ац харһа модыг / Сөңгэд шивхлэрн, / Күлг бий хойртан / Хаалһ харһад оркв. ‘Куда денусь [от худой] славы, / Что поехав в поисках [коня] Зеерде, / Вернулся назад, / Испугавшись дикорастущей лозы? / Вырвал он с корнем ветвистую сосну, / Швырнул ее, / Проложив дорогу / Себе и коню’ [ШД: I] Хальң Улан Хоңһр / Хэр маңһсин элчэс ээхэд, / Хан Жаңһрарн ардан нөкд авв гих / Хэр Дөрвн Өөрдт / Хадх му нерн болх! ‘Горячий Улан Хонгор, / Посланца чужеземного мангаса испугавшись, / Хана Джангара в подмогу себе взял, скажут [про меня], / Чуждых [для них] Дербен Ойратов / Позором это покроет’ [БЦ: I]	отважный богатырь Алай Хонгор	
	«Баатр Саврин бийнь / Хан Жаңһриннь адуг хамжэ гүүһэ йовтлнь, / Хайжэ оркад, / Әәжэ хэржэ ирхлән, / Алдр нойн богднь цухлдад, / Үкдг маля күлә хойрт / Өгч гинэ» гих нерн / Миңһн һалет алдриго му нерн. ‘Богатырь Савар, / Когда угоняемый табун хана Джангара / Он бросит, / Испугавшись, и вернется домой, / Славный нойон богдо, разгневавшись, / Смертельным плети и путам / Предал», — скажут, и этот позор — / на тысячу калып несмыаемый позор’ [БЦ: III]	богатырь Савар	
	Зун жәилә зовлң үзв гижәл, / «Ях!» гижәл келдг уга, / Зурһан хонгт зогсл угал / Маля гүвиәл бәәсн бийднь, / Амн деерән әәх һорвн⁸ үгл / Келжәл өгдг уга / Әср Улан Хоңһр гижәл келдг. ‘Хотя муки ста лет он изведает, / Не скажет [слово] «ях» он, / Хотя в течение шести суток не останавливаясь, / Плеть хлестать его будет, / Изю рта и трех слов страх проявляя, / Не проронит он / Исполни Алай Хонгор говорят [о нем].’ [БН: I]	отважный богатырь Алай Хонгор	и с п ы т ы в а т ь страх от того что не проявит свою выдержку
3) опасать- ся	Ава Гернзл хатн, / Алдр Жаңһран удан ирхлән, әәхэд, / Аср Улан Хоңһран серүлжэ гинэ. ‘Хатун ава Герензел, / Опасаясь, что славного Джангара долго нет, / Улан Хонгора Могучего разбудила, говорят’ [БЦ: I] Чамаһан һанц билә гижэ даңдулхм уга, / Олн-өһр гижэ бичә әәһич. ‘Оттого, что ты одинок, / Не оставлю тебя в беде. / Не опасайся, что [врагов] множество’ [ЭО: V]	супруга богатыря Хонгора	и с п ы т ы в а т ь страх (тревогу, беспокойство) за ближнего

Для бумбайских богатырей превыше
всего честь и достоинство, почитание
своего предводителя — богдо Джангара,
нерушимость данной клятвы, проявление
безудержной смелости: *Өмнэсмидн тосуд*
*ирх дээсн / Өргн ик нигт билә гижэ, / **Әәжэ***
манд нөкдән ардан халэх / Нег күн уга

биший! ‘Нет среди нас ни одного человека,
/ **Испугавшись**, оглядывающегося назад,
прося помощи, / Хотя врагов, идущих
навстречу / Бесчисленное множество’
[БМ: I].

Чувство страха возникает у богатырей
в мыслях лишь на мгновение, а затем они

⁸ *Һорвн* ‘три’ — диал. дерб.; *һурвн* ‘три’ — лит. торг. [Пюрбесев 2015а: 99].

бесстрашно бросаются на врага или преодолевают препятствие в пути.

Из-за проявления своего страха богатырь мог подвергнуться наказанию: *Хэр хаани нег көвүн ирэд келгсн / Хойр амн үгэс ээһэд бээцхэсн таднд / Хөөннь минь засг хату болх! гижэ келэд, / Арг Зууһин Улан Хоңһр / Мордад һарад одвл.* ‘Вам, кто **испугался** двух слов парня, / Посланца чужезем-

ного хана, / Наказание мое будет в последующем страшным! — сказав, / Отважный Алый Хонгор вскочил на коня / И отправился [в путь]’ [БМ: V].

Глагол *ээх* в иллюстративных примерах, где речь идет об антагонистах, малоупотребителен, и те немногие примеры показывают, что для них самое ценное — это сохранить свои жизни (см. табл. 6).

Таблица 6. Семантика глагола *ээх*, называющего эмоции страха антагонистов
[Table 6. Semantics of the verb *ээх*, which names the emotions of fear of antagonists]

Значения глагола <i>ээх</i>	Иллюстративные примеры из эпоса	Субъект, испытывающий чувство страха	Причины возникновения страха
1) опасаться	<i>Хаани зергд шалдг / Нээмн миңһн баатр / Мөңк дөрвн цагт / Хааһан дундан авад, / Манн гетэд суудг болна, / Терс дөрвн үзгэс / Хар болх гижэ, / Ээдг болна, / Теңцш уга Заңбу Тивин хаадудас / Эмндм хор болх гижэ, / Ээдг болна.</i> ‘При хане самом — избранные / Восемь тысяч богатырей, / В вечные четыре времени [года] / Окружив его собой, / Охраняют. / Как бы вражеские четыре стороны / Зла ему не причинили — / Этого он опасается , / Как бы ханы Замбутива, равных которым нет, / Жизни его не лишили — / Этого он опасается ’ [БЦ: II]	хан-антагонист	испытывать чувство страха за свою жизнь
2) страшиться	<i>Өмнк дээни баатрмуднь / Түүрүн нааран мордхдан / Эн Гүмбэн шорас ээхлэрн, / Догшин номар гүрмэн кегүлдг гинэ.</i> ‘Богатыри вражеские всегда / Перед тем, как сразиться с ним, / Этого штыка Гюмбе страшась , / Молебен о спасении от него заказывают, говорят’ [БЦ: I]	богатыри-антагонисты	испытывать леденящий страх перед грозным оружием Бумбайского богатыря

ичх

Включение глаголов *ээх* ‘бояться, пугаться, опасаться, страшиться’ и глагола *ичх* ‘стыдиться’ в одну семантическую группу обоснованно, это подтверждается и иллюстративными примерами эпоса, где чувство стыда и страха проявляются одновременно: *Эзн богд Жаңһрнь / Алтн Күңкэ Чеежэсн / Суржэ бээдг болнал: / Шар Кермн гидг хаана / Хоорнд йовх хаалһд / Ээх, ичх юмн бээхлэ,*

/ Теругинь Хоңһрт зааһад өгит, гивл. ‘У мудреца Алтан Чеджи / Спрашивает: / На пути / В [страну] Шара Кермен хана / Чего бояться, стыдиться, / Это подскажите Хонгору, говорит’ [БМ: III].

Анализ малоупотребительного глагола *ичх* (4) в эпосе выявил, что возникновение чувства стыда совпадает с одной из причин возникновения чувства страха — боязнь опозорить имя (*нернэс ичх*) (см. табл. 7).

Таблица 7. Примеры употребления глагола *ичх* в эпосе
[Table 7. Usage examples of the verb *ичх* in epic narrative]

Значения глагола <i>ичх</i>	Иллюстративные примеры из эпоса	Субъект, испытывающий чувство стыда	Причины возникновения чувства стыда
стыдиться (испытывать чувство стыда)	<i>Одхив гижэ келхдэн / Баатр гисн нернэсн ичэд, Одлго ноолдад оркн гихнь, / Одакин ирсн эвр дүр хойраснь эдһэд, Самсань цэдһэд, / Өңг зүсн хойрнь буурад, / Баатр Хоңһр көтлгдэд һарв. ‘Если скажу, что не поеду, / Стыдно за свое богатырское имя, / Если не ехать, вступить в борьбу, / Испугался ее грозного нрава и вида, / Ноздри его побледнели, / Сам он ослабел, / Она повела [за поводья коня] богатыря Хонгора’ [БМ: III]</i>	богатырь Хонгор	страх опозорить богатырское имя
	<i>Арнзлын хурдн Зеердиг / Хулхад өгчкэд, / Алдр богд Жаңһра бодһгуд / Хуһар хээжэ гисн / Нернэснь ичжээнэв. ‘Дав [возможность врагу] угнать / Резвого аранзала Зеерде, / Я стыжусь теперь молвы о том, что скажут: / «Ищут [коня] / Все вопреки славного богдо Джангара»’ [ШД: I]</i> <i>Уралан орхла, / Эн хан намаг алх, / Ардагшан хэрхлэ, / Алдр нойн богд Жаңһр / Намаг ичэх, ‘Если поеду вперед, / Убьет меня этот хан. / Если обратно вернусь, / Славный Джангар-нойн- богдо / Меня пристыдит’ [ЭО: III]</i>	богатырь Хонгор богатырь Хонгор	страх позора из-за того, что одного угнанного скакуна ищут все богатыри владыки богдо Джангара страх позора перед владыкой богдо Джангаром

3. ЛСГ «глаголы нейтральных эмоциональных состояний» (3)

К лексемам, называющим нейтральные эмоциональные состояния, относят глаголы, которые не связаны с переживанием удовольствия или неудовольствия, к нейтральным эмоциям относятся *удивление*, *изумление* [Довгаль, Шепелева 2015: 51].

В текстах эпоса нейтральные эмоциональные состояния удивления и изумления называются глаголом *өврх*:

- 1) *өврх* ‘удивиться’ (2);
- 2) *өврх* ‘изумляться’ (1).

Глагол *өврх* ‘удивляться’ содержит сему эмотивности ‘испытывать чувство удивления’, в контексте глагол *өврх* ‘удивляться’ употребляется в сочетании с глаголом внешнего (физического) проявления эмоций *инах*: *Эмгн, юунд инэв чи? / — Эн унтгсн хойр көвү **өврэд**, / Инэжэ бээнэв* ‘Старуха, чему ты смеялась? / — Этим заснувшим двум юнцам **удивляясь**, / **Смеюсь**’ [МД: II]; *Деед Бумбин орни зүүдн болгсн / Жаңһрар махан чанулжэ оркад, / Унтад бээдэ хойр көвү **өврэд**, / Инэһэд бээнэв*. ‘В вышних Бумбайских странах сновидением

ставшего, / [Самого] Джангара мясо варить заставившим, / Спящим двоим юнцам **удивляясь**, / **Смеюсь я**’ [МД: II].

Глагол *өврх* в значении ‘изумляться’ содержит сему эмотивности ‘очень сильно удивиться». Из контекста видно, что персонажи эпоса испытывают эмоциональное состояние крайнего изумления при внезапном преображении главного героя эпоса и его скакуна: *Алтн Гүргү хаани өргэд / Нирглдгсн бээдг. / Түдү аңхн дунд / Баатр Жаңһр / Мөн кевтэн тохрв. / Арнзл Зеерд / Мөн кевтэн тохрв. / Алтн Гүргү хаани орн / Жаңһр Зеерд хойриг / **Өврэд** бээв*. ‘Алтан Гюргю хана во дворце / Шумно пируют-веселятся. / И в это самое время / Богатырь Джангар / Истинный свой облик принял. / Аранзал Зеерде / Истинный свой облик принял. / Алтан Гюргю хана народ / На Джангара и Зеерде, / **Изумляясь**, взирал’ [МД: II].

4. ЛСГ «глаголы положительного эмоционального отношения» (4)

Семантическим признаком ЛСГ «глаголы положительного эмоционального от-

ношения» является наличие семы, указывающей на направленность положительной эмоции (восхищение, любовь, интерес, уважение, доверие и др.) на какой-либо объект. В эпосе зафиксировано два глагола, относящихся к ЛСГ «глаголы положительного эмоционального отношения»:

1) *доталх* 'дорожить, нежно относиться' (3);

2) *таасх* 'нравиться' (1).

Глагол *доталх* 'дорожить, нежно относиться' с семой эмотивности «испытывать нежность» употребляется для демонстрации чувства особой привязанности к соратнику-богатырю: *Эмн мет өвргэсн / Гергэсн доталдг эс билү би?* 'Как жизнь оберегаемой / Жены своей **ближе** считал я тебя, не так ли?' [БЦ: I]; *Ончлгсн ханцхн көвүнэсн / Доталдг эс билү би?* 'Любимого единственного сына своего / **Ближе** считал я тебя, не так ли?' [БЦ: I]; *Догшин тэрнэтэ Шар Ширмин хаани / Доталжэ түшэдг бодц,* 'Для обладателя сильных заклинаний хана Шара Ширмина, / Он **дороже** всех вепрь-[витязь]' [ШД: III].

Глагол *таасх* 'нравиться' употребляется в значении «испытывать чувство расположения, симпатии к кому-л.»⁹. В текстах эпоса этот глагол употребляется один раз, при описании момента, когда богатырю пришло время жениться и он обязан выбрать девушку, в контексте не говорится о каких-либо эмоциональных переживаниях персонажа: *Көвүн, көвүн! / Мини алект эргэж, / Нег күүк хэлэж кел, — гив. / Шар Ширмин хан / Адуни ах зах алг мөр / Тохулад өгв. / Унад харв. / Арслң гидг бодцгин / Күүк таасад ирв. / Күүкнд келэд,* 'Сынок, сынок! / Объедешь мои владения, / Присмотри [себе] девушку и скажи [мне], — сказал [хан]. / Хан Шара Ширмин / Велел оседлать ему / Главного в табуне пегого коня. / Сел он на коня и отправился. / Возвратился он и сказал [хану], / Что ему **понравилась** дочь богатыря Арсланга. / Сосватали девушку' [ШД: V].

⁹ В другом примере глагол *таасх* употребляется без эмотивной окраски: *Көвүг мөр довтолүлж чадх гижэ таасв.* '[Хонгор] решил, что мальчик сможет скакать на лошади' [ШД: II].

5. ЛСГ «глаголы отрицательного эмоционального отношения» (2)

Семантическим признаком ЛСГ «глаголы отрицательного эмоционального отношения» является наличие семы, указывающей на направленность отрицательной эмоции (ненависть, презрение, зависть, жалость, зависть, возмущение) на какой-л. объект.

ЛСГ представлена двумя глаголами, которые выражают не прямые, а переносные значения:

1) *һазалх* 'перен. пренебрегать' (1);

2) *өңгэх* 'перен. завидовать' (1).

Глагол *һазалх*¹⁰ употребляется в переносном значении 'пренебрегать (меньше любить)', сема эмотивности «испытывать чувство презрения, высокомерия» усиливается антонимом *доталх*: *Эврэннь эмн улан хол / Аср Улан Хоңһр хоюлан / Алькинь доталх би, / Алькинь һазалх би?* 'Моя собственная жизнь / Или Улан Хонгора Могучего [жизнь] / Какой из них дорожить должен я / Какой из них **пренебречь** должен я?' [БЦ: I].

Глагол *өңгэх*¹¹ 'перен. завидовать' употребляется в контексте в значении «испытывать чувство досады, раздражения, вызванное удачей, благополучием другого, сопровождаемое желанием обладать тем, что есть у другого»: *Олн таниг цуглулсн / Алдр сээхн нер мини / Дегд холд одад, / Нанд күн өңгәһад бәәнә.* 'Всех вас собравшая / Слава моего доброго имени / Очень далеко разнеслась, / Враг **испытывает чувство зависти**' [ЭО: VII].

6. ЛСГ «глаголы внешнего (физического) проявления эмоций» (70)

Некоторые исследователи отдельно выделяют ЛСГ глаголов «внешнего (физического) проявления эмоций» с категориально-лексической семой — «выражать во внешности, жести эмоциональное состояние, отношение» [Бабенко 1989: 72].

В текстах эпоса к ЛСГ «глаголов внешнего (физического) проявления эмоций»

¹⁰ *Һазалх* 'считаться чужим, чуждаться; различать; перен. меньше любить' [КРС 1977: 152].

¹¹ *Өңгэх* 'нависать над чем-л.; смотреть сверху; высовываться, выдаваться вперед; надеяться на получение чего-л.' [КРС 1977: 418].

относятся глаголы *уульх*, *инэх*, которые выражают и положительные и отрицательные эмоции:

- 1) *уульх* ‘плакать’ (48);
- 2) *инэх* ‘смеяться’ (22).

Глагол *уульх* ‘плакать’ в значении «под действием эмоций проливать слезы» употребляется в устойчивых формулах, которые усиливают эмоции печали или радости, выражаемые этим глаголом:

- 1) *аршан хар нольмсан унхан уульх* ‘как аршан, чистые слезы роняя, плакать’;
- 2) *аршан хар нольмсан цацн уульв* ‘как аршан, чистые слезы разбрызгивая, плакать’;
- 3) *богшурхан дүңгэ мөндр хар нольмсан асхрулад, уульх* ‘с воробья величиной град прозрачных слез проливая, плакать’;
- 4) *уйдн уульх* ‘печалюсь плакать’;
- 5) *энлэд уульх* ‘печалюсь плакать’;
- 6) *уульх, унжх* ‘плакать, всхлипывать’;
- 7) *хэрү хэлэхэд уульх* ‘отвернувшись в сторону, плакать’;
- 8) *теврлэдн уульх* ‘обнимаясь плакать’.

Этот глагол при передаче положительных и отрицательных эмоций употребляется в сочетании с другими глаголами, которые помогают глубже отобразить эмоциональное состояние персонажа. Например, эмоция печали передается следующим образом: *Иим аһу ик күчтэ күүкиг / Би күрч яһжэ үзхмбви, — гийхэд, / Анчн нертэ зүркнэ / Дэвлхэ дотрнэ салдисн, / Арвн цаһан хурһнэ / Ханцн дотрнэ салдисн, / Аршан хар нольмсан / Асхрулад уульд сууна*. ‘С таким огромным, сильным войском девушку / Как же я доберусь,

увиджу? — так сказав, / Горячее сердце его / **Ослабло** в груди, / Десять белых пальцев его / В рукаве **ослабли**, / Как аршан прозрачные слезы, / **Роняя плачет** сидит’ [ШД: II].

Эмоциональное состояние радости обычно передается сочетанием *уульд теврлэдх* ‘плача обниматься’: *Хоһһр Жаһһр хойр / Таи бун уульд, / Теврлэдд ү-хэ болв*. ‘Хонгор и Джангар / Тут же спешили прослезиться, / Обнялись, начали вести душевную беседу’ [ЭО: I].

инэх

В настоящее время исследователи проявляют интерес к изучению смеховой культуры монголов, в том числе и калмыков [Пюрбеев 2015б; и др.]. В текстах эпоса выявлены разные формы смеха, которые обозначаются словесными формулами и звукоподражаниями:

- 1) *аһһр-аһһр инэх* ‘смеяться, широко открывая рот’;
- 2) *марзң-марзң инэх* ‘широко улыбаясь, смеяться’;
- 3) *һуян таин, һолһаһан тасртл инэх* ‘шлепнув по бедру, смеяться до коликов¹²’;
- 4) *инэлдн жүрһх* ‘смеясь, блаженствовать’;
- 5) *тачкнжэ инэх* ‘громогласно смеяться’;
- 6) *өвдгэн цокжэ, хээкржэ инэх* ‘шлепнув по коленям, громко смеяться’;
- 7) *аман бэрэд бөгшэд, инэх* ‘рот прикрывая, трястись от смеха’.

Причинами смеха могут являться положительные эмоции по причине радости либо такие негативные эмоции, как насмешка над богатырем (см. табл. 8).

Таблица 8. Примеры употребления глагола *инэх* в эпосе
[Table 8. Usage examples of the verb *инэх* in epic narrative]

Значения глагола <i>инэх</i> ‘смеяться’	Иллюстративные примеры из эпоса	Субъект, у которого что-то вызвало смех	Причины возникновения смеха
1) издавать смех	<i>Алдрсн төр шажн хойран / Гар деерэн авгсн мет, байрлжэ, / Эзн нойн богднэ суудг, / Эңгин олн сээдүдтэһэн / Инэлдн жүрһэд суудг</i> . ‘Владыка богдо-нойон [Джангар], радуясь восседал, / Словно [вновь] в свои руки взял / Утраченные правление и веру. / Со всеми сайдами своими / Веселясь, блаженствовал он’ [ЭО: II]	владыка богдо Джангар и его сайды	радость от того, что правление и вера вернулись вновь к владыке богдо Джангару

¹² Устойчивое выражение *һолһаһан тасртл инэх* ‘смеяться до коликов’ (досл. ‘смеяться,

пока не оборвется толстая кишка’) относится к разряду фразеологизмов [Пюрбеев 2015а: 129].

	<i>Пө-ө! Хэрин хаадудт хэлдэж, / Халун ик үгиг келдг бодң / Бодңгуд дотрм / Бээдмн болна билтэл! гижэ, / Хан өвдгэн цокэж, / Хээкрэж, инэжэ бээдг болнал. 'Да-а! Есть, оказывается, / Среди моих вепрей / Богатырь, способный сказать в лицо хану-чужеземцу / Такие горячие слова! / Шлепнув по коленям, / Засмеялся громко хан [Джангар]' [БМ: V].</i>	владыка богдо Джангар	радость владыки богдо Джангара от того, что в подчинении у него достойный богатырь
	<i>Авһ Чеежин келсн һурвн ик дээснэс / Һарв бидн гижэ аңһр-аңһр инэһэд, 'Дядюшка Чээджи о которых предостерегал, три препятствия больших, / Преодолели мы, говоря, смеялись, широко открывая рот' [ЭО: IV].</i>	богатыри богдо Джангара	радость от преодоления препятствий в пути
2) насмехаться, издеваться над кем-, чем-л.	<i>Түүнлэ бийэн дүңцүлдг / Эрү юмнвч? гихэд, һуян ташн, / Голһаһан хаһртл инэв. 'Какой же ты глупец, что равняешь его с собою, / Сказал [Санал], / Шлепнув себя по бедрам, / Смеялся до колик в животе' [ЭО: V]</i>	богатырь владыки богдо Джангара	насмешка над богатырем, который сравнивает себя с одним из богатырей владыки богдо Джангара

В зависимости от положительных или отрицательных эмоциональных состояний, которые передает тот или иной эмотивный глагол, их можно классифицировать по семантическим подгруппам (радость, любовь, интерес, уважение и т. д.) (см. табл. 9).

Таблица 9. Семантические подгруппы и частотность эмотивных глаголов
[Table 9. Semantic subgroups (subclusters) and frequency use of emotive verbs]

№	Семантические подгруппы	Эмотивные глаголы	Общее количество употреблений
1.	радость	<i>жсирһх</i> 'быть счастливым, блаженствовать' (39) <i>байрһх</i> 'радоваться' (4)	43
2.	любовь	—	
3.	интерес / влечение	<i>таасх</i> 'нравиться' (1)	1
4.	уважение	—	
5.	восхищение	—	
6.	удивление	<i>өврх</i> 'удивляться' (2) <i>өврх</i> 'изумляться' (1)	3
7.	вера / надежда	—	
8.	гордость	—	
9.	страх	<i>ээх</i> 'бояться, пугаться, страшиться, опасаться' (19) <i>сүрдх</i> 'пугаться' (3)	32
10.	стыд / смущение / стеснение	<i>ичх</i> 'стыдиться' (4) <i>эмэх</i> 'стесняться' (1)	5
11.	беспокойство / волнение	<i>ээх</i> 'опасаться' (4)	4
12.	растерянность	—	
13.	гнев / злость	<i>уурһх</i> 'гневаться, сердиться злиться' (7)	7
14.	раздражение	—	
15.	обида	<i>һундх</i> 'обидеться' (4) <i>өөлх</i> 'обидеться' (3) <i>һундрһх</i> 'обидеться' (1)	8

16.	горе / печаль / огорчение	<i>уйдх</i> 'печалиться, тосковать, грустить' (12) <i>энлх</i> 'сокрушаться' (1)	13
17.	сожаление / раскаяние	—	
18.	жалость	—	
19.	зависть / ревность	<i>өңгэх</i> 'перен. завидовать' (1)	1
20.	тоска по кому-л., чему л.	—	
21.	душевное страдание / мучение	—	
22.	ненависть	—	
23.	отвращение	—	
24.	разочарование / потеря надежды	—	

Как видно из таблицы, на материале текстов эпоса выявлено лишь 10 семантических подгрупп эмотивных глаголов из 24, в которых преобладают глаголы, называющие эмоции радости (43) и страха (22), отсутствуют эмотивные глаголы, которые передают положительные эмоциональные

состояния любви, уважения, восхищения и выражающие отрицательные эмоциональные состояния душевного страдания / мучения, отвращения, ненависти.

Существует и иная классификация эмотивных глаголов, которая взята нами за основу из работы О. В. Чагиной¹³ (см. табл. 10).

Таблица 10. Семантические группы по классификации О. В. Чагиной
[Table 10. Semantic groups (clusters) according to the classification of O. Chagina]

№	Семантические группы глаголов	Соотносительные глаголы	Общее количество
1.	глаголы увлечения	—	
2.	глаголы удивления	<i>өврх</i> 'удивляться' (2) <i>өврх</i> 'изумляться' (1)	3
3.	глаголы любви и ненависти	—	
4.	глаголы преклонения и самоуничижения	—	
5.	глаголы насмешки и издевательства	<i>инэх</i> 'смеяться' (12)	12 ¹⁴
6.	глаголы недовольства	<i>уурлх</i> 'гневаться, сердиться, злиться' (7) <i>һундх</i> 'обидеться' (4) <i>өөлх</i> 'обидеться' (3) <i>урньх</i> 'сердиться' (3) <i>һундрхх</i> 'обидеться' (1) <i>һундх</i> 'досадовать' (1)	19
7.	глаголы боязни	<i>ээх</i> 'бояться, пугаться, опасаться, страшиться' (15) <i>сүрдх</i> 'пугаться' (3) <i>ичх</i> 'стыдиться' (4) <i>эмэх</i> 'стесняться' (1)	23
8.	глаголы беспокойства	<i>ээх</i> 'опасаться' (4)	4
9.	глаголы заботы, волнений и печали	<i>уйдх</i> 'печалиться' (12) <i>энлх</i> 'сокрушаться' (1)	13

¹³ См. подробно: [Чагина 1990: 60–62].

¹⁴ Частотность глагола *инэх* 'смеяться' в эпосе составляет 22 словоупотребления, 10 из кото-

рых называют положительные эмоции, 12 — отрицательные.

Исходя из таблицы, представленной выше, можно сказать, что в эпосе доминируют эмотивные глаголы семантической группы глаголов боязни (23), в эпосе отсутствуют эмотивные глаголы, относящиеся к трем семантическим группам: глаголы увлечения, глаголы любви и ненависти, глаголы преклонения и самоуничижения.

В текстах эпоса зафиксированы глаголы *дурлх*, *зовх*, *зовнх*, которые в калмыцком языке могут употребляться для передачи положительного эмоционального состояния любви и отрицательных эмоциональных состояний страдания. Анализ показал, что эти глаголы не служат для обозначения эмоциональных состояний персонажей, и мы их не включаем в список эмотивных глаголов эпоса.

Выводы

В результате анализа лексико-семантических групп эмотивных глаголов в текстах эпоса выявлено, что в частотном отношении ЛСГ «глаголы отрицательных эмоцио-

нальных состояний» преобладает над ЛСГ «глаголы положительных эмоциональных состояний».

Частотное употребление глагола, называющего эмоцию радости *жирлх* ‘быть счастливым, блаженствовать’, подтверждает, что наивысшим счастьем для Бумбайской страны являются мир, спокойствие и благополучие.

Анализ глагола, отражающего эмоцию боязни *аэх* ‘бояться, пугаться, страшиться, опасаться’, показывает, что для богатыря наивысшие ценности — это преданность *богдо*, нерушимость клятвы, честное имя.

Для текстов эпоса характерно употребление сочетаний: эмотивный глагол + эмотивное существительное (*жирлх* + *жирлх*, *хундх* + *хундх*).

Глаголы отрицательного эмоционального состояния могут употребляться в одном контексте (*аэх* — *ичх*, *аэх* — *хундх*) или одном синонимическом ряде (*хундх* — *өөлх*).

Источники

- БМ — цикл песен из репертуара Мукебена Басангова (Басңа Мукөвүн)
БН — песня из репертуара Насанки Балдырова (Балдра Наснк)
БЦ — Багацохуровский цикл
МД — Малодербетовский цикл
ОБ — песня из репертуара Бадмы Обушинова (Овшин Бадм)
ШД — цикл песен из репертуара Давы Шавалиева
ЭО — цикл песен из репертуара Овлы Эляева (Ээлян Овла)

Литература

- Бабенко 1988 — Бабенко Л. Г. Эмотивная лексика в структуре предложения // Классы слов в синтагматическом аспекте / под ред. Л. Г. Бабенко. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. С. 145–156.
Бабенко 1989 — Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 184 с.
Gramota.ru — Справочно-информационный портал «Грамота.ру» [электронный ресурс] // URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 20.08.2020 г.).

Sources

- Baya Dorbet (*Jangar* Epic) Cycle. (In Kalm.)
Baya Tsokhor (*Jangar* Epic) Cycle. (In Kalm.)
Cycle of Songs Recorded from Dava Shavaliyev (Shavalin Dava). (In Kalm.)
Cycle of Songs Recorded from Mukeben Basangov (Basңa Mukövün). (In Kalm.)
Cycle of Songs Recorded from Ovla Elyayev (Eelyan Ovla). (In Kalm.)
Song Recorded from Badma Obushinov (Ovshin Badm). (In Kalm.)
Song Recorded from Nasanka Baldyrov (Baldra Nasnk). (In Kalm.)

- Довгаль, Шепелева 2015 — Довгаль А. В., Шепелева Ю. А. Семантические особенности глаголов со значениями ‘эмоциональное состояние’ и ‘эмоциональное отношение’ в английском языке // Acta Germano-Slavica VI / ред. Е. Е. Иванов. Могилев: Могилевск. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2015. С. 48–52.
КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
Куканова 2016 — Куканова В. В. Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: принципы и проблемы составления словарных статей // «Джангар»

- и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 7–12.
- Куканова 2018 — Куканова В. В. Лексема *билцг*: к вопросу о происхождении и семантике (на материале эпоса «Джангар») // *Oriental Studies*. 2018. № 4. С. 100–121.
- Манджиева 2016 — Манджиева Б. Б. О создании базы данных аутентичных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» // *Монголоведение*. Вып. 9 / отв. ред. В. В. Куканова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 211–217.
- Манджиева 2017 — Манджиева Б. Б. К проблеме составления Свода калмыцкого фольклора // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2017. № 1 (32). С. 82–89.
- Мулаева 2015 — Мулаева Н. М. Дефиниции растений в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // *Урал-алтайские исследования*. 2015. № 3 (18). С. 64–74.
- Мулаева 2017 — Мулаева Н. М. Титульные лексемы *хан*, *хаан*, *хатн* в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // *Монголоведение*. Вып. 10 / отв. ред. В. В. Куканова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 5–16.
- Пюрбеев 2015а — Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (= Жаңһр дуулвр: сойл болн келн) / на рус. и калм. яз. 2-е изд., перераб. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 280 с.
- Пюрбеев 2015б — Пюрбеев Г. Ц. «Смех» в калмыцком художественном тексте (по роману Эрендженова «Береги огонь») // Г. Ц. Пюрбеев. Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2015. С. 347–354.
- Slovari.ru — Электронный ресурс словарей русского языка, разработанный Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН [электронный ресурс] // URL: <https://www.slovari.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).
- Чагина 1990 — Чагина О. В. Как сказать иначе? (Работа над синтаксической синонимией в иностранной аудитории). М.: Русский язык, 1990. 176 с.

References

- Babenco L. G. Denoting Emotions in Russian: Lexical Means. Sverdlovsk: Ural State University, 1989. 184 p. (In Russ.)
- Babenco L. G. Emotive vocabulary within sentence structure. In: Babenco L. G. (ed.) *Word Classes in a Syntagmatic Perspective*. Sverdlovsk: Ural State University, 1988. Pp. 145–156. (In Russ.)
- Chagina O. V. How to Say That Differently? Sophisticating Syntactic Synonymy Skills among Non-Native Russian Speakers. Moscow: Russkiy Yazyk, 1990, 176 p. (In Russ.)
- Dovgal A. V., Shepeleva Yu. A. Semantic structure of English verbs with the meaning 'emotional state' and 'emotional attitude'. In: Ivanov E. E. (ed.) *Acta Germano-Slavica VI*. Mogilev: Kuleshov Mogilev State University, 2015. Pp. 48–52. (In Russ.)
- Gramota.ru: Reference and Information Portal. Available at: <http://gramota.ru/> (accessed: August 20, 2020). (In Russ.)
- Kukanova V. V. Kalmyk Heroic Jangar Epic Explanatory Dictionary: compiling dictionary entries – principles and problems. In: Basanova T. G., Kukanova V. V., Mandzhieva B. B., Mikhaleva T. A. (eds.) *The Jangar and Epic Traditions of Turko-Mongols: Issues of Preservation and Research. Jubilee Conference Proceedings* (Elista; September 15–16, 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. Pp. 7–12. (In Russ.)
- Kukanova V. V. The lexeme *biltsg*: etymology and semantics revisited (a case study of the *Jangar* epic). *Oriental Studies*. 2018. No. 4. Pp. 100–121. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. On the creation of a database of authentic texts of the Kalmyk heroic epic 'Dzhangar'. In: Kukanova V. V. (ed.), Nadbitova I. S. (comp.) *Mongolian Studies*. Vol. 9. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. Pp. 211–217. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. To the problem of drawing up the Kalmyk Folklore Corpus. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2017. No. 1 (32). Pp. 82–89. (In Russ.)
- Mulaeva N. M. Definitions of plants in the explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic 'Dzhangar'. *Ural-Altai Studies*. 2015. No. 3 (18). Pp. 64–74. (In Russ.)
- Mulaeva N. M. The title lexemes *khan*, *khaan*, *khatn*

- in the Definition Dictionary of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*. In: Kukanova V. V. (ed.) Mongolian Studies. Vol. 10. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. Pp. 5–16. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. ‘Laughter’ in Kalmyk fiction: Guard the Fire by K. Erendzhenov. In: Pyurbeev G. Ts. Studies in Mongolic Languages and Cultures. Selected Articles. Elista: Kalmyk State University, 2015. Pp. 347–354. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. Epic of Jangar: Culture and Language. 2nd ed., rev. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Russ. and Kalm.)
- Russian Language Dictionaries. Online Resource by Vinogradov Russian Language Institute of the RAS. Available at: <http://www.slovari.ru/> (accessed: August 20, 2020). (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 1121–1134, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1121-1134
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1121-1134

Как изменилась форма показателя множественного числа в тюркских языках за последние 150 лет

Юлия Викторовна Норманская¹, Анар Ахметбековна Гаджиева²

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация), Институт системного программирования РАН им. В. П. Иванникова
 (д. 25, ул. Александра Солженицына, 109004 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, заведующая

 0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor@mail.ru

² Военный университет (д. 14, ул. Большая Садовая, 125047 Москва, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук

 0000-0003-0314-0300. E-mail: nuanar@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Норманская Ю. В., Гаджиева А. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Как показывают работы последних лет, у ученых нет единого мнения о происхождении формы множественного числа в кыпчакских языках, ср. К. М. Мусаев высказывает гипотезу о том, что пракупчакская форма этого аффикса была **-tar/*-ter*, по мнению О. А. Мудрака, исходным был вариант **-lar/*-ler*. Действительно, на материале современных данных в кыпчакских языках для типов основ на **-n*, **-ŋ*, **-m* и на **-C* реконструировать форму аффикса множественного числа не удастся. Оказывается, что и общетюркская реконструкция того или иного показателя для этих типов основ не очевидна. *Цели исследования:* на основании анализа современных языков и первых кириллических книг 1) реконструировать пракупчакскую и пратюркские формы аффикса множественного числа в словах с разными типами основ, 2) датировать изменения суффиксов, произошедшие в ряде языков, 3) установить, имели ли эти изменения ареальный характер. *Материалы и методы:* грамматики современных тюркских языков, первые кириллические книги на татарском, башкирском, казахском, алтайском, телеутском, тубаларском языках, их анализ проводится с помощью сравнительно исторического метода. *Результаты:* было установлено, что в большинстве тюркских языков сохранилось позднетюркское состояние аффикса множественного числа без изменений. В части кыпчакских языков (казахском, киргизском, некоторых диалектах башкирского и алтайского), которые находились на стыке территорий «*-IVr* vs. *-tIVr*», произошла замена показателей **-IVr* в *C_{глух}*-основах и **-nIVr* в *-n*, *-ŋ*, *-m*-основах на **-tIVr*. *Вывод:* анализ первых кириллических книг позволил установить, что изменения аффикса множественного в кыпчакских языках в *C_{глух}*-*-n*, *-ŋ*, *-m*-основах происходили в XIX в. в результате контактов с носителями кыргызских языков.

Ключевые слова: казахский язык, кычакские языки, первые кириллические книги, аффикс множественного числа, сравнительно-историческое языкознание, ареальные процессы в лингвистике, языковые контакты.

Для цитирования: Норманская Ю. В., Гаджиева А. А. Как изменилась форма показателя множественного числа в тюркских языках за последние 150 лет // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1121–1134. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1121-1134

UDC 811.512

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1121-1134

How the plural affix was changed in the Turkic languages over the last 150 years

Yulia V. Normanskaya¹, Anar A. Gadzhieva²

¹ Institute of linguistic RAS (h.1, build. 1, Big Kislovskij., 125009 Moscow, Russian Federation), Ivannikov's Institute of System Programming (h. 25, Alexander Solzhenitsin str., 109004, Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Head

 0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor@mail.ru

² Military university (h. 14, Bolshaya Sadovaya str., 125047 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology)

 0000-0003-0314-0300. E-mail: nuanar@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Normanskaya Yu. V., Gadzhieva A. A., 2020

Abstract. Introduction. As recent research works show, scholars tend to disagree about the origin of the Kipchak plural form. K. M. Musaev hypothesizes that the Proto-Kipchak form of this affix was **-tar/*-ter* whereas, according to O. A. Mudrak, the protolanguage form was **-lar/*-ler*. Indeed, it seems impossible to reconstruct the form of the plural affix for the **-n*, **-ŋ*, **-m*, **-C*-stem words based on the modern data for the Kipchak languages. Furthermore, the Proto-Turkic reconstruction of the plural affix for these stems is also unclear. **Purpose of research:** It follows that a systematic analysis of the forms of the plural affix with different stems in the first books in the Kipchak languages (Tatar, Bashkir, Kazakh, Teleut, Tubalar) will help to 1) reconstruct their Proto-Kipchak and Proto-Turkic forms, 2) date the changes in the suffixes, 3) determine if these changes were areal in nature. **Materials and methods:** The grammars of the modern Turkic languages as well as the first Cyrillic books in Tatar, Bashkir, Kazakh, Altai, Teleut, Tubalar have been analyzed using a comparative historical method. **Results:** The analysis reveals that the late Proto-Turkic form of the plural affix remained unchanged in most of the Turkic languages. In some of the Kipchak languages (Kazakh, Kyrgyz, certain dialects of Bashkir and Altai) located at the junction of the “*-IVr*-form vs. *-tIVr*-form of the plural affix” territories, the **-IVr*-form (in voiceless **-C*-stems) and the **-nIVr*-form (in **-n*, **-ŋ*, **-m*-stems) changed into **-tIVr*. **Conclusion:** The material of the first Kazakh books in Cyrillic shows that the change in the Kipchak plural affix in voiceless **-C*-stem and in **-n*, **-ŋ*, **-m*-stem words was quite late, took place due to contacts with the Kyrgyzs, and was not yet complete at the end of the 19th century.

Keywords: Kazakh language, Kipchak languages, first Cyrillic books, plural affix, Comparative-historical linguistics, Areal linguistic, language contacts

For citation: Normanskaya Yu. V., Gadzhieva A. A. How the plural affix changed in the Turkic languages over the last 150 years // *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1121–1134. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1121-1134

Введение

Как показывают работы последних лет, у ученых нет единого мнения о происхождении пракрыпчакской формы множественного числа, ср. [Турсунова 2012: 94]. Даже авторы [СИГТЯ 2002] высказывают разные гипотезы о происхождении этого аффикса в общетюркском языке. К. М. Мусаев высказывает гипотезу [СИГТЯ 2002: 301] о том, что пракрыпчакская форма этого аффикса была **-tar/*-ter*, и он был образован от глагола **tar-a-* ‘распространяться’ на общетюркском уровне. По его мнению, формы на **-lar/*-ler* возникли путем морфонологических преобразований. Но О. А. Мудрак на материале анализа древнетюркских памятников и якутского языка приходит к выводу [СИГТЯ 2002: 603], что, наоборот, вариант **-lar/*-ler* был исходным, а вариант **-tar/*-ter* возник как результат сложения двух аффиксов **-t-* показателя множественности для одушевленных лиц и **-lar/*-ler*. О. А. Мудрак приводит реальные

примеры функционирования одновременно двух аффиксов в названиях имен в древне-тюркских памятниках и у одушевленных лиц в якутском языке. Такие примеры выявлены и нами в первых кириллических книгах на якутском языке, ср. *уол-ат-тар* ‘мальчик-Pl-Pl’ в виртуальной лаборатории Lingvodoc¹. А. В. Дыбо в [СИГТЯ 2006: 229] соглашается с гипотезой О. А. Мудрака.

Но при этой гипотезе, которая представляется справедливой, все же не вполне ясно, какой именно показатель использовался в той или иной позиции в дочерних тюркских языках.

1. Показатели множественного числа в современных тюркских языках

Суммируем данным по конкретным языкам, приведенные в [СИГТЯ 2002], в виде таблицы, добавив предложения по реконструкции показателя, употребляемого в дочерних тюркских языках в том или ином типе основ (см. табл. 1).

Таблица 1. Рефлексы **-lar/*-ler* в современных тюркских языках диалектах в зависимости от типа основы

[Table 1. **-lar/*-ler* reflexes in modern Turkic languages and dialects depending on the type of word's base]

Языки	Тип основ			
	<i>-n, -η, -m</i>	<i>-V</i>	<i>-j</i>	<i>-C_{200x}</i>
Огузские				
	<i>*-nVr</i>	<i>*-IVr</i>	<i>*-IVr</i>	<i>*-IVr</i>
турец. диал.	<i>-nVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>
гагауз.	<i>-nVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>
крым.-татар.	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>
азерб.	<i>-nVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-dVr</i>
туркм. диал.	<i>-nVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>
салар.	<i>-nVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>
Карлукско-уйгурские				
	<i>*-IVr</i>	<i>*-IVr</i>	<i>*-IVr</i>	<i>*-IVr</i>
узб.	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>
уйг.	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>
Кыргызские				
	<i>*-nVr</i>	<i>*-IVr</i>	<i>*-IVr</i>	<i>*-tVr</i>
хак.	<i>-nVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-tVr</i>
шор.	<i>-nVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-IVr</i>	<i>-tVr</i>

¹ Lingvodoc [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2181/5816/perspective/2181/5819/view> (дата обращения: 25.08.2020).

чулым.	-nVr	-lVr	-lVr	-tVr
сар.-юг.	-nVr	-lVr	-lVr	-t/dVr
Кыпчакские				
	?	*-lVr	*-lVr	?
караим.	-lVr	-lVr	-lVr	-lVr
ккалп.	-lVr	-lVr	-lVr	-lVr
кбалк.	-lVr	-lVr	-lVr	-lVr
кум.	-lVr	-lVr	-lVr	-lVr
ног.	-nVr	-lVr	-lVr	-lVr
тат.	-nVr	-lVr	-lVr	-lVr
башк. сев-зап.	-nVr	-lVr	-lVr	-lVr
башк. южн.	-nVr	-lVr	-lVr	-lVr
башк. вост.	-dVr	-lVr	-δVr	-tVr
казах.	-dVr	-lVr	-lVr	-tVr
кирг.	-dVr	-lVr	-lVr	-t/dVr
алт.	-dVr	-lVr	-lVr	-tVr
Тобаские				
	*-nVr	*-lVr	*-lVr	*-tVr
тоф.	-nVr	-lVr	-lVr	-tVr
тув.	-nVr	-lVr	-lVr	-tVr
Якутский				
	*-nVr	*-lVr	*-dVr	*-tVr
якут.	-nVr	-lVr	-dVr	-tVr

Как видно из таблицы, во всех тюркских дочерних праязыках, за исключением кыпчакских, в каждом из типов основ вариант аффикса реконструируется достаточно надежно. А в кыпчакских языках для типов основ на -n, -ŋ, -m и на -C это сделать не удастся. Оказывается, что и общетюркская реконструкция того или иного показателя для типов основ на -n, -ŋ, -m и на -C не очевидна и в определенной степени зависит от решения по кыпчакским языкам, поскольку в обоих случаях есть два конкурирующих аффикса, которые сохранились в этой позиции в разных дочерних праязыках из разных групп.

2. Показатели множественного числа в первых кириллических книгах на кыпчакских языках

В связи с этой проблемой наше внимание привлекли первые кириллические книги на кыпчакских языках, подготовленные в рамках деятельности Переводческой комиссии, учрежденной при братстве св. Гурия в Казани, начиная с 1869 г. до 1917 гг. Как показывают исследования, проведенные под руководством Ю. В. Норманской, первые кыпчакские кириллические книги, изданные в этот период, были подготовлены

на высоком научном уровне, и их системные отличия от современных литературных языков связаны, в первую очередь, с тем, что они были написаны на диалектах соответствующих языков, ср. описания графо-фонетических и морфологических систем в татарском [Нуриева 2015; Нуриева 2017; Норманская, Нуриева 2018], башкирском [Каримова, Латыпова 2016; Норманская, Каримова, Экба 2017; Экба, Норманская, Каримова 2019], казахском [Шаймердинова 2016; Дыбо, Норманская 2016; Гаджиева 2019] языках.

Анализ аффиксов множественного числа в первых кириллических книгах на казахском языке показал, что в ряде случаев в них представлена другая форма показателя: ср. зап. каз. *турганнарға* [Премудрости 1891] — лит. каз. *тұрғандарға* ‘стоящим’; *Жазықтарымды* [Премудрости 1891] — лит. каз. *Жазықтарымды* ‘грехи мои’; вост. каз. *священниклерди* [Крещение 1892] — лит. каз. *священниктерді* ‘священников’ и другие примеры. На основании этого мы предположили, что системный анализ форм аффикса множественного числа в разных типах основ в первых книгах на кыпчакских языках позволит 1) реконструировать их пракыпчакскую форму, 2) датировать из-

менения суффиксов, произошедшие в ряде языков, 3) установить, имели ли эти изменения ареальный характер.

Для анализа были привлечены следующие первые книги (часть из них доступна в виде глоссированных корпусов текстов и конкордансов на платформе lingvodoc.ispras.ru, диалектная принадлежность некоторых книг была установлена в более ранних публикациях, в этих случаях рядом с названием книги дана ссылка на статью, где приведено подробное обоснование):

— **на казахском языке:** 1) северный диалект: [Букварь 1908²; Дыбо, Норманская 2016];

2) восточный диалект: [Крещение 1892; Дыбо, Норманская 2016];

3) западный диалект: [Премудрости 189³; Гаджиева 2019];

— **на башкирском языке:** 1) восточный диалект: [Учение 1899]⁴;

2) восточный диалект: [Евангелие 1902]⁵;

3) восточный диалект: [Бессонов 1907; Экба, Норманская, Каримова 2019];

4) южный диалект: [Букварь 1892; Норманская, Каримова, Экба 2017];

— **на татарском языке:** 1) кряшанский казанский диалект: [Евангелие 1908; Нуриева 2015; Норманская, Нуриева 2018];

2) сергачский мишарский диалект: текст исповеди на языке сергачских мишарей XIX в. [Нуриева 2017];

3) чистопольский мишарский диалект: [Священная история 1862; Норманская, Нуриева 2018];

— **на тубаларском языке:** [ГАЯ 1869];

— **на телеутском языке:** [ГАЯ 1869].

Ниже в таблице 2 представлен полный список вариантов показателя множественного числа в словах с разными типами основ.

Таблица 2. Рефлексы *-lar/*-ler в первых кириллических книгах

на кыпчакских языках в зависимости от типа основы

[Table 2. *-lar/*-ler reflexes in Cyrillic Kypchak books depending on the type of word's base]

	Тип основ			
Языки и диалекты	-n, -ŋ, -m	-V	-j	-C _{злук.}
каз. лит.	-dVr тұрғандарға ‘стоящим’	-IVr кісілері ‘люди его’	-IVr Үйлеріне ‘в их домах’	-tVr жазықтарымды ‘грехи мои’ печенегтер ‘печенеги’
каз. сев.	-dVr бөтендер ‘чужие’	-IVr балалар ‘дети’	-IVr/-dVr койлар ‘овцы’ үйлөрине ‘в их дома’ үйдөрине ‘в их домах’	-dVr/-tVr денгиздер ‘морья’ айыптар ‘провинности’

² Книга [Букварь 1908] доступна он-лайн по ссылкам <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/681/5/perspective/681/9/view> (глоссированный корпус), <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1447/5/perspective/1447/6/view> (конкорданс).

³ Книга [Премудрости 1891] доступна он-лайн по ссылкам <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1752/7470/perspective/1752/7473/view> (глоссированный корпус), <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1752/7483/perspective/1752/7484/view> (конкорданс).

⁴ Книга [Учение 1899] доступна он-лайн по ссылкам <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1700/5/perspective/1700/8/view> (глоссированный корпус), <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1752/5/perspective/1752/6/view> (конкорданс).

⁵ Книга [Евангелие 1902] доступна он-лайн по ссылкам <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2479/8025/perspective/2479/8031/view> (глоссированный корпус), <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2519/16/perspective/2519/17/view> (конкорданс).

каз. вост.	-dVr дейсндер ‘действия’	-IVr/-dVr нәрселер ‘вещи’, ксидери ‘люди его’	-IVr кудайлар ‘боги’	-IVr/-tVr бөктер ‘бочки’ священниклерди ‘священ- ников’ печенеглер ‘печенеги’
каз. зап.	-dVr/-nVr катындар ‘женщины’ күндер ‘дни’ // Турганнарға ‘стоящим’	-IVr балалар ‘дети’	-IVr үйлерин ‘их дома’	-IVr/-dVr/-tVr жазыкларымды ‘грехи мои’ сөздер ‘слова’ жемистер ‘плоды’
башк. вост.	-dVr дошмандар ‘враги’	-IVr балалар ‘дети’ аузарын ‘силки’	-δVr бирмәйзәр ‘не дают’	-tVr/-δVr башлыктарына ‘главам’ бәйгамбәрзәр ‘пророки’
башк. южн.	-nVr дошманнар ‘враги’	-IVr балалар ‘дети’	-IVr бермайлар ‘не дают’	-IVr башлыкларына ‘главам’
кряш. тат.	-nVr дошманнар ‘враги’	-IVr жондозчыларь ‘звездочеты’	-IVr фарисейлярне ‘фарисеев’	-IVr ташлардан ‘из камней’
тубалар.	-nVr јааннар ‘большие’	-IVr адалар ‘отцы’		-IVr улуглар ‘большие’
телеут.	-dVr өлөңдөр ‘травы’	-IVr түрүлер ‘живые’	-IVr кудайлар ‘боги’	-tVr/-dVr көстөр ‘глаза’ колдор ‘руки’

3. Показатели множественного числа в первых кириллических книгах на кыпчакских языках в разных типах основ на картах

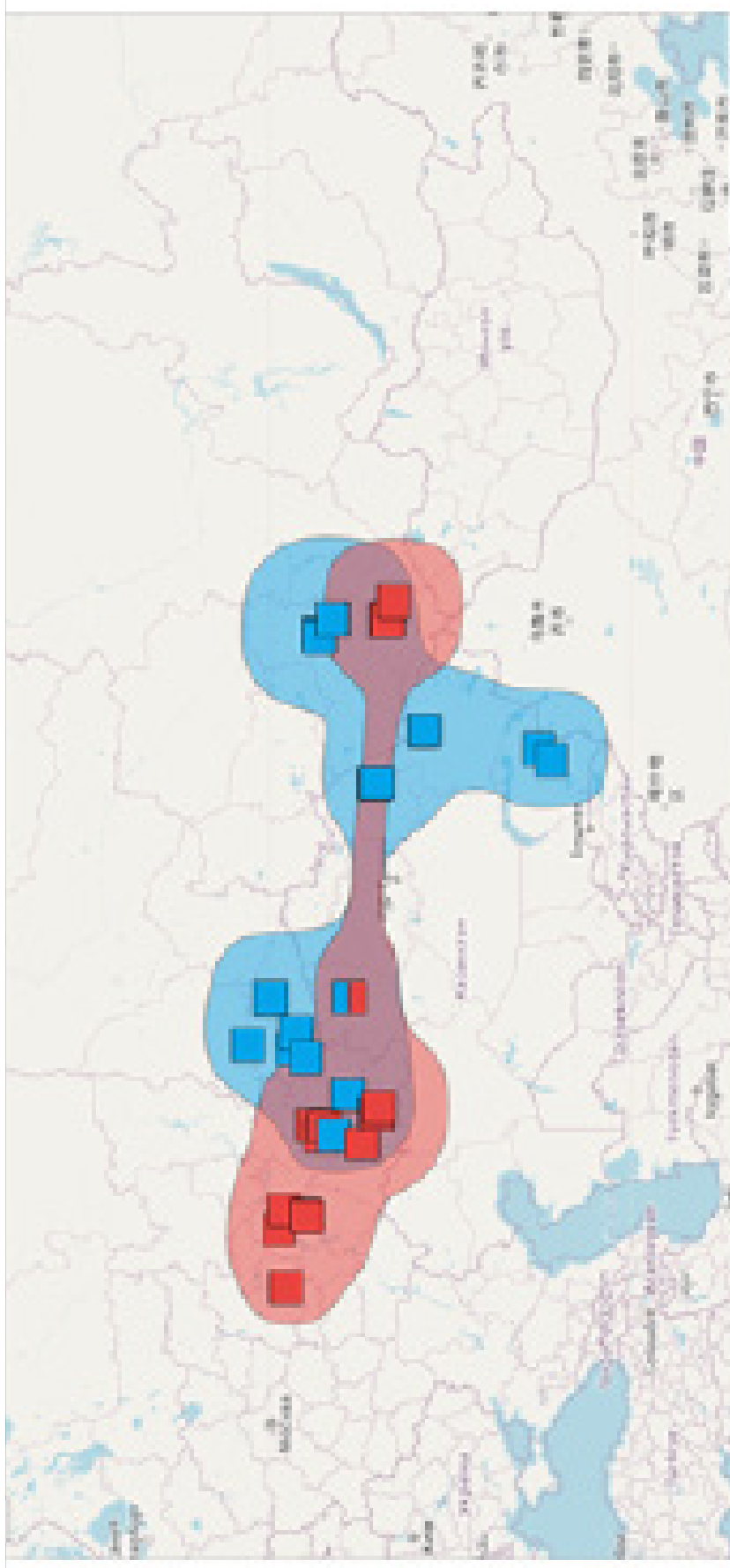
На карте 1 видно, что ареал языков с показателем множественного числа *-dar* в *-n*, *-ŋ*, *-m*-основах, отмеченный голубым цветом, занимает более компактный ареал по сравнению с языком с аффиксом *-nar*, что указывает на его инновационный характер. Наличие дублетных форм с *-nar* в первых кириллических книгах на западных казахских диалектах, которые уже не встречаются в современном западном костанайском диалекте, показывает, что процесс замены *-nar* на *-dar* был завершен только в XX в.

При этом реконструкция кыпчакской формы аффикса для этой позиции все же затруднена, поскольку в караимском, каракалпакском, карачаево-балкарском, кумыкском языках представлена форма суффикса *-IVr*. Хотя нам неизвестны пер-

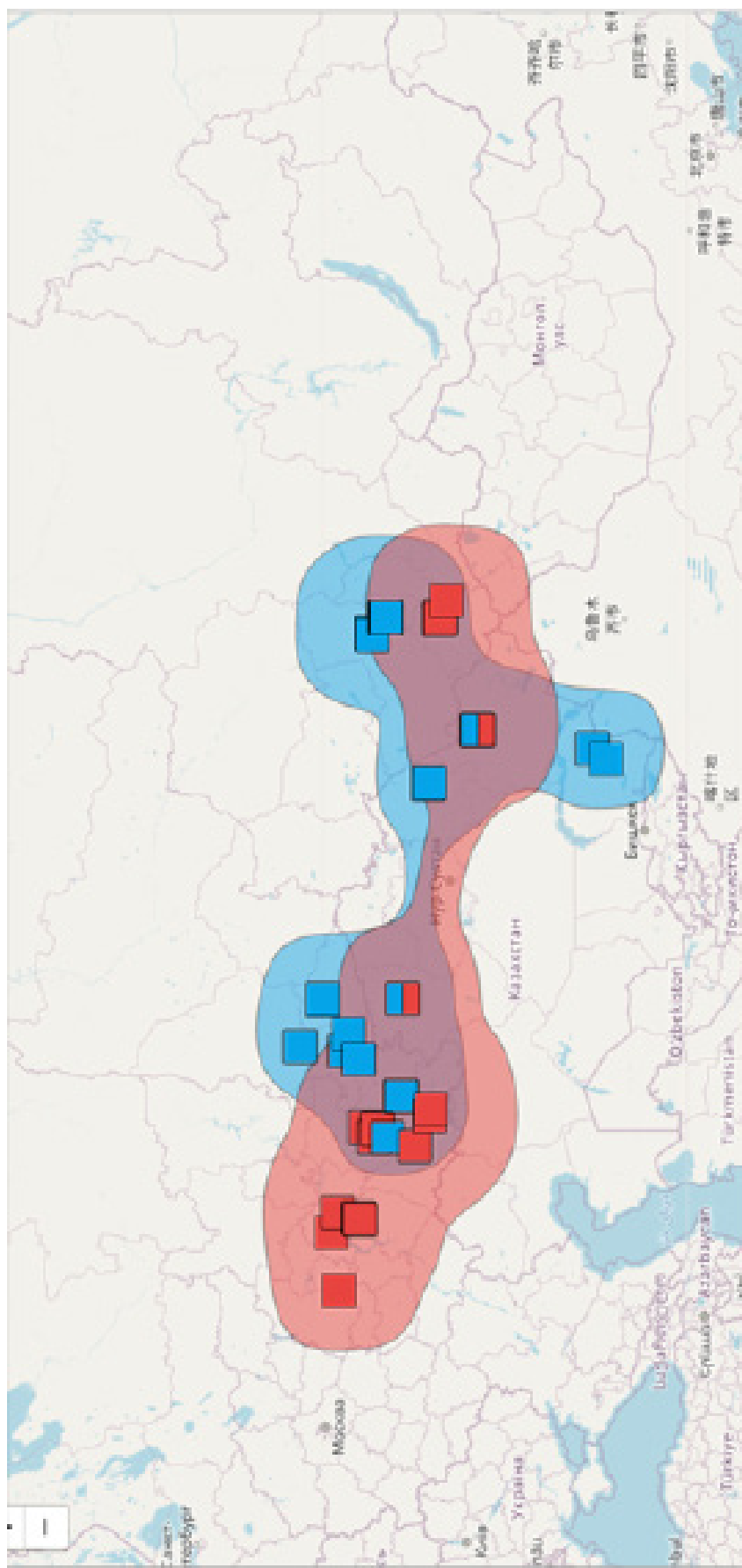
вые кириллические книги на этих языках, но, учитывая, что в них сохранился архаичный вид показателя, можно предположить, что он был таким же и в XIX в. С другой стороны, и показатель *-nar* в этой позиции представлен в большинстве тюркских языков. Ниже при разборе пратюркской реконструкции формы аффикса в разных типах основы на карте 3 мы рассмотрим аргументы в пользу его появления в общетюркском языке.

Наличие показателей *-dVr*, *-δVr* в основах на гласные и на *-j* являются очевидным образом инновационными, поскольку встречаются только в восточно-башкирских диалектах и спорадически — в северных и восточных первых казахских книгах.

Как можно видеть на карте 2, инновационный характер появления показателей множественного числа *-t/dar* еще более очевиден, поскольку дублеты в виде аффиксов *-lar* встречаются не только в западных, но и в восточных первых казахских книгах.

Карта 1. В $-n$, $-n$, $-m$ -основах $-nVr$ — красный цвет, $-dVr$ — голубой
 [Map 1. In $-n$, $-n$, $-m$ -base words $-nVr$ — red, $-dVr$ — blue]

Карта 2. В С-основах -l/r — красный цвет, -t/d/r — голубой
[Map 2. In C-base words -l/r — red, -t/d/r — blue]

Эти факты, обнаруженные в ранее неопи-
санных первых казахских книгах, являются
подтверждением гипотезы О. А. Мудрака и
А. В. Дыбо, высказанной в [СИГТЯ 2002:
603; СИГТЯ 2006: 229] о том, что появление
показателя *-t/dar* в кыпчакских языках было
инновацией, которая завершилась только в
XX в.

4. Реконструкция показателей мно- жественного числа в тюркских дочерних праязыках

Уточненная реконструкция прақыпчак-
ских форм множественного числа позволяет
обратиться к сравнению праязыковых форм
суффикса для дочерних семей тюркских
языков.

Таблица 3. Рефлексы **-lar/*-ler* в дочерних тюркских праязыках
в зависимости от типа основ

[Table 3. **-lar/*-ler* reflexes in Turkic daughter languages depending on the type of word's
base]

Языки	Тип основ			
	<i>*-n, -η, -m</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-j</i>	<i>*-C_{зпх}</i>
огузские	<i>*-nVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-lVr</i>
карлукско- уйгурские	<i>*-lVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-lVr</i>
кыпчакские	<i>*-lVr/*-nVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-lVr</i>
кыргызские	<i>*-nVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-tVr</i>
тобаские	<i>*-nVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-tVr</i>
якутские	<i>*-nVr</i>	<i>*-lVr</i>	<i>*-dVr</i>	<i>*-tVr</i>

4.1. *-n, -η, -m*-основы

Из таблицы 3 видно, что для типов ос-
нов **-n, -η, -m*, опираясь только на генети-
ческую информацию о тюркских языках,
реконструировать пратюркский тип аф-
фикса множественного числа сложно. Но
наложение информации о форме показате-
ля в разных тюркских языках на карту по-
зволяет установить, что аффикс *-lVr* в *-n, -η, -m*-основах встречается только в весьма
ограниченном ареале на юго-западе распро-
странения тюркских языков: от Крыма до
Узбекистана (см. карту 3).

4.2. *-C*-основы

Для основ на *-C_{глух}*, наоборот, генетиче-
ская принадлежность языка в большинстве
случаев определяет рефлексацию показате-
ля множественного числа как **-lVr* (огуз-
ские, карлукско-уйгурские и часть кыпчак-
ских языков) или **-tVr* (часть кыпчакских
языков, кыргызские, тобаские, якутский).

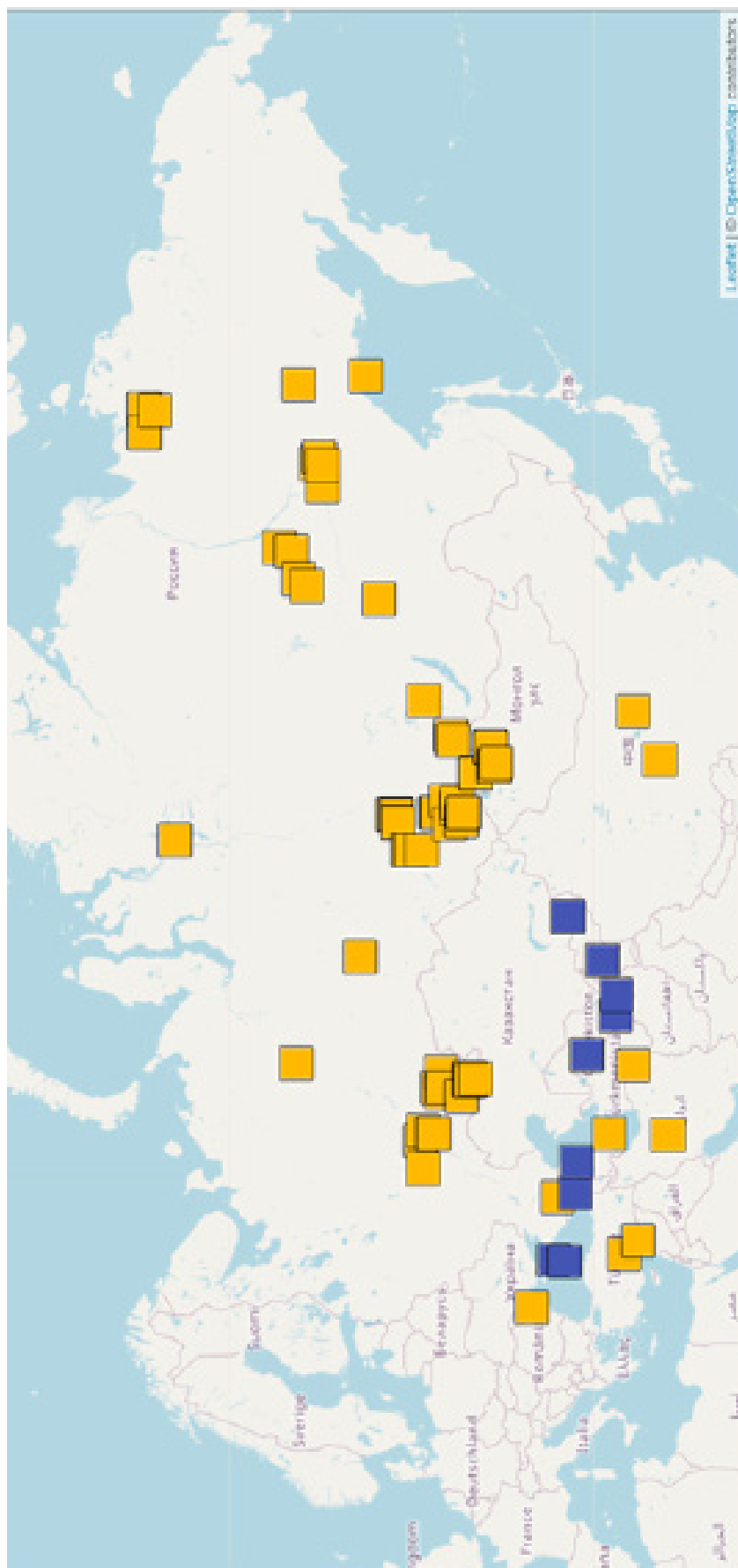
В большинстве случаев это соответствует
и их географическому положению (см. кар-
ту 4).

На карте 4 видно, что пересечение этих
ареалов как раз приходится на территорию
распространению кыпчакских языков, в ко-
торых переход *-lVr* в *-tVr* происходил еще в
XIX в.

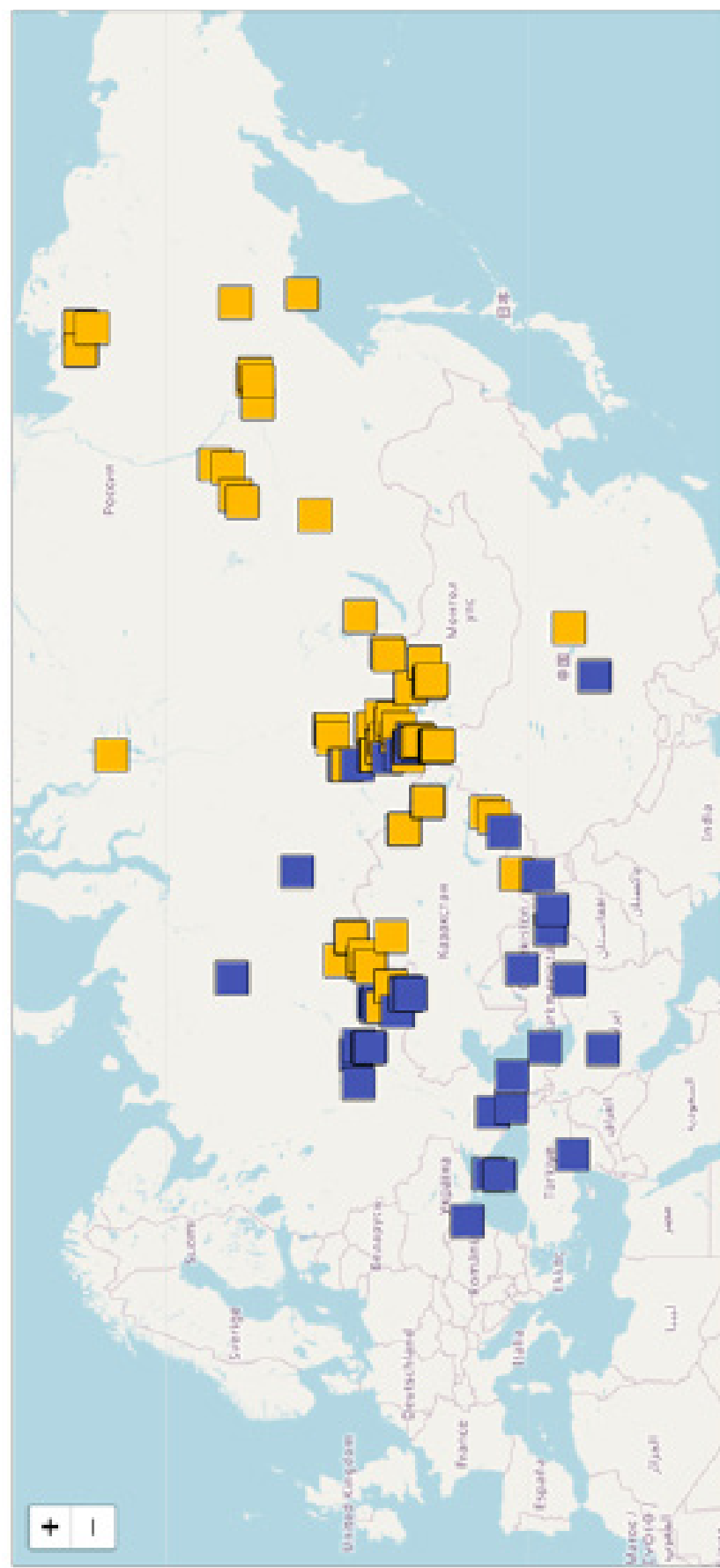
Выводы

В результате проведенного анализа пер-
вых кириллических книг на тюркских язы-
ках мы приходим к выводу о правильности
гипотезы Э. Р. Тенишева (ср.: [СИГТЯ 2002:
509]), который считал, что для позднепра-
тюркского языка следует реконструировать
аффикс множественного числа с модифика-
циями в зависимости от типа основы.

На основании проведенного нами анали-
за можно предложить следующие правила
морфонологических чередований (см. таб-
лицу 4):

Карта 3. В *-n, -ŋ, -m*-основах *-n/r* — синий цвет, *-l/r* — жёлтый⁶
 [Map 3. In *-n, -ŋ, -m*-base words *-n/r* — red, *-l/r* — blue]

Карта 4. В -C -основах -IVr — синий цвет, -tVr — жёлтый
[Map 4. In -C-base words -IVr — blue, -tVr — yellow]

Таблица 4. Модификации *-lar/*-ler в позднепратюркском языке в зависимости от типа основы
 [Table 4. Modifications of *-lar/*-ler in the late Turkic language depending on the type of base]

Язык	Тип основ			
	*-n, -η, -m	*-V	*-j	*-C _{зых}
позднепратюркский	*-nVr	*-lVr	*-lVr	*-lVr (запад.)/ *-tVr (вост.)

В большинстве тюркских языков сохранилось позднепратюркское состояние аффикса множественного числа без изменений. В части кыпчакских языков (казахском, киргизском, некоторых диалектах башкирского и алтайского), которые находились на стыке территорий «-lVr vs.

-tVr» произошла замена показателей *-lVr в C_{зых}-основах и *-nVr в -n, -η, -m-основах на *-tVr. Привлечение материала первых кириллических казахских книг позволило установить, что этот процесс был достаточно поздним и еще не был завершен в конце XIX в.

Сокращения

азерб. — азербайджанский язык; алт. — алтайский язык; башк. — башкирский язык; вост. — восточный; гагауз. — гагаузский язык; диал. — диалектный; зап. — западный; казах. — казахский язык; караим. — караимский язык; кбалк. — карабалкарский язык; кирг. — киргизский язык; ккалп. — каракалпакский язык; крым-татар. — крымско-татарский язык; кряш. тат. — кряшенский татарский язык; кум. — кумыкский язык; лит. — литературный язык;

ног. — ногайский язык; сарар. — сарарский язык; сар.-юг. — сары-югурский язык; сев. — северный; сев.-зап. — северо-западный; тат. — татарский язык; телеут. — телеутский язык; тоф. — тофаларский язык; тубалар. — тубаларский язык; тув. — тувинский язык; турец. — турецкий язык; туркм. — туркменский язык; узб. — узбекский язык; уйг. — уйгурский язык; хак. — хакассский язык; чулым. — чулымский язык; шор. — шорский язык; южн. — южный; якут. — якутский язык.

Литература

Бессонов 1907 — Бессонов А. Г. Букварь для башкир. Казань: Центральная типография, 1907. 47 с.
 Букварь 1892 — Букварь для башкир. Оренбург: типо-литография Бреслина, 1892. 58 с.
 Букварь 1908 — Букварь для киргизь. Букуар. Казань: Центральная типография, 1908. 37 с.
 Гаджиева 2019 — Гаджиева А. А. Анализ системы вокализма и консонантизма в первых кириллических книгах на казахском языке // Урало-алтайские исследования. 2019. № 3 (34). С. 53–71.
 ГАЯ 1869 — Грамматика алтайского языка, составлена членами алтайской миссии. Казань: Университетская типография, 1869. 298 с.
 Дыбо, Норманская 2016 — Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4 (23). С. 138–152.

Евангелие 1902 — Святое Евангелие (на башкирском языке). Казань: БИБО, 1902. 302 с.
 Евангелие 1908 — Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на татарском языке. 3-е издание. Казань: Типография наследников М. А. Чирковой, 1908. 333 с.
 Каримова, Латыпова 2016 — Каримова Р. Н., Латыпова Р. М. Письменные источники по башкирскому языку конца XIX – начала XX века // Урало-алтайские исследования 2016. № 1 (20). С. 41–52.
 Крещение 1892 — Аулие князь Владимир турадинге бзи де крип; орыс калкын-да кргизгени. Крещение Руси на киргизском языке. Казань: Типография наследников М. А. Чирковой, 1892. 27 с.
 Норманская, Каримова, Эмба 2017 — Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Эмба З. Н. В. В. Катаринский — автор первой книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. 2017. № 2 (33). С. 46–52.
 Норманская, Нуриева 2018 — Норман-

⁶ На этой карте не показана информация об ареале языков с показателем множественного числа -dVr в n-, m-, η, потому что, как было показано выше, этот вариант аффикса является инновацией.

- ская Ю. В., Нуриева Ф. Ш. Диалектные особенности первых кириллических книг на татарском языке // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений, посвященные памяти Д. М. Насилова. М.: Изд-во МГУ, 2018. С. 95–113.
- Нуриева 2015 — Нуриева Ф. Ш. Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2015. № 2 (17). С. 67–73.
- Нуриева 2017 — Нуриева Ф. Ш. Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 161–173.
- Премудрости 1891 — Акыл бере тугун кнеге (Изъ премудрости Иисуса сына Сирахова). Казань: Тип. и Литогр. В. М. Ключникова, 1891. 55 с.
- Священная история 1862 — Священная история от сотворения мира до кончины Иосифа по книге Бытия, изложенная на народном татарском языке. Казань: [б. и.], 1862. 137 с.
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 2002. 769 с.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева и А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 912 с.
- Турсунова 2012 — Турсунова М. А. О формах множественного числа в тюркских языках: синхронический и диахронический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3. С. 93–95.
- Учение 1899 — О загробной жизни по учению Православной церкви на башкирском языке. Казань: Типо-литография императорского университета. 1899. 79 с.
- Шаймердинова 2016 — Шаймердинова Н. Г. Анализ системы консонантизма в казахских памятниках конца XIX – начала XX вв. // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4(23). С. 128–137.
- Экба, Норманская, Каримова 2019 — Экба З. Н., Норманская Ю. В., Каримова Р. Н. Три диалекта в «Букваре для башкир» А. Г. Бессонова // Урало-алтайские исследования 2019. № 2 (33). С. 101–111.

References

- Bessonov A. G. ABC book for the Bashkirs. Kazan: Central typography, 1907. 47 p (In Bashkir.)
- ABC book for the Bashkirs. Orenburg: type-lithography of Breslin, 1892. 58 p. (In Bashkir.)
- ABC book for the Kyrgyzes. Bukuar. Kazan: Central typography, 1908. 37 p. (In Kyrgyz.)
- Grammar of the Altai language, compiled by members of the Altai mission. Kazan: University typography, 1869. 298 p. (In Russ.)
- The Holy Gospel in the Bashkir language. Kazan: BIBO, 1902. 302 p. (In Bashkir.)
- Holy Gospel of Our Lord Jesus Christ in the Tatar language. Kazan: typography of M. A. Chirkova's heirs 1908. 333 p. (In Tatar.)
- Karimova R. N., Latypova R. M. Written sources in the Bashkir language of the late 19th — the early 20th century. Ural-Altaic Studies. 2016. No 1 (20). Pp. 41–52. (In Russ.)
- Cristianization of Russia in the Kirghiz language. Aulie kn'az Vladimir tura dinge bzi de krip; orys kalkyn-da krgizgeni. Kazan: typography of M. A. Chirkova's heirs, 1892. 27 p. (In Kyrgyz.)
- Nurieva F. Sh. The dialectal base of the books written in "christened Tatar" in the latter half of the 19th century. Ural-Altaic Studies. 2015. No 2 (17). Pp. 67–73. (In Russ.)
- Nurieva F. Sh. A linguistic monument of the Sergach Mishars' dialect: a confession text from the 19th century. 2017. No 3 (26). Pp. 161–173.
- Akil bere tugun knege. From the book of Wisdom of Sirach. Kazan: V. M. Kljuchnikov's typography and lithography, 1891. 55 p. (In Kyrgyz.)
- The Sacred history from the creation of the world to the death of Joseph according to the book of Genesis, in the Tatar language. Kazan, 1862. 137 p. (In Tatar.)
- Comparative-historical grammar of Turkic languages: Regional reconstructions. E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 2002. 769 p. (In Russ.)
- Comparative-historical grammar of Turkic languages. Proto-Turkic base language. A Proto-Turk's world-view. E. R. Tenishev & A. V. Dybo (ed.). Moscow: Nauka, 2006. 912 p. (In Russ.)
- Tursunova M. A. About plural forms in Turkic languages: synchronistic and diachronic aspects // Philological Sciences. Theory and practice. Tambov: Gramota, 2012. No 3. Pp. 93–95. (In Russ.)
- On the afterlife according to the teachings of the Orthodox Church in the Bashkir language.

- Kazan: Typography of Imperator's University, 1899. 79 p. (In Russ.)
- Shajmerdinova N. G. Analysis of consonant system in the Kazakh written monuments of the late 19th and early 20th centuries. *Ural-Altaic Studies*. 2016. No 4 (23). Pp. 128–137. (In Russ.)
- Ekba Z. N., Normanskaya Yu. V., Karimova R.N. Three dialects in the “Primer for Bashkirs” by A. G. Bessonova // *Ural-Altaic Studies* 2019. No. 2 (33). pp. 101-111. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 1135–1154, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22 (=512.157)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154

К семиотической интерпретации мифологического образа дерева *Аал Луук мас* в эпосе олонхо

Марианна Тимофеевна Сатанар¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского,
 677000 Якутск, Российская Федерация)
 научный сотрудник

 0000-0002-3546-7343. E-mail: satanar68@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Сатанар М. Т., 2020

Аннотация. *Введение.* Наблюдающийся ренессанс эпического произведения олонхо сопровождается новым витком попыток переосмысления олонхо как семиотической системы, основные идеи, смыслы и ценности которого вновь актуализируются в условиях информационной цивилизации. Статья посвящается исследованию мифологического образа дерева *Аал Луук мас*, наиболее полное и стройное описание которого представлено в эпических памятниках олонхо. Стремление найти истоки архаического образа определило необходимость анализа этого феномена культуры в его развитии, ибо суть любого объекта исследования постигается в его становлении. *Цель:* выявить этапы становления и развития мифологического образа дерева *Аал Луук мас*, определить модель-архетип мифопоэтического сознания этноса, а далее показать его моделирующую и структурирующую функцию как главной генерирующей идеи в национальной картине мира. *Методы.* В работе реализуется междисциплинарный подход, используются методы моделирования, структурно-семиотического анализа, дедукции. *Результаты.* Поэтапное исследование показало, что в текстах олонхо наблюдаются предшествующие появлению образа дерева этапы космогенеза, зооморфного космоса, антропоморфного космоса, а далее становление сложного образа *Аал Луук мас* в виде модели, структурирующей многоярусную Вселенную. Автор приходит к выводу, что, помимо известных представлений об образе *Аал Луук мас* как символа плодородия и вечного круговорота жизни и смерти, форма и содержание этого архаического образа в значительной степени определили появление многих знаковых систем якутской материальной и духовной культуры. Такое обстоятельство позволяет распознать инвариантную схему-архетип с сохранением смысловых «валентностей» и в современных текстах традиции, обозначающих перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: дерево *Аал Луук мас*, пирамидальная модель мира, олонхо, семиосфера, изоморф, знаковая система, космогенез, семантические оппозиции

Благодарность. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Для цитирования: Сатанар М. Т. К семиотической интерпретации мифологического образа древа *Аал Луук мас* в эпосе олонхо // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 1135–1154. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154

UDC 398.22 (=512.157)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154

The Tree of *Aal Luuk Mas*: Semiotic Interpretation of the Mythological Image in Olonkho Epic Revisited

Marianna T. Satanar¹

¹ Ammosov North-Eastern Federal University (42, A. E. Kulakovsky St., Yakutsk 677000, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0002-3546-7343. E-mail: satanar68@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Satanar M. T., 2020

Abstract. *Introduction.* Interpretation of sign systems inherent to archaic texts of Olonkho epic remains an important issue within Yakut epic studies. The situation is complicated by the ongoing penetration of network structures into all spheres of human activity in modern society, and requires further systemic studies in the nature of mythological consciousness. The article examines the mythological image of *Aal Luuk mas* Tree which steadily functions in mythological contexts of the Yakut Olonkho epic. As is known, the ‘pith and marrow’ of any phenomenon can be comprehended only through the study of its formation. So, the work analyzes all stages of the development of the image, starting with the sources proper. *Goals.* The research aims to identify the sequence of stages in the formation of the mythological image of *Aal Luuk mas*, determine the model archetype within the ethnic mythopoetic consciousness, and demonstrate modeling and structuring functions thereof as the main generating idea in the Sakha view of the world. *Materials and Methods.* The work considers mythological views of the Sakha people reflected in Yakut Olonkho epic texts, and employs an interdisciplinary approach that includes various methods of modeling, structural-semiotic analysis, and deduction. *Results.* The stadial research shows that Olonkho texts contain fragments of mythological cosmogenesis, archaic motifs of the world egg, world sea, elements of zoomorphic space, anthropomorphic characters to have preceded the era of the Tree — to further shape a complex image of *Aal Luuk mas* as a model that structures a multilevel Universe. The work mentions a geometric representation of the Tree in the form of a static pyramid and a dynamic cone identical to the Olonkho epic model of the world discovered by the author in previous studies. The paper concludes that in addition to the well-known ideas about the image of *Aal Luuk mas* as a symbol of fertility and the eternal cycle of life and death, the form and content of this archaic image largely determined the emergence of many sign systems nowadays integral to Yakut material and spiritual culture. And this circumstance proves instrumental in recognizing an invariant archetype scheme with the preservation of semantic ‘valencies’ in modern texts of the tradition, thus indicating further research prospects.

Keywords: *Aal Luuk mas* Tree, pyramidal model of the world, Olonkho, semiosphere, isomorph, sign system, cosmogenesis, semantic oppositions

Acknowledgements. The reported study was funded by Ammosov North-Eastern Federal University, project ‘Heroic Epics of Eurasian Turko-Mongols: Problems and Perspectives of Comparative Study’.

For citation: Satanar M. T. The Tree of *Aal Luuk Mas*: Semiotic Interpretation of the Mythological Image in Olonkho Epic Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1135–1154. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154

Введение

В современных условиях информационной цивилизации большое внимание привлекают миф и эпос, интерес к которым определяется стремлением понять и осмыслить инвариантные ценности мифологических знаний истоков своей культуры. Исследования мифических структур человеческого сознания, регулирующих поведение людей во всех сферах жизни, вновь выходят на передний план. В поле общего контекста мифа, полностью соглашаясь с замечанием В. Н. Топорова, что «чем древнее знаковая система, тем более она прагматична» [Топоров 2010: 14], наше внимание в настоящей статье уделяется мифологическому образу мирового дерева, выделяющегося большим потенциалом организующих начал в становлении других знаковых систем, который устойчиво наблюдается в семиосфере мифологической канвы якутского эпоса олонхо.

Исследование опирается на теоретические положения В. Н. Топорова, давшего блистательный образец семиотического анализа мирового дерева как универсального знакового комплекса [Топоров 2010], на концепцию стадияльной типологии Е. М. Мелетинского [Мелетинский 2000a], на принципы структурно-семиотического исследования, развиваемые в трудах представителей Московско-тартуской школы, на методологии изучения семантического аспекта фольклорного сюжетосложения (О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский и др.).

Применительно к мифологическому образу *Аал Луук мас* работа опирается на труды якутских исследователей И. В. Пухова, Н. В. Емельянова, Л. Л. Габышевой, Л. Н. Семеновой, А. А. Кузьминой, Г. С. Поповой и др.

В выводах ученых дерево *Аал Луук мас* отмечается как родовое дерево жизни [Пухов 1962: 35], священное дерево-аналог мировому дереву, отражающееся в мифологических представлениях многих народов [Емельянов 1983: 19], священная вертикаль, моделирующая пространственно-времен-

ную организацию текстов олонхо [Габышева 1994: 3–23; Семенова 2006: 32–37], образ-концепт, символизирующий универсум [Попова 2019: 115], символ гармоничной счастливой жизни людей [Саввинов, Слепцова 2017: 67] и т. д.

Заметим, семиотический и прагматический аспекты эпоса олонхо продолжают оставаться одним из малоизученных областей в якутской эпосоведческой науке. Настоящее исследование ставит целью реконструировать этапы формирования мифологического образа дерева *Аал Луук мас*, показать через семиотическое пространство образа содержательную основу-модель мифологического сознания, структурирующего национальную картину мира. При этом актуализироваться будут те аспекты образа дерева, которые еще находятся вне фокуса внимания якутских исследователей.

В любой культуре образ мирового дерева функционирует, с одной стороны, в качестве ментального образа, с другой — в виде знаковой системы. Языком его описания служат системы семантических противопоставлений согласно логике мифологического мышления [Леви-Стросс 1994: 3–14].

Важным предстает и геометрическое представление образа *Аал Луук мас*, необходимое для описания различных воплощений символа-архетипа дерева в культурном наследии народа саха. При этом отметим, что логичным предстает аналогия между предложенной В. Н. Топоровым геометрической схемой, описывающей структуру универсальных знаковых комплексов, и выявленной ранее автором данной статьи геометрической пирамидальной модели мира эпоса олонхо (в статическом положении) [Сатар, Илларионов 2018: 471–481]. Аналогия объясняется основополагающей установкой мифопоэтического мышления на принцип тождества, приводящего к иерархической организации структуры мироздания, где все составные элементы подчиняются единому общему. Настоящее исследование представляет собой продолжение предыдущих работ автора.

К истокам мифологического образа Аал Луук мас

Для древнего мышления первоначальной важностью обладает вопрос о происхождении окружающего мира и самого человека, то, что происходило в начале времен, воспринимающееся как априори, содержащее суть существования. В связи с этим анализ мы начнем с мотива начального времени, заявляемого как правило, сразу [Поппе 1937: 96; Неклюдов 2005: 117] во вводной части эпоса олонхо: *На далекой вершине давних лет, / На отдаленном хребте минувших лет, / Когда четыре якута еще не родились, / Когда три якута еще не появились на свет* [Строптивый Кулун 1985: 286].

Именно в эту эпоху первотворения возникает мироздание: *Госпожа, мать-земля моя, / Величиной с пятку серой белки / Расширяясь-растягиваясь, / Разрастаясь, рождалась; / Подобно вывернутому, / Мягкому, как замша, уху / Двухгодовалой важенки / Растопыриваясь во все стороны, / Постепенно увеличилась* [Якутский эпос 1996: 77–79].

Идея расширения пространства имплицитно вводит основные оппозиции «верх / низ» посредством отделения неба от земли. Сходные представления имеются в мифологии и других тюрко-монгольских народов [Гоголев 2002: 29; Шаракшинова 1978: 21].

Здесь картина изображает то, как из «единого первоначального хаоса» [Гоголев 2002: 29] постепенно структурно разделяются пространственные уровни. Такой свернутый вариант космогенеза устойчиво функционирует в текстах многих олонхо. При этом отметим, вариативные интерпретации космогенеза восходят к «общей медиальной функции сказителя» [Семенова 2006: 40] — воспевании «возникновения мироздания» посредством сказительского приема «рассказывания извне» [Белокурова 2011: 118], при котором сказитель, будучи «важной константной фигурой любого эпоса» [Белокурова 2011: 117], выступает «рассказчиком, транслирующим события извне» [Белокурова 2011: 117].

Совершенно противоположную сказительскую позицию являет собой текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»

П. А. Ойунского, в котором эпический зачин транслирует «взгляд сказителя помещенного во внутрь происходящих событий» [Нюргун Боотур 1975: 10–12], в результате которого наблюдается более развернутый вариант описания космогонического процесса (поэтапное «космизирование» хаоса).

Такое обстоятельство обеспечивает возможность внутренней реконструкции космогенеза. В 125 стихотворных строках с большой степенью развернутости космогенез описывается в виде «огненной схватки» космических начал: *Средний серо-пятнистый мир, / Завихриваясь в круженье своем, / Как тряси́на, зыбнуться стал... / Бедственный преисподний мир, / Расплескиваясь, как лохань, / Против движения средней земли / Полетел, закружился, гудя, / Охваченный с четырех сторон / Багрово-синим огнем. / Оттого у него с четырех сторон / Выросли, поднялись / Четыре препоны-стены... / Девятое белое небо, / Расплескиваясь, как вода / В лукошке берестяном, / Обратно движению своему / Выгибаясь, как пятки задок, / От мчащейся ледяной шуги / Южным небом, где тучи клубятся, / Заслони́лось, словно щитом* [Нюргун Боотур 1975: 11].

Этот семантически нагруженный фрагмент текста иллюстрирует процесс космогенеза с упоминаниями первоэлементов мироздания: «берестяной посуды с водой», «пылающего огня», «ледяного урагана», «захлестнувшей морем огня трясины». В мифологическом тексте именно описания действий могут привести к реконструкции глубинного смысла [Пропп 2001: 22; Толстая 2010: 32]. Так, слова «завихривается» и «кружится» на языке происходящих событий «выделяют» наиболее значимые участки, послужившие причиной появления последующих эпических действий, — «вырастания» и «поднимания» четырех стен, обрисовывающих постепенное введение горизонтальной структуры пространства.

Ясность в начальных событиях акта творения внесена в другой работе П. А. Ойунского: «Стонущий от ледяной бури верхний мир перевернулся, образовав южный полюс, пылающая в огне преисподняя задрожав перевернулась, образовав северный полюс» [Ойунский 2016: 12]. Значит, космогенез подчиняется следующему правилу: вертикаль → горизонталь, и «динамическим детерминантом» связи выступает вращение.

Шаг за шагом все более упорядочивается семиотический космос, а значит уменьшается хаос, и начинает вычерчиваться участок с сравнительно высокой степенью организации — ось, в виде «сгущающегося первопространства», вызываемого вращением [Нюргун Боотур 1975: 11].

Итак, в пространственной организации семиотическая роль отводится оппозиции «вращение в одну сторону / вращение в другую», «верх / низ» как «свернутых серий» последующих противопоставлений различных уровней (к примеру «небо / земля» имплицитно оппозицию «мужское / женское», что детализируется на «чет / нечет», «светлое / темное» и т. д., в зависимости от выбора кода). Одновременно с установлением космического порядка вводится и фактор времени: противопоставление «сакральное время / эмпирическое время» имплицитно оппозиции «зима / лето», «весна / осень», приуроченных к годовому циклу, которые детализируются на «день / ночь» в суточном цикле и т. д. Именно таким способом первобытное сознание усваивает мир, выступающий основной стратегией в построении отношений с природой.

Необходимо уточнить один значительный момент. Согласно принципу «семантики целого и его частей», предполагающего сеть взаимосвязей между частями, заполняющих композиционно художественное пространство (сюжетные связи), важным предстает тезис «смысл воссоздается не только самими элементами, но и их последовательностью» [Топоров 2010: 71].

В сюжетном построении олонхо П. А. Ойунского мотив описания священного дерева следует за мотивом сотворения мироздания как логическое следствие процесса космогенеза, при котором сохраняется та же вышеобозначенная сказительская позиция «взгляда изнутри» в виде монологической речи от лица самого священного дерева *Аал Луук мас*: *Если б вольно я / В высоту росло, / Я до неба / Дорасти бы могло. / Поднялись бы верхние ветки мои / Выше стремительных / Белых небес, ... / Где грозный живет / Улуу Суорун Тойон... / Там несметное племя его, / Свирепые верхние абаасы, ... / Стали бы жадно пить / Белую благодать мою, ... / Сохнуть бы начали тогда, / Высокие ветви мои... / Пошатнулось бы счастье средней земли... / Если бы во-*

семьдесят восемь моих / Могучих толстых корней / Прямо вниз росли / В глубину земли, ... / Где владыка Нижнего мира живет, / То несметное племя его... / Стали бы корни мои сосать... / Рухнуло бы я с высоты / Грузным своим стволом... [Нюргун Боотур 1975: 50].

Такая ситуация аргументирует изначальное существование данного феномена «в качестве оси мира», справедливо замеченная Г. С. Поповой [Попова 2019: 107]. Акцентируя идею вращения заметим, что содержательное сообщение о круговых движениях всех трех миров вокруг одной оси фиксируется в этом олонхо в мотиве рождения богатыря *Нюргун Боотура*, в виде диалога и договора между главарями трех родов до рождения богатыря: *На трехсводных ли небесах, / В преисподних ли пропастях — / Где б ни родился / Дерзкий наглец, / Что силой своей гордясь, / Вздуроражит бегущую твердь / Необъятно гулких небес, / Осмелится пошатнуть / Основу Вселенной, / Опорную ось / Кружащихся трех миров... / То следует этого наглеца / Железной уздой обуздать...* [Нюргун Боотур 1975: 17]. Следовательно, можно предположить, что описываемый в зачине космогенез синхронизирован с моментом рождения главного героя *Нюргун Боотура*, и он предстает ровесником эпического мироздания.

В приведенном выше отрывке речи образа *Аал Луук мас* не реализуется дальнейшее развитие движений верхней ветки и нижнего корня дерева, эти движения служат индикатором еще продолжающегося космогенеза. Между тем полный, окончательный образ дерева *Аал Луук мас* представлен во многих других олонхо, и считается исследователями его характерным описанием (Н. В. Емельянов, Л. Л. Габышева, Е. И. Избекова, Л. Н. Семенова, Е. Н. Романова и др.): *Ветка самая верхняя / К трехъярусному небу белому, / Вздыхаясь, бурно потянулась... / Опомнилась, за разум спохватилась, ... / Гулкового неба широкого / От облака-бугорка прогибаясь, / Как крылья стерха, / Вниз направляясь, / Прорастало, оказывается... / Такого дерева могучего корни, / Буйно разрастаясь, / Замысловато переплетаясь, / Сквозь землю выступать стали... / Вытягиваясь-вырастая, / Как журавля летящего крылья, / Вниз опускаясь, / Опомнившись, подтянулось, / Поняв,*

спаслось, оказывается [Ядрихинский 2019: 39–49].

Такое установление равновесия космического универсума в виде «изогнутых ветвей и корней» интерпретируется Л. Н. Семеновской как пространственная скрепа, связывающая три мира, служащая гарантом устойчивости космоса [Семенова 2006: 36].

О восприятии Вселенной как гигантского дерева свидетельствуют и фольклорные тексты других народов, например, в загадке древних славян: «Стоит дуб-стародуб, на нем сидит птица-веретеница, никто ее не поймает: ни царь, ни царица, ни красная девица (небеса и солнце)» [Даль 1984: 381].

Действительно, «миф — синкретическая колыбель не только литературы, искусства, религии, философии, но и науки» [Мелетинский 2000а: 5], и «логика архаичного мышления вполне соответствует научному мировоззрению позднейшей эпохи» [Топоров 2010: 45].

Следует добавить, что во многих текстах олонхо повествуется: *В древе том обитает / Хозяйка Земли, / Дух великий деревьев и трав, / Аан Алахчын, / Манган Манхалыын, / Дочь Юрюнг Аар Тойона, / Владыки небес, / Посланная жить на земле* [Нюргун Боотур 1975: 49], в различных вариативных трактовках. Существенно то, что образ духа-хозяйки земли буквально «вписан» в образ дерева: *Дерева Аал Кудук мас / Кора смолистая, / С шумом-хрустом / Как будто раздвинулась, / Широкие листья золотые / Незаметно задрожали... / Будто раскололась-раскрылась, / Как куропатка белая / С прядями снежно-белыми / Важная женщина-хотун, / С грудями обнаженными / По кругу темные сосков / Вдруг оттуда высунулась* [Ядрихинский 2019: 173]. Аналогичные действия воспроизводятся в каждом олонхо.

В текстах якутских олонхо наблюдаются важные детали концепции «первозданного океана». Концепция представляет собой архаические представления о первозданных водах, воплощающих собой хаос. Так, с «мировым морем» тесно связан космогенез в виде «огненной войны» между добрыми и злыми началами. По содержанию начального этапа космогенеза ключевым событием является момент, когда воюющие друг с другом племена, именно «вынувшись со дна

морья», принимают решение о заключении мира: *В бесполезной борьбе распаясь, / Как железо в огне, раскалясь, / То и дело стали они / В ледяное море нырять. / И, всплывая из глубины, / Журча и сопя, / Садились на каменном берегу / Дух немного перевести... / И, будоража вдохами темную даль, / Стали думу думать они* [Нюргун Боотур 1975: 11].

Нужно подчеркнуть, что священное древо *Аал Луук мас* находится: *Этого мира срединного / На загровке возвышающемся, / На холке его высокой, / На лоне обширном, / В центре непоколебимом, / В середине самой...* [Ядрихинский 2019: 31].

Примечательно, что поэтическая система олонхо изобилует примерами наличия антропокосмической метафоры: *В средоточии той страны, / На печени золотой... / На блистающем пупе земли, / На высокой хребтине ее, / На вздымающейся груди земляной, / На вздувающемся загровке ее, / На широком затылке ее* [Нюргун Боотур 1975: 23]. Не случайно и описание сотворения матери-земли, на самой середине которой находится прекрасная страна с растущим в центре деревом *Аал Луук мас*: *С западной стороны / Из моря Арат невозмутимого края сделаны, / С северной стороны / Из океана ледового порог сооружен, / С восточной стороны / Пылкий океан теплый расположен. / Так, океаном черным окаймленная, / Морем синим окруженная, / Со дном из льда толстого... / Создана-сотворена стоит* [Ядрихинский 2019: 28–29]. Внимание привлекает ситуация окружения изначальной земли океанами: *Со ступней Великого моря, с седловиной моря Одун, со дном Сюнг моря, с окружением Соленого моря* [Нюргун Боотур 1975: 8].

По утверждению В. В. Евсюкова, «В мифологиях многих народов четыре моря, окружающие сушу, соответствуют четырем рекам, омывающим „райскую землю“ с четырех сторон света» [Евсюков 1988: 46]. Интересно замечание исследователя, что «в архаичном мировоззрении универсальным можно считать связь мифического предка с символикой космоса в качестве „первозданного океана“», что связь эта прослеживается и в якутском мифе об *Эр Соготохе* [Евсюков 1988: 56].

Такой вывод не противоречит тезису «возможности порождения предком при-

родного объекта» [Мелетинский 2000б: 32]. Согласно одному якутскому преданию, будущий родоначальник племени саха Эр Соготох приплывает верхом на дереве с истока реки Лены на территорию нынешнего обитания якутов [Ксенофонтов 1977: 29]. В научной литературе нет единой точки зрения: миф это или предание. Мы лишь констатируем, что устоявшийся образ одинокого Эр Соготоха как родоначальника племени саха в якутском олонхо популярен, и все близкие по развитию сюжетов и идейно-тематическому содержанию олонхо об одиноком герое составляют, по классификации Н. В. Емельянова, вторую группу сказаний [Емельянов 1990: 8–9].

Итак, можно предположить, что основным сигналом наличия связи образа Эр Соготоха с символикой космоса в виде «первозданных вод» служит дерево.

Обобщая вышеизложенное подытожим: в зачинах олонхо прослеживаются детали архаичных представлений в виде местонахождения мифологического образа дерева Аал Луук мас в «окружения первозданного океана». Сходства очевидны с представлениями вавилонской, месопотамской, шумерской космологии: существует безбрежный мировой океан вокруг земли [Lyczkowska, Szarzynska 1981: 45].

При обращении к истокам мифологического образа Аал Луук мас интересным представляется обнаружение в сакральном центре эпического пространства признаков некой знаковой иерархии, связанной с концепцией мирового яйца (эквивалент дерева, изоморф первого ряда). Рассмотрим фрагмент, описывающий рождение героя-богатыря из олонхо «Хаан Джаргыстай»: *Дитя Кёнчюё Бёгё / Вихрь, закрутив, поднял / И спустил на поверхность большого черного камня... / Вместе со снегом-дождем, / Капающей молочной пищей Юрюнг Айыы Тойона / Кормился-выращивался... / Через десять лет / Вырвался из скорлупы яичной / И побежал на поляну* (перевод автора. — М. С.) [Горохов 2016: 145]. Здесь мы сталкиваемся с описанием возникновения мироздания в виде вылупляющегося антропоморфного существа, который выступает символом природного явления. Неантропоморфный образ мирового дерева, согласно тезису В. Н. Топорова, устанавливается

символом этого антропоморфного образа [Топоров 2010: 99]. Значит можно предположить, что в текстах олонхо встречаются архаичные элементы, представляющие собой прообраз дерева Аал Луук мас. В частности, об этой связи свидетельствуют и частые наличия в текстах олонхо обозначений конечностей героев (рук, ног) в качестве лабаалаах (букв. с ветвями), которые обнаруживаются и в описаниях портрета героев: *Мышцы, что дерева-тиит обрубки, / Предплечья, что дерево-тиит оголенное, / Голени, что дерево-тиит ошкуренное* [Ядрихинский 2019: 107].

Космическая семантика угадывается и в многочисленных упоминаниях о некоем черном камне, встречающихся во многих олонхо, требующих специальных исследований. Предполагается, что черный камень является деталью мирового яйца (куска скорлупы), мотив которого встречается в мифологиях многих народов [Топоров 2010: 392].

В ходе исследования в зачине олонхо «Ала Туйгун» найдено свидетельство о уподоблении начального состояния мира яйцу: *Когда эта / Великая мать-земля / Подобно ясному лику / Яйца орла / Располнётся стала* (перевод автора. — М. С.) [Алексеев 2002: 26]. Примечательно концептуальное тождество между «взрывом звезды-яйца» в ряде традиций (северо-западных африканских мифах, китайской мифологии) с представленными в олонхо мотивами сотворения мира (см. выше). Последние были отнесены С. Ю. Неклюдовым к мифологической концепции «расширяющейся Вселенной» [Неклюдов 2010: 137–149], имплицитующей начальную стадию процесса — взрыв.

Не менее важный научный интерес представляет собой генезис образа Сюнг Дьаасын Сюгэ Тойона, олицетворяющего собой природную стихию — гром, молнию, грозу, в народном сознании манифестируемую с нераздельным атрибутом — топором, разящим нечистые силы, и черным камнем сата, падающим на землю вместе с молнией.

В исследовании данного архаического элемента отправной точкой может служить тезис А. Ф. Лосева: «Если данная стихия находится в распоряжении того или иного божества, то для мифолога это — ясное свидетельство о том, что некогда и само божество было данной стихией» [Лосев 1953: 65].

Семиотическое пространство образа *Аал Луук мас*

В текстах олонхо представлен богатый семантический ореол (термин К. Ф. Тарановского) образа *Аал Луук мас*. Моделирование образом мирового древа вертикальной и горизонтальной структур пространства в мифологии народов — вопрос достаточно проработанный. В этом разделе этнокультурный аспект семиотики чисел, цветов, пространства в хронотопе, основательно исследованные Л. Л. Габышевой, Е. И. Избековой, Л. Н. Семеновой, будут затронуты лишь частично.

Образ древа *Аал Луук мас* так же, как и в представлениях других народов, членит вертикальную структуру на три части, где наблюдается традиционное отнесение этим трем частям определенных классов животных: *Восемь разветвлений Аар кудук дерева (украшают кумысный пир) предстают перед взором Небожителя Господа как восемь желто-зеленых деревьев... Девятое его разветвление, изогнувшись, с небесной выси спустилось вниз, на его верхушке сотворенный Айы Тойоном орел клекочет... Семь корней его, извиваясь, нисходят к создателю рогатого скота Мангхалын Тойону, подобно столбам коновязи* (перевод автора. — М. С.) [Абрамов 2013: 17].

Здесь в верхнюю часть древа вписан образ орла, являющийся доминирующим символом во многих олонхо. Характерным является соотнесение образа орла (являющегося «шаманской птицей») с миром светлых божеств *Айы*. Корни древа связываются с *Мангхалын Тойоном*, ассоциирующимся с Нижним миром, а столб-коновязь воплощает собой этнокультурный изоморф первого порядка. Обычно образ столба-коновязи в текстах олонхо привязывается к сфере верхних божеств. В семиотическом пространстве древа *Аал Луук мас* иногда наблюдается оригинальное имплицирование функций медиатора Среднего мира, а также идеи вращения. Для экспликации обратимся к продолжению анализа мотива описания священного древа из олонхо сказителя П. П. Ядрихинского (см. выше), где красочно описывается «загибание» верхней ветки и нижнего корня дерева, последующие пути которых обратно направляются в сторону Среднего мира, при этом: *Ветка верхняя...*

/ На кромке восточной / Щедро раскинувшись, ... / Тропку серебряную / В Срединном мире проложив, ... / Хозяином дорог став, ... / Жеребцом молодым / В сторону земли срединной / Оглядываясь, / Голосом басистым ржет ... / Услышав жеребца молодого, / Чье ржанье зычное / По миру раскатывается, / Племя жадное-прожорливое / Улуутуй-ар Улуу Тойон старика, / Вовсе перепугавшись, / По верхним-нижним мирам-дьябын / Назад пятятся, оказывается ... / Корни его могучие / Опомнившись, подтянувшись, ... / В верхнюю часть / Земли сибиря-матушки / Наскось пробившись ... / На склоне восточном, ... / Где тропкой серебристой / Проходит перевал ... / В этом мире благословенном / Девушке счастливой, / Юноше достойному / С копытами развильчатыми, / С черной шерстью густой, ... / Скотину домашнюю / Творящий-дарующий, / Прохода хозяином, / Быком молодым став, / В сторону родной земли / Оглядываясь, мычит-гудит ... / Его рева грозного / Большая команда кровавая / Отцом мира нижнего ставшего / Арсан Дуолая старика, / Не на шутку пугаясь, / В мир свой нижний / Вниз головой проваливались [Ядрихинский 2019: 39–45, 47–55]. Здесь через зооморфные образы жеребца и быка классифицируются пространственные направления, гендерные различия, шире — особенности человеческой природы, социальные отношения, реализующиеся согласно тезису о тотемизме как способ упорядочения явлений природы на принципе единой целостности природы и человека [Элькин 1952: 151].

Смыслообразующая подоплека, по пропповской концепции, кроется в поступках и действиях персонажей (стремящихся проникнуть в мир людей), за которыми обнаруживается функция Среднего мира в качестве медиатора базовых противопоставлений «верх / низ».

Соответственно с «клишированным способом» моделирования мифопоэтического пространства сакральный центр мира с доминантой образа *Аал Луук мас* «совпадает» с другими его эквивалентами — родная мать-земля, жилище, очаг богатыря. При этом описания объектов последовательно «перетекают» друг в друга: от крупных к мелким, с сохранением общей идеи сакрального центра. Отметим, «пере-

текание» реализуется посредством того же сказительского приема, упомянутого выше, в виде последовательного «оглядывания-выпевания» сказителем периферийного пространства (собственно и формирующих этот центр).

По замечанию С. М. Толстой, само замыкающее движение по кругу как акционный знак уже придает действию символическую семантику [Толстая 2010: 14].

Сказитель, «оглядывая края родных окраин героя (или сторон жилища)», тем самым воспроизводит направление солнечного движения на небосводе. Термины образов «крутящейся страны, крутящегося жилища и т. д.» были введены Л. Н. Семеновой [Семенова 2006: 39–43].

Подчеркнутость трехчленности пространства дополняется центральной частью дерева *Аал Луук мас*, вокруг которого пасутся конный табун и рогатый скот, и в текстах всех олонхо говорится: *Вокруг дерева этого... / Такое белое изобилие появилось... / На этом угощение неиссякаемое... / Рожденные в мире срединном, / Благоденствуют, оказывается, / Айыы скота рогатого замычала, / Дёсёгёй скота конного заржала...* [Ядрихинский 2019: 35–37]. Формула обычно варьируется в различных текстах, с сохранением основного смысла. Та же круговая траектория движения усиливает сакральность территории вокруг дерева.

К изоморфам первого порядка, моделирующим пространство, пожалуй, стоит отнести и образ жара и дыма печи. В таких текстах отсутствует образ *Аал Луук мас*, вариантом его образа предстает образ жара и дыма печи, также моделирующий картину мифологического пространства. Изоморфами второго порядка в олонхо следует обозначить ряд образов, в который входят лиственница, дуб, береза. В якутском языковом сознании предпочтение отдается лиственнице, доминирующей в сибирской фауне; образ березы фиксируется в Вилюйской локальной традиции (А. А. Кузьмина).

Существует гипотеза о возможном древнем предшестве образов лиственницы и березы, которые при дальнейшем развитии мифологии привели к сложному образу *Аал Луук мас* [Васильев 1973: 91].

При рассмотрении вертикальной оси образа *Аал Луук мас* актуализируется вре-

менная сфера (в обобщенном виде — связь между прошлым, настоящим, будущим). Исключительно сакральным смыслом наделен центр дерева, где произошел акт первотворения — точка, где пересекается и горизонтальная ось. В этой связи с иных позиций расценивается определение эпоса олонхо как источника, восстанавливающего историческое прошлое народа саха [Ойунский 2016: 8–9].

Между происходящими событиями в зачатии олонхо П. А. Ойунского, анализируемого нами как космогенез, и утверждением «отражения в олонхо действительных военных столкновений предков якутов на земле своей исторической прародины [Ойунский 2016: 8–10] нет спорных моментов.

По концепции М. Элиаде, именно космогония в качестве абсолютного прообраза, локализованная в сакральном центре дерева, служит образцовой моделью всех форм творений-действий человека [Элиаде 2010: 27]. Впрочем, предельно ясно по этому поводу высказался в свое время Е. М. Мелетинский: «К мифическим прасобытиям „подгоняются“ действительные эмпирические события, происходящие или могущие произойти в будущем. Подлинные исторические события затем укладываются в прокрустово ложе готовой мифологической структуры» [Мелетинский 2000а: 177].

В настаивании на историчности образа Чингис-хана П. А. Ойунским [Ойунский 2016: 8–9] ярко демонстрируется манифестация совпадения последнего члена космологического ряда (являющегося образом, вышедшим из природной сферы) с первым членом линейного, необратимого времени (исторического). В силу данного совпадения идеи космологии отступают, а деяния вождя Чингис-хана приравниваются к высшим ценностям, тем самым сакрализуется история.

Относительно вопроса частных вариантов, распадающихся от обобщенной временной сферы, то в текстах олонхо присутствует символический спектр в социальном плане (например, описание времени жизни двух, трех поколений), в персонологическом плане (выделение категорий персонажей), в этиологическом (причинном) и этическом аспектах образа *Аал Луук мас* (наличие причинно-следственной связи с бла-

гоприятным, неблагоприятным исходом, метафор светлого, темного начал и т. п.), в анатомическом плане (соотнесение с частями человеческого тела), в элементном плане (выделение стихий огня, воды, земли), которые и выстраиваются в ряд элементов различных семантических полюсов. В текстах олонхо отчетливы признаки разных потоков времени во всех трех мирах, реконструируемых посредством раскодировок переплетений семантических связей слов. С такой точкой зрения солидарны А. И. Гоголев и А. А. Бурцев [Гоголев, Бурцев 2012: 16].

Вертикальное трехчастное деление образа *Аал Луук мас* в своей целостной семантике служит связующим звеном между человеком и космосом, задающим гарантию их взаимных переходов.

В текстах олонхо особенностью горизонтальной структуры древа *Аал Луук мас*, связанного с гетерогенностью пространства, следует обозначить наличие наложения друг на друга двух четырехчастных структур, отражающихся в народном сознании в виде *абыс иилээх-сабалаах аан ийэ дойду* «восьмиугольного мира» в переводе В. Л. Серошевского [Серошевский 1993: 187], «восьмиободного, восьмикрайнего мира» в трактовке Г. У. Эргиса [Оросин 1947: 390], «восьминачального, восьмипредельного мира» в интерпретации Е. С. Сидорова [Сидоров 1978: 163–164].

Собирательную модель всех этих трактовок, как нам представляется, отражает традиционная эпитетика образа древа — восьмиветвистость, выполняющая важную функцию моделирования и структурирования горизонтального пространства посредством указания восьми направлений света (впрочем, как и в воззрениях других тюркских народов). В различных объяснениях ученых (восемь углов и восемь ободов) также отсутствуют спорные моменты, поскольку качество «восьмиветвистости» служит инструментом моделирования не только горизонтальной, но и вертикальной структур. Речь идет о специфической особенности якутского мирозерцания — изоморфности вертикали и горизонтали, отражающихся в устойчивой традиции отождествления представлений: «вниз по реке равнозначен северу», «верх равнозначен югу», связанных с мировоззрением о распо-

ложении демонов Нижнего мира на севере, а божеств Верхнего мира на юге и востоке [Гоголев, Бурцев 2012: 17].

Единая конструкция восьми ветвей древа одновременно содержит две ориентации: в случае горизонтального положения — восемь направлений света, в случае вертикального положения — восемь *хаттыгастар* ‘ярусов’ Верхнего мира [Сатанар, Илларионов 2017: 247–256]. На более высоком уровне обобщения символом *Аал Луук мас* как эквивалента мирового дерева является крест, вбирающий в себя обе ориентации [Косарев 2000: 208].

Путь богатыря по горизонтальной оси соотносится с сезонами года (временная структура может детализироваться на мелкие шкалы), со статическими и динамическими элементами пространства, животным и растительным миром, цветообозначениями и т. д. Описание элементов горизонтального пространства относительно сакрального локуса *Аал Луук мас* сопровождается различными семиотическими кодами (числовыми, музыкальными, кулинарными, звуковыми и т. п.), переведенными на уровень знака посредством рецептивных систем. Так, по горизонтальной оси древа выстраивается также ряд многих частных противопоставлений, смыкающихся в свернутую общую оппозицию «освоенное / неосвоенное» («культура / природа») гетерогенного мифологического пространства, отражающей главную семантику образа *Аал Луук мас* в горизонтальной проекции.

Знаковые системы как планы выражения образа *Аал Луук мас*

Проанализированные выше форма и содержание мифологического образа *Аал Луук мас* представляют собой архетип, «семантическая перспектива» которого выступая важным «фактором сохранения программ, способствует порождению других текстов, отражая механизм работы традиции» [Неклюдов 2011: 11].

Генерирующий смысл компрессируется путем применения в качестве «рамки» готовой схемы-матрицы, которая вмещает в себе весь мир [Габышева 2009: 27]. В этом смысле геометрическое представление образа *Аал Луук мас* в виде пирамидальной схемы (в статическом положении) и конической схемы (в динамическом положении),

находящее точное соответствие с пирамидальной моделью мира олонхо по принципу иерархического устройства в архаических текстах, действительно отражает то, что «тюрк в мирозерцании любит симметрию, ясность, устойчивое равновесие, служащих удобной простой схемой, в которую можно вложить весь мир во всей его конкретности» [Трубецкой 1990: 68].

В дальнейшем анализе мы опираемся на то, как одна схема-архетип «выражается в различных видах народного искусства» [Богатырев 1971: 422], при этом базируемся на положении Е. М. Мелетинского, что «словесное искусство восходит к мифу, а миф неотделим от обряда, литературная история начинается с комплекса „миф-ритуал“, который является первоначальным источником всей духовной культуры» [Мелетинский 2000б: 5]. Элементы культуры будут названы лишь в общих чертах, каждый из которых требует дальнейших специальных исследований.

Своеобразный символический язык якутского традиционного костюма, отражающийся в комплексе трех составных частей (шапка, пальто, обувь) с сочетанием цветовых, орнаментальных, декоративных композиций, украшений, а также важной в контексте данного исследования геометрической формы, представляет собой воплощение конусообразной модели образа *Аал Луук мас* с богатым семиотическим содержанием. Связь эта подтверждается и прямым указанием в зачине олонхо этой формы: *За дальней далью... / Когда — со ступнями продольными, / Многоглагольные / В шубах, словно урасы, — / Ураанхай саха мои, / Друг с другом встретившись, / О том, о сем не толковали еще* [Якутский эпос 1996: 77]. В уподоблении шубы *урасе* последнее переводится в виде «конически поставленных жердей летней юрты, остова урасы» [Пекарский 1959: 3062].

В формуле посредством геометрического кода выражается обобщенный образ священного дерева. С учетом трехчастной вертикальной структуры дерева *Аал Луук мас* при анализе отдельных частей комплекса — богато украшенных шапки *дьабака*, шубы, обуви, каждый из которых воспроизводит фрагмент дерева, география частных символов значительно шире. Из примера сле-

дует, что и в национальной архитектуре, в формообразовании традиционных жилищ якутов наблюдается эта схема-архетип: в форме *урасы* — летнего жилища и *балана* — зимнего жилища. Исследователи подчеркивают наличие не строгой конической формы *урасы*, а куполообразной [Петрова, Старостина 2015: 136]. Это и понятно, поскольку в мифологии предков небеса отмечаются куполообразными [Кулаковский 1979: 10]. Если форма *урасы* в точности дублирует коническую схему *Аал Луук мас*, шире — и эпическую модель мира, то якутский *балаган* являет собой форму усеченной пирамиды — средней части пирамидальных моделей дерева и эпического мира, обозначающей «Срединный мир как метафорическую копию мироздания» [Габышева 1991: 63].

В текстах олонхо ветви, плоды и листья священного дерева изображаются следующим образом: *Густые ветви его / Куполом высятся над землей. / Изгибаясь плавно вниз, / Тяжелые золотые плоды, / Как чороны огромные для кумыса, / Широкие листья его, / Слово конские чепраки...* [Нюргун Боотур 1975: 49–50]. Чепраком называется конское убранство трапециевидной формы т. е. той же усеченной пирамиды, символизирующей жизнь на Срединной земле. Уподобление плодов-орехов *чоронам* служат символом изобилия, которые: *Срываясь с высоких ветвей, / Разбиваются у корней, / Раскалываясь, проливают / Созревшую желтую благодать* [Нюргун Боотур 1975: 49]. *Чорон* — кумысный кубок-сосуд, фиксируется предметом дискуссий различных семиотических трактовок, связанных с его эволюцией. Тем не менее существенными предстают данные записей Я. И. Линденау, датированных 1741–1745 гг.: «чороны — конусообразные деревянные сосуды без ножек» [Линденау 1983: 30].

В научной литературе отмечается, что «молочный сосуд, связанный с центром универсальной структуры, по логике метафорических трансформаций, соотносится с образом священного дерева» [Львова и др. 1988: 127]. Исследователи едины в признании культового сооружения *сэргэ* «коновязи» как аналога дерева *Аал Луук мас* (как и у многих тюркских народов) [Слепцова 2019: 161]. Их композиционная и содержательная

параллель акцентируется в описаниях частей дерева в виде почетных коновязей владык Верхнего и Нижнего миров (к примеру, в алтайском эпосе [Маадай Кара 1973: 255]).

При внутрисемиотическом разборе образа *Аал Луук мас* истоки орнаментального искусства саха берут свои начала со знаков композиции древа. В первооснове знаки эти восходят к набору семантических оппозиций (В. Н. Топоров), эволюционировавших далее в виды орнаментов (мотивы арки или *ураса*-узора, или зигзагов — символов небесного свода, спирали (символа движения), квадрата (земли), ромба (плодородия), круга, точки, лиры, треугольника, креста и т. д.). Древность упомянутого выше символа креста в якутской орнаментике, выводимого из обозначений наиболее значимых близких частей по отношению к сакральному центру древа [Топоров 2010: 84], подчеркивается рядом исследователей [Гоголев 1980: 105; Тишина 2005: 105; и др.].

Согласно концепции В. Н. Топорова, вся знаковая Вселенная культуры в глубинных основах отображает миф творения [Топоров 1994: 19], следовательно, все жанры фольклора, ритуал, игры, гадания генетически восходят к форме и смыслу образа древа *Аал Луук мас*. При этом анализ композиции с *Аал Луук мас* по вертикали восстанавливает космологическую схему (то, что произошло в начале времен), по горизонтали обеспечивает реконструкцию схемы ритуала.

Подчеркнем, что основной функцией горизонтальной структуры древа является выделение бинарных оппозиций, отношения которых приводят к воплощению мотивов, сюжетов, фразеологизмов. В таком свете по сути и труд исследователя в своих отдаленных истоках содержит «контекст в генетически-диахроническом ракурсе», при котором суть и природа и «прото-фольклорного», и «прото-ритуального», и «прото-научного» и т. п. образований, обнаруживают себя через функции, проявляющиеся при включении каждой точки этой вертикали в синхронный контекст [Топоров 1994: 93].

В исходной схеме-архетипе древа основополагающими констатируются: строй текста изложения; разбиение последовательностей событий во времени; последовательное введение элементов пространства; далее и сам механизм порождения, объясня-

ющий переход различных этапов творений; хронология нисхождения, описывающая переход от божественного к историческому; установление правил социальных отношений (поведения). Прежде всего речь идет об универсальности логики вопросно-ответной конструкции, которая особо ярко выражена в якутских загадках. Загадка содержит в себе скрытый мифо-обрядовый каркас [Лотман 2000: 276], а его словник предстает алфавитом модели мира [Цивьян 1994: 179].

Вот как отражается символизм *Аал Луук мас* в загадках: *Испокон веку крутится, да не кружится у него голова (земля); Во Вселенной, говорят, есть Аал Луук дерево с двенадцатью ветвями, и каждая ветвь имеет по тридцать шишек (год); Говорят, есть лиственница с тридцатью сучьями (месяц); Давным-давно оставленный след от охотничьих лыж эвенка, говорят, не исчезает (Млечный путь)* (перевод наш. — М. С.) [Саха фольклора 1986: 44]. В них очевидны космологические представления о древе. Л. Н. Семенова отмечает, что вопросно-ответная форма имеет церемониальное происхождение, проявляясь в виде «формулы достоверности» типа «если задаться вопросом, то...», «оказывается», «если спросите, зачем...», «так это было» и т. п., которые пронизывают всю структуру олонхо [Семенова 2006: 40].

Образ *Аал Луук мас* как центральный символ «мифологической первоситуации» (М. Элиаде) моделирует якутский мифоритуальный комплекс. Г. В. Ксенофоновым в свое время праздник *ысыах* был обозначен ритуалом первотворения — главным символом якутской традиции [Архив ЯНЦ 1927–1928: 86]. Связь не только феномена праздника *ысыах*, но и обрядов, запретов, других жанров фольклора, хореографии с сакральной сферой «порядка сотворения мира» исследована в диссертациях Е. Н. Романовой [Романова 1994], Н. А. Стручковой [Стручкова 2000], А. Г. Лукиной [Лукина 2005], В. В. Филипповой [Филиппова 2012] и др.

Среди многочисленных якутских ритуалов заметим сохранившийся и в наше время ритуал загадывания *Тангха*. Цикл ритуала охватывает период с 12 января по 19 января, приуроченный ко времени, когда вновь в зимнее время актуализируется мировое

дерево в виде мифологемы *халлаан уолун хайыһарын суола* «следа от лыж небесного молодца» (перевод наш. — М. С.).

Устойчивость воспоминаний об образе *Аал Луук мас* обнаруживаются и в свадебном ритуале *уруу*, и в круговом танце *осуохай*, восстанавливающих линии генетической связи с деревом. Свадебный ритуал наделен богатой семиосферой, состоял он из четырех этапов и двух праздников, сопровождавшихся обязательными произнесениями *алгыс* «благословениями». Обряд рукобития, многократные обмены дарами (к примеру, *калым* и приданое *энньэ*), присутствие в обрядах атрибута головы коня, вареных печени и сердца (символов оппозиций *отец / мать*, *мужское / женское*), обряд *туһэхтэр көрүстэхтэрэ* 'встреча коленей', возведение *сэргэ* 'коновязи' невесты и т. д. отражают отдельные фрагменты модели дерева, далее и мироздания. Так, связь с мифологическими элементами *Аал Луук мас* ярко демонстрируется в ритуале встречи главного свата с отцом невесты, суть которого заключался в задавании и последующем ответе символических вопросов-ответов, которые повторялись три раза, сопровождавшихся с трижды толканиями коленей, с трижды поворотами кругом, с трехразовыми выпиваниями из кубка *чорон* напитка *кумыс* [Гурвич 1948: 124]. В ритуальном действии четыре раза акцентируется главная числовая константа *Аал Луук мас* — три. Это троекратное действие многократно повторяется во всех четырех этапах свадебного церемониала. Исследователь кругового танца *осуохай* А. Г. Лукина отмечает, что образная форма танца являет собой идею триединства «человек-природа-космос» [Лукина 2006: 69].

Впервые суть вообще якутского *ункуу* 'танца' была дана Р. К. Мааком через лингвистический анализ: «*Ункуу* означает поклон, происходит от глагола *ун*, *унэбин* „нагибаться“, „кланяться“» [Маак 1887: 192]. По выводам А. Г. Лукиной, поклон, круговые движения с восточного направления на запад, строй песни в виде повторений запева в унисон, являющиеся архаичными элементами, символизируют круговорот жизни, идею возрождения [Лукина 2006: 69], восходящих, на наш взгляд, к циклической концепции мирового дерева. Заметим, что и в семантически тождественном тан-

це *битии* «пляски в виде притоптывания на одном месте» (перевод наш. — М. С.), служащего важным звеном в единой композиции произнесения *алгыс* 'благопожелания', адресованного высшим божествам на празднике *ысыах*, также содержит соответствие мифологической парадигме *Аал Луук мас* с ориентировкой на структурирование вертикального пространства. Композиционный рисунок диктуется геометрической символикой модели дерева и мироздания, отражая клин, во главе которого стоял белый жрец *Айыы ойууна* с расположенными с двух сторон *битиииситами*, выполняющими функцию «крыльев» жреца. При этом постулированным правилом служило классическое сочетание девяти мальчиков с восемью девочками. Выбор восьми девочек в ракурсе в концепции дерева *Аал Луук мас* обозначал параллель с восьмиветвистостью дерева — главного параметра горизонтальной оси, связанной с антропоморфной маркировкой земли в образе коровы [Потапов 1972: 116], где символ коровы представлял олицетворение женского начала. А также параллель с девятью *хаттыгас* 'ярусами' верхней части дерева (Верхнего мира) — параметра вертикальной оси, нераздельного с антропоморфной маркировкой неба в виде лошади [Потапов 1972: 116], перекликающийся с олицетворением мужского начала. В эпосе олонхо также акцентируется то, что верховное божество *Юрюнг Айыы Тойон* имеет восемь дочерей, девять сыновей [Ионова-Андросова 1998: 184–186].

Приведенная экспликация схемы-архетипа образа *Аал Луук мас* в знаковых текстах якутской культуры, разумеется, этим не исчерпывается. Тем не менее можно резюмировать о фиксации универсального характера мифологического образа *Аал Луук мас*, о его роли в организации различных знаковых систем как генерирующей идеи в культуре саха.

Заключение

Богатая семиосфера мифологического образа *Аал Луук мас* отражает этапы его становления в виде эволюции ряда космологических концепций. Прежде всего, важным аспектом является то, что в текстах эпоса олонхо сохранились фрагменты мифологического космогенеза, поскольку процесс первотворения служит образцом, задаю-

щим «краткий конспект всей последующей судьбы Вселенной» [Евсюков 1988: 24].

Сохранились архаические мотивы мирового яйца, мирового моря, элементы зооморфного космоса, антропоморфные персонажи, предшествующие эпохе древа *Аал Луук мас*. В дальнейшей своей эволюции образ *Аал Луук мас* предстает моделью многоярусной Вселенной со стройной небесной топографией. Представление образа древа *Аал Луук мас* в виде геометрической схемы — пирамидальной модели в статическом положении (конусообразной модели в динамике) идентично с эпической моделью мира олонхо, и эта схема-архетип обладает основополагающей ролью в сфере моделирования различных знаковых систем якутской культуры.

Подсознательная тенденция к символу *Аал Луук мас* наблюдается и в схемах «мифоритуальных сценариев», в геометрических и семантических воплощениях артефактов материальной культуры саха, в по-

стулированных числовых принципах, в способах изложений устных народных текстов. В свете последнего репродуцирование текста сказителем также предстает ритуалом в виде сакрального действия, отмеченным в свое время Е. С. Сидоровым: «Исполнение олонхо равнялось исполнению ритуала возрождения нарушенного, духовного и физического равновесия. Настоящие олонхосуты являлись жрецами среднего ранга, а то и высшего» [Сидоров 2012: 43].

Ценность верификации схемы-архетипа центрального символа якутской культуры — древа *Аал Луук мас* — заключается в содержании в нем зародышей всё развивающихся новых культурных идей в бесконечном движении стрелы времени, зародышей идей, позволяющих начертить и увидеть возможности текстопорождающих механизмов национальной традиции. И, действительно, «возвращение к прошлому одновременно и ключ к настоящему, и путь к будущему» [Топоров 2010: 287].

Источники

Архив ЯНЦ — Архив Якутского Научного Центра СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12а. Ксенофонтов Г. В. Вопросы мифологии и религии. 534 л.

Литература

Абрамов 2013 — Абрамов Н. Т. Өлбөт Бэргэн = Бессмертный Бэргэн // Олонхо Джиляйского наслега / отв. ред. Н. И. Попова; вступ. ст. В. В. Илларионова, Н. А. Оросиной. Якутск: ИГИИПМНС, 2013. 266 с.

Алексеев 2002 — Алексеев Р. М. Алаатыыр Ала Туйгун = Ала Туйгун: олонхо / запись А. Р. Алексеевой, В. И. Федорова; отв. ред. В. Н. Иванов и др. Якутск: Бичик, 2002. 344 с.

Белокурова 2011 — Белокурова С. М. Потенциал философского учения Арга Билиг при исследовании культурных констант // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9. Вып. 1. С. 115–119.

Богатырев 1971 — Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.

Васильев 1973 — Васильев Г. М. Живой родник: об устной поэзии якутов. Якутск: Кн. изд-во, 1973. 303 с.

Sources

Ksenofontov G. V. Issues of Mythology and Religion. 534 p. At: Yakutsk Scientific Center (Siberian Branch of the RAS), Archives. Coll. 4. Cat. 1. File 12a. (In Russ.)

Габышева 1991 — Габышева Л. Л. Семантика и структура текстов олонхо // Язык — миф — культура народов Сибири. Вып. 2 / ред. Л. Л. Габышева. Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 1991. С. 61–78.

Габышева 1994 — Габышева Л. Л. Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык — миф — культура народов Сибири. Вып. 3 / ред. Л. Л. Габышева. Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 1994. С. 3–23.

Габышева 2009 — Габышева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.

Гоголев 1980 — Гоголев А. И. Историческая этнография якутов: уч. пособ. / отв. ред. Е. С. Сидоров. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1980. 107 с.

Гоголев 2002 — Гоголев А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2002. 104 с.

Гоголев, Бурцев 2012 — Гоголев А. И., Бурцев А. А. Якутское олонхо в контексте мифо-

- логии и эпической поэзии народов Евразии. Якутск: Сфера, 2012. 75 с.
- Горохов 2016 — *Горохов Н. С.* Хаан Дьаргыстай: олонхо / запись И. А. Худякова; подг. к печати, вступ. ст. и комм.: В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова. Якутск: Алаас, 2016. 232 с.
- Гурвич 1948 — *Гурвич И. С.* Охотничьи обычаи и обряды населения Оленекского района ЯАССР // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск: Якутгиз, 1948. 94 с.
- Даль 1984 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1984. 780 с.
- Евсюков 1988 — *Евсюков В. В.* Мифы о Вселенной / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, СО, 1988. 177 с. (Серия: «Из истории мировой культуры»).
- Емельянов 1983 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты ранних типов якутских олонхо / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1983. 246 с.
- Емельянов 1990 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты олонхо о родоначальниках племени / отв. ред. С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик. М.: Наука, 1990. 208 с.
- Ионова-Андросова 1998 — *Ионова-Андросова М. Н.* Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи / сост. Е. И. Коркина. Якутск: Кудук, 1998. 733 с.
- Косарев 2000 — *Косарев А. Ф.* Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость: монография. М.: Пер Сэ, 2000. 303 с.
- Ксенофонтов 1977 — *Ксенофонтов Г. В.* Эллайада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 246 с.
- Кулаковский 1979 — *Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Леви Стросс 1994 — *Леви Стросс К.* Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) // Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Лосев 1953 — *Лосев А. Ф.* Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии // Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина. Т. 72. М.: МГПИ им. Ленина, 1953. С. 3–209.
- Лотман 2000 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- Лукина 2005 — *Лукина А. Г.* Традиционные танцы Саха: идеи, образы, лексика: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2005. 45 с.
- Лукина 2006 — *Лукина А. Г.* Круговой танец *осуохай*: идеи, образы, символы // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3. № 4. С. 69–72.
- Львова и др. 1988 — *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманов М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: пространство, время и вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 243 с.
- Маадай Кара 1973 — *Маадай Кара.* Алтайский героический эпос / сказитель А. Г. Калкин; запись текста, перев. на рус. яз. и приложения С. С. Суразакова; подгот. тома и вступ. статья И. В. Пухова; отв. ред. Н. А. Боскалов. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 474 с.
- Маак 1887 — *Маак Р. К.* Виллюйский округ Якутской области. Часть III. Материал для изучения климата Якутской области. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1887. 213 с.
- Мелетинский 2000а — *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа // Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока». М.: Вост. лит., 2000. 407 с.
- Мелетинский 2000б — *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе: Уч. пособ. по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М.: РГГУ, 2000. 169 с.
- Неклюдов 2005 — *Неклюдов С. Ю.* Мифологическая семантика в зачинах монгольского эпоса // *Opera altaistica professori Stanislawo Kałużyński octogenario dicata. Rocznik Orientalistyczny.* Т. 58. Zeszyt 1. Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 2005. Рр. 117–132.
- Неклюдов 2010 — *Неклюдов С. Ю.* Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература: К 75-летию академика Б. Л. Рифтина / под ред. И. С. Смирнова; сост. Н. Р. Лидова (*Orientalia et Classica*: труды Института восточных культур и античности. Вып. 25). М.: РГГУ, 2010. С. 137–149.
- Неклюдов 2011 — *Неклюдов С. Ю.* Мифологическая традиция и мифологические модели // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. 2011. № 9 (71)/11. С. 11–33.

- Нюргун Боотур 1975 — Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / воссоздал на основе народных сказаний П. Ойунский; пер. В. Державина; послесл. и коммент. И. В. Пухова. Якутск: Кн. изд-во, 1975. 431 с.
- Ойунский 2016 — *Ойунский П. А.* Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание / отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2016. 120 с.
- Оросин 1947 — *Оросин К. Г.* Нюргун Боотур Стремительный / пер. и коммент. Г. У. Эргиса. Якутск: ГОСИЗДАТ ЯАССР, 1947. 410 с.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 3858 стлб.
- Петрова, Старостина 2015 — *Петрова А. Г., Старостина А. А.* Архитектурно-пространственная организация жилища и формообразование предметного мира саха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9. Ч. 2. С. 133–138.
- Попова 1996 — *Попова А. С.* Логико-гносеологический анализ космологического содержания олонхо: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Якутск, 1996. 19 с.
- Попова 2019 — *Попова Г. С.* Древо мира *Аал Луук мас* в современной культуре якутов Саха // Ценности и смыслы. 2019. № 4(62). С. 103–120. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10082
- Поппе 1937 — *Поппе Н. Н.* Халха-монгольский героический эпос. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 125 с.
- Потапов 1972 — *Потапов И. А.* Якутская народная резьба по дереву. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1972. 143 с.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
- Пухов 1962 — *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 254 с.
- Романова 1994 — *Романова Е. Н.* Якутский праздник *ысыах*: истоки и представления / отв. ред. Ю. Б. Симченко. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1994. 159 с.
- Саввинов, Слепцова 2017 — *Саввинов А. С., Слепцова Г. Г.* Олонхо как совокупный образ мира // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2017. № 1(05). С. 64–70.
- Сатанар, Илларионов 2017 — *Сатанар М. Т., Илларионов В. В.* Миропонимание эпической формулы «аҕыс иилээх-саҕалаах аан ийэ дойду» в свете физической теории единого поля // Общественные науки. 2017. № 3. С. 247–256.
- Сатанар, Илларионов 2018 — *Сатанар М. Т., Илларионов В. В.* Модель мира саха: семантика в ракурсе геометрии форм (на материале якутского эпоса) // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 6. С. 471–481.
- Саха фольклора 1986 — Саха фольклора (= Якутский фольклор) / сост. П. Н. Дмитриев, Г. В. Попов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1986. 131 с.
- Семенова 2006 — *Семенова Л. Н.* Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетики. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 232 с.
- Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. / под ред. Н. И. Веселовского. М: РОССПЭН, 1993. 736 с.
- Сидоров 1978 — *Сидоров Е. С.* Образ мира у древних якутов // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: матер. Всесоюз. конф. фольклористов. Якутск: Издательство Якутского филиала СО АН СССР, 1978. С. 162–166.
- Сидоров 2012 — *Сидоров Е. С.* Взгляд на мудрость (статьи) / сост. В. В. Илларионов. Якутск: СММК-Мастер Полиграфия, 2012. 44 с.
- Слепцова 2019 — *Слепцова А. А.* Ритуальные столбы *сэргэ* у якутов и бурят: бытование и функции // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 1. С. 158–162.
- Строптивый Кулун 1985 — Строптивый Кулун Куллустуур: олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов, подг. текста Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса; пер. А. А. Попова, И. В. Пухова; вступ. ст. И. В. Пухова, Г. У. Эргиса. М.: ГРВЛ, 1985. 608 с.
- Стручкова 2000 — *Стручкова Н. А.* Семантика основных движений якутского хороводного танца *осуохай*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан Удэ, 2000. 18 с.
- Тишина 2005 — *Тишина Т. П.* Якутское орнаментальное искусство // Наука и техника в Якутии. 2005. № 1(8). С. 102–110.
- Толстая 2010 — *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнокультуре. М.: Либроком, 2010. 368 с.

- Топоров 1994 — *Топоров В. Н.* Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т. 1. М.: Индрик, 1994. 270 с.
- Топоров 2010 — *Топоров В. Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.
- Трубецкой 1990 — *Трубецкой Н. С.* О туранском элементе в русской культуре (1925) // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1990. № 6. С. 64–77.
- Филиппова 2012 — *Филиппова В. В.* Якутские загадки: семантика и структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан Удэ, 2012. 17 с.
- Цивьян 1994 — *Цивьян Т. В.* Отгадка в загадке: разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. Т. 1 / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1994. С. 178–195.
- Шаракишинова 1978 — *Шаракишинова Н. О.* Космогонические представления в эпосе монгольских народов // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск: Изд. Якут. филиала СО АН СССР, 1978. С. 20–24.
- Элиаде 2010 — *Элиаде М.* Аспекты мифа. 4-е изд. / пер. с фр. В. П. Большакова. М.: Академический проспект, 2010. 256 с.
- Элькин 1952 — *Элькин А.* Коренное население Австралии. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. 254 с.
- Ядрихинский 2019 — *Ядрихинский П. П.* Дырыбына Дырылыатта кыыс бухатыр = Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта / запись П. Н. Дмитриева: общ. ред., пер. Т. И. Петрова; отв. ред. В. В. Илларионов; ФГАОУ ВО СВФУ им. М. К. Аммосова, НИИ Олонхо, ИЯКН СВ РФ. Якутск: Көмүөл, 2019. 508 с.
- Якутский эпос 1996 — Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох» / сказитель В. О. Каратаев; отв. ред. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов // Предания, легенды и мифы саха (якутов). Сер. «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Т. 9. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма РАН, 1996. 440 с.
- Łyczkowska, Szarzynska 1981 — *Łyczkowska K, Szarzynska K.* Mitologia Mezopotamii. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1981. 326 p.

References

- Abramov N. T. Bergen the Immortal: Olonkho of D'üley Nasleg. N. Popova (ed.); V. Illarionov, N. Orosina (foreword). Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (Siberian Branch of RAS), 2013. 266 p. (In Yak.)
- Alekseev R. M. Alaatyry Ala Tuygun = Ala Tuygun: Olonkho. A. Alekseeva, V. Fedorov (rec.); V. Ivanov et al. (eds.). Yakutsk: Bichik, 2002. 344 p. (In Yak.)
- Belokurova S. M. The potential of *arga bilig* philosophical doctrine in research of cultural constants. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: Philosophy*. 2011. Vol. 9. No. 1. Pp. 115–119. (In Russ.)
- Bogatyrev P. G. Theory of Folk Art: Premises. Moscow: Iskustvo, 1971. 544 p. (In Russ.)
- Dal V. I. Sayings and Bywords of the Russian People. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1984. 780 p. (In Russ.)
- Dmitriev P. N., Popov G. V. (comps.) Yakut Folklore. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1986. 131 p. (In Russ.)
- Eliade M. Aspects of Myth. 4th ed. V. Bolshakov (transl.). Moscow: Akademicheskii Prospekt, 2010. 256 p. (In Russ.)
- Elkin A. Indigenous Australians. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1952. 254 p. (In Russ.)
- Evsyukov V. V. Myths of the Universe. V. Larichev (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1988. 177 p. (In Russ.)
- Filippova V. V. Yakut Riddles: Semantics and Structure. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2012. 17 p. (In Russ.)
- Gabysheva L. L. Folklore Text: Semiotic Mechanisms of Oral Memory. Novosibirsk: Nauka, 2009. 143 p. (In Russ.)
- Gabysheva L. L. Semantics and structure of Olonkho texts. In: Gabysheva L. L. (ed.) Peoples of Siberia. Language – Myth – Culture. Vol. 2. Yakutsk: Yakutsk State University, 1991. Pp. 61–78. (In Russ.)
- Gabysheva L. L. Space-time vocabulary and color metaphor in Olonkho texts. In: Gabysheva L. L. (ed.) Peoples of Siberia. Language – Myth – Culture. Vol. 3. Yakutsk: Yakutsk State University, 1994. Pp. 3–23. (In Russ.)

- Gogolev A. I. Historical Ethnography of the Yakuts. E. Sidorov (ed.). Yakutsk: Yakutsk State University, 1980. 107 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. Origins of Yakut Mythology and Traditional Calendar. Yakutsk: Yakutsk State University, 2002. 104 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I., Burtsev A. A. Yakut Olonkho: A Perspective from Eurasian Mythologies and Epic Poetry. Sakha (Yakutia) Academy of Sciences. Yakutsk: Sfera, 2012. 75 p. (In Russ.)
- Gorokhov N. S. Khaan D'argystay: Olonkho. I. Khudyakov (rec.); V. Illarionov, T. Illarionova (prep., foreword, comment.). Yakutsk: Alaas, 2016. 232 p. (In Yak.)
- Gurvich I. S. Population of Olenyoksky District (Yakut ASSR): Hunting Customs and Rites. Collected Ethnographic Materials. Yakutsk: Yakutgiz, 1948. 94 p. (In Russ.)
- Ionova-Androsova M. N. Olonkho, Songs, Ethnographic Notes, Articles. E. Korkina (comp.). Yakutsk: Kuduk, 1998. 733 p. (In Russ.)
- Kalkin A. G. (taleteller) Maaday Kara: Altaian Heroic Epic. S. Surazakov (rec., transl., etc.); I. Pukhov (foreword); N. Boskalov (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1973. 474 p. (In Alt. and Russ.)
- Karataev V. O. (taleteller) Er Sogotokh the Mighty: Yakut Heroic Epic. N. Alekseev, N. Yemelyanov (eds.). Tales, Legends and Myths of the Sakha (Yakuts). Ser.: Folklore Monuments of Siberia and the Far East. Vol. 9. Novosibirsk: Nauka, 1996. 440 p. (In Yak. and Russ.)
- Kosarev A. F. Philosophy of the World: Mythology and Its Heuristic Significance. Monograph. Moscow: Per Se, 2000. 303 p. (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. The Ellayad: Materials in Mythology and Legendary History of the Yakuts. Moscow: Nauka, 1977. 246 p. (In Russ.)
- Kulakovskiy A. E. Scholarly Works. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1979. 484 p. (In Russ.)
- Lévi-Strauss C. The Savage Mind. A. B. Ostrovsky (transl., foreword, comment.). Moscow: Respublika, 1994. 384 p. (In Russ.)
- Lindenau J. J. Description of Siberia's Peoples: Early-to-Mid 18th Century. Ser.: Siberia and North-eastern Russia. Historical and Ethnographic Materials. Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)
- Lovev A. F. Olympic mythology: a sociohistorical development perspective. *Uchenye zapiski Moskovskogo gos. pedagogicheskogo instituta im. V. I. Lenina*. 1953. Vol. 72. Pp. 3–209. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. Semiosphere. St. Petersburg: Iskustvo-SPb, 2000. 704 p. (In Russ.)
- Lukina A. G. Osuokhai circular dance: ideas, images, symbols. *Vestnik YaGU (Vestnik of North-Eastern Federal University)*. 2006. Vol. 3. No. 4. Pp. 69–72. (In Russ.)
- Lukina A. G. Traditional Dances of the Sakha: Ideas, Images, Vocabulary. Dr.Sc. (art criticism) thesis abstract. Moscow, 2005. 45 p. (In Russ.)
- Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanov M. S. Traditional Worldviews of Southern Siberian Turks: Space, Time and the Eternal World. Novosibirsk: Nauka, 1988. 243 p. (In Russ.)
- Łyczkowska K, Szarzynska K. Mythology of Mesopotamia. Warsaw: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1981. 326 p. (In Pol.)
- Maak R. K. Vilyuysk District of Yakutsk Oblast. Part III: Yakutsk Oblast. Climate Research Materials. St. Petersburg: A. Tranzschel, 1887. 213 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. From Myth to Literature. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000. 169 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. The Poetics of Myth. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 407 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Epic prologues in Mongolic folklore traditions: morphology and semantics. In: Smirnov I. S. (ed.), Lidova N. R. (comp.) China and Around. Mythology, Folklore, Literature. Celebrating Acad. B. L. Riftin's 75th Birthday. Ser.: Orientalia et Classica. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2010. Pp. 137–149. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Mythological semantics in Mongolian epic prologues. *Rocznik Orientalistyczny*. 2005. Vol. 58. No. 1. Pp. 117–132. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Mythological traditions and mythological models. *RGGU Bulletin. Philology, Literature and Folklore Studies Series*. 2011. No. 9 (71)/11. Pp. 11–33. (In Russ.)
- Orosin K. G. Nyurgun Bootur the Swift. G. Ergis (transl., comment.). Yakutsk: Yakut ASSR State Publ. House, 1947. 410 p. (In Yak. and Russ.)
- Oyunsky P. A. (literary comp.) Nurgun Bootur the Swift: Olonkho. V. Derzhavin (transl.); I. Pukhov (afterword, comment.). Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1975. 431 p. (In Yak. and Russ.)

- Oyunsky P. A. Yakut Tale (Olonkho), Its Plot and Content. V. Ivanov (ed.). Yakutsk: North-Eastern Federal University, 2016. 120 p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut Language. In 3 vols. 2nd ed. Vol. 3. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1959. 3858 clm. (In Yak. and Russ.)
- Petrova A. G., Starostina A. A. Architectural and spatial organization of the house and forming the Sakha objective world. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015. No. 9. Part 2. Pp. 133–138. (In Russ.)
- Popova A. S. Cosmological Content of Olonkho: Logical–Gnoseological Analysis. Cand.Sc. (philosophy) thesis abstract. Yakutsk, 1996. 19 p. (In Russ.)
- Popova G. S. Universal tree Aalluuk Mas in the contemporary culture of the Sakha (Yakut) people. *Tsennosti i Smy Sly (Values and Meanings)*. 2019. No. 4 (62). Pp. 103–120. (In Russ.) DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10082
- Poppe N. N. Khalkha Mongolian Heroic Epic. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 125 p. (In Russ.)
- Potapov I. A. Yakut Folk Woodcarving. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1972. 143 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Morphology of the Folktale. Moscow: Labirint, 2001. 192 p. (In Russ.)
- Pukhov I. V. Yakut Heroic Olonkho Epic: Key Images. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1962. 254 p. (In Russ.)
- Romanova E. N. Yhyakh of the Yakuts: Origins and Concepts. Yu. Simchenko (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1994. 159 p. (In Russ.)
- Satanar M. T., Illarionov V. V. Sakha world model: semantics considered in terms of geometry of forms (based on Yakut folklore material). *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 6. Pp. 471–481. (In Russ.)
- Satanar M. T., Illarionov V. V. Understanding of ‘agys iileekh-sagalaakh aan iye doidu’ epic formula in the context of the unified field theory in physics. *Social Science*. 2017. No. 3. Pp. 247–256. (In Russ.)
- Savvinov A. S., Sleptsova G. G. Olonkho as holistic representation of the universe. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series ‘Epic Studies’*. 2017. No. 1(05). Pp. 64–70. (In Russ.)
- Semenova L. N. Epic World of Olonkho: Spatial and Plot Structures. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 232 p. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. The Yakuts: An Ethnographic Study. 2nd ed.. N. Veselovsky (ed.). Moscow: ROSSPEN, 1993. 736 p. (In Russ.)
- Sharakhshinova N. O. Cosmogonic representations in Mongolic epic traditions. In: Yemelyanov N. V., Petrov V. T. (eds.) *Epic Traditions of Siberia and the Far East*. Yakutsk: Yakutsk Institute (Sib. Branch of USSR Academy of Sciences), 1978. Pp. 20–24. (In Russ.)
- Sidorov E. S. The Narrative of Wisdom: Articles. V. Illarionov (comp.). Yakutsk: SMIK-Master Poligrafiya, 2012. 44 p. (In Russ.)
- Sidorov E. S. Worldviews of ancient Yakuts. In: *Peoples of Siberia and the Far East. Epic Traditions. Conference Traditions*. Yakutsk: Yakutsk Institute (Sib. Branch of USSR Academy of Sciences), 1978. Pp. 162–166. (In Russ.)
- Sleptsova A. A. The Yakuts and Buryats’ ritual serge poles: existence and functions. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2019. No. 1. Pp. 158–162. (In Russ.)
- Struchkova N. A. Osuokhai Circle Dance of the Yakuts: Semantics of Key Moves. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2000. 18 p. (In Russ.)
- Timofeev-Teploukhov I. G. (taleteller) Kulun Kullustuur the Stubborn: Olonkho. E. Pekarsky, G. Ergis (prep.); A. Popov, I. Pukhov (transl.); I. Pukhov, G. Ergis (foreword). Moscow: GRVL, 1985. 608 p. (In Yak. and Russ.)
- Tishina T. P. Yakut ornamental art. *Nauka i tekhnika v Yakutii*. 2005. No. 1(8). Pp. 102–110. (In Russ.)
- Tolstaya S. M. Semantic Categories of the Language of Culture: Essays on Slavic Ethnoculture. Moscow: Librokom, 2010. 368 p. (In Russ.)
- Toporov V. N. Notes on the Riddle. In: Nikolaeva T. M. (ed.) *Studies on Baltic-Slavic Traditional Spiritual Culture: Riddle as Text*. Vol. 1. Moscow: Indrik, 1994. Pp. 10–117 (In Russ.)
- Toporov V. N. The World Tree: Universal Sign Complexes. Vol. 1. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevney Rusi, 2010. 448 p. (In Russ.)
- Trubetskoy N. S. The Turanian element of Russian culture revisited (1925). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 1990. No. 6. Pp. 64–77. (In Russ.)
- Tsivjan T. V. Answer to the riddle: clue to the riddle? In: Nikolaeva T. M. (ed.) *Studies on Baltic-Slavic Traditional Spiritual Culture: Riddle as Text*. Vol. 1. Moscow: Indrik, 1994. Pp. 178–195. (In Russ.)

- Vasilyev G. M. The Living Spring: Yakut Oral Poetry Revisited. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1973. 303 p. (In Russ.)
- Yadrikhinsky P. P. The Warrior Girl Dzhyrybina Dzhyrylyatta. P. Dmitriev (ed.), T. I. Petrov (ed., transl.); V. Illarionov (ed.). North-Eastern Federal University, Scientific Research Institute of Olonkho, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East. Yakutsk: Kömüöl, 2019. 508 p. (In Yak. and Russ.)
- Yemelyanov N. V. Early Types of Yakut Olonkhos: Plots Revisited. S. Neklyudov (ed.). Moscow: Nauka, 1983. 246 p. (In Russ.)
- Yemelyanov N. V. Olonkho: Plots about Tribal Ancestors. S. Neklyudov, E. Novik (eds.). Moscow: Nauka, 1990. 208 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 1155–1166, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155-1166
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.157.09; 398.2 (=512.157) +398.2 (512.156)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155-1166

О поэтике олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов

Гульнара Егоровна Саввинова¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. А. Е. Кулаковского, 677013 Якутск, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-9868-4962. E-mail: savgul6767@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Саввинова Г. Е., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье представлен сравнительный анализ средств художественной выразительности тувинских героических эпосов и якутского эпоса — олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, воссозданного на основе народных сказаний. Осмысление специфики использования разнообразных приемов в эпическом тексте в сравнении с тувинскими героическими эпосами ведет к познанию особенностей художественной речи, художественного пространства П. А. Ойунского, создателя, олонхосута-импровизатора, сумевшего объединить разные эпические сказания в единое целое, самобытности его творчества в целом. Актуальность изучения обусловлена отсутствием специального научного исследования по освещению поэтики эпического произведения «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского. В качестве *материалов* для исследования послужили: олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинские героические эпосы «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо, «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная, «Боралдай с конем Бора-Шокар» Хургул-оола Монгуша и «Кангывай-Мерген» Баазанай Халдаа Тюлюша. *Цель исследования* — представить специфику использования средств художественного изображения в олонхо П. А. Ойунским сквозь призму стилистических позиций сказителей тувинских эпосов. В основе анализа тувинских героических эпосов и якутского эпоса — олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского лежит комплексный подход, включающий сравнительно-исторический, историко-типологический *методы* исследования. Научная новизна видится в том, что в якутской фольклористике впервые рассматривается поэтика, система художественных приемов в тексте олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского в сравнении с тувинскими героическими эпосами. Из сравнительно-сопоставительного анализа эпических текстов следует, что олонхо П. А. Ойунского, воссозданное по традиционным канонам народного эпоса, находит параллели с тувинскими героическими эпосами. Обнаруживаются общие закономерности, типологические сходства в использовании изобразительных средств якутского и тувинских эпических произведений. Рассматриваются содержательно-художественные признаки эпиче-

ских произведений. Особое внимание обращено на средства художественной выразительности — гиперболу и сравнение. Основные *результаты* нашего исследования заключаются в следующем: выявлено, что олонхо П. А. Ойунского и тувинские эпосы имеют типологическое сходство и отражают посредством художественного эпического творчества исторический, эпико-культурный путь развития народов. Художественный язык тувинских героических сказаний и олонхо П. А. Ойунского напрямую связан с живым языком творцов героического эпоса. Из анализа поэтики олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» следует, что олонхо П. А. Ойунского отличается завершенностью художественной формы. П. А. Ойунский, воссоздав якутский героический эпос, обогатил его идейное и тематическое содержание, придал ему особое поэтическое звучание.

Ключевые слова: олонхо, тувинские сказания, эпические традиции, художественно-изобразительные средства, гипербола, сравнение

Благодарность. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Для цитирования: Саввинова Г. Е. О поэтике олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1155–1166. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155-1166

UDC 821.512.157.09; 398.2 (=512.157) +398.2 (512.156)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155-1166

Platon Oyunsky's Olonkho *Nurgun Bootur the Swift* and Tuvan Heroic Epics: Poetics Revisited

Gulnara E. Savvinova¹

¹ Ammosov North-Eastern Federal University (42, A. E. Kulakovskiy St., Yakutsk 677013, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9868-4962. E-mail: savgul6767@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Savvinova G. E., 2020

Abstract. Introduction. The article provides a comparative analysis of artistic expressiveness means inherent to the Yakut Olonkho and Tuvan epics. The point is that poetics of the epic work *Nurgun Bootur the Swift* by P. A. Oyunsky recreated on the basis of folk tales has actually remained understudied, and this paper fills the gap. **Goals.** The work — as part of Yakut folklore studies — makes the first attempt to consider poetics and the system of artistic techniques of the Olonkho *Nurgun Bootur the Swift* in comparison to Tuvan heroic epics. **Methods.** The study employs a comprehensive approach that includes comparative historical and typological research methods. **Results.** The comparative analysis concludes that P. Oyunsky's *Nurgun Bootur the Swift* is based on the principles of traditional folk epic, and reveals parallels to Tuvan heroic narratives. Special attention is paid to the means of artistic expression — hyperbole and comparison. There are functional semantic dependence and structural unity indicating a typological similarity of the epic works examined. The vivid language of Tuvan epic narratives and that of P. Oyunsky's Olonkho are explicitly characterized by elements observed in heroic epic proper, and the poetic analysis shows the Yakut text is distinguished by artistic completeness. So, P. Oyunsky revived the Yakut heroic epic, enriched its conceptual/thematic essentials — to strengthen the unique poetic form.

Keywords: Olonkho, Tuvan tales, epic traditions, artistic and visual means, hyperbole, comparison

Acknowledgements. The reported study was funded by Ammosov North-Eastern Federal University, project 'Heroic Epics of Eurasian Turko-Mongols: Problems and Perspectives of Comparative Study'.

For citation: Savvinova G. E. Platon Oyunsky's Olonkho *Nurgun Bootur the Swift* and Tuvan Heroic Epics: Poetics Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1155–1166. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1155-1166

Введение

Героический эпос — продукт длительного коллективного творчества, высочайшее выражение духа народа. Е. М. Мелетинский пишет, что героическая песня потому героическая, что всегда изображает и восхваляет героический идеал в соответствии с данной эпохой. <...> Ранняя эпика изображала силы природы и исторических противников племени в виде сверхъестественных демонов и чудовищ, а позднее развитие героических произведений дошло до более или менее достоверного реалистического изображения исторического противника [Мелетинский 2004: 462].

Во многих тюрко-монгольских эпических сказаниях отмечены общие основные сюжетные линии, иногда встречаются текстовые совпадения. Специфика использования средств художественного изображения имеет аналоги и за пределами фольклора тюрко-монгольской этно-языковой среды. В. М. Жирмунский пишет, что «область историко-типологических аналогий (как и литературных влияний) не ограничивается вообще повествовательными мотивами и сюжетами. Она охватывает все стороны идеологии, образности, жанровой композиции и художественного стиля произведений литературы и фольклора» [Жирмунский 1962: 10].

Необходимость осмысления характера поэтики эпических произведений алтае-саянских народов, в частности олонхо и тувинского эпоса, стимулировала повышение интереса к рассматриваемой проблеме. Художественный мир олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов изобилует и многообразен. В связи с этим данная статья ни в коей мере не претендует на изучение их глубины, на полноту обзора. Поэтому мы попытаемся рассмотреть лишь наиболее об-

щие черты художественных особенностей олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских героических эпосов «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо, «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная, «Боралдай с конем Бора-Шокар» Хургул-оола Монгуша и «Кангывай-Мерген» Баазанай Халдаа Тюлюша.

Общеизвестно, что в литературоведении при анализе любого произведения средства художественной выразительности требуют тщательного, детального изучения. Поскольку, как пишет М. Горький, «форма есть существенная часть эпической мысли» [Горький 1954: 243].

Правомерно также мнение М. И. Богдановой о том, что «целостное представление может создаться лишь при определении народности эпических произведений, неразделенных и взаимообусловленных, содержания и формы» [Богданова 1961: 226]. Потому поэтическая особенность произведения включает структуру эпоса, развитие конфликтов в сюжете, систему образов, пафос произведения, способ пейзажных зарисовок и др.

В качестве материалов для исследования послужили: олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинские героические эпосы «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо, «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная, «Боралдай с конем Бора-Шокар» Хургул-оола Монгуша и «Кангывай-Мерген» Баазанай Халдаа Тюлюша.

Художественное изображение в якутском олонхо и тувинских эпосах

В. Л. Серошевский писал: «Стиль былин совсем особый <...>. Якуты считают признаком дурного вкуса, если сказочник в кэпсээн (сказку. — Г. С.) в неуказанном месте вставляет былинные обороты и позволяет себе без разбору смешивать обе формы»

[Серошевский 1896: 610]. В филологической науке эпическому и лирическому не положено определять границы образного познания жизни. Эпос является одной из форм эволюции словесно-художественного искусства, имеющий свои творческие «законы».

Один из первых якутских ученых, писатель-новатор П. А. Ойунский поэтически обработал и создал свод сюжета олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» [Ойунский 2003: 544]. По композиционной последовательности текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского разбивается на 9 песен. Данное явление не случайно, так как несет содержательную нагрузку, охватывает законченный цикл событий. Обыкновенно тюрко-монгольским эпосам присуща определенная монументальность, величавость.

Форма образного повествования, близкая к художественной литературе, олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского отмечается исследователями П. Н. Дмитриевым и С. Д. Мухомплевой: «Принцип поэтической (стихотворной) обработки олонхо ввел впервые якутский писатель Платон Алексеевич Ойунский. Ойунский ввел в эпическое повествование многочисленные авторские (лирические) отступления, несвойственные эпической традиции этого жанра» [Дмитриев, Мухомплева 2004: 75].

При всем огромном богатстве и разнообразии ритмики в олонхо П. А. Ойунского наблюдается тяготение к равносложности и равнословности в смежных стихах, т. е. стих олонхо П. А. Ойунского близок к современной поэзии. К. Райхл пишет, что «сюжет и персонажи — это одна сторона повествования; другими элементами являются композиция и художественные приемы» [Райхл 2008: 299]. Отсюда следует, что в соответствии с принципом описательности строится вся композиция сюжета эпоса.

Основной характер поэтики героических эпосов определяют художественный стиль, устойчивые выражения. Для эпических произведений свойственны приемы создания гиперболического эффекта. Гипербола употребляется в олонхо и тувинских эпосах в разнообразной форме, которая нередко совмещается с разными стилистическими приемами, усиливая им соответствующую экспрессию, благодаря которой эпос приобретает более эмоциональный характер.

Так, во вступительной части олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» стилевой доминантой является ярко выраженное описание среднего мира, портрета главного героя, описание его доспехов, оружия, богатства и т. д., которые Н. В. Емельянов называет «экспозицией» или «эпическим зачином» [Емельянов 1990: 10].

Лирическая вступительная часть олонхо П. А. Ойунского начинается со стихотворной формулы:

*Абыс илээх-саҕалаах,
Атааннаах-мөҥүүннээх
Аан ийэ дайды
Ананан-айыллан
Үөскээбитэ үһү диэн
Үһүйэн көрдөхпүт...*
[Ойунский 2003: 10].

*Эртенгинин эртезинде,
Бурунгунун мурнунда,
Буганын мыйызы буступ дужуп,
Тенин мыйызы дээринге шаштыгып...*
[Тувинские героические 1997: 22].

*Чиге сонгу чуктен бады келген,
Эдиг-Кара хемнин белдирин чурттаан,
Эктин ашкан эттиг,
Бажсын ашкан малдыг...*
[Тыва маадырлыг 1990: 30].

Осьмикрайняя,
Об осьми ободах,
Бурями обуянная
Земля — всего живущего мать,
Предназначенно-обетованная,
В отдаленных возникла веках.
И оттуда сказание начинать...
[Нюргун Боотур 1982: 6]

Раньше раннего,
Древнее древнего,
Когда рога быков, растрескавшись, отваливались,
(А) рога горных козлов упирались в небо...
[Тувинские героические 1997: 5].

Раньше раннего,
Прежде давнего [времени]
У слияния [вод] реки Элдиг-Кара,
Текущей прямо с северной стороны...
[Тыва маадырлыг 1990: 619].

В характерном для народной поэзии стиле эпическое художественное обрамление создает не только многослойность Верхнего мира, но и образ картины Срединного мира (*Осьмикрайняя, Об осьми ободах, ... Земля*), в котором воссозданы исторические черты давно ушедших времен (*...В отдаленных возникла веках*). Виртуозность поэтической техники можно увидеть в умении автора аллитерационно связывать слова в строках, также и внутри строк: *Абыс иилээх-саба-лаах, Атааннаах-мөнгүүннээх, ...Үөскээбитэ үһү диэн Үһүйэн көрдөхпүт...*

Как и в якутском олонхо, в зачине тувинского эпоса «Хунан-Кара» сообщается о многослойности небесной сферы, в которой указывается 33 небесных свода, населенных таким же количеством богов (*Дээр*). А в сказании «Богатырь Шагаан-Тоолай» повествуется о бурном море-океане: «Когда Белая Сумбер-Уула была островерхим пригорком, когда бурное море лежало черной лужей» [Тувинские героические 1997: 13]. Следовательно, картина эпохи хаоса в олонхо и тувинских эпосах показана не только через внешнее изображение, но и посредством гиперболических сравнений, которые указывают на образную характеристику состояния вселенной.

Описание в «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей» свидетельствует сохранность архаичных черт стихосложения.

В данном эпическом стихе внутрисклоновая аллитерационная связанность не обязательна (*Эртенгинин эртезинде, Бурунгунун мурнунда* 'Раньше раннего, Древнее древнего'). По замечанию Ю. Н. Тынянова: «В устной традиции иногда бывает затруднительно определить «имманентные признаки стиха как такового» [Тынянов 1965: 137].

Во втором примере сложность обнаруживается в градации форм: от аллитерированной стиховой формы (как в первом примере) до не аллитерированной стиховой формы. Однако во втором примере особо выражена ритмизованность: *Чиге сонгу чүктен бады келген, / Эдиг-Кара хемнин белдирин чурттаан, / Эктин ашкан эттиг, / Бажын ашкан малдыг...* 'Раньше раннего, Прежде давнего [времени] У слияния [вод] реки Эдиг-Кара, Текущей прямо с северной стороны', которая превосходит «стихотворную» строку с ассимилированной аллитерацией. Также в тувинском эпосе посредством

гиперболы усиливается выразительность описания общей картины мироздания.

О созданном в прозаической форме эпосе «Боралдай с конем Бора-Шокар» А. С. Донгак пишет, что сказание «тяготеет к традиционной образности и формульности. <...> Лексические повторы, рифмованные окончания, различные усилительные частицы и другие стилистические приемы придают тексту ритмизированную организацию: с горками-пригорками; с перевалами-вершинами; рыбками-мальками; с целебными источниками-водами; изюмом-сладостями; с ягодами-фруктами (земля); семь рек, семеро братьев» [Донгак 2018: 115].

Как считает Н. В. Покатилова, и в сказывании олонхо «параллелистическая структура выступает как достаточно формализованный стилистический прием, которым „автоматически“ (в силу техники устного исполнения) пользуется повествователь, однако функциональная значимость этого приема чрезвычайно подвижна», «поскольку для ведущего повествования важен не прием как таковой, а его применение, функциональная значимость» [Покатилова 1996: 73–88].

В тюрко-монгольских эпических традициях повествование о сверхъестественном появлении богатыря имеет много общего. Способы художественной характеристики богатырей в произведениях тувинского и якутского эпосов традиционны. О средствах художественной выразительности в алтае-саянских эпосах А. П. Окладников отмечает, что «гипербологические описания битвы богатырей в таких же формах свойственны эпосу монгольских племен, начиная с бурятских улигеров и кончая монголо-ойратскими былинами» [Окладников 2013: 32].

Акт рождения (появления) главного героя четко представлен в тексте олонхо П. А. Ойунского. У прекрасных родителей — небесных божеств родился сын: *Сырдык сымаан хааннаах Адьына Сизэр хотун Тобус ый хонугун Толорбокко эрэ* 'Непомерно тяжелое бремя свое Не под силу было носить прекрасной Хотун Задолго до девятилунной поры' / *Иирээн энгэрдэнэн Илбис төрүттэнэн, Ийэтин иһиттэн Таас килиэ обо Таралыйа түһээт* 'Из чрева хотун, Расторгнув утробу ее, Одержимо неистовством бунтовским, Выкатилось каменное дитя' [Нюргун Боотур 1982: 66].

«Зеркальный» прием — конструкция в знаке о необычном рождении эпического богатыря обнаруживается в тувинском «Хунан-Кара». Архаический мотив в описании сверхъестественного рождения железного сына у престарелых родителей поражает яркой живописностью: *Белин көөрге* ‘Видно его туловище’, *Шой-биле бүткен* ‘Сплошь чугунное’, *Хөрээн көөрге* ‘Посмотришь на грудь’, — *Каң-биле бүткен...* ‘Весь из стали...’ [Тувинские героические 1997: 66].

О «говорящей живописи» В. Е. Хализев пишет, что «словесно-художественные образы живописуют вымышленную реальность и апеллируют к зрению читателя» [Хализев 1999: 97].

Мотив фантастического происхождения богатыря в наиболее архаических формах

*Обо эрдэбиттэн,
Олорор буолуобуттан
Үөһээ дойдуга
Үөрэбэс быстан,
Үөрбэ оностон,
Үлтү кэһиэх буолан
Үөгүлүүр этэ диэммин...*
[Ойунский 2003: 56].

Повторы (*эрдэбиттэн*, *буолуобуттан*, *оностон*, *буолан*) приобретают гиперболический характер, потому являются важными средствами выразительности, создающими необыкновенной силы экспрессию в изображении сказочного становления будущего богатыря.

Однако простого повтора недостаточно для создания художественного эффекта в эпическом произведении. Тогда сказитель использует близкий к повтору прием экспрессивности, который создает впечатление путем подбора однотипных образов или элементов. Так, по принципу усиления выразительности построено описание стремительного роста тувинского богатыря в текстах «Хунан-Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей»:... *бир*, ..*бир* ‘один’; ... *ижи*, ...*ижи* ‘два’: *Бирхонгаиш*: ‘Одни сутки прошли.’ / *Бирхарлыг мен* — *деп* («Год мне!» — говорит). *Ижикхонгаиш*: ‘Двое суток прошло.’ / *Ижикхарлыг мен* — *деп...* ‘«Два года мне!» — говорит’ [Тувинские героические 1997: 70].

В. М. Жирмунский связывает «с первобытными представлениями о партеногенезисе (т. е. девственном зачатии), восходящими к эпохе материнского рода» [Жирмунский 1974: 224].

Действенными приемами композиции в алтае-саянских сказаниях являются часто повторяющиеся элементы. Повторы позволяют легко и естественно придать эпосу композиционную стройность. Одним из устойчивых признаков чудесных детей является мотив необычайно быстрого роста. В описании приемом повтора якутскому богатырю Нюргуну приписывается необыкновенный рост, необыкновенное детство:... *Обо эрдэбиттэн, ...Аччыгы эрдэбиттэн* ‘...С младенчества, ... Как в детстве’ — становятся лейтмотивом всего композиционного построения:

... в детстве,
Копье себе мастера,
Верхнему миру грозил,
Зычно крича, вопя,
Что растопчет его,
Что в обломки его сокрушит...
[Нюргун Боотур 1982: 41].

Ритмический рисунок обуславливает необычайное развитие вида художественно-изобразительного приема. О том, что тувинские эпические тексты подчиняются внутренней стихотворной ритмике, писали в своих исследованиях А. В. Кудиярова, С. М. Орус-оол и З. К. Кыргыс [Донгак 2018: 113].

Средствами выражения экспрессии в описании буйного характера в младенчестве якутского богатыря, читаем в олонхо «Нюргун Боотур»: *Чачыгыраччы күлэн: «Хара түөкүттэр, ханньары санаалаахтар, Үс дойдуну үөннээн-күрдэбэлээн сиэбит Үрдүк солороохтор, үтүө сурахтаахтар! Уоттаах уурааххытын Уу курдук кэлэр Уол-обо мин төрөөтүм!»* ‘Звонко, отрывисто хохоча, Пронзительно крича: — Эй вы, черные плуты, Навыворот мыслящие лжецы, Обьедалы — готовые мир сожрать, Судьи и господа! Вот пришел я — вам на беду! По вашему грозному я суду Вброд, как по мелкой воде, пройду!’ [Ойунский 2003: 17]. Автор употребляет гиперболы,

используя антитезы контрастных образов: *Хара түөкүттэр, Үрдүк солоохтор* 'Черные плуты, Господа'. Здесь специфические языковые средства образуют композиционно значимое противопоставление.

Сравнение как художественное средство, его функции в эпосах выражаются неодинаково. «Сравнение в стилистике и поэтике предполагает уподобление одного предмета другому, в результате чего выявляется и усиливается некоторый общий признак» [Егорова 2014: 48]. Как и гипербола, эпические сравнения служат для выявления героического.

Для идеализации эпического богатыря в качестве большей художественной выразительности употребляются «чудодейственные мотивы» [Бегалиев, Койлубаев 2016: 221].

Одним из основных и смыслообразующих мотивов является изображение единства главного героя и его родного народа. Изображение портретов богатырей в эпических произведениях отличается выра-

зительностью языка, яркой образностью. Главный герой описывается необыкновенно мужественным, справедливым и благородным.

Гиперболизация как художественный прием характеристики эпических образов в олонхо П. А. Ойунского и тувинских сказаниях используется на протяжении всего повествования. Богатыри наделены типичными для всех тюрко-монгольских эпических героев чертами отважного воина. Якутский Нюргун Боотур и тувинские богатыри изображены максимально богатыми, владеющими роскошными юртами, бесчисленными табунами лошадей, превосходными верховыми конями, стадами овец, коров и др.

Одним из ключевых объектов гиперболизации в эпическом произведении является физическая мощь главного героя. Сила богатырей изображается с поэтическим преувеличением, усиливается монументальность их образов. В олонхо битва Нюргуна с трехглавым богатырем абаасы Уот Усутаакы длится тридцать дней:

*Үөт талах курдук
Илби эрийсэн киридилэр,
Орудуур отут хонугу мэлди<...>
Кылана-кылана
Кыһыл илилэринэн кыдыстылар,
Үөгүлэхэ-үөгүлэхэ
Өттүктэхэн киридилэр,
Хаһыытаһа-хаһыытаһа
Халбарытыһан бардылар...*
[Ойунский 2003: 272].

Как древесные корни, руки сплетая,<...>
Тридцать орущих
Дней и ночей
Боролись богатыри.<...>
Со стоном и ревом они
Принялись друг друга ломать,
Подымать,
Об землю бросать...

[Нюргун Боотур 1982: 200].

В эпических произведениях широко используется прием сравнения, который позволяет описывать одно явление с помощью другого. К примеру, в олонхо при описании битвы главного героя с противником используются гиперболические сравнения «как древесные корни, руки сплетая, Как быки лесные, мыча», «Будто сшиблись гора с горой, Бить взялись друг друга они», «Нюргун Боотур Громом загрохотал, Молнией засверкал» [Нюргун Боотур 1982: 198].

В описании тувинских богатырей в «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» художественную выразительность образов усиливают гиперболы, подчеркивающие их мощь, величественность: *Бугалаштыр хыйыртап көөргө, Удур хыйыртааш, Соора-саара шелгилежип чоруй, Кап-шак сегиржип*

алгаи, Үш айның тозан хонук доктаал чок Бөөлдежип, тырыкылдажып келирде... 'Как быки, глядят исподлобья, Друг на друга глядят исподлобья, Так и эдак ухватят, дернут друг друга — И вот «кап-шак!» — схватились. Девяносто дней — три месяца — без перерыва Вертят, крутят друг друга... [Тувинские героические 1997: 367].

Уподобление — разбрасывание богатырем врагов ровно зерна подчеркивает могущественность тувинского богатыря Кара-Когеля: *Алдан мөгениалды чукче арба-и-тараа дег чажыпкаш...* 'разбросал, словно ячмень на шесть сторон шестьдесят силачей...' [Гребнев 1960: 33].

Чтобы заострить богатырский облик героя, посредством гиперболических сравнений дается развернутое представление

о высоких, усыпанных камнями горных перевалах, которые богатырю приходится преодолевать; о бескрайних степях, лесных чащах и нередко эпитетом непроходимого леса служит сравнение: *чылан өтпес шыргай арыг* 'густой лес, через который даже змея не сможет проползти'. Поле, где происходят состязания, рисуется как «необозримая желтая степь» (*карак четпес сарыг*

хову») [Гребнев 1960: 34]. В образах эпических богатырей воплощены идеалы древних тюрко-монгольских народов о совершенном мире и жизни, совпадающие с желанием народа о лучшей доле.

Характерны для якутского олонхо выразительные средства в описании пространства и времени. В «Нюргун Боотуре»:

*Былыргы былдьаһыктаах дьылым
Быралыйар быраман мындаатыгар<...>
Ол-бу улуус диэн, <...>
Иһиллэ илигинэ...*
[Ойунский 2003: 3].

*Очуос таас хайа оройдоох, <...>
Арабас айыы далбардаах, <...>
Орто туруу дьабыл дойду диэн
Оһоһуллубута эбитэ үһү...*
[Ойунский 2003: 4].

Далеко, за дальним хребтом
Давних незапамятных лет
Когда тридцать пять племен, <...>
Не появились еще на земле...
[Нюргун Боотур 1982: 8].

С высоким гребнем утесистых гор, <...>
Обильная щедростью золотой, <...>
Зародилась она,
Появилась она —
В незапамятные времена — Изначальная Мать-Земля...
[Нюргун Боотур 1982: 8].

Для стиха в одну строку характерна трехчастная однострочная структура (*Былыргы былдьаһыктаах дьылым / Быралыйар быраман мындаатыгар*), затем двухчастная однострочная (...*Ичээн эттээххэ, Икки атахтаахха Иһиллэ илигинэ*), кото-

рые в эпическом стихе придают особую звуковую красоту. Хронологическое описание варьируется и в тувинском сказании «Кангывай-Мерген», которое соответствует эпической традиции:

*Экишагныңэктинде,
Багайшагныңбасжында,
Эргекиг эр атчыпболбаан,
Эргекиг эр тутчупболбаан,
Арынныг эр удуркөрбес,
Аастыг эр чугаалажыпбүтпес,
Эрниңэрези Каңгывай-Мергендээрзи
Чораанчүвеңиргин*
[Тыва маадырлыг 1990: 175].

В плече хорошего времени,
В голове плохого времени,
Когда богатыри с [сильными] пальцами еще не стреляли друг в друга,
Когда богатыри с [сильными] пальцами еще не сражались,
Когда богатыри с [сияющими] лицами еще не смотрели друг на друга враждебно,
Когда драчливые богатыри еще не спорили друг с другом,
[В это время] храбрый богатырь по имени Кангывай-Мерген
Жил на свете.
[Тувинские героические 1990: 143].

Текст данного примера сплошь состоит из формульных словосочетаний и наблюдается отчетливое ритмическое членение. Видно, что в изображении временного пространства антитеза играет большую роль: ...*В плече хорошего времени, В голове плохого времени. Когда рога быков, растрескавшись, отваливались, (А) рога горных козлов упирались в небо, На плечах хорошего времени, На голове (в начале) плохого времени Когда на пригорке Выросли четы-*

ре разноцветных цветка, Когда у безрогой коровы Рога появились [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей 1995: 5]. Экспозиция антитезой временных событий жизни богатыря Кангывай-Мергена, являющейся расстановкой до начала действия, помогает проникнуть в смысл дальнейшего повествования.

Одним из характерных особенностей рассматриваемых эпосов является то, что весь эпический сюжет изложен в стихотворной форме. В эпическом тексте между от-

дельными частями повествователем вставляются короткие внесюжетные фрагменты. Отступление (внесюжетный фрагмент) в эпическом тексте служит для непосредственного высказывания мыслей повествователя. По форме авторское отступление сказителя обращено к слушателям. Включение отступления в текст часто объясня-

ется художественной игрой сказителя, демонстрирующего свою творческую свободу. Примечательны отступления к песням олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, которые являются сюжетно-композиционными связками для целостного восприятия. Они настолько органично входят в структуру олонхо:

*Хоммут уоспутун
Хоннордохпунуна,
Өрөөбүт уоспутун
Өһүллэхпитинэ:
Аллараа дойдуга
Аат айаҕа
Аппаннаабытынан барыа...*
[Ойунский 2003: 182].

Коль раскрою свой
Задремавший рот,
Коль развяжу
Продневавший рот, —
Подземный мир
Бездонную пасть
Раскрывать понемножку начнет...
[Нюргун Боотур 1982: 138].

Н. И. Кравцов отмечает в тюркских эпосах распространенную вводную формулу — призыв к аудитории (в духе запева) [Кравцов 1985: 38]. Как видим, в данном формульном выражении (в начале четвертой песни) автор обращается к слушателям, приглашая их последовать за ним к новой эпической сцене. В героическом эпосе огузов «Книге моего деда Коркута» сказывается словесное выражение, как: «И тогда Х сказал (а) то-то и то-то. Посмотрим, что он (а) сказал (а)!». Таким образом, публику на разных этапах повествователь призывает послушать и даже посмотреть, что происходит в финальном сражении. Также намечается формульное начало и в тувинском эпическом творчестве, которое «сократилось до формулы *шыяан ам*, которую можно перевести «так вот», «теперь», «далее» [Райхл 2008: 303]. В сказительской традиции вилуйские якуты, когда одобряют повествование олонхосута, говорят тоже «*Сыа-ан!*» (якут. «Так вот!»). Из этого следует, что средства предметной изобразительности в якутском олонхо и тувинском сказании используются в наибольшей степени идентично, обширно и свободно.

Изобилующими гиперболическими сравнениями подчеркиваются необыкновенная сила, непомерная красота коней богатырей. Такие средства выразительности усиливают эмоциональное, картинное воздействие, придают яркость эпического восприятия. В «Нюргун Боотуре» многослойный образ коня впечатляюще фантастический: *Только вихрем пыль Заклубилась*

*за ним (конем), Только молнии за горой
Вспыхивали по следу его, Только гром вдалеке
Громыхнул и затих. Треснул оглушительный гром,
Сотрясая кровлю жилья* [Нюргун Боотур 1982: 106]. В «Кангывай-Мергене» конь столь могуч, что «если навьючить на него мясо пятисот пятидесяти маралов и маралух или мясо шестисот шестидесяти лосей и лосих, то и тогда он легко побежит» [Тыва маадырлыг 1990: 35]. В «Боктуш-Кирише» богатырский конь необычайно силен, что после охоты «собрал в кучу шестидесять маралов» [Тыва маадырлыг 1990: 35]. Как видим, способы выражения мощи, силы богатырских коней представлены посредством образов сравнения, уподобления, заимствованных из мира окружающей природы. К примеру, «высокий лес сравнивается с гривой лошади. Всадник, быстро и ловко вскочивший в седло, сравнивается с черным глухарем, взлетевшим весной с проталины» [Очерк 1970: 20]. Как правило, поэтические сравнения сказителей олонхо выражают уподобления по форме, функции.

Для алтае-саянской эпической традиции характерна идеализация триумфальных событий. После многочисленных боев, в которых славные богатыри одерживают победу над злыми силами, устраивается великий пир. Справедливость восстанавливается, на землю возвращается мирная жизнь. При этом торжество победы совмещается с героическим сватовством богатыря. В тувинском эпосе «Боралдай с конем Бора-Шокар», когда очередной из

сыновей Боралдая женится на невесте, добытой через множество испытаний, сказитель дает не только развернутые описания свадебных пиршеств (этапы подготовки, угощения) [Донгак 2018: 114], но и включает в повествование словесные состязания между сватами, которые отсутствуют в якутском олонхо. Словесные противоборства между родителями жениха и невесты проходят в виде весёлого сценического представления — с шутками, песнями, благопожеланиями, в которых в каждой из

семи глав используются различные изобразительные средства выразительности с неповторимыми фразами нового звучания: «„Народ-поданные [мои]! С море молочную водку, с гору мясо приготовили?“, — спросил [хан]. / Те: „Приготовили!“ — [так] ответили. / „Хороший зять мой в путь отправляется, народ-поданные [мои], так празднуйте-пируйте“, — [так] сказав, народ-поданных [своих] кормил-потчевал, мясом-салом угощал» [Донгак 2018: 114].

В олонхо повествуется:

Дирбиэннээх-дарбааннаах <...>

Уолбат уйгу Улуу тунах ыһыабы тэрийбиттэр, <...>

Орудуур отут хонукка

Оонньуу-күлүү

Оройо аһыллыбыт,

Мобус манна аһаабыт,

Модьу манна тустубут, <...>

Кыыс оҕо манна

Кыталыктыы ыллаабыт,

Уол оҕо манна

Туруйалыы туойбут...

[Ойунский 2003: 518].

В тувинском эпосе:

Улуг найыр-курумну

Тос хонуктуң иштинде ургүлчүлөп...

[Тувинские героические 1997: 296].

Устроили для пира они

Многозвучно-шумное — на весь мир, <...>

Тридцать дней и ночей подряд

Веселые игры шли;

Объедались обжоры

Густой едой,

Тешились борьбой силачи,

Парни пляски вели,

Как серые журавли,

Пели девушки,

Как белые журавли...

[Нюргун Боотур 1982: 408].

Великое празднество-пир

Девять суток продолжалось, оказывается....

[Тувинские героические 1997: 297].

В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на свадьбе молодых динамичность движений юношей и девушек, их цельные поступки, которые можно назвать поведенческой установкой — все это повествует о масштабности, широте счастливого конца эпического произведения. Как видно, в тувинском эпосе «Хунан Хара» счастливый конец идентичен якутскому олонхо. В отличие от олонхо, в тувинском сказании нет развернутой словесной характеристики торжества. В эпосе больше повествовательного момента. При этом подобное описание ничуть не умаляет значения тувинского сказания — напротив, показывает сохранность основных черт архаических форм эпоса. Занимательны в повествовании выразительные средства с помощью числительных: в олонхо — «празднество-пир продолжалось в течение «тридцати дней и ночей подряд» и в тувинском сказании — «девять суток», число 9 традиционно является сакральным. В данном контексте действие характеризу-

ется устойчивыми числовыми словосочетаниями, ориентирующими на временно-пространственное представление. Правоммерно будет мнение А. С. Донгак: «Хотя сюжетная структура сказания состоит из общепических сцен, эпизодов, мотивов (детство героев и их детские игры и забавы, наречение именем героев и их коней, походы за невестами, участие в богатырских состязаниях, поединки с шулбусаами и мангысами, победа над ними и т. д.), все же характерно то, что в нем обычаи и обряды народа изображены более узнаваемыми и реалистичными» [Донгак 2018: 114].

Заключение

Анализ изобразительно-выразительной системы олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и тувинских эпосов приводит нас к тому, что олонхо П. А. Ойунского и тувинские эпосы имеют типологическое сходство и отражают посредством художественного эпического

творчества исторический, эпико-культурный путь развития народов.

Из анализа поэтики олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» следует, что олонхо П. А. Ойунского отличается завершенностью художественной формы. Новатор народной литературы П. А. Ойунский, воссоздав якутский героический эпос, обогатил

его идейное и тематическое содержание, придал ему особое поэтическое звучание.

Изучение художественных средств олонхо П. А. Ойунского и тувинских эпосов не ограничивается поэтическими приемами, гиперболой, сравнением. Данная проблема требует дальнейшего детального исследования.

Литература

- Бегалиев, Койлубаев 2016 — *Бегалиев С. Б., Койлубаев К. К.* О поэтике эпоса «Манас» // Инновации в науке: сборник статей по материалам LXIII Международной научно-практической конференции № 11(60). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 217–223.
- Бокту-Кириш, Бора-Шээлей 1995 — Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тувинский героический эпос: в 6 т. Т. 4 / ТНИИЯЛИ. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1995. 224 с.
- Горький 1954 — *Горький М.* Избранные литературно-критические произведения: Статьи, доклады, речи, письма. М.: Детгиз, 1954. 304 с.
- Гребнев 1960 — *Гребнев Л. В.* Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Вост. лит., 1960. 145 с.
- Дмитриев, Мухоплева 2004 — *Дмитриев П. Н., Мухоплева С. Д.* Ойунский и фольклор // П. А. Ойунский: мифы и реальность. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2004. С. 71–77.
- Донгак 2018 — *Донгак А. С.* Особенности поэтики тувинского эпоса «Боралдай с конем Бора-Шокар» в контексте разновременных записей // *Oriental Studies*. 2018. № 3. С. 109–117. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-109-117
- Егорова 2014 — *Егорова О. А.* Характер сравнений и их роль в русских народных сказках // Современная филология: теория и практика: материалы конференции / под ред. А. Ф. Долматова. М.: Институт стратегических исследований, 2014. С. 48–53.
- Емельянов 1990 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 207 с.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 725 с.
- Жирмунский 1962 — *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1962. 435 с.
- Кон 1934 — *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет: Экспедиция в Сойотию. Т. 3. М.: Советский писатель, 1934. 293 с.
- Кравцов 1985 — *Кравцов Н. И.* Сербско-хорватский эпос. М.: Наука, 1985. 356 с.
- Богданова 1961 — *Богданова М. И.* Об особенностях киргизского героического эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас»: сб. ст. / ред. кол.: М. И. Богданова и др. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 197–234.
- Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
- Нюргун Боотур 1982 — Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо / воссоздал на основе народных сказаний П. А. Ойунский; пер. В. В. Державина. 2-е изд. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 431 с.
- Окладников 2013 — *Окладников А. П.* Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом. Якутск: Сайдам, 2013. 62 с.
- Очерк 1970 — Очерк истории якутской советской литературы / под ред. К. Л. Зелинского. М.: Наука, 1970. 391 с.
- Ойунский 2003 — *Ойунский П. А.* Дьулуруйар Ньургун Боотур (Нюргун Боотур Стремительный): олонхо. Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 2003. 544 с.
- Покатилова 1996 — *Покатилова Н. В.* К вопросу о формах параллелизма в эпическом жанре олонхо: из наблюдений над текстом // Язык — миф — культура народов Сибири. Вып. 4; отв. ред. Л. Л. Габышева. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. С. 73–88.
- Райхл 2008 — *Райхл К.* Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. М.: Вост. лит., 2008. 383 с.
- Серошевский 1896 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. Т. 1. СПб.: Издание ИРГО, 1896. 721 с.
- Тынянов 1965 — *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Советский писатель, 1965. 301 с.
- Тувинские героические 1997 — Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Но-

- носибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1997. 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Тыва маадырлыг 1990 — Тыва маадырлыг тоолдар (= Тувинские героические сказания). Т. 1. Меге Шагаан-Тоолай; 2. Танаа-Херел; 3. Тоц-Аралчын-Хаан; 4. Кацгывай-Мерген; 5. Баян-Тоолай / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990. 272 с.
- Хализев 1999 — Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.
- ### References
- Begaliev S. B., Koylubaev K. K. About poetry of the epic 'Manas'. *Innovatsii v nauke*. 2016. No. 11(60). Pp. 217–223. (In Russ.)
- Bogdanova M. I. Kyrgyz heroic epic of Manas: peculiarities revisited. In: Bogdanova M. I. et al. (eds.) *Kyrgyz Heroic Epic of Manas*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. Pp. 197–234. (In Russ.)
- Boktu-Kirish, Bora-Sheeley: Tuvan Heroic Epic. In 6 vols. Vol. 4. Tuvan Research Institute of Language, Literature and History. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1995. 224 p. (In Tuv.)
- Dmitriev P. N., Mukhopleva S. D. Oyunsky and folklore. In: Ivanov V. N., Dyachkovskaya M. N., Romanova L. N. Platon A. Oyunsky. *Myths and Reality*. Yakutsk: Humanities Research Institute (Sakha (Yakutia) Academy of Sciences), 2004. Pp. 71–77. (In Russ.)
- Dongak A. S. The Tuvan epic *Bora-Shokar Attyg Boralday*: poetic peculiarities in the context of multitemporal recordings. *Oriental Studies*. 2018. No. 3. Pp. 109–117. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-109-117
- Egorova O. A. Comparisons and their role in Russian folk tales. In: Dolmatov A. F. (ed.) *Contemporary Philology. Theory and Practice. Conference Proceedings*. Moscow: Institut Strategicheskikh Issledovaniy, 2014. Pp. 48–53. (In Russ.)
- Gorky M. *Selected Literary Critical Works: Articles, Reports, Speeches, Letters*. Moscow: Detgiz, 1954. 304 p. (In Russ.)
- Grebnev L. V. *Tuvan Heroic Epic: A Historical-Ethnographic Analysis*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 145 p. (In Russ.)
- Khalizev V. E. *Theory of Literature*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1999. 398 p. (In Russ.)
- Kon F. Ya. *Over the Fifty Years: Expedition to Soyotia*. Vol. 3. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1934. 293 p. (In Russ.)
- Kravtsov N. I. *Serbo-Croatian Epic*. Moscow: Nauka, 1985. 356 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. *Origins of Heroic Epic*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 462 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Yakut Epic (Olonkho) and Its Ties to the South*. Yakutsk: Saydam, 2013. 62 p. (In Russ.)
- Orus-ool S. M. (comp.) *Tuvan Heroic Tales*. Novosibirsk: Nauka, 1997. 584 p. (In Russ.)
- Orus-ool S. M. (comp.) *Tuvan Heroic Tales*. Vol. 1: Mege Shagaan-Toolay; vol. 2: Tanaa-Kherel; vol. 3: Tots-Aralchyn-Khaan; vol. 4: Katsgyvay-Mergen; vol. 5: Bayan-Toolay. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1990. 272 p. (In Tuv.)
- Oyunskiy P. A. *Nurgun Bootur the Swift: Olonkho*. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2003. 544 p. (In Yak.)
- Oyunsky P. A. (literary comp.) *Nurgun Bootur the Swift: Yakut Heroic Olonkho Epic*. V. Derzhavin (transl.). 2nd ed. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1982. 431 p. (In Yak. and Russ.)
- Pokatilova N. V. Revisiting parallelism forms in the epic genre of Olonkho: textual observations. In: Gabysheva L. L. (ed.) *Peoples of Siberia. Language – Myth – Culture*. Vol. 4. Yakutsk: Yakutsk State University, 1996. Pp. 73–88. (In Russ.)
- Reichl K. *Turkic Epic: Traditions, Forms, Poetic Structure*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. 383 p. (In Russ.)
- Seroshevskiy V. L. *The Yakuts: An Ethnographic Study*. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society, 1896. 721 p. (In Russ.)
- Tynyanov Yu. N. *The Problem of Poetic Language: Articles*. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1965. 301 p. (In Russ.)
- Yemelyanov N. V. *Olonkho: Plots about Tribal Ancestors*. Moscow: Nauka, 1990. 207 p. (In Russ.)
- Zelinsky K. L. (ed.) *Yakut Soviet Literature: A Historical Essay*. Moscow: Nauka, 1970. 391 p. (In Russ.)
- Zhirumsky V. M. *Folk Heroic Epic: Comparative-Historical Essays*. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1962. 435 p. (In Russ.)
- Zhirumsky V. M. *Turkic Heroic Epic*. Leningrad: Nauka, 1974. 725 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 4, pp. 1167–1176, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1167-1176
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22:821.512.36

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1167-1176

Функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов

Людмила Санжибоевна Дампилова¹, Екатерина Владимировна Сундужева²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация),
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-2299-3384. E-mail: sundueva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Дампилова Л. С., Сундужева Е. В., 2020

Аннотация. *Введение.* В мифологии народов мира образ змеи как один из самых изучаемых персонажей имеет разные интерпретации. В фольклоре тюрко-монгольских народов также он изучен достаточно широко. В данной статье мы впервые обращаемся к образу змеи как табуированному сакральному персонажу в обрядовом фольклоре монгольских народов. *Цель* статьи — выявление символической функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов, установление положительных и отрицательных коннотаций. *Материалы и методы.* Основным методом исследования является компаративистский анализ образа змеи как семиотического знака. Междисциплинарный анализ этнографических и фольклорных материалов, также сравнение с тюркскими обрядовыми действиями расширяют границы выявления семантики образа змеи. *Результаты.* Змея в шаманской мифологии монгольских народов выступает в ипостаси потустороннего духа, тесно связанного с шаманом. Изображения змей на наскальных рисунках, петроглифах, шаманских онгонах, костюмах подчеркивают их сакральную функцию. В шаманской практике образ змеи может использоваться с защитной функцией в виде трости или кнута. Развитый символ змеи в виде жгутов является коннотацией ее магических оборотнических способностей. Эта функция медиатора между мирами дает змее возможность одновременно выполнять и функцию защитной силы. Функции змеи в обрядах взаимозаменяемы и дополняют друг друга. В шаманских текстах монгольских народов устойчиво повторяется основная функция змеи как перевозчика между мирами, также тесно связанная с ее оборотническими способностями. *Выводы.* В итоге исследования определены функции змеи в шаманских обрядовых действиях монгольских народов с положительной коннотацией как помощника, посредника, перевозчика и посланника с иного мира для связи между мирами.

Выявлены перекодировка образа змеи в разных семиотических системах, взаимосвязанность и взаимозаменяемость функций сакральной рептилии.

Ключевые слова: сакральная функция, ритуал, шаманизм, защитник, посредник, медиатор, перевозчик

Благодарность: Работа выполнена при поддержке РФФИ-МОКНМ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-512-94003 «Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Дампилова Л. С., Сундueva Е. В. Функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 1167–1176. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1167-1176

UDC 398.22:821.512.36

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1167-1176

Ceremonial Folklore of Mongolic Peoples: Functions of the Snake Revisited

Liudmila S. Dampilova¹, Ekaterina V. Sundueva²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-2299-3384. E-mail: sundueva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Dampilova L. S., Sundueva E. V., 2020

Abstract. Introduction. In mythologies of the world, the image of the snake ranks among the most studied characters and has various interpretations. In folklore of Turko-Mongols, it has also been a subject of multiple analyses. Still, the article makes a first attempt at revealing the image of the snake as a taboo sacred character in ritual folklore of the Mongolic peoples. *Goals.* The paper primarily seeks to identify functions of the snake therein, delineate the symbolic framework, reveal positive and negative connotations. *Materials and Methods.* The main research method employed is that of comparative analysis instrumental in examining the image of the snake as a semiotic sign. Interdisciplinary analysis of ethnographic and folklore materials, as well as comparisons to Turkic ritual actions, expand the boundaries of identifying the semantics of the image. *Results.* The snake in shamanic mythology of the Mongolic peoples appears in the hypostasis of the otherworldly Spirit closely associated with the shaman. Images of snakes in cave drawings, petroglyphs, shamanic *ongons* (sanctuaries), and costumes emphasize their sacred function. In shamanic practice, a snake image can be used as a protective element in the form of a walking-stick or whip. Symbolically, a snake in the form of straps implies a connotation of the animal's magical abilities. The role of a mediator between worlds allows the snake simultaneously performing the function of a protective force. Functions of the snake in rites are interchangeable and complement each other. Shamanic texts of the Mongolic peoples consistently mention the main function of the snake is that of a carrier between worlds, which is closely related to

its transforming abilities. *Conclusions.* The study resumes the snake in shamanic ritual actions of the Mongolic peoples — with positive connotations — functions as an assistant, intermediary, carrier, and envoy from another world that provides communication between realms. It also reveals patterns of transcoding the snake image in different semiotic systems, interconnectedness and interchangeability of sacral reptile functions.

Keywords: sacral function, ritual, shamanism, defender, intermediary, mediator, carrier

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 18-512-94003 'Buryats of Russia, Mongolia and China: Preservation and Transformation of Folklore and Ethnocultural Traditions'. The article was presented at the International scientific online conference 'Mongolian Studies at the Beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II' funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of the Russian Federation (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Dampilova L. S., Sundueva E. V. Ceremonial Folklore of Mongolic Peoples: Functions of the Snake Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1167–1176. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1167-1176

Введение

Образ змеи, имеющий многочисленные интерпретации в мифологии разных народов с древних времен, достаточно распространен в традиции тюрко-монгольских народов. В обрядовом фольклоре особое внимание уделяется образу змеи как табуированному сакральному персонажу. Актуальным представляется проследить функции змеи в ритуально-обрядовой практике монгольских народов, исходя из утверждения, что «змеи — основообразующий персонаж в модели мира» [Цивьян 1984: 85]. В связи с тем, что нами были исследованы взаимосвязь мифологических персонажей змей, лусудов (духи воды) и лусов (небесных драконов) в монгольской мифологии, в данной статье назрела необходимость отдельно изучить функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов. Целью статьи является выявление символических функций змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов, схожие и специфические функции в разных локальных традициях.

Материалы и методы

Материалами исследования являются современные полевые записи авторов в сравнении с более ранними источниками по данной теме. Для выявления устойчивости мифологических функций образа змеи как семиотического знака основным является метод компаративистского анализа бурятских, дархатских, ойратских, урянхайских шаманских традиций. Не менее важным в исследовании представляется междисци-

плинарный анализ этнографических и фольклорных материалов, расширяющий границы исследовательского поля.

Сакральная функция змеи

В традиции монгольских народов существовал запрет на произношение имен священных животных как тотемов, к ним относили и змей со множеством табуированных имен. Змея могла быть завуалирована как вид обычного насекомого — червя (*хорхой*), но особо примечательно, что во всей монгольской традиции обращались к змеям как к самым уважаемым божествам с помощью слова *хайрхан*. Свои определенные тотемные первопредки-животные были у разных племен и родов, и ареал их распространения — локальный. Хотя и змеи были тотемами определенных родов (например, бурятский хурдутский род змею считает своим первопредком), обращение *хайрхан* подчеркивает, что змеи относились к общим божествам, которых чтили все монгольские племена.

Изображения змей на петроглифах Центральной Азии и Южной Сибири, датируемых эпохой неолита и бронзы, доказывают древние корни культа змей. А. П. Окладников, анализируя петроглифы Западной Монголии, отмечает, что «змея у древних обитателей Гоби вызывала не только страх, но и чувство преклонения» [Окладников 1980: 5].

В бурятских мифах устойчиво упоминаются змеи как хозяева местности, царь подземных золотых богатств, и им посвя-

щались специальные тайлганы. По полевым исследованиям Б. З. Нанзатова и М. М. Содномпиловой, в Иркутской области есть «гора Тураг, где, по представлениям бурят, обитает владыка змей — Могой-хан. Гора знаменита тем, что в ее пределах собираются на зимовку в Покров день (14–15 октября) огромное количество ядовитых змей — гадюк. Культ змей, развитый у местных бурят буровского рода, в прошлом, вероятно, представлял собой компонент общего для бурят культа змей... Интересно, что до сих пор в Байтоге Иркутской области проживает единственный на всю округу шаман, потомственный отправитель культа змей» [Нанзатов, Содномпилова 2005: 55].

В следующем описании обряда жертвоприношения змеиную царю Алтан-толи и его жене Алташа-хатун семиотически выделены змеиные черты, для жертвы выбирается только пестрая овца, и в этом выборе подчеркивается пестрота змей. Так же значимо, что «при этом обряде вместе с костями сжигают на жертвеннике и часть мяса, свернутого и перевязанного в нескольких местах четырехцветными шелковинами в виде змей» [Хангалов 2004: 269]. Итак, в бурятском обрядовом фольклоре сохранился мифологический образ не змей, а змея в мужском роде, являющегося в данном случае владыкой змей. В мифологии монгольских народов наиболее обозначен змей в паре со своей хозяйкой именно как царь подземных сокровищ, золота. Упоминание змей в паре, как принято в пантеоне божеств, еще раз подчеркивает их божественную сакральную функцию.

Многочисленные очертания змей на шаманских онгонах и костюмах также подчеркивают их сакральную функцию. Змей были изображены на онгонах с разными функциями. У бурят существовали многочисленные онгоны в виде самодельных вещей или рисунков как духи-обереги. На картине «Онгон Усан хад» («Онгоны водной стихии») изображены озеро с рыбами и байкальской нерпой, еще одно озеро с лягушками, змеями и ящерицами [Балдаев. ЦВРК ИМБТ СО РАН].

В шаманской картине мира обязательным атрибутом водного мира являются отдельно прорисованные и всегда упоминаемые в призываниях сакральные рептилии — лягушки и змеи: *Нарин могой ильбимнай*

/ *Намтар баха унаамнай* «Тонкая змея — волшебство наше, / Приземистая лягушка — конь мой»¹ [Ксенофонов. Якутский филиал СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 52а. Л. 160]. Стоит отметить, что образ лягушки в мифологии монгольских народов почти не проявлен, она упоминается только в паре со змеями. В этом примере примечательно, что функцией змей отмечается именно ее волшебная оборотническая способность, что связывает ее с шаманской способностью перевоплощения.

Как у бурятских, так и других монгольских шаманов одним из духов, в кого они могли перевоплощаться, были змеи. Онгон «Зуруктун» («Нарисованный») представлял собой картину на лоскуте ткани: «Двадцать семь персон рогатых (все потомки девяти шаманов): девять из них слепы, девять хромы и девять пахоруки. Тут же изображаются змеи, верблюды, стрекозы, словом, изображаются разные животные как хубилганы этих шаманов» [Затопляев 1890: 9]. Хубилганом называют перерожденца шамана, но здесь, скорее всего, имеется в виду его перевоплощение. По шаманской мифологии, хромыми и слепыми изображались духи восточного темного цикла, их магические способности были намного выше других, и они могли перевоплотиться в разных зверей, в основном в тотемных предков. Итак, змеи как сакральные существа в шаманской мифологии выступают в роли хозяев местности, тотемных предков, особенно обозначены как духи для перевоплощений шамана. Их гендерное отношение четко не обозначено, скорее, они выступают в мужской ипостаси.

Функция защитной силы

Змея в шаманской мифологии монгольских народов имеет разные взаимодополняющие функции. В вербальных материалах наиболее часто змея, не являясь самостоятельным персонажем, считается атрибутом шамана в виде неживых вещественных предметов — символических кнутов, поводьев. Семиотический статус змеи таков, что может подразумеваться под предметом и сам персонаж как действующий герой. В монгольских и бурятских песнопениях наиболее часто используется формула: *На-*

¹ Подстрочные переводы здесь и далее Е. В. Сундуевой.

рин могой минаамни, бүүдүүн могой унаамни 'Тонкая змея — плоть моя, толстая змея — конь мой' [Манжигеев 1978: 60]. Трафаретная формула в первую очередь подчеркивает, что в обрядовом действе шаман в измененном состоянии сознания совершает переход между мирами, используя змею и как коня, и как кнут. По контексту можно определить, что под змеиным кнутом может иногда подразумеваться и перевозчик между мирами.

Кнут в обрядовом событии имеет свое символическое значение. Кнуты и бичи как обрядовые священные инструменты изготавливались из определенных предметов, имеющих защитные силы. Так, например, по сведениям Ц. Жамцарано, шаманы делали бич из тамариска (бур. *сухай*), который считается священным деревом (*онгон модон*) и охраняет от удара молнии [Жамцарано. АВ ИВР РАН. Ф. 62. Оп. 1. Л. 19].

Для усиления сакральной силы предмета к тамарисковым, сандаловым кнутам прибавляются еще и мифологические составляющие в виде змеиных головок. Тогда к защитной функции дополнительно прибавляется мистическая магическая сила трости шамана. Помимо характерных для бурятского шаманизма символических вербальных упоминаний, можно отметить сохранившиеся в архивных записях сведения, что змеиная трость (бур. *могой хорьбо*) использовалась во время обряда как практическая защита и символ магической силы [Балдаев 1942].

Трость в мировой мифологии с древнейших времен считается сакральным предметом, а тут трость со змеиной головкой играет роль универсального посредника между мирами, и посох воспринимается как «живой» мифологический персонаж. Итак, в шаманской практике трости и кнуты в виде змей могут использоваться с функцией защиты и магической силы. Хотя в статье обозначены раздельно основные функции змей, все функции змей между собой взаимосвязаны.

Функция медиатора между мирами

Как по современным полевым исследованиям, так и архивным записям выявляется, что у монгольских шаманов змея — обязательный атрибут обрядовых действий. Шаман может иметь змею в качестве своего постоянного связного между мирами.

В современных полевых исследованиях по Монголии, где особо распространены бурятские шаманские практики, нас привлекли новшества: помимо традиционных змееподобных ленточек по спине шаманского костюма, к рукавам костюма пришиты тринадцать сплетенных веревочек в виде одной большой и двенадцати маленьких змей. По сведениям информанта, змеи служат шаману для получения информации с иного мира [Цырма 2012]. Таким образом, змеи являются связующим звеном с духами, и здесь особое значение имеет глаз змеи, следящий за всеми, наблюдающий как всевидящее око, проникающий в прошлое и будущее. Защитные, оберегающие и оборотнические функции змеи тесно связаны с религиозными представлениями тюрко-монгольских народов о всевидящем и всезнающем змее.

Многочисленные атрибуты для исполнения обрядов имеют символическое значение. У каждого бурятского шамана разнообразный набор предметов: шкурки ежа, змеи, когти, клыки разных животных. По рассказу информанта, «к поясу шаманы подвешивали клыки кабана, соболя, колонка, куницы и когти орла. В обряде лечения используются как лекарственные средства шкурки змей» [Цыренов 2012]. Набор предметов, как правило, зависел и от тотемного предка, исполняющего обряд шамана.

В полевых исследованиях по Монголии наше внимание привлекло у дархатских шаманов использование во время обряда жгутов, похожих на змей. К обязательному для всех шаманов символическому атрибуту — зеркалу (монг. *толи*) у дархатской шаманки подвешены разноцветные ленточки (монг. *манжи*), которые помогают шаману увидеть будущее или выяснить причину болезни. По полевым записям Г. Д. Санжеева, сделанным в 1930-х гг. у дархатских шаманов, «эти жгуты служат для исполнения обряда *зальбарха* (просить духов о ниспослании счастливой жизни)» [Санжеев 1931: 60].

Обращаясь к разным символическим функциям жгутов *манжи* как змей, отметим, что особый интерес представляют сведения информанта Б. Доржготова, записавшего у современного дархатского шамана ('*заарин бөө*') Б. Амгаланова отрывок из призывания:

Наян найман манжиганда нь
 Намтар түүхэнь өвлөөтэй,
 Найман хар могойндонь
 Хараал жагтань өвлөөтэй.

В восьмидесяти восьми его жгутах
 Хранится его история,
 В восьми его черных змеях
 Хранятся его заклинания.

[Доржготов 2012].

Примечательно, что в данном тексте в параллельных стихотворных конструкциях упоминаются *манжи* и змеи с одинаковыми функциями. Восемьдесят восемь змей шамана, знающие его родословную и помогающие ему, являются его магической связью с предками и силой. По бинарной системе противопоставляются им восемь черных змей, и они нагружены по цветовому коду отрицательной функцией, показывая темные силы шамана. Следует подчеркнуть, что в обрядовом фольклоре змеи в основном обладают положительной коннотацией, их отрицательная роль почти не проявлена. В фольклорных же текстах одним из самых распространенных мотивов является мотив борьбы белой и черной змей. Например, демон Дырь видит во сне выходящими из своих ушей змей, причем белая змея — это душа Гесера, а черная — душа самого демона [Потанин 1883: 26].

Наконец, как свидетельство важной содержательной особенности распространения символики змей в виде *манжи* у тюрко-монгольских народов для нашего исследования значимы записи Г. Н. Потанина. В них упоминаются следующие факты: жгуты-змеи пришиты к онгонам-куклам, хозяин юрты называет их *маньяк*; у каждого народа свое определенное число защищающих змей; у теленгутов шесть змей на онгонах: «верхние концы жгутиков тупо заостренные, слегка напоминающие головки змеи; нижние концы имеют вид кисточек, сделанных из цветных ленточек»; у урянхайцев девять жгутиков толщиной в гусиное перо, они их называют *манджак-сабынь* [Потанин 1883: 95, 97, 100, 102, 103].

Г. Н. Потанин отмечает одинаковые шаманские традиции урянхайцев и дархатов Косоголья. Возможно, здесь один ареал распространения символики змей в виде *манжи*. Таким образом, в тюрко-монгольском шаманизме образ змеи в виде жгутов является коннотацией магических оборотнических способностей. И эта функция медиатора между мирами дает змее возмож-

ность одновременно выполнять и функцию защитной силы.

Семиотический статус змеи меняется в зависимости от локальных традиций и каждой отдельной шаманской истории. Так, змея может связывать шамана с магическими существами. По рассказам дархатской шаманки, «вчера приползла змея, серо-пестрая (*бор эрезн*), вон в том углу лежала. Она осуществляет связь с лусудами» [Насанцэцэг 2011]. В монгольской шаманской мифологии лусы — хозяева подводного пространства, «змеи, лусы и луу имеют общие змееподобные визуальные черты, тесно связаны между собой и с водной стихией» [Дампилова 2017: 187].

Констатируем, что образ змеи в виде *манжи* распространен в дархатском шаманизме и у ближайших тюркских народов. *Манжи* у дархатов в Монголии продолжают и сегодня использоваться с функцией защиты, дарителя благополучия, медиатора между мирами, некоторая трансформация функций зависит от вида обряда. Примечательно, что в бурятской традиции образ змеи в виде *манжи* ни в полевых исследованиях, ни архивных источниках не встречается. Итак, основной сакральной функцией змеи как магического существа с оборотническими способностями является функция связующего звена как с духами потустороннего мира, так и божеествами разного ранга.

Функция перевозчика между мирами

Функции змеи в обрядах взаимозаменяемы и взаимно дополняют друг друга. В шаманских текстах монгольских народов устойчиво повторяется функция змеи как перевозчика между мирами, хотя перевозчиками могут быть и разные животные. В призывании дархатской (шарнут) шаманки Буд (*‘Буд удаганы тамлага’*) могучая змея выполняет указанную функцию: ‘С устрашающе красивыми телами / С огромными змеями-перевозчиками’ *Аюулт сайхан бэетэнгүүд / Аварга могой унаатангууд* [Ринчен 2013: 151].

Особенно часто встречается огненный, красный цвет змеи, подчеркивающий магическую силу существа иного мира. В шаманской мифологии символическое значение имеют размеры, числовая и цветовая символика змеи.

В призывании урянхайского шамана атрибутами Черного Буман тэнгри (*Хар Бууман тэнгэр минь*) упоминаются бешеный волк как перевозчик и огненно-желто-пестрая змея как кнут: *Галзуу чонон хүлэгт / Гал могой ташуурт* 'Бешеный волк — перевозчик, / Огненная змея — кнут' [Ринчен 2013: 162]. Огненно-пестрый цвет змеи является кодировкой как ее волшебных способностей, так и мощной темной защитной силы, ибо змеи такого цвета служат богествам черного восточного цикла. В призываниях зачастую змея может выступать и как кнут, и как перевозчик между мирами, что еще раз подчеркивает многофункциональность змеи.

Функция змеи может меняться и определяться контекстом обрядового события, и немалую роль здесь играют пространственные и временные коды. Возможно, мотив защиты и перевоплощения взаимосвязаны и восходят к более архаической мифологической семантике. В обрядовом фольклоре монгольских народов особое значение имеет выявленное В. Я. Проппом заключение, что змеи своими историческими корнями восходят к представлению о ней как о священном животном — тотеме [Пропп 2009: 191–193].

Функции чудодейственной силы, всезнания, мстящей души

Как известно, современные исследователи «в мифах и сказках пытаются идентифицировать остаточные следы ритуалов» [Вульф 2008: 167]. С этой точки зрения мифологическая функция змеи, выявленная в обрядовой практике, имеет разные коннотации в фольклорных жанрах. В устных рассказах бурят, калмыков и монголов сохранились многочисленные поверья, приметы, в которых выявляются функции чудодейственной силы змеи в лечебной практике. Лечебное свойство имеют кожа, мясо змеи, более ранний мифологический мотив — лечебные свойства рожек змеи. «Змеи линяют; сброшенную кожу (*зулмадхан*) буряты берут, потому что приписывают ей лекар-

ственную силу... Мясо белой змеи также советуют высушить и хранить, потому что оно считается целебным от разных болезней» [Хангалов 2004: 55].

В калмыцкой традиции выделяются белые рогатые змеи, как бы посланные в дар предками: «С помощью змеиных рогов хорошо излечиваются разные опухоли женской груди, а также опухоль коровьего вымени, потертости от седла на теле коня» [Басангова 2019: 136].

Примечательно, что мотив чудодейственной силы змеи, ее кожи, мяса или рогов, мотив получения дара костоправа от змеи в монгольском фольклоре обнаруживают точные совпадения с фольклором тюркских народов [Бурнаков 2020].

Функция чудодейственных свойств змеиных рожек имеет, таким образом, междunarодный характер. То же можно сказать о функции всезнания змеи. Человек получает волшебный дар знания от змеи, и одновременно ему достается дар предвидения. В фольклоре монгольских народов развит мотив как съедания мяса змеи, облизывания ее языка и получения дара знания языка змеи, так и получения подарка от змеи в виде знания семидесяти семи языков животных. Отголоском мифологических рассказов о змеином языке у бурят осталась примета, что при тяжёлых делах нужно иметь при себе змеиный язык, тогда точно выиграешь тяжбу [Хангалов 2004: 55].

В фольклоре монгольских народов распространена функция змеи как мстящей души. Общеизвестный мотив «проклятой змеиной крови», контаминируясь с образом огненного крылатого змея, предвещавшего беду, в фольклоре монгольских народов создает зловещий образ змеи как реальной, так и мифологической.

Образ огненного змея близок образам эпических гигантских змей с отрицательной коннотацией. Если в обрядовом фольклоре змеи — чаще мифологические существа, то в устных рассказах они чаще обозначены как змеи реального мира. Исследуя образ змеи в традиционной культуре бурят, А. А. Бадмаев приходит к выводу о достаточно сложном и амбивалентном характере змеи [Бадмаев 2019: 124]. Итак, чтобы дополнить сведения о функциях змеи в обрядовом фольклоре, нами кратко охарактеризованы выявленные, приписываемые рептилии, функции

чудодейственной лечащей силы, знания языков животных, дара предвидения, мстящей души, отмечен противоречивый характер змеи в устных рассказах. Образ змеи в эпических и сказочных текстах достаточно изучен в монголоведении.

Заключение

В гендерном отношении в обрядовом фольклоре змея наиболее четко проявлена в мужской ипостаси как потусторонний дух и связующее звено между мирами. И в этом случае в пространственных кодах шаманских ритуалов змея чаще локализуется на небесах. Змея как хозяин местности может быть тоже с небесной локацией, как и принято в шаманской мифологии. Змея как хтоническое существо в редких обрядовых событиях появляется вместе хозяином подводного царства и локализуется в подземном пространстве. Помимо пространственной, гендерной позиции, как выявлено в ходе

анализа текстов, символическое значение имеют цветовые и числовые коды.

Образ змеи-покровителя в мифологических воззрениях имеет разные коннотации. В ходе анализа текстов выявлено, что змея как символ волшебной, магической силы сопровождает шамана, дает дар провидения. Определены функции змеи в шаманских обрядах как помощника, посредника, перевозчика и посланника из иного мира для связи с реальным миром. Особо отмечены защищающие, оберегающие функции змеи. Также приходим к выводу, что функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов тесно взаимосвязаны. Выявлена перекодировка образа змеи в разных семиотических системах, хотя зачастую змея выполняет одновременно несколько функций в одном и том же обряде. Установлены отрицательные и положительные функции змеи в устных рассказах.

Полевые материалы авторов

- Доржготов 2012 — Б. Доржготов, 1961 г. рожд., дархат. Запись Л. С. Дампиловой, 2012 г., с. Ханх, Хубсугульский аймак, Монголия.
 Насанцэцэг 2011 — Насанцэцэг, 1978 г. рожд., дархатка, шаманка. Запись Л. С. Дампиловой, 2011 г., с. Цаган-Ур, Хубсугульский аймак, Монголия.
 Цыренов 2012 — Цыренов С. Д., 1938 г. рожд., шошолок, пастух. Запись Л. С. Дампиловой, 2012 г., с. Санага, Закаменский район, Республика Бурятия.
 Цырма 2012 — Цырма, 50 лет, хори-бурятка, хуасай, шаманка. Запись Л. С. Дампиловой, 2012 г., с. Ханх, Хубсугульский аймак, Монголия.

Источники

- Балдаев. ЦВРК ИМБТ СО РАН — *Балдаев С. П.* Онгоны бурят // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 1187.
 Балдаев 1942 — *Балдаев С. П.* Зураг Боро Шарга. Трости шаманов. 1942 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1046.

Sources

- Baldaev S. P. Ongons of the Buryats. At: Center for Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute

Authors' Field Data

- Informant: B. Dorzhgotov, b. 1961, ethnic Darkhad (male). Rec. by L. Dampilova in 2012 (Khankh, Khövsgöl Province, Mongolia). (In Mong.)
 Informant: Nasantsetseg, b. 1978, ethnic Darkhad (female), shaman. Rec. by L. Dampilova in 2011. (Tsagaan-Üür, Khövsgöl Province, Mongolia). (In Mong.)
 Informant: Tsyrenov S. D., b. 1938, ethnic Buryat (male), Shosholog clan, shepherd. Rec. by L. Dampilova in 2012. (Sanaga, Zakamensky District, Republic of Buryatia, Russia). (In Bur.)
 Informant: Tsyрма, 50 y.o., ethnic Khorі Buryat (female), Khuasay clan, shaman. Rec. by L. Dampilova in 2012. (Khankh, Khövsgöl Province, Mongolia). (In Bur.)

- Жамцарано. АВ ИВР РАН — *Жамцарано Ц. Ж.* Материалы по шаманству // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 19.
 Ксенофонтов. Якутский филиал СО РАН — *Ксенофонтов Г. В.* О бурятах. Хориин хоёр заян // Якутский филиал СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 52а. Л. 160.

for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Coll. 36. Cat. 1. File 1187. (In Russ.)

Baldaev S. P. Zurag Boro Sharga. Walking-Sticks of Shamans. 1942. At: Center for Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Coll. 36. Cat. 1. File 1046. (In Bur. and Russ.)

Jamtsarano Ts. J. Materials on Shamanism. At: Ar-

chive of Orientalists, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. Coll. 62. Cat. 1. Item 15. P. 19. (In Russ.)

Ksenofontov G. V. About Buryats: Khoriiin Khoer Zayan. At: Yakutsk Scientific Center, Siberian Branch of the RAS. Coll. 4. Cat. 1. Item 52a. P. 160. (In Russ.)

Литература

Бадмаев 2019 — *Бадмаев А. А.* Образ змеи в традиционной культуре бурят // *Зеркало культур: памяти А. М. Сагалаева* / сост., предисл. К. А. Сагалаев; отв. ред.: А. П. Деревянко, А. Х. Элерт. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 118–126.

Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2019. 192 с.

Бурнаков 2020 — *Бурнаков В. А.* Змеиные сюжеты в хакасском фольклоре // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2020. № 1(27). С. 90–100. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-1-90-100

Вульф 2008 — *Вульф К.* Антропология: История, культура, философия / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 280 с.

Дампилова 2017 — *Дампилова Л. С.* Мифологическая семантика змей (*могой*), хозяев вод (*лус*) и дракона (*луу*) в фольклоре монгольских народов // *Традиционная культура*. 2017. № 4. С. 182–189.

Затопляев 1890 — *Затопляев Н. И.* Зуруктун-онгон // *Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири*. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. С. 1–10.

Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 125 с.

References

Badmaev A. A. The image of the snake in Buryat traditional culture. In: Sagalaev K. A. (comp.), Derevyanko A. P., Elert A. Kh. (eds.) *The Mirror of Cultures. Commemorating Prof. A. Sagalaev*. K. Sagalaev (foreword). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of RAS), 2019. Pp. 118–126. (In Russ.)

Basangova T. G. Animals in Kalmyk Folklore. Elista: Kalmyk State University, 2019. 192 p. (In Russ.)

Burnakov V. A. 'Snake motives' in Khakas folklore. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*.

Нанзатов, Содномпилова 2005 — *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Байтог: «Баруун буурагууд». Исследование локальной группы бурят // *Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития*. Вып. 4. Иркутск: МИОН, 2005. С. 47–54.

Окладников 1980 — *Окладников А. П.* Петроглифы Центральной Азии. Л.: Наука, ЛО, 1980. 272 с.

Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. Киришбаума, 1883. 1026 с.

Пропп 2009 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009. 332 с.

Санжеев 1931 — *Санжеев Г. Д.* Дархатский говор и фольклор. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 12 с.

Цивьян 1984 — *Цивьян Т. В.* Змея = птица: к истолкованию тождества // *Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов*. Л.: Наука, 1984. С. 47–57.

Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собр. соч.: в 3 т. Т. III. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 312 с.

Ринчен 2013 — *Ринчен Б.* Монгол бөөгийн дуудалга (= Призывания монгольских шаманов). Улаанбаатар: Удам соёл ХХК, 2013. 300 с.

2020. No. 1(27). Pp. 90–100. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2020-1-90-100

Dampilova L. S. Mythological semantics of snakes (*mogoy*), water spirits (*luz*) and dragon (*luu*) in the folklore of the Mongolian peoples. *Traditional Culture*. 2017. No. 4. Pp. 182–189. (In Russ.)

Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. III. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2004. 312 p. (In Russ.)

Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)

- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Baitog: 'Baruun buurahuud'. Investigation of local group of Buryats. In: Turov M. G., Kononova T. N. (eds.) Peoples and Cultures of Siberia. Interaction as a Formation and Development Factor. Irkutsk: Irkutsk Interregional Institute of Social Sciences, 2005. Vol. 4. Pp. 47–54. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Petroglyphs of Central Asia. Leningrad: Nauka, 1980. 272 p. (In Russ.)
- Potанин G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. IV: Ethnographic Materials. St. Petersburg: Kirschbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Historical Roots of the Wonder Tale. Moscow: Labirint, 2009. 332 p. (In Russ.)
- Rinchen B. Mongolian Shamans: Invocation Texts. Ulaanbaatar: Udam Soel, 2013. 300 p. (In Mong.)
- Sanzheev G. D. The Darkhad: Language and Folklore. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1931. 12 p. (In Russ.)
- Tsivyan T. V. Snake = bird: the equivalence interpreted. In: Putilov B. N. (ed.) Folklore and Ethnography. At the Ethnographic Origins of Folklore Plots and Images. Leningrad: Nauka, 1984. Pp. 47–57. (In Russ.)
- Wulf Ch. Anthropology. Philosophy, History, Culture. G. Khaydarova (transl.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2008. 280 p. (In Russ.)
- Zatoplyayev N. I. Zuruktun-ongon. In: Non-Russian Populations of Eastern Siberia and Their Shamanic Beliefs. Collected Papers. Irkutsk: K. Vitkovskaya, 1890. Pp. 1–10. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2020. № 4

Главный редактор: В. В. Куканова

Дата выхода: 25.12.2020.
Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 41,26.
Свободная цена. Подписной индекс 10236.
Тираж 100 экз. Заказ 12-20.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)